

серия

Н.Н. Платошкин

Весна и осень Чехословацкого Социализма

Чехословакия в 1938–1968 гг.

Часть 2

Университет Дмитрия Пожарского

Annotation

В книге рассматривается история чешского и словацкого социализма в период с 1938 по 1968 год. В первой части особое внимание уделяется приходу компартии к власти в Праге в феврале 1948 года. Показательно, что именно эта дата считается на Западе «официальным» началом холодной войны. Но зарождение социализма в Чехословакии произошло еще в довоенное время, а авторитет коммунистической партии сильно окреп еще в годы Второй мировой войны, так как именно коммунисты составляли ядро антифашистского сопротивления. История социализма в Чехословакии имеет общие черты с развитием этой идеологии во всей Европе, так что изучение «весны чешского социализма» имеет значение для понимания европейской истории XX века в целом.

Вторая часть книги посвящена освещению предыстории «пражской весны» 1968 года, которую правильнее было бы назвать «пражской осенью», так как она являлась скорее началом заката старой эпохи, чем зарождением чего-то нового. Оставив в стороне достижения и проблемы социализма, мы можем сказать, что данная книга – это история о том, как маленькая страна занимается государственным строительством, будучи втянутой в противостояние между двумя могучими сверхдержавами.

Если капитализм страдает от кризисов перепроизводства товаров, то чехословацкий социализм «произвел» слишком много образованных и свободных людей. Именно они составили идейное ядро тех, кто раздувал ветер «пражской весны», в то время как «партийные аппаратчики» пытались проводить экономические и социальные реформы.

К сожалению, практически все ошибки чехословацких реформаторов шестидесятых годов были повторены в перестроечном СССР. Возможно, история ничему не учит, но она дает возможность не потерять прошлое.

Книга предназначена для историков, дипломатов, всех интересующихся историей холодной войны, международными отношениями и изучением социальной динамики в переходные исторические периоды.

-
- [Николай Платошкин](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-](#)

1953 годах

- Глава 2. Межсезонье: Чехословакия в 1953-1963 годах
- Глава 3. «Милостивое лето»: Чехословакия в 1963-1967 годах
- Глава 4. «Пражская осень»: Чехословакия в январе – августе 1968 года
- Список источников и использованной литературы

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)

- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)

- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)

- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)

- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)

- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)

- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)

- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)

- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)

- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)

- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)

- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)

- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)

- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)

- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)

- [813](#)
 - [814](#)
 - [815](#)
 - [816](#)
 - [817](#)
 - [818](#)
 - [819](#)
 - [820](#)
 - [821](#)
 - [822](#)
 - [823](#)
 - [824](#)
 - [825](#)
 - [826](#)
 - [827](#)
 - [828](#)
 - [829](#)
 - [830](#)
 - [831](#)
 - [832](#)
 - [833](#)
 - [834](#)
 - [835](#)
 - [836](#)
 - [837](#)
 - [838](#)
 - [839](#)
 - [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
 - [844](#)
 - [845](#)
 - [846](#)
 - [847](#)
 - [848](#)
 - [849](#)
-

Николай Платошкин

Весна и осень чехословацкого социализма.

Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 2.

**Осень чехословацкого социализма. 1948–
1968 гг.**

Предисловие

События 1968 года вокруг Чехословакии до сих пор рассматриваются как незаживающая рана в отношениях русских, чехов и словаков. В умах многих они затмили собой и чувство «славянского братства», и благодарность Красной армии за освобождение Праги от фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны.

Что же происходило в том памятном 1968-м? В Париже строились баррикады (протесты молодежи против «общества потребления»), американцы бомбили Вьетнам – и на этом фоне 20 августа в Чехословакию вошли сотни тысяч солдат и офицеров армий стран Варшавского договора. Почему это случилось?

Самая популярная на сегодня точка зрения состоит в том, что Москве не понравились реформы в Чехословакии – «Пражская весна», проходившая под лозунгом «социализма с человеческим лицом». Но стоит отметить, что реформы в Чехословакии начались еще в 1963 году и не против воли СССР, а при его действенной поддержке. Экономическая реформа проводилась в Чехословакии в полном объеме с 1 января 1967 года, а за образец во многом была взята «косыгинская реформа», которую в СССР осуществляли начиная с 1965-го. В Чехословакии шла реабилитация жертв политических репрессий, но и она проходила с некоторым запозданием по сравнению с хрущевской оттепелью.

Блестящий чехословацкий кинематограф первой половины 60-х годов («новая волна») по своему лирическому и гражданскому звучанию очень похож на советское кино эпохи «шестидесятников».

Приход к власти Александра Дубчека в Чехословакии в январе 1968 года осуществился с молчаливого одобрения Москвы. Во всяком случае, Брежнев отказался поддержать прежнего руководителя страны Антонина Новотного. В январе 1968-го Дубчека, или «Сашу», как его величал Леонид Брежнев, сердечно встречали в советской столице.

Почему же в августе того же 1968 года Брежнев уже не видел иного пути для спасения социализма в Чехословакии, чем ввод войск союзных армий стран Варшавского договора? Что же случилось в эти семь месяцев?

В истории Чехословакии – первой развитой страны в мире, начавшей строить социализм, – были и взлеты и падения, а также вмешательство внешних сил не только с Востока, но и с Запада. Какую роль сыграли США и СССР в инициации массовых политических репрессий, которые

случились в Чехословакии в 50-х годах? В чем, собственно, заключались чехословацкие реформы 1968 года, и был ли у них шанс на успех?

На все эти вопросы и пытается дать ответ настоящая книга.

Если русские, чехи и словаки смогут разобраться в событиях тех дней, то для них появится возможность возрождения былых братских чувств, и между двумя (а на сегодня – тремя) бывшими странами социалистического содружества смогут снова возникнуть конструктивные политические и экономические союзы.

Глава 1. «Весна пражского социализма»: Чехословакия в 1948-1953 годах

После победы коммунистов в спровоцированном их противниками внутривластном кризисе февраля 1948-го «комитеты действия» партий и общественных организаций Национального фронта провели масштабную чистку своих рядов и госаппарата от открытых антикоммунистов и противников народно-демократического строя.

По состоянию на май 1948 года из 685 членов областных и 3971 члена районных комитетов действия в чешских землях коммунистов было почти 70 %, социал-демократов – 17 %, членов Чешской народной партии (ЧНП) – 4 %, национальных социалистов – 4 %, беспартийных – 5 %.

14 марта 1948 года комитет действия Национального фронта разработал инструкции по проведению чистки. Из общественной и политической жизни следовало исключить лиц, осужденных или преследуемых на основании закона о защите республики, всех, кто распространял подрывную литературу или использовал служебное положение для личного обогащения^[1].

Уже к лету 1948 года были уволены с работы более 9500 человек, в том числе 5800 – с государственных и национализированных предприятий и 2500 – с государственной службы. На другую работу перешли 1432 человека^[2]. К 11 сентября 1948 года из государственных органов уволили 5539 человек.

Из университетов было «вычищено» 7000 студентов и 500 преподавателей. Учащиеся вузов в 1948 году в основном были детьми богатых и зажиточных семей, что объясняет сильные антикоммунистические настроения, царившие в студенческой среде.

Из местных органов самоуправления – национальных комитетов – комитеты действия вычеркнули более 40 тысяч человек.

Наиболее активные противники режима были арестованы, хотя к этой мере в 1948-м старались прибегать лишь в исключительных случаях. Всего в 1948-1949 годах в Чехословакии было арестовано по политическим мотивам 262 500 человек. 241 до 1960 года казнили. Более двух тысяч заключенных в 1948-1968 годах умерли в тюрьмах и лагерях.

Многие противники КПЧ предпочли уехать в эмиграцию. Треть всех офицеров чехословацкой армии (примерно 5 тысяч) были вынуждены

подать в отставку. Речь шла, прежде всего, о тех, кто воевал в годы Второй мировой войны на западном фронте.

Комитеты действия были образованы во всех некоммунистических партиях Национального фронта. Эти органы взяли на себя функции руководящих структур партий и начали очищать их от противников сотрудничества с КПЧ.

27 февраля 1948 года в центральном органе главной антикоммунистической партии ЧСР – Чешской национально-социалистической партии (ЧНСП) – газете «Свободное слово» было опубликовано обращение к членам партии «комитета действия» ЧНСП. Список из 34 подписей открывали фамилии министров от ЧНСП Шлехты и Неймана и председателя Национального собрания (парламента) Давида. В документе решительно осуждалась политика прежнего руководства ЧНСП, которая и привела к правительственному кризису. Бывшие вожди национальных социалистов (Зенкл, Рипка, Странский) были исключены из партии. Новое руководство ЧНСП заявило о стремлении вернуть партию на социалистический путь. Это нашло свое отражение и в новом названии – теперь бывшая ЧНСП стала именоваться Чехословацкой социалистической партией.

Фактически новое руководство партии приступило к исполнению своих обязанностей после 15 января 1949 года, когда состоялась конференция, принявшая новую партийную программу.

Министр внешней торговли национальный социалист Рипка, которого до февраля 1948 года прочили в преемники президента Бенеша и который, собственно, и был зачинщиком правительственного кризиса, бежал в Англию и попытался возобновить там деятельность ЧНСП в эмиграции.

Во главе христианско-демократической Чешской народной партии (ЧНП) встали министры Петр и Плойгар^[3], которые попытались возродить партию как массовую организацию. Однако новой ориентации ЧНП на союз с коммунистами сначала тайно, а потом и открыто противостояла католическая церковь. Петр стал новым председателем ЧНП, а Плойгар – его заместителем.

11 марта 1948 года председателем Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП) вновь стал бывший премьер-министр ЧСР в 1945-1946 годах Зденек Фирлингер, которого правые силы смогли устранить с этого поста на съезде ЧСДП в Брно в ноябре 1947-го. Фирлингер всегда ориентировался на союз с КПЧ, за что его презирал президент республики Бенеш (брат Бенеша Войта был членом ЧСДП и приложил много усилий, чтобы убрать Фирлингера с поста председателя

партии в 1947 году).

17 апреля 1948 года КПЧ и ЧСДП опубликовали совместное заявление о предстоящем объединении партий в Чехии и Моравии (в Словакии это произошло еще в сентябре 1944-го). Руководство социал-демократической партии торопилось, так как после февраля 1948 года многие ушли из ЧСДП и вступили в КПЧ. Объединение, таким образом, могло состояться де-факто.

Объединение обеих рабочих марксистских партий произошло 27 июня 1948 года на торжественном собрании делегатов КПЧ и ЧСДП в пражском зале «Люцерна». Фактически социал-демократов в индивидуальном порядке принимали в КПЧ, а в Центральный комитет (ЦК) компартии было кооптировано 14 левых социал-демократов (в том числе Фирлингер, Людмила Янковцова, Отто Йон и Эвжен Эрбан). К началу 1949 года, когда кампания по приему в КПЧ бывших социал-демократов была закончена, коммунистами стали примерно половина бывших членов ЧСДП.

Общей тенденцией послефевральского периода был массовый переход из некоммунистических партий в КПЧ. Многие просто хотели быть на стороне победителей и сохранить свои посты на государственной службе.

Изменения после февраля 1948 года коснулись и самой компартии – отныне бесспорной правящей партии Чехословацкой республики. 28 сентября 1948-го Коммунистическая партия Словакии (КПС) организационно вошла в состав КПЧ. До этого она представляла собой самостоятельную партию, хотя политически всегда руководствовалась установками ЦК КПЧ.

В феврале 1948 года компартия была самой массовой политической силой страны: в ее рядах насчитывалось 1,4 миллиона членов (в мае 1945-го коммунистов было не более 30 тысяч). За пять месяцев после февральской победы только в чешских землях в КПЧ вступили 856 657 новых членов, а в Словакии – 196 928. Летом 1948 года в рядах коммунистов насчитывалось 2,5 миллиона человек, среди которых 320 тысяч перешли из других партий. Процентный состав рабочих – главной социальной опоры КПЧ – серьезно сократился. Руководству партии пришлось объявить в июле 1948 года мораторий на прием новых членов.

Чтобы избавиться от карьеристов и приспособленцев, была проведена чистка партии, в результате которой из ее рядов исключили более 150 тысяч человек. Для желающих стать коммунистами вводился, по советскому образцу, обязательный кандидатский стаж. Многих коммунистов перевели из членов партии в кандидаты.

На январь 1949 года в КПЧ помимо рабочих состояли 202 872 крестьян

и примерно 100 тысяч ремесленников-частников^[4].

Победившие в феврале 1948 года коммунисты сохранили Национальный фронт, куда помимо КПЧ по-прежнему входили уже очищенные от противников народно-демократического строя другие партии: ЧСДП (до июня 1948-го), ЧНСП (позднее ЧСП) и ЧНП, а также общественные организации (профсоюзные, женские, молодежные и т. д.). Формально именно в рамках Национального фронта было 25 февраля 1948 года сформировано новое правительство Клемента Готвальда.

Лидер КПЧ Готвальд таким образом сохранил пост премьер-министра. Его заместителями стали коммунисты словаки Вильям Широкий и Антонин Запотоцкий (лидер единых профсоюзов страны Революционного профсоюзного движения, РПД). Еще одним вице-премьером стал лидер центристского крыла ЧСДП Богумил Лаушман (на февраль 1948 года – председатель партии).

Очень важной победой КПЧ было то, что о своей готовности войти в новое правительство Готвальда заявили очень популярные в стране беспартийные министры обороны и иностранных дел генерал Людвик Свобода и Ян Масарик (сын первого президента ЧСР).

Посты министров внутренних дел и финансов сохранили коммунисты Носек и Доланский. Портфель министра внешней торговли перешел от ЧНСП к КПЧ (новым главой ведомства вместо Рипки стал Антонин Грегор, активно участвовавший в движении Сопротивления во время нацистской оккупации). Зять Готвальда коммунист Алексей Чепичка стал министром юстиции, Фирлингер (ЧСДП) – министром промышленности. Другой социал-демократ, Эрбан был назначен министром социального обеспечения. Социал-демократы (Людмила Янковцова) сохранили за собой и крайне важное министерство снабжения. В то время в ЧСР была карточная система, и это министерство отвечало фактически за снабжение всего населения продовольствием по утвержденным нормам.

Новый руководитель ЧПН Плойгар возглавил министерство здравоохранения. Шлехта – новый вождь бывшей ЧНСП – занял пост министра техники.

Самая крупная буржуазная партия Словакии – Демократическая, набравшая на выборах в 1946 году 62 % голосов, – самораспустилась, и вместо нее 8 марта 1948 года была учреждена Партия словацкого возрождения, которая, в отличие от своей предшественницы, тесно сотрудничала с коммунистами в рамках Национального фронта.

В другой небольшой словацкой партии Национального фронта – Партии свободы – новое, дружественно настроенное по отношению к

коммунистам руководство пришло к власти в конце 1948 года.

Следует отметить, что численный состав всех некоммунистических партий Национального фронта после февраля 1948 года сильно сократился, например, в ЧНСП с 600 тысяч до 15 тысяч человек^[5].

Новое правительство Готвальда утвердил президент страны Эдвард Бенеш, который фактически тайно подталкивал руководство ЧНСП к правительственному кризису в феврале 1948 года, а потом предал поверивших ему национальных социалистов. До избрания на пост президента ЧСР в 1935 году сам Бенеш был активным членом национально-социалистической партии.

Однако получение новым правительством Готвальда вотума доверия в Национальном собрании (парламенте) едва не было сорвано трагическим событием, споры вокруг которого не утихают и поныне.

10 марта 1948 года министр иностранных дел Ян Масарик (родился в 1886-м) был найден мертвым под окнами своей ванной на мостовой перед Чернинским дворцом (здание МИД, в котором он и жил в отдельной квартире).

Масарика любили в стране не только потому, что он был сыном «отца-основателя» Чехословакии Томаша Гаррига Масарика. Ян Масарик, казалось, воплощал в себе хрестоматийные черты чешского характера – он любил пошутить, вкусно поесть и пил только качественные спиртные напитки (предпочитал виски). Во время нацистской оккупации Масарик каждый день обращался по радио из Лондона к своим соотечественникам: «Милые мои!». Его голос знали в каждой чешской семье.

Пост министра иностранных дел любителю комфортной жизни Масарику нравился – он чаще бывал за границей, чем дома (это с сарказмом отмечал в своих депешах в Вашингтон посол США в Праге Стейнхардт). Однако популярность Масарика была так велика, что никто в Чехословакии не смел критиковать его за это.

Многие следы указывали на самоубийство: открытое окно ванной, следы на подоконнике, наконец, даже то, что пижамные брюки министра были испачканы его экскрементами – он, жизнелюб, явно боялся сделать свой последний шаг в небытие. Сразу же после гибели Масарика противники коммунистов запустили версию о том, что он не хотел входить в «коммунистическое» правительство и поэтому ушел из жизни. Однако у министра были прекрасные отношения с Готвальдом. Если бы Масарик отказался от поста и захотел уехать из страны, Готвальд, хоть и скрепя сердце, не смог бы этому противиться. Однако Ян Масарик не только согласился остаться в кабинете, но и возглавил в своем министерстве

объявленную коммунистами 24 февраля 1948 года по всей стране одночасовую забастовку. Под контролем Масарика действовал и «комитет действия» министерства, проводивший в МИДе кадровую чистку. Причем именно Масарик решал, кого оставить, а кого уволить, и коммунисты ему не перечили.

Позднее из ФРГ в оборот была запущена новая версия: Масарика вытолкнули из окна либо агенты госбезопасности, либо советские офицеры МГБ, тайно прибывшие в Прагу. Но никакими фактами эта версия не подкреплялась. К тому же коммунистам незачем было убивать популярного в народе министра, публично вставшего на их сторону в критические дни февраля 1948 года.

В 1968 году, во время «пражской весны», генеральная прокуратура ЧССР провела фундаментальное и всеобъемлющее расследование смерти Яна Масарика и пришла к однозначному выводу о самоубийстве министра. Фактически были подтверждены результаты следствия 1948 года.

Однако остался открытым главный вопрос: что побудило страстного любителя жизни выпрыгнуть из окна своей ванной накануне представления правительства Готвальда в парламенте?

9 марта 1948-го, накануне своего странного самоубийства, Масарик присутствовал на загородной вилле президента Бенеша в Сезимово-Усти на вручении новым польским послом верительных грамот. После этого министр о чем-то наедине говорил с президентом в течение 20 минут. По словам очевидцев, оба были разговором огорчены, особенно Бенеш. Вероятно, противник коммунистов Бенеш все еще не терял надежды досадить Готвальду и убеждал Масарика не входить в правительство, а уехать за рубеж, где его ждала любимая женщина – американка Мерси Дэвенпорт^[6]. Несомненно, если бы Готвальд явился на заседание Национального собрания с новостями о бегстве из страны крайне популярного беспартийного министра иностранных дел, это был бы очень сильный удар по легитимности нового кабинета.

То, что Бенеш был очень недоволен своей беседой с Масариком, могло свидетельствовать лишь об одном – министр покинуть родину отказался.

Тем не менее, вечером 9 марта Масарик, как обычно, с большим аппетитом поужинал в своей квартире в Чернинском дворце. Ужин сервировал его дворецкий Богумил Пржигода, которому Масарик на прощание сказал: «Ну так, Пржигода, спокойной ночи и до завтра. Встретимся утром в полдевятого». Масарик в последнее время плохо спал и планировал после утверждения правительства в парламенте уехать на две недели в санаторий.

Сегодня эта загадочная смерть представляется до обидного банальной: выпив бутылку пива, Масарик ночью сидел и курил на подоконнике открытого окна своей ванной комнаты и случайно упал вниз на тротуар. Но именно эта версия и объясняет все обстоятельства дела. Ведь не подлежит сомнению, что такой человек, как Масарик, не хотел, да и не имел никаких оснований уйти из жизни. К тому же министр панически боялся всяких ран и травм, и все, кто его знал, едины в одном: прыгать из окна, рискуя остаться инвалидом, Ян Масарик никогда не стал бы.

Однако после краха социализма в Чехословакии в 1989 году было проведено новое расследование. В 2004-м следователь майор Правда пришел к выводу, что Масарик был убит коммунистами, естественно, при содействии советской госбезопасности. Никаких доказательств этой версии майор с красноречивой фамилией не представил, зато она нравилась и нравится тем чехам, кому не нравятся коммунисты и Советский Союз. К сожалению, подобные «версии», не имеющие под собой абсолютно никаких оснований, публикуют и российские СМИ.

В похоронах Яна Масарика участвовали все правительство Готвальда и примерно 250 тысяч потрясенных пражан. Не обошлось без антикоммунистических слухов и по этому поводу. Якобы «подозрительный» букет цветов в гробу Масарика закрывал огнестрельную рану на его виске. Но и в 1948-м, и в 1968-м году все врачи, проводившие вскрытие, и свидетели похорон единогласно подтвердили, что никаких огнестрельных ран на теле министра обнаружено не было. Заметим, что некоторые участники вскрытия затем эмигрировали из страны и последствий своей откровенности могли не опасаться.

Что касается желаний уехать за границу, которое активно пытались и пытаются приписать Масарику, то окончательно пришедшие к власти в феврале 1948 года коммунисты эмиграции граждан сначала вообще никак не мешали. Председатель правительства и лидер КПЧ Клемент Готвальд выразился на сей счет кратко: «Пусть себе уезжают»^[7]. Однако уже через несколько недель после февральских событий процедура получения заграничного паспорта была усложнена, а границы стали охранять внимательнее, чтобы воспрепятствовать нелегальной эмиграции. Незаконно люди бежали в основном в Баварию, которая тогда представляла собой часть американской оккупационной зоны Германии (в восточной Австрии в то время еще стояли советские войска).

В приграничной зоне расцвел целый бизнес: местные жители за деньги тайно переводили эмигрантов через границу. Этим воспользовалась госбезопасность, которая в рамках операции «Камень» (по другим данным,

операции «Камни») стала внедрять в сеть проводников своих агентов, выразивших готовность перевести желающих. При переходе горе-эмигранта арестовывали за нарушение режима государственной границы.

Был и еще более рафинированный вариант. Эмигранта «переводили» через границу, и на другой стороне его задерживал американский патруль (на самом деле состоявший из сотрудников госбезопасности ЧСР, говоривших по-английски). При допросе «американцами» беженец охотно рассказывал о своей ненависти к коммунистам и борьбе против них. Затем, при переводе эмигранта в лагерь для перемещенных лиц, на него «нападали» сотрудники КНБ (корпус национальной безопасности ЧСР) и якобы «возвращали» его на чехословацкую территорию. Таким образом, у госбезопасности были уже готовые показания самого эмигранта о его антигосударственной деятельности, и оставалось лишь передать дело в суд.

Постепенно граница ЧСР с Баварией укреплялась. Появились сторожевые вышки, примерно на расстоянии одного километра друг от друга. На отдельных участках были установлены заграждения из колючей проволоки под напряжением. На самых опасных направлениях были выстроены доты и вкопаны в землю танки.

Всего страну покинули в 1948-1949 годах 28 тысяч человек.

В целом за время господства в Чехословакии коммунистической партии (1948-1989 годы) из страны уехали примерно 500 тысяч человек, или 3,5 % населения^[8]. Для сравнения стоит отметить, что до Первой мировой войны (тоже примерно за 40-50 лет) из чешских земель, находившихся в составе Австро-Венгрии, за границу уехали 1,2 миллиона человек, в том числе миллион чехов. 400 тысяч эмигрантов тогда осели в США, примерно столько же в Австрии и 200 тысяч в Германии.

Тем не менее, в феврале 1948 года большинство населения Чехословакии либо поддержало приход коммунистов к власти (тем более что он был абсолютно законен и санкционирован президентом страны), либо заняло выжидательную позицию. Массовых акций протеста не было. Наоборот, все уличные многотысячные демонстрации, организованные профсоюзами, поддерживали новое правительство.

Новый кабинет Готвальда был утвержден Национальным собранием без проблем (из 21 члена кабинета 16 были коммунистами). Вместе с персональным составом правительства премьер представил на рассмотрение депутатов программу, предусматривавшую завершение шедшей уже несколько лет работы над новой конституцией, проведение, как и было намечено, парламентских выборов в мае 1948 года, углубление аграрной реформы. За правительство Готвальда и его программу

проголосовали 230 депутатов Национального собрания из 300. 59 парламентариев на заседание не явились, а 11 покинули зал в знак протеста.

Национальный фронт решил выдвинуть на парламентские выборы 30 мая 1948 года единый список кандидатов, среди которых преобладали коммунисты и сочувствующие. Несогласные могли опускать в урны незаполненные («белые») бюллетени. За список Национального фронта отдали свои голоса 6 424 724 человека (86,6 %), «против» пустыми бюллетенями проголосовали 994419 избирателей (13,4 %). 250 тысяч голосов были признаны недействительными.

Отныне все депутаты парламента прочно стояли на платформе обновленного Национального фронта. Среди них было 211 коммунистов (как от самой КПЧ, так и от общественных организаций – членов Национального фронта), 25 социал-демократов, 26 национальных социалистов, 23 члена народной партии, 12 членов партии-правопреемницы словацкой демократической партии и три представителя словацкой Партии свободы.

Еще раньше, 15 апреля 1948 года, высший орган Национального фронта (Центральный комитет) утвердил проект новой конституции страны. Конституция была принята парламентом 9 мая 1948-го в годовщину освобождения Чехословакии от нацистской оккупации («за» проголосовали все присутствовавшие 254 депутата из 300). В преамбуле конституции с благодарностью говорилось об освобождении Чехословакии «великой славянской державой» СССР^[9]. В первом предложении нового основного закона была четко сформулирована цель развития страны: «Мы, народ чехословацкий, заявляем, что мы полны решимости построить освобожденное государство как народную демократию, которая обеспечит нам спокойный путь к социализму»^[10]. Во второй статье конституции говорилось, что ЧСР – это государство «двух равноправных славянских народов – чехов и словаков».

К компетенции словацких автономных органов – Словацкого национального совета (парламент в составе 100 депутатов) и Корпуса уполномоченных (правительство) – были отнесены все вопросы, за исключением обороны, иностранных дел и внешней торговли.

Впервые в конституции ЧСР были зафиксированы права граждан на образование, труд и отдых для всех работающих.

Позднее, 1 января 1949 года вместо еще средневекового деления всей страны на три земли – Чехию, Моравию-Силезию и Словакию – ЧСР в

административном плане была разбита на 19 областей («краев»): 13 в Чехии и Моравии и 6 в Словакии.

Бенеш не хотел подписывать новую конституцию и уединился в своей резиденции в Сезимово-Усти. От каких-либо публичных выступлений против новой власти глава государства воздерживался. Чтобы все-таки избежать необходимости занять определенную позицию по отношению к основному закону, за пять дней до его принятия, 4 мая 1948 года, Бенеш подал в отставку с поста президента, сославшись на плохое здоровье. Готвальд прекрасно понял суть этого демарша и прямо заявил начальнику канцелярии президента Смутному, что рассматривает отставку как удар в спину его правительства.

Заметим, что Готвальд и КПЧ в целом до того времени воздерживались от любой публичной критики Бенеша, хотя прекрасно знали, что именно президент стоял за правительственным кризисом февраля 1948 года. Именно с прицелом на Бенеша коммунисты предложили в новой конституции определить семилетний срок президентских полномочий (парламент избирался на 6 лет). Ранее же именно коммунисты, и опять же «под Бенеша», настаивали на праве президента избираться на два срока подряд, чего не хотели, например национальные социалисты (они были лишь за один срок).

Президент по конституции был верховным главнокомандующим, вводил на основании решения правительства военное положение, а по постановлению парламента объявлял войну.

В основном законе было также записано, что президент может вновь избираться на семь лет после того, как со времени сложения им полномочий также прошло семь лет. В специальной статье было прямо записано, что все эти ограничения не действуют для «второго президента республики»^[11], то есть Бенеша (!). Таких конституционных привилегий не было даже у Сталина.

За президентом было сохранено право назначать правительство и отправлять его в отставку.

5 мая 1948 года Готвальд и Бенеш встретились в Сезимово-Усти и достигли компромисса. Бенеш согласился повременить со своей отставкой до выборов в Национальное собрание. Так как президент не хотел подписывать новый основной закон, договорились, что он подаст в отставку между 30 мая и 7 июня 1948 года, когда, согласно законодательству, глава государства должен был как-то определиться с подписанием утвержденной Национальным собранием конституции.

Тайное соглашение было почти в точности выполнено, и Бенеш ушел в

отставку 8 июня 1948 года. 14 июня новое Национальное собрание единогласно утвердило на пост нового главы государства Клемента Готвальда – первого коммуниста, бывшего рабочего, занявшего резиденцию чешских королей в Пражском Граде. Главой правительства стал очень популярный в стране профсоюзный лидер коммунист Антонин Запотоцкий.

3 сентября 1948 г. Бенеш умер в своей загородной резиденции (которая была за ним сохранена) от последствий постигшего его в 1947 году инсульта. До сих пор этот человек вызывает в Чехии ожесточенные споры. Кто-то считает его выдающимся государственным деятелем, кто-то – марионеткой коммунистов, а кто-то – самоуверенным, влюбленным в себя и власть человеком, который начал в феврале 1948 года рискованную политическую игру и позорно проиграл ее своему собственному народу.

В апреле 2004 года нижняя палата парламента Чешской республики преодолела вето сената (верхней палаты) и повторно приняла закон номер 292/2004, состоявший всего из одного предложения: «Эдвард Бенеш имеет заслуги перед государством». Президент Вацлав Клаус на закон вето не наложил, но и подписывать его отказывался, чем вызвал яростные споры насчет правомочности подобного поведения главы государства. В мае 2005 года в Праге Бенешу был поставлен памятник. Он стоит напротив МИД, на той самой площади, где 10 марта 1948 года трагически оборвалась жизнь Яна Масарика.

Сразу же после февральских событий 1948 года в Чехословакии американцы, раздосадованные столь легкой победой коммунистов в этой «западной» стране, начали активно продвигать в мировое общественное мнение версию «коммунистического государственного переворота в Праге». На самом деле в Вашингтоне опасались повторения пражского сценария в Италии и Франции, где коммунистические партии пользовались поддержкой миллионов избирателей, так же, как и их чешские товарищи.

В анализе ЦРУ от 10 марта 1948 года говорилось: «Психологические последствия пражского переворота явно достигли размеров, выходящих далеко за рамки его действительного значения; в них проявляется страх, вызванный слабостью экономики и политики Западной Европы в сравнении с Советским Союзом, равно как и наглядное впечатление от того, как легко коммунистическое меньшинство может взять власть в традиционно демократической стране»^[12].

В течение месяца после февральских событий в Праге страшилки о коммунистическом перевороте заполняли первые полосы ведущих газет США, особенно влиятельной «Нью-Йорк Таймс». Прибегая к откровенной

лжи, американские СМИ утверждали, что «переворот» срежиссирован в Кремле, а Сталина сравнивали с Гитлером, оккупировавшим Прагу в марте 1939 года. После известия о смерти Масарика госсекретарь Маршалл заговорил о «коммунистическом терроре», жертвой которого якобы стал сын первого президента ЧСР, хотя до этого сами же американцы считали Масарика марионеткой коммунистов и даже не позволили ему совершить официальный визит в США. Госсекретарь заявил: «То, что сейчас происходит в ЧСР, – трагедия. Особенно то, что произошло с некоторыми политиками, как в случае с Яном Масариком»^[13].

«Нью-Йорк Таймс» писала: «Как молния с ясного неба смерть Яна Масарика высветила страшную катастрофу, которая разыгрывается за железным занавесом. То, что трагедия миллионов людей в силу своего масштаба бессильна сделать доступным человеческому пониманию, вдруг стало понятным с помощью ужасной трагедии одного человека»^[14]. «Нью-Йорк Херальд Трибюн» вторила: «Все, кто на Востоке интересуются основными правами человека, должны либо бежать, либо умереть. Ян Масарик выбрал смерть»^[15].

Таким образом, если кто-то и использовал в своих целях смерть популярного чехословацкого министра, то это были отнюдь не коммунисты, а американцы.

Направляемая из Белого дома и ЦРУ античехословацкая и антисоветская пропаганда достигла весной 1948 года в США таких размеров, что испугались сами ее творцы. В Вашингтоне царил ожидание неминуемого военного столкновения с Советским Союзом. Министр обороны США Форрестол записал в своем дневнике 16 марта 1948 года: «Газеты этим утром полны слухов о войне»^[16]. Верховный комиссар США в Германии генерал Клей прислал в Вашингтон паническую телеграмму, в которой утверждал, что война против СССР может вспыхнуть «драматически и неожиданно». ЦРУ в своем анализе 16 марта 1948 года сообщило администрации Трумэна, что риск войны реален в течение «ближайших недель».

Госсекретарю Маршаллу пришлось немного отыграть назад. В конце февраля 1948-го он сообщил всем американским дипломатическим представительствам, что Запад не сможет реально ничего предпринять в ответ на «коммунистический переворот» в Праге. Одно дело было сообщать в СМИ о военной конфронтации с Москвой, другое – решиться на нее.

США даже не стали разрывать дипломатические отношения с

Чехословакией, так как американское посольство в Праге было ценным источником информации. Из 80 американских «дипломатов», составлявших тогда штат посольства, 33 были военными. Не стали в США и выносить «чехословацкий вопрос» на обсуждение ООН, поскольку понимали, что ничего противозаконного, а тем более нарушающего международный мир, в Праге на самом деле не случилось. К тому же было ясно, что СССР как постоянный член Совета безопасности ООН наложит вето на любую резолюцию, содержащую вмешательство во внутренние дела своего союзника – ЧСР.

Американцы лишь смогли подбить своих собственных союзников Англию и Францию на совместное заявление относительно Чехословакии, которое было опубликовано 26 февраля 1948 года: «Правительства Соединенных Штатов, Франции и Великобритании внимательно следили за событиями, которые только что разыгрались в Чехословакии и которые представляют собой угрозу для самых принципов свободы, дорогих любой демократичной нации. [Правительства трех стран] констатируют, что с помощью искусственного и преднамеренно вызванного кризиса, методами, уже использованными в других странах, было прекращено свободное функционирование парламентских институтов и установлена диктатура одной партии, замаскированная под правительство национального единства. Им [правительствам трех стран] не остается ничего иного, как осудить процесс, результаты которого будут катастрофичны для чехословацкого народа, уже неоднократно проявившего посреди ужасов Второй мировой войны свою преданность делу свободы»^[17].

Американцы побудили Париж принять резолюцию протеста во французском Национальном собрании, а 2 марта 1948 года исполком британской лейбористской партии (на тот момент правящей) осудил тех «чехословацких социалистов», которые сотрудничали с коммунистами.

25 февраля 1948 года осудивший события в Праге постоянный представитель ЧСР при ООН Ян Папанек попросил Генерального секретаря ООН норвежца Трюгве Ли внести вопрос о положении в Чехословакии на повестку дня заседаний Совета Безопасности ООН. Ли, считавший, что ООН и он лично не должны содействовать конфронтации между Востоком и Западом, отверг это предложение. Но после известия о смерти Яна Масарика Папанек устроил пресс-конференцию и передал в ООН личную ноту протеста по поводу событий в Чехословакии. Однако ведущий сотрудник госдепартамента США (и будущий госсекретарь в администрации Кеннеди) Раск, к которому Папанек обратился за содействием, в любой помощи наотрез отказал. Папанек был уже частным

лицом, а вносить вопросы в повестку дня ООН могли только государства. США этого делать не хотели.

Американцы решили попытаться раздуть дипломатический кризис вокруг Чехословакии руками своих сателлитов. 12 марта 1948 года делегация Чили в ООН внесла ноту Папанека на рассмотрение Совета Безопасности. Следует отметить, что осенью 1947 года правительство Чили разорвало дипломатические отношения с СССР, США и Югославией, и чилийский президент Видела назвал это «первыми залпами третьей мировой войны». 17 марта правительство Готвальда официально уволило Папанека. Однако американцы и их союзники устроили опальному дипломату выступление на Генеральной Ассамблее ООН 22 марта 1948 года.

В мае 1948-го западные страны предложили образовать комиссию ООН по «расследованию» событий в Чехословакии, но СССР предсказуемо наложил на этот проект свое вето. «Чехословацкий вопрос» тем не менее формально оставался в повестке дня Совета Безопасности ООН до 1956 года, когда Генеральный секретарь ООН окончательно вычеркнул его.

В начале апреля в конгресс США поступил тайный доклад «Стратегия и тактика мирового коммунизма», в котором признавалась блестящая тактика чехословацких коммунистов в феврале 1948 года на фоне неумелых действий их противников: «...Еще никогда проблема взятия власти в государстве не была решена так успешно, как в феврале 1948 года в Чехословакии...»^[18]

Однако администрация Трумэна извлекла из «пражского переворота» прямые и ощутимые внешнеполитические выгоды. Под влиянием беспрецедентного антисоветского психоза в СМИ конгресс США быстро одобрил ассигнования на план Маршалла, так как без него коммунисты, дескать, смогли бы совершить подобные перевороты в Италии и Франции. Один из сотрудников госдепартамента, отвечавший за план Маршалла, заметил, что «пражский переворот» был «послан... небом с целью убеждения конгресса»^[19].

США начали усиленно формировать из своих западноевропейских партнеров антисоветские военные союзы. Уже 17 марта 1948 года в Брюсселе Францией, Великобританией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом был подписан договор об автоматическом оказании военной помощи в случае агрессии против любого из участников договора. Страна-агрессор в договоре названа не была, но все понимали, что речь идет о СССР.

11 июня 1948 года конгресс США принял резолюцию сенатора Ванденберга, которая знаменовала собой самую разительную смену вех в американской внешней политике с момента образования страны. До тех пор нерушимым принципом, «священной коровой» американской дипломатии было неучастие США в военных блоках и отказ от размещения войск за границей в мирное время. Резолюция Ванденберга предусматривала как раз обратное. Москве дали понять, что американские вооруженные силы намерены оставаться в Европе и Азии на неопределенное время. Резолюция прямо рекомендовала администрации Трумэна присоединиться к Брюссельскому пакту.

Американцы готовились к мировой ядерной войне, в ходе которой они надеялись быстро разгромить СССР, у которого еще не было собственной атомной бомбы. Принятый в 1948 году секретный военный план США Charioteer («Возничий») предусматривал бомбардировку 70 городов СССР 133 ядерными зарядами, причем на Москву планировалось сбросить со стратегических бомбардировщиков В-36 восемь атомных бомб, а на Ленинград – семь. Американцы исходили из того, что из 28 миллионов советских граждан, проживавших на тот момент в городах – целях «Возничего», в первые же дни войны должны погибнуть 6,7 миллиона^[20]. Согласно этому плану, утвержденному правительством США 18 августа 1948 года, СССР после военного разгрома должен был капитулировать и превратиться в протекторат западных держав-победителей. На то, чтобы разделаться с СССР, американцы отводили себе столько же времени, что и Гитлер, – максимум шесть месяцев^[21].

Правда, по оценкам военных стратегов Пентагона для войны надо было существенно пополнить авиапарк ВВС и запасы боеприпасов. В 1949 году «Возничего» заменили планом Dropshot («Удар с небес»). На сей раз Москву предполагалось бомбардировать ядерными зарядами не в начале войны, а лишь на второй ее неделе. В Пентагоне аргументировали эту «гуманность» тем, что если сразу разрушить советскую столицу, некому будет капитулировать перед победоносными американцами. В Вашингтоне полагали, что до 1952 года у Советского Союза точно не будет ядерного оружия.

Но самым опасным последствием событий в Праге стал раскол Германии. Американцы решили создать из западных оккупационных зон Германии сепаратное государство и в перспективе включить его в антисоветские военные блоки. В Москве, только что пережившей страшную и разрушительную германскую агрессию, это воспринимали как

явную угрозу национальной безопасности.

4 июня 1948 года американцы, французы и англичане под жестким нажимом США договорились об объединении своих оккупационных зон Германии в единый экономический и политический организм. Это было грубым нарушением Потсдамских соглашений держав-победительниц 1945 года, которые предусматривали четырехстороннее управление Германией как единым целым. Теперь же советскую зону оккупации Германии американцы и их западные союзники стали, по сути, считать инородным организмом.

18 июня раскол Германии окончательно стал свершившимся фактом. Обманув СССР, с которым они ранее договорились о единовременном проведении денежной реформы во всех оккупационных зонах Германии, США, Англия и Франция неожиданно ввели в своих зонах и Западном Берлине новые деньги, втайне от Москвы отпечатанные в США. В советскую оккупационную зону, где сохранялись старые рейхсмарки, ведь СССР собственной сепаратной денежной реформы не планировал, через открытую границу в Западном Берлине хлынули громадные массы обесценившихся «бывших» денег. СССР «предупредили» о введении новых денег... за два часа(!).

22 июня западные державы предложили СССР ввести в Берлине особую валюту (таким образом, в «единой» Германии ходило бы три денежные единицы – в западных зонах, в советской зоне и еще в Берлине, который был центром советской зоны оккупации). Естественно, предложение было отклонено СССР как «абсурдное»^[22]. Интересно, что на этом же заседании британский представитель констатировал: «...в настоящий момент русская зона и Берлин наводнены старой валютой». И это было абсолютной правдой – только за первые пять дней после введения западной марки советские и восточногерманские власти изъяли более 90 млн «старых» марок, которые незаконно пытались переправить из западных зон в советскую^[23].

В этих условиях СССР был вынужден ввести в Берлине пограничный режим, что западные страны немедленно охарактеризовали как блокаду «Западного» Берлина и стали снабжать «голодающее население» немецкой столицы по воздушному мосту. Британский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» (New Statesman and Nation) справедливо писал в то время: «Предположим, однако, на мгновение, что сложилась обратная ситуация. Предположим, что... германская столица находится в английской, а не в русской зоне; предположим далее, что русские внезапно объявили о

намерении создать сепаратное восточногерманское правительство и провести сепаратную денежную реформу, которая неизбежно подорвала бы экономику нашей зоны. Чего иного можно было бы тогда ожидать, кроме как требования с нашей стороны, чтобы русские незамедлительно... покинули столицу?»

Генерал Клей немедленно предложил Вашингтону прорвать «блокаду» вооруженным путем из Западной Германии, но у Трумэна хватило ума не допустить мировой войны, тем более что СССР, в отличие от западных стран, никаких соглашений относительно Германии не нарушил и воздушному мосту не мешал. СССР принял специальное решение об увеличении продовольственного снабжения Западного Берлина (и это в то время, когда сами советские люди переживали не лучшие времена из-за чудовищных разрушений, нанесенных войной).

Совет Министров СССР только в порядке неотложных мер выделил для Западного Берлина из госрезервов 100 тысяч тонн муки и 10 тысяч тонн жиров. Новейшие исследования западных ученых показывают, что подушевое потребление калорий в «голодающем» Западном Берлине в 1948-1949 годах было выше, чем в Париже или Москве. В ноябре 1948 года западноберлинский рабочий получал в день 2202 килокалорий, его восточноберлинский коллега – 2289.

Почти 22 тысячи западных берлинцев до 4 августа 1948 года получили продовольственные карточки в советской части Берлина – и никакой «блокады» так и не ощутили. Чтобы поддерживать чувство «голодной обреченности» в Западном Берлине, американские, британские и французские военные власти в городе стали увольнять с работы всех, кто осмеливался покупать продукты в Восточном Берлине. Иллюзия «блокады» должна была быть сохранена любым путем.

4 апреля 1949 года взамен Брюссельского пакта был учрежден, уже в Вашингтоне, новый антисоветский военный блок – Организация Североатлантического договора (НАТО). 24 августа того же года договор вступил в силу после ратификации его всеми парламентами стран-участниц (Бельгии, Дании, Франции, Великобритании, Нидерландов, США, Норвегии, Португалии, Италии, Канады, Люксембурга и Исландии).

С самого начала предполагалось использовать силы НАТО не только против «агрессии» со стороны Москвы, но и для подавления внутренних беспорядков в самих странах – членах НАТО. С этой целью в 1950 году был разработан тайный план OPLAN 100-1. Канадский министр иностранных дел охарактеризовал НАТО как «динамичный противовес коммунизму и полюс притяжения капитализма».

Почти все расходы по военным приготовлениям НАТО в первые годы несли США. В 1949 году из суммарного военного бюджета всех стран блока в размере 18,7 миллиардов долларов на США приходилось 13,5 миллиарда.

Что до планов насчет Чехословакии, США решили избрать в отношении всех восточноевропейских стран политику «сдерживания коммунизма» (containment). Предполагалось любой ценой, за исключением полномасштабной мировой войны, не допустить «советизации» еще входивших в «свободный мир» стран. Однако сами же американцы считали, что такие страны, как Чехословакия или Польша, уже «советизированы», поэтому в отношении них «сдерживание» превратилось в 1948 году уже в «отбрасывание», хотя формально этот термин (roll back) официально стал использоваться во времена президента Эйзенхауэра (1953-1961 годы).

Одним из главных творцов новой американской антисоветской политики был бывший поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан – духовный отец плана Маршалла и ярый антисоветчик даже по американским меркам. Формально «отбрасывание» мотивировалось все тем же «пражским переворотом». Хотя, возможно, это был лишь предлог.

Еще в декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке, ЦРУ, поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл директивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом^[24].

18 июня 1948 г. новая директива СНБ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions): «[операции], которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп, или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции станут достоянием гласности, правительство США сможет достоверно отречься от любой ответственности за них»^[25].

Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая

саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в странах свободного мира, находящихся в опасности»^[26].

В ноябре 1948 года в очередной директиве СНБ (NSC 20/4) в применении к восточноевропейским странам говорилось: «Мы должны всеми средствами, которые исключают войну, организовывать и поддерживать постепенный уход незаконной советской власти с ее нынешних рубежей с тем, чтобы вернуть ее в традиционные границы, мы должны инициировать и поддерживать восстановление восточноевропейских стран как независимых от СССР образований»^[27].

Кеннан рекомендовал использовать против влияния СССР в Восточной Европе не только традиционные антикоммунистические силы (вроде нацистских пособников времен Второй мировой войны), но и «титоизм».

В июне 1948 года резко осложнились советско-югославские отношения, что было для американцев подарком судьбы. Разрыв между Москвой и Белградом (самыми авторитетными тогда государствами среди социалистических и народно-демократических стран) случился отнюдь не из-за гегемонизма Сталина, как сейчас пытаются представить на Западе. Лидер Югославии Тито фактически пытался аннексировать Албанию, руководство которой обратилось к Сталину за помощью. Советский лидер безоговорочно встал на сторону албанцев и спас независимость этой страны. Этому Тито Советскому Союзу не простил и начал пропагандировать свой «национальный», «самоуправленческий» и антисоветский социализм, который в США и окрестили «титоизмом».

Никакой «демократической социалистической» альтернативой СССР «титоизм», конечно же, не являлся. В Югославии начались массовые аресты и казни сторонников дружбы с Советским Союзом, для которых были даже созданы специальные концлагеря. Член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Предраг Милчевич писал: «Из 285 147 членов КПЮ, имевшихся в начале 1948 года, были исключены 218379 человек, подавляющее большинство из которых вынесли всю тяжесть борьбы за свободу и социализм. Все они были репрессированы и вместе с несколькими сотнями тысяч беспартийных прошли жернова жутких концлагерей – „Голого Отока“, „Святого Гргура“, „Билеча“, „Мермера“, „Забела“, „Углян“, „Градишка“, „Рамского Рита“, „Главнячи“ и других „святых“

мест, входивших в систему ломки человеческой психики и воли... К прославленным партизанам, как и к десяткам тысяч сербских, черногорских, хорватских, словенских, македонских коммунистов, применялись такие изощренные пытки, какие известным антисоветчикам Рыбакову, Солженицыну, Гранину, Евтушенко, Вознесенскому, М. Захарову, Аксенову, Солоухину, Сахарову, Шафаревичу и иже с ними даже в самом страшном сне не могли присниться»^[28].

Но на репрессии в Югославии американцы предпочитали закрывать глаза, так как главным для них было побудить последовать примеру Тито другие восточноевропейские страны.

В своих воспоминаниях Кеннан так описывал стратегию США в 1948 году: «Существует возможность, что однажды русский коммунизм будет уничтожен своими собственными детьми, мятежными коммунистическими партиями сателлитов. Не могу даже представить себе более логичное и оправданное развитие, так как национализм – это идеология, существующая дольше всех прочих»^[29].

Для реализации своей стратегии по подрыву влияния СССР в Восточной Европе американцы создали специальный орган – Офис политической координации (Office of Policy Coordination), который на первых порах именовали Офисом специальных проектов (Office of Special Projects), что было гораздо точнее. Этот штаб подрывных операций курировали одновременно ЦРУ и госдепартамент, однако фактически всем заправляла американская внешняя разведка, а именно один из руководителей ЦРУ Фрэнк Визнер. На практике Визнер подчинялся главному идеологу холодной войны Кеннану, в свою очередь, возглавлявшему также недавно созданный Штаб политического планирования (Policy Planning Staff) госдепартамента. ЦРУ должно было обеспечить людей Визнера деньгами, явками и агентами.

Фрэнк Визнер во время Второй мировой войны был резидентом Управления специальных служб (УСС) США в Румынии (он курировал из Бухареста всю Юго-Восточную Европу). Визнер (родился в 1909 году), как и Аллен Даллес, был адвокатом на службе американских корпораций Уолл-стрит, прежде чем поступил в американскую разведку во время войны. После освобождения Бухареста Красной армией в августе 1944 года Визнер активно настраивал против СССР кавалера высшего советского ордена «Победа» молодого румынского короля Михая и предавался «сладкой жизни» в реквизированном для него властями роскошном особняке пивного магната Мита Брагадиру из 30 комнат. Визнер «дружил» с женой

Брагадиру, 24-летней принцессой, чьим предком был знаменитый Влад Дракула. Облик «супершпиона» удачно дополнял роскошный «кадиллак».

Однако в деле шпионажа Визнер был дилетантом. Он сообщал в центр, что завербовал агентуру в советской разведке, а на самом деле НКВД подставил ему двойного агента, и вся сеть Визнера в Румынии работала под контролем советских спецслужб^[30].

С тех пор Визнер считал русских не просто главными идеологическими, но и личными врагами. Глава американской разведки, во время войны генерал Donovan, даже вынужден был в октябре 1944 года официально предостеречь своего румынского резидента от «слов или действий», которые могли бы расцениваться как «антагонизм по отношению к России»^[31].

С марта 1945 года Визнер в Висбадене был на связи с воссозданной США нацистской разведкой – «организацией Гелена», из которой затем выкристаллизовалась разведслужба Западной Германии. Уйдя в 1946 году из распущенной Трумэном внешней разведки, Визнер вернулся к адвокатской практике, но в 1947-м снова поступил на службу в госдепартамент, где начал выискивать среди «перемещенных лиц» в лагерях на территории Германии людей, которые могли бы быть полезны для национальных интересов США.

К маю 1948 года, будучи начальником специальной рабочей группы госдепартамента «Использование беженцев из СССР в национальных интересах США», Визнер разработал предложения по задействованию «национальных антикоммунистических элементов... которые проявили выдающуюся твердость перед лицом коммунистической угрозы». В переводе с чиновничьего языка это означало начало официальной работы американских ведомств с бывшими нацистскими пособниками, вроде бандеровцев и власовцев, которым путь на родину был заказан.

Не утратив вкуса к шпионской атрибутике, Визнер назвал свой план Blood Stone («Кровавый камень») и потребовал выделить из бюджета на работу с «перемещенными лицами» 5 миллионов долларов^[32].

Став главой Офиса специальных проектов, Визнер первым делом взялся за операцию «Пересмешник» по продвижению в зарубежные СМИ антисоветской и прочей сфабрикованной ЦРУ информации.

ЦРУ через Офис политической координации начало активно забрасывать в СССР и Восточную Европу диверсантов (морем и с воздуха). Вооруженные группы эмигрантов, среди которых были ушедшие с немцами пособники нацистов, высаживались в Эстонии, на Украине и в

Албании. Всех их ждала незавидная судьба, так как вся работа только что созданного ЦРУ плотно контролировалась Москвой через советского разведчика Кима Филби, который в 1949-1951 годах был резидентом британской разведки в Вашингтоне. Филби удобно расположился в защищенном от прослушивания кабинете в Пентагоне, по соседству с высшим органом американского военного управления – Комитетом начальников штабов (КНШ)^[33].

После «пражского переворота» и всплеска антисоветских настроений в США ведомство Визнера было завалено заказами из Пентагона, которые шокировали даже склонного к авантюризму отца операции «Кровавый камень». Например, военное ведомство срочно требовало от Визнера подготовить и забросить в СССР 2 тысячи диверсантов для выведения из строя аэродромов советской бомбардировочной авиации^[34].

При этом американская разведка и посол США в Праге Стейнхардт пытались выставить в роли будущего агрессора Москву. Например, в донесении от 16 марта 1948 года ЦРУ ссылались на некий чехословацкий контакт Стейнхардта, который якобы слышал слова советского заместителя министра иностранных дел Готвальда о том, «что война начнется, как только улучшится погода». Утверждалось, что именно в преддверии войны «Советы» и устанавливают в Восточной Европе откровенно коммунистические режимы, как недавно это произошло в Чехословакии^[35]. При этом само же ЦРУ в своем комментарии к информации от Стейнхардта прямо писало, что не верит в готовность СССР пойти на войну против западных держав в течение ближайших месяцев.

Тем не менее ЦРУ получило от президента Трумэна прямое указание подготовить аналитический документ с прогнозом относительно войны против СССР до конца 1948 года. Вывод американской разведки, выраженный в докладе от 2 апреля 1948 года, был реалистичным: «Масса имеющихся в наличии данных и выводы из „логики ситуации“ говорят в пользу того, что СССР не прибегнет к прямой военной акции в течение 1948 года»^[36].

Основной упор в своей подрывной деятельности против ЧСР Вашингтон сделал на чехословацкую антикоммунистическую эмиграцию. Американцы через свое посольство в Праге и агентов ЦРУ сразу после февральских событий 1948 года пытались побудить видных чехословацких политиков к эмиграции на Запад, чтобы создать там своего рода «правительство в изгнании».

7 августа 1948 года смог бежать за границу один из лидеров ЧНСП

Петр Зенкл (бывший министр и мэр Праги). Не всем так везло. 20 марта того же года при попытке нелегально перейти границу органами госбезопасности был арестован бывший лидер ЧНП священник Ян Шрабек. Тем не менее вскоре на Западе оказались бывшие министры Губерт Рипка (ЧНСП), Вацлав Майер (ЧСДП), Ярослав Странский (ЧНСП). Удалось склонить к побегу и нескольких чехословацких дипломатов: кроме представителя ЧСР при ООН Папанека к ним относились чехословацкие послы в США Славик, во Франции – Носек, в Югославии – Корбел (отец будущего госсекретаря США Мадлен Олбрайт).

Рипка (женатый на француженке) тайно эмигрировал при помощи французской разведки. Сотрудник чехословацкой военной разведки Войтех Жерабек, собрав секретную информацию, сбежал в ноябре 1948 года с помощью ЦРУ^[37]. Американский посол в Праге Стейнхардт в нарушение своего дипломатического статуса предоставил территорию посольства для хранения вещей тех, кто собирался незаконно покинуть страну. Причем потом вещи были переправлены в Германию американской дипломатической почтой.

Начиная с февраля 1948 года американские оккупационные власти в Баварии имели четкий приказ максимально доброжелательно относиться к эмигрантам из Чехословакии: «Необходимо уделять особое внимание чехословацким беженцам, в гораздо большей степени, чем то принято по отношению к эмигрантам. Мы, прежде всего, имеем в виду политиков, которые вели активную борьбу против коммунистов, а также военных». Если «политиков» хотели сделать вождями античехословацкой эмиграции, то военных активно допрашивали. Кеннан так определял полезность эмигрантов для национальных интересов США: «...талантливые люди выводятся из-под контроля Советского Союза, разрушаются советские мифы (о хорошей жизни в социалистических странах – *Прим. автора.*), повышается внутреннее недоверие к советской системе, деморализуются коммунисты, а мы получаем информацию»^[38].

Заместитель госсекретаря Дин Ачесон (вскоре сам вставший во главе американской внешней политики) лично дал указания, о чем прежде всего следовало допрашивать чехословацких эмигрантов. Американцы пытались выяснить, каким таким хитроумным способом коммунисты в ЧСР смогли легко и без насилия завоевать политическую власть в прозападной вроде бы стране. Простое объяснение, что политику коммунистов поддерживало большинство населения, в Вашингтоне признавать отказывались.

Чехословацкие эмигранты, сами только что проигравшие коммунистам

спровоцированную ими же самими борьбу за умы своих соотечественников, обычно говорили то, чего от них и желали услышать их американские «интервьюеры». Успех «пражского переворота», по версии эмигрантов, главным образом сводился к «тайной миссии» в Праге заместителя министра иностранных дел СССР и бывшего советского посла в ЧСР В. А. Зорина. Правительственный кризис февраля 1948 года, в ходе которого коммунисты и пришли к власти, а точнее, упрочили свою власть, завоеванную ими на свободных выборах весной 1946-го, был спровоцирован буржуазными министрами кабинета, как раз теми, кого США ожидали увидеть в рядах эмигрантов. Они уверяли, что все приготовления проводились в полнейшей тайне, так что об этом не знал и симпатизировавший им президент Бенеш. Откуда, в таком случае, мог знать об этом Зорин, чей визит в Прагу в феврале 1948 года был рутинным и запланированным заранее? Тем не менее с тех пор и до сего дня ничем не подтвержденная версия о «руке Зорина в пражском перевороте» гуляет по страницам западных исторических исследований.

После допросов наиболее ценных с точки зрения последующей политической игры эмигрантов американцы направляли в специальный лагерь в немецком городе Оберурзеле, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Американцы прозвали этот «чехословацкий дом» Alaska House. До начала 50-х годов через «аляскинский дом» прошло примерно 200 чехословацких эмигрантов. Обычно после пребывания в Оберурзеле эмигранты в течение нескольких недель получали через ЦРУ въездные визы в одну из западных стран.

По иронии судьбы, ранее обосновавшиеся в США словацкие эмигранты клерикально-фашистского толка (многих из которых в ЧСР осудили как военных преступников за связь с нацистами еще до февраля 1948 года) начали активную кампанию против въезда в США чехословацких эмигрантов «новой волны», так как те активно сотрудничали в правительстве с коммунистами в 1945-1948 годах.

Менее важные чехословацкие эмигранты были обозначены как «перемещенные лица» (displaced persons, или сокращенно DP) и размещены в обычных лагерях в Западной Германии и Австрии. Их насчитывалось около десятка, и условия пребывания там были, мягко говоря, не очень хороши. До конца 1948 года в этих лагерях было зарегистрировано 8922 чехословацких «перемещенных лиц»^[39]. Начальником крупного лагеря Вегшайд под Нюрнбергом американцы назначили судетского немца, который с удовольствием издевался над чехами, выселившими его с родины. Из этого лагеря стало поступать так

много жалоб, что американцам пришлось провести в июне 1950 года специальное расследование.

25 июня 1948 года конгресс США принял специальный закон, согласно которому 200 тысячам «перемещенных лиц» из Европы (среди которых было много пособников нацистов) разрешалось переехать в Соединенные Штаты. Условиями были наличие американского поручителя и эмиграция из собственной страны до 22 декабря 1945 года. Понятно, что «жертвы коммунистического переворота в Праге» под это условие не попадали. Тогда госдепартамент попросил конгрессмена от Небраски чешского происхождения Карла Стефана внести дополнения к «акту о перемещенных лицах» от 25 июня. Теперь можно было принять в США на постоянное жительство примерно 2 тысячи чехов и словаков, эмигрировавших из страны до 25 июня 1948 года. В январе 1949-го ЦРУ через конгрессмена Целлера добилось расширения списка восточноевропейских эмигрантов до 15 тысяч человек. Но в результате все дело свелось к выдаче 500 въездных виз в США, причем только гражданам ЧСР, что ясно показывает, какое значение американцы придавали организации подрывной деятельности именно против этой страны.

На январь 1950 года в США жили 530 чехословацких «перемещенных лиц», в Великобритании – 1622, во Франции – 1022, в Австралии – 4250, в Канаде – 1167^[40]. Многие чехи и словаки, по опыту эмиграции во время Второй мировой войны, предпочитали осесть в Париже или Лондоне, а в далекие от родины Соединенные Штаты их не очень тянуло. В Австралию перебрались в основном те, кто ушел из Чехословакии вместе с немцами до мая 1945 года.

С самого начала американцы пытались создать из эмигрантов мощный центр оппозиции властям в Праге, причем исключительно под своим контролем.

27 мая 1948 года в Лондоне состоялась встреча представителей четырех некоммунистических партий Национального фронта (ЧНСП, ЧНП, ЧСДП и словацкой Демократической партии). Примерно 30 политиков, участвовавших во встрече, решили создать единую верховную организацию чехословацкой эмиграции. 22 июля 1948 года под нажимом госдепартамент было объявлено об учреждении единой «федеративной» организации чехословацких эмигрантов в США. Причем ЦРУ стремилось к тому, чтобы центр чехословацкой эмиграции был именно в США, а не в Западной Европе. Однако 20 августа эмигранты, осевшие во Франции и в Великобритании, объявили, что выступают против перенесения центра тяжести политической работы в США. «Французские» и «британские»

эмигранты объявили об учреждении Центра демократических чехов и словаков.

Американцы решили немедленно перехватить инициативу. 4 октября 1948 года в Вашингтоне состоялась тайная встреча высших чиновников госдепартамента с бывшим послом ЧСР в США Славиком и Петром Зенклом. Обоим эмигрантам была обещана щедрая финансовая помощь «из различных источников», если они смогут создать верховную организацию «чехословацкого сопротивления» именно в США. Госдепартамент с этой целью финансировал проезд в США из Европы 10-11 октября 1948 года нескольких видных эмигрантов, которым, однако так и не удалось создать нужную ЦРУ организацию к 28 октября – важному с символической точки зрения дню, годовщине провозглашения независимости Чехословакии в 1918-м.

Наконец, под давлением ЦРУ и госдепартамента представители всех чехословацких некоммунистических партий собрались в Нью-Йорке 11 февраля 1949 года (все транспортные расходы по переезду из Европы финансировал госдепартамент). В первую годовщину «пражского переворота» было объявлено о появлении на свет Совета свободной Чехословакии – долгожданного детища госдепартамента и американской разведки. Учредительную декларацию этой организации, которую почти все знали по ее английскому (Council of Free Czechoslovakia), а не чешскому названию, написал журналист Фердинанд Перутка, и она начиналась следующими словами: «Мы, демократические чехи и словаки в эмиграции учредили Совет свободной Чехословакии. Наш народ хочет быть свободным. Он не свободен. Он опять будет свободным. Родина, лишенная голоса с помощью жестоких и хитроумных средств современной террористической власти, не может говорить. Мы будем говорить за нее».

Декларацию разослали 39 странам, 21 из которых (в том числе США, Великобритания и Франция) официально приняли ее. Во главе Совета стоял орган из 12 человек, председателем которого стал специально подготовленный американцами для этой роли Петр Зенкл. Заместителем Зенкла стал бывший лидер словацкой Демократической партии Леттрих. Этим обеспечивалась «паритетность» чехов и словаков в совете, по поводу которой было много споров. Совет образовал региональные секции в Париже, Лондоне и Риме (для контактов с Ватиканом).

Заметим, что сформированный американцами Совет 18 декабря 1949 года выступил с требованием вернуть Чехословакии Закарпатскую Украину, отторгнутую Сталиным в 1945 году^[41]. При этом лидеры Совета свободной Чехословакии в том же 1945 году были министрами

чехословацкого правительства и голосовали за советско-чехословацкий договор о передаче Закарпатской Украины СССР.

В 1947-1949 годах ЦРУ создало в США такие же «верховные органы» эмигрантов из Албании, Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии. Госдепартамент настоял, чтобы все эти «советы» и «комитеты» не претендовали на официальный статус правительств в изгнании. В этом случае пришлось бы прерывать дипломатические отношения со всеми упомянутыми восточноевропейскими странами, чего в Вашингтоне не хотели: посольства США за «железным занавесом» были центрами шпионажа не только против «советских сателлитов», но и против самого СССР.

Но ЦРУ и «рыцарей отбрасывания коммунизма» в американской политике такой «легализм» госдепартамента не устраивал. Поэтому с подачи Кеннана было решено создать координационный орган всех восточноевропейских комитетов, который формально был бы негосударственным, но на самом деле получал бы финансирование ЦРУ. Тогда госдепартамент мог бы игнорировать протесты восточноевропейских стран против поддержки властями США эмигрантских организаций, провозгласивших своей целью свержение существующих в Восточной Европе правительств любыми средствами, в том числе и насильственными.

В июне 1949 года было объявлено о появлении Национального комитета за свободную Европу (National Committee for a Free Europe). Формально это был союз частных американских граждан, созданный на деньги спонсоров-альтруистов. Но среди этих «частных граждан» фигурировали такие персоны, как Аллен Даллес (будущий глава ЦРУ), Дуайт Эйзенхауэр (будущий президент США), генералы Люциус Клей (бывший главнокомандующий американских войск в Германии, едва не спровоцировавший в 1948 году мировую войну из-за Берлина) и Уильям Donovan («дикий Билл», глава предшественника ЦРУ – Управления стратегических служб, УСС).

Аналогичные «частные» комитеты были вскоре учреждены для «свободной Азии» и «порабощенных народов России»^[42]. Во всех этих организациях работало много нацистских пособников, например бывших власовцев.

Национальный комитет за свободную Европу в соответствии со своими главными задачами имел три секции. Первая во главе с бывшим соратником Рузвельта Адольфом Берлем (в 1938-1944 годах помощником госсекретаря) организовала «интеллектуальную активность» против восточноевропейских стран. Задачи этой секции сводились к активному

сбору информации среди эмигрантов из социалистических стран и устройству наиболее ценных из них на «интеллектуальную работу» в США.

Вторая секция комитета во главе с «желтым» профсоюзным деятелем из Американской федерации труда (АФТ) Генри Киршем должна была организовывать в США лоббистскую работу в поддержку «порабощенных Советами» европейских народов. Как еврей и «рабочий лидер» Кирш должен был создать в среде мало интересовавшейся политикой американской публики отношение к восточноевропейским эмигрантам, схожее с тем, что имелось к беженцам из нацистской Германии в годы войны.

Самой главной секцией комитета была третья – «отделение печати и пропаганды», которое во главе с нью-йоркским банкиром Фрэнком Альтшулем занималось подрывной пропагандистской работой против восточноевропейских стран. Именно в этой секции родилась мысль о налаживании регулярных радиопередач на языках «порабощенных народов».

Альтшуль был биржевым спекулянтom крупного масштаба, спонсором Рузвельта и заместителем председателя влиятельного Американского совета по внешней политике. Чтобы как-то противостоять антисемитизму, довольно широко распространенному тогда во внешне демократических Соединенных Штатах, еврей Альтшуль организовал брак своей сестры с Гербертом Леманом, губернатором штата Нью-Йорк (губернатором этого штата был и Франклин Рузвельт до того, как стал президентом).

Банкир имел тесные дружеские отношения как с Алленом Даллесом, так и с духовным отцом холодной войны Джорджем Кеннаном.

На момент основания на счетах Национального комитета за свободную Европу в банке «Чейз» было 40529 долларов от неизвестных спонсоров (на самом деле от ЦРУ)^[43]. Не имевший поначалу никаких сотрудников, «общественный бесприбыльный комитет» сразу снял на подставное лицо в Нью-Йорке (самом дорогом городе США) офисные помещения с огромной площадью – 4 тысячи квадратных метров (а затем и 13 тысяч). Свои заседания комитет проводил в самом известном на тот момент небоскребе Нью-Йорка – «Эмпайр Стейт Билдинг», где в 1951 году комитет арендовал уже 32 тысячи квадратных футов офисных помещений. На «общественный» комитет тогда работали уже более 2000 человек.

Первым президентом комитета был избран Аллен Даллес. Поступив на дипломатическую службу США в 1916 году, направленный в американское посольство в Швейцарии, Даллес отказал в выдаче въездной визы в США

одному из русских эмигрантов, живших тогда в этой нейтральной стране, – Владимиру Ильичу Ульянову.

В 1945 году, став резидентом УСС в Берне, Даллес пытался в нарушение союзнических договоренностей между Рузвельтом и Сталиным добиться сепаратной капитуляции немецких войск на Западе. Его тайные переговоры с представителем Гимmlера генералом СС Карлом Вольфом, а затем и с командованием немецкой армии в Италии получили наименование «операция „Восход“». Именно этот реальный сюжет и стал основой известного советского фильма «Семнадцать мгновений весны». Как и показано в фильме, Сталин, узнав по каналам советской разведки о переговорах за своей спиной, написал личное послание Рузвельту (которого Даллес тоже не потрудился проинформировать о своих контактах с руководством СС). Возмущенный самоуправством Даллеса Рузвельт дал команду немедленно прекратить все сепаратные переговоры с немцами.

С тех пор Аллен Даллес ненавидел Рузвельта и недолюбливал его преемника Трумэна. Братья Даллесы (Аллен и Джон Фостер) активно помогали кандидату в президенты от Республиканской партии на выборах 1948 года Дьюи. Последний обещал сделать Аллена Даллеса руководителем всех американских разведывательных служб^[44], однако президентом в 1948 году был избран демократ Трумэн.

После окончания Второй мировой войны Аллен Даллес стал руководителем УСС в Германии, где спас от суда много бывших нацистов и фактически воссоздал германскую разведку в виде «организации Гелена». Генерал-майор вермахта Райнхард Гелен в годы войны возглавлял секцию генерального штаба гитлеровской армии по сбору разведывательной информации об «армиях Востока», прежде всего о Красной армии. Все свои материалы Гелен в обмен на свободу от уголовного преследования предоставил в распоряжение Даллеса.

Собственно, Даллес был в то время отнюдь не оригинален в своих симпатиях к бывшим нацистам. Считающийся самым успешным американским генералом военного времени в Европе Паттон уже осенью 1945 года предложил вооружить несколько дивизий СС и изъявил готовность лично «повести их против красных»^[45]. Когда Паттона попытались призвать к «политкорректности» по отношению к советским союзникам, тот безапелляционно ответил: «И чего вы беспокоитесь по поводу этих чертовых большевиков? Нам все равно придется воевать против них рано или поздно. Почему бы и не сейчас, когда наша армия находится в боевой готовности, и мы можем отбросить Красную армию

назад в Россию? Мы можем сделать это с моими немцами... Они ненавидят этих красных ублюдков».

Правой рукой Даллеса в Берлине был уже упоминавшийся выше Визнер.

Даллес пытался противостоять росту симпатий к СССР в Европе более элегантно. Еще со времен работы в Швейцарии он пытался, и не без успеха, наладить контакты с левыми европейскими политиками и интеллектуалами. Даллес правильно рассудил, что успехи Советского Союза и европейских коммунистических партий в борьбе против нацистов приведут к бурному росту левых настроений в послевоенном мире. Следовательно, надо было взращивать левых, дружественно настроенных по отношению к США, чтобы попытаться использовать их в решающий момент против Советского Союза под лозунгами борьбы за «национальный коммунизм».

Именно Даллес, еще работая в Берне, убедил правительство США прекратить поддержку антикоммунистического движения четников Михайловича в Югославии и начать помогать партизанам-коммунистам во главе с Тито. Тем самым были посеяны семена советско-югославского конфликта, успешно взошедшие в 1948 году.

Даллес доставил в Германию видных социал-демократических немецких политиков-эмигрантов Хегнера и Олленхауэра, которые со временем возглавили Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) и перевели ее на антисоветские позиции.

Пребывание Даллеса на посту резидента УСС в Берлине сопровождалось громким скандалом: его сотрудники были изобличены в спекуляции, незаконно присвоив огромную по тем временам сумму – миллион долларов в валюте (швейцарские франки), золоте, картинах и т. д.

К 1949 году Даллес формально не занимал никакого поста в только что созданной по его инициативе американской внешней разведке – Центральном разведывательном управлении (ЦРУ). Трумэн неохотно пошел на создание ЦРУ в 1947-м, опасаясь, что этот монстр с тайными задачами может со временем превратиться в «американское гестапо». Однако первый директор ЦРУ адмирал Хилленкоттер, полный дилетант в мире «рыцарей плаща и кинжала», привлек Даллеса в качестве своего ближайшего советника. Архитектор операции «Восход» активно продвигал на руководящие посты в разведке преданных себе людей из бывшего УСС, вроде Визнера. Сам Визнер не без злорадства описывал ЦРУ при Хилленкоттере как «сборище старых прачек, обменивающихся сплетнями во время стирки грязного белья»^[46].

В 1949 году у Офиса политической координации Визнера было уже пять резидентур, 302 агента и годовой бюджет 4,7 миллиона долларов. К 1952 году резидентур было уже 47, штатных сотрудников – 2812 (плюс еще 3142 «работавших по договору»), а бюджет составил 84 миллиона долларов. По всем мало-мальски важным вопросам Визнер всегда советовался со своим бывшим шефом Алленом Даллесом. К тому же Трумэн назначил Даллеса в непартийную комиссию экспертов, которая должна была выработать предложения по совершенствованию структуры американской внешней разведки. Теперь Аллен Даллес уже официально имел доступ ко всем документам ЦРУ.

После «пражского переворота» и разразившейся после него в США кампании разжигания слухов о «неизбежности войны с СССР» Даллеса стали хвалить за операцию «Восход» как человека, первым разглядевшего опасную сторону мирового коммунизма.

Однако, несмотря на все усилия США, сдержать победную поступь этого самого коммунизма в мире не удавалось. 1 октября 1949 года китайские коммунисты одержали окончательную победу в гражданской войне против проамериканского правительства Чан Кайши и провозгласили Китайскую Народную Республику (КНР). Для американского общественного мнения, основательно запуганного военной истерией, это был настоящий шок. Именно тогда взошла политическая звезда сенатора от Висконсина Джозефа Маккарти, который объяснил «сдачу Китая» проникновением коммунистов во все звенья американского государственного механизма. В Америке расцвела «охота на ведьм», которую с энтузиазмом вел образованный конгрессом Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, где и блистал своими разоблачениями Маккарти. Большое количество коммунистов было обнаружено в Голливуде, но особенно много их оказалось, естественно, в госдепартаменте, «сдавшем» Китай. Главным борцом против «коммунистической инфильтрации в американский кинематограф» был в то время не слишком популярный актер ковбойских вестернов Рональд Рейган.

Чуть раньше, в августе 1949 года Вашингтон был потрясен известием об успешном испытании Советским Союзом атомной бомбы. Аналитики ЦРУ думали, что это произойдет не ранее середины 50-х годов. Шок стал еще более мощным, когда выяснилось, что, пока Маккарти искал коммунистов в Голливуде, советские агенты и их единомышленники-коммунисты активно передавали СССР информацию об американском атомном оружии прямо из сверхсекретной лаборатории в Лос-Аламосе.

Под влиянием «китайского» и «атомного» шока Совет национальной безопасности (СНБ) США решил осенью 1949 года пересмотреть стратегию «сдерживания». В январе 1950 года Кеннана на посту главного стратега холодной войны в госдепартаменте сменил его заместитель Пол Нитце. Нитце (родился в 1904 году в семье немецкого происхождения) работал в 30-е годы в банковском секторе. В 1940 году он перешел на госслужбу и трудился экспертом по экономическим вопросам в Управлении по экономической войне (Board of Economic Warfare), отвечавшем за борьбу против Германии и Японии в экономической области. В 1944 году Нитце стал заместителем председателя межведомственной комиссии по оценке экономического эффекта от стратегических бомбардировок Германии и Японии, а с 1946 года вновь занимался в госдепартаменте экономическими проблемами в Управлении по международной торговой политике (Office of International Trade Policy) и Офисе по экономическим вопросам (Office of Economic Affairs).

Нитце считал политику сдерживания духовного отца «холодной войны» Кеннана слишком мягкой. Кеннан мыслил еще в духе классической дипломатии XIX века и привычно делил весь мир на важные районы и периферию (с точки зрения национальных интересов США). Именно в важных районах, а к таковым Кеннан относил Латинскую Америку и Западную Европу, надо было сдерживать мировой коммунизм. На «периферию» же времени и сил тратить не следовало. В 1949 году Кеннана, считавшего «периферией» и Китай, сделали одним из «козлов отпущения» за «сдачу миллиарда китайцев красным».

Новая стратегия США, разработанная под руководством Нитце и отраженная в директиве СНБ NSC 68, считала необходимым вести активную борьбу против мирового коммунизма по всему миру. Разработчики директивы на основании явно ложных данных ЦРУ пришли к выводу, что СССР начнет войну за мировое господство к 1954 году, а США пока не могут в военном отношении эффективно противостоять подавляющему советскому превосходству. Авторы директивы ничуть не смущало, что «агрессивный» СССР только что потерял 40 % своего национального богатства и 27 миллионов человек в войне.

Если Кеннан реалистично считал, что главной угрозой для США были их внутренние проблемы (дефицит бюджета, расовая сегрегация и т. д.), то директива NSC 68 впервые провозгласила главной угрозой для самого существования Соединенных Штатов Советский Союз.

Казалось, что верность выводов авторов новой директивы о борьбе против СССР по всем азимутам подтвердила вспыхнувшая в июне 1950

года война на корейском полуострове. «Сдавать» подконтрольную Южную Корею американцы не захотели и начали военную интервенцию для спасения ненавидимого большинством населения юга Кореи режима Ли Сын Мана. О характере этого режима свидетельствует хотя бы тот факт, что американский посол с ужасом обнаружил на письменном столе министра образования Южной Кореи бюст Гитлера, а вся оснащенная американцами южнокорейская полиция состояла из тех, кто верой и правдой служил японским оккупантам в годы войны. Неудивительно, что северокорейскую народную армию, офицерский состав которой состоял как раз из бывших партизан, боровшихся против японцев, радостно встречали во всех южнокорейских городах. Армия Южной Кореи разбежалась, и войска КНДР практически без боя заняли почти всю страну. Только город Пусан и его окрестности смогли отстоять срочно переброшенные из Японии американские войска, не допустив тем самым объединения страны.

Но в Вашингтоне, как и в случае с Чехословакией в феврале 1948 года, не допускали мысли о том, что успехи коммунистов могут быть вызваны поддержкой большинства населения. Основной причиной поражения в Корейской войне считалось вмешательство Сталина и Советского Союза.

Национальный комитет за свободную Европу ответил на «агрессию коммунистов в Корее» креативной пропагандистской кампанией «Крестовый поход за свободу». «Поход», начатый в сентябре 1950 года, был использован для сбора «частных пожертвований» на радиостанцию «Свободная Европа». Во главе новоявленных «крестоносцев» стоял бывший главком американских оккупационных войск в Германии Клей, который, как уже упоминалось, едва не начал мировую войну вокруг Берлина в 1948 году^[47]. Естественно, среди организаторов «крестового похода» был и Аллен Даллес, а также будущий президент США Эйзенхауэр. Последний в своей речи от 4 сентября 1950 года (с которой и начался «крестовый поход») обвинил СССР в стремлении к мировому господству, полному «уничтожению человеческой свободы» и попытках ослабить США с помощью «дьявольской клеветы».

Помимо Национального комитета за свободную Европу фонд Рокфеллера образовал еще и Комитет по существующей угрозе (Committee on Present Danger), распространявший в СМИ США и всего «свободного мира» разного рода антисоветские страшилки. На самом деле фонд Рокфеллера был здесь подставной организацией – оба комитета финансировало ЦРУ.

«Крестовый поход за свободу» поразил американцев размахом своей деятельности, за которой тоже стояли отнюдь не бескорыстные спонсоры-

альтруисты, а все то же ЦРУ. Например, в 1950 году было организовано пышное турне по США – «Колокола свободы» (Freedom Train Tour). Под звон колокола подписывались петиции за «свободу Европы». 24 октября 1950 года генерал Клей во время массового митинга торжественно водрузил колокол на ратуше Западного Берлина.

В «крестовом походе» активно участвовали религиозные американские организации различного рода, стремившиеся представить СССР фермерам-баптистам или мормонам из глубинки земным воплощением антихриста. Национальный комитет за свободную Европу немедленно издал пропагандистскую брошюру на английском языке под характерным названием «Разгром церкви коммунистами в Восточной Европе» (Communist Crush Churches in Eastern Europe).

И в деятельности Национального комитета за свободную Европу, и в «Крестовом походе за свободу» особое внимание американцы уделяли Чехословакии.

Проблема с этой страной была в том, что никакого массового «народного» сопротивления коммунистам после «пражского переворота» там не наблюдалось. Не было и признаков массового «коммунистического террора». Правительство ЧСР стремилось активно развивать культурные и экономические отношения с США, Чехословакию без проблем посещали западные туристы. В июле 1949 года известный американский журналист и директор «Нью-Йорк Таймс» Сайрус Сульцбергер заявил после своего возвращения из Праги: «Я все время забывал, что нахожусь в коммунистической стране».

Сразу же после событий февраля 1948 года ЦРУ в своем анализе от 27 февраля 1948 года прямо признало, что в Чехословакии «большинство населения поддерживало некоторые стороны политики коммунистов в экономической сфере, и все партии были готовы следовать за СССР во внешней политике»^[48].

Поэтому главной задачей ЦРУ, офиса Визнера и Национального комитета за свободную Европу было спровоцировать правительство ЧСР на жесткие меры внутри страны, чтобы лишить коммунистов опоры среди населения и подорвать культурные и экономические связи между Прагой и западным миром.

Бюллетень государственной американской Информационной службы (ЮСИС), распространявшийся в Праге, стал активно критиковать власти страны, и в 1950 году эти бюллетени изымались из обращения в Чехословакии 35 раз^[49]. В феврале 1949 года чехословацкие власти заявили

о своем праве ограничивать или запрещать выдачу некоторых книг и журналов населению из пражской библиотеки ЮСИС. Тем не менее, библиотека работала, и американцы регулярно устраивали прямо в центре Праги фотовыставки, посвященные жизни в США. В марте 1949 года министерство информации ЧСР разрешило распространение 6 тысяч экземпляров журнала «Америка».

Радиостанцию «Голос Америки» в Чехословакии стали глушить начиная с августа 1949 года, когда на ее волнах стал активно работать Национальный комитет за свободную Европу.

В сфере экономических отношений с США правительство Готвальда в 1948-1949 годах старалось избегать любых осложнений. Например, предприятие американской компании IBM, работавшее в Чехословакии с 1927 года, было изъято из программы национализации. 29 октября 1948 года было подписано специальное соглашение между IBM и чехословацким министерством промышленности, закрепившее права собственности американских владельцев фирмы.

Готвальд предложил, наконец, решить и проблему компенсации за национализированное в 1945-1947 годах имущество американских компаний в ЧСР. Переговоры на этот счет шли с осени 1945 года, но никакого результата не приносили, так как американцы требовали компенсации в долларах, а в Чехословакии было мало запасов конвертируемой валюты.

После «пражского переворота» кабинет Готвальда предложил заплатить в порядке компенсации 25 миллионов долларов в обмен на американский кредит в 105 миллионов долларов^[50]. Ранее США обещали ЧСР кредит в 250-300 миллионов долларов, но отказались выделить его по политическим мотивам еще в конце 1946 года.

В 1949 году ЦК КПЧ принял специальную программу под наименованием «Наступление чехословацкого экспорта в Соединенные Штаты». В ней, например, содержалось положение о штрафовании чехословацких предприятий, поставлявших в США продукцию недостаточно высокого качества. Предполагалось также создать в торговых училищах специальные курсы по торговле с США и организовать в Америке выставки чехословацких товаров.

Вступив в 1949 году в основанный странами народной демократии и СССР экономический блок – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Чехословакия, тем не менее, в отличие от СССР, продолжала оставаться как членом ГАТТ, так и МВФ.

Довольно позитивный имидж Чехословакии в Америке объяснялся

еще и тем, что влиятельное еврейское лобби в США было искренне благодарно Праге за поддержку Израиля в первой арабо-израильской войне 1948-1949 годов. Именно современное оружие из Чехословакии обеспечило техническое превосходство еврейского государства над своими арабскими противниками и тем самым фактически спасло Израиль от полного уничтожения.

Все эти жесты доброй воли со стороны Чехословакии наталкивались на всякого рода преграды и препоны со стороны американских властей.

В марте 1948 года под всплеск информационной кампании, посвященной «пражскому перевороту», конгресс США принял дополнение к закону о помощи иностранным государствам (Foreign Assistance Act). Теперь под предлогом «угрозы национальной безопасности США» можно было запрещать импорт в Соединенные Штаты любых товаров из восточноевропейских стран.

В 1949 году был принят специальный закон о контроле над экспортом (Export Control Act), запрещавший уже любой американский экспорт в «страны советского блока», если он угрожал все тем же четко не определенным национальным интересам США. Например, были полностью запрещены поставки нефти и нефтепродуктов (в СССР «большая нефть» в Западной Сибири стала добываться и экспортироваться только после 1964 года).

Правда, в госдепартаменте очень скоро осознали, что этот закон приносил вред и США. Чехословакия и другие восточноевропейские страны стали покупать продукцию в других западных странах, от чего страдали прибыли американских компаний. Поэтому госдепартамент то и дело «в виде исключения» разрешал поставки товаров, запрещенных законом о контроле над экспортом.

Например, в октябре 1948 года американской компании «Экссон» разрешили продать в ЧСР 100 тысяч тонн сырой нефти, что составляло четверть годовой потребности Чехословакии^[51]. В противном случае нефть были готовы поставить англичане.

В январе 1949 года госдепартамент дал американской фирме «Клейтон и Ко» согласие на начало переговоров о продаже Чехословакии хлопка на 4-5 миллионов долларов (ЧСР была давним и надежным покупателем американского хлопка). В декабре 1949 года американское внешнеполитическое ведомство заявило, что не возражает против выделения Всемирным банком кредита ЧСР на развитие производства строительной древесины. Дело в том, что в то время в Западной Европе ощущался большой дефицит этого материала, и все страны были

заинтересованы в наращивании чехословацких поставок.

Чехословакия подписала уже в конце марта 1948 года новые торговые соглашения с Данией и Норвегией, а также дополнительное торговое соглашение со Швейцарией. В мае 1948 года был подписан аналогичный чехословацко-французский документ. Таким образом, попытки США изолировать Чехословакию провалились.

В марте 1948 года вся чехословацкая внешняя торговля была национализирована.

Однако принципиальная линия США в отношении «коммунистического режима в Праге» была жесткой и недвусмысленной. Из-за упомянутых американских торговых ограничений торговля между США и ЧСР в 1949 году сократилась по сравнению с 1948-м наполовину. Американцы отказывались поставлять даже уже оплаченные чехословацкой стороной товары, каковых в США на сентябрь 1951 года находилось на 27 миллионов долларов^[52].

Нормальные связи Запада с «коммунистической» Чехословакией были абсолютно неприемлемы для Даллеса и Визнера. Необходимо было любой ценой организовать в ЧСР антигосударственное оппозиционное движение, чтобы спровоцировать чехословацкие власти на жесткие ответные меры. А таковые, в свою очередь, позволили бы сформировать для ЧСР имидж полицейского тоталитарного государства, попирающего все права человека.

В июле 1948 года очередной разрешенный властями парад военно-спортивной организации «Сокол» (по случаю ее IX общегосударственного слета), всегда отличавшейся воинственным антикоммунизмом, с помощью американского посольства в Праге попытались превратить в массовую оппозиционную демонстрацию. Неожиданно в руках примерно 4000 членов «Сокола», пришедших на пражский парад, появились флаги США, Великобритании и, что особенно поразительно, Югославии.

До разрыва между Москвой и Белградом в июне 1948 года именно коммунисты в ЧСР были сторонниками всяческого развития отношений с «братской славянской Югославией», в то время как некоммунистические партии Национального фронта до февраля 1948-го обильно поливали грязью в своих СМИ «титовский диктаторский режим». Югославское посольство даже официально протестовало против клеветы о «бедственном положении чехов и словаков в Югославии», которую распространял официальный орган ЧНСП газета «Свободне слово».

После июня 1948 года антикоммунисты в ЧСР вдруг превратились в горячих сторонников «порвавшего со сталинизмом Тито». Здесь чувствовалась рука Даллеса, давно пытавшегося использовать против

Москвы «национальный коммунизм» в других странах.

Следует отметить, что ЧСР на первых порах после разрыва между Сталиным и Тито продолжала развивать с Белградом нормальные экономические отношения.

Во время демонстрации «Сокола» 6 июля 1948 года в Праге раздавались здравицы в честь Бенеша и Тито. Многие «соколы» в ходе шествия демонстративно отвернулись от трибуны, с которой их приветствовал новый президент ЧСР Готвальд. В лицо президенту неслись лозунги типа «Вы убили нашего Масарика, Бенеша мы убить не дадим!», «Пусть слышит весь мир – Бенеш должен вернуться в (Пражский) Град!»^[53]. Были планы направить манифестантов на штурм резиденции президента – Пражского Града, – о чем знала чехословацкая госбезопасность. Среди манифестантов было много бывших офицеров и унтер-офицеров. Однако в последний момент организаторы слета труслили и дали отбой.

К огорчению американцев, никаких массовых репрессий против «Сокола» не последовало. Были задержаны около 200 человек, которых быстро отпустили. На заседании руководства КПЧ 19 июля 1948 года главный идеолог коммунистов Копецкий предложил разгромить «Сокол» и показать «провокаторам твердую руку». Готвальд высказался в том смысле, что «пусть „Сокол“ лучше вообще не функционирует, чем функционирует против нас». Но пока ограничились тем, что решили начать против «Сокола» массовую кампанию в печати.

Новая провокация «спортсменов» последовала 8 сентября 1948 года, когда десятки тысяч людей хоронили скончавшегося от болезни бывшего президента Бенеша. Эту манифестацию руководители «Сокола» по согласованию с американским посольством тоже пытались превратить в массовые столкновения с правоохранительными органами.

На заседании Президиума ЦК КПЧ 9 сентября 1948 года генеральный секретарь партии Рудольф Сланский (второй человек в КПЧ после Готвальда) заявил: «...Реакционеры хотели использовать похороны как предлог для провокаций в широком масштабе, чтобы достичь того, чего не сумели добиться в феврале (1948 года). Похороны превратились в антиправительственную демонстрацию. Она охватила примерно 100 тысяч человек; несмотря на опубликованные предупреждения, в Прагу прибыло большое число людей. Мы правильно охарактеризовали это дело как попытку путча. Это именно то, во что должны были превратиться похороны. Реакционеры хотели добиться господства на улицах. Были изданы листовки, призывающие людей к открытой борьбе, к занятию

министерств, железнодорожных станций, почтовых учреждений и т. п.»^[54].

На сей раз власти кампанией в прессе уже не ограничились. До ноября 1948 года из «Сокола» было исключено более 11 тысяч членов, а 15 тысяч лишили их постов в организации. Теперь «Сокол» был надежным членом Национального фронта.

Логично, что союзником американцев в борьбе против «коммунистического режима», именовавшейся в США, как уже упоминалось, «крестовым походом за свободу», стала католическая церковь Чехословакии.

Авторитет церкви в этой стране был наиболее слабым из всех восточноевропейских стран, что объяснялось историческими условиями. Католическая церковь до 1918 года была верным проводником политики австрийских Габсбургов в чешских землях, поэтому к ней прохладно относились не только коммунисты. Национальные социалисты и Бенеш занимали гораздо более враждебные по отношению к католической церкви позиции, чем КПЧ. Тем более что Бенеш справедливо винил католическую церковь в организации сепаратистского мятежа в Словакии в марте 1939 года, явившегося для Гитлера предлогом для оккупации Чехии и Моравии. В годы Второй мировой войны католическая церковь Словакии активно поддерживала правящий фашистский режим, который даже называли клеро-фашистским, а после войны выступала в защиту осужденных чехословацкими судами словацких сепаратистов и военных преступников.

После войны католическая церковь имела наиболее сильные позиции среди словацкого крестьянства и сельского населения Моравии. В крупных чешских городах и промышленных районах ее авторитет уже давно был минимальным. Среди партий Национального фронта до февраля 1948 года на католический клир опирались Народная партия и словацкая Демократическая партия.

Понимая свое ограниченное влияние на население и весьма непростую историю отношений с независимым чехословацким государством, католическая церковь не вмешалась во внутривнутриполитический конфликт в феврале 1948 года, тем более что коммунисты после 1945-го старались проводить по отношению к церкви в чешских землях уважительную политику.

Фактический глава чешских католиков, пражский архиепископ Йозеф Беран^[55], которого коммунисты уважали за то, что он сидел при нацистах в концлагере, отслужил в честь нового президента ЧСР и лидера компартии Клементы Готвальда торжественную мессу 14 июня 1948 года^[56]. Однако

уже через четыре дня церковные иерархи фактически объявили новому режиму войну, освободив от всех церковных должностей всех священников, которые стали депутатами Национального собрания или вошли в правительство Запотоцкого.

При этом ранее церковь не имела ничего против того, что католический священник, лидер народной партии Шрамек был при Бенеше членом кабинета министров. А вот нового лидера ЧНП священника Йозефа Плойгара (министра здравоохранения) епископат обвинил в излишней мирской активности. Досталось от католического клира и двум членам словацкого автономного правительства – Корпуса уполномоченных – священникам Гораку и Лукачовичу.

Еще раньше во время парламентской предвыборной кампании церковь публично выступила против единого списка кандидатов от партий Национального фронта, что было явным нарушением принципа отделения церкви от государства.

Чешский католический епископат чувствовал за спиной поддержку Ватикана – папа Пий XII выступил 30 июня 1948 года с резкой критикой мирового коммунизма. В это же время Ватикан тайно переправлял в католическую Испанию диктатора Франко, а в Латинскую Америку – немецких, хорватских и словацких нацистских преступников, снабженных свежими ватиканскими паспортами.

Правительство Запотоцкого отреагировало на открытую враждебность церкви требованием отправить в отставку четырех епископов. Остальные должны были подписать документ о лояльности властям (требование, обычное и для довоенной Чехословакии). В октябре 1948 года эти требования были отвергнуты верхушкой католической церкви, а в марте 1949-го епископат вообще прервал все переговоры с правительством. По странному стечению обстоятельств, этот демарш совпал с учреждением в США Совета свободной Чехословакии.

Архиепископ Беран 15 июня 1949 года обратился к населению с пастырским посланием, в котором подтвердил свою бескомпромиссную позицию. Он назвал клятву лояльности по отношению к новому правительству «предательством христианской веры».

Коммунисты отреагировали на жесткую линию Берана не менее жестко. Самого архиепископа отправили под домашний арест, а в пик официальной католической церкви при поддержке властей была создана «обновленная церковь» – движение «Католическое действие» под руководством уже упоминавшегося Йозефа Плойгара. В учредительном заседании приняли участие 70 священнослужителей, а около 2000

выразили свою поддержку.

В ответ епископат отлучил всех участников «Католического действия» от церкви, однако соответствующие декреты от 28 июня и 13 июля 1949 года были объявлены властями недействительными. 19 июня члены Народной милиции попытались помешать службе Берана в главном пражском соборе Святого Вита.

Опять-таки по странному стечению обстоятельств, всплеск конфронтации чешских епископов с государством совпал по времени с учреждением в США Национального комитета за свободную Европу.

Чтобы не провоцировать дальнейшее отлучение от церкви священников, поддержавших «Католическое действие», руководство организацией передали в руки мирян. Ее председателем стал муж известной чешской писательницы Марии Пуймановой Фердинанд Пуйман (талантливый оперный режиссер, по образованию инженер-строитель). При этом среди участников «Католического действия» имелось много коммунистов, так как в то время верующие члены КПЧ (особенно в Моравии) были отнюдь не редкостью.

Помимо чешского епископата в борьбу против «еретиков» из «Католического действия» включился Ватикан, который 20 июня 1949 года отлучил всех его членов от церкви. Отношение к «Католическому действию» грозило и расколом только что обновленной Чешской народной партии во главе с Плойгаром, что было невыгодно коммунистам.

14 октября 1949 года в ЧСР был принят новый закон о церкви, согласно которому к государству перешло все церковное имущество, а для управления церковными вопросами создавался специальный государственный орган. Государство взяло на себя финансирование всех священников и их приходов, что обошлось в 2 миллиарда крон в год. В обмен на это все священники должны были заявить о полной лояльности государству. Несмотря на призывы епископата не подчиняться новому закону, 98 % рядовых священников, финансовое положение которых сильно улучшилось (ранее именно епископам шли основные средства, собранные с верующих), к 22 января 1950 года принесли клятву лояльности. В ответ на это весной 1950 года было тихо распущено «Католическое действие».

После провокаций «Сокола» на похоронах Бенеша и антигосударственной деятельности церкви правительство ЧСР, к радости Даллеса, решило несколько «закрутить гайки» в стране. 6 октября 1948 года был принят закон № 231 об охране народно-демократической республики, регламентировавший борьбу с политическими преступлениями и антигосударственной деятельностью. Такие законы

существовали и во многих западных государствах, и в самой Чехословакии до войны. Новизной закона 1948 года было то, что отныне незаконная эмиграция из страны считалась преступлением против государства. К тому же для рассмотрения дел по закону № 231 учреждался специальный суд.

25 октября 1948 года был издан также закон № 247/48, предусматривавший создание лагерей принудительного труда. Через эти лагеря, существовавшие до 1954 года, по некоторым оценкам, прошло до 20 тысяч человек (хотя есть и другие данные). Лагеря организовывали в тех районах страны, где ощущался недостаток рабочей силы. Существовали отдельные лагеря для политических преступников, уголовников, молодежи и женщин. В лагеря отправляли даже тех, кто не совершил конкретного преступления. Достаточно было слушать западные радиоголоса или иметь родственников в капиталистических странах. В эти же лагеря попадали проститутки и спекулянты. Нахождение в лагере не считалось отбыванием тюремного срока – наоборот, это было своего рода превентивное наказание, избавлявшее «заблудшего» от реальной судимости.

В лагерь по решению местного национального комитета (специальной комиссии комитета из трех человек – «тройки») могли отправить любого гражданина ЧСР в возрасте от 18 до 60 лет на срок от трех месяцев до двух лет. Только в 1949 году комиссии отправили в лагеря 9061 человека. Комиссия могла и не согласиться с предложением об отправке того или иного гражданина в лагерь. С декабря 1948 по август 1950 года комиссии рассмотрели 31 тысячу предложений и одобрили отправку в лагеря 16691 человека.

Смысл лагерей был в «политической перековке» противников нового строя трудом. Направленные в лагеря люди работали на обычных заводах и получали такую же заработную плату, как и нормальные рабочие. В законе содержалось предписание, чтобы родственники направленных в лагеря людей, особенно дети, не страдали. С 1951 года находившиеся ранее в ведении МВД лагеря перешли под контроль министерства юстиции. В лагерях не было даже постоянной охраны. Лишь время от времени их патрулировали сотрудники госбезопасности, которых в 1949 году на все лагеря было 297 человек. Причем на рабочем месте охраны не было вообще. Неудивительно, что в 1949 году попыталось бежать около 900 заключенных^[57] (10 % от всех, кто находился в лагерях). Примечательно, что десятки беглецов возвращались назад добровольно. Если человек тяжело заболел, его обычно отпускали из лагеря домой (например, в 1950 году таких случаев отмечено 617).

Лагеря были самокупаемыми – их обитатели платили за кров, одежду,

еду и иные услуги. В 1949 году лагеря получили от своих заключенных 77 миллионов крон, а истратили на их содержание 66,4 миллиона.

Пять лагерей находилось в районе урановых рудников Яхимова (через них прошло около 5 тысяч человек). Уран поставлялся в основном для ядерной программы СССР (всего 98 тысяч тонн урановой руды). До 1949 года на урановых рудниках работали в основном судетские немцы и присланные из СССР немецкие военнопленные.

Судебные процессы врагов нового строя начались еще до принятия закона об охране республики, ранней осенью 1948 года.

Например, 7 сентября 1948 года верховный военный суд в Праге осудил на пять лет за злоупотребление служебным положением и за военную измену бригадного генерала Йозефа Бартика. Бартик возглавлял после 1945 года военную разведку (управление Z) и пользовался личным доверием президента Бенеша. Генерал следил за тем, чтобы среди 180 сотрудников его управления коммунистов и сочувствующих было как можно меньше. Естественно, со стороны КПЧ Бартик никакими симпатиями не пользовался. Сотрудники МВД (где коммунисты и до февраля 1948 года имели преобладающие позиции) выдвинули против генерала обвинение, что бывший сотрудник гестапо Йозеф Вондрачек передавал ему конфиденциальную информацию, в том числе о ведущих деятелях компартии. Эту информацию Бартик, по данным МВД, без санкции министра обороны Свободы и политического руководства страны переправлял английской разведке. Бартик потерял пост начальника разведки еще в январе 1946 года, а 8 марта 1948-го был арестован^[58].

11 сентября 1948 года тот же верховный военный суд вынес приговоры группе офицеров чехословацкой армии. Штабс-капитан Немечек и капитан Тайхман получил по восемь лет за подготовку путча против республики, а дивизионный генерал Жак отделался годом заключения за подготовку измены родине.

Однако эти процессы были отнюдь не массовыми репрессиями, на которые рассчитывал Даллес, а скорее частью начавшейся после февраля 1948 года коренной чистки чехословацкой армии от прозападных элементов и сторонников Бенеша.

Если органы МВД и госбезопасность до февраля 1948-го комплектовались в основном кадрами из борцов движения Сопротивления (а там большинство были коммунистами), то среди среднего и высшего офицерства новой армии после 1945 года преобладали те, кто находился во время войны в рядах чехословацких частей в Англии. Для коммунистов это было неприемлемо, так как воевали в годы войны в основном не

«западные» чехи и словаки, а сформированный в СССР чехословацкий армейский корпус генерала Свободы. Но именно офицеров из этого корпуса (освобождавшего, например, Киев) обходили назначениями после 1945 года. Ведь документы о присвоении высших званий подписывал лично Бенеш как верховный главнокомандующий.

После февраля 1948 года победившие коммунисты, наоборот, стали очищать армию от прозападного офицерства и личных друзей Бенеша.

В целом февральские события не вызвали в рядах армии серьезных волнений. Однако некоторые офицеры приступили к созданию подпольных групп, готовивших свержение нового народно-демократического строя.

Например, группа офицеров и гражданских сторонников Бенеша «Шержик» активно сотрудничала с разведками демократических, то есть западных стран. Затем эта группа объединилась с другой подпольной офицерской организацией в группу «Правда победит!»^[59]. В этой группе было много сторонников военного руководителя Пражского восстания 1945 года генерала Кутлвашра, тесно сотрудничавшего с власовцами в мае 1945 года.

Группы «Шержик» и «Правда победит!» были обнаружены и разгромлены госбезопасностью в конце 1948 года. Из «Шержика» осудили 14 человек.

Но в Праге существовали и другие военные подпольные антикоммунистические группы: «Весна», «Верные», «Славой» и т. д. Практически во всех этих военных и гражданских подпольных группах были двойные агенты госбезопасности, что и приводило, как правило, к быстрому разгрому организаций. Следует отметить, что в политическом отношении нелегальной деятельностью как в армии, так и вне ее руководили в основном члены национально-социалистической партии.

Характерным в этом отношении является случай Властислава Халупы (родился в 1919 году), который до февраля 1948 года отвечал в руководстве ЧНСП за связи с научными кругами. Генеральный секретарь национальных социалистов Крайна (ярый противник коммунистов) предложил Халупе после парламентских выборов занять его место. После февраля Халупа начал организовывать «новое движение Сопротивления» против КПЧ, причем с помощью посольства Нидерландов. Но и там на госбезопасность работала агент «Джой», от которой и стало известно о незаконной деятельности Халупы.

7 апреля 1948 года Халупу тайно арестовали, и уже на второй или третий день он сам согласился помогать органам госбезопасности (причем никаких мер «физического воздействия» к нему не применялось).

Возможно, Халупа «сломался» на том, что госбезопасности было известно о его странном поведении в годы войны. Халупа был арестован гестапо, но через восемь месяцев его вдруг выпустили из концлагеря Заксенхаузен под Берлином, где держали особо опасных врагов рейха, и бывший узник стал членом гражданской службы ПВО в нацистском протекторате Богемии и Моравии.

С согласия госбезопасности Халупа (теперь агент госбезопасности «Король», «доктор Красный» и «доктор Сладкий») основал подпольную «антибольшевистскую» Партию труда, издававшую нелегальные газеты «Пламя» и «Голос свободной республики».

До осени 1949 года в рамках операции «Скаут» Халупа вывел органы госбезопасности на несколько подпольных военных и гражданских групп (помимо вышеупомянутых речь шла об организациях «Мы еще придем!», «Снежинка», «Черная команда» и т. д.). Причем Халупа выявил и связи части этих групп с западными спецслужбами. Благодаря деятельности «Короля» арестовали несколько сотен человек. В сентябре 1949 года «доктор Сладкий» был направлен за границу («тайно эмигрировал») и уже оттуда «руководил» антикоммунистическим подпольем.

Следует подчеркнуть, что эти подпольные группы и их связи с Западом были фактом, а не выдумкой «сталинистской» госбезопасности.

В конце 1948 – начале 1949 г. в ЧСР возникла довольно разветвленная и крупная подпольная организация «Йебавы», названная так по имени одного из ее руководителей Мирослава Йебавы (1911-1949). Йебавы, в отличие от многих других лидеров подпольных групп, – опытный разведчик и конспиратор, был для госбезопасности серьезным и опасным противником. После окончания гимназии в Оломоуце он эмигрировал во Францию в поисках работы, но не смог нигде устроиться и завербовался на службу во французский Иностраннный легион (служил в Марокко и Алжире).

С началом Второй мировой войны Йебавы вступил в английскую армию и прошел курсы парашютной и разведывательной подготовки по методике британского спецназа – САС («Командование специальных операций» – разведывательно-диверсионные отряды британской армии). В 1942 и 1943 годах с парашютом и с подводной лодки высаживался в оккупированной немцами Франции. В июле 1943-го был арестован вишистской коллаборационистской полицией и находился в заключении до января 1944 года. Сбежал, перешел Пиренеи, всю Испанию и добрался до Гибралтара, откуда вернулся в Англию. Йебавы дослужился у англичан до майора и в 1944 году по собственному желанию перешел на службу в

армию де Голля, где командовал десантной ротой. Был тяжело ранен во время форсирования Рейна в марте 1945 года, и на этом война для него закончилась.

В апреле 1946 года после продолжительного лечения Йебавы вернулся в Чехословакию и стал работать на фирме «Прага Экспорт», которой владел его брат.

После февраля 1948 года Йебавы создал подпольную организацию, в которую входило до 300 человек. Группа собирала и передавала английской разведке информацию военного характера. С Йебавы сотрудничали офицеры из министерства обороны, а также из гарнизонов Жатец, Подборжаны, Хомутов, Миловице^[60], Бероун и т. д. На связи с группой был сотрудник британской разведки Уидаш, работавший в Праге под дипломатической «крышей» вице-консула. Группа готовила вооруженное выступление, но была обезврежена накануне планировавшегося мятежа – 7 марта 1949 года^[61].

Пять человек из группы были осуждены за измену родине к смертной казни. Приговор в отношении Йебавы был приведен в исполнение 18 июля 1949 года.

Примерно в это же время в ходе операции госбезопасности «Норберт» была разгромлена группа «Жатец» во главе с сотрудником центрального аппарата министерства обороны подполковником Вилемом Зигером (Соком).

Связи армейских и иных подпольных групп с западными разведками также были отнюдь не вымыслом чехословацкой госбезопасности.

Сразу после февраля 1948 года западные спецслужбы создали разведывательно-диверсионные организации из бывших чехословацких офицеров в Англии, Франции и в американской зоне оккупации Германии.

Разведывательную сеть во Франции возглавлял генерал Ченек Кудлачек^[62] (в годы войны имел боевой псевдоним Гутник, то есть «горняк»). В американской зоне оккупации Германии активную деятельность по работе против Чехословакии развернул бывший военный атташе США в Праге Чарльз Катек. Под его крылом работала разведывательно-диверсионная группа бывшего полковника чехословацкого генштаба Ярослава Кашпара-Патого. В нее входил, например, бывший уполномоченный по внутренним делам Корпуса уполномоченных (автономного правительства) Словакии генерал Ферьенчик.

Самую крупную на первых порах античехословацкую

разведывательно-диверсионную организацию создали англичане. Это объяснялось тем, что многие прозападно настроенные офицеры чехословацкой армии в годы войны находились именно в Великобритании и имели давние связи с «Сикрет Интеллидженс Сервис» (СИС, британская разведка). Группу, называвшуюся Czechoslovak Intelligence Organisation (СИО, «Чехословацкая разведывательная организация»), возглавил бывший полковник чехословацкого генштаба Карл Йиндржих Прохазка. Эта сеть с самого начала ориентировалась не только на сбор разведывательной информации, но и на засылку в ЧСР террористов и организацию внутри Чехословакии подпольных оппозиционных групп^[63]. Вся организация была зашифрована под кодовым названием MEASURE (то есть «мероприятие»), ее курировал большой знаток чехословацких дел со времен войны майор СИС Кери. Организация имела резидентуры в Цюрихе, Копенгагене, Гамбурге, Вене, Стокгольме, Гааге, Брюсселе и Иерусалиме.

Однако американцев не устраивало первенство британцев в деле разведывательно-диверсионной борьбы против Чехословакии. В Вашингтоне решили организовать единую разведслужбу под крышей Совета свободной Чехословакии, который, в свою очередь, также был создан под нажимом американцев, чтобы контролировать всю политическую эмиграцию.

Возглавить единую разведслужбу хотел бывший генерал Франтишек Моравец, который в годы войны руководил спецслужбой чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне и каждый день докладывал Бенешу о ситуации в стране и в мире. Именно Моравцу принадлежала идея убить заместителя имперского протектора Богемии и Моравии Гейдриха в 1942 году.

После возвращения Моравца из Лондона в 1945 году против него было начато служебное расследование. Его обвиняли в том, что он с помощью британской разведки панически бежал из страны в Лондон в марте 1939 года и не уничтожил документы 2-го отделения (разведки) штаба 1-го корпуса чехословацкой армии, которые попали в руки немцев. Благодаря этим документам гестапо разгромило сеть военного Сопротивления в ЧСР и даже смогло перевербовать некоторых агентов.

Моравец сам факт не отрицал, но утверждал, что уничтожить документы должно было командование корпуса, а он как начальник 2-го отделения генштаба, то есть руководитель военной разведки всех вооруженных сил, за это не отвечал. В конце концов, Бенеш как верховный главнокомандующий специальным приказом прекратил расследование в отношении Моравца, и 1 декабря 1947 года генерал был назначен

исполняющим обязанности командира 14-й артиллерийской дивизии в городе Млада-Болеслав. Рассчитывая на свои связи с Бенешем, Моравец ждал со дня на день повышения до командующего корпусом, но тут подоспели февральские события 1948 года^[64].

Моравец был ими шокирован. Он писал племяннику, что жизнь кончена, ведь народ рукоплещет уничтожению всего того, что ему дорого. В то же время Моравец был морально готов «понять», как он выражался, новую власть и предложить ей свои услуги. Он осознал, что Бенеш, на которого он сделал ставку всей своей жизни, оказался слабаком, и необходимо «сменить лошадь».

Однако резидент британской разведки в Праге Джобсон убедил Моравца сбежать из страны и возглавить разведсеть чехословацкой эмиграции в Лондоне. Англичане не хотели, чтобы Моравец, обладавший обширнейшей информацией о методах и кадрах СИС, перешел на службу к коммунистам. В марте 1948 года Моравец поездом выехал из Праги на курорт Марианске-Лазне, где пришел на явку британской разведки. Оттуда его мотоциклом доставили к условленному месту на границе, и он нелегально покинул родину. Жену Моравца Власту с поддельным паспортом на машине с британским дипломатическим номером также вывезли из страны.

В Германии Моравца немедленно взял в оборот уже упоминавшийся выше Чарльз Катек, стремившийся обойти англичан в создании мощной античехословацкой разведывательно-диверсионной организации. Организацию назвали Special Service Company 946 («Специальная сервисная компания»), и она базировалась в Гейдельберге и Штутгарте. В «компанию» входил, среди прочих, Антонин Бартош, бывший диверсант Моравца в годы войны, а после 1945 года – депутат парламента от ЧНСП, возглавлявший комиссию партии по военным вопросам. «Компания» функционировала под крышей американской военной разведки MIS.

Однако Моравцу не удалось стать шефом единой разведки при созданном американцами Совете свободной Чехословакии. Этот пост занял генерал Сергей Ингр – бывший министр обороны эмигрантского чехословацкого правительства в Лондоне в годы войны^[65]. Ингр сделал своими заместителями во Франции Кудлачека, в Англии – Прохазку. Моравца американцы «продавить» на пост начальника объединенной разведки Совета не смогли, так как его не любили многие коллеги по армии за бегство из страны в марте 1939 года.

Тем не менее, находясь под крылом американцев, Моравец вместе с

Катеком приступил с начала 1949 года к активному набору и подготовке диверсантов в лагерях для «перемещенных лиц» в Западной Германии (в Валке, Мурнау и Ульме). Затем будущих диверсантов направляли в один из тренировочных центров американской разведки в Западной Германии.

В тренировочном центре ОКАРІ в Дармштадте (фигурировал как американская воинская часть, почтовый ящик 175; Army Post Office (APO)) готовили диверсантов для проникновения в ЧСР по суше. В рамках центра существовали две разведшколы для начинающих (ОКТА I и ОКТА II) и школа DELTA для «повышения квалификации».

Тренировочный центр СОММО во Франкфурте-на-Майне (APO 757) готовил радистов.

Специальной подготовкой для заброски диверсантов в ЧСР по воде (на лодках или с аквалангами) занимались американские инструкторы из «Речного патруля ВМС США» (US Navy River Patrol) в Мангейме. Тренировки проводились на рукавах Рейна у города Шпейер.

ВВС США в Европе (USAFE) на своих базах в Фюрстенвальдбрюке (ФРГ) и Бовингтоне и Бедфорде (Великобритания) учили людей Моравца (американцы присвоили генералу псевдоним «Арнольд») проникать на родину с помощью воздушных шаров.

Штаб «организации Моравца» находился в западногерманском городке Бенсхайм: официально на большой вилле, именованной американцами Pink House (то есть «Розовый дом»), располагалась организация «Американский офис Бостона» (American Office of Boston)^[66]. Моравец опять почувствовал себя важным лицом: он располагал светло-зеленым «шевроле 52» с водителем, стал одеваться в свою любимую дорогую добротную английскую одежду и ездить на рыбалку.

Моравец лично инструктировал разведчиков, которых нелегально забрасывал в Чехословакию. Причем эти люди занимались отнюдь не только добыванием разведданных и поддержанием связи с подпольем в ЧСР.

27 мая 1948 года в Праге в своей квартире из автомата был застрелен Августин Шрамм, судетский немец, который еще в 30-е годы был членом ЦК КПЧ. В 1938 году он эмигрировал в СССР, и в годы войны, будучи майором НКВД, организовывал заброску в ЧСР парашютистов-разведчиков (то есть занимался тем же, что и Моравец в Лондоне). После войны возглавил отдел ЦК КПЧ по работе с бывшими партизанами и борцами Сопротивления, затем перешел в министерство обороны. Есть данные, что Шрамм осуществлял связь между госбезопасностью ЧСР и ее советскими коллегами.

В эмиграции распускались слухи, что Шрамм лично организовал убийство Яна Масарика и чуть ли не собственноручно вытолкнул его из окна, – поэтому ему надо отомстить. Скорее всего, именно Моравец стоял за убийством своего конкурента по военным временам, хотя этот вопрос не прояснен и по сей день. Распространяемая сейчас в Чехии версия о том, что Шрамма убила сама же госбезопасность, не имеет под собой никаких оснований, а тем более мотива. Официально за убийство Шрамма был осужден и казнен один из лидеров студенческого движения Хоц. Но вряд ли он сделал это один. Моравец же еще со времен войны считался специалистом именно по терактам.

Однако в лице молодой чехословацкой госбезопасности американцы и Моравец столкнулись с достойным противником. МВД ЧСР, которому подчинялся Корпус национальной безопасности, создало несколько фиктивных подпольных организаций, в сети которых попало много западных агентов. Пример такой организации – группа «Светлана». Первоначально ее создали лишь для отслеживания настроений среди кругов, оппозиционных новой власти. Затем «Светлана» перешла к «подпольной борьбе против режима». В сети «Светланы» попали и были арестованы в 1949-1950 годах более 500 человек^[67]. Некоторых взяли сразу после подписания торжественной присяги и выдачи удостоверений подпольщиков. 10 членов «Светланы» были казнены, 20 – получили пожизненные сроки тюремного заключения.

Другой успешной операцией госбезопасности была упоминавшаяся выше операция «Камень», причем здесь удалось напрямую переиграть американскую разведку. Сотрудники КНБ «переводили» врагов нового строя через границу, а на самом деле они все еще находились на территории ЧСР. При допросах «американскими офицерами» беженцы охотно делились информацией о своих связях и своей подпольной деятельности, чем подписывали себе приговор.

Операция «Камень» развивалась по образцу аналогичной советской операции, которую в то время проводили в Берлине. За «Камень» отвечало управление I КНБ (контрразведка) и непосредственно 28-й отдел сектора, работавший против американской разведки за рубежом, а также 29-й отдел, который следил за американским посольством и другими американскими учреждениями в ЧСР. Агентами-провокаторами выступали сотрудники сектора IV, отвечавшего за аресты.

Обычно агент-провокатор как представитель американской разведки выходил на вызывавшего подозрение военного или чиновника и «доверительно» сообщал ему, что вот-вот предстоит его арест и, по мнению

американцев, ему лучше немедленно бежать из страны. Если лицо «заглатывало наживку», его «переводили через границу», где допросы вел офицер американской разведки (в этой роли обычно выступал офицер КНБ Амон Томашов, «Тони»)^[68].

Заканчивалось все по-разному. Иногда «беженца» направляли без охраны на другой пост армии США, и по пути его задерживали чехословацкие пограничники. Иногда удивленному «борцу против тоталитаризма» сообщали, что его прошение о политическом убежище в США отклонено, и его «передавали чехам». Причем сведения о таком «негостеприимстве» американцев циркулировали по Чехословакии и удерживали многих от эмиграции.

Например, агент КНБ Яноушек, представившись агентом британской разведки «Джонни», побудил к эмиграции чиновника МВД Олдржиха Малаца, который во время войны работал в разведке у Моравца и в начале марта 1948 года был уволен из МВД. 1 мая 1948 года «Джонни» доставил Малаца на КПП «армии США», где того стал допрашивать «Тони». Однако Малац в 1943-1944 годах жил в США и сразу понял, что акцент у «американского офицера» отнюдь не американский. К тому же у «Тони» был специфический словарный запас, почерпнутый в основном из лексикона британских моряков. Наконец, бывший разведчик Малац увидел на столе «Тони» пишущую машинку чехословацкого производства. Неудивительно, что Малац ни в чем не признался и получил «лишь» 15 лет тюрьмы за попытку незаконного перехода границы.

В том же мае 1948 года в сети операции «Камень» попали майор ВВС ЧСР Гнатек (во время войны воевал в Англии) и еще 11 военнослужащих. Гнатек приговорили к смертной казни, но потом заменили высшую меру 15-летним заключением.

Американцы все же вышли на след «Камня» и в июне 1948 года направили в МИД ЧСР ноту протеста. Следующую ноту американцы прислали 2 июля, протестуя против использования чехословацкими должностными лицами формы американской армии. В ответной довольно саркастичной ноте МИД ЧСР утверждал, что американцы пали жертвой «недобросовестного информатора».

На самом деле «Камень» выдал американцам член одной из разведывательных организаций спецслужб США на территории Чехословакии Станислав Лишка, до войны служивший в полиции ЧСР. КНБ привлекла Лишку в качестве «проводника» для эмигрантов, не зная, что он работает на американцев. Но американцы не берегли своих агентов. В ноте посольства США содержалось такое подробное описание

фальшивого поста «армии США», что выйти на Лишку как на источник этой информации для госбезопасности большого труда не составило. 10 декабря 1948 года Лишка был арестован, но, будучи опытным полицейским, он сумел откреститься от всех обвинений, и через пять месяцев его отпустили. 12 августа 1949 года Лишка бежал из ЧСР в Западную Германию. Однако там в одном из лагерей для «перемещенных лиц» Лишку как своего «проводника» узнал один из бежавших из лагеря в ЧСР инженер – жертва «Камня». Американцы арестовали Лишку и обвинили его в работе на госбезопасность ЧСР. Лишке снова удалось оправдаться, доказав свою работу на американскую разведку в течение трех лет. Тем не менее, убежища в США подозрительному агенту не предоставили и поторопились отправить его в Канаду.

Неудивительно, что в противовес столь мощной разведывательно-диверсионной работе из-за рубежа руководство компартии Чехословакии стремилось очистить вооруженные силы ЧСР от ненадежных, а подчас и прямо враждебных элементов.

В январе 1949 года при ЦК КПЧ был образован специальный орган – Военный комитет – для проведения в вооруженных силах политики партии. В комитет входили президент Готвальд, генеральный секретарь КПЧ Сланский, министр обороны генерал армии Свобода, начальник генерального штаба корпусный генерал Дргач, заместитель министра обороны по политическим и правовым вопросам корпусный генерал Прохазка, заместители министра обороны по материальной части и кадровым вопросам дивизионные генералы Дрнец и Рейцин. Позднее в Военный комитет вошли председатель правительства Запотоцкий, министр внутренних дел Носек, министр юстиции Чепичка (зять Готвальда), начальник военной канцелярии президента республики дивизионный генерал Сатори, руководитель военного отдела ЦК КПЧ подполковник Антонин Свобода и председатель Госплана (государственного ведомства по планированию) ЧСР Доланский.

Все вопросы, выносимые на заседание Военного комитета, предварительно обсуждались «узким» руководством министерства обороны. Чистку в армии проводил «Армейский консультативный орган», занимавшийся и до февраля 1948 года в основном кадровой политикой.

После февральских событий КПЧ решила создать свои первичные организации прямо в воинских частях, что и было сделано в сентябре 1948-го. Раньше члены партии в вооруженных силах были записаны в обычные «гражданские» первичные организации по территориальному принципу (по месту дислокации военных гарнизонов). Причем офицеры и рядовые были

в разных первичных организациях. Как и в партии в целом, была проведена проверка и среди армейских коммунистов. В офицерских парторганизациях членские билеты сохранили 40 % коммунистов, 60 % офицеров-коммунистов перевели в кандидаты. Среди рядового и сержантского состава в рядах партии оставили 72 %, а 28 % стали кандидатами^[69].

В конце 1948 года 80 % всех офицеров армии были членами или кандидатами в члены КПЧ, в то время как перед февралем 1948-го – лишь 15,4 %. Всего в армии на начало 1949 года было 25 тысяч членов и 16 тысяч кандидатов в члены партии.

Чистка в армии началась весной 1948 года, когда различные «комитеты действия» Национального фронта представили предложения в «Армейский консультативный орган» об увольнении из вооруженных сил 981 генерала и офицера. Но уволено из армии было лишь 454 генерала и офицера. Причем этих людей не наказали, а перевели в запас или на пенсию со всеми причитающимися в таких случаях финансовыми выплатами. Остальных офицеров из списка «комитетов действия» перевели в другие гарнизоны или на другие должности.

Однако такая «мягкая чистка» в армии вызвала критику со стороны многих коммунистов и членов профсоюзов. Во второй половине 1948 года началась новая волна увольнений, которая затронула 822 офицера и генерала (6 % всего офицерского корпуса). Уволили также 130 старшин (ротмистров). В основном чистка коснулась тех военнослужащих, которые во время Второй мировой войны служили в чехословацких частях на западном фронте.

Особенно реакционно были настроены летчики, практически поголовно служившие в годы войны в Англии. Стали отмечаться случаи угона военных самолетов на Запад. В этой связи была проведена проверка всего летного состава ВВС, и весной 1949 года из авиации «вычистили» 98 офицеров. Новая волна чисток последовала в связи с разоблачением группы «Йебавы».

Всего после февраля 1948 года и до конца 1949-го из вооруженных сил уволили 2965 человек, то есть 22,2 % всех кадровых офицеров предфевральского периода^[70]. Из армии пришлось уйти 52,3 % всех офицеров, служивших в годы войны на Западе, и 25,25 % офицеров домюнхенской чехословацкой армии. Самый большой процент «вычищенных» офицеров был в ВВС (32,1 % от всего офицерского состава) и танковых частях (30,9 %). Что касается национального состава, то из 10 921 офицера чешской национальности до конца 1949 года было уволено

2539 (23,2 %), из 2191 офицера-словака – 426 (19,4 %).

Но если чехословацкая армия к концу 1949 года внешне была гомогенным политическим организмом в кадровом отношении, то ее вооружение и оснащение по-прежнему оставалось крайне пестрым. Например, 73 % пехотного вооружения было трофейного немецкого происхождения (практически все винтовки), 16 % – советского, 9 % – отечественного, 0,3 % – британского. Из боевых машин (прежде всего танков) 42 % были английскими, 22 % советскими и 36 % – немецкими. 78 % самолетов достались ЧСР из arsenалов Третьего рейха, 12 % – Англии и лишь 10 % – из СССР.

В целом, как и отмечало ЦРУ, не только «пражский переворот» прошел для коммунистов легко, но и признаков широкой народной оппозиции в 1948-1949 годах в ЧСР не наблюдалось. Во многом это было следствием успешной экономической политики коммунистов в первые годы после февраля 1948-го.

Сразу же после февральских событий последовала новая волна национализации в промышленности, которая, однако, была отнюдь не такой масштабной, как в 1945 году. Теперь национализация проводилась не декретами президента, а законами парламента – Национального собрания.

Перечень отраслей, где в государственную собственность переводились все без исключения предприятия, был расширен за счет торфяной, лесопильной, керамической, кирпичной, кожевенной, резиновой, стекольной и фармацевтической промышленности (в 1945 году были национализированы вся тяжелая промышленность, энергетика и машиностроение). В строительстве, оптовой и внешней торговле были национализированы все предприятия с более чем 50 работниками^[71].

Всего в 1948 году было национализировано 2653 предприятия, что вызвало горячую поддержку рабочих. Правительство фактически реализовало то, что потребовали на своем съезде в феврале 1948 года заводские профсоюзные комитеты. К 1 мая 1949 года в государственном секторе промышленности было занято 95 % всех работавших в чехословацкой индустрии. К 1950 году 98 % всей промышленной продукции производилось в государственном, или, как его стали называть, социалистическом, секторе, в строительстве эта доля составляла 94,3 %, на транспорте – 95,5 %^[72].

Во внутренней торговле было ликвидировано примерно 10 тысяч крупных оптовых фирм. Тем самым государство, наконец, покончило с ненормальной ситуацией, порождавшей спекуляцию и позволявшей

частникам обогащаться за счет государственных производственных фирм. Ранее частные торговцы с удовольствием закупали на государственных промышленных предприятиях продукцию по низким ценам и перепродавали ее потребителям с наценкой, доходившей до 300-400 %. К тому же торговцы-оптовики часто «придерживали» товар и сбывали его потом на черном рынке, тем самым увеличивая в стране инфляцию.

После февраля 1948 года доля государства во внутренней торговле составила 60 %^[73].

Логичным было и то, что государство взяло под контроль внешнюю торговлю. Здесь сложилась еще более вопиющая с экономической точки зрения ситуация, когда частники перепродавали продукцию государственных предприятий за границу и оставляли там, в основном в Швейцарии, на своих незаконных валютных счетах большую часть выручки. Естественно, частные предприниматели не горели желанием торговать с СССР по клирингу и вообще закупали за границей только товары народного потребления, в то время как в промышленности не хватало современного производственного оборудования.

До февраля 1948 года на западные страны приходилось 70 % чехословацкого импорта и 35 % – экспорта. Теперь положение стало меняться, в том числе и потому, что под давлением США западные страны все чаще отказывались от закупки чехословацких товаров и вводили запреты на экспорт собственных товаров в социалистические страны.

После 1948-го в руках частников в Чехословакии остались лишь мелкие предприятия местного значения.

Национализация 1948 года имела наибольшее значение именно для торговли, так как ключевые промышленные предприятия и все банки были национализированы еще декретами Бенеша в 1945-м, причем при поддержке всех политических партий. В промышленности изменения в удельном весе различных форм собственности были незначительными. Если до февраля 1948 года на государственный сектор приходилось 70 % созданного национального дохода, то в 1950 году – 80 %. Доля частного сектора сократилась с 29,3 % до 19 %^[74].

21 марта 1948 года Национальное Собрание утвердило пять законов об аграрной реформе, которые коммунисты безуспешно пытались продвигать в 1946-1947 годах. Был установлен максимум частного землевладения в республике – 50 га, включая пашню, леса, луга, сады, пруды, болота, ручьи, озера, частные дороги, застроенные участки.

Земельная площадь, превышавшая этот лимит, выкупалась

государством и распределялась среди безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно с землей государство выкупало пропорциональную долю инвентаря, скота и машин. Прежнему землевладельцу могли по его просьбе оставить один гектар, включая площадь, находившуюся под постройками. Компенсация за земельные излишки базировалась на средней стоимости земли за последние 10 лет перед реформой или в размере средней цены во время реформы, но со скидкой в 20 %. Компенсацию государство платило своими ценными бумагами и лишь в исключительных случаях – деньгами. Следует отметить, что это было обычной практикой для большинства аграрных реформ во всех частях мира.

Новые владельцы получали землю от государства за плату по выкупной цене со скидкой в 10 % и в рассрочку до 15 лет.

При этом в Чехословакии был на практике проведен в жизнь принцип «земля тем, кто ее обрабатывает». Теперь владелец земельного участка должен был принимать личное участие в его обработке, либо в форме физического труда (в малом хозяйстве), либо непосредственно управляя производством (в большом хозяйстве). Причем землевладелец должен был постоянно проживать на территории своего надела, и сельскохозяйственное производство должно было быть его главным источником существования.

До 2 га земли давалось рабочим и служащим, совмещавшим свою основную работу в промышленности с приусадебным хозяйством, до 4 га – тем, кому собственный «огород» был крайне необходим для поддержания прожиточного минимума. Церковному приходу с согласия местного национального комитета оставляли не более 30 га^[75].

Помимо распределения земли государство обеспечило деревню дешевым кредитом. В домюнхенской Чехословакии кредитный произвол банков и помещиков был бичом деревни: именно из-за неуплаты грабительских процентов по кредитам разорялось большинство крестьянских хозяйств. По закону от 21 марта 1948 года ставка по кредитам для сельхозпроизводителей не могла превышать 3,5 % при краткосрочной ссуде и 3 % – при долгосрочной (на срок от 5 до 40 лет). При чрезвычайных обстоятельствах (засуха, падеж скота) выплату кредита полностью или частично брал на себя специальный гарантийный фонд при министерстве сельского хозяйства.

Естественно, подобная кредитная политика была бы невозможной без проведенной в 1945 году национализации всей банковской системы.

15 апреля 1948 года был принят давно лоббируемый коммунистами закон о социальном страховании всего населения, в том числе и крестьян.

Впервые в истории чешские и словацкие земледельцы получили все социальные блага, о которых раньше не могли и мечтать: бесплатное лечение, пенсию по старости (после 65 лет, если доход крестьянина не превышал половину дохода среднего рабочего), пособия вдовам и круглым сиротам, пособия на воспитание детей, при бракосочетаниях и родах и т. д.

По новой аграрной реформе у помещиков и не работавших на земле землевладельцев было изъято 853 тысячи гектаров, а всего после 1945 года – 4,5 млн га (в основном у немцев и венгров). Таким образом, аграрная реформа «коммунистического правительства» образца 1948 года отнюдь не была коммунистической по целям (никакого обобществления земли не предусматривалось) и громадной по размаху. Землю получили примерно 98 тысяч бедных крестьянских хозяйств.

Новые собственники не могли продать полученную землю или сдать ее в аренду – они должны были заниматься сельскохозяйственным производством сами.

Тем самым чехословацкая деревня после 1948 года, как и российская деревня в 1918 году, «осереднячилась» – то есть стало меньше бедных и непомерно богатых землевладельцев. И, как и в России, здесь были свои плюсы и минусы. К плюсам относился существенный рост жизненного уровня крестьян, которые стали хорошо питаться и доходы которых в целом стабильно росли. Неудивительно, что рост авторитета коммунистов на селе был впечатляющим, то есть реформа, несомненно, удалась с политической точки зрения.

Однако ликвидация крупных механизированных и специализированных хозяйств (в основном немецких, это было сделано еще в 1945 году декретами Бенеша) привела к сокращению товарности чехословацкого сельского хозяйства. Крестьяне стали больше потреблять сами и меньше поставлять на рынок. Это вело к сложностям и перебоям в снабжении продуктами городского населения. Тем более что в ходе бурного развития промышленности после 1945 года это население сильно выросло. Рабочие и служащие – главная социальная опора КПЧ – выражали недовольство эгоизмом крестьян. Ведь только что, в 1947 году, государство за счет бюджетных средств и новых налогов спасло многих крестьян от разорения, когда страну постигла страшная засуха. Очень помог и СССР (сам еще не оправившийся от тяжелейшей засухи, усугубленной последствиями войны) поставками не только пищевого, но и фуражного зерна, предотвратив массовый забой скота в Чехословакии и грядущий голод.

И вот теперь сами крестьяне отнюдь не горели желанием увеличивать

производство, ведь их семьям дохода хватало на вполне сносную и даже зажиточную жизнь.

Руководство компартии прекрасно понимало, что экономически из этой сложной ситуации есть только один выход – массовое создание в деревне крупных производственных кооперативов, способных применять современную агротехнику, оплачивать машины и удобрения на полях. Только крупные хозяйства интенсивного типа могли накормить растущее городское население. Однако коммунисты не могли пойти на коллективизацию по политическим мотивам, ведь противники КПЧ и так постоянно запугивали чешских и словацких крестьян «колхозами», без которых якобы невозможен никакой социализм.

Присутствие государства в аграрном производстве было минимальным и после 1948 года. Примерно 0,5 млн га из национализированной земли (причем в основном отобранной у немцев в 1945 году) перешли в ведение государственных хозяйств (госхозов). Госхозы, как правило, создавались в тех районах, где не было спроса на землю со стороны крестьян, – большей частью на пограничных территориях, откуда в 1945-1946 годах были выселены немцы.

Новая конституция ЧСР 9 мая 1948 года закрепила преобладание общественных форм собственности в экономике. В статье 12 основного закона говорилось: «Экономическое устройство Чехословацкой республики базируется: на национализации недр, земли, промышленности, оптовой торговли и финансовых учреждений; на земельной собственности по принципу «земля принадлежит тому, кто на ней работает»... Все народное хозяйство Чехословацкой республики должно служить народу. Исходя из интересов общества, государство направляет всю экономическую деятельность путем единого хозяйственного плана»^[76].

Тем не менее, в конце 1948 года с частным мелкотоварным и низкоэффективным производством в стране было все еще связано примерно 40 % всего экономически активного населения. В деревне госхозы обрабатывали лишь 5,7 % всей земли. Богатые крестьяне (их на советский манер скоро стали называть «кулаками») владели 17 % сельскохозяйственных земель и производили 20 % всей товарной продукции аграрного сектора. «Кулаки» нанимали за сезон более 60 тысяч рабочих, то есть эксплуатация человека человеком в деревне была отнюдь не изжита.

В городах продолжали существовать десятки тысяч кустарных ремесленных предприятий. В розничной торговле частник пока преобладал – доля госсектора там была всего 31,3 %.

Итоги выполнения восстановительного двухлетнего плана к концу 1948 года впечатляли, хотя фактически планом была связана только национализированная крупная промышленность. Главная задача плана – восстановить, а по ключевым отраслям индустрии и превзойти довоенный уровень, – была успешно выполнена. Выпуск промышленной продукции по сравнению с маем 1945 года удвоился и превзошел уровень 1938 года на 8 %.

Стоит подчеркнуть, что большие успехи в развитии горнодобывающей и тяжелой промышленности не привели к снижению производства в тех отраслях, которые производили товары народного потребления. В 1948 году на личное потребление в ЧСР тратилось 62,7 % национального дохода, на материальное общественное потребление – 16,9 %, на накопление – 20 %. Эти цифры были нормальными для стагнирующей экономики, но абсолютно недостаточными для технического перевооружения и модернизации промышленности или для индустриализации. В этом случае норму накопления следовало бы существенно увеличить, естественно, за счет сокращения потребления.

Большие успехи были достигнуты в отсталой ранее Словакии, где до 1945 года фактически вообще не существовало современной промышленности. Из Чехии в Словакию были перебазированы десятки предприятий, и примерно 40 промышленных объектов возводилось заново. К 31 декабря 1948 года в Словакию было перевезено оборудование с 337 чешских предприятий, которое в первую очередь устанавливалось на уже действовавших заводах. Оборудование это было, прежде всего, с предприятий, конфискованных в 1945 году у немцев. В результате занятость в словацкой промышленности выросла на 23 871 человека^[77].

Государство стимулировало словацкую промышленность и путем преимущественного предоставления словацким предприятиям госзаказов, даже если цена продукции там была на 20 % выше, чем в Чехии.

Индустриализация Словакии, начатая в основном под давлением КПЧ, наталкивалась до февраля 1948 года на критику чешских некоммунистических партий, пытавшихся разжечь среди чешского населения антагонизм против «словацких иждивенцев». Например, орган Чешской народной партии газета «Лидова демокрацие» писала: «... Подчеркиваем, что если мы дадим Словакии промышленность, то станем беднее». Национальные социалисты, которые, как и Бенеш, вообще не считали словаков отдельным народом, занимали в этом смысле еще более жесткую позицию. Например, одна из газет ЧНСП «Свободны зитршек» писала, что в проблемах Словакии виноваты те, кто сотни лет назад завел

словаков в Карпаты и Татры, а не на берега Лабы (!)^[78].

При этом после вхождения Словакии в состав Чехословакии в 1918 году и так эмбриональная словацкая промышленность переживала стремительный спад, так как ее пытались выбить с рынка более развитые чешские конкуренты. В 1918-1932 годах в Словакии прекратили работу 200 предприятий, и без работы осталось более 26 тысяч человек. В 1933-1937 годах закрылось еще 485 заводов и фабрик. В 1937 году в промышленности Словакии работало лишь 2,94 % от всего занятого населения.

Так что ускоренное развитие словацкой промышленности в 1945-1948 годах лишь восстанавливало положение 1918 года.

В целом Чехословакия в 1945-1948 годах могла похвастаться прекрасными экономическими достижениями. Однако за вполне достойными показателями выполнения Созидательного плана скрывалось много проблем.

Хотя до войны Чехословакия считалась промышленно развитым индустриальным государством, это впечатление было во многом обманчивым, так как в промышленности страны имелись большие диспропорции.

В ЧСР вообще не производились машины и станки для целых отраслей промышленности. Например, развитая чешская текстильная промышленность была вынуждена закупать все оборудование на Западе, в основном в Англии. Строительство и сельское хозяйство вообще еще жили ручным трудом. Вся узость чехословацкой промышленной базы наглядно проявилась при поставках советского зерна в 1947 году, когда эшелоны приходилось разгружать вручную – в ЧСР вообще не производилось погрузочно-разгрузочного оборудования. В результате приходилось разгружать вагоны днем и ночью, чтобы зерно не пропало. В Чехословакии производилось мало сельскохозяйственных машин, причем трактора в их число не входили.

В 30-е годы и тем более во время войны фактически не проводилось обновление в промышленности основных фондов, которые к 1948 году сильно устарели как морально, так и физически. Большинство станков и оборудования были введены в эксплуатацию еще во времена Австро-Венгрии (то есть до 1918 года).

Большой проблемой Чехословакии была низкая энерговооруженность производства – требовалось буквально в разы увеличивать генерацию электроэнергии.

В 1948 году доля отдельных отраслей промышленности ЧСР в общем промышленном производстве была следующей:

- пищевая промышленность 21,9 %;
- машиностроение 17,4 %;
- текстильная и швейная промышленность 14,9 %;
- металлургическая промышленность 9,5 %;
- энергетика – всего 1,8 %^[79].

Таким образом, и в Чехословакии надо было проводить индустриализацию. В противном случае уже через несколько лет страна могла бы столкнуться с падением производства и жизненного уровня населения в связи с массовым выбытием изношенного промышленного оборудования.

Потребность в индустриализации диктовала и переориентация внешней торговли Чехословакии на Советский Союз после 1945 года. Причем эта переориентация происходила по просьбе Бенеша, которую он высказал Сталину еще в декабре 1943 года. И Бенеш имел на это весьма веские причины.

До войны Чехословакия экспортировала много оборудования для тяжелой промышленности, например кузнечно-прессовое. Поэтому она очень сильно зависела от промышленного цикла в странах-покупателях. При этом Чехословакия всегда закупала за границей продовольствие. Не случайно, что мировой экономический кризис 1929 года сильно ударил именно по ЧСР, – в Европе произошло резкое падение производства, что привело к не менее резкому падению чехословацкого экспорта и массовой безработице в стране. Бенеш абсолютно правильно полагал, что переориентация на огромный рынок динамично развивавшегося Советского Союза на многие годы вперед обеспечит чехословацкую промышленность выгодными заказами и тем самым застрахует страну от безработицы и социальных волнений.

И события послевоенного времени показали верность прогноза Бенеша. В США были накоплены огромные запасы нереализованной продукции, и в чехословацком импорте американцы были не заинтересованы. Вся Западная Европа – традиционный экспортный рынок ЧСР – лежала в руинах и восстанавливалась очень медленно. У западных европейцев не было денег для закупки чехословацкого оборудования, а американцы по своему плану Маршалла давали кредиты только на приобретение американских товаров. К тому же страны Западной Европы в 1945-1948 годах покупали только продовольствие и товары народного потребления для своего живущего впроголодь населения. Жизненный уровень чехов в то время был гораздо более высоким, чем в Англии или Франции.

Постоянные экономические санкции США против ЧСР, которые американцы стали применять задолго до событий февраля 1948 года, тоже властно диктовали потребность поиска надежного и в экономическом, и в политическом отношении импортера, каким в то время мог быть только Советский Союз с его впечатляющими темпами экономического развития.

Поэтому ориентация на СССР была единственным путем для обеспечения чехословацкой промышленности долгосрочными заказами, а при производстве машин и оборудования, требующем больших инвестиций и большого времени исполнения заказа, эти заказы и должны были быть именно долгосрочными.

Однако чтобы плотно работать с СССР, Чехословакии надо было, опять же, перевооружить промышленность и освоить выпуск многих товаров, в которых была заинтересована Москва.

Все вышеупомянутые причины привели новое чехословацкое руководство после февраля 1948 года к осознанию того непреложного факта, что значительную часть инвестиций в стране придется переориентировать с производства товаров народного потребления на выпуск машин и оборудования для перевооружения и модернизации промышленности.

Конечно, политика временного «затягивания поясов» была непопулярной и являлась бы таковой в любой стране с любым социально-экономическим строем. Существовала реальная опасность, что враги ЧСР могут спровоцировать население на выступления против правительства под лозунгами борьбы против социализма, который снизил жизненный уровень народа.

Поэтому руководство КПЧ во главе с Готвальдом попыталось добиться перевооружения машиностроения при одновременном повышении производства предметов народного потребления. Следует признать, что ничего фантастического в постановке задачи не было. Государство после 1945 года владело всей кредитно-финансовой системой и могло оперативно маневрировать капиталовложениями. СССР стабильно обеспечивал поставки практически всех видов необходимого для чехословацкой промышленности сырья. Поэтому коммунисты решили просто развивать тяжелую промышленность более высокими темпами, чем легкую. Но и последняя должна была тоже существенно увеличить выпуск продукции, чтобы не допустить малейшего снижения жизненного уровня населения.

27 октября 1948 года Национальное собрание ЧСР приняло закон о первом пятилетнем плане развития экономики страны. К концу 1953 года предполагалось увеличить промышленное производство в целом на 57 %,

производство средств производства – на 66 %, производство предметов потребления – на 50 %^[80]. К концу пятилетки (1953 год) страна должна была выпускать промышленной продукции в пять раз больше, чем до войны.

Основное внимание уделялось тяжелой промышленности, без которой любая модернизация производства была бы невозможной. Продукцию отраслей металлообработки предполагалось увеличить к 1953 году на 93 %, производство металла – на 49 %. Однако прогнозируемые темпы роста пищевой и текстильной отраслей тоже были более чем впечатляющими – соответственно 69 и 68 %.

По-прежнему опережающими темпами должна была развиваться словацкая промышленность: ее рост к 1953 году планировался на уровне 75 % по сравнению с 1948-м.

Задания плана были весьма напряженными. При этом финансировать инвестиции ЧСР должна была, прежде всего, из собственных источников. У разрушенных войной СССР и Западной Европы свободных капиталов не было, а американцы после марта 1948 года фактически встали на путь тотального экономического бойкота «коммунистической» Чехословакии, мешая ее отношениям и с другими странами. Например, под давлением США Австрия отказалась выполнить заключенное соглашение о поставках в ЧСР оборудования для производства холоднокатаной стали.

К тому же, в отличие от советской индустриализации 30-х годов, чехословацкая индустриализация не могла в финансовом отношении опереться на село: там господствовал частник, который сам сидел без денег, так как мало чего поставлял на рынки. Тем более что катастрофическая засуха 1947 года привела к тому, что план в сфере аграрного производства выполнен не был. В 1948 году объем сельскохозяйственного производства составлял лишь 75 % от довоенного уровня.

Согласно заданию первой пятилетки выпуск сельскохозяйственной продукции в целом должен был увеличиться на 37 %, в растениеводстве – на 115, в животноводстве – на 86 %. Однако было ясно, что при малоэффективном мелком частном производстве в деревне все эти задания почти фантастичны.

В целом по итогам первой пятилетки жизненный уровень населения должен был вырасти на 35 %.

Помимо явно недостаточных внутренних капиталовложений, руководство компартии пыталось при выполнении пятилетки задействовать и энтузиазм населения, тем более что авторитет коммунистов в профсоюзах был действительно высок. В январе 1949 года ЦК КПЧ обратился ко всем

трудящимся со специальным письмом, в котором призвал развернуть социалистическое соревнование в преддверии IX съезда партии.

По инициативе рабочих металлургического завода Витковице (где позиции коммунистов были традиционно сильными) в ЧСР развернулось массовое движение «подарков республике», в котором приняли участие 230 тысяч человек. Фактически это означало сверхурочные безвозмездные работы, выручка от которых шла на модернизацию промышленности.

В целом начало пятилетки было многообещающим и внушало надежду на то, что ее трудные задания все же будут выполнены.

Что касается внешней политики Чехословакии, то она в 1948-1949 годах была вынуждена развиваться в условиях открытого противостояния между СССР и США. Причем с Советским Союзом страна еще с декабря 1943 года была связана договором о взаимной помощи, заключенном в Москве по инициативе Бенеша. Было ясно, что никакой «серединной линии» между Москвой и Вашингтоном в этих условиях быть не может. Большинство населения Чехословакии твердо настроилось на союз с СССР, видя в нем гарантированную защиту от повторения германской агрессии.

До февраля 1948 года союз с СССР был дополнен аналогичными договорами с другими славянскими странами – Польшей и Югославией. Следует подчеркнуть, что, в отличие от Брюссельского пакта 1948 года и НАТО, союзные договоры ЧСР с СССР, Польшей и Югославией были направлены только против одной страны – Германии. Военной взаимопомощи в случае конфликтов с другими государствами (например, с теми же США) эти документы не предусматривали. Причем СССР имел аналогичные советско-чехословацкому договору договоры с Великобританией (подписан в 1942 году и послужил образцом для советско-чехословацкого договора) и Францией (1944 год).

Как и предполагало в своем анализе ЦРУ, «пражский переворот» февраля 1948 года не привел к изменениям во внешней политике ЧСР, которая и до этого ориентировалась на Москву.

Чехословакия продолжала пополнять список своих союзников. 23 апреля 1948 года был подписан давно разрабатывавшийся Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Народной Республикой Болгарией. Болгары хотели добиться с Прагой более тесного союза, чем даже с СССР. Ведь, как уже упоминалось, договоры ЧСР с СССР, Польшей и Югославией были направлены против рецидива германской агрессии, от которой все упомянутые славянские страны пострадали больше, чем другие государства, участники Второй мировой войны. Болгария же, напротив, была союзницей Гитлера и опасалась агрессии со стороны Турции и

Греции, с которыми у нее были давние напряженные отношения, отягощенные территориальными проблемами.

Но Чехословакия не хотела связывать себя обязательствами помощи Болгарии против Турции или Греции, тем более что с 1947 года (доктрина Трумэна) эти страны были фактическими союзниками США и получали массированную американскую военную помощь. Поэтому, в конце концов, болгарско-чехословацкий договор повторял текст советско-чехословацкого с одним лишь дополнением: стороны обязались «советоваться между собой по всем важнейшим международным вопросам, касающимся интересов обеих стран»^[81].

В июле 1948 года договор о взаимной помощи был подписан с Румынией.

Очень сложно развивались переговоры с Венгрией, что было исторически обоснованно. Словакия до 1918 года на протяжении столетий входила в состав Венгрии, и словаки подвергались чудовищным притеснениям и насильственной ассимиляции. В 1938 году Венгрия вместе с Германией и Польшей приняла участие в оккупации чехословацкой территории в ходе мюнхенского диктата. В 1939 году с санкции Гитлера Будапешт захватил еще и часть территории словацкого «независимого» государства.

Неудивительно, что Бенеш и все послевоенные чехословацкие политические партии выступали за полное выселение венгров с территории ЧСР (а жили венгры только в южных районах Словакии) по образцу выселения немцев. Сталин в годы войны выразил этим планам Бенеша поддержку, что понятно – Венгрия была самым активным союзником Гитлера и сражалась на стороне Германии почти до конца войны.

Однако после того как и Венгрия в 1947 году вступила на путь социалистического развития и заключила союзный договор с СССР, Москва оказалась перед сложной дилеммой: поддержать одного из союзников означало испортить отношения с другим.

Поэтому Сталин всячески старался примирить Чехословакию и Венгрию, хотя, учитывая многовековую вражду между ними, это было очень сложно. В конце концов, венгерско-чехословацкий договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был заключен в апреле 1949 года, причем со стороны ЧСР текст был не на чешском языке (как обычно), а на словацком. Венгры остались жить в Словакии, так как возвращаться на историческую родину большинство из них не желало: жизненный уровень в ЧСР был гораздо выше. Для венгров в Словакии был фактически создан режим культурной автономии: выходили газеты на венгерском языке,

существовали венгерские школы.

18 октября 1949 года Чехословакия признала провозглашенную 7 октября 1949 года Германскую Демократическую Республику (ГДР), в феврале 1950-го установила дипломатические отношения с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ), а в апреле 1950 года – с КНР.

Удельный вес стран социалистического лагеря во внешней торговле Чехословакии в 1949 году был все еще ниже половины – 46,3 %, но американцы своим бойкотом активно содействовали бурному росту, прежде всего, советско-чехословацкой торговли. В 1947-1949 годах товарооборот между ЧСР и СССР увеличился на 564 %, с Болгарией – на 125 %, с Польшей – на 536 %, с Румынией – на 619 %, с Венгрией – на 219 %.

Особо тесные отношения, естественно, развивались между Москвой и Прагой.

В июне 1948 года было подписано двустороннее соглашение об обучении граждан ЧСР в советских вузах. Советское правительство предоставило для чехословацких студентов и аспирантов 60 мест и взяло на себя половину расходов на их содержание, включая выплату стипендии.

В декабре 1948 года ЧСР обратилась к Советскому Союзу с просьбой увеличить поставки сырья и оборудования для выполнения задач пятилетки сверх объемов, установленных по советско-чехословацкому торговому соглашению от декабря 1947 года. Одновременно чехословацкая сторона просила СССР предоставить заем в золоте для закупки некоторых видов сырья, например хлопка, на западных рынках. В ответ Чехословакия была готова нарастить поставки в Советский Союз товаров народного потребления^[82].

Делегация правительства ЧСР во главе с премьером Запотоцким выехала в Москву в том же месяце, и договоренность о расширении взаимной торговли в 1949 году более чем на 45 % была достигнута. СССР предоставил Чехословакии заем в золоте на сумму 132,5 миллиона рублей на десять лет под 2,5 % годовых.

Если в 1947 году доля СССР во внешней торговле Чехословакии составляла всего 6 %, то в 1948-м – уже 16 %.

Итоги первого года пребывания коммунистов у власти подвел открывшийся в Праге 25 мая 1949 года IX съезд КПЧ. Главный доклад перед 2068 делегатами с решающим голосом делал Готвальд, о пятилетнем плане говорил премьер Запотоцкий, вице-премьер Широкий докладывал об индустриализации Словакии, а главный идеолог партии Копецкий – о задачах партийной и идеологической работы коммунистов.

Так как в политическом плане в стране после всплеска оппозиционной активности летом – осенью 1948 года было довольно спокойно, Готвальд призвал сосредоточить все усилия на экономике: «Мы не перестанем упорно и терпеливо разъяснять всем трудящимся, что удержать власть и не допустить возврата капиталистического государства означает в конце концов хозяйничать лучше, чем капиталисты»^[83].

Готвальд дал оценку и февральским событиям 1948 года: «Одним из измышлений разбитой реакции являются выдвинутые ею задним числом лживые утверждения, что февральские события якобы подготовили мы. Наглядные факты доказывают совершенно обратное. Именно мы в правительстве и в Учредительном Национальном собрании настаивали на том, чтобы до последней буквы была выполнена правительственная программа, и именно реакция во все возрастающей степени саботировала выполнение правительственной программы... И не мы, коммунисты, вызвали в конце концов открытый правительственный кризис, а сделали это, как известно, двенадцать реакционных министров, которые заявлением об отставке создали правительственный кризис. Таким образом, до этого момента инициатива была в руках реакции. Конечно, то, что последовало за этим, уже не было заслугой реакции. К этому действительно приложили руку мы, коммунисты, и вместе с нами подавляющее большинство трудящихся города и деревни...

Вскоре после Февраля реакционные путчисты совершенно изобличили себя. Те их главари, которые бежали за границу к своим хозяевам и оттуда ведут теперь грязную контрреволюционную и подрывную кампанию против республики, нисколько не скрывают своих намерений. Их целью является не только реставрация капитализма, но одновременно подготовка войны против республики, отказ от национальной свободы и государственной независимости, то есть новый Мюнхен и новая оккупация. Еще раз подтверждается, что, желая вновь захватить власть в свои руки, буржуазия способна на самую подлую измену интересам нации, она способна изменить всему, что дорого и свято для народа»^[84].

Говоря о готовящейся войне против республики, Готвальд и не подозревал, насколько он близок к истине. Первые залпы этой войны должны были вот-вот прозвучать.

В США с тревогой следили за несомненными успехами народно-демократических стран в экономической области. Западный бойкот, похоже, не возымел никакого действия, а, наоборот, еще теснее сплотил вокруг Москвы ее союзников.

Особенно разочаровала Даллеса Чехословакия. Эта страна была развитой, с высоким жизненным уровнем и, следовательно, по логике американцев, восприимчивой к западной системе ценностей. Однако коммунисты пришли в Праге к власти при поддержке подавляющего большинства населения, и страна успешно развивалась экономически, имея твердые заказы советского рынка. Никаких массовых репрессий Готвальд в ЧСР развязывать не собирался, что тоже было отнюдь не на руку Даллесу.

Уже в 1948 году у Даллеса в этой связи созрел план операции «Раскол» (Splinter Factor) по подрыву правящих в Восточной Европе коммунистических партий изнутри.

Среди правящих коммунистических элит народно-демократических стран американцы вычленили две условные группировки.

Одну из них составляли «москвичи», или «московиты». Это были те лидеры компартий, которые в годы войны находились в СССР (хотя фактор местонахождения был для американцев отнюдь не решающим) и были более склонны копировать при социалистических преобразованиях в своих странах советский опыт, включая такие ненужные после 1945 года вещи, как раскулачивание или массовые репрессии против классового врага.

Другую группу составляли, по американской терминологии, «национальные коммунисты» – те, кто в годы войны боролся на родине в подполье, сидел в нацистских застенках и был более независим от советской линии. Эти люди были популярны в своих странах и стремились идти к социализму собственным путем, учитывающим национальные особенности той или иной страны.

Сталин до 1949 года поддерживал «национальную» фракцию и предостерегал против бездумного копирования в Восточной Европе советского опыта. Именно поэтому страны возникающего социалистического лагеря именовались «народно-демократическими», а позднее просто «демократическими». Это означало, что диктатуры пролетариата в этих странах быть не должно, а в строительстве нового общества должен участвовать весь народ на равных условиях, а не только рабочий класс.

Именно такая линия и позволила чехословацким коммунистам без всякого принуждения привлечь на свою сторону большинство населения и одержать победу над своими противниками в феврале 1948 года абсолютно мирными, законными средствами.

Соответственно, цель операции «Раскол» состояла в том, чтобы скомпрометировать в глазах Сталина «национальных» коммунистов как предателей и скрытых агентов Запада. За этим должны были последовать

массовые репрессии в духе советских чисток 30-х годов, и власть в восточноевропейских странах автоматически оказывалась в руках «московской» «антинародной» фракции. Та, как рассчитывали американцы, приступит к насильственной коллективизации, раскулачиванию, ограничению политических свобод, что вызовет справедливое недовольство населения и приведет в идеале к массовым восстаниям против дискредитированного таким образом социализма, причем как «советского», так и «национального».

План был поистине хорош. Размышляя об его осуществлении, Даллес вспомнил об одном своем давнем знакомом, с которым судьба довольно тесно свела его в Швейцарии в годы войны.

Ноэль Филд родился 23 января 1904 года в Лондоне. Его отцом был американский гражданин, профессор биологии доктор Герберт Филд, матерью – англичанка. Родители были не только истинными интеллигентами, но фанатичными квакерами и воспитывали сына в духе альтруизма и человеколюбия.

Во время Первой мировой войны Герберт Филд организовывал помощь голодающим Европы, а после окончания войны был назначен президентом Вильсоном в американскую комиссию по подготовке Парижской мирной конференции^[85]. Пример отца сыграл для Ноэля Филда определяющую роль в жизни.

Ноэль окончил школу в Цюрихе, куда его отца пригласили руководить научно-исследовательским институтом библиографии. После смерти Филда-старшего мать в 1921 году переехала с детьми в США. Ноэль и его брат Герберт поступили в престижнейший Гарвардский университет, открывавший перед любым его выпускником прекрасные карьерные перспективы.

В 20-е годы у Ноэля Филда сформировались левые социалистические убеждения, что было типичным для умных и думающих не только о себе молодых людей той эпохи. Большое впечатление на этого гуманиста и противника любой несправедливости произвела казнь в 1927 году двух молодых рабочих итальянского происхождения Сакко и Ванцетти, ложно и огульно обвиненных в вооруженном ограблении^[86].

В 1925 году Филд женился на своей подруге детства из Швейцарии Герте Визер.

1 сентября 1926 года Ноэль Филд поступил на службу в государственный департамент, однако в течение нескольких лет его не посылали за границу, так как считали «политически незрелым». Под этой

формулировкой имелись в виду слишком левые взгляды молодого дипломата. В 1929 году при работе над подготовкой материалов для лондонской конференции по вопросам военно-морского разоружения Филд впервые познакомился с коллегой по госдепартаменту Алленом Даллесом^[87].

У Филда и Даллеса были разные политические убеждения, но в одном эти думающие оригинально чиновники не могли не согласиться. Оба считали, что в условиях роста мощи фашистских и агрессивных государств Америке следует отказаться от политики изоляционизма, вступить в Лигу Наций (штаб-квартира этой предшественницы ООН находилась в Женеве) и активно поддерживать всех, кто был готов бросить вызов Германии и Японии. Но если Филд считал так, будучи убежденным антифашистом и гуманистом, то для Даллеса Берлин и Токио были лишь опасными геополитическими противниками, от которых следовало бы избавиться, причем, по возможности, чужими руками, пусть даже это будет «рука Москвы».

В 1930 году Филд стал старшим советником по экономическим вопросам в западноевропейском подразделении госдепартамент. Он приветствовал победу на президентских выборах 1932 года демократа Франклина Рузвельта, обещавшего стране «новый курс» и защиту социальных прав обездоленных и безработных жертв «экономического чуда» 20-х годов. К тому же Рузвельт с самого начал повел жесткую линию в отношении гитлеровской Германии, а в 1933 году США наконец, последними из крупных стран, официально признали Советский Союз.

В 1933 году Филд подружился с юристом из министерства сельского хозяйства Алджером Хиссом, который станет после Второй мировой войны одной из главных мишеней антикоммунистической охоты на ведьм под предводительством сенатора Маккарти. Филд и Хисс дружили семьями. В том же 1933-м Филд познакомился с немецкими эмигрантами-антифашистами Паулем и Хедде Массинг.

Австрийская актриса Хедде Массинг (урожденная Хедвиг Туне) была в первом браке замужем за видным деятелем компартии Германии Герхартом Айслером (Айслер работал по заданию Коминтерна в Китае и США), с которым она переехала в Берлин в 1921 году. Айслер с головой ушёл в партийную работу, став редактором центрального органа компартии Германии газеты «Роте Фане» («Красное знамя»). Жена бросила его и в 1927 году вышла замуж за американского коммуниста Юлиана Гумпертса, который, в отличие от Айслера, был к тому же и состоятельным человеком. Получив американское гражданство, Хедде рассталась и с Гумпертсом,

выйдя замуж за социолога-марксиста Пауля Массинга. Нацисты бросили Массинга в концлагерь Заксенхаузен, но потом отпустили, и он с супругой эмигрировал в США.

В 1928 году во Франкфурте-на-Майне Хедэ Массинг была привлечена для работы на советскую разведку известным агентом-нелегалом Рихардом Зорге. Переселившись в США, Хедэ продолжала работу на разведку, выступая в качестве курьера для перевозки документов между Нью-Йорком и Лондоном. Еще более важной задачей этой талантливой женщины была вербовка агентуры среди прогрессивной американской интеллигенции.

После войны Массинг активно сотрудничала с комитетом Маккарти, поэтому ее данные о том, что она якобы пыталась привлечь к работе на НКВД Филда, следует рассматривать с максимальной осторожностью. Ведь Массинг выступала «коронным свидетелем» на процессе против Хисса, которого пытались представить резидентом ГРУ в США в 30-е годы. Утверждалось, что Хисс сам хотел завербовать Филда для ГРУ, и Массинг была ему здесь только помехой.

По данным Массинг, познакомившись в Филдом, она отговорила его от вступления в компартию США, желая привлечь этого перспективного чиновника госдепартамента к работе на советскую разведку. В этом случае членство в компартии было верным путем к провалу, так как за американскими коммунистами неотступно следило ФБР. Однако этому противоречит то, что Филд подал заявление в компартию, но оно было отклонено лидером американских коммунистов Эрлом Браудером якобы по указанию Москвы. Сам Браудер в 1944 году распустил компартию, а после войны активно сотрудничал с Маккарти и ФБР в разоблачении «коммунистического заговора» в США.

Массинг сообщала, что Филд отказался от ее предложения работать на НКВД. Сама Хедэ якобы порвала связи с советской разведкой в 1938 году, когда только благодаря своему американскому гражданству смогла вырваться из Москвы и не стала жертвой репрессий.

Будучи с 1936 года сотрудником секретариата Лиги Наций, Филд в 1938-1939 годах работал представителем Лиги Наций в республиканской Испании и участвовал в репатриации оттуда бойцов интернациональных бригад. В Испании антифашистские взгляды Филда закалились окончательно. Он ненавидел Германию и даже отказался от должности руководителя германского отдела в госдепартаменте.

При разгроме Испанской республики в начале 1939 года Ноэль и Герта Филд подобрали в одном из лагерей во Франции и удочерили немецкую девушку Эрику Глазер, которая потеряла в суматохе всеобщего краха своих

родителей. Те ушли с отступавшими войсками республиканцев, пока заболевшая дочь находилась в госпитале. Отец Эрики (наполовину еврей) был человеком левых убеждений и после прихода Гитлера к власти перебрался в Испанию, где занялся медицинской практикой. Во время гражданской войны он стал доктором в интернациональной бригаде.

В октябре 1940 года Филд в знак протеста против бездействия Америки в глобальной борьбе с фашизмом оставил государственную службу и стал в Марселе европейским представителем американской частной благотворительной организации Унитаристской универсалистской миссии^[88]. Супруги Филд помогали антифашистам и евреям покидать оккупированную гитлеровцами Европу, переправляя их в нейтральные страны. Филд организовал и службу медицинской помощи еврейским беженцам, а также детский сад для их детей.

Когда в ноябре 1942 года нацисты оккупировали юг Франции, Ноэль и Герта Филд смогли выехать в Швейцарию последним поездом. Филд был не только убежденным антифашистом, но и евреем, поэтому попади он в руки гестапо, его участь была бы предрешена.

В Женеве Филд продолжил свое благородное дело. В 1940 году унитаристы направили в Европу с проверкой целевого расходования средств Роберта Декстера. Декстер убедил центральную организацию унитаристов в США активизировать сбор средств и был назначен главой всех европейских миссий унитаристов со штаб-квартирой в Лиссабоне. Миссия Филда в Марселе подчинялась Декстеру.

Кстати, в 1937 и 1938 годах Декстер посещал Чехословакию, где была одна из самых крупных унитаристских организаций в мире (нацисты убили лидера чехословацких унитаристов Норберта Чапека в газовой камере в 1942 году).

В 1942 году Декстер был завербован американской разведкой – Отделом (а затем Управлением) стратегических служб (УСС), и ему присвоили оперативную кличку «Корн». Между тем в Берне появился резидент УСС Аллен Даллес, и Декстер заново представил Даллесу его бывшего коллегу Ноэля Филда. Даллес и Декстер предложили Филду сотрудничество: наиболее интересные для разведки беженцы из оккупированных гитлеровцами стран могли бы давать УСС ценную информацию.

Филд в соответствии со своими убеждениями стремился помогать, прежде всего, лицам с левыми взглядами, среди которых было много коммунистов, наиболее последовательных и активных противников Гитлера. Он передал просьбу Даллеса о предоставлении информации

немецкому эмигранту-коммунисту Лео Бауэру, и тот согласился. Филд организовал встречу Бауэра и Даллеса. Даллес передал Бауэру вопросник и обещал финансовую поддержку.

Авторитет Филда в международном коммунистическом движении рос, и будущий президент ГДР, а тогда лидер компартии Германии Вильгельм Пик передал ему через видного швейцарского социалиста Дроза список немецких коммунистов, которых руководство КПГ просило выволить из оккупированной Франции.

Таким образом, через посредство Филда многие европейские коммунисты-эмигранты в годы войны превратились в источник информации для американской разведки и ее резидента в Швейцарии Даллеса.

И теперь, в 1949 году, Даллес знал, как сделать из этого компромат, а в идеале и смертный приговор.

Даллес не любил Филда, считая его тупым доктринером, и готов был пожертвовать им как пешкой в большой игре по дискредитации наиболее популярных коммунистов в восточноевропейских странах. Тем более что после войны ушедшего из разведки в тень Даллеса даже стали упрекать в том, что он через Филда финансировал европейских коммунистов, ставших теперь грозными врагами Америки.

Сам Филд после войны остался без работы (европейский офис унитаристов закрылся в 1947 году) – с его левыми убеждениями в маккартистской Америке делать ему было нечего. Его друга Хисса как раз начали судить как советского агента и центральное звено коммунистического заговора по подрыву Америки. В комиссии Маккарти Хисс подвергся особенно ожесточенным нападкам со стороны конгрессмена Ричарда Никсона – будущего президента США. Филд боялся, что если он вернется в США, то может тоже оказаться на скамье подсудимых. Есть данные, что Филд опасался, что ФБР похитит или даже убьет его^[89].

Он пытался устроиться на работу в Восточной Европе, желательно в Польше, Чехословакии или Восточной Германии, преподавателем в университете или сотрудником научно-исследовательского института, используя знакомства с коммунистами, которым он помог в годы войны.

Филд хотел обосноваться в Праге в 1947 году. Его с восторгом встретила жена жившего в Праге видного немецкого журналиста-коммуниста Эгона Эрвина Киша. Супруги Филд знали семью Киша еще по Испании, где тот, как и Хэмингуэй или Кольцов, отдал свое перо публициста на службу республиканцам. Киш был в командировке, но его

жена Гизела обещала обязательно поговорить с ним о судьбе Филда.

Но, к несчастью последнего, Киш умер в мае 1948 года. После этого Филды снова приезжали в Прагу, где жили у вдовы своего друга. Там сложился кружок интеллектуалов, знакомых еще по Испании или обязанных Филду жизнью в годы войны. Среди тех, кто навещал Филда у Гизелы Киш, был, например, Андре Симоне, внешнеполитический редактор центрального органа КПЧ газеты «Руде Право». Встречался Филд в чехословацкой столице и с Людвигом Фрейкой – заведующим экономическим отделом ЦК КПЧ. Ни Фрейка, ни Симоне еще не знали, что эти встречи скоро будут стоить им жизни.

В сентябре 1948 года навестить старого друга в Праге приехал из советской зоны оккупации Германии немецкий коммунист Лео Бауэр, которого Филд когда-то свел с Даллесом.

В ноябре разрешение на пребывание Филдов в ЧСР закончилось, и им пришлось вернуться в Швейцарию. Но пражские знакомые обещали в самом ближайшем будущем выхлопотать для Филда место профессора Карлова университета.

В январе 1949 года Ноэль Филд прилетел в Варшаву. Польская госбезопасность отнеслась к Филду подозрительно. Его брат Герман перед войной работал в польском городе Катовице в британском комитете по оказанию помощи беженцам из Чехословакии, созданным либерально настроенным лордом Литтоном для помощи чехам, которые хотели эмигрировать через Польшу после оккупации Чехии и Моравии вермахтом в марте 1939 года. В 1948-1949 годах польская госбезопасность считала «Британский комитет» подразделением английской разведки.

Тем не менее, Филду дали польскую визу, и в Варшаве на него обратил внимание полковник госбезопасности Йозеф Святло (настоящие имя и фамилия Исаак Фляйшфарб, Святло он стал с 1943 года, взяв фамилию жены).

Выходец из бедной семьи, Святло в ранней юности был активистом сионистского движения, а в 18 лет вступил в подпольную компартию. В 1938 году его призвали в армию, после начала Второй мировой войны он попал в немецкий плен, бежал и оказался в СССР. Там Святло вступил в сформированную польскую воинскую часть генерала Зигмунда Берлинга, где преобладало влияние коммунистов. Святло стал офицером-политработником, а после окончания войны – одним из ведущих сотрудников 10-го управления министерства госбезопасности, которое возглавлял Анатолий Фейгин. Управление занималось поиском возможных врагов среди партийного и государственного аппарата. Оно замыкалось на

члене политбюро Польской объединенной рабочей партии (ПОРП, так с 1948 года называлась правящая коммунистическая партия Польши) Якове Бермане, который уже имел прямой выход на лидера народной Польши Болеслава Берута.

В 1948 году успешный офицер МГБ Святло сам предложил свои услуги британской разведке. Та вышла с ним на связь в Варшаве, но потом передала американцам. Англичане никак не могли понять, что движет Святло, и подозревали, что он двойной агент, подставленный русскими. Полковник, естественно, говорил о разочаровании в коммунизме, но на самом деле им, вероятно, руководили карьеристские мотивы. Он хотел свалить своего начальника Фейгина и возглавить 10-е управление.

От англичан о такой находке, как Святло, стало известно Даллесу. В Варшаву для установления контактов с ценным агентом был отправлен сотрудник ЦРУ. Теперь Даллес располагал всеми исходными данными для операции «Раскол». Филда надо было представить как резидента американских спецслужб, который еще в годы войны завербовал практически всех «национальных» коммунистов в Восточной Европе. А Святло должен был довести через Берута эту сфабрикованную информацию до Сталина и запустить маховик массовых репрессий в странах народной демократии.

Филд встретился в Варшаве с привлекательной женщиной «бальзаковского возраста» Анной Дурач, с которой вместе он работал в годы войны в Швейцарии. Теперь Дурач была секретарем самого Якова Бермана, и Святло осознал свой шанс: можно было попытаться с помощью «американского резидента» Филда и его «агента» Дурач свалить не только Фейгина, но и самого Бермана. Святло написал своим американским хозяевам запрос, можно ли использовать Филда, чтобы поквитаться с Берманом, и не является ли Филд, случаем, и в самом деле агентом американской разведки.

Филд просил Дурач помочь с работой, и та предложила ему написать письмо на имя Бермана, что он и сделал. Берман в ловушку лезть не захотел, но все же ответил Филду вежливым уклончивым письмом. Пока Дурач задействовала все свои связи, Ноэль Филд решил пока слетать в Прагу. Он настолько был уверен, что скоро вернется в польскую столицу, что даже оставил в Варшаве свои книги.

Между тем в ЦРУ с подачи Даллеса решили, что Берман – слишком мелкая мишень и дискредитировать стоит как можно больше руководящих коммунистов по всей Восточной Европе, тем более что во всех этих странах имелись друзья или знакомые Филда по войне. Это была

идеальная, полностью готовая «шпионская сеть». Ведь Филд когда-то (и не так уж давно) был на связи с Даллесом в Берне и передавал УСС информацию, переправляя информаторам-коммунистам деньги американской разведки.

Святло передали указание из Вашингтона: начать с помощью компрометации Филда и его знакомых времен войны сколачивать сеть «агентов» США и «титоизма» (ненависть Сталина к Тито, которого советский вождь считал предателем, тоже бралась американцами в расчет) по всей Восточной Европе.

Святло составил докладную записку на эту тему, которая через польское руководство стала известна в Москве.

В марте 1949 года представитель МГБ в советской зоне оккупации Австрии генерал Михаил Ильич Белкин^[90] (будучи с июня 1947 года начальником управления МГБ при Центральной группе войск, то есть группировке советских войск в Австрии, он курировал работу МГБ в странах Центральной и Юго-Восточной Европы) вызвал к себе главу госбезопасности Чехословакии Йиндржиха Веселый (он занимал этот пост в рамках МВД в 1948-1950 годах).

К тому времени британская разведка подставила Белкину данные о том, что резидент ЦРУ в Европе Филд якобы переманивает наиболее ценных британских агентов в Восточной Европе в американскую разведку, причем наиболее активен именно в Чехословакии.

Эта «деза» совпала с такой же «дезой» по линии Святло, и Белкин решил захватить опасного американского резидента.

Белкин попросил Веселый заманить Филда в Прагу, где у того много было знакомых, и арестовать его. Чехословацкая госбезопасность отнеслась к этой просьбе без энтузиазма, но спорить с Белкиным не стали. Тем более что Белкин действовал по приказу Берии, и в курсе «дела Филда» был сам Сталин.

В апреле 1949 года Филд получил в Женеве письмо из Праги, в котором его приглашали срочно прибыть в столицу Чехословакии, чтобы получить место в научно-исследовательском институте^[91]. Супруги Филд были в восторге – они любили Прагу, этот уютный старинный европейский город с богатыми интеллектуальными традициями, в том числе и еврейскими. Ноэль решил, что сначала поедет в Прагу один, устроится и вызовет жену.

В четверг 5 мая Филд вылетел в Прагу из Парижа, на удивление быстро получив въездную визу. Он устроился в отеле «Палац». В этот же

день представитель органов венгерской госбезопасности полковник Эрне Сюч попросил Веселый арестовать Филда и передать его венгерской стороне. Сюч напирал на то, что так хочет генерал Белкин. Однако Веселый не стал торопиться и решил переговорить с Готвальдом. Разговор состоялся 11 мая 1949 года, и президент ЧСР рассудил следующим образом: если Белкин этого так хочет, придется согласиться. Однако Готвальд все же потребовал, чтобы лидер Венгрии Ракоши прислал официальный запрос на арест Филда. Ракоши сделал это 9 мая 1949 года.

8 мая 1949 года Филд позвонил жене и просил ее поскорее приехать – ему было тяжело питаться в ресторанах (у Филда были проблемы с желудком, и он соскучился по домашней пище).

12 мая утром Филд отправился на прогулку по любимой Праге. Перед самой Вацлавской площадью его остановили двое мужчин. Удостоверившись, что перед ними Филд, незнакомцы пригласили американца в стоявшую неподалеку легковую машину. Через двое суток администратор гостиницы «Палац» получил от Филда с чехословацко-венгерской границы телеграмму, в которой говорилось о желании гостя освободить номер. Вещи Филда, как и говорилось в телеграмме, вскоре забрал некий Рене Киммел.

Тем самым операция, задуманная Даллесом, вступила в финальную фазу.

Отправным пунктом операции «Раскол» избрали Венгрию как самое слабое звено формирующегося социалистического лагеря.

Для этого был целый ряд причин. В 1919 году в Венгрии при помощи чехословацких и румынских войск была жестоко подавлена просуществовавшая 133 дня Венгерская советская республика. Жертвами «белого террора» после этого стало большинство венгерских коммунистов. Во время диктатуры Хорти (1920-1944 годы) компартия Венгрии была вынуждена работать в глубоком подполье, но тем не менее из-за засылаемых полицией (а позднее гестапо) в ее ряды провокаторов несла большие потери. Все это ожесточило венгерских коммунистов, которые после войны стремились отомстить всем тем, кто мучил и убивал их товарищей до 1945 года.

К тому же Венгрия в отличие от Чехословакии была отсталым аграрным государством, где среди населения были очень сильны антисемитские и антиславянские предрассудки. Миллионы венгров ненавидели Россию как «исторического врага», подавившего своими войсками национальную революцию Лайоша Кошута против Австрии в 1848-1849 годах. Венгры были в Австро-Венгрии (в отличие от чехов или

словаков) привилегированной нацией и сильно переживали потерю славянских территорий (в составе Австро-Венгрии в королевство Венгрия входила не только Словакия, но и Хорватия и часть Сербии) и великодержавного статуса после 1918 года.

Поэтому в Венгрии положение компартии после 1945 года было непрочным, и она не смогла победить на парламентских выборах, хотя и показала неплохой результат.

18 мая 1949 года начались первые аресты среди высшего партийно-государственного руководства Венгрии. Операцией руководили специалист по Венгрии генерал Белкин и глава венгерской госбезопасности Габор Петер. Первым взяли руководителя отдела кадров ЦК венгерской компартии Тибора Соньи (Сеньи). Соньи (еврей по национальности) во время войны работал в клинике в Швейцарии и принадлежал к группе венгерских коммунистов в составе 14 человек, получавших помощь от Филда. Естественно, что арестовали всех «членов группы Соньи» как «филдистов», то есть агентов «ближайшего подручного Даллеса – Филда».

Однако целью Даллеса был отнюдь не Соньи – человек все же из «второго эшелона» венгерской компартии. Венгрией фактически управляла в то время «пятерка» в составе Матьяша Ракоши (генеральный секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся – так называлась тогда компартия), Эрне Гере, Михая Фаркаша, Йожефа Реваи и Ласло Райка.

Ракоши в Венгрии многие не любили за то, что он был еврей, женился на русской (Феодоре Федоровне Корниловой, уроженке Якутии) и всю войну провел в СССР, вернувшись на родину вместе с Красной армией. В свою очередь, и самому Ракоши было в чем упрекнуть родину. Он входил в состав правительства Венгерской советской республики и после ее разгрома был вынужден бежать за границу. В 1924 году нелегально возвратился в Венгрию, но в 1925 году был арестован и едва не приговорен к смертной казни. После протестов многих видных представителей европейской интеллигенции, например Роллана, Ракоши дали восемь лет тюрьмы. Однако после отбытия срока в 1934 году его опять приговорили к пожизненному заключению в каторжной тюрьме. В 1940-м правительство СССР обменяло Ракоши на венгерские знамена, захваченные русской армией при подавлении венгерской революции 1848-1849 годов. Доверие Сталина к Ракоши было безграничным, ведь этот человек рисковал за свои коммунистические убеждения жизнью.

Кроме Ласло Райка, все члены «пятерки» были евреями и «москвичами», то есть во время войны находились в Советском Союзе. Поэтому выбор Райка на роль главной жертвы венгерской части операции

«Раскол» был логичен.

Райк родился в 1908 году. Еще студентом Будапештского университета в 1930-м он примкнул к коммунистам. Познакомился с марксизмом во Франции, где учился на филолога. За коммунистическую деятельность Райка исключили из университета, и он работал на стройке, став видным профсоюзным деятелем рабочих-строителей. В 1936 году, опасаясь преследований за организованную им мощную забастовку, Райк эмигрировал в Чехословакию. В 1937-1939 годах сражался в Испании, будучи политическим комиссаром батальона венгерских добровольцев имени Ракоши.

После падения Испанской республики в 1939 году был интернирован во Францию, откуда бежал. В 1941 году нелегально вернулся на родину, где возглавил фактически подпольный ЦК венгерской компартии. В декабре 1944 года после оккупации Венгрии вермахтом и прихода к власти венгерского фашистского движения «Скрещенные стрелы» был арестован и передан гестапо. Однако жизнь ему спас его старший брат Эндре, который был статс-секретарем в фашистском правительстве лидера «Скрещенных стрел» Ференца Салаша. Райка спасли от казни тем, что отправили в Германию, в тюрьму под Мюнхеном. После освобождения Венгрии Райк стал членом политбюро венгерской компартии и министром внутренних дел.

Райк был человеком, искренне преданным идеалам коммунизма. В Венгрии его любили за то, что он венгр, «не москвич», говорит народным грубоватым языком и имеет репутацию неподкупного политика.

А значит, именно Райк мог сделать коммунизм в Венгрии «национальным» и популярным среди населения. Этого Даллес допустить не мог.

Весной 1948 года через венгерских эмигрантов в Швейцарии ЦРУ передало венгерскому посланнику в этой стране дезинформацию о том, что Тибор Соньи и Ласло Райк еще с войны являются агентами американской разведки. После этого в августе 1948 года на тайном совещании «пятерок» (но без Райка) было решено переместить Райка до выяснения подозрений с ключевого поста шефа МВД, которому подчинялась и госбезопасность, на пост министра иностранных дел. Новым министром внутренних дел стал друг Райка Янош Кадар (в 1956-1988 годах – руководитель Венгрии; настоящая фамилия – Черманек, партийный псевдоним Кадар означает «бондарь»).

Однако ЦРУ не оставило попыток скомпрометировать Райка. На многочисленных пресс-конференциях в госдепартаменте, а также в МИД

Франции и британском Форин Офис Райка «хвалили» как «национального коммуниста-патриота», который в Венгрии противостоит Москве и ее марионетке Ракоши. В западной прессе публиковались сфабрикованные ЦРУ ложные материалы о «разногласиях» Райка и Ракоши. Назначение Райка министром иностранных дел трактовали как кару за его «национальные» и «независимые» убеждения.

ЦРУ организовало посылку Райку массы писем от его друзей и доброжелателей с Запада, например от бывших бойцов Интернациональных бригад в Испании. В этих письмах (которые, как и рассчитывало ЦРУ, перлюстрировались госбезопасностью Венгрии) Райка поздравляли с его мужественной позицией по противодействию «диктату Москвы». На самом деле все эти письма писал один нанятый ЦРУ человек – профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне^[92].

Примерно в это же время венгерская госбезопасность перехватила несколько писем «Петеру от Вагнера». Из писем можно было легко догадаться, что «Вагнером» является либо Аллен Даллес, либо Филд, а «Петером» – Тибор Соньи. В одном из писем как бы мимоходом был упомянут Райк как главный связной Соньи. Тем самым связь Соньи – Райк была сконструирована и подброшена Белкину и Габору Петеру.

Так как первый залп против Райка не достиг цели, то помимо дезинформации Белкину по линии Свято и британской разведки в начале 1949 года швейцарская газета «Ди Тат» со ссылкой на брата Аллена Даллеса Джона Фостера Даллеса опубликовала «утечку информации» о некой начатой американцами операции «Икс». Целью этой операции якобы являлось проникновение американской агентуры в высшее руководство восточноевропейских стран. По словам Джона Фостера Даллеса, операция развивалась более чем успешно.

Показания Ноэля Филда, причем абсолютно правдивые, о том, что Тибор Соньи получал деньги от американской разведки в годы войны, привели к сотням арестов в Венгрии. Соньи действительно получил через Филда от Даллеса 4 тысячи швейцарских франков на расходы своей эмигрантской группы. Было обнаружено письмо Соньи в УСС в Белграде, в котором он просил помощи американцев, чтобы вернуться в Венгрию.

Соньи под пытками оговорил Райка. 30 мая 1949 года, на следующий день после дружеского обеда у Ракоши, Райка арестовали в собственном доме.

Первоначально Райк ни в каком шпионаже не признавался. Белкин сообщил в телеграмме министру государственной безопасности СССР Абакумову 20 июня 1949 года, что, по показаниям Соньи и Филда,

арестовано до 40 человек, однако эти показания «сомнительны»^[93]. Белкин критиковал венгерских «товарищей» за то, что они применяют к арестованным пытки и «необъективно и провокационно» записывают их показания: «Стоит арестованному назвать какую-нибудь фамилию в качестве своего знакомого, как следователь приписывает этой фамилии „шпион“, „троцкист“ и т. п... На объективные замечания нашей агентуры в МВД Венгрии о недопустимости таких „методов“ внимания не обращается»^[94]. Белкин считал, что пока из всех допросов можно сделать один вывод: показания Филда о стремлении Даллеса внедрить в элиту восточноевропейских стран своих людей – «правильны», а вот что касается конкретных фамилий, то требуется серьезная проверка выбитых из арестованных «показаний».

Ракоши, похоже, и сам запутался в деле Филда и решил свалить всю ответственность на Москву. 20 июня 1949 года он попросил Сталина прислать в Венгрию советников по линии госбезопасности. В тот же день Абакумов пришел к Сталину. Было решено направить в Венгрию Белкина и Макарова^[95], чтобы объективно разобраться в «деле Филда».

На допросах Райка били так, что он не мог стоять, и его приковывали к стене. Но «сломался» он после того, как в камере его посетил его друг Кадар (во время войны жена Райка спасла Кадару жизнь) и уговорил ради партии признаться во всем, что ему инкриминируют Белкин и Габор Петер. В этом случае, мол, смертный приговор будет фикцией, и Райк сможет до конца жизни наслаждаться отдыхом в Крыму.

Как только Белкин (из Вены) и Макаров (из Москвы) прибыли в Будапешт, они изучили «показания» арестованных по делу Филда, которые в сообщении в Москву охарактеризовали как «фантастические» и полученные под пытками. Но Ракоши на тот момент существо дела уже не интересовало. Он принял Белкина и Макарова 4 июля 1949 года и сообщил им, что процесс Райка политически необходим для очистки Венгрии от националистического и титоистского подполья.

Сталин изучил материалы Белкина (он послал в Москву протоколы допросов арестованных, переведенные на русский язык) и 8 июля 1949 года под фамилией Филиппов говорил по телефону с Ракоши, который даже не понял, кто звонит ему из Москвы. Ракоши просил «Филиппова» выдать из Москвы в Будапешт бывшего югославского дипломата Бранкова^[96], который должен был символизировать связь группы Райка с «титоистами». Однако «Филиппов» ограничился допросом Бранкова в Москве, и Ракоши был передан протокол этого допроса. Белкин сообщил Абакумову 9 июля

1949 года, что после разговора с «Филипповым» (сам Абакумов разъяснил Ракоши, кто это был) Ракоши «значительно меньше „хочет крови“ в деле Райка»^[97].

Но Ракоши давил на Сталина и, в конце концов, смог убедить его, что группа Райка только звено созданной американцами и Тито глобальной шпионской сети в странах народной демократии. И 15 июля 1949 года Бранкова передали в Будапешт.

20 августа 1949 года Ракоши вызвали в Москву, и он более двух часов беседовал со Сталиным. Сталин и Ракоши вместе согласовали окончательный текст обвинительного заключения по делу «группы Райка». Причем Сталин выразил мнение, что смертный приговор в этом деле является излишним. Ракоши с этим согласился. По итогам визита Ракоши было решено направить в Венгрию уже постоянную группу советских советников по линии госбезопасности из 12 человек (Макаров и Белкин считались временно командированными).

В четверг 16 сентября 1949 года в здании профсоюза рабочих-металлистов в Будапеште начались заседания Народного суда (среди судей помимо профессионального юриста были рабочий, крестьянин, журналист – поэтому суд и носил название «народного») по делу «группы Райка»^[98]. В ложе для почетных гостей был и полковник польской госбезопасности и американский агент Святло.

Процессом за кулисами дирижировали Белкин и Макаров, отрабатывая с подсудимыми конкретные показания. В телеграммах Абакумову они жаловались на Ракоши и Кадара, которые вносят сумятицу в судебное заседание, требуя от подсудимых все новых и новых саморазоблачений. Например, Ракоши настаивал на том, чтобы Соньи и Райк дали дополнительные показания по Чехословакии^[99].

О ходе процесса в Будапеште постоянно информировали Сталина.

Райк заученно признался в том, что работал на Филда – Даллеса, французскую разведку, гестапо и «титоистов».

О Филде Райк сказал следующее: «Это произошло в пересыльном лагере в Берне. Американский гражданин по имени Филд, являющийся, насколько мне известно, главой американской разведывательной службы в Центральной и Восточной Европе, посетил меня. Он сказал мне, что с удовольствием направит меня домой... Я должен буду работать в партии в соответствии с инструкциями, получаемыми от американцев, дезорганизовывать и разлагать партию, а по возможности даже добиваться перехода руководства партией в свои руки»^[100].

О Филде на процессе говорил и Соньи:

«...Во время войны в Швейцарии проживало большое число политических эмигрантов почти из всех стран Центральной и Восточной Европы. Среди них было много коммунистов. Среди всех этих левых политических эмигрантов активную работу проводили разведывательные органы Англии и особенно США. Американская военно-стратегическая разведка, так называемое Управление стратегических служб, имела свой европейский центр в Швейцарии. Его возглавлял Аллен Даллес. Летом 1944 года... стало очевидно, что часть стран Центральной и Восточной Европы будет освобождена советскими войсками. В то время американская разведывательная служба сосредоточила свое внимание на вербовке шпионов из числа эмигрантов, особенно из числа коммунистов. Целью всего этого была засылка этих людей на территории, освобожденные советскими войсками, для проведения там подпольной деятельности против коммунистических партий. Развив эту деятельность, шпионская организация установила контакт со мной.

Главным помощником и ближайшим сотрудником Даллеса в вербовке шпионов из числа политических эмигрантов был Ноэль Филд. Официально он являлся главой американской организации помощи в Швейцарии... В его обязанности как главы организации помощи входило оказание финансовой помощи политическим эмигрантам. Моя официальная вербовка как американского шпиона состоялась в конце ноября 1944 года в Берне. На этой встрече Даллес подробно объяснил мне свою политическую концепцию на период после войны. Он сказал мне, что коммунистические партии станут, по-видимому, правящими партиями в ряде восточных стран, которые будут освобождены советскими войсками. Поэтому работу в поддержку проамериканской ориентации и за проведение политики сотрудничества с США надо проводить прежде всего внутри коммунистических партий. Он спросил меня о моих возможностях проникнуть в коммунистическую партию Венгрии. После того, как я дал ему необходимую информацию, он поставил передо мной некоторые задачи. На этой встрече в конце ноября 1944 года между нами не было разногласий в вопросе о моем сотрудничестве, и я полностью был согласен с точкой зрения, изложенной Алленом Даллесом. Тем не менее он считал необходимым показать мне с целью запугивания мою расписку, данную ранее Ноэлю Филду... за полученную финансовую помощь. Я согласился, что после возвращения домой я буду сохранять с ним связь, причем моим псевдонимом будет имя «Петер», а его – «Вагнер»^[101].

14 сентября 1949 года в телеграмме Сталину Ракоши сообщил о

предложении суда приговорить семерых обвиняемых к смерти, заметив, что с его точки зрения семь смертных приговоров – слишком много. В ответном послании от 22 сентября Сталин писал, что отказывается от своего первоначального мнения по Райку и считает, что его все же надо казнить, так как с учетом тяжести предъявленных обвинений любой другой приговор «не будет понят народом»^[102].

24 сентября народный суд в Будапеште объявил приговор по делу «группы Райка». Райка, Соньи и Салаи казнили 14 октября на виселице в одной из тюрем Будапешта. В 1956 году перезахоронение останков торжественно реабилитированного Райка станет для ЦРУ поводом для организации массового антикоммунистического восстания в Венгрии.

Ранее Сталин в переписке с Ракоши отметил, что если по делу Райка появятся материалы, затрагивающие другие компартии восточноевропейских стран, то их (партии) надо проинформировать. Ракоши передал своим коллегам из Восточной Европы добытый следователями компромат на 353 граждан Чехословакии, 71 австрийца, 40 немцев, 33 румына, а также граждан СССР, Польши и Болгарии.

Еще до процесса Райка в Польше Святло стал проводить аресты «филдистов», и для этого ему понадобился другой Филд – брат Ноэля Герман.

Так как Герман Филд, как уже упоминалось, в 1939 году помогал чешским беженцам через британскую организацию Czech Refugee Trust Fund, Даллес и Святло рассчитывали через него запустить маховик политических репрессий не только в самой Польше, но и в Чехословакии.

Между тем жена Ноэля Филда Герта примерно два месяца не предпринимала никаких усилий по поиску мужа, думая, что он очень занят обустройством на новом месте в Праге. Однако в июле 1949 года она связалась с Германом, и они решили вылететь в Прагу, чтобы разыскать там Ноэля. Герта и Герман встретились в Париже. В Праге Филды остановились в том же отеле «Палац» и стали безуспешно наводить справки о Ноэле, который словно сквозь землю провалился.

Герман решил вылететь в Варшаву, чтобы попытаться что-нибудь выяснить там. Из польской столицы Герман Филд на день хотел вернуться в Прагу, а затем вылететь в США через Лондон, где его ждала супруга-англичанка Кейт с двумя детьми. 22 августа 1949 года гражданин США, архитектор, 39-летний Герман Филд зарегистрировался в варшавском аэропорту на самолет «Чехословацких авиалиний» до Праги. При паспортном контроле у него отобрали паспорт, пообещав вернуть в самолете. Затем что-то не понравилось таможеннику в его чемодане, и

Филда пригласили проследовать в специальную комнату досмотра. Больше Германа Филда никто не видел, а его фамилия исчезла из списка пассажиров рейса Варшава – Прага.

Жена Германа Кейт, не обнаружив мужа в самолете, прилетевшем в Лондон из Праги, немедленно обратилась в американское посольство в Лондоне с просьбой выяснить судьбу мужа. То же самое решила сделать Герта Филд в Праге 25 августа 1949 года. На следующий день Герта, так же как и ее муж, бесследно исчезла из отеля «Палац». 27 августа чехословацкая госбезопасность передала ее своим венгерским коллегам.

Посольство США в Варшаве получило от польских властей краткий ответ: Германа Филда на территории Польши нет.

На самом деле его уже активно допрашивал Святло. Мечта американского агента начинала сбываться. На основании показаний Филда-старшего была арестована секретарь Якова Бермана Анна Дурач, а самого некогда всесильного куратора польской госбезопасности спас от неминуемой смерти лидер Польши Болеслав Берут. Вслед за Дурач в тюрьмы по приказам Святло были заключены сотни «филдистов».

Между тем главной целью Даллеса, пока еще не охваченной операцией «Раскол», оставалась Чехословакия. Ведь именно в Чехословакии коммунизм был «мягким» и пользовался поддержкой большинства населения, чего на тот момент нельзя было сказать ни о Венгрии, ни о Польше. В отличие от венгерских и польских коммунистов, которые до войны находились на нелегальном положении и подвергались преследованиям в своих странах, компартия Чехословакии до 1939 года была массовой легальной партией и мощной парламентской силой. Лидер КПЧ Готвальд принадлежал к политической элите страны, и с ним советовался даже президент Бенеш.

Хотя почти все лидеры чехословацкой компартии в годы войны находились в Москве и поэтому могли бы быть причислены к «москвичам», они в силу своего довоенного опыта не хотели никаких излишне жестких реформ в стране на пути к социализму. И в этом их полностью поддерживал Сталин.

Поэтому дискредитация социализма с человеческим лицом в Чехословакии имела для ЦРУ принципиальное значение. Для этого Святло и его венгерские коллеги активно искали связи «филдистов» и «группы Райка» с «единомышленниками» в Чехословакии.

На процессе в Будапеште Тибор Соньи среди прочего сказал следующее: «В том, что касается Чехословакии, у меня есть конкретные сведения о том, что там американской разведкой создана тайная

организация, в частности, я имею в виду личность Павлика...»^[103]

Имя Гейзы Павлика выудили из Соньи в первые дни после ареста. Он назвал супругов Павлик связниками Филда в Чехословакии и активными троцкистами. Павлик действительно жил во время войны в Швейцарии и получал от Филда финансовую помощь.

В годы гражданской войны Павлик сражался в рядах Красной армии. Он участвовал в венгерской революции 1919 года, а до войны активно работал в компартии Словакии. После Мюнхенского сговора Павлик вместе со своей женой Шарлоттой эмигрировал в Швейцарию, где вошел в группу эмигрантов, получавшую от Ноэля Филда финансовую помощь. После 1945 года Павлик вернулся в ЧСР и собирал там экономическую информацию для благотворительной организации Филда, причем делал это с санкции властей. Павлик был человеком общительным и остроумным, у него было много друзей, и, в конце концов, его назначили директором государственной туристической компании «Чедок».

Помимо Павлика Соньи назвал еще около 60 фамилий граждан ЧСР, которые были связаны с Филдом. Венгерская и польская госбезопасность требовали от чехословацких коллег немедленно приступить к арестам «чехословацких филдистов». Ведь если бы «подручные» Филда в ЧСР остались на свободе, это поставило бы под вопрос виновность их «коллег» в Польше и Венгрии, а значит, и всю операцию «Раскол».

24 июня 1949 года Ракоши передал Готвальду список 65 англо-американских шпионов в Чехословакии, среди которых были два члена политбюро ЦК КПЧ: министр внутренних дел Вацлав Носек и министр иностранных дел Владо (Владимир) Клементис^[104]. Для Даллеса Носек был неудобен тем, что на посту шефа МВД не проводил в стране массовых репрессий, а работавшая под его контролем госбезопасность успешно боролась с американской разведкой. Клементис был еще более неудобен для США: он, что нечасто в то время встречалось среди коммунистов, имел блестящие светские и дипломатические манеры и пользовался уважением как профессионал у большинства своих западных коллег.

Руководство Чехословакии явно не проявило никакого желания арестовать переданных Ракоши «шпионов».

После получения от венгров досье с материалами допросов Соньи 30 июня 1949 года супругов Павлик все же арестовали, однако Готвальд и генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский решили образовать партийную комиссию для тщательного и объективного расследования всех обвинений. Комиссию возглавил Ладислав Копржива, отвечавший за кадровую

политику партии. Вместе с ним работали шеф чехословацкой госбезопасности Веселый и его заместитель Карел Шваб.

Павлика передали венграм, но уже через месяц потребовали его возвращения на родину. Там Павлик отказался от всех признаний, которые из него выбила венгерская госбезопасность, и в Праге ему были склонны верить. Тогда для давления на КПЧ подключили «тяжелую артиллерию».

3 сентября 1949 года Ракоши направил Готвальду через специального представителя Биро личное секретное послание, в котором, в частности, говорилось: «Через две недели мы начнем суд над первой группой обвиняемых по делу Райка. Обвинительное заключение будет опубликовано через неделю. В связи с этим мы столкнулись со следующей трудностью: если мы в эту группу включим шпионов, направленных из Англии в Венгрию, то станут известны десятки чешских имен, которые Вы тоже знаете. Все эти люди сейчас на свободе, и все эти сведения окажутся неожиданными для чешской общественности. Можно предвидеть, что при подобных обстоятельствах эти люди, названные во время судебного процесса, будут решительно протестовать против того, что было сказано на суде. Это привяжет их к титоистам, которые, безусловно, не пожалеют никаких усилий, чтобы дискредитировать выдвинутые против них обвинения»^[105].

Среди «чешских шпионов» и «титоистов» Ракоши опять упомянул министра иностранных дел Клементиса (его очень ценил Ян Масарик, заместителем которого Клементис работал до его трагической гибели в марте 1948 года), заместителя министра иностранных дел Артура Лондона, главу влиятельной партийной организации в Брно Отто Шлинга, заместителя министра внешней торговли Эвжена Лебла и других. Было понятно, что Клементис должен был играть роль «венгерского Райка», тем более что, как и Райк, он тоже был министром иностранных дел.

К тому же Клементис был словаком, а это играло в комбинации Даллеса очень важную роль. Можно было представить его лидером «словацких сепаратистов» и в идеале попытаться вбить клин между чехами и словаками, а возможно, и вообще спровоцировать отделение Словакии от ЧСР.

Ракоши писал Готвальду, что размах заговора в ЧСР не меньше, чем в Венгрии, а людей, которые во время войны были на Западе, среди руководящего состава в Праге даже больше, чем в Будапеште, и все они подозрительны. И венгерская госбезопасность даже боится делиться с чехословацкими коллегами информацией, опасаясь ее утечки

американцам^[106].

Проигнорировать совсем письмо Ракоши Готвальд не мог, но и «сдавать» указанных в послании Ракоши людей не хотел. 7 сентября 1949 года президент ЧСР отправил в Будапешт заместителя руководителя чехословацкой госбезопасности Карела Шваба. Ракоши сказал Швабу, что в интересах партии лучше арестовать несколько невиновных, чем не делать ничего против «филдистов» и «титоистов». Давление на Шваба оказал и генерал Белкин.

Давили на Готвальда и из Польши. 12 сентября 1949 года по настоятельной просьбе польского президента Берута шеф чехословацкой госбезопасности Веселый выехал в Варшаву. Там Святло познакомил его с материалами допросов польских «филдистов». После этого министр внутренних дел Польши Радкевич и куратор госбезопасности Берман потребовали от Веселый энергично разделаться с чехословацкими «филдистами». Радкевич убеждал чехословацкого коллегу, что мягкотелость недопустима, – надо арестовывать, допрашивать, и виновные непременно появятся. Польский президент Берут сказал Веселый, что Чехословакия – главная мишень западного империализма, и в этом он был абсолютно прав.

Перед лицом такого мощного давления в Праге было решено «сдать» венграм и полякам несколько второстепенных лиц.

Комиссия Копрживы по согласованию с Готвальдом рекомендовала арестовать несколько связанных с Филдом человек, среди которых не было высших руководителей. Тем самым КПЧ хотела «отделаться по минимуму» от назойливых требований поляков и венгров. Арестовали чиновника министерства информации Рудольфа Файгля и его гражданскую жену Власту Веселу^[107]. Были арестованы также бывший врач интербригад в Испании Алиса Кохнова, начальник отдела министерства внешней торговли Карел Маркус и еще семь функционеров среднего звена.

Комиссия Копрживы провела с помощью госбезопасности допросы других подозреваемых (которые либо знали Ноэля Филда, либо имели какие-то дела с Германом Филдом и его фондом помощи чешским беженцам) и пришла к выводу, что никаких причин для их ареста нет.

Венгров и поляков такая «мягкость» чехословацких коллег не устраивала. Был возмущен и генерал Белкин: получалось, что он разоблачил огромную шпионскую сеть в Венгрии, а в Чехословакии ничего подобного не существовало. На Готвальда начали оказывать давление и из Москвы.

Готвальд сдался и 16 сентября 1949 года сам попросил Сталина прислать советских советников. Соответствующую телеграмму в Москву составил генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский. В ней говорилось, что разоблачение группы Райка в Венгрии выявило связи этой группы с некоторыми гражданами ЧСР. «Мы просим Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) направить в Прагу несколько специалистов, по возможности тех, кто знаком с венгерским делом»^[108].

Сталин и Берия с этой просьбой немедленно согласились, и в октябре 1949 года в Прагу прибыли генералы Макаров и Лихачев, которые под руководством Белкина проводили допросы арестованных по «делу Райка». Они сообщили в Москву о беспомощности чехословацкой госбезопасности, которая укомплектована либо неопытной рабочей молодежью, либо политически ненадежными кадрами из довоенных полицейских и жандармов^[109].

В сентябре – декабре 1949 года были окончательно арестованы упоминавшиеся выше чехословацкие «филдисты». Критерием ареста служило не только знакомство с Филдом, но и пребывание в Испании, что якобы выявляло «троцкистов», или в Лондоне во время войны («английские шпионы»). Самыми высокопоставленными из арестованных были заместитель министра внешней торговли Эвжен Лебл (арестован 24 ноября 1949 года) и главный редактор центрального органа КПЧ «Руде Право» Вилем Новы. «Сдавать» высшие кадры Готвальд отказывался, а на роль «чехословацкого Райка» ни Лебл, ни Новы явно не «тянули».

Однако Лебл под давлением следователей стал называть имена высокопоставленных партийных руководителей, чтобы самому уйти в тень как относительно «мелкой сошке».

Несмотря на давление советских советников, глава чехословацкой госбезопасности Веселый как мог тормозил фабрикацию «дел». 13 апреля 1950 года Абакумов доложил Сталину, что Веселый пытался покончить жизнь самоубийством^[110].

Тем не менее, во второй половине 1949 года и Чехословакию захлестнула волна арестов противников нового строя – реальных и мнимых. Суды не справлялись, и аресты проводились по решению «пятерок». В них на уровне областей входили первый секретарь областной организации КПЧ, сотрудник областного аппарата КПЧ, отвечавший за безопасность, начальник областного подразделения госбезопасности, начальник областного управления МВД и сотрудник областного

национального комитета по вопросам безопасности^[111]. На уровне страны «пятерку» возглавлял генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский.

Сланский решил в сентябре 1949 года создать специальную следственную комиссию по расследованию деятельности «врагов» внутри КПЧ. Ее возглавил Карел Шваб – на тот момент руководитель отдела ЦК КПЧ по вопросам госбезопасности. Сланский настоял на том, чтобы этими делами занимались именно партийные органы, а не МВД. Лишь формально Швабу присвоили должность заместителя руководителя госбезопасности.

На 1 апреля 1949 года по политическим мотивам в Чехословакии были арестованы 6788 человек, к 1 апреля 1950-го – уже 9162.

31 мая 1950 года в Праге открылся процесс над чехословацкими «врагами народа». На скамье подсудимых находилось 13 человек, в том числе Ян Бухал (офицер госбезопасности), Милада Горакова (бывший депутат парламента от ЧНСП)^[112], Войтех Дундр (бывший секретарь социал-демократической партии), Бедржих Гостичка (бывший секретарь народной партии), предприниматель, профессор университета, журналист и т. д. Обращает на себя внимание, что среди подсудимых не было коммунистов, преобладали скорее политические противники компартии. Никто из обвиняемых не занимал и крупных государственных постов. То есть, несмотря на давление из Будапешта и Варшавы, своих соратников Готвальд «сдавать» отказывался.

8 июня 1950 года четверо подсудимых, в том числе и Горакова, были приговорены к смертной казни и, несмотря на просьбы о помиловании 48-летней женщины со стороны Эйнштейна, Черчилля и вдовы Рузвельта Элеонор, были казнены. Миладу Горакову повесили 27 июня в тюрьме Панкрац.

Чтобы как-то скомпенсировать давление извне после процесса Райка в Венгрии, руководство Чехословакии старалось продемонстрировать своим союзникам возросшую бдительность.

Стремительно ухудшались американско-чехословацкие отношения (ведь Филд был «американским агентом и соратником Даллеса»). 6 апреля 1950 года был арестован сотрудник Информационной службы США (ЮСИС) в Праге, гражданин Чехословакии, которого объявили членом «американского шпионского центра» в ЧСР^[113]. После этого были закрыты библиотеки ЮСИС в Праге и Братиславе. Их директоров выслали из страны. Арестованный еще в марте 1948 года сотрудник американского консульства в Братиславе с двойным гражданством Джон Хваста был заново осужден в апреле 1950 года и вместо прежних трех лет заключения

получил 10.

В январе 1950 года посол США настойчиво просил министра иностранных дел Клементиса прояснить судьбу Ноэля, Германа и Герты Филд.

Американцы тоже не скупилась на враждебные по отношению к Праге действия. 1 мая 1950 года было закрыто консульство ЧСР в Чикаго и высланы из страны два сотрудника чехословацкого посольства. При этом госдепартамент не посоветовался с ЦРУ и выслал, в числе прочих, друга сбежавшего на Запад бывшего посла Чехословакии в США Славика, который был готов поставлять из посольства американской разведке конфиденциальную информацию.

В ответ на этот шаг ЧСР немедленно потребовала резко сократить персонал американского посольства в Праге. Вскоре у посла США Элвиса Бриггса^[114] вместо 80 сотрудников осталось 13.

Кстати, сам Бриггс так и не понял, почему именно его перебросили из Уругвая в «оазис за железным занавесом» (так он в своих мемуарах именовал посольство США в Праге): «Когда я спросил об этом Дина Ачесона, ставшего госсекретарем, он отделался туманными фразами типа „президент и я решили, что у вас есть необходимая квалификация“, не уточнив, какая конкретно квалификация имеется в виду»^[115]. Но потом, выйдя из кабинета, Ачесон ухмыльнулся и сказал потрясенному Бриггсу правду: «Это все Трумэн. Я вам не стал говорить правду в офисе, думая, что вы можете среагировать слишком нервно. Я хорошо помню, как президент Трумэн сказал: „Кто мне нужен в Праге, так это жесткий сукин сын, который сможет противостоять этим комми“. Ачесон добавил: „Вот так вас и выбрали, но я не хочу, чтобы вы били президента Готвальда по ноге каждый раз, когда он попытается плюнуть вам в глаз“^[116]. Бриггс пересек чехословацкую границу в последний день октября 1949 года.

Позднее он признавался, что военный и военно-воздушный атташе в посольстве США давали ему как послу 40 % всей работы. Готвальд же не только не пытался «плевать в глаз» Бриггсу, но, наоборот, вел себя корректно и в ряде случаев содействовал освобождению арестованных американских граждан.

Сократить штат посольства на 40 человек сначала предложил госдепартаменту сам Бриггс: с точки зрения посла, там было слишком много военных. Причем двоих он выгнал за «детские игры с разведкой»: сотрудники военного атташата хотели получить какие-то бумаги, спрятанные под камнем в одном из пражских парков. Они выехали в парк

на машине с дипломатическими номерами в два часа ночи и при выемке «тайника» были задержаны сотрудниками госбезопасности^[117]. Фотографии испуганных американцев в парке обошли все чехословацкие газеты и немало повеселили общественность.

Пентагон, обозленный унижением своих офицеров, настаивал на немедленном разрыве дипломатических отношений с Чехословакией. Однако госдепартамент по рекомендации Бриггса решил оставить посольство для наблюдения за развитием ситуации в стране. Ограничились тем, что сократили персонал посольства ЧСР в Вашингтоне тоже до 13 человек.

Бриггс искренне считал, что его коллеги из военного атташата поставляют из Чехословакии в Вашингтон не ценную разведывательную информацию, а всякую чушь и набор общих фраз.

К тому же американцы сами закрыли свое консульство в Братиславе, так как полагали, что дипломатического представительства в Вене (примерно в 30 километрах от словацкой столицы) вполне достаточно. Зато было закрыто консульство ЧСР в Нью-Йорке.

Сам Бриггс отмечал, что по причине отсутствия каких-либо контактов между посольством и чехословацкими гражданами американские дипломаты изучали местную прессу и готовили сообщения для «Голоса Америки».

При сокращении штата американского посольства Бриггса особенно возмущало поведение заместителя министра иностранных дел ЧСР Вавро Хайду, который вскоре был скомпрометирован американской разведкой как «агент США».

В апреле 1951 года отношения между США и ЧСР еще больше осложнились, когда был арестован корреспондент американского информационного агентства «Ассошиейтид Пресс» Уильям Отис. Отиса осудили на 10 лет за шпионаж, причем 4 июля 1951 года – в национальный праздник США. На процессе Отис монотонным голосом подтвердил все выдвинутые против него обвинения. В Чехословакии после этого не осталось никаких корреспондентов западных СМИ.

Между тем в Москве не удовлетворились процессом над Гораковой и ее «сообщниками». 5 июля 1950 года советские советники Лихачев и Макаров из Праги информировали Абакумова (а тот доложил Сталину), что получены компрометирующие материалы на министра иностранных дел Клементиса. После этого Политбюро ЦК ВКП(б) 14 июля приняло решение о направлении в Чехословакию на постоянной основе группы советников МГБ СССР, которую возглавил В. А. Боярский (заместитель начальника

управления МГБ по Московской области).

Боярский стал жаловаться из Праги на Готвальда и Копрживу, которые не хотели создавать в Чехословакии специальное министерство госбезопасности. Советник убеждал Готвальда четыре часа, но тот упорно стоял на своем: политическая обстановка в ЧСР спокойна, нужды в таком «мощном» министерстве он не видит^[118]. А вот Боярский докладывал в Москву, что у него создается обратное впечатление: против Чехословакии активно работают как американская, так и британская разведка, а также словацкая эмиграция и Ватикан (это было абсолютной правдой), а госаппарат «засорен чуждыми людьми». Тем не менее Готвальд не хотел даже расширять штатный состав существующего КНБ Чехословакии.

Однако давление группы Боярского на Готвальда возымело свое действие: 22 ноября 1950 года Боярский сообщил в Москву об аресте руководителя партийной областной организации в Брно (а фактически и во всей Моравии) Отто Шлинга. 11 ноября 1950 года Шлинга исключили из партии.

Этому событию предшествовало анонимное письмо из Брно, полученное генеральным секретарем ЦК КПЧ Сланским 8 ноября 1950 года^[119]. Письмо было подписано «Йирка» и содержало обвинения против Шлинга.

Шлинг (еврей по национальности) был одним из самых способных и эффективных партийных работников нового поколения. Он родился в 1912 году в семье зажиточного предпринимателя. Учился в немецкоязычной гимназии. Шлинг поступил на медицинский факультет Карлова университета, но обучение не окончил: он уехал в Испанию, где участвовал в гражданской войне на стороне республиканцев (как военный врач). Во время Второй мировой войны жил в эмиграции в Англии, где был секретарем молодежной организации «Молодая Чехословакия». Именно Шлинг добился признания 17 ноября Международным днем студента в память о расправе немцев с молодыми демонстрантами в Праге 17 ноября 1939 года.

29 ноября 1945 года был кооптирован в состав ЦК КПЧ. Энергичный и жесткий Шлинг смог после 1945-го укрепить позиции КПЧ в Брно и Моравии, где до войны коммунисты были не особенно сильны: в самом городе Брно верховодили социал-демократы, а в моравской деревне при помощи католической церкви – Чешская народная партия. Шлинг был человеком требовательным, резким и нажил себе в Брно немало врагов.

Правда, деятельность Шлинга в период предвыборной кампании 1946

года была подвергнута критике, так как КПЧ получила в Брно меньше голосов, чем в среднем в Чехии.

Шлинг был человеком амбициозным, но одновременно и блестящим организатором, с готовностью откликавшимся на любые новаторские идеи. Например, в 1949 году он провел в Брно акцию «Молодежь руководит Брно», в ходе которой вся власть в городе на три дня была передана молодым.

С 1945 года Шлинг был депутатом парламента. Ранее была создана партийная комиссия, призванная расследовать довольно многочисленные жалобы моравских коммунистов, обвинявших Шлинга в диктаторских методах руководства и кадровых ошибках. Шлинга обвиняли, в частности, в незаконных арестах. Комиссия ЦК КПЧ признала наличие ошибок в работе областной парторганизации в Брно, но Шлинг свой пост сохранил. Однако в октябре 1950 года он отказался от депутатского мандата. Тучи над ним сгустились.

Боярский «обнаружил» письмо, которое Шлинг написал 17 апреля 1939-го офицеру чехословацкой разведки Эммануэлю Воске. В этом письме Шлинг якобы предлагал тому какую-то помощь.

В декабре 1950 года генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский обратился к Москве с просьбой дополнительно направить в Чехословакию еще четырех советников МГБ, и эта просьба была удовлетворена.

Арестованный Шлинг дал показания против члена ЦК КПЧ Марии Швермовой^[120], вдове одного из основателей КПЧ Яна Швермы. В 1949-1950 годах Шлинг и Швермова состояли в интимных отношениях. Ян Шверма (и его вдова) были очень популярны в Чехословакии, поэтому Сланский ограничился сначала тем, что попросил Швермову написать для ЦК объяснительную записку об ее связях с Шлингом. Было решено проверить и брата Швермовой Карела Шваба – как уже упоминалось, заместителя руководителя КНБ.

На закрытом заседании Президиума ЦК КПЧ от 4 декабря 1950 года было решено пока отстранить Швермову от работы (она являлась секретарем ЦК) и окончательно решить ее судьбу на пленуме ЦК в феврале 1951-го. На этом заседании президиума, как сообщил Боярский в Москву, Сланский вдруг заявил «Шлинг – это Райк»^[121]. Министр госбезопасности ЧСР Копржива даже утверждал, что Шлинг убил собственную мать.

Теперь надо было создать для наконец-то найденного «чехословацкого Райка» «группу». 16 и 17 февраля 1951 года были арестованы Шваб (брат Швермовой, заместитель министра внутренних дел) и Прохазка –

заместитель заведующего отделом ЦК КПЧ. Саму Марию Швермову арестовали прямо в день открытия Пленума ЦК – 21 февраля 1951 года. На Пленуме Готвальд объявил о раскрытии в партии «широкого заговора» с целью реставрации капитализма в стране.

Следует отметить, что Швермову скомпрометировал американский агент Святло, который сообщил своим чехословацким коллегам, что она была на связи с Германом Филдом (его Святло допрашивал в Польше).

Однако Даллеса Шлинг в качестве «чехословацкого Райка» не устраивал – американцам нужна была куда более крупная фигура.

Еще в 1949 году ЦРУ запустило в ход кампанию дискредитации министра иностранных дел ЧСР Клементиса. Когда Клементис приехал осенью 1949 года в Нью-Йорк на очередное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, его пытались склонить к эмиграции. В западных газетах, словно по команде, появилась серия статей о том, что Клементис – независимо мыслящий государственный деятель, негодный русским, и что он наверняка будет арестован, как и его коллега Райк, сразу же по возвращении в Прагу. Фабриковались и материалы о разногласиях Клементиса с «твердолобым» «москвичом» Готвальдом.

Клементис каждый день звонил Готвальду по телефону и опровергал все эти слухи, которым не верил и сам Готвальд. В свою очередь, Готвальд сказал Клементису, что все слухи о его предстоящем аресте – вздор (эти слухи появились в «нейтральной» швейцарской прессе). В знак своего полного доверия Готвальд отправил супругу Клементиса Людмилу к мужу в Нью-Йорк с личным письмом, в котором заверял министра в неизменном дружеском уважении к нему.

Тогда ЦРУ прямо вышло на Клементиса и предложило ему вместе с женой «выбрать свободу». Министр наотрез отказался^[122].

Но под давлением советских советников Клементиса сняли с поста в марте 1950 года, а в январе 1951-го арестовали. 28 января 1951 года был арестован и заместитель Клементиса Артур Лондон.

14 марта 1950 года было официально объявлено об отставке министра иностранных дел Клементиса, что стало для американского посольства в Праге полной неожиданностью, хотя слухи об этом ходили и раньше^[123]. Бриггс считал, что причиной «исчезновения Клементиса с политической сцены» стали либо его «мелкие» разногласия с партийным руководством, либо последствия ареста чехословацкого «филдиста» Вилема Новы (члена ЦК и редактора «Руде Право», тайно арестованного в ноябре 1949 года). Бриггс не исключал, что вокруг Клементиса и Новы готовят дело типа

«процесса Райка».

Нового министра иностранных дел ЧСР Вильяма Широкого Бриггс характеризовал как человека высоких моральных принципов, способного выполнять данные иностранным партнерам обещания.

Между тем в тайном процессе по делу «чехословацких филдистов» фигурировали 11 человек (двое из них, включая Власту Веселу, покончили жизнь самоубийством в тюрьме). Павлик был приговорен за шпионаж к пожизненному тюремному заключению, остальным дали длительные сроки лишения свободы.

Арест Клементиса дал Даллесу предвкушение еще более крупного успеха. В феврале – марте 1951 года по Чехословакии поползли слухи о предстоящем аресте Сланского – второго после Готвальда человека в стране.

В апреле 1951 года арестованный Лебл написал на пишущей машинке свои признания на 49 страницах. Потом он неожиданно решил их «дополнить». В новой версии говорилось главное: заговорщики и шпионы в Чехословакии имели поддержку в лице генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского.

Сланский был вторым человеком в стране и явным преемником Готвальда, чье здоровье постоянно ухудшалось. Следователь по делу Лебла Когоутек решил поделиться неожиданными показаниями подследственного с советским советником Галкиным. Тот посоветовался с начальством и дал Когоутеку «зеленый свет» на извлечение дальнейших показаний против Сланского. Лебл написал от руки новые показания на 22 страницах, с которых были сняты две копии^[124].

Однако Готвальд отказывался верить компромату на Сланского. Сланский был его правой рукой в партии. Именно благодаря ему КПЧ превратилась в современную, четко отлаженную политическую партию, которая смогла мобилизовать сотни тысяч сторонников для демонстраций в феврале 1948 года, что и решило судьбу страны. Именно Сланский был архитектором февральской победы КПЧ, и Готвальд это очень ценил.

Сталин был с Готвальдом в оценке Сланского полностью согласен, хотя и регулярно получал от советников МГБ СССР в Праге разного рода компромат на последнего, который вытягивали из арестованных. 14 июля 1951 года Сталин направил Готвальду личное послание, в котором призвал осторожно относиться к показаниям, которые арестованные «враги» дают на Сланского^[125]. Сталин писал: «Мы получили компрометирующий материал на товарищей Сланского и Геминдера (заведующий

международным отделом ЦК КПЧ – *Прим. автора.*). Мы считаем, что этот материал недостаточен для того, чтобы выдвигать против них обвинения»^[126].

Вместе с тем Сталин писал, что Сланский допустил «немало ошибок», имея в виду, что он просмотрел назначение на высокие партийные посты таких «врагов», как Шлинг. В этом же письме Сталин предложил заменить главного советника от МГБ СССР Боярского на более «сильного работника». Боярского отозвали, и 26 июля 1951 года Готвальд попросил прислать ему замену как можно скорее.

Что касается компромата на Сланского, Готвальд был со Сталиным полностью солидарен и писал в ответном послании: «Я совершенно с Вами согласен, что на основании имеющегося материала невозможно обвинить упомянутых в нем товарищей, а еще меньше – сделать какие-то выводы. Этот материал вдвойне сомнителен, поскольку заявления исходят от осужденных преступников. Таково было мое впечатление, как только я узнал об этом деле»^[127].

Первый министр госбезопасности ЧСР (министерство все же было создано в мае 1950 года) Ладсилава Копржива вызвал к себе следователей, заслушал их данные по Сланскому, выразил свое недоверие и строго запретил в дальнейшем собирать компромат на генерального секретаря.

Даллес понял, что свалить Сланского трудно, но, наверное, все же возможно, и это стало бы самой крупной удачей операции «Раскол». Готвальд болел, американцы об этом знали, а более сильного и опытного работника, чем Сланский, у компартии Чехословакии не было.

Рудольф Сланский родился в 1901 году в деревне к юго-востоку от Пльзеня в семье богатого еврейского торговца. В стране ходили антисемитские слухи, что настоящая фамилия Сланского Зальцман, что абсолютно не соответствовало действительности. Вопреки желанию отца, который хотел видеть сына в коммерции, Сланский уже в 1921 году вступил в компартию Чехословакии. Партия направила его на работу в Оставу – один из крупнейших центров металлургии и машиностроения. Сланский был вместе с Марией Швермовой и Яном Швермой ярким сторонником большевизации КПЧ, в ходе которой Готвальд стал лидером партии. Однако тогдашний генеральный секретарь ЦК партии Богуслав Илек считал Сланского излишне радикальным и в 1928 году отозвал его из Оставы. Но уже через год в ходе большевизации КПЧ генеральным секретарем стал Готвальд, разделявший взгляды Сланского.

В 30-е годы Сланский публично защищал московские судебные

процессы против противников Сталина. Партийная карьера Сланского развивалась успешно, и он возглавил ключевой организационный отдел ЦК, тем самым в его руках оказался весь партийный аппарат. Однако в 1935 году Сланскому досталось от Коминтерна за излишний радикализм, мешавший политике единого антифашистского фронта с прогрессивной буржуазией и социал-демократами, которую провозгласил в том же 1935 году VII конгресс Коммунистического Интернационала. Сланского сняли с поста в ЦК.

После оккупации Чехии и Моравии немцами в 1939 году Сланский, его жена Йозефа и сын Рудольф эмигрировали в Москву. Они жили в отеле «Люкс» и были свидетелями арестов многих иностранных коммунистов в ходе сталинских репрессий.

3 октября 1943 года семья Сланского пережила страшный шок. В этот день Йозефа Сланская (она работала диктором на московском радио) была неожиданно вызвана на службу, хотя у нее должен был быть выходной. Она оставила в парке восьмилетнего Рудольфа вместе с маленькой дочерью Надей, мирно спавшей в своей коляске. Когда она вернулась, детей не было, и только вместе с мужем они смогли обнаружить в парке усталого и заснувшего сына.

Тот рассказал, что после ухода матери на работу к ним подошла какая-то женщина и сказала, что мама, которую увезла «скорая помощь», поручила ей доставить Надю домой. Братик же должен пока подождать в парке. Рудольф-младший не поверил и спросил незнакомку, как зовут его мать, как она выглядит и где работает. Женщина правильно ответила на все вопросы, но Рудольф коляску из рук не отпускал. Тогда таинственная дама просто выхватила девочку из коляски и бросилась бежать.

Рудольф-старший обратился к Сталину, но девочку найти так и не удалось. После этого трагического происшествия характер Сланского сильно изменился. Он стал замкнутым, грубым, подозрительным и раздражительным. Готвальд посоветовал Сланским пережить горе и родить еще одного ребенка.

В 1944 году Сланский и Ян Шверма были направлены в Словакию, где должны были руководить Словацким национальным восстанием. В марте 1945 года Сланский стал генеральным секретарем партии, в то время как Готвальд сосредоточился на работе в правительстве. В народе считали (особенно после февраля 1948 года), что «добрый чех» Готвальд, в отличие от «жестокоего еврея» Сланского, является сторонником мягкого ненасильственного пути к социализму. В этих слухах имелась доля правды: Сланский действительно всегда был более жестким и бескомпромиссным

политиком, чем Готвальд.

После беспорядков во время слета «Сокола» (июль 1948 года) и особенно во время похорон Бенеша (сентябрь 1948 года) Сланский стал сторонником максимально жесткого курса в борьбе против реакционеров. В конце 1950 года в Чехословакии было примерно 11 тысяч политических заключенных.

Поначалу арестованный Шлинг и «филдисты» говорили следователям, что хотели убить обоих вождей – Готвальда и Сланского. Когда в июне 1951 года поступили первые показания на самого Сланского, ни Сталин, ни Готвальд им не поверили. Готвальд прямо запретил следователям задавать арестованным любые вопросы относительно Сланского.

Тем не менее следователи чехословацкой госбезопасности с июня 1951 года по согласованию с советниками из МГБ СССР заносили в протоколы все материалы на Сланского. В конце июля 1951-го бывший заместитель министра иностранных дел Лондон на допросе неожиданно сказал следователю Йозефу Михалеку, что Сланский является лидером чехословацких троцкистов. Его подручным якобы стал Бедржих Геминдер (тоже еврей) – заведующий международным отделом ЦК КПЧ. Михалек отправился к руководителю следственной бригады Когоутеку, который пригрозил ему всяческими неприятностями, если показания Лондона против Сланского были выбиты силой. Сам Когоутек и его коллега Доубек наедине беседовали с Лондоном, и тот полностью подтвердил показания, зафиксированные более чем на 60 страницах. Лондон назвал Сланского главой заговорщицкого центра в Чехословакии.

Сталин между тем пригласил Готвальда (как ранее Ракоши) в Москву для доверительного обсуждения дела разоблаченных в ЧСР «заговорщиков» во главе со Шлингом. Однако президент ЧСР, сославшись на плохое здоровье (это было правдой), отправил в Москву своего зятя Алексея Чепичку. 23 июля 1951 года вопрос о Сланском обсуждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Сталин, как сообщал Чепичка, опять взял Сланского и Геминдера под защиту. Он провидчески говорил, что здесь возможна провокация врагов (то есть американцев). Чепичка вернулся с письмом Сталина Готвальду, в котором говорилось: «Мы полагаем, как и раньше, что заявления осужденных лиц, не подтвержденные доказательствами, не могут служить основой для обвинения работников, хорошо известных партии своей положительной работой. Поэтому Вы правы, что проявляете осторожность и не доверяете опытным преступникам в том, что касается товарищей Сланского и Геминдера»^[128].

Тем не менее Сталин спросил Чепичку, правда ли, что арестованные враги типа Лондона, Лебла и Шваба (брат Марии Швермовой) являются друзьями Сланского. Если это так, то оставаться на посту генерального секретаря Сланский не может.

Судьбу Сланского решил Артур Лондон. Бывший заместитель министра иностранных дел (еврей, родился в 1915 году) попал в жернова потому, что воевал в Испании и считался неформальным лидером «испанцев» (то есть чехословацких ветеранов гражданской войны в Испании). До 1949 года Лондон с женой-француженкой жил во Франции, был членом французской компартии. Сланский лично уговорил его переехать в Прагу и стать заместителем министра.

Лондон уже признался в том, что являлся главным представителем троцкистского IV Интернационала во всей Восточной Европе, «главным резидентом американской разведки в Чехословакии под руководством Филда, прямого сотрудника Аллена Даллеса».

Он говорил, что в конце июля 1951 года его следователь капитан госбезопасности Когоутек на допросе объявил об обнаружении в ЧСР большого заговорщицкого центра, который возглавляет один из лидеров КПЧ. При этом Когоутек, по воспоминаниям Лондона, перечислил всех членов руководства КПЧ, добавляя после каждой фамилии слова «это не он». Лондон понял, что неназванной осталась только одна фамилия – Сланского^[129].

«Когоутек: „Ну, вы поняли, кого я имею в виду?“

Лондон: „Хотите сказать, Сланского?“

Когоутек: „Да, я говорю о Сланском“».

Как утверждал потом Лондон, все свои действия Когоутек согласовывал с советскими советниками, которых он называл «мои настоящие начальники» или «друзья».

Лондон оговорил Сланского отнюдь не потому, что его били. Скорее это был акт мести. Бывший заместитель министра был обижен на Сланского, так как считал, что именно он дал санкцию на арест его и других «испанцев». Теперь же после слов Когоутека у Лондона забрезжила надежда, что Сланский действительно мог по заданию американской разведки отправлять в тюрьмы честных коммунистов. А теперь его наконец-то разоблачили, возможно, с советской помощью. К тому же Когоутек показал Лондону протокол допроса бывшего заместителя министра внешней торговли Лебла от марта 1951 года, в котором также содержались обвинения против Сланского. Лондон решил, что Сланский уже арестован, иначе госбезопасность не осмелилась бы компрометировать

второго человека в стране.

Лондон даже спросил Когоутека: «Так почему тогда раньше вы мне запрещали называть это имя, когда я пытался защитить себя?» Когоутек ответил: «Потому, что вы постоянно отрицали, что отвечали за троцкистскую группу и имели шпионские связи с Филдом. Теперь, когда вы подписали первые признания, партия считает, что мы должны идти дальше»^[130]. Дальше следователь якобы добавил: «Господин Лондон, ну сами подумайте, кто, по-вашему, отдал приказ о вашем аресте и аресте других добровольцев (ветеранов гражданской войны в Испании – *Прим. автора.*)? Мы ведь не могли сделать этого без приказа Сланского! Он принес вас в жертву, потому что думал, что если выбросит вас за борт, то спасется сам»^[131].

В своих воспоминаниях Лондон, конечно же, не упоминает еще одну причину, по которой оговорил Сланского, – он надеялся, что теперь избежит роли «звезды» предстоявшего судебного процесса и высшей меры наказания. На эту роль явно готовили Сланского.

На самом деле в конце июля 1951 года Сланский не только не был арестован, наоборот, вся страна 31 июля торжественно отмечала его 50-летие. Генерального секретаря наградили высшим чехословацким орденом Социализма. Готвальд направил Сланскому приветственную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Дорогой товарищ! Вместе со всей нашей партией мы шлем тебе по случаю твоего 50-летнего юбилея большевистский привет... В первых рядах классовой борьбы... ты всегда последовательно боролся за проведение большевистской линии против оппортунистических вредителей и предателей... будучи всегда верным идеям Ленина и Сталина... Вся наша партия и наш трудящийся народ поздравляют тебя как своего верного сына и борца, преисполненного любовью к трудящимся и верностью к Советскому Союзу и великому Сталину»^[132].

Здравницы Сланскому пражское радио передавало в течение нескольких часов, прервав свою обычную программу. Видные драматические актеры читали отрывки из работ Сланского. Был издан в прекрасном кожаном переплете двухтомник избранных произведений генерального секретаря. Советское посольство в Праге не преминуло сообщить в Москву, что Сланский получил за свои труды фантастически огромный гонорар 1,2 миллиона крон.

В конце августа 1951 года министр госбезопасности Копржива лично пришел на допрос к Лондону, чтобы убедиться, что тот действительно

назвал Сланского главой антигосударственных заговорщиков в Чехословакии. Причем даже по воспоминаниям Лондона заметно, что министр все равно не верил в вину Сланского: «Копржива, казалось, был потрясен»^[133]. Но Лондон сказал, что сначала группой бывших «испанцев» – троцкистов руководил заместитель министра внутренних дел Йозеф Павел (к тому времени тоже арестованный), а затем руководство перешло непосредственно к Сланскому, который и расставил «троцкистов» на руководящие посты. Лондон: «Копржива слушал меня с ужасом... Копрживу постепенно задевают за живое мои ответы, и он начинает со мной полемизировать... Копржива вдруг кажется мне недовольным и выведенным из равновесия моими ответами. Несмотря на то, что я боюсь результатов своих действий, я тем не менее рад, что заставил его выслушать меня»^[134].

Именно показания Лондона имел в виду Сталин, когда в июле 1951 года рекомендовал Готвальду не верить словам заключенных. Готвальд даже вызвал Копрживу и сказал ему, что Сталин рекомендовал снять его с поста министра госбезопасности, так как его подчиненные слишком уж доверяют показаниям врагов. Копржива был в смятении: если Сталин доверял Сланскому, то почему советники МГБ СССР в Праге с помощью своих чехословацких коллег настойчиво пытались скомпрометировать генерального секретаря?^[135] Но Готвальд прямо приказал Копрживе прекратить получение компромата против Сланского во время допросов. Копржива спросил, как ему это обосновать, особенно перед советскими советниками. Готвальд велел Копрживе самому придумать какую-нибудь причину.

Готвальд ответил Сталину на его письмо (привезенное Чепичкой) и возражал против перемещения Сланского с поста генерального секретаря. Президент писал, что хорошо знает Сланского и полностью ему доверяет. К тому же заменить Сланского на посту фактического лидера партии просто некем (это как раз учитывал и Даллес, направляя удар). А если уж и обвинять Сланского в кадровых ошибках, то и он, Готвальд, также несет за них полную ответственность^[136].

И все же Сталин, как упоминалось выше, порекомендовал снять Сланского с поста генерального секретаря за потерю бдительности. Поэтому Готвальд отложил в сторону подготовленный проект ответного письма и ответил Сталину, что согласен с его предложением, но намерен дать Сланскому другой важный пост. Ответ из Москвы был кратким: «Мы получили Ваше письмо. Согласны. Сталин».

Готвальд позвонил Сланским и попросил разрешения приехать к ним домой, как в добрые старые времена. Рудольф и Йозефа Сланские были польщены, и в тот вечер «Руда» и «Клема» (так называли друг друга Готвальд и Сланский) хорошо выпили. Будучи под хмельком, Готвальд не выдержал и с горечью произнес: «Они требуют, чтобы я снял тебя с твоего поста, и я уже не могу более откладывать этого». Готвальд подчеркнул, что специально распорядился отметить юбилей Сланского так помпезно, чтобы показать Москве заслуги «Руды» перед партией и страной. Но «их» это не убедило. Сланский, по воспоминаниям его жены, выразил понимание и предложил своему старому другу исполнить желание Москвы.

6 сентября 1951 года Сланский выступил с самокритикой на пленуме ЦК КПЧ, признав свою вину за то, что допустил на ответственные посты в секретариате ЦК врагов.

Однако Даллес пока не добился своей главной цели. Хотя Сланского и сняли с поста генерального секретаря, его не только не арестовали, но и назначили вице-премьером правительства. Это было, конечно, понижение, но тем самым Готвальд как раз рассчитывал на время вывести Сланского из-под огня возможных политических обвинений. Причем Готвальд не назначил никого на пост генерального секретаря, оставив эти функции временно за собой как за председателем партии. Тем самым ясно давалось понять, что переход товарища Сланского на другую «ответственную» работу – дело временное.

В Польше операция «Раскол» усилиями американского агента Святло разворачивалась более успешно. Святло в августе 1951 года лично арестовал руководителя польской компартии (то есть коллегу Сланского), популярного в народе Владислава Гомулку.

Поэтому Даллес решил приступить к развернутой компрометации Сланского в глазах Сталина.

Осенью 1951 года среди чешских эмигрантов в ФРГ стали усиленно распространяться слухи, что потрясенный лишением поста генерального секретаря Сланский вот-вот сбежит на Запад.

Эти ложные сведения распространялись через один из вышеупомянутых американских разведывательных центров в ФРГ (ОКАРП) [\[137\]](#), входивший в сеть генерала Моравца. Конкретно Сланским занимался бывший майор чехословацкой армии Франтишек Остры. Остры (родился в 1913 году) был кадровым офицером довоенной чехословацкой армии и после оккупации Чехии и Моравии нацистами в марте 1939 года эмигрировал через СССР и Ближний Восток во Францию. Там он вступил в чехословацкие части, которые вместе с французской армией были

разгромлены вермахтом в июне 1940 года. Остры попал в немецкий плен, но смог сбежать и пробраться в неоккупированную немцами южную Францию. В Марселе он получал финансовую помощь от Ноэля Филда. Из Франции Остры попал в Испанию, где его арестовали франкисты, но потом выпустили. Через Гибралтар лейтенант Остры пробрался в Англию, где стал сотрудником военной разведки под руководством генерала Моравца.

После февраля 1948 года Острога уволили из армии, и он горел желанием отомстить коммунистам. Деятельность американской разведки в отношении ЧСР курировал тогда Спенсер Лейрд Таггерт, уроженец Айдахо, мормон, который работал миссионером в Чехословакии еще до войны (в 1931-1934 годах) и знал чешский язык. Таггерт вступил в УСС во время войны и курировал там Чехословакию. Весной 1945 года Таггерта направили в Прагу со стратегическим заданием – не дать Чехословакии попасть в орбиту влияния Кремля^[138].

Таггерт, как и американская разведка в целом, проспал «пражский переворот». Пока в феврале 1948 года в Праге разворачивались судьбоносные события, Таггерт вместе с женой путешествовал по Италии. Вернувшись в Прагу, он понял, что игра проиграна и все его друзья и контакты, на которых он делал ставку, потеряли свои места в госаппарате.

Таггерт работал в Праге под «крышей» посольства США с упоминавшимся выше военным атташе США Чарльзом Катеком (находился в ЧСР в 1945-1948 годах), который тоже хорошо говорил по-чешски. Семья Катек владела в Чикаго фирмой по перевозке вещей и специализировалась на доставке пианино. Во время войны Катек как резидент УСС по Чехословакии работал в Лондоне и был тесно связан как с Моравцем, так и с самим Бенешем. 26 января 1945 года Бенеш наградил майора армии США Катек высшим чехословацким орденом Белого Льва.

В Праге Катек был настолько уверен в протекции Бенеша, что даже особенно и не скрывал, чем конкретно он занимается в чехословацкой столице. Формально Катек якобы искал могилы погибших в Чехословакии американских военнослужащих – смехотворный предлог, если учесть, что никакого реального сопротивления немцы американцам в Чехословакии не оказывали.

После февраля 1948 года Катеку пришлось покинуть Прагу, и он вместе с Таггертом и Моравцем развернул против ЧСР активную разведывательно-террористическую деятельность, упомянутую выше. Одним из агентов Моравца и Катек в ЧСР был Остры, передававший через курьеров-связников информацию Моравцу в Германию. Однако госбезопасность быстро перевербовала нескольких курьеров и скоро

читала все, что Остры отправлял своим хозяевам в ОКАРІ. Бывший майор Остры как разведчик-профессионал начал что-то подозревать. В сентябре 1949 года ему удалось бежать из страны (ранее он запросил у своих американских хозяев ампулу с ядом, чтобы в крайнем случае избежать ареста).

Попав в ОКАРІ в Бенсхайм (штаб Моравца), Остры был неприятно поражен отношением американцев к тем, кто рисковал ради них жизнью. Только Моравец и его ближайшее окружение получали от американской разведки более или менее сносное жалованье. Остальные имели право лишь питаться в столовой армии США и время от времени покупать товары в американских военных магазинах. Тем не менее Остры любил свою работу, сопряженный с ней риск и постоянную смену имен и фамилий (американцы вели его у себя как «Риджуэя»)^[139].

Остры внимательно изучал чехословацкие газеты (это нормальная работа любого разведчика-аналитика) и в июле – августе 1951 года обратил внимание на то, что Сланского практически не поздравили с 50-летием братские коммунистические партии. Это особенно бросалось в глаза на фоне славословия в самой Чехословакии. Пришли лишь короткие формальные телеграммы из ГДР и Польши, но из Москвы от Сталина не было ничего.

Остры сразу понял, что Сланский попал в немилость, и его прогнозы подтвердились, когда 6 сентября 1951 года генерального секретаря сняли с поста. Остры немедленно решил «добить» Сланского, и у него родился план операции «Великий чистильщик» (Great Sweeper).

Необходимо было скомпрометировать Сланского связями с американской разведкой и либо побудить его к переходу на Запад, либо, в случае отказа, «сдать» компромат на бывшего генсека Москве.

Бывший гражданин ЧСР эмигрант Герберт Каудерс, завербованный ОКАРІ, сообщил Острому, что знает в Праге некую Даниэлу Канковскую, которая якобы является любовницей Сланского. Позднее, уже в 60-е годы Канковская призналась, что выдумала историю о своей связи со Сланским, чтобы набить себе цену.

Канковская и Каудерс называли Сланского «великим чистильщиком», так как генеральный секретарь имел репутацию жесткого борца против любых антипартийных элементов. Так у Острога и родилось название операции компрометации Сланского.

Операция была одобрена Моравцем. Совместно с Острым он решил передать через Канковскую «великому чистильщику» письмо, в котором, в частности, говорилось:

«У нас есть информация, что ваше положение осложнилось. Здесь выражаются глубокие опасения по поводу вашего будущего. Есть сведения из хорошо информированных кругов, что вас наметили для показательного процесса и вас ждет судьба Гомулки.

Надеемся, что вы получите это письмо вовремя. Мы предлагаем вам безопасный переход на Запад, гарантируем политическое убежище, безопасное жилье и поддержку, за исключением политической карьеры.

Если вы согласны, то мы готовы немедленно помочь вам с уходом. В знак согласия, пожалуйста, оторвите нижнюю часть письма и напишите на ней дату, когда вы будете готовы уйти. Дальнейшие инструкции вы получите по тому же каналу. Будьте осторожны и держите язык за зубами. Тот, кто передаст это письмо (Канковская – *Прим. автора.*), ничего не знает.

В доказательство, что эта операция действительно осуществляется при поддержке Запада, сообщение для вас будет передаваться по радиостанции «Свободная Европа» на волне 48.9 метра 10, 17 и 24 ноября и 1 декабря 1951 года, всегда в 19:53. Сообщение гласит: «Беда приходит неожиданно. Это сообщение от Подпоры („подпора“ – по-чешски „поддержка“ – *Прим. автора.*)»^[140].

Письмо в Прагу Канковской должен был доставить курьер ОКАРІ Рудольф Невечерал. Невечерал (1922 года рождения) сбежал из ЧСР в марте 1951 года, после того как его обвинили в том, что он в пивной рассказывал антикоммунистические анекдоты. Американцы накормили и напоили беженца, и он сразу же согласился стать агентом американской разведки. Чтобы проверить нового агента, его два раза посылали в Чехословакию как курьера. В первый раз Невечерал без проблем вернулся обратно, а во второй навестил жену и детей, хорошенько подумал и решил явиться с повинной.

Дальше события развивались как в одном старом советском анекдоте, когда агент ЦРУ безуспешно пытался сдаться бюрократам из КГБ, посылавшим его из одного кабинета в другой. Невечерал пришел в министерство обороны и отдал часовому заранее подготовленную записку, в которой говорилось, что у него есть важная информация военного характера. Часовой вызвал офицера, но тот сказал, что очень занят, а ответственный за такие дела коллега ушел в кафетерий на обед. Невечерала попросили снова зайти через пару часов. Невечерал решил тоже от души пообедать в ресторане на американские деньги, и когда он вернулся, его доставили в тюрьму Панкрац.

Там с ним говорил уже действительно компетентный человек,

начальник 28-й секции госбезопасности (вражеская агентура) Ярослав Саксл. Невечерал немедленно согласился играть роль двойного агента и получил в госбезопасности кличку «Рудла». Но, когда Невечерал вернулся в Германию, американцам показалось подозрительным его слишком долгое пребывание в Праге (он должен был пробыть в Чехословакии шесть дней, а вернулся через 17), и его уволили из американской разведки. Невечерала охотно подобрала ОКАРІ, которую Моравец пытался сделать самостоятельной «чехословацкой» разведслужбой.

И все же сложно представить, что Остры и Моравец самостоятельно взяли на разведработу того, кого только что выгнали их американские хозяева. Скорее всего, Остры рассудил, что если Невечерал действительно завербован госбезопасностью, то это только поможет компрометации Сланского.

В ночь на 8 ноября 1951 года Невечерал с упомянутым выше письмом «великому чистильщику» перешел чехословацкую границу^[141]. Помимо письма, которое он должен был передать Канковской, у него был пистолет и две ручные гранаты. 9 ноября письмо было уже в руках госбезопасности. Письмо было запечатано бумажной лентой, и сотрудникам госбезопасности пришлось потратить несколько часов (обычная техника перлюстрации того времени, когда конверт просто держали над паром, не действовала), чтобы незаметно вскрыть и сфотографировать его.

Сначала в госбезопасности не поняли, кто такой «великий чистильщик». Невечерал тоже этого не знал, он лишь сообщил, что его инструктировал говоривший по-чешски офицер американской разведки (Остры). Тогда решили подключить к делу советских советников. С помощью совместной дедукции чехи (заместитель руководителя госбезопасности Антонин Прхал) и русские (советник Смирнов) решили, что речь идет о Сланском, поскольку в письме упоминался Гомулка, занимавший в Польше до своего ареста такую же должность (как мы помним, Гомулка был арестован лично американским агентом Свято).

С самого начала многое в письме показалось сотрудникам госбезопасности подозрительным. Некоторые офицеры госбезопасности даже решили, что письмо сфабриковано русскими, чтобы проверить чехов на надежность (такая версия гуляет на Западе и по сей день). В конце концов, письмо перевели на русский язык и срочно отправили в Москву, где оно произвело эффект разорвавшейся бомбы.

К тому же сведения об интересе американской разведки к Сланскому подтверждались и другими источниками (Даллес всегда дублировал дезинформацию, как это было в случае с Венгрией в 1948-1949 годах). Еще

4 ноября 1951 года Отто Хауптер (имя и фамилия ненастоящие), которого в МГБ СССР считали своим надежным агентом в резидентуре ЦРУ в Мюнхене (как и Невечерал, он был двойным агентом, но на сей раз уже подставленным американцами), сообщил, что все готово к переброске Сланского на Запад.

Хауптер (еврей по национальности и гражданин ЧСР) был ранее арестован в Праге за шпионаж как агент американской разведки и дал согласие работать на госбезопасность и СССР. Ему организовали фиктивный «побег», и он вернулся в Мюнхен, где сразу же все рассказал американцам^[142]. Хауптер сообщил в Москву, что именно он назначен «куратором» Сланского в американской разведке и 9 ноября 1951 года в ЧСР перейдет курьер с информацией для генерального секретаря.

Теперь, после прихода Невечерала, получалось, что сведения Хауптера подтвердились. 10 ноября 1951 года в Прагу прибыл новый обещанный ранее Сталиным главный советник по линии МГБ – полковник Алексей Бесчастнов^[143].

22 ноября в столицу Чехословакии срочно прилетел личный представитель Сталина, член политбюро ЦК ВКП(б) Анастас Микоян.

Микоян передал Готвальду мнение Сталина, что Сланский должен быть немедленно арестован. Сначала он отказался пояснить мотивы этого требования, но, столкнувшись с сопротивлением Готвальда, все же был вынужден сказать, что арест должен помешать переходу Сланского на Запад, который должен состояться со дня на день. Готвальд отказывался верить в предательство своего друга, и Микояну пришлось вернуться в советское посольство и переговорить по телефону со Сталиным.

Когда Микоян вернулся к Готвальду, к разговору присоединился зять чехословацкого президента Чепичка, недавно побывавший по «делу Сланского» в Москве. Микоян сообщил, что Сталин настаивает на своей рекомендации, так как сведения о возможном бегстве Сланского представляются достаточно серьезными. Готвальд потребовал доказательств, но Микоян уклонился от ответа.

Готвальду пришлось скрепя сердце согласиться с требованием Москвы. Операция «Раскол» тем самым могла записать в свой актив самый крупный успех в борьбе против врага за «железным занавесом».

Американский военный атташе в Праге, который был не в курсе операции своих коллег в ФРГ, сообщал в Вашингтон 14 декабря 1951 года, что на дороге от Праги до Пльзени (центр западной Чехии) он насчитал не менее восьми блокпостов и что их создали, чтобы не допустить бегства на

Запад «какого-то важного чеха».

Между тем 14 ноября 1951 года Невечерал с ведома госбезопасности доставил письмо Канковской, которая прочла его уже после того, как курьер откланялся. Канковская поговорила со своими друзьями, и один из них, офицер, сказал, что дело чести доставить письмо Сланскому. Он даже вызвался сделать это лично. Однако 23 ноября Канковская сожгла письмо, когда до нее дошли слухи, что ею вдруг заинтересовалась госбезопасность.

11 ноября главный советский советник по линии МГБ Бесчастнов якобы показал письмо, адресованное «великому чистильщику», Готвальду. Однако Чепичка позднее утверждал, что письмо Готвальду передала чехословацкая госбезопасность, причем гораздо позднее, буквально за считанные часы до ареста Сланского; по словам Копрживы – менее чем за сутки.

Госбезопасность в подтверждение возможного побега Сланского доложила Готвальду, что Сланский заказал себе у портного новый костюм и торопит с выполнением заказа. Советское посольство в Праге сообщало в Москву, что Сланский снял с банковского счета крупную сумму в 200 тысяч чехословацких крон (в то время их еще можно было поменять на Западе на доллары).

К тому же обещанное сообщение для Сланского на волнах радио «Свободная Европа» действительно было передано в эфир.

Американцы решили рассеять последние сомнения Готвальда и Сталина с помощью искусно разыгранного спектакля. Каждую ночь на американский военный аэродром под Мюнхеном доставлялись известные чехословацкие эмигранты, ожидавшие там прилета некоего «важного лица» с родины. Американские офицеры имени «гостя» не называли, но запущенные ранее разведкой США слухи делали свое дело – все были уверены, что вот-вот из-за «железного занавеса» прибудет самый высокопоставленный перебежчик – второй человек Чехословакии Рудольф Сланский^[144]. Весь этот спектакль разыграли Моравец, Катек и Остры.

Как только Готвальду проиграли записанное на магнитофонную пленку сообщение радио «Свободная Европа», он сдался и сказал, что уже не возражает против ареста Сланского.

Министр госбезопасности Копржива собрал руководство министерства, пригласив двух советских советников. Русские заявили, что в их руках есть неоспоримые доказательства связи Сланского с западными разведцентрами.

23 ноября 1951 года Клементу Готвальду исполнилось 55 лет. Со всей страны делегации привозили первому президенту-рабочему подарки.

Семья Сланских долго думала над тем, что же подарить близкому другу, и решила заказать одному художнику пейзаж родной деревни Готвальда – Дедице. Картина была готова вовремя, и Рудольф и Йозефа Сланские хотели лично вручить ее Готвальду.

Однако из Пражского Града (резиденции главы государства) Сланским сообщили, что президенту нездоровится и он не будет принимать гостей. Тем не менее Сланский быстро выяснил, что других товарищей по руководству партии президент принимает. Но тут их пригласил к себе на ужин премьер-министр Запотоцкий, что немного улучшило настроение Сланского и его супруги.

В этот же день Готвальд вызвал к себе Запотоцкого и Копрживу и в присутствии Бесчастнова нехотя сообщил им, что Сланского надо арестовать сегодня же. Запотоцкий был потрясен – ведь уже пригласил Сланских к себе домой. Премьер хотел отменить свое приглашение, но Бесчастнов сказал, что это может насторожить Сланского и привести к его побегу за границу.

Запотоцкий давал ужин в честь советской экономической делегации. Помимо премьера присутствовали только что прибывший в Прагу новый посол СССР Лаврентьев, министр иностранных дел Широкий, руководитель Госплана Доланский. Когда Сланские прибыли к премьеру, они с удивлением узнали, что будут сидеть не за главным столом, а в одной из соседних комнат^[145]. Конечно, это был дурной знак. Причем Запотоцкий рассказал Сланскому, что посетил Готвальда, и бывший генеральный секретарь еще раз убедился, что президент здоров. Правда, советский посол был со Сланскими подчеркнуто любезен.

Сланские хотели уйти с ужина пораньше, однако Запотоцкий задержал их, показывая различные картины в своей резиденции. Он отпустил друга и его жену только после полуночи, и то по настоянию Йозефы, ссылавшейся на больную печень мужа. Как только Сланские сели в машину с водителем, Запотоцкий, как и было условлено заранее, сообщил об этом по телефону Копрживе. Группа сотрудников МГБ ЧСР выехала в резиденцию Сланского и обезоружила его личную охрану.

Когда Сланские в полночь 24 ноября 1951 года подъехали к своей вилле, они с удивлением обнаружили, что она погружена во мрак, а у ворот их не встречает, как обычно, телохранитель. Выходя из машины, Йозефа в темноте споткнулась, и Сланский сердито приказал охраннику выяснить, что случилось с освещением. Как только они зашли в дом, их ослепил яркий свет. На Сланского и его жену сразу надели наручники. В доме было полно вооруженных автоматами сотрудников госбезопасности. Йозефа в

ужасе закричала, и ей зажали рот так, что она едва не задохнулась. Сланский, убежденный атеист, лишь повторял: «Господи, Господи...». Жена навсегда запомнила его необычайно грустные глаза. На Сланского надели капюшон, заткнули ему рот кляпом и затолкали его в машину. Йозефу отвезли в один из домов госбезопасности под Прагой, где к ней вскоре присоединился 16-летний сын Рудольф. Маленькая дочка Мария (которая родилась после похищения в Москве Нади) была отправлена в детский дом.

Самого Сланского доставили в Рузинскую тюрьму, где сидели ранее арестованные «заговорщики», в том числе и Артур Лондон. Теперь бывший генеральный секретарь ЦК КПЧ стал узником номер 2359/865 и «главой антигосударственного центра».

Сланский искренне не понимал, чем был вызван его арест. 26 ноября 1951 года он написал письмо в Президиум ЦК КПЧ: «Я знаю, что мой арест, безусловно, вызван серьезными причинами, правда, мне неизвестными. Но в том, что касается подозрений относительно меня, что я совершил какие-то преступления против партии, то они, очевидно, вызваны ужасной ошибкой. Никогда в моей жизни я не предавал партию и не наносил ей сознательно вреда. Я никогда не шел на сделки с врагом.

Я хотел бы просить вас об одной милости: не осуждать меня заранее как врага, я не враг. Я твердо уверен, что вы убедитесь в несостоятельности выдвинутых против меня обвинений»^[146].

Между тем Сланский в тюрьме отказывался сначала в чем-либо признаваться. 31 января 1952 года он попытался покончить жизнь самоубийством. Он попросился в туалет и, когда следователь отвлекся и вышел, чтобы вызвать конвой, запер дверь кабинета изнутри. Сначала Сланский хотел найти пистолет следователя и застрелиться^[147], а потом пытался повеситься на оконной раме, используя провод от системы сигнализации. Его нашли уже без сознания, но вовремя сделали укол и искусственное дыхание^[148]. Тюремного врача Йозефа Зоммера, который спас Сланскому жизнь, наградили, выдав премию в 15 тысяч крон.

С тех пор на допросах Сланского приковывали за ноги цепью к стене, куда было вмонтировано специальное кольцо. Это произвело на бывшего генсека такое угнетающее впечатление (он все время бормотал: «Я как собака, как собака...»), что его воля была надломлена, и он стал давать нужные следователям показания.

Утром после ареста Сланского, в 10 часов, Готвальд собрал руководство страны и зачитал сфабрикованное американцами письмо,

которое, по словам президента, и заставило пойти на такие меры. Хотя это и крайне невыгодно с политической точки зрения, сказал Готвальд, народу все же придется объявить, что второй человек в стране был главой антигосударственного заговора.

Выступлением Чепички, взявшим слово после Готвальда, Даллес остался бы очень доволен. Чепичка сказал, что уже давно поступает информация об организации Западом масштабного заговора против социалистических стран, и теперь этому нашлось конкретное подтверждение. Другие члены руководства КПЧ сразу стали вспоминать о «подозрительном» интересе Сланского к военным вопросам или о его нежелании видеть в стране советников МГБ СССР^[149]. Однако Готвальд все еще не верил в «преступность» Сланского: да, тот делал ошибки, но у кого их нет? В отличие от своего зятя Чепички, Готвальд разглядел и причину того, почему арестованные (особенно Лебл и Лондон) оговорили Сланского без всяких мер физического воздействия. Президент считал, что они хотят оговорить более крупные фигуры, чтобы вывести из-под удара самих себя.

Но письмо из-за границы все меняло, и Готвальд поставил на голосование вопрос об одобрении ареста Сланского. Одобрение было единогласным.

На другом совещании, 25 ноября 1951 года, Запотоцкий сказал, что письмо не адресовано конкретно Сланскому, но, судя по всему, именно он и был адресатом. Письмо самого Сланского из тюрьмы на Президиуме ЦК КПЧ не рассматривалось. С ним ознакомили Готвальда, Чепичку и Запотоцкого. Сотрудники госбезопасности передали бывшему генеральному секретарю устный ответ президента: Сланскому следует прекратить писать глупые письма и начать давать показания о своей антигосударственной деятельности.

Вся первая половина 1952 года ушла у следователей госбезопасности и их советских советников на переписывание протоколов показаний «заговорщиков», арестованных еще до Сланского. Теперь надлежало выстроить всю «паутину» заговора вокруг фигуры Сланского и описать «связи» того или иного арестованного с главой антигосударственных сил.

Американцы могли торжествовать победу, тем более что после ареста «главы заговорщиков» Сланского в ЧСР стали задерживать десятки его сторонников и просто знакомых. Всего арестовали более 200 человек. Был арестован, например, заместитель Сланского и заведующий международным отделом ЦК Бедржих Геминдер^[150] – старый партиец и

опытный работник Коминтерна. В тюрьме как «люди Сланского» оказались и заместитель министра внешней торговли Рудольф Марголиус, заместитель министра обороны Бедржих Рейцин, начальник экономического отдела канцелярии президента Людвик Фрейка, заместитель министра финансов Отто Фишль и уже упоминавшийся выше редактор «Руде Право» по международным вопросам, знакомый Ноэля Филда Андре Симоне.

Арестовали и брата Сланского Рихарда (посла в Иране), двух его шуринов вместе с семьями.

Как и Лебл, Лондон да и сам Сланский, все эти люди были евреями, что и предопределило еще одну сторону готовящегося показательного процесса. Если Райка и его «сообщников» в Венгрии в 1949 году в основном выставили агентами американцев и «титоистов», то к 1952 году Тито стал гораздо меньше интересовать Сталина, и критика югославского руководства несколько поутихла.

В 1952 году гнев Сталина был направлен в основном против евреев, что было следствием «предательства» Израиля в глазах советского лидера. Ведь именно СССР был самым активным сторонником образования еврейского государства в Палестине, и именно бывшие военнослужащие Красной армии с фронтовым опытом составили костяк армии Израиля и обеспечили ему относительно легкую победу в войне против арабских стран в 1948 году. Через Чехословакию Израилю было передано самое современное оружие.

Однако вместо благодарности по отношению к Москве, на которую оправданно рассчитывал Сталин, Израиль стал верным союзником США, и советско-израильские отношения сильно испортились. Поэтому в 1952 году в СССР были закрыты почти все еврейские организации, и Сталин готовил выселение евреев из крупных городов.

В духе этих веяний советские и чехословацкие следователи в Праге вменяли «группе Сланского» помимо работы на США (через связку Филд – Даллес) еще и «буржуазный еврейский национализм» и «сионизм». При этом в «группе Сланского» были и неевреи: словак Клементис, заместитель генерального секретаря ЦК КПЧ при Сланском чех Йозеф Франк и брат Марии Швермовой Карел Шваб, тоже чех.

Теперь следователи стремились доказать, что израильские представители установили еще в 1948 году «преступные связи со Сланским и другими обвиненными, систематически вмешивались во внутренние дела Чехословакии, добиваясь выгодных для Израиля и грабительских для Чехословакии торговых соглашений, и организовали тайный,

противоречащий национальным интересам вывоз из страны оружия для израильской армии»^[151].

Сланский поначалу особенно возмущенно отвергал именно обвинения в сионизме и прямо говорил следователям, что такие обвинения напоминают ему мировоззрение нацистов. Когда его пытались обвинить в том, что он продвигал на ответственные посты в ЦК и партаппарате евреев, Сланский ответил, что дело не в том, что эти люди евреи, а в том, что они боролись в рядах движения Сопротивления в годы войны^[152]. А тот, кто этого не понимает, – расист.

Сланского допрашивали непрерывно, лишая его таким образом сна. Сокамернику Сланского Богдану Бенде дали задание постоянно затевать с бывшим генеральным секретарем беседы, чтобы он не мог заснуть и в камере.

К марту 1952 года Сланский смирился со своей участью и стал подписывать все показания. Но по-прежнему следователям приходилось буквально психологически выбивать из него каждое признание. Сланский часто кричал: «Я не делал этого. Не делал!» Иногда он в бессильной ярости от постигшей его несправедливой участи бился головой об стену.

Однако он еще не оставлял мысли добиться правды на суде. Артура Лондона стали готовить к «очной ставке» со Сланским, причем и показания Сланского, и ответы на них Лондона были продиктованы следователем заранее, и Лондон должен был просто выучить их наизусть и повторить при «очной ставке».

Но на очной ставке Лондон был потрясен, когда Сланский «отошел» от текста и заявил, что Лондон в заговоре не участвовал, так как подолгу жил за пределами Чехословакии^[153]. Однако Лондон не оплатил Сланскому благородством на благородство и продолжил повторять заученный текст, в том числе и про свою «заговорщицкую деятельность», которую он, естественно, осуществлял под руководством Сланского.

К августу 1952 года показания всех арестованных были соединены друг с другом (скоординированы имена, даты, места «явок» и т. д.), и группа следователей под руководством Бесчастнова представила Готвальду сценарий предстоящего судебного процесса. Комиссия Президиума ЦК КПЧ в составе Чепички, министра госбезопасности Бацилека, министра информации Копецкого, секретаря ЦК Новотного и министра юстиции Райса назначила в октябре 1952 года прокурором на процессе Йозефа Урвалека и членов суда. Всем им заранее были переданы вопросы, которые следовало задавать обвиняемым, и уже готовые ответы, которые сами

обвиняемые должны были заучить наизусть.

Обвинительное заключение составлял лично Бесчастнов.

Заклученных «группы Сланского» стали хорошо кормить, водить на продолжительные прогулки и делать им инъекции кальция. Они должны были произвести на публичном суде хорошее впечатление на общественность. Незадолго перед процессом министр госбезопасности Бацилек, словак по национальности, вызвал всех будущих подсудимых в кабинет директора рузинской тюрьмы Праги, где призывал их, апеллируя к их партийной совести, держаться на суде заранее продиктованных следователями показаний^[154].

Была устроена репетиция процесса, где следователи выступали в роли судей. Этот «процесс» был записан на магнитофонную пленку и проигран членам Президиума ЦК КПЧ. Была разработана даже система сигналов между председателем суда и представителями госбезопасности, которые должны были таким образом дать понять председателю суда, если кто-либо из обвиняемых начнет отклоняться от заранее согласованного текста. В этом случае председатель суда должен был немедленно объявить перерыв^[155].

Сам процесс против «руководства антигосударственного заговорщицкого центра во главе с Рудольфом Сланским» открылся в Праге 20 ноября 1952 года. Помимо Сланского на скамье подсудимых находились Владимир Клементис (бывший министр иностранных дел), Бедржих Геминдер (бывший заведующий международным отделом ЦК КПЧ), Людвик Фрейка (бывший руководитель экономического отдела канцелярии президента), Йозеф Франк (бывший заместитель генерального секретаря ЦК КПЧ), Бедржих Рейцин (бывший заместитель министра обороны), Карел Шваб (бывший заместитель министра государственной безопасности), Артур Лондон (бывший заместитель министра иностранных дел), Вавро Хайду (бывший заместитель министра иностранных дел), Эвжен Лебл (бывший заместитель министра внешней торговли), Отто Шлинг (бывший руководитель областного комитета КПЧ в Брно), Андре Симоне (бывший редактор газеты «Руде Право») и Рудольф Марголиус (бывший заместитель министра внешней торговли).

Проблем на процессе не возникло. Все обвиняемые признали себя виновными в том, что были агентами американской и английской разведки, а также международного сионизма. Жена Марголиуса вспоминала, что ее муж говорил о своих «преступлениях» безучастным монотонным голосом, и она даже подумала, что он находится под воздействием психотропных

препаратов. Во время войны Геда и Рудольф Марголиусы, едва поживившись, оказались в нацистских лагерях. Именно после освобождения Рудольф стал убежденным коммунистом, ведь именно коммунисты внесли главный вклад в разгром Гитлера.

Под американской разведкой на процессе Сланского имелись в виду Даллес и Филд.

Например, прокурор велел Артуру Лондону: «Расскажите нам о своих связях с американским агентом Ноэлем Филдом».

Лондон сказал: «С Ноэлем Филдом, известным американским агентом, я наладил связь в 1947 году в Женеве, в Швейцарии... Под прикрытием акций помощи и поддержки американской организации „Юнитариан Сервис Комити“ американская разведывательная служба пыталась с помощью различных элементов из Восточной Европы проникнуть в страны народной демократии и развернуть там подрывную и шпионскую деятельность. Филд на основе выплаченных им финансовых дотаций и предоставления помощи различного вида отдельным лицам налаживал контакты и знакомства, создавал доверительные связи, приближал этих лиц к себе и создавал условия для их использования при выполнении заданий американской разведки. Таким образом, Филд получил важные источники для проведения шпионской деятельности против стран народной демократии, что было выявлено и на процессе Райка в Венгрии. Таковую сеть агентов для американской разведки Филд создал из ряда лиц, которые после своего возвращения в страны народной демократии проникли на значимые должности в государственном и партийном аппарате...»

Прокурор: «Вы говорили с кем-либо о своей шпионской связи с Филдом?»

Лондон: «Да, я говорил о нем несколько раз со Сланским, Геминдером, а позднее с Карлом Швабом. При этом Карел Шваб в этих разговорах хитрыми намеками давал мне понять, что знает о моей связи с Филдом, и прямо мне сказал, что только благодаря Сланскому, Геминдеру и ему, Швабу, мое сотрудничество с Филдом остается для меня без последствий».

Прокурор: «Это означает, что Сланский, Геминдер и Шваб хранили вас как своего соучастника и спасли, таким образом, от разоблачения?».

Лондон: «Да, это так. Это еще больше связало меня со Сланским, и поэтому я стал еще более активным исполнителем его преступной политики против Чехословакии»^[156].

Бывшего заместителя министра госбезопасности Шваба обвиняли в том, что он саботировал выявление связей Филда в Чехословакии после процесса Райка в Венгрии.

Прокурор: «Как вы вместе со Сланским саботировали расследование вражеской деятельности американского шпиона Ноэля Филда в Чехословакии?»

Шваб: «Американский шпион Ноэль Филд, выявленный при процессе в Венгрии, рассказал на допросе, что создал шпионскую сеть в Чехословакии, и что эта сеть развернула обширную деятельность...»

Председатель суда: «Как вы покрывали сведения о Филде?»

Шваб: «Так как Сланский и я не могли скрыть эти показания (Филда), Сланский приказал, чтобы расследование против отдельных лиц (шпионского) центра было лишь формальным и чтобы всех при этом проинформировали о размахе деятельности Филда, и они с помощью этой информации смогли бы подготовиться к своей будущей защите»^[157].

Таким образом, даже из показаний подсудимых было видно, что Сланский пытался противостоять давлению венгров и не дал развернуть после процесса Райка массовые репрессии в Чехословакии. Другое дело – о чем на суде, конечно, не говорили, – что в этом Сланский пользовался полной поддержкой со стороны Готвальда.

В первый же день процесса судья зачитал сфабрикованное американцами письмо «великому чистильщику». Сланский ответил, что с письмом не знаком, но оно, конечно же, его полностью изобличает. Причем именно это письмо убедило многих даже скептически настроенных свидетелей процесса, что Сланский, наверное, в чем-то все-таки действительно виноват.

Куратором обвиняемых со стороны британской разведки на процессе был представлен депутат британского парламента от лейбористской партии Конни Зиллиакус, «матерый шпион», «мастер политического жонглирования», «курировавший» не только Чехословакию, но и Польшу.

Зиллиакус, родившийся в 1894 году в Японии, и его отец, швед по национальности, на момент начала Первой мировой войны жили в Финляндии и активно выступали за ее отделение от Российской империи. Зиллиакус-младший посетил после 1917 года Россию, где выражал симпатии по отношению к Октябрьской революции. Именно русский опыт и привел его в ряды лейбористской партии. Как и Филд, до войны Зиллиакус работал в секретариате Лиги Наций и ушел со службы в знак протеста против бездействия лиги перед лицом оккупации Чехии и Моравии Гитлером в марте 1939 года. Во время Второй мировой войны Зиллиакус работал на министерство информации Великобритании и писал статьи антифашистского характера. В 1949 году он голосовал в парламенте против ратификации договора НАТО и был исключен за это из

лейбористской партии. В конфликте между Сталиным и Тито Зиллиакус твердо встал на сторону СССР.

Кандидатуру левого лейбориста Зиллиакуса подбросил чехословацким коллегам американский агент Святло. Зиллиакус имел контакты с Гомулкой, процесс против которого Святло готовил в Польше.

Тем самым Даллес компрометировал тех левых политиков на Западе, которые искренне хотели наладить отношения с социалистическими странами и мешали американцам в их «крестовом походе» против СССР и его союзников.

Сланский говорил на процессе о Зиллиакусе: «...Зиллиакус специализировался как империалистический агент на вражеской деятельности именно в этих странах (социалистических – *Прим. автора.*), где он на публике выступал в маске левого социал-демократа, чтобы замаскировать свои истинные вражеские намерения... Поэтому он, например, поддерживал постоянную связь с империалистическим агентом Гомулкой»^[158].

Подсудимые столь старательно играли свои роли в определенной степени и потому, что им были обещаны за это тюремные сроки, а не смертный приговор. Все члены «группы Сланского» надеялись, что чудовищная ошибка вскоре вскроется и их реабилитируют. Следователи говорили, что самое суровое наказание достанется Шлингу и Сланскому (20 лет). И похоже, что следователи и сами в это верили. Когоутек даже разубеждал Лондона, который полагал, что всех повесят: «Да это просто невозможно! Ну не могут же повесить вас всех! Некоторых уж точно оставят в живых... И даже если тюремные сроки, к которым вас приговорят, будут высокими, главное – при всех политических процессах остаться в живых. Не теряйте надежды...»^[159].

На процессе было много «общественности», среди которой присутствовали переодетые сотрудники госбезопасности. Газеты подробно освещали процесс, создавая у многих иллюзию объективности.

Например, газета ЦК КПЧ «Руде Право» так описывала Сланского: «Трусливые предательские глаза поблескивают на морщинистом лице под свисающими рыжими волосами, оглядывая в какую-то долю секунды зал. Он идет медленной походкой, садится на скамью подсудимых, и на мгновение кажется, что он раскаивается... Он кивает головой, отвечая „да“ на вопрос, признает ли он себя виновным. Без каких-либо эмоций, непостижимо спокойным, вызывающим отвращение голосом начинает говорить о своих страшных преступлениях. Их перечисление показывает,

что этот один негодяй причинил больше зла, чем сотни закоренелых уголовников»^[160].

На седьмой день процесса опрос 14 обвиняемых и 33 свидетелей был закончен. Никаких «сбоев» в показаниях на суде не было. Тем не менее 11 подсудимых, включая Сланского, 27 ноября 1952 года были приговорены к смертной казни. Это был самый кровожадный приговор в сравнении со всеми аналогичными процессами в социалистических странах. Жизни сохранили только Лондону, Леблу и Хайду. Причем именно первые двое и оговорили Сланского после своего ареста.

Сланский в своем последнем слове заявил: «Я не заслуживаю иного конца своей преступной жизни, чем тот, который предлагает государственный обвинитель»^[161].

Никто из осужденных не обжаловал приговор. Сланскому перед казнью разрешили свидание с женой. Когда ее уводили, прикованный к стене бывший генеральный секретарь кричал и пытался вырвать цепь^[162].

За день до казни – вечером 2 декабря 1952 года – увидела мужа и Геда Марголиус. Они сидели в тюремной комнате для свиданий, и их разделяла густая решетка. Рудольф выразил последнее пожелание: сменить их маленькому сыну фамилию, чтобы он не страдал из-за него. Они вместе выкурили сигарету, и перед расставанием Рудольф сказал: «Верь процессу, прошу тебя. Не думай обо мне, думай о сыне. Найди ему другого папу. Не оставайтесь одни...»

Так как предстояло быстро повесить 11 человек, то в тюрьме соорудили две виселицы, и, пока одного из осужденных готовили к смерти, бездыханное тело другого уже вынимали рядом из петли. Сланского казнили последним, и перед смертью он лишь произнес очень спокойным голосом: «Спасибо вам. Я получил то, что заслужил». Смерть Рудольфа Сланского была констатирована врачом 3 декабря 1952 года в 5:42 утра. Шел легкий снег.

Тела казненных кремировали. Было решено, что никакого захоронения не будет. Пепел сложили в обычный мешок из-под картошки и дали его одному из водителей госбезопасности, чтобы он вывез его за пределы Праги и закопал где-нибудь в поле. Но водитель и его сопровождающие решили не утруждать себя тяжелой работой и просто рассыпали пепел на заснеженном поле.

321 сотрудник госбезопасности ЧСР был отмечен премиями за вклад в разоблачение «группы Сланского». Размер бонусов колебался от 2 до 30 тысяч крон. Начальника следственной группы майора Доубека произвели в

подполковники, а его заместителей капитанов Когоутека и Коштала – в майоры. Кроме них в звании повысили еще 154 человека. Более 60 сотрудников МГБ ЧСР были награждены орденами и медалями. Чехословацкими орденами наградили в 1953 году и двух советских советников по линии МГБ – полковников Г. Ф. Морозова и Г.А. Сорокина^[163].

До самого конца социалистического строя в ЧССР никто так и не узнал, что решившее судьбу Сланского провокационное письмо «великому чистильщику» было сфабриковано американской разведкой.

Между тем в ОКАРІ Таггерт, Моравец, Катек и Остры не скрывали своего восторга от того, что с помощью одного листа бумаги им удалось уничтожить верхушку своих врагов в Чехословакии, да еще и руками самих коммунистов. К тому же КПЧ лишилась массовой поддержки в народе, показав всему миру, что партией долгое время руководил предатель и сионистский агент.

Таггерт сообщил о полном успехе операции «Раскол» Даллесу в Вашингтоне. Тот, подумав немного, ответил: «Я бы с удовольствием взял на себя ответственность за этот успех».

Между тем арест Сланского, как ни парадоксально, вызвал чувство облегчения и большие надежды у части чехословацкого общества. Сланского (ко всему прочему, еврея, а антисемитские предрассудки были в Чехии и Словакии еще довольно распространены) считали виновным в жестком курсе, который к началу 50-х годов стал приносить большой вред и в экономической области.

Задания первого пятилетнего плана в промышленности на 1949 год были перевыполнены. Во многом это произошло вследствие национализации строительного сектора, который теперь действительно стал работать лучше. Компартия, пользуясь известным выражением Сталина, заболела «головокружением от успехов», и в феврале 1950 года и так напряженный план был еще повышен на 5,5 %^[164]. Но и этот повышенный план в 1950 году был выполнен досрочно. В этом году ЧСР произвела промышленной продукции на 50 % больше, чем до войны, и это при том, что население страны после выселения немцев уменьшилось на 3 миллиона человек.

Правда, уже тогда стала сказываться довольно высокая себестоимость продукции. Предприятия гнались за валовым объемом производства, а не за соблюдением финансовой дисциплины. К тому же поставки советского сырья шли бесперебойно, и СССР, как подсказывал опыт прошлых лет, мог

в случае чего и подождать с оплатой. Сталина начала раздражать безалаберность чехословацкого руководства, особенно премьера Запотоцкого. В июле 1951 года советский лидер с нескрываемым сарказмом спросил в Москве зятя Готвальда Алексея Чепичку, пишет ли Запотоцкий по-прежнему романы и хватает ли у него времени на выполнение своих непосредственных обязанностей.

В 1950 году в чехословацкую экономику направили инвестиций на 14 миллиардов крон, в том числе в промышленность – 6,7 миллиарда^[165].

Промышленное производство в 1950 году составило 132 % от уровня 1948 года, что было блестящим результатом. Причем ЧСР удавалось в одинаковой мере наращивать как выпуск средств производства (133 % от уровня 1948 года), так и предметов потребления для населения (131 %). Доля национального дохода, направляемая на материальное общественное потребление, даже выросла – с 62,7 % в 1948 году до 67,6 % в 1950.

Готвальд говорил об этом так: «Означает ли развитие тяжелой промышленности снижение объема производства легкой промышленности ниже уровня потребностей нашего населения? Нет, ни в коем случае. Мы опять видим это по итогам 1950 года. Хотя в этом году производство тяжелой промышленности выросло на 15,6 процента, одновременно выросло на 10,8 процента производство легкой промышленности, а производство продуктов питания – даже на 24,9 процента»^[166].

Правительство Чехословакии пошло на ускоренный рост заработной платы, который обгонял рост производительности труда, что было чревато в условиях регулирования цен излишним ростом покупательной способности населения и, как следствие, – товарным дефицитом. В то время как объем выпуска промышленной продукции в 1950 году увеличился на 15 % (таких бурных темпов роста тогда в Европе больше не наблюдалось), фонд заработной платы вырос на 27,4 %^[167].

Попытка правительства как-то затормозить рост зарплаты привела в конце 1951 года к рабочим антиправительственным демонстрациям в Брно. Они были вызваны решением отменить традиционные рождественские бонусы – аналог советской «тринадцатой зарплаты».

Во многом устойчивое и поступательное развитие чехословацкой промышленности было вызвано бесперебойными поставками сырья из СССР. Уже в 1949 году Советский Союз взял на себя удовлетворение основных потребностей ЧСР в железной и марганцевой руде, хлопке, нефти и зерне. Шли из СССР и горнодобывающие и сельскохозяйственные машины, которые в промышленно развитой Чехословакии никогда не

производились.

В свою очередь, Чехословакия нарастила поставки в только что оправившийся от войны Советский Союз проката, станков, обуви, тканей.

В 1950 году было заключено новое советско-чехословацкое торговое соглашение, которое предусматривало увеличение товарооборота в полтора раза. Обе стороны договорились предоставлять друг другу безвозмездно научно-техническую документацию. На советских «ноу-хау» в Чехословакии наладили выпуск землеройных снарядов, угольных комбайнов, крупных речных судов. Чехословацкая документация позволила освоить производство в СССР некоторых типов кузнечно-прессовых машин, железобетонных изделий, некоторых видов обуви.

В 1950-м доля социалистических стран во внешней торговле ЧСР впервые превысила половину (55 %), и можно было констатировать, что американский бойкот ЧСР не достиг своих целей.

Однако, как и предвидела компартия, в стране начал вызревать опасный разрыв между крупной механизированной промышленностью и отсталым мелкотоварным сельским хозяйством.

32,4 % всех крестьянских хозяйств в 1949 году имели площадь до 1 га, 13,7 % – от 1 до 2 га, 23,3 % – от 2 до 5 га. Ни о какой серьезной товарности здесь говорить не приходилось. И только 11 489 хозяйств (0,8 % от общего числа) располагали 50 гектарами и больше^[168]. Если в 1936 году 28 % производимой на селе продукции шло на личное потребление крестьян и 72 % – на рынок, то в 1949-м эти показатели равнялись соответственно 40 и 60 %. Крестьяне стали лучше питаться, но вот для бурно растущих промышленных городов продуктов скоро могло и не хватить.

Причем не имевшие никакой техники крестьяне часто использовали для полевых работ дойных коров, что привело к резкому сокращению надоев (на 700 литров в год на корову). Из 1,9 миллиона коров 45 % работали на пахоте.

Но правительство пока не шло на кооперирование мелких частных хозяйств по политическим мотивам. Проблему роста жизненного уровня в городах компартия во многом решала за счет все того же Советского Союза и других стран. В 1951 году в страну было ввезено в 10 раз больше хлеба, чем в 1937, в 26 раз больше масла. Если до войны Чехословакия мяса вообще не импортировала, то в 1951 году завезли 51 тысячу тонн. Однако этот путь был ненадежным и ставил ЧСР в слишком сильную зависимость от цен на продовольствие на мировых рынках, не говоря уже о возможном политическом давлении со стороны Запада.

В 1949 году Национальное собрание приняло закон о

сельскохозяйственной кооперации, и к маю 1949 года в стране было создано 208 единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК). Однако эти кооперативы сохраняли частную собственность на землю, и их члены вели совместно только второстепенные работы (типа ухода за садами и псеками). Осенью 1949 года делегация чехословацких крестьян (306 человек) посетила передовые советские колхозы и убедилась, что они не напоминают ГУЛАГ и люди живут там неплохо. По итогам поездки тиражом в 140 тысяч экземпляров в ЧСР вышла книга «Великий пример».

Государство пыталось заинтересовать кооператоров материально. По советскому образцу были созданы машинно-тракторные станции, в которые из бюджета в 1949-1952 годах было вложено 16 миллиардов крон. МТС предоставляли на льготных условиях технику для сельхозработ, но только при совместной обработке земли (собственно, по-другому в условиях дикой чересполосицы использование тракторов было и невозможно). Использование машин сократило финансовые расходы членов кооперативов на 39 % и высвободило 62 % рабочего времени.

Однако массового наплыва в кооперативы все равно не было, а компартия старалась не допускать нарушения принципа добровольности. В 1949 году на съезде партии Готвальд провозгласил: «Вопрос ставится следующим образом: без перехода нашей деревни к социализму социализм у нас не может быть построен, а переход деревни к социализму невозможен без блока, без союза рабочего класса с основными массами мелких и средних крестьян»^[169]. Но пока это была неразрешимая задача: крестьяне не хотели идти в кооперативы, и во имя политического союза с ними приходилось отказываться от кооперирования, а это ставило под угрозу продовольственное снабжение рабочих.

Мало того, с целью укрепления союза с малоземельными крестьянами (а таких было большинство) для хозяйств с наделами до 20 га снизили обязательные нормы государственных поставок.

Неплохо развивались государственные хозяйства (госхозы), которые за счет прогрессивных форм ведения хозяйства дали в 1950 году 30 % потребляемой в стране свинины и 10 % товарного хлеба^[170]. Причем товарность по зерну в госхозах составляла 89 %. Высокая товарность была еще только у кулаков^[171], которым принадлежали почти все трактора на селе (7962 штуки) и которые давали 25 % всего товарного зерна в стране. Кулаки успешно обогащались, сдавая в аренду своим соседям скот и машины. За день работы машины кулаки требовали у арендаторов, чтобы они сами отработали три-четыре дня в кулацком хозяйстве.

Государство осуществило принудительный выкуп тракторов и других машин у кулаков: всего было выкуплено 16 тысяч тракторов, 20 тысяч жнеек и 18 тысяч молотилок. Часть машин получили МТС, часть (наименее сложных в эксплуатации) – напрямую кооперативы.

Чтобы облегчить крестьянам постепенное знакомство с преимуществами коллективного труда, в ЧСР были образованы кооперативы (ЕСХК) четырех типов.

В ЕСХК первого типа крестьяне совместно вели сев и уборку, но участки сохранялись в частной собственности, и межи между ними не распахивались. Фактически эта была лишь форма сезонной взаимопомощи. В ЕСХК второго типа межи распахивались, и все работы велись совместно сразу на всей площади. Урожай распределялся пропорционально затраченному труду и внесенному земельному паю. Животноводство велось индивидуально.

В ЕСХК третьего типа совместно велось уже не только растениеводство, но и животноводство. В личной собственности оставалась лишь некоторое количество скота и приусадебные участки. Основной доход распределялся по затраченному труду, но часть – все же по внесенному в кооператив паю. Наконец, высшей формой был кооператив четвертого типа, где весь доход распределялся только в зависимости от личного трудового участия.

Таким образом, реальными кооперативами можно было считать лишь ЕСХК третьего и четвертого типов, но их в 1949-1951 гг. практически не существовало. Весной 1950 года их было всего несколько десятков, а к концу года – 1809 (столько же, сколько и ЕСХК первого типа). Если в ЕСХК I затраты на производство 1 центнера зерна составляли 57,6 кроны, то в ЕСХК III и IV – 46,1 кроны. Урожайность зерна в кооперативном секторе в целом была на 20 % выше, чем в индивидуальном.

В 1951 году борьбу против «кулаков» решили ужесточить. Их исключали из ЕСХК, технику государство стало отбирать у них уже бесплатно. Кроме того, «кулакам» запретили продавать их землю, чтобы они не смогли «сбежать» из своего эксплуататорского класса. За невыполнение госпоставок крестьян начиная с 1951 года уже могли не только штрафовать, но и конфисковывать у них собственность. С августа 1950 до марта 1951 года были наказаны 48485 крестьян, 82 % которых имели максимально 20 гектаров и лишь 18 % – больше.

«Рабочие прокуроры» (рабочие, которые заканчивали годовые курсы прокуроров) приговаривали «кулаков» и к запрету находиться в местах прежнего проживания.

25 июня 1951 года три министра (безопасности, внутренних дел и юстиции) издали направленную против «кулаков» совместную директиву о борьбе против саботажников снабжения населения сельскохозяйственной продукцией. Например, органы госбезопасности в рамках акции «Мясо» контролировали грузовые машины, чтобы не допустить продажи деревенскими богатеями, не выполнившими госпоставки, мяса на черном рынке.

2 июля 1951 года в местечке Бабицы были убиты три сотрудника местного национального комитета. Убийство осуществила группа людей, связанная с заграницей. Среди них были и «кулаки», и священники. Группа якобы хотела вывезти из страны пражского архиепископа Берана. Сейчас бытует версия, что эту антигосударственную террористическую группу организовал сотрудник госбезопасности Ладислав Малы, хотя в архивах никаких данных о том, что он действительно являлся сотрудником госбезопасности, так и не нашли. Малы был убит при перестрелке с сотрудниками госбезопасности, вышедшими на след группы. Причем он активно отстреливался, что явно было бы глупо для сотрудника госбезопасности.

В любом случае убийство в Бабицах стало поводом для начала акции «К» (то есть «Кулак»). Помимо судебных процессов, три министра опять издали в конце октября 1951 года совместную директиву, одобренную ЦК КПЧ. В ней органам внутренних дел и госбезопасности предписывалось активнее применять к «кулакам» такую меру наказания, как выселение в другие районы страны. Запрет на пребывание в районе прежнего проживания могли издавать как суды, так и местные национальные комитеты. Комитеты составляли списки «сельских богачей», и им на 10-30 % увеличивали норму сдачи продуктов в счет госпоставок. Примечательно, что некоторые национальные комитеты отказались составлять такие списки и в любом случае в 1952 году людей переселяли лишь в пределах одной и той же области.

До ноября 1952 года переселили по всей стране лишь 58 семей. Но потом в ходе общего ужесточения ситуации в стране в связи с «делом Сланского» акция «К» заработала на полную мощность. В ноябре – декабре 1952 переселили 193 семьи (129 – в Чехии), за первый квартал 1953 – 353 (из них только 58 словацких), за второй квартал – 618 семей. Потом акция «К» была фактически сведена на нет. В первой половине 1953 года на переселение по линии МВД было израсходовано 12 миллионов крон.

Землю выселенных передавали сельхозкооперативам.

Несмотря на явно «узкое» место в виде отсталого сельского хозяйства,

где пока большого наплыва в кооперативы не наблюдалось, руководство ЧСР совершило в апреле 1951 году серьезную ошибку, решив в очередной раз повысить задания пятилетнего плана.

10 апреля 1951 года Пленум ЦК КПЧ утвердил новые цифры. Теперь предстояло увеличить к концу 1953 года (последний год пятилетки) промышленное производство не на 57 % по сравнению с 1948 годом, а на 98 % (!). Причем в тяжелой промышленности рост намечался прямо фантастический – 130 % (ранее 70 %). Объем продукции легкой промышленности должен был увеличиться на 70 % (ранее 50 %). Еще более ускоренными темпами следовало индустриализировать Словакию: рост промышленности там планировался на уровне 168 % вместо 75 %^[172]. При этом промышленность в Словакии и так выросла в 1950 году на 44 % по сравнению с 1948-м.

Количественные задания при поставках советского сырья были выполнимы. Однако предстояло заново освоить десятки видов ранее вообще не производившейся в ЧСР промышленной продукции. Для этого требовались мощные инвестиции, а дополнительных источников капиталовложений явно не просматривалось. Выход имелся только один – население должно было затянуть пояса.

При этом то, что удавалось правительству до 1952 года, не могло не вызывать уважения. При громадных капиталовложениях в экономику Чехословакия сохраняла бездефицитный бюджет и стабильную национальную валюту.

Готвальд в 1951 году описывал финансовую политику следующим образом: «Вы знаете, что начиная с 1948 года мы вообще не добивались займа в капиталистическом мире, а всякую попытку иностранного капитала внедриться в нашу национализированную промышленность мы решительно отвергли и будем отвергать и впредь. Однако мы не увеличивали и наш внутренний долг в целях новых капиталовложений. Все знают, что со времени освобождения мы не выпустили еще ни одного внутреннего государственного займа. Наши увеличенные капиталовложения мы покрываем главным образом за счет превышения доходов над расходами в нашем государственном бюджете. Уже самый бюджет предусматривает многомиллиардные суммы на капиталовложения. Помимо этого и сверх этого из государственного бюджета в фонд национализированной промышленности за 1949-1950 годы уже направлено свыше 60 миллиардов крон, что означает весьма существенное увеличение капиталовложений в нашу промышленность за счет государственного бюджета. Уже из этого мы видим, что состояние наших финансов здоровое,

что с 1948 года мы работаем со значительной прибылью, которую хозяйски используем. Сбалансированный с превышением доходов бюджет вместе с наличием достаточных фондов товаров определяет также и стабильность нашей денежной системы. Наконец, в 1950 году был благоприятен и наш платежный баланс. Наш внешнеторговый платежный баланс за этот год является активным; актив составляет около 3,8 миллиарда крон»^[173].

Страна набрала огромные темпы роста. Если в 1950 году промышленное производство выросло на 16 %, то в 1952 – на 18 % (в Словакии – на 20,9 %). Правительство не стало снижать зарплату, и инвестиции шли за счет разбухания денежной массы, что все-таки привело к дефициту в магазинах. Летом 1951 года пришлось снова ввести недавно отмененные карточки на хлеб и ряд других товаров. На промышленные товары сильно выросли цены, и некоторые из них (даже радиоприемники) стали почти недоступны для многих.

Народ связывал это с «жестким курсом» Сланского, хотя причина была в банальной технологической отсталости сельского хозяйства и в росте стандартов потребления ранее бедных городских слоев населения.

Объем сельскохозяйственной продукции к концу 1951 года вырос по сравнению с 1948 на 18 %, но все еще был ниже довоенного уровня на 12 %^[174]. В течение 1951 года появилось более тысячи ЕСХК третьего и четвертого типа (всего их стало 3138), но этого все равно было явно недостаточно для перелома ситуации с продовольственным снабжением городов.

По стране ползли подпитываемые радиостанцией «Свободная Европа» ложные слухи, что Советский Союз прекратил после февраля 1948 года поставки зерна в Чехословакию (мол, теперь это не нужно, ведь коммунисты уже одержали победу).

Готвальд комментировал это следующим образом: «Реакционные шептуны распространяют также слухи, что имеющиеся у нас затруднения с мукой и хлебом были вызваны якобы тем, что Советский Союз прекратил поставки зерна. Нет более грубой лжи! Я могу здесь раскрыть секрет, сказав, что нашей торговой делегации, посетившей Москву летом 1950 года для переговоров о заключении долгосрочного пятилетнего торгового соглашения, было предложено такое количество регулярных поставок зерна, что она первоначально даже отклонила его, полагая, что продажа и потребление хлеба, хлебных изделий, муки и мучных изделий будут спокойно развиваться на уровне первых трех кварталов (1950 года – Прим.

автора.), прошедших после ликвидации карточной системы, и что мы сможем обойтись и меньшим импортом хлеба. Лишь после прямых указаний из Праги наша торговая делегация приняла первоначальное советское предложение о регулярных поставках зерна в течение пяти лет. Но и потом, когда стало ясно, что и это большое количество зерна будет для нас недостаточно, советское правительство пошло нам навстречу, и Советский Союз значительно увеличил поставки на этот год (1950-й – *Прим. автора.*) по сравнению с первоначальным предложением.

Так получилось, что до урожая 1951 года мы были обеспечены поставками из Советского Союза в 600 тысяч тонн зерна, которое частью уже поставлено, а частью регулярно поставляется. Если к этому прибавить, что мы до будущего урожая обеспечили ввоз из Советского Союза 308 тысяч тонн кормового зерна (ячменя и кукурузы), то вы увидите, что ввоз из Советского Союза в 1950-1951 годах превышает поставки из СССР в 1947-1948 годах, когда нам угрожал голод» [\[175\]](#).

На самом деле проблема с хлебом состояла лишь в резко возросшей покупательной способности населения, которое сметало с полок магазинов все, что не продавалось по карточкам, то есть не было нормировано, – и прежде всего хлеб и муку. К тому же в 1950 году правительство отменило карточки почти на все товары и на 31 % расширило торговую сеть, где товары продавали без нормирования. Более чем на 60 видов продовольствия цены были снижены.

Карточную систему на хлеб и мучные изделия отменили уже осенью 1949 года. При этом цены на хлеб в свободной торговле повышены не были и оставались одними из самых низких в мире. До середины 1950 года снабжение хлебом было нормальным. Однако, по оценке Готвальда, в последнем квартале 1950-го положение стало «катастрофическим».

Отсталые крестьянские хозяйства произвели в этом году для товарного использования примерно 938 тысяч тонн зерна, однако на мельницы поступила лишь 261 тысяча тонн. Остальное зерно крестьяне успешно скармливали скоту. Причем, так как цены на хлеб в торговле были низкими, а продажа не нормировалась, свиней и коров стали кормить и булочками из городских магазинов. Таким образом, вместо того, чтобы поставлять муку в города, село стало ее оттуда скупать.

Готвальд так описывал сложившуюся ситуацию: «Случилось то, что зерно скармливали скоту, и притом не только в деревне, но и в городах, где его расходовали на откорм гусей, кур, кроликов и различной домашней живности. При очень осторожном подсчете мы можем сказать, что в 1950 году были скормлены сотни тысяч, повторяю, сотни тысяч тонн зерна. К

тому же в ноябре, декабре (1950 года – *Прим. автора.*) и январе имел место, как вам известно, несколько раз повторявшийся усиленный спрос потребителей на хлеб и особенно муку, так что все это, вместе взятое, явилось причиной того, что, хотя на 1950-1951 годы у нас и было больше зерна, чем раньше, мы все же переживаем затруднения со снабжением населения»^[176].

В 1953 году уровень сельскохозяйственного производства в Чехословакии достиг лишь 88 % довоенного.

Таким образом, чешские гуси активно питались советским зерном, хотя потребление продуктов людьми в самом СССР было гораздо ниже, чем в Чехословакии. По сравнению с довоенным периодом годовое потребление некоторых продуктов на душу населения в Чехословакии в 1950 году выросло следующим образом: масла с 3 до 4,85 кг, сала – с 4,4 до 4,5 кг, сахара – с 20 до 25 кг, мяса – с 30 до 34,9 кг, пшеничной муки – с 96,8 до 137,4 кг, обуви – с 2,2 до 3,47 пар, сигарет – с 800 до 1230 штук. В 1950 году в чехословацких магазинах было продано 242 000 велосипедов, 12 700 холодильников, 15000 стиральных машин, 214000 радиоприемников, 17 200 кухонных комбайнов, 33600 швейных машин, 29300 пылесосов, 15000 электрических плит. О подобном советские люди на тот момент не могли даже и мечтать, хотя и в СССР потребление с каждым годом устойчиво росло. Готвальд обрисовал ситуацию так: «В общем за год продано столько товаров, а оборот достиг таких размеров, что довоенные торговцы, как говорится, „облизали бы себе пальчики“»^[177].

В 1950-1952 годах в ЧСР были ликвидированы ремесленники и частники в сфере обслуживания, которых объединили в кооперативы^[178].

Но, несмотря на все попытки американцев, частично более чем успешные, дестабилизировать Чехословакию, экономика страны продолжала в 1952 году развиваться быстрыми темпами.

В 1952-м производство в промышленности ЧСР выросло на 18 % (в 1950-м – на 16 %), а за четыре года пятилетки (1949-1952 годы) – на 82 % и почти вдвое превысило уровень 1937 года – на 97 %^[179]. При этом по-прежнему росла не только тяжелая промышленность (плюс 108 % за четыре года), но и легкая (50 %) и пищевая (69 %) отрасли.

Словакия показывала еще более ошеломляющие темпы промышленного роста: республика превзошла довоенный уровень в 4,2 раза, а уровень 1948 года – в два раза.

Тем не менее в промышленности накапливались диспропорции, которые лишь ритуально в 1952 году относили на счет деятельности

заговорщиков во главе со Сланским. На самом деле анализ Готвальда был абсолютно объективным.

Во-первых, в Чехословакии, даже несмотря на советские поставки, попросту не хватало сырья для столь динамично развивавшихся металлургии и машиностроения.

В довоенной Чехословакии с ее циклическим капиталистическим производством промышленность то росла, то падала, и такой нужды в сырье не было. Например, в 1913-1937 годах добыча каменного угля в стране выросла на 2,4 миллиона тонн и на столько же – всего за четыре года первой пятилетки. Добыча бурого угля в 1913-1937 годах вообще сократилась на 5 миллионов тонн, в то время как в 1949-1952 годах она подскочила сразу на 9 миллионов тонн.

Такой рост диктовался ускоренным развитием электроэнергетики, без которой была невозможной модернизация довольно устаревшей чехословацкой промышленности. И здесь были достигнуты феноменальные успехи. Если в 1937 году в стране было выработано 4 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, то в 1952-м – 11 миллиардов. Но металлургия, машиностроение и, наконец, возросшая обеспеченность жителей электробытовыми приборами требовали все новых мощностей, а для них не было энергетического сырья.

Во-вторых, в Чехословакии еще не был отлажен механизм планирования. До войны в стране не производилось полностью ни одной сложной машины. Комплектующие закупались в западных странах, которые с 1948 года фактически бойкотировали поставки. Требовалось срочно наладить производство на собственных заводах. Но здесь молодые и неопытные чехословацкие плановики не всегда могли сопрягать нужды разных предприятий. И если одно предприятие нужную деталь делало, то другое запаздывало или вообще не получало такого задания, в результате чего не поставлялась потребителям вся машина в целом.

Для более четкого планирования в конце 1951 года было решено разделить министерство промышленности на отдельные отраслевые министерства по образцу СССР. Создавалась единая система народно-хозяйственного учета сырья и готовой продукции. Однако реформа структуры (сама по себе правильная) не могла компенсировать недостаток опытных плановиков.

Тогда в 1952 году решили провести эксперимент с так называемым встречным планированием^[180]. Теперь планы составляли как министерства («сверху»), так и подчиненные им предприятия («снизу»), и затем они согласовывались. Но интересы у предприятий были чисто местнические, и

они планировали отнюдь не то, что было нужно для страны в целом, а то, что можно было легче произвести. От встречного планирования пришлось быстро отказаться.

Но главной трудностью Чехословакии, которая тормозила все развитие страны, по-прежнему была отсталая аграрная экономика.

3 июня 1952 года было принято постановление Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧСР о развертывании массового кооперирования в деревне. Конечно, не обошлось без административного нажима, хотя он не носил такого жесткого характера, как в СССР. К осени в стране было уже 8636 ЕСХК, в том числе примерно 5 тысяч третьего и четвертого типов. В 48 % всех сел были распаханы межи между некогда частными участками. Всего в кооперативы второго – четвертого типов вошло 289401 хозяйство с общей площадью 2 337425 гектаров^[181].

Однако за этими цифрами скрывалась по-прежнему все еще невысокая доля кооперированного сектора в общем объеме аграрного производства. В 1952 году кооперативы дали стране всего 27 % зерна, 52 % масличных культур, 11 % картофеля, 30 % говядины, 47 % свинины и 18 % мяса птицы.

Поэтому, в отличие от промышленности, картина в сельском хозяйстве ЧСР 1952 года все еще оставалась смешанной. Урожайность пшеницы, ржи, овса, картофеля была выше, чем в 1948 году, а сахарной свеклы, льна и хмеля – ниже. Довоенный уровень урожайности был уверенно превзойден лишь по зерновым культурам.

В области животноводства поголовье по всем видам, кроме кур (минус 5 %), выросло по сравнению с 1948 годом: крупного рогатого скота – на 24 %, поросят – на 74 %, овец – на 131 %. Но по сравнению с 1937 годом все еще меньше было не только кур, но и коров. Говядины и свинины страна производила больше, чем в 1937 году, а яиц и молока – меньше.

Однако образование кооперативов, отдача от которых ожидалась в 1953 году, внушало большую надежду, так как теперь можно было существенно увеличить механизацию сельского хозяйства. Даже в 1952-м механизация полевых работ выросла по сравнению с 1951-м с 27 % до 31 % всех работ, хотя чехословацкие МТС еще не были столь специализированы, как советские. Если в СССР МТС выполняли до 170 видов различных полевых работ, то в ЧСР – лишь 48.

Очень большими и ощутимыми для каждого были успехи Чехословакии в социальной сфере.

В 1937 году из тысячи грудных детей умирало 117, в 1952 году – 60. Смертность от туберкулеза (болезни бедных и плохо питающихся людей)

снизилась по сравнению с 1937 годом на 43 %^[182]. Количество мест в больницах выросло на 81 %, и теперь медицинская помощь была бесплатной. Один врач приходился уже не на 1218 жителей, как в 1937 году, а на 820. По профсоюзным путевкам в санаториях и домах отдыха ежегодно отдыхали 300 тысяч человек, чего вообще никогда не было до войны.

Население поверило новой власти, и уверенность в будущем вкупе с выросшими пособиями на детей привела к росту рождаемости в стране – с 0,27 % (прирост населения в 1937 году) до 1,13 % в 1952. Государство потратило на пенсии и пособия в 1952 году 53,9 миллиарда крон – в 10 раз больше, чем до войны.

В целом и чехи, и словаки получили возможность жить более комфортной жизнью.

Если в 1937 году телефон был только в 34 % чехословацких деревень, то в 1952 – в 98 %. В 1937 году радиоприемники были у 1034 тысячи граждан, в 1952 – у 2717 тысяч (+163 %). В 1937-м 18 чехословацких театров посетило 3 миллиона человек, а в 1952 году уже 58 театров – 10 миллионов^[183]. Кинотеатров в 1937 году было 1837 (84 миллиона зрителей), в 1952 – 3526 (128 миллионов). Библиотек вместо 13100 стало 21800, а книг было издано вместо 32 миллионов 90 миллионов экземпляров.

В детские сады ходило в 1952 году 165 500 детей (88700 – в 1937). Учителей в начальных школах было не 41 тысяча, как в 1937 году, а 60 тысяч. В профтехучилищах на рабочие специальности учились 82 тысячи учеников (в 1937 году – 60 тысяч). Студентов стало 38 тысяч (18 тысяч в 1937 году). Причем все виды образования были бесплатными.

Чехи и словаки в целом хорошо питались, но слишком бурный рост денежной массы вместе с пока еще не завершенным кооперированием на селе вынуждал правительство сохранять карточную систему. Альтернативой отмене карточек был бы рост цен, чего компартия стремилась избежать.

Страна по-прежнему ввозила много продовольствия (ЧСР импортировала продукты и до войны), причем в 1952 году – уже только из социалистических стран. В 1952-м было импортировано 48 % от потребленной в ЧСР пшеницы, 5 % мяса, 39 % – птицы, 7 % сала, 25 % сливочного масла, 14 % яиц.

В целом, как было отмечено на состоявшейся в декабре 1952 года Общегосударственной конференции КПЧ, страна хорошо развивалась и

имела все основания для оптимистического взгляда в будущее.

Глава 2. Межсезонье: Чехословакия в 1953-1963 годах

5 марта 1953 года умер Сталин, и вся Чехословакия гадала, приведет ли это к переменам внутри страны. Но о том, что перемены, по крайней мере кадровые, будут таким серьезными, вряд ли кто-либо догадывался.

В Советском Союзе перемены последовали практически немедленно. Было закрыто антисемитское «дело врачей» и реабилитированы все арестованные по нему. Затем последовала более широкая амнистия. В Москве явно начиналась политическая оттепель.

На похороны Сталина в Москву 8 марта 1953 года вылетел Готвальд. С похорон Сталина Готвальд вернулся 11 марта в плохом самочувствии. Сначала он жаловался на простуду, однако болезнь явно была гораздо более серьезной. Здоровье президента оставляло желать лучшего уже довольно давно. Одно время (особенно после февраля 1948 года) Готвальд довольно сильно злоупотреблял спиртным. Возможно, он очень переживал, что пришлось арестовать и казнить своего близкого друга Сланского, и заливал горечь алкоголем. По крайней мере, так считают многие врачи.

14 марта 1953 года доктора, в течение нескольких дней упорно боровшиеся за жизнь пациента № 1 своей страны, бессильно опустили руки. Пару раз они запускали остановившееся сердце Клемента Готвальда, но в какую-то секунду оно сжалось в последний раз и навсегда остановилось. Лидер социалистической Чехословакии, первый президент-рабочий, умер от разрыва аорты.

На Западе появилась абсолютно бредовая версия, что Готвальда отравили в Кремле. Зачем и кто это сделал, естественно, не сообщалось. Были данные, что Готвальд якобы болел сифилисом, который впервые обнаружили у него советские врачи, когда в 1944 году в Москве он перенес инфаркт. Якобы недолеченный в молодости сифилис дал осложнения на сердце, затруднив работу сердечного клапана^[184].

Готвальд был сильно потрясен смертью Сталина, которого искренне и глубоко уважал. Поэтому, несмотря на предостережения лечащих врачей, президент Чехословакии вылетел в Москву. Врачи знали о проблемах Готвальда с сердцем, которые особенно обострились при резкой смене атмосферного давления, и ни в коем случае не рекомендовали президенту летать самолетом. Однако Готвальд обязательно хотел успеть на похороны

Сталина.

Вскрытие тела Готвальда проводили совместно советские и чехословацкие врачи.

Сразу же была отмечена версия «врачей-вредителей», так как личным врачом Готвальда с осени 1946 года был убежденный коммунист, ученик И. П. Павлова профессор Владимир Гашковец, которого мужу подобрала Марта Готвальдова. Осенью 1952 года, явно под давлением советских советников из МГБ, Гашковца арестовали. В Москве, видимо, решили найти «врачей-вредителей» и в Праге. Готвальд сопротивлялся аресту Гашковца практически две недели, а потом в сердцах крикнул: «Нате, возьмите!»

В 1954 году Гашковца все же осудили за содействие смерти Готвальда. В частности, его обвиняли в том, что он приказал покрасить спальню президента ядовитой краской. В 1955 году врача выпустили на свободу, но политически реабилитировали лишь в 1968. Скончался он в 1971 году.

Похороны Готвальда состоялись 19 марта 1953 года, причем его тело было облечено в генеральскую форму, тем самым подчеркивалось, что хоронят верховного главнокомандующего^[185].

Тело Готвальда было забальзамировано и выставлено на всеобщее обозрение в мавзолее у Национального памятника на пражском холме Витков^[186]. Еще раньше, в 1949 году, город Злин был переименован в Готвальдов. Именем Готвальда были названы сотни улиц в чехословацких городах. В 1966 году улица Готвальда появилась и в Москве (в 1992 году она была переименована в улицу Чайнова).

В Чехословакии никогда не было серьезного культа личности Готвальда. Он не обладал диктаторскими полномочиями. Решения в партийном и государственном руководстве всегда принимались коллегиально и до марта 1953 года. Не случилось концентрации власти и после смерти Готвальда.

Президентом страны стал бывший премьер Антонин Запотоцкий, правительство вместо него возглавил Вильям Широкий. Первым секретарем ЦК КПЧ (как и в СССР после смерти Сталина, пост генерального секретаря ЦК КПЧ был переименован в пост первого секретаря ЦК) был избран Антонин Новотный.

Новотный родился 10 декабря 1904 года в Праге (точнее, в то время это была деревня Летняны на северо-восточной окраине Праги) в семье каменщика, выучился на слесаря и трудился как обычный рабочий. Мать умерла, когда Антонину было всего четыре года, и его вместе с тремя

другими детьми воспитала тетка^[187]. В 1919 году Новотный вступил в рабочую спортивную федерацию (рабочий спорт был тогда в Чехии массовым) и в 17 лет стал капитаном спортивной команды. Уже будучи лидером страны, Новотный охотно вспоминал о своей спортивной юности и успехах на различных соревнованиях, например спартакиаде в Брно.

В 1921 году Новотный вступил в КПЧ и стал продвигаться по партийной лестнице в пражской организации. При этом по характеру он был замкнутым человеком и сторонился вне партийной работы общества людей. У него никогда не было близких друзей. Серьезный молодой человек считал, что дружба мешает политической деятельности, ведь друзьям поневоле оказываешь протекцию и прощаешь им ошибки.

В декабре 1929-го он женился на Божене Фридрихове (родилась 26 февраля 1910 года), которую знал еще с детства. Божена (ее отец тоже был рабочим) была скромной женщиной и большую часть времени проводила дома, особенно после того как в 1930 году у нее родился сын. Они познакомились с Антонином в рабочей спортивной федерации, где Божена тоже была капитаном команды.

Как и муж, Божена сторонилась больших компаний – ей всегда было хорошо вдвоем с Антонином. Он был и навсегда остался ее первым, единственным и самым любимым мужчиной. Они редко и неохотно ходили в кино или театр, а позднее – на разного рода официальные приемы, – им было лучшего всего в компании друг друга. Ни Антонин, ни Божена терпеть не могли разводов и тем более внебрачных отношений среди своих знакомых. Отношение супругов Новотных к таким людям сразу резко менялось, и не в лучшую сторону.

Практически все 20-е годы Новотный не вел слишком активной партийной работы, так как продолжал трудиться слесарем и политикой занимался только после окончания обычного рабочего дня. Лишь в 1930 году он стал настоящим партийным работником: его избрали председателем районной пражской парторганизации Карлин-предместье, и он честно и самоотверженно работал на этом скромном посту пять лет. И здесь Новотный старался поддерживать со всеми товарищами ровные отношения, не выделяя никого из своих знакомых. При этом он все еще оставался рабочим – слесарем на складе кооператива «Пчела».

В 1935 году Новотный был делегатом от КПЧ на VII конгрессе Коминтерна. После возвращения из Москвы он стал сотрудником областного секретариата КПЧ в Праге. В 1937-1938 годах был секретарем партийной организации в южноморавском городе Годонине. Жена осталась в Праге и сильно скучала. Муж навещал ее каждое воскресенье. После

запрета компартии в 1938 году Антонин Новотный вернулся на склад «Пчела», где работал теперь механиком по холодильным установкам. Весной 1941 года он едва не погиб, когда взорвался баллон с аммиаком, – Новотный получил ожоги 2-й и 3-й степени, повреждения легких и даже временно лишился речи. Жена боялась, что муж уже не поправится, но все обошлось [\[188\]](#).

Во время оккупации будущий президент Чехословакии участвовал в партийной работе. В сентябре 1941 года немцы арестовали его и отправили в концлагерь Маутхаузен. Для Божены это был самый ужасный период ее жизни: она не видела каждый день любимого мужа, а сына не брали ни в одну школу. Вся собственность Новотного была конфискована гестапо. Божена вновь стала работать рабочей в летном институте в своих родных Летнянах. Помогал знакомый пекарь, часто дававший ей чуть больше хлеба, чем полагалось по карточкам.

После освобождения американскими войсками 5 мая 1945 года Новотный в 1945-1951 годах возглавлял самую сильную в стране пражскую организацию КПЧ. С 1946 года входил в ЦК партии. Однако Новотного очень не любил генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский: он считал бывшего рабочего слишком ограниченным, малообразованным, хотя и исполнительным функционером. Сланский решил заменить Новотного на посту лидера самой крупной парторганизации в стране Отто Шлингом – молодым лидером моравских коммунистов в Брно. В 1950 году Сланский отослал Новотного на партийную учебу, и предполагалось, что на свой пост тот уже не вернется.

Но все изменилось после ареста Шлинга в октябре 1950 года. Новотного срочно отозвал с партийной учебы Готвальд, и Антонин вновь встал во главе пражских коммунистов.

После ареста Сланского Новотный стал секретарем ЦК и фактически исполняющим обязанности генерального секретаря. Готвальд ценил Новотного за то, что тот был простым рабочим без всяких «фанаберий», к различного рода «уклонам» в партии не примыкал. На него можно было положиться, так как карьеристом и интриганом Новотный не был.

Новый премьер-министр Вильям Широкий (словак) родился в 1902 году в Братиславе. По профессии железнодорожник, он уже в 19 лет вступил в компартию. Быстро сделал партийную карьеру и уже в начале 30-х годов был членом ЦК КПЧ. Современные чешские СМИ утверждают, что Широкий был агентом НКВД и информировал Москву о деятельности Готвальда. В 1935 году был избран депутатом парламента, а прямо перед войной возглавил партийную организацию КПЧ в Словакии. Осенью 1938-

го был вынужден эмигрировать. Работал в руководящих органах партии в Париже и Москве. В 1941 году был направлен на подпольную работу в Словакию, где его арестовали. В начале 1945 года Широкий смог бежать из заключения и перешел фронт.

С 1945 года Широкий был депутатом парламента и одним из самых близких соратников Готвальда. В 1945-1953 годах работал вице-премьером, а с 1950-го – еще и министром иностранных дел. В 1945-1954 годах был также лидером Коммунистической партии Словакии.

«Первым лицом» нового коллективного руководства Чехословакии образца 1953 года был, бесспорно, президент Антонин Запотоцкий. Его знали все и любили многие – за простоту и доступность. Вторым человеком, а значит, потенциальным преемником Запотоцкого на высшем государственном посту считался Широкий. Новотного же мало кто знал даже в лицо. Первый секретарь держался в тени, и в газетах довольно редко появлялись его фотографии.

Антонин Запотоцкий (родился в 1884 году) являлся в своем роде потомственным социал-демократом: его отец Ладислав был одним из организаторов учредительного съезда чешской социал-демократии в 1878 году. Младший Запотоцкий активно участвовал в молодежном социал-демократическом движении уже с 16 лет. Два года спустя молодой каменщик стал постоянным корреспондентом рабочей газеты. Страсть к писательскому творчеству он сохранил на всю жизнь. Социал-демократическая газета «Свобода» в Кладно печатала и боевые революционные стихи молодого рабочего. Например, такие:

...Вперед на бой за святые права!
Вперед нас зовет молодой крови жар!
Не испугает нас ни решетка, ни меч палача.
Нам ничего не надо даром.
Мы хотим лишь достойную человека жизнь,
И красный рассвет освещает нам путь.

В 1904 году Запотоцкий стал одним из основателей профсоюза каменщиков. Он добротнo одевался, как типичные европейские социал-демократические политики: носил пиджак, галстук, жилет и накрахмаленный стоячий воротничок.

В 23 года Антонин Запотоцкий стал районным секретарем партии в самом боевом рабочем районе Чехии – Кладно. Там же в семье металлурга

и домохозяйки родилась в 1890 году его будущая жена Мария Скленичкова.

Мария увидела молодого страстного оратора на одной из демонстраций и сразу же влюбилась, хотя, как она вспоминала позднее, в тот момент даже не могла себе представить, что станет женой Антонина. Искра между молодыми людьми пробежала позднее, когда они в 1909 году танцевали друг с другом на рабочем балу. Марии нравилось, что уже солидный по местным меркам политик постоянно шутил и улыбался и не задирает нос. Когда они вместе шли по Кладно, Мария поражалась, что Антонин знает по именам чуть ли не всех детей, которые им встречались. Запотоцкий, как выяснилось, всегда вникал в семейное положение своих товарищей по партии или профсоюзу и помогал, чем мог^[189].

Девушка не работала, но вела домашнее хозяйство, так как ее мать тяжело заболела на нервной почве. Мария и Антонин теперь часто встречались.

Через некоторое время Мария поняла, что беременна, и доверилась отцу, который, естественно, не был в восторге. Тем более что в то время женщина считалась совершеннолетней (то есть готовой к браку) лишь начиная с 24 лет, а Марии еще не было и двадцати. Но отец (тоже Антонин) дал свое благословение и так расхваливал свою дочь жениху, что у Марии на глаза навернулись слезы. 22 сентября 1910 года Антонин и Мария поженились. Свадьбу тогда уже редактор социал-демократической газеты Запотоцкий отмечал скромно, в кругу товарищей: на столе были колбаса, огурцы и вино. В тот же день молодые уехали в Прагу, где Запотоцкий отвел жену в Национальный театр. В отличие от Новотного, Запотоцкий, писатель и поэт, любил театр и старался не пропускать ни одной новой постановки.

По характеру Запотоцкий тоже был полной противоположностью Новотному. Первый Антонин просто не выносил одиночества и как истинный политик очень любил «купаться в толпе». Разговоры с людьми словно бы заряжали его неиссякаемой энергией. Жене пришлось смириться с тем, что партийная работа всегда была у супруга на первом месте.

В 1911 году в семье Запотоцких родилась дочь Маня, а годом позже еще одна дочка, Иржина. Дети были очень слабыми и весили всего чуть больше двух килограммов. Мария очень боялась, как бы они не заболели туберкулезом, который тогда был очень широко распространен в рабочих семьях.

В 1912 году Антонин с гордостью показал жене комнату, где в том же году проходила Пражская конференция РСДРП, отметив, что здесь выступал сам Ленин. Увидев, что Марию это известие не очень впечатлило,

он подробно объяснил ей разницу между большевиками (ленинцами) и меньшевиками.

В 1914 году Запотоцкого призвали в австро-венгерскую армию, и он воевал на сербском, русском и итальянском фронтах Первой мировой войны. Жене он писал всегда раз в неделю, и только однажды Марии пришлось ждать письма целых три недели – выяснилось, что Антонин с ранением руки лежал в лазарете.

Вернувшись домой 12 ноября 1918 года, Запотоцкий немедленно стал агитировать рабочих последовать русскому примеру и взять власть в свои руки. Муж и жена активно участвовали в первых выборах в парламент только что возникшей Чехословацкой республики в 1919 году.

Летом 1920-го Запотоцкий тайно выехал в Москву на второй конгресс Коммунистического интернационала. Там он встретился с Лениным, о чем написал позднее очерк в кладненской рабочей газете «Красная заря».

Между тем семья партийного работника жила очень бедно. Мария пекла лепешки из ячменной муки (на пшеничную денег не хватало) и варила свиную кровь с картошкой. Мужа дома часто не было: он весь ушел с головой в партийную работу.

В декабре 1920 года власти отобрали у рабочих Кладно их Народный дом, в ответ на то, что те объявили всеобщую забастовку и при активном участии Запотоцкого попытались взять власть в Кладно в свои руки. Был образован революционный совет по русскому образцу, и порядок на улицах Кладно поддерживали вооруженные рабочие патрули. Большинство жителей города восторженно приветствовали «рабочую республику Кладно». Запотоцкий предлагал двинуться с оружием на Прагу, но Кладно окружили войска и полиция, подавившие рабочие протесты. Были арестованы более полутора тысяч человек, в том числе и Запотоцкий.

Пока Запотоцкий писал в пражской тюрьме стихи (одно стихотворение он специально посвятил Марии и дочерям), его жена была избрана от Кладно на учредительный съезд КПЧ. Ее мужа (она ласково называла его «Тоником») как одного из вождей кладненского восстания приговорили к 18 месяцам тюремного заключения.

Мария тем временем пыталась спасти дочь Маню, болевшую туберкулезом в открытой форме. Товарищи по партии помогли деньгами, и девочку удалось устроить в санаторий, где ее вылечили.

В 1922 году Запотоцкий вышел из заключения по амнистии и узнал, что его кандидатура предложена на пост генерального секретаря только что возникшей компартии. Но на то, чтобы снять квартиру в Праге, у семьи не было денег, и целых два года Запотоцкий бывал дома только по выходным.

Лишь в 1923 году Мария и Антонин переехали в столицу, где жили прямо в штаб-квартире КПЧ (в этом доме была всего одна двухкомнатная квартира для генерального секретаря партии). Антонин, когда у него выдавалось свободное время, охотно помогал жене по хозяйству. На фронте он был, в числе прочего, поваром и неплохо готовил. Еще он сам ходил на рынок за продуктами, причем сохранил эту привычку и на посту президента.

В 1924 году Запотоцкого снова осудили за Кладно на основании нового закона о защите республики, принятого лишь в 1923 (таким образом, закон применили ретроспективно). Вместе с остатком своего первого тюремного срока Антонину предстояло провести за решеткой 15 месяцев. Запотоцкий перешел на нелегальное положение, и компартия выдвинула его кандидатом в депутаты парламента, ведь статус депутата давал иммунитет. Запотоцкий скрывался почти год и все это время избегал встреч с женой, которую тоже могли привлечь к уголовной ответственности за недоносительство. Он встречался лишь с дочерьми, которые в целях конспирации называли его «дядя», а о маме говорили как о сестре^[190].

С 1925 по 1938 год Антонин Запотоцкий был депутатом парламента ЧСР. Жена между тем тяжело заболела, и врач посоветовал найти просторное светлое жилье. Но никто не хотел сдавать квартиру пусть и депутату, но революционеру-коммунисту. В конце концов, Запотоцкие вступили в жилищный кооператив и переехали в собственную двухкомнатную квартиру.

Дочь Маня унаследовала от отца творческую жилку и хотела стать, выражаясь современным языком, дизайнером дамской одежды. Маня была единственной девочкой, окончившей текстильную профессиональную школу, и хотела уехать работать на всемирно известные шелковые мануфактуры во французский город Лион. Но в посольстве СССР в Праге ей посоветовали ехать в СССР, где очень нужны были специалисты по современной женской одежде. И в 1930 году Маня нелегально выехала в Советский Союз, чем ее отец страшно гордился.

В 1928 году Антонин, теперь уже вместе с женой, снова участвовал в Москве в работе конгресса Коминтерна. Мария в то время не только была активным членом компартии, но и работала в чехословацком обществе друзей СССР. В Москве как делегат конгресса она жила очень скромно – на 11 рублей в сутки. Помогало то, что они с мужем питались в относительно неплохой столовой конгресса. Но супругов поразило, с какой неистовой страстью борются люди в России за новую жизнь: каждая сэкономленная копейка шла тогда на индустриализацию страны.

Позднее, когда Мария навещала Маню в СССР, она не уставала

поражаться – страна расцветала буквально с каждым днем, и на смену нужде и лишениям действительно приходило то светлое будущее, которое обещали людям коммунисты. Еще вчера на этой старой московской улочке стояли скособоченные дома, а сегодня – уже современная станция метрополитена.

В 1929 году, когда Клемент Готвальд стал лидером КПЧ, Антонин Запотоцкий возглавил Красные профсоюзы, а после 1945-го – единое Революционно-профсоюзное движение страны. Именно организованные профсоюзами массовые демонстрации рабочих и служащих в поддержку компартии сыграли решающую роль в победе КПЧ в феврале 1948 года. В ЦРУ тогда были потрясены способностью «красных» в Чехословакии в любой момент вывести на улицу десятки тысяч людей.

После оккупации Чехии и Моравии нацистами в марте 1939 года Запотоцкий две недели скрывался у дочери Иржины, пока гестапо настойчиво искало его по домашнему адресу. Потом он тайно перебрался в советское полпредство в Праге, получил советское гражданство и хотел легально выехать вместе с женой в СССР. Но немцы разрешения на выезд не дали, а попытка нелегального перехода границы закончилась арестом Запотоцкого 11 апреля 1939 года: шофер, который вызвался довезти его до границы, оказался агентом гестапо.

С марта 1940 года и до конца войны Запотоцкий находился в концлагере Заксенхаузен под Берлином. Марии разрешили вместе с внучкой навестить мужа в пражском гестапо, и гестаповцы даже позволили Антонину выйти на улицу, чтобы поиграть с ребенком^[191]. Перед расставанием Антонин сказал жене, чтобы она ни в коем случае не пыталась заниматься подпольной деятельностью: гестапо постоянно следило за ней и дочерью.

Тем не менее Мария вместе с дочерью была членом нелегальной группы и разносила по Праге листовки и выпуски подпольного «Руде Право». 8 ноября 1941 года обе они были арестованы гестапо. Марию отправили в женский концлагерь Равенсбрюк. В 1941-1945 годах через Равенсбрюк прошли 150 тысяч заключенных, из которых в лагере умерли или были убиты 92 тысячи. Женщины работали каждый день (шили одежду, ремонтировали обувь и т. д.), а питание состояло в основном из брюквы и эрзац-кофе. Но до 1944 года существование Марии было еще сносным, так как чешки жили в одном бараке и активно помогали друг другу. Немцы до поры до времени в это лагерное самоуправление не особо вмешивались.

Но с конца 1944 года немцы построили в лагере новую газовую камеру

и стремились уничтожить всех старых или больных узниц, чтобы зря не кормить их. Отбор в газовую камеру эсэсовцы именовали «селекцией». В начале 1945 года на «селекцию» была отобрана и Мария Запотоцкая, но ее спасли и спрятали в другом блоке.

После освобождения лагеря Красной армией 30 апреля 1945 года Мария на обычном грузовике вместе с другими узницами отправилась домой. На чехословацкой границе изможденные женщины с воодушевлением запели «Интернационал». Став в 1953 году президентом, Антонин продолжал вести свой обычный скромный образ жизни, что разительно отличало его от Бенеша, любившего роскошь и знаки внимания. «Рабочий президент» часто ходил без охраны по Праге и лично проверял качество продуктов в овощных или мясных магазинах. Его узнавали, и Запотоцкий с удовольствием общался с людьми, как всегда, со своей фирменной широкой улыбкой на лице.

Один раз он случайно столкнулся в Татрах с советскими туристами, и те немедленно предложили президенту выпить с ними «татранского чая» (так называли местный самогон). Супруга протестовала, но муж с лукавой улыбкой отобрал рюмку... у нее, а сам с удовольствием выпил с «советскими товарищами».

Всю свою жизнь Запотоцкий искренне и бескорыстно любил Советский Союз как родину тех идей, которым он сознательно посвятил всю свою нелегкую жизнь.

До конца своей жизни Запотоцкий на основе личного опыта писал полудокументальные-полухудожественные книги об истории рабочего движения в Чехии. Он не хотел оставлять людям скучные партийные воспоминания и поэтому избрал форму беллетристики. В его книгах за некоторыми образами отчетливо угадываются он сам и его верная Мария. В 1947 году, находясь в отпуске в Югославии, Запотоцкий написал свой первый роман «Встанут новые бойцы», затем последовали «Бурный 1905 год» (1949 года издания), «Красная заря над Кладно» (1951), «Рассвет» (1956) и «Барбара» (1957). С полным на то правом Запотоцкий был членом Союза писателей ЧСР.

Новое коллективное руководство ЧСР было полно решимости, как и в СССР, улучшить жизнь населения своей страны и нормализовать отношения с Западом.

Но, несмотря на то, что уже в своем первом выступлении новый председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков предложил США, по сути дела, политику разрядки, американцы не торопились пожать

протянутую из Москвы руку.

Невзирая на успех операции «Раскол» в Чехословакии, США не смогли к 1953 году реализовать свою главную цель в отношении Восточной Европы – организовать там массовые народные восстания против коммунистов.

Еще в 1950 году американцы решили усилить против социалистических стран психологическую или политическую войну (political warfare).

10 июля 1950 года СНБ США принял документ под названием «План национальной психологической войны» (директива СНБ 74)^[192]. Цель психологической войны формулировалась следующим образом: «Планируемое использование пропаганды и прочих невоенных действий государством для выдвижения идей или продвижения информации, предназначенной для оказания влияния на мнения, позиции, чувства и поведение зарубежных групп таким образом, чтобы реализовать национальные цели (США)».

Для достижения этой цели в директиве СНБ содержалось 30 конкретных задач, в том числе и ослабление контроля СССР над своими восточноевропейскими союзниками.

Тем же летом 1950-го госдепартамент дал задание группе из 21 профессора американских университетов под руководством Макса Милликана из Массачусетского технологического института разработать конкретные методы психологической войны против восточноевропейских стран. 15 февраля 1951 года профессора выдали «на гора» свои рекомендации. Им были присвоены гриф «Совершенно секретно» и характерное наименование «План „Троя“» (то есть пропаганда должна была сыграть печальную роль «троянского коня» в разрушении социалистического лагеря). Основной упор план «Троя» делал на развертывании массовой радиопропаганды.

Президент Трумэн на основании этих рекомендаций учредил 4 апреля 1951 года государственный орган по координации и планированию психологической войны против социалистических стран – Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board, PSB). Директором совета стал бывший профессор университета Гордон Грей. Также в него входили представители госдепартамента, министерства обороны, ЦРУ, Объединенного комитета начальников штабов. Совет работал под контролем СНБ и получил на 1952 год неплохой бюджет в 85 миллионов долларов^[193].

В октябре 1951 года СНБ принял директиву NSC 114/2 («Программа США по национальной безопасности»), в которой содержалось указание усилить психологическую войну с целью «конечного освобождения восточноевропейских народов и их воссоединения со свободным миром».

Главным шагом американцев по усилению психологической войны стало образование радиостанции «Свободная Европа», которая начала свое вещание именно на чешском языке 1 мая 1951 года.

До этого античехословацкой пропагандой занималась чехословацкая служба радиостанции «Голос Америки». К 1949 году «Голос Америки» вещал на 29 языках, в том числе один час в день на чешском. В 1953 году «Голос Америки» тратил 6,5 миллиона долларов на пропаганду против СССР, 4,1 – против Восточной Европы, 2,4 миллиона – против КНР и 9 миллионов шло на пропаганду в странах «свободного мира» (в некоторых из них США не любили еще больше, чем в Москве).

Материалы для передач против ЧСР готовили ЦРУ и американское посольство в Праге. Однако госдепартамент считал использование «Голоса Америки» для открыто подрывной пропаганды не очень удобным, так как радиостанция была государственной, и правительство США несло всю ответственность за содержание ее передач. В частности, правительство ЧСР не раз заявляло посольству в Праге решительный протест против подрывных радиопрограмм.

Радиостанция «Свободная Европа» формально была «независимой» и «частной» и поэтому могла не стесняться в распространении абсолютно лживых или подстрекательских сведений. Формально это радио действовало в рамках упомянутого выше Национального комитета за свободную Европу (который возглавлял Аллен Даллес). Штаб-квартира радиостанции расположилась в небоскребе «Эмпайер Стейт Билдинг» в Нью-Йорке, но вещание шло из Мюнхена.

Столицу Баварии американцы выбрали исходя из нескольких причин. Во-первых, Мюнхен находился на самой границе «железного занавеса», и передачи станции можно было хорошо слышать в Восточной Европе. Во-вторых, несмотря на формальный суверенитет, ФРГ по состоянию на 1951 год была американской полуколонией и делала все, что ей скажут в Вашингтоне, а Бавария находилась в американской зоне оккупации. В-третьих, в Европе можно было легче, чем в США, подобрать сотрудников и корреспондентов из числа эмигрантов.

Целый год, начиная с 1 мая 1951 года, «Радио Свободная Европа» (РСЕ) вещало только против Чехословакии. В мае 1952-го началась пропаганда и против Польши.

Чехословакию в ЦРУ по-прежнему считали самым слабым звеном социалистического лагеря. Стратеги американской разведки, прежде всего Даллес, верили, что население страны до сих пор привержено «западным ценностям», поэтому его можно легче поднять на открытые выступления против властей. К тому же после 1948 года на Западе оказалось много довольно известных на родине эмигрантов, которые благодаря своему опыту политической и парламентской деятельности представляли собой идеальные кадры для радиостанции.

Большая часть передач на Чехословакию носила информационный характер и была посвящена «разоблачению официальной пропаганды». Новости передавались каждый час. Была и специальная программа «Письма корреспондентов РСЕ», в которой обычно передавали впечатления вырвавшихся из ЧСР беженцев. Существовала и рубрика новостей о других странах «за железным занавесом», а также обзор (естественно, благоприятный) положения «свободного мира», прежде всего США. Для «неграмотных» чехов и словаков передавали и ликбез «Азы демократии».

Все финансирование и набор кадров для РСЕ шли по линии ЦРУ. Радиостанция использовалась и для передачи кодированных сообщений американской агентуре в Чехословакии или для компрометации противника, как в случае со Сланским.

В соответствии с установками психологической войны РСЕ во всех своих программах должно было внушить слушателям всего несколько «истин»:

- вся власть в восточноевропейских странах принадлежит Москве, а местные коммунисты являются лишь безвольными советскими марионетками;

- коммунизм – это отнюдь не привлекательная идеология, а набор безжизненных или враждебных человеческой природе формул;

- население Восточной Европы должно надеяться на скорое освобождение с помощью США как лидера «свободного мира» (причем не исключался и силовой вариант, в связи с чем РСЕ много говорило об американской военной мощи);

- передавались угрозы конкретным «функционерам коммунистических режимов», чтобы побудить их умерить свою деятельность в пользу государства.

РСЕ скоро стали слушать практически по всей Чехии. Попытки глушить эту радиостанцию только повышали ее авторитет среди населения. К тому же, например, в районе Пльзени РСЕ вещала на волне, близкой волне Пражского радио, поэтому при глушении страдали и официальные

радиопередачи.

Однако восстание или хотя бы беспорядки в Чехословакии «Свободной Европе» до 1953 года вызвать так и не удалось.

К концу 1952 года ЦРУ оценивало деятельность РСЕ как довольно эффективную, но пока еще очень далекую от реализации целей психологической войны.

Однако в эти же годы (1951-1952) едва не развалился с таким трудом созданный ЦРУ Совет свободной Чехословакии. Эту эмигрантскую организацию раздирали противоречия между чехами и словаками. Последние во главе с бывшим лидером словацкой Демократической партии Леттрихом чувствовали себя ущемленными: в исполнительном комитете совета было 12 чехов и только шесть словаков^[194]. К тому же совет раздирали и идеологические противоречия. Он механически объединил как ярых антикоммунистов, покинувших родину еще до 1945 года, так и тех, кто сотрудничал с коммунистами в рамках Национального фронта в 1945-1948 годах. Первые считали вторых «предателями».

Наконец, как и в любой эмигрантской организации «генералов без армии», совет раздирала борьба за власть. Словак Штефан Осуский считал себя гораздо более опытным политиком, чем председатель Совета Петра Зенкла. Осуский был старым интриганом и еще в 1939 году пытался стать вместо Бенеша главой чехословацкого эмигрантского правительства. Причем как человек, «не запятнанный» сотрудничеством с коммунистами, он имел мощное лобби в американском конгрессе, где в то время блистал Маккарти. Наконец, что стало для американцев не менее важными факторами, Осуский свободно говорил по-английски и был человеком более податливым, чем самоуверенный и склонный к снобизму Зенкл.

Раздраженный интригами Осуского Зенкл в 1951 году вышел из совета и основал собственную организацию – Национальный комитет за свободную Чехословакию. К Зенклу перешли основные деятели «послефевральской эмиграции» (в том числе и брат президента Бенеша Войта). Но американцев этот раскол никак не устраивал.

В мае 1952 года ЦРУ и госдепартамент заставили враждующие группы снова объединиться. Отныне в обновленном Совете свободной Чехословакии было целых три руководящих органа (чтобы любой амбициозный политик получил «солидную должность»). В исполнительный комитет теперь вошло целых 26 человек. Его сопредседателями стали чех Зенкл и словак Леттрих. В центральный комитет вошли другие «выдающиеся» деятели с высокими «бывшими» постами. Возглавил этот комитет Осуский. Наконец, в контрольный

комитет вошли вообще все члены Совета свободной Чехословакии.

Новые проблемы у чехословацкой эмиграции и ЦРУ возникли после марта 1951 года, когда ФРГ был предоставлен ограниченный суверенитет, включая пост министра иностранных дел. Канцлер ФРГ Аденауэр стал требовать от американцев контроля над радиостанцией «Свободная Европа». В частности, канцлера не устраивало то, что чехословацкие эмигранты критиковали Мюнхенский сговор 1938 года и поддерживали выселение из ЧСР судетских немцев в 1945-1946 годах. Это противоречило официальной реваншистской политике ФРГ, которая требовала для судетских немцев «права на родину», а мюнхенский диктат 1938 года считала действительным.

Хорошие отношения с Аденауэром для США были, конечно, куда как более важны, чем с кучкой чехословацких эмигрантов, поэтому радиостанции «Свободная Европа» запретили касаться «чувствительных» для ФРГ тем, что сразу снизило популярность передач РСЕ среди чехословацких радиослушателей. И тогда, и сейчас выселение судетских немцев из ЧСР поддерживали и поддерживают более 90 % чехов и словаков.

В речи на пленуме ЦК КПЧ в феврале 1951 года Готвальд издевался над эмигрантами в ФРГ: «Боннское „правительство“ и западные оккупационные власти не только не позаботились о создании новой родины для переселенцев (судетских немцев – *Прим. автора.*), но, наоборот, умышленно подготавливают из них ударную реваншистскую гвардию. Тучные господа с Уолл-стрита и из Сити оплачивают различных якшей и лодгманов^[195] для того, чтобы они грели руки на человеческом несчастье и бросали поленья в огонь нового мирового пожара, от которого, впрочем, они сами удрали бы первыми... Очень печально, что находятся рожденные чешскими матерями сыновья и дочери, которые ставят на американскую карту, хотя совершенно ясно, что если эта карта и могла бы вообще выиграть в наших краях, то лишь при помощи эсэсовских штыков. Это было бы еще хуже, чем Мюнхен и гитлеровский протекторат, если только вообще может что-либо быть хуже»^[196].

К концу 1952 года в администрации Трумэна стала распространяться пессимистическая точка зрения, что с помощью радиопропаганды и разрозненной эмиграции типа чехословацкой вряд ли удастся в ближайшем будущем «освободить поработанные народы».

В ноябре 1952-го Совет по психологической стратегии подвел промежуточные итоги психологической войны против

восточноевропейских стран в докладе «Стратегическая концепция национальной психологической программы с особым учетом операций „холодной войны“, проводимых в соответствии с директивой СНБ 10/5». В документе выразилось сомнение, что «холодную войну» можно выиграть лишь с помощью войны психологической.

Точно так же считали и братья Даллесы, которые формулировали внешнеполитическую часть программы для кандидата в президенты США от Республиканской партии на выборах 1952 года генерала Дуайта Эйзенхауэра. Кампания республиканцев пыталась переплюнуть по антикоммунизму еще и сенатора Маккарти, обвиняя Трумэна в «сдаче Советам» Восточной Европы и Китая. Причем в этой сдаче, по их мнению, были повинны коммунисты, пробравшиеся при помощи Демократической партии во все американские ведомства, особенно в госдепартамент.

Джон Фостер Даллес (который видел себя в случае победы Эйзенхауэра на посту госсекретаря) питал против коммунизма глубокую идеологическую вражду на религиозной почве, так как считал, что коммунистическая идеология – самый успешный идеологический противник христианства в мире. Аллен Даллес на столь фундаментальный подход не претендовал: он все еще не мог простить коммунистам того, что они переиграли его в 1944-1945 годах и взяли в свои руки власть в Восточной Европе.

Поэтому Даллесы сформулировали для Эйзенхауэра доктрину не «сдерживания», а отбрасывания мирового коммунизма, в том числе и путем «освобождения» Восточной Европы.

В августе 1952 года Эйзенхауэр в речи перед членами консервативной и антикоммунистической организации «Американский легион» призвал всех граждан США готовиться к великому крестовому походу «за освобождение поработанных народов». Эта речь настолько испугала союзников США по НАТО (как, впрочем, и самого же Эйзенхауэра, прекрасно знавшего, что такое мировая война), что кандидат в президенты от республиканцев попытался несколько ослабить тональность своей риторики и в выступлении в Филадельфии 3 сентября уже заявил, что не допустит третьей мировой войны: «Единственный способ выиграть третью мировую войну – это не допустить ее»^[197].

Но братья Даллесы не принимали миролюбие Эйзенхауэра всерьез: они считали генерала, мягко говоря, недалеким человеком и планировали вдвоем руководить внешней политикой США. Главной целью предвыборной кампании президента было нагнетание истерии в американском общественном мнении вокруг темы «поработанных

восточноевропейских народов» с тем, чтобы сделать конгресс США податливым в выделении необходимых для такого «освобождения» финансовых средств.

Однако простые американцы воевать за Восточную Европу не желали. Согласно проведенным в США в сентябре 1952 года опросам общественного мнения, 76 % американцев считали, что «порабощенным народам» надо помочь путем пропаганды и экономического давления на СССР и его союзников. Но уже 53 % опрошенных были против того, чтобы правительство США подстрекало восточноевропейские народы к восстанию (40 % эту идею поддерживали, причем как среди демократов, так и среди республиканцев).

В ноябре 1952 года Эйзенхауэр был избран президентом США и еще больше сбавил тон своей риторики по отношению к СССР и его союзникам. 20 февраля 1953 года в конгресс был представлен проект резолюции, в котором лишь выражалась надежда, что «порабощенные народы» когда-нибудь вновь обретут утерянную свободу.

Однако братья Даллесы получили то, что хотели. Джон Фостер стал государственным секретарем, а Аллен – директором ЦРУ.

Джон Фостер Даллес сразу же сообщил шефу Штаба политического планирования Нитце, что намерен 90 % своего времени уделять не дипломатической работе, а деятельности по линии СНБ, то есть подрывным операциями против СССР и его союзников^[198].

Аллен Даллес считал себя первым профессионалом на посту директора ЦРУ. В отличие от своих предшественников, он сам планировал подрывные операции против социалистических стран и призывал своих подчиненных не жалеть на них денег. Даллес был разведчиком старой школы, считая, что надо уповать не на современную технику вроде самолетов-шпионов У-2, а на старую добрую агентурную работу с людьми. Ведь техника может лишь дать информацию, а завербованные агенты могут подорвать противника изнутри.

Поэтому Аллен Даллес не только подписывал не глядя все предложения о совершенствовании технических средств разведки, но и лично и плотно курировал все операции по подрыву вероятного противника.

Причем агентов Даллес вербовал не только за «железным занавесом», но и в «свободном мире». Например, он выплачивал из секретных фондов директора ЦРУ большие суммы французским парламентариям, когда те дебатировали вопрос о восстановлении германской армии на территории ФРГ.

Сталин умер совершенно неожиданно для директора ЦРУ, и братья Даллесы пытались отговорить Эйзенхауэра даже от того, чтобы выразить какое-либо протокольное соболезнование СССР. Однако Эйзенхауэр – бывший главнокомандующий англо-американскими войсками в Европе и кавалер советского ордена «Победа» – высоко ценил Сталина как одного из лидеров легендарной «большой тройки» Антигитлеровской коалиции. В результате он все же уговорил Джона Фостера Даллеса составить заявление, которое госсекретарь тем не менее выдержал в абстрактно-религиозном духе – мол, и русские, и американцы созданы одним богом, и он не покинет русских в их горе.

Коллега Аллена Даллеса по работе в УСС генерал Чарльз Дуглас Джексон^[199], считавшийся крупнейшим специалистом по психологической войне, предложил Эйзенхауэру сразу же после смерти Сталина призвать народы Восточной Европы к восстанию. Эйзенхауэр после своего избрания назначил Джексона специальным советником президента по психологической войне против социалистических стран.

Однако против предложения Джексона выступили братья Даллесы. Ими руководил, конечно, не гуманизм или желание улучшить отношения с СССР. Просто и Джон Фостер, и Аллен предполагали, что население Восточной Европы слишком поражено новостью о смерти Сталина, чтобы реагировать на призывы из Вашингтона. Даллесы предлагали использовать трудности переходного периода в СССР, чтобы оказать давление на новое советское руководство, которое они считали довольно слабым.

Но Эйзенхауэр решил позитивно прореагировать на перемены в Москве. 16 апреля 1953 года он произнес речь под названием «Шанс для мира», в которой предложил СССР приступить к взаимному ограничению вооружений. В Советском Союзе к этому сигналу отнеслись положительно, и речь Эйзенхауэра была полностью напечатана в «Правде».

Пока Эйзенхауэр пытался наладить нормальные отношения с преемниками Сталина в Москве, братья Даллесы и Джексон в Вашингтоне разрабатывали новую стратегию подрывных действий против Восточной Европы. 8 мая 1953 года в разговоре между Эйзенхауэром, Джексоном и Джоном Фостером Даллесом родился план «Солярий». Он был назван так потому, что беседа происходила в комнате со стеклянным потолком – в «солярии». Решили создать три группы экспертов, которые должны были предложить три различных подхода со всего лишь одним общим знаменателем: третья мировая война за освобождение Восточной Европы не допускалась.

«Группа А» во главе с отцом доктрины холодной войны Джорджем

Кеннаном была самой умеренной и рекомендовала в своем отчете продолжение политики сдерживания. По Кеннану, следовало бить по больным местам коммунистического блока средствами психологической войны. По иронии судьбы, «ястреб» Кеннан к тому времени оказался под огнем сенатора Маккарти, называвшего его «фанатом коммунистов».

«Группа В» была более наступательной и предлагала вместо «сдерживания» «политику отражения коммунизма». Эти эксперты считали, что США вполне могут грозить СССР глобальной ядерной войной. Для этого следовало теснее сплотить «свободный мир» под американским руководством. Что касается «порабощенных народов», то «группа В» рекомендовала не вызывать у них лишних надежд, но в случае возникновения в Восточной Европе кризисной ситуации США должны были не колеблясь вмешаться и поддержать возможное восстание.

«Группа С» исходила из того, что время – это союзник СССР, который успешно укрепляет свои позиции по всему миру. Поэтому надо было активно перенести «холодную войну» на территорию советского блока, даже если бы это грозило «войной горячей»^[200].

На основании всех трех экспертных заключений был выработан единый план ведения холодной войны против СССР и его союзников. На первом этапе (1953-1958 гг.) США следовало препятствовать укреплению советского влияния в Восточной Европе, в числе прочего и путем организации там сильных подпольных организаций. Как только эта подготовка будет закончена, можно приступать к конкретным «акциям». Эти «акции» должны были возрасти на втором этапе реализации плана (1958-1965 гг.) и привести к освобождению «порабощенных народов».

Пока план «Солярий» дорабатывался до директивы СНБ (она появилась лишь в октябре 1953 года – NSC 162/2), в Восточной Европе и без прямого подстрекательства американцев возник серьезный кризис, причем первой страной в этом смысле стала Чехословакия. Здесь кризис был спровоцирован действиями правительства.

Новое руководство ЧСР решило, наконец, отменить ненавистное многим наследие войны и нацистской оккупации – карточную систему. Но при этом было ясно, что придется придать реформе конфискационный характер, чтобы как-то стерилизовать разбухшую после 1948 года денежную массу и покупательную способность населения. В противном случае отмена карточек быстро привела бы к дефициту на полках магазинов. В 1951-1952 годах этот дефицит (особенно промышленных товаров) уже ощущался довольно сильно. Особенно недовольны были

стоянием в очередях рабочие – социальная опора компартии.

Поэтому в 1953 году было решено ввести в стране новые, более «дорогие» деньги.

Денежная реформа готовилась втайне. Еще за 36 часов до ее введения президент Запотоцкий убеждал население, что чехословацкая крона крепка как никогда. Это лукавство стало серьезной тактической ошибкой, хотя, конечно, если бы о реформе было объявлено заранее, то население немедленно попыталось бы избавиться от денег, что привело бы к чудовищному всплеску инфляции.

Тем не менее слухи об обмене денег все же проникли в народ, и в магазинах начался настоящий ажиотаж: люди сметали с полок буквально все товары. Перед прилавками образовывались длинные очереди. Правительство запретило продажу некоторых видов дорогих продуктов, например салями и деликатесных консервов. Но из-за паники покупателей дефицитом стало даже обычное мыло.

В стране и так существовал большой черный рынок, где население могло приобретать у спекулянтов товары в любом количестве, но по высоким ценам. Разница между карточными и спекулятивными ценами была подчас огромной, что опять-таки вызывало недовольство населения, – получалось, что от социализма больше всего выигрывали спекулянты-теневики. Так, килограмм хлеба по карточкам стоил 8 крон, а на черном рынке – 16 (в 1937 году – 2,25 кроны), сливочное масло – 80 и 450 (в 1937 году – 16,5), говядина – 48 и 200 (17), сахар-рафинад – 15,7 и 140 (6:35). А любимый чехами кофе, например, вообще можно было купить только у спекулянтов и по дикой цене в 1500 крон за килограмм (до войны кофе стоил 36 крон).

Денежная реформа должна была вступить в силу 1 июня 1953 года, и население узнало об ее условиях 30 мая. Всем гражданам обменивали не более 300 старых крон на новые по курсу 5 «старых» за одну новую. Все же остальные деньги (а сумма в 300 крон была, конечно, мизерной) надо было менять по грабительскому курсу 50:1. Но предполагалось, что этой небольшой суммы новых денег должно хватить до зарплаты, которой уже вполне хватит на жизнь. Сами зарплаты также пересчитывались по курсу 1:5.

Новые деньги имели фиксированный курс по отношению к рублю: за 1 рубль 1,8 чехословацкой кроны.

Интересно, что власти ЧСР взяли за образец денежную реформу в Западной Германии 1948 года, которая тоже носила явно выраженный конфискационный характер, но создала стабильную твердую валюту и в

одночасье ликвидировала черный рынок. Не учли в Праге, правда, одного: на ту реформу западногерманские профсоюзы ответили генеральной забастовкой.

Денежные вклады в банках до 5000 крон также пересчитывались по курсу 5:1 (5 тысяч крон – это была примерно месячная зарплата высококвалифицированного рабочего), от 5000 до 10000 – по курсу 1:6,25, от 10000 до 20000 – 10:1, от 20000 до 50000 – 25:1, а выше – 30:1.

Спустя четыре дня после объявления реформы было обменено 49,1 миллиарда старых крон на 1,4 миллиарда новых.

Новые цены в магазинах, пусть уже и без карточек, явно кусались. Килограмм хлеба стоил 2,8 новой кроны (то есть 14 «старых» даже по курсу 1:5), масла – 44, говядины – 25, кофе – 300, сахара – 14. В целом цены на продукты по сравнению с «карточными» выросли на 27 %.

Из обращения было выведено примерно 14 миллиардов старых крон – именно на эту сумму сократилась покупательная способность населения.

Реформа привела к событиям, которых в Праге, да и в Вашингтоне и Москве никто не ожидал.

Рабочие крупнейшего оборонного завода в Пльзени «Шкодовки» были возмущены тем, что дирекция, заранее зная о реформе, заблаговременно выплатила им зарплату «старыми» деньгами. 30 мая 1953 года в 17:00 о предстоящей денежной реформе было объявлено по радио, а на следующий день ее условия напечатали в газетах.

1 июня утренняя смена Заводов имени Владимира Ильича Ленина (так тогда называлась «Шкодовка») была взволнована реформой, а особенно тем, что рабочим выплатили зарплату «старыми» деньгами. Повсюду слышались возмущенные разговоры, рабочие жаловались, что их обокрало родное рабоче-крестьянское государство.

Перед рабочими выступил директор Брабец. Затем прошли дискуссии на партийных собраниях. Многие коммунисты возмущались даже не самой реформой, а тем, что до последнего дня правительство утверждало, что валюта в стране крепкая и менять ее никто не собирается.

Работа на «Шкодовке» продолжалась, но к 10 часам утра собралась толпа недовольных примерно в тысячу человек. Когда Брабец снова хотел выступить, чтобы попросить рабочих разойтись, его освистали. Примечательно, что больше всего недовольных было в машиностроительных цехах, в то время как металлургические цеха оставались спокойными. В 10:45 в целом удалось наладить нормальную работу, но в это время к «Шкодовке» подошли демонстранты (примерно 600 человек) с другого электротехнического завода – «Электроакце

Пльзень-Доудлевец». Они объединились у ворот «Шкодовки» с теми, кто не хотел возвращаться на рабочее место. Когда пришельцы попытались ворваться на «Шкодовку», Народная милиция и заводская охрана не допустили этого, начав стрелять в воздух из автоматов.

Тогда толпа двинулась в центр города, и по пути к ней присоединялись горожане.

Примерно в 11 часов группы демонстрантов с заводов пришли к ратуше Пльзеня, где уже собрались сотни людей (было много студентов). По некоторым оценкам, собралось около 20 тысяч человек, причем среди них было много коммунистов. Сначала люди кричали: «Хотим обратно свои деньги!» Потом вдруг раздались уже политические лозунги: «Хотим свободных выборов!», «Хотим нового правительства!». Председатель городского национального комитета Йозеф Майнцер обратился к демонстрантам с грузового автомобиля, но его обтекаемые фразы только разозлили людей, и Майнцера свистом согнали с машины. Тогда Майнцер ушел в ратушу и оттуда выступил с радиообращением.

Демонстранты направили на переговоры в ратушу своих представителей, но двое из них были арестованы. После этого разгневанная толпа захватила ратушу, и экономическое недовольство переросло в политический бунт. Из окон ратуши на мостовую полетели бюсты Готвальда, Запотоцкого, Ленина и Сталина, красные флаги. Вместо этого откуда-то появился портрет Эдварда Бенеша. Этот портрет водрузили на американский джип, и толпа вслед за ним направилась на Дуклинскую площадь, где стояла статуя первого президента ЧСР Масарика.

Толпа захватила также радиостанцию и здание суда, где были уничтожены многие документы. Судей избивали. После того как один из них попытался защищаться с помощью служебного пистолета и дважды выстрелил, нападавшие особенно ожесточились. По радиостанции стали передавать песни «Сокола» и лозунг «Мы сообщаем всему миру, что хотим свободы!».

Была предпринята и безуспешная попытка напасть на тюрьму Боры и освободить политзаключенных.

На Дуклинской площади^[201] восставшие подожгли огромный деревянный транспарант (10 на 15 метров), на котором были изображены карта СССР и лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!». Когда пожарные попытались потушить пожар, им перерезали шланги.

Следует отметить, что политические лозунги в демонстрацию рабочих привнесли студенты и члены «Сокола», которые быстро использовали чисто экономический протест рабочих в своих интересах.

Полиция и рабочая Народная милиция оказались не готовы к такому неожиданному развитию событий, и после обеда 1 июня 1953 года Пльзень практически был уже в руках восставших. В южном предместье Пльзени произошли стычки демонстрантов с войсками, и нескольких солдат разоружили. Однако ожидания демонстрантов, что против реформы восстанут и жители других городов, не оправдались.

Власти быстро перебросили в Пльзень части пограничной стражи, дополнительные контингенты полиции и Народной милиции, части Чехословацкой народной армии и подразделения министерства госбезопасности. Они быстро восстановили контроль над городом, и к вечеру беспорядки были подавлены. Была организована даже демонстрация сторонников режима, во время которой краном сняли с пьедестала бронзовую статую первого президента ЧСР Томаша Масарика (сегодня площадь, где это произошло, носит имя Масарика). В этот же день статую расплавили на том же заводе, где начались беспорядки.

При стычках протестующих с полицией никто не был убит, пострадали примерно 200 демонстрантов и 48 сотрудников правоохранительных органов. Берия вызвал к себе главного советника в Чехословакии по линии МВД СССР Бесчастнов и грозно спросил, почему у него там бастуют. Бесчастнов, по собственным словам, ответил всесильному Берии, что бастуют не у него, а в Чехословакии. После таких слов советник имел все основания опасаться за свою жизнь (если он, конечно, действительно говорил в таком тоне). Ему повезло, что буквально через пару дней Берия был арестован прямо в Кремле.

Помимо Пльзени забастовки прошли в четырех городах и на 129 заводах, хотя пльзеньского размаха они не достигли.

Сразу же после подавления выступлений начались аресты наиболее активных участников беспорядков, над которыми должны были состояться судебные процессы. В Пльзени были арестованы 650 человек, в районе Остравы (где тоже прошли небольшие акции протеста против денежной реформы) – 84 человека, в Праге – 61 человек. В июле 1953 года в Пльзени прошло 14 процессов, на которых был осужден 331 человек. Некоторых недовольных уволили с работы. На предприятиях «Шкодовки» специальные комиссии заслушали более 1400 человек на предмет их участия в беспорядках.

Для нового руководства Чехословакии, особенно президента Запотоцкого (бывшего руководителя профсоюзов), стало шоком, что зачинщиками беспорядков были рабочие, на которых всегда опиралась компартия. На следующий день после объявления реформы Запотоцкий, по

своему обыкновению, отправился гулять по улицам Праги, чтобы уловить настроения людей. Но в столице все было спокойно.

Было решено провести в КПЧ чистку от людей, зараженных социал-демократическими тенденциями, и вообще от ненадежных членов партии. Запотоцкий выступил с речью, призвав бороться с культом рабочего, который считает, что ему все позволено.

Но рабочие были отнюдь не против режима как такового. Они лишь были недовольны снижением своего жизненного уровня в ходе денежной реформы, хотя правительство стремилось облегчить ее последствия именно для рабочего класса. Тем не менее из-за реформы реальная покупательная способность зарплат рабочих снизилась на 12 % по сравнению с 1950 годом, служащих – на 22 %^[202]. Фактически все реальное повышение зарплат начиная с 1948 года было сведено на нет.

В 1953 году на приобретение своего обычного набора продуктов питания рабочему приходилось затрачивать в три раза больше рабочего времени, чем до реформы. Например, килограмм говядины в 1952 году стоил в среднем примерно 1,23 часа рабочего времени, а в 1953 – 3,27 часа. Потребление населения после реформы сократилось на 8,7 %, и людям пришлось тратить больше денег на продовольствие. Если в 1952 году чехи и словаки в среднем тратили на продукты питания 48,4 % всех доходов, то после июня 1953 – 58,4 %^[203].

Особенно сильно пострадали от отмены карточек с их гарантированными ценами многодетные семьи: им пришлось тратить в месяц на 38 % больше денег на удовлетворение своих самых жизненно необходимых потребностей. Многие семьи оказались за гранью официального прожиточного минимума (2040 крон в месяц на человека).

Но на более принципиальном уровне руководство КПЧ в июне 1953 года решило сменить приоритеты экономического развития за счет ограничения темпов роста тяжелой промышленности и направления высвободившихся инвестиций на развитие производства товаров народного потребления.

Между тем в Москве Г. М. Маленков (Председатель Совета Министров СССР) провозгласил в августе 1953 года «новый курс», который должен был стать примером и для социалистических стран. Еще ранее такой «новый курс» был навязан руководству ГДР, что во многом и спровоцировало беспорядки в этой стране 16-17 июня 1953 года. Экономический смысл «нового курса» был в отказе (часто непродуманном) от ускоренного развития тяжелой промышленности и направлении всех

инвестиций на производство товаров народного потребления. В сельском хозяйстве провозглашался отказ от насильственной коллективизации (это касалось социалистических стран) и предоставление колхозам большей экономической свободы.

Летом 1953 года до Чехословакии докатились отголоски «нового курса» в Венгрии. Там премьер-министром стал Имре Надь (которого Сталин лично не позволил трогать во время процесса над Райком в 1949 году), считавший себя крупным специалистом по сельскому хозяйству. Надь выступил с рядом заявлений против поспешного кооперирования в аграрной сфере.

В Чехословакии с переходом на «новый курс» не торопились, но в июле 1953-го руководство ЧСР было вызвано в Москву и подвергнуто резкой критике. Советские лидеры особенно настоятельно рекомендовали прекратить нажим в деле кооперирования на селе^[204].

Запотоцкий и Новотный повиновались. На свет появились разработанные секретариатом ЦК КПЧ «августовские тезисы» 1953 года, в которых состояние чехословацкой экономики критиковалось небывало сурово.

Под влиянием новых веяний из Москвы в Чехословакии (особенно в Словакии) развернулась широкая агитация кулаков и зажиточных крестьян за роспуск кооперативов. В Прешовской области Словакии выход из ЕСХК принял массовый характер, наблюдалась эта тенденция и в других районах страны^[205].

В начале сентября 1953 года Пленум ЦК КПЧ, подтвердив в общем правильность курса на коллективизацию сельского хозяйства, подчеркнул, что никакого нажима в деле вовлечения крестьян в кооперативы быть не должно. Говорилось о необходимости делать упор на материальную заинтересованность, а не на голую агитацию и администрирование.

Тем самым «новый курс» в Чехословакии стал реальностью. Так как доклад на пленуме ЦК 4 сентября 1953 года произнес Запотоцкий, то его и стали считать «чехословацким Маленковым» и «отцом нового курса» в ЧСР.

15 сентября 1953 года правительство ЧСР выступило со специальным заявлением, в котором были намечены меры по организационному и финансовому укреплению кооперативов. Конкретно было объявлено о существенном снижении норм обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции во второй половине 1953-го и в 1954 годах. Были также повышены закупочные цены на сельхозпродукцию и

расширено кредитование сельскохозяйственных производителей^[206]. Причем финансовая помощь предоставлялась как кооперативам, так и единоличникам.

Запотоцкий заявил, что новые кооперативы должны основываться только с «карандашом в руке» (то есть должны быть просчитаны экономические показатели будущего ЕСХК).

В декларации повторялась и бесспорно правильная мысль о необходимости ускоренного развития горнодобывающей отрасли и энергетики, чтобы обеспечить машиностроение сырьем и электроэнергией. А вот темпы развития машиностроения предполагалось немного снизить.

В июле 1953 года министр госбезопасности Карол Бацилек отдал приказ остановить акцию «К». Таким образом, централизованное переселение кулаков закончилось, но на уровне областей и районов отдельные случаи еще имели место. Однако если раньше выселением занимались национальные комитеты и суды, то теперь такое наказание могло быть применено лишь в судебном порядке. 18 января 1954 года ЦК КПЧ уже формально отменил «директиву трех министров» на том основании, что при выселении кулаков были случаи беззакония. Всего по акции «К» с октября 1951 по январь 1954 года в ЧСР было переселено 3-4 тысячи семей кулаков. Списки кулаков были уничтожены, и их разрешили принимать в кооперативы.

В 1957 году в стране осталась лишь 1251 семья «кулаков» (то есть владельцев более 20 га земли), в то время как в 1949 году их было 35 159.

1 октября 1953 года в Чехословакии было проведено снижение цен на продовольственные и промышленные товары, которое принесло населению экономию примерно в 4,5 миллиарда крон.

В 1953-1955 годах жизненный уровень населения Чехословакии рос стремительными темпами, например, в 1954 году личное потребление выросло по сравнению с 1953 сразу на 20 % (из-за неоднократного снижения цен в торговле), а в 1955 году уровень 1954 был превышен еще на 8 %^[207]. Росла и зарплата рабочих и служащих: только в 1954 году – сразу на 14 %, хотя планом этого и не предполагалось. Всего в 1953-1955 годах заработная плата росла в среднем на 4,5 % в год, составив в среднем в 1955 году 1197 крон в месяц (в 1953 – 1095 крон).

Еще больший рост, чем у рабочих, в 1953-1955 годах был характерен для доходов крестьян (ввиду повышения закупочных цен на сельхозпродукцию). Если в 1952 году доходы крестьян составляли в целом по стране 11,86 миллиарда крон, то в 1955 – 18,8 миллиарда^[208]. В 1955

году каждый занятый в аграрном производстве чех или словак в среднем получил 9,8 тысячи крон дохода (в 1952 – 6,4 тысячи). Причем быстрее всего росли доходы у членов кооперативов.

Из-за неоднократного снижения цен они упали в 1955 году на 82,3 % по сравнению с летом 1953 года. Особенно сильно подешевели промышленные товары (продовольствие и так было в ЧСР относительно недорогим, хотя и на продукты питания цены тоже немного снизились).

С 1955 года в ЧСР появились магазины самообслуживания (всего на пять лет позже, чем в Вене, но раньше, чем в других социалистических странах). В Праге возникли эксклюзивные, но абсолютно доступные по ценам, рестораны, например, пользовавшийся большой популярностью ресторан китайской кухни, который открылся в 1958 году^[209]. В 1954 году оборот розничной торговли вырос на 18,1 %, а потребление всех продуктов на душу населения в 1955-м прочно превзошло довоенный уровень, причем в Праге особенно сильно увеличилось потребление хороших вин, кофе, фруктов и овощей, в то время как потребление хлеба и картофеля начало снижаться.

Все эти меры, бесспорно, укрепили популярность КПЧ среди населения.

В конце 1953 года страна подводила итоги первой пятилетки. Уровень промышленного производства вырос на 93 % и вдвое превысил объемы 1937 года. Достигнутый за пять лет прирост был больше, чем за предыдущие 150 лет.

Напомним, что Италия в то время по-прежнему оставалась менее развитой в плане экономики, чем Чехословакия, а во Франции был голод.

Чехословакия прочно закрепилась в десятке самых развитых стран мира. По выплавке стали она занимала шестое место, по добыче каменного угля – 10-е. Если в 1948 году промышленность давала 56 % национального дохода, то в 1953 – 70 %.

Этот прирост был достигнут за счет мощных капиталовложений (83 миллиарда крон), из которых в промышленность было направлено 48,2 %^[210].

В 1949-1953 годах в ЧСР вступило в строй 12 электростанций, и вся электроэнергетика давала стране в 1953-м за четыре месяца столько же тока, сколько до войны за целый год. Очень важным было создание единой мощной линии электропередач, которая объединила все электростанции страны, сделав возможным маневр при распределении электроэнергии.

Добыча каменного угля (в строй вошли три новых шахты) достигла в 1953 году 54,7 миллиона тонн (в 1937 – 34,7 миллиона тонн).

Становой хребет чехословацкой экономики, черная металлургия, могла гордиться шестью новыми домнами, девятью мартенами, восемью электропечами, шестью блюмингами. Под Оставой был построен крупнейший в стране металлургический комбинат имени Готвальда.

Бурное развитие металлургии позволило серьезно повысить производство продукции машиностроения – главной экспортной отрасли ЧСР. За годы первой пятилетки были введены в эксплуатацию 24 новых машиностроительных завода. Выпуск машиностроительной продукции в 1948-1953 годах вырос в 3,3 раза^[211]. Причем теперь в ЧСР производились десятки изделий, которых раньше Чехословакия не делала: от угольных комбайнов для наклонных пластов до 40 новых типов металлорежущих станков, включая автоматические. Был изготовлен, например, гигантский карусельный станок, который мог обрабатывать детали диаметром 5 метров и весом 120 тонн.

Страна не забывала в годы первой пятилетки и о производстве предметов потребления. Было введено в строй 10 хладокомбинатов, 30 заводов по обработке молока, несколько хлебозаводов. В 1948-1953 годах легкая промышленность произвела продукции больше на 43 %, пищевая – на 83 %. Шелковых тканей, например, было произведено больше на 67 %.

Несмотря на определенный отток крестьян из кооперативов летом 1953 года, кооперативный сектор на селе укреплял свои позиции. В 1953 году ЕСХК третьего и четвертого типа обрабатывали вместе с госхозами 44 % пахотной земли (в 1948 – всего 3 %). Помощь кооперативам оказывали 255 МТС, у которых на вооружении было 19 тысяч тракторов, 20 тысяч сноповязалок, 819 зерноуборочных комбайнов. Коллективный сектор давал 51 % зерновых, 42 % молока и 46 % мяса.

Но предстоял еще трудный путь по дальнейшему кооперированию села, без которого добиться стабильного снабжения городов и предприятий на достигнутом уже высоком уровне потребления было невозможно.

Была полностью выполнена задача по ускоренной индустриализации Словакии и сокращению ее отставания от чешских земель в общем уровне экономического развития. В Словакии за годы пятилетки было построено 125 новых промышленных предприятий, реконструированы и модернизированы 109 уже существовавших заводов. В целом темпы развития промышленности в Словакии в 1949-1953 годах были на треть выше, чем и так высокие темпы роста в Чехии. В 1953 году словацкая промышленность превзошла уровень 1937 года в 4,5 раза, а уровень 1948 –

в 2,4 раза. Только в 1952 году словацкая промышленность подросла на 20,9 %^[212].

В 1950 году Словакия получила 23,3 % всех капиталовложений.

Но если в экономике с лета 1953 года началась «оттепель», то в политике это пока не очень проявлялось.

С сентября 1953 по январь 1954 года в шести процессах были осуждены за измену и шпионаж высокопоставленные чиновники МВД и госбезопасности, арестованные еще по «делу Сланского»: Освальд Заводский (ветеран гражданской войны в Испании, был арестован еще в январе 1951 года), бывший заместитель министра внутренних дел Йозеф Павел (командир батальона имени Димитрова в Испании) и еще восемь человек. Причем Заводский был приговорен к смертной казни, а Павел – к 25 годам лишения свободы^[213]. На сей раз процесс был тайный, и Заводского повесили 19 марта 1954 года. Он стал последней невинной жертвой репрессий, подвергшейся казни.

Пленум ЦК КПЧ в декабре 1953 года призвал энергично бороться против влияния буржуазной идеологии и пережитков социал-демократизма в партии.

Поразительные успехи Словакии в экономике контрастировали с напряженной политической обстановкой в республике, которая была создана во многом искусственно.

Когда умер Сталин, в тюрьмах ЧСР томились сотни людей, арестованных начиная с 1949 года либо как «филдисты», либо по «делу Сланского». Новое чехословацкое руководство оказалось перед очень сложной дилеммой: если выпустить арестованных, то необходимо было реабилитировать Сланского, которого повесили всего пару месяцев тому назад и процесс которого очень широко освещался в СМИ.

Так как процесс Сланского готовили под руководством советников из Москвы, то возможную реабилитацию следовало согласовать с новым советским руководством, которое пока ничего не могло решить, поскольку в Москве разгоралась борьба за власть между Берией и остальными членами Президиума ЦК КПСС.

Если же реабилитировать «филдистов», то под сомнение ставился процесс Райка в Венгрии, также срежиссированный под руководством советских советников.

Что касается Сланского, в его деле было ведь и письмо от американцев (подготовленное, как мы помним, разведцентром ОКАРІ), и многие члены

руководства КПЧ и в самом деле думали, что бывший генеральный секретарь хотел сбежать на Запад.

Наконец, немедленный пересмотр процесса Сланского мог бы привести к волнениям в стране, так как смена прежнего курса на прямо противоположный была бы слишком резкой.

В этих условиях новое коллективное руководство КПЧ (Запотоцкий – Новотный – Широкий) решило продолжить осуждение сидящих в тюрьмах «сторонников Сланского», хотя уже и без смертных приговоров.

В мае 1953 года прошел «процесс дипломатов», главными обвиняемыми на котором были бывший посол ЧСР в Израиле и Швеции Эдуард Гольдштюкер, посланник в Турции Карел Доуфек и советник чехословацкого посольства в Лондоне Павел Каван. Государственный обвинитель требовал для Гольдштюкера смертного приговора, но ему дали пожизненный срок и отправили на урановый рудник^[214].

После снятия Владимира Клементиса с поста министра иностранных дел начались аресты видных деятелей компартии Словакии, которых вместе с Клементисом огульно обвинили в «буржуазном национализме». В феврале 1951 года был арестован видный деятель Словацкого национального восстания Густав Гусак. Кроме него оказались за решеткой практически все руководители словацкой компартии: Ладислав Новоместский (депутат Национального собрания в феврале 1951 года сложил полномочия, и его кресло занял молодой словацкий политик Александр Дубчек), Иван Хорват (в 1948-1950 годах – посол в Венгрии), Даниэль Окали, Ладислав Годош. Гусак был главным обвиняемым среди «буржуазных националистов».

В апреле 1951 года Сланский, тогда еще генеральный секретарь ЦК КПЧ, заявил: «в... банде шпионов и предателей объединились чешские и словацкие буржуазные националисты. Чешские националисты Шлинг и Швермова и словацкие националисты Клементис, Гусак и Новоместский»^[215]. После ареста Сланского сценарий процесса над «националистами» был переписан, и их «отрядили» в заговорщицкий центр самого Сланского.

Причем сразу после ареста Сланского были арестованы словаки из рядов госбезопасности, например заведующий отделом безопасности ЦК компартии Словакии (КПС) Оскар Валашек.

Генеральный секретарь ЦК КПС Баштованский после вынесения приговора Сланскому покончил жизнь самоубийством.

Интересно, что обвинения против «словацких буржуазных

националистов» фабриковались под руководством еще одного словака – министра госбезопасности Карола Бацилека.

В конце концов, Гусака и его «подельников» обвинили в том, что под руководством Сланского и западных империалистов они готовили отторжение Словакии от ЧСР, чтобы «вбить клин между Чехией и СССР»^[216]. Однако Гусак не сдался и отказался признаться в чем-либо. Даже когда он не выдерживал мучений и давал показания, то затем всегда отказывался от них. Возможно, то что Гусак так долго держался, спасло ему и другим обвиняемым жизнь – процесс так и не состоялся до смерти Сталина, а потом в ЧСР уже, как правило, не казнили.

Гусака, в частности, попытались обвинить во вредительской деятельности в аппарате уполномоченного по внутренним делам Словакии (уполномоченными назывались министры автономного словацкого правительства – Корпуса уполномоченных). Обвинили его и в том, что он хотел протащить сепаратистские положения в конституцию 9 мая 1948 года.

4 марта 1954 года проект обвинительного заключения был представлен на утверждение ЦК КПЧ. Сам судебный процесс состоялся 21-24 апреля в Братиславе.

Густава Гусака приговорили к пожизненному заключению. Ивану Хорвату дали 22 года, Даниэлю Окали – 18 лет, Ходошу – 13 лет, Новоместскому – 10 лет.

После окончания процесса ЦК КПЧ решило, что в руководстве компартии Словакии не должно быть популярных политиков общегосударственного масштаба, какими были осужденные.

Но «словацкий процесс» был, к сожалению, не единственным.

В январе 1954 года на шести тайных процессах была осуждена группа «заговорщиков» из среды военных. В жернова юстиции попали генералы Дрнец и Дргач (бывший начальник генштаба), а также ветераны войны в Испании Громадко и Антонин Свобода.

В том же месяце пришла очередь арестованных в 1950-1951 годах партийных деятелей, которых, видимо, не смогли объединить в какую-либо «группу заговорщиков». Прокурор потребовал для главной обвиняемой Марии Швермовой смертной казни, но суд приговорил ее «всего лишь» к пожизненному заключению.

В феврале 1954 года суд рассматривал дело «большого троцкистского совета», куда попали политики второго эшелона. Смертных приговоров не было вынесено, однако один из осужденных, Олдржих Черны, умер в

тюрьме, так как ему не оказали вовремя медицинской помощи^[217].

В июле и августе 1954 года прошел процесс над «экономистами», которых обвинили в саботаже чехословацкой экономики. Самым высокопоставленным из обвиняемых был Йозеф Смирковский, заместитель министра сельского хозяйства, к компетенции которого относилось управление всеми госхозами. Смирковский (родился в 1911 году) был одним из руководителей майского восстания в Праге в 1945 году. Во время февральских событий 1948 года он фактически возглавлял Народную милицию и сыграл большую роль в победе коммунистов. Смирковского выпустили на свободу уже в 1955 году (он находился в заключении с 1951-го).

Процесс «экономистов» был последним из серии судов над «сторонниками Сланского». Но и в последующие месяцы судили отдельных партийных и государственных деятелей (уже не столь известных), ряд которых арестовали еще в 1949 году как «филдистов». Последним в череде жертв оказался профессор-экономист Оутрата, который должен был занять свое место на скамье подсудимых еще на «процессе экономистов», но заболел и был осужден лишь в ноябре 1954 года. Оутрата не дождался близкой уже реабилитации и умер в тюрьме в 1962 году.

В 1954 году оттепель в СССР уже была более чем заметной, и началась она для всего мира с переосмысления отношений между Москвой и Белградом. В советских газетах перестали именовать Тито «американским лакеем» и «поросенком, который хлебает из американского корыта». Если с 1948 года Югославию в СССР называли «военно-фашистской диктатурой», то в октябре 1954 «Правда» отметила 10-летие освобождения Белграда Красной армией и подчеркнула «братство между народами социалистической Югославии и Советского Союза».

В декабре 1953 года американский агент Святло из польской госбезопасности перебежал на Запад и стал выступать по радио, живописуя ужасы коммунистического террора. Святло умер в 1994 году (правительство США официально сообщило об этом лишь в 2010), и документы ЦРУ о нем на момент, когда пишутся эти строки, все еще засекречены.

В сентябре 1954 года из польской тюрьмы освободили Гомулку, а также Германа Филда и всех «филдистов».

Но закончилась операция «Раскол» там же, где и началась в 1949 году, – в Венгрии. В июле 1954 года в Будапеште была реабилитирована «группа заговорщиков», в которую входили будущие руководители Венгрии

после 1956-го – Янош Кадар и Геза Лошонци. В августе и сентябре из тюрем выпустили уцелевших осужденных по «делу Райка». 3 октября 1954 года ЦК венгерской компартии официально признал приговоры против Райка и его товарищей несправедливыми. Наконец, в ноябре 1954 года выпустили и реабилитировали Ноэля и Герту Филд. Причем все трое Филдов получили за пребывание в тюрьме от правительств Венгрии и Польши очень большую по тем временам компенсацию – по 40 тысяч долларов.

Герман Филд вернулся в Америку, где издал мемуары «Попавшие в западную „холодной войны“: муки американской семьи». Однако Ноэль и Герта предпочли остаться в Будапеште – в США они опасались преследований за свои коммунистические убеждения. Позднее Ноэль Филд говорил, что те, кто его допрашивал в тюрьме, искренне верили в его вину, поэтому он не хотел бы осуждать этих людей. Филд сохранил свои коммунистические взгляды до конца жизни и в 1956 году поддержал действия советских войск, подавивших восстание против социализма в Венгрии.

Ноэль Филд скончался в 1970 году, жена пережила его на 10 лет.

Даллес мог быть полностью удовлетворен итогами операции «Раскол» именно в Чехословакии, где репрессии затронули самую большую часть руководства страны из всех восточноевропейских союзников Советского Союза и продолжались дольше всего по времени. Были арестованы более 160 тысяч коммунистов, почти 10 % всей компартии Чехословакии.

Став в 1953 году директором ЦРУ, Аллен Даллес приступил к выполнению второй части своего далеко идущего плана по дестабилизации СССР и его союзников: подорванные изнутри и дискредитированные вовне репрессиями страны Восточной Европы должны были быть «освобождены» с помощью организованных при поддержке ЦРУ «народных восстаний».

Однако занятые разработкой стратегии «освобождения поработенных народов» американцы проспали как события в Пльзени 1 июня 1953 года, так и более мощные по размаху выступления рабочих в ГДР 16-17 июня 1953, тоже вызванные экономическими причинами.

В Вашингтоне узнали о беспорядках в Пльзени лишь спустя несколько дней после того, как они закончились. Впервые о них сообщило в своей депеше американское посольство в Праге 5 июня 1953 года^[218]. Причем посольство говорило о слухах («буря в Пльзени», «осадное положение в Острове»), которые не могло толком ни подтвердить, ни опровергнуть.

В какой-то степени столь вопиющее незнание обстановки в стране

было следствием вялой работы прежнего посла Бриггса, но сменил его в Праге еще более странный персонаж с явно комическими чертами.

Джордж Уодсворт (родился в 1893 году) был инженером-химиком по образованию. Ему понравилось делиться знаниями с окружающими, и в 1914-1917 годах он преподавал в Американском университете в Бейруте. В 1917 году Уодсворт поступил на дипломатическую службу. Вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 года застало его в Риме, где он организовывал эвакуацию посольства США после того, как Муссолини по примеру Гитлера объявил Америке войну. После возвращения в США Уодсворта назначили первым послом США в Сирии и Ливане, что не имело практического значения, так как эти страны фактически были колониями Франции.

После войны Уодсворт был послом в Ираке, Турции и Саудовской Аравии, откуда его, специалиста по Ближнему Востоку, и перебросили в Чехословакию в 1952 году. Уодсворт был дипломатом классической школы, что означало нелюбовь ко всем занятиям, за исключением светских приемов и игры в гольф. Позднее госдепартамент даже был вынужден провести служебное расследование деятельности Уодсворта в Праге, во время которого выяснилось, что посол бывает на работе обычно лишь с 16:00 до 20:00, а также весьма свободно говорит об американских служебных тайнах с чехословацкими чиновниками. Уже в 1953 году Уодсворта отозвали, и он отправился послом в Йемен.

Уодсворта сменил американец шведского происхождения Алексис Джонсон (родился в 1908 году), который был на дипломатической службе с 1935 года. Если Уодсворт был специалистом по Ближнему Востоку, то Джонсон – по Дальнему (он работал в Китае, Южной Корее и Японии). После войны он даже курировал в госдепартаменте весь Дальний Восток как заместитель госсекретаря. Однако Чехословакия была для Джонсона абсолютной *terra incognita*. Если США и хотели показать Праге свое пренебрежительное отношение, то выбор послов подходил для этого как нельзя лучше.

Но реальную политику в отношении Восточной Европы начиная с 1953 года делали уже братья Даллесы, и в этой политике дипломатии отводилась самая незначительная роль.

Между тем, как уже упоминалось, 30 октября 1953 года была, наконец, одобрена директива СНБ о политике США по отношению к Восточной Европе (NSC 162/2). В основном в ней содержались положения из доклада «группы А», образованной по плану «Солярий». Однако для братьев Даллесов любые директивы имели значение лишь постольку, поскольку

они не мешали им проводить собственную линию.

В декабре 1953 года на свет появилась новая директива СНБ (NSC 174), касавшаяся уже только Восточной Европы. В ней содержалось положение о необходимости борьбы за «свободу поработанных народов Восточной Европы», так как этот регион имеет большое стратегическое значение для СССР, а главной целью американской политики было максимальное ослабление Советского Союза. В директиве говорилось: «... ликвидация доминирующего советского влияния на страны-сателлиты отвечает принципиальным интересам Соединенных Штатов»^[219]. При этом признавалось, что добиться этой цели с согласия СССР или путем военного конфликта с Советским Союзом нереально.

Беспорядки в ГДР и ЧСР тоже были, с точки зрения США, слишком слабыми, чтобы привести к «освобождению сателлитов», но эти события следовало использовать в американских интересах.

В директиве СНБ NSC 158, принятой в июне 1953 года по горячим следам событий в ГДР и ЧСР, констатировалось: «Даже если нынешние трудности в европейских странах-сателлитах не означают начала более серьезных антикоммунистических и националистических мятежей в советской империи, они, вне всяких сомнений, дают самую многообещающую возможность для американского политического и психологического наступления против советской мощи в регионе»^[220].

Причем после появления братьев Даллесов на официальных постах США уже не хотели ограничиваться антикоммунистической радиопропагандой и сбором разведывательной информации. Отныне речь шла уже о самой настоящей войне, хотя и чужими руками.

15 марта 1954 года была принята директива СНБ NSC 5412, согласно которой для дестабилизации советского влияния в Восточной Европе предполагалось «создать в странах, захваченных коммунистами или находящимися под угрозой международного коммунизма, тайные группы сопротивления, поощрять их тайные или партизанские операции и обеспечить их готовность на случай войны»^[221].

Правда, американцы втайне дебатировали окончательный текст этой директивы практически целый год, и ее окончательная версия NSC 5412/2 была одобрена Эйзенхауэром лишь 28 декабря 1955 года – под говорящим за себя названием «Директива Совета национальной безопасности по тайным операциям»^[222].

Для организации этих тайных подрывных операций против СССР и стран Восточной Европы при СНБ в 1955 году был образован особый

орган – специальная группа 5412, или просто Специальная группа. Состав группы определялся президентом, но туда постоянно входили директор ЦРУ и высшие должностные лица госдепартамента и министерства обороны. Обычно повестку дня заседаний группы, которая одобряла ту или иную тайную операцию, определял директор ЦРУ, в то время – Аллен Даллес.

Выполнение тайных операций возлагалось на ЦРУ, но так, чтобы в случае раскрытия правительство США могло от них откеститься. Эйзенхауэр требовал от Даллеса любой ценой избежать прямой военной конфронтации с СССР.

Но еще в феврале 1953 года, едва вступив на пост президента, сам же Эйзенхауэр решил создать из восточноевропейских эмигрантов что-то наподобие французского Иностранного легиона. Именно эти военные формирования должны были в случае кризисной ситуации вторгнуться с территории ФРГ в страны Восточной Европы и разжечь там полномасштабное вооруженное восстание. Проект назвали Добровольческий корпус свободы (Volunteer Freedom Corps). Конкретные вопросы формирования этого корпуса разрабатывала экспертная группа при СНБ во главе с генералом Криттенбергером. Кадры корпуса предполагалось набирать из все тех же «перемещенных лиц», среди которых было много пособников нацистов. Многие из них в то время работали на армию США в Европе и жили в трудовых лагерях. Они были объединены в рабочие батальоны и представляли собой почти готовые воинские части, оставалось только дать этим людям оружие.

Еще раньше, в 1951 году, США хотели создать из бывших советских граждан и белоэмигрантов целую армию в 50 тысяч человек для «освобождения СССР».

В начале 1953 года Эйзенхауэру виделась уже армия численностью в 250 тысяч человек (больше по численности, чем вся Чехословацкая народная армия). Приманкой для службы в корпусе было обещание предоставить позднее добровольцам американское гражданство. Эйзенхауэр считал, что финансировать корпус должны страны Западной Европы – тем самым можно добиться экономии американских расходов на борьбу с мировым коммунизмом. Когда на заседании СНБ были высказаны опасения, что французы побоятся «провоцировать Советский Союз», Эйзенхауэр лишь отмахнулся: вербуют же французы бывших солдат вермахта в свой иностранный легион.

20 апреля 1953 года комиссия Криттенбергера представила свои соображения в поддержку корпуса, который должен был стать «факелом

надежды» для антикоммунистического сопротивления в странах Восточной Европы. Создание корпуса также должно было побудить к дезертирству солдат и офицеров восточноевропейских армий. Правда, из-за опасений негативной реакции со стороны СССР Криттенбергер был против открытого призыва к дезертирству^[223]. Первые шесть батальонов корпуса должны были быть сформированы и обучены в течение ближайших 15 месяцев.

Конгрессмен Чарльз Керстен добился принятия поправки к Акту о взаимной помощи, согласно которой на формирование воинских частей из граждан стран Восточной Европы отпускалось 100 миллионов долларов.

Однако министерство обороны США после первоначального всплеска оптимизма отнеслось к планам создания иностранных частей скептически, считая, что они могут выродиться в группы наемников и дискредитировать американский флаг. К тому же военные боялись, что коммунисты проникнут в легион и смогут настроить его солдат против своих командиров.

Госдепартамент также боялся всякого рода осложнений: ведь получалось, что США формируют вооруженные силы против тех государств, с которыми поддерживают нормальные дипломатические отношения. В придачу американские дипломаты предрекали всплеск межэтнических конфликтов в корпусе, например между чехами и словаками. Да и население ФРГ и Австрии (где и планировалось создавать корпус), по оценкам госдепартамента, хотело, чтобы эмигранты (особенно славяне), наоборот, быстрее убрались из их стран.

Но главный удар по планам «корпуса свободы» нанесли европейские союзники США. Канцлер ФРГ Аденауэр не хотел размещать это незаконное формирование на своей территории, по крайней мере, до выборов в бундестаг, которые были намечены на сентябрь 1953 года. Англия и Франция ясно дали понять Эйзенхауэру, что их общественное мнение будет против. Президент США отказался было от своей идеи, но потом (после беспорядков в ГДР в июне 1953 года) вернулся к ней вновь в октябре того же 1953-го, когда Аденауэр выиграл парламентские выборы. Американцы даже пообещали взять на себя финансирование.

Через год Эйзенхауэр направил в Западную Европу Криттенбергера, который должен был в очередной раз попытаться убедить союзников, прежде всего Париж и Лондон, но англичане и французы по-прежнему относились к идее корпуса прохладно. Чтобы избавиться от надоевших ему сомнений госдепартамента, Эйзенхауэр в сентябре 1954 года взял формирование корпуса под свой личный контроль. Но и сотрудники

аппарата Белого дома не питали в отношении этого плана никакого энтузиазма.

Тем не менее Эйзенхауэр продолжал добиваться реализации своей «любимой идеи» (так ее называл помощник президента по национальной безопасности Роберт Катлер), и в 1955 году в Западную Европу был направлен еще один американский генерал для обработки союзников по НАТО. Но этот генерал пришел к выводу, что «подходящего боевого материала» среди «перемещенных лиц» мало. К этому времени большинство из примерно миллиона «перемещенных лиц» эмигрировали из Европы, и никакого желания воевать не испытывали.

Но Эйзенхауэр не унимался и требовал, чтобы создали хотя бы кадры будущей армии, которую в случае кризисов в Восточной Европе можно было бы быстро пополнить из тамошнего населения. Ввиду явной оппозиции Англии и Франции президент США хотел обратиться к фашистскому диктатору Испании Франко с просьбой принять у себя будущий «корпус свободы».

В беседе с упоминавшимся выше конгрессменом Керстином в 1954 году Аденауэр согласился было принять корпус, но потом он задумал нормализовать отношения с Москвой и решил зря русских не провоцировать. В 1955-м канцлер ФРГ уже говорил, что «идею еще надо тщательно обдумать».

Однако провал планов создания «корпуса свободы» не помешал ЦРУ продолжать набор восточноевропейских эмигрантов в свои разведывательно-диверсионные группы. Речь идет об операции Red Sox/Red Cap, которую разработали упоминавшийся выше Фрэнк Визнер и начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон. Эмигрантов обучали военному и диверсионному делу в Западной Германии, и в случае возникновения в странах Восточной Европы кризисных ситуаций эти группы должны были быть немедленно десантированы за «железный занавес». ЦРУ было готово организовать из ФРГ воздушный мост для быстрой переброски «борцам за свободу» оружия, боеприпасов и средств связи^[224]. В качестве целей операции Red Sox/Red Cap фигурировали Венгрия, Польша, Румыния и Чехословакия.

Не собирались американцы и ослаблять накал психологической войны. Советник президента по соответствующим вопросам Джексон подвел в начале 1953 года итоги предыдущей деятельности США в этом направлении и признал их неудовлетворительными. Джексон делил пропаганду против стран Восточной Европы на «белую», то есть официальную («Голос Америки»), «серую» – связанную с властями США,

хотя и формально независимую (радиостанция «Свободная Европа») и «черную» – радиостанции и слухи по каналам ЦРУ, источник которых якобы вообще никак не был связан с США.

Джексон подверг критике передачи радио «Свободная Европа», так как на ее волнах часто работают эмигранты, «дискредитированные и слишком старые для того, чтобы они могли играть какую-нибудь роль в своих освобожденных странах»^[225].

В 1954 году газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила результаты опроса ста десяти молодых беженцев из Восточной Европы. Все они охарактеризовали передачи «Свободной Европы» либо равнодушно, либо презрительно. Американское посольство в Праге констатировало, что много чехов и словаков прекрасно сознавали подрывной и враждебный характер передач «Свободной Европы». Причем многим особенно не нравился антисоветский характер передач – престиж СССР среди населения Чехословакии был по-прежнему высок^[226]. У многих слушателей складывалось впечатление, что они всего лишь пешки в борьбе Вашингтона против Москвы.

Организованные в начале 50-х годов разные советы, объединявшие восточноевропейскую эмиграцию, были, по мнению Джексона, заняты исключительно внутренней грызней и скорее играли на руку коммунистам.

По иронии судьбы чехословацкая эмиграция попала в США еще и под огонь критики конгрессменов-мракобесов, вроде Маккарти, Керстена и иже с ними. В 1954 году Рипку и Зенкла вызвали повесткой на заседание сенатского подкомитета по международной безопасности, который возглавлял сторонник Маккарти, сенатор от Индианы Уильям Дженнер. Он критиковал Зенкла и Рипку за то, что они до 1948 года сотрудничали с коммунистами в Чехословакии.

Бывшему видному деятелю народной партии Иво Духачеку, которого советское посольство в Праге до февраля 1948 года справедливо считало одним из самых проамериканских и антисоветских политиков ЧСР, не дали американское гражданство, хотя его активно поддерживал Джексон. Причина была та же – участие партии Духачека и его самого в правительстве Национального фронта вместе с коммунистами. Духачека даже пригласили на беседу в министерство юстиции США и процитировали его статью 1944 года, в которой он ратовал за сотрудничество с СССР. Американцев несколько не смущало, что тогда такую же позицию занимал и президент США Франклин Рузвельт.

Упомянувшийся выше сенатор Керстен (выбивший 100 миллионов на

«корпус свободы») вообще делал ставку на словацкую клерикально-фашистскую эмиграцию, деятели которой, например Дурчанский, сбегали вместе с немцами в 1944-1945 годах и одинаково ненавидели как коммунистов, так и сторонников Бенеша или Зенкла. В свою очередь, эти люди еще при Бенеше были объявлены в ЧСР военными преступниками, причем по этому вопросу среди партий Национального фронта никогда не существовало ни малейших разногласий.

В июле 1951 года Керстен внес на рассмотрение конгресса проект резолюции по Чехословакии. Помимо обычной критики «тоталитарного чехословацкого режима» там выражалось и сожаление по поводу запрета в ЧСР в 1945 году Людацкой партии, правившей в 1939-1945 годах в Словакии, когда та воевала против Антигитлеровской коалиции. Зато в резолюции была раскритикована словацкая Демократическая партия, и опять-таки за сотрудничество с коммунистами в 1945-1948 годах. При этом бывший председатель этой партии Леттрих стоял вместе с Зенклом во главе Совета свободной Чехословакии, созданного самими же американцами. Керстен дошел до того, что ставил в своей резолюции под вопрос территориальную целостность Чехословакии, которая после освобождения от тоталитарного режима должна была разделиться на Чехию и Словакию в соответствии со свободной волей словацкого народа. Совет свободной Чехословакии заявил протест и потребовал, чтобы Керстен изменил формулировки своей резолюции, но сенатор этот протест проигнорировал.

Между тем разложить послефевральскую эмиграцию пытались и чехословацкие власти. В начале 1955 года в ЧСР возникло «Движение эмигрантов за возвращение домой». 2 июня 1955-го был учрежден специальный Комитет помощи лицам, возвращающимся в Чехословакию. Эта пропаганда находила среди многих эмигрантов питательную почву, поскольку, по оценкам самих же американских властей, в Европе – прежде всего в ФРГ – тогда в тяжелейших социально-экономических условиях жили 50-70 тысяч восточноевропейских эмигрантов, в том числе и примерно пять тысяч бывших граждан ЧСР. Причем половина чехов и словаков из этого числа, по оценкам американцев, не имели никакого будущего на Западе, так как были либо пожилыми, либо больными людьми. Американцы в марте 1955 года считали, что примерно 25 % чехов и словаков, живших в лагерях для эмигрантов, готовы вернуться за «железный занавес».

На рождество 1954 года многие эмигранты получили по почте письма, в которых описывались красоты покинутой ими родины. С февраля 1955 года беженцы из ЧСР стали получать брошюры упомянутого выше

движения за возвращение домой. Летом 1955-го чехословацкие посольства в западных странах закупили на правах рекламы место в СМИ, например в «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», и опубликовали описание процедур, необходимых для возвращения на родину^[227].

Многие эмигранты получили в лагерях письма от родственников, которые призывали их вернуться на родину. 9 июня 1955 года Чехословакия провозгласила амнистию для всех эмигрантов^[228]. Однако она не распространялась на сотрудников радиостанции «Свободная Европа» и членов Совета за свободную Чехословакию.

Американцы пытались организовать контрпропаганду, утверждая, что всех возвратившихся ждут репрессии. В США при этом ссылались на «дело Лаушмана».

Бывший министр промышленности ЧСР социал-демократ Богумил Лаушман (в 1947 году избранный председателем партии) после февральских событий 1948-го стал вице-премьером в правительстве Готвальда, но уже в июне того же года его политическая деятельность была прекращена. Амбициозный Лаушман очутился на не очень престижном посту директора словацких электростанций в Братиславе. При объединении коммунистической и социал-демократической партий Лаушмана в КПЧ не приняли, да он на этом и не настаивал. В 1949 году Лаушман эмигрировал в Югославию, а потом жил в Австрии, в Зальцбурге. 23 декабря 1953 года он исчез (на столе осталась полупустая бутылка бренди и два стакана) и объявился 15 мая 1954-го на пресс-конференции в Праге, где заявил, что вернулся в страну добровольно. Лаушман каялся за прошлые грехи и критиковал Югославию и Запад.

Но на самом деле его похитили сотрудники госбезопасности ЧСР (австрийские граждане Гюнтер, Хаке и Козак). Гюнтер знал Лаушмана и добавил в его стакан с бренди специальный препарат, парализовавший волю бывшего министра. Затем его на машине отвезли в Вену, а уже оттуда на автомобиле с дипломатическим номером – в ЧСР^[229].

В 1956 году Лаушмана осудили на 17 лет. В 1963-м он умер при загадочных обстоятельствах в рузинской тюрьме Праги. Были, правда, и сведения о том, что Лаушмана подозревали в тайной работе на ЧСР американцы и он, опасаясь ареста, возвратился на родину по собственной воле.

В 1955 году на родину вернулось примерно триста чехов и словаков, в том числе 140 из ФРГ, 37 – из Канады, 18 – из Австрии, 13 – из Великобритании, 11 – из Бразилии, 6 – из США и 4 – из Франции.

Американцы пытались препятствовать довольно успешной чехословацкой пропаганде среди эмигрантов тем, что в мае 1955-го консульство США в Мюнхене получило указание благосклонно рассматривать прошения чехословацких эмигрантов о получении визы в США.

Чтобы как-то вдохнуть жизнь в вялую восточноевропейскую эмиграцию (ее деятели потеряли уже всякую надежду на «освобождение» своих стран с помощью США), 20 сентября 1954 года с большой помпой было объявлено об учреждении единой организации всех эмигрантов из стран Восточной Европы – Ассамблеи поработанных европейских народов (была известна больше под своей английской аббревиатурой ACEN – Assembly of Captive European Nations). В ассамблею вошли эмигрантские организации Албании, Болгарии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Румынии, Венгрии и Чехословакии (Союз свободной Чехословакии).

Организация именовала себя «рупором» всех «поработанных народов» и их легитимным представителем на Западе. Целью ассамблеи было «освобождение» Восточной Европы – правда, мирными средствами. Американцы специально назвали свое новое творение «ассамблеей», чтобы напрашивалась аналогия с главным органом ООН. По этой же причине штаб-квартирой организации стал Нью-Йорк, а заседания ACEN проходили параллельно с заседаниями Генеральной Ассамблеи ООН.

Американцы попытались сделать ассамблею еще и органом Совета Европы – организации, занимавшейся контролем над соблюдением прав человека в Старом свете. С этой целью было оказано сильное давление на Францию. В апреле 1955-го Париж нехотя разрешил проведение заседания Ассамблеи поработанных народов в Страсбурге – городе, где располагались органы Совета Европы.

Однако с самого момента основания ACEN раздирали противоречия между ее отдельными национальными советами и комитетами (например, венгры-эмигранты ненавидели чехов и словаков, и это было взаимно). Поэтому на США (ЦРУ и госдепартамент) легла еще и нелегкая задача удерживать ассамблею от распада, что достигалось самым проверенным методом – все руководящие деятели национальных эмигрантских советов получали от правительства США ежемесячную заработную плату (400-600 долларов).

Так как ставка на эмигрантов явно не срабатывала, советник Эйзенхауэра Джексон решил вдохнуть в психологическую войну против Восточной Европы новую жизнь и начал, по американской традиции, с образования нового специального органа при СНБ – Совета по координации операций (Operations Coordinating Board). Коренным образом

была перестроена деятельность официальной пропагандистской службы: бывшие подразделения госдепартамента и других ведомств были объединены в Информационном агентстве Соединенных Штатов (United States Information Agency, ЮСИА). В ведение ЮСИА с марта 1954 года перешел «Голос Америки».

Что касается «серой» пропаганды, то с 1953 года компанию «Свободной Европе» составило радио «Свобода», работавшее против СССР.

Однако помимо радиопропаганды на Чехословакии решили «обкатать» еще одно новое средство психологической войны.

13 июля 1953 года был дан старт операции «Просперо». За четыре дня в Чехословакию на воздушных шарах из ФРГ было заброшено 10 миллионов листовок (по одной на каждого взрослого жителя страны). Воздушные шары были резиновыми и пластиковыми. Резиновые лопались в воздухе, и листовки сыпались на землю. Пластиковые приземлялись неповрежденными.

С помощью этой операции американцы запоздало попытались оживить протесты в Пльзени, Остраве и других рабочих районах ЧСР. Текст одной из листовок объяснял, что Чехословакия не одна и протесты вспыхнули якобы во всех странах социалистического лагеря. Особую надежду возлагали на листовку в виде новой банкноты с надписью: «Люди называют ее голодная крона, подарок Советского Союза. Это символ режима безнадежности, пятилетнего упадка... Сегодня требуйте уступок! Завтра придет свобода!»^[230]

Таким образом, денежную реформу 1953 года попытались свалить на СССР, а рабочим рекомендовали начинать с экономических требований в надежде, что акции протеста перерастут в стихийное восстание.

Однако никаких новых беспорядков не возникло: люди были успокоены снижением цен и прекращением нажима в деле создания новых кооперативов на селе. Чехословакия заявила официальный протест ФРГ, и Аденауэру крыть было нечем. К тому же ЧСР занялась весьма креативной контрпропагандой, заявив, что на всех пропагандистских материалах есть болезнетворные бактерии и что баллоны – средство не только пропагандистской, но и бактериологической войны.

Однако американцы были довольны результатами операции «Просперо» с чисто технологической точки зрения – баллоны сбрасывали листовки точно над заданными населенными пунктами, а власти ЧСР ничего не могли с этим поделать.

В 1954-м американцы провели против Чехословакии операцию

«Вето», которая, в отличие от предыдущей, не представляла собой отклика на какие-то конкретные события в ЧСР. На сей раз в листовках формулировались 10 требований, которые чехи и словаки совместно должны были предъявить властям. Причем сначала, в апреле 1954-го, американцы сбросили на ЧСР три миллиона листовок, на каждой из которых была только цифра «10». Этим предполагалось возбудить интерес населения, заинтриговать его. Затем в начале мая на Чехословакию обрушилось сразу 20 миллионов листовок, где и были за чехов и словаков сформулированы крайне важные для них требования: свободные выборы, право крестьян на выход из кооперативов, повышение заработной платы, снижение обязательных поставок государству сельхозпродукции.

Вместе с листовками сбросили красочный журнал Free Europe («Свободная Европа»), где завлекательные фото рисовали райскую картину жизни в «свободном мире». Например, читатели могли увидеть ультрасовременную кухню в Западном Берлине, витрину продовольственного магазина в Париже, западногерманские картофелеуборочные комбайны и т. д.

Третий этап операции «Вето» проходил в июле – сентябре 1954 года и был посвящен только крестьянам. Целью была попытка развалить сельхозкооперативы и тем самым сорвать жатву. Поэтому эту часть «Вето» назвали «Жатва самообороны» (Harvest of Self Defense). «Обороняться» крестьяне должны были, естественно, против коллективизации.

Всего за пять месяцев – с апреля по сентябрь – на Чехословакию был сброшен 41 миллион листовок, брошюр и журналов. Затем такие же акции повторили в отношении Венгрии (октябрь 1954 года, операция «Фокус») и Польши (февраль 1955-го, операция «Спотлайт»).

Итого в Восточную Европу в 1953-1956 годах попало более 250 миллионов американских листовок^[231].

Однако никакого восстания в Чехословакии не случилось. Рабочие были удовлетворены мерами по снижению цен, а крестьяне – правом выходить из кооперативов по своему усмотрению.

В 1954 году было проведено еще одно снижение цен, охватившее более 60 тысяч наименований продуктов и промышленных товаров. Теперь килограмм хлеба стоил 2,6 кроны (после денежной реформы в июне 1953 года – 2,8), говядина осталась на том же уровне – 25 крон за килограмм, рис вместо 28 крон за килограмм теперь можно было приобрести за 19.

Однако социальные подарки населению сильно подорвали плановое развитие чехословацкой экономики, которое в 1954-1955 годах и так практически отсутствовало. Было решено начать вторую пятилетку с 1956

года, чтобы скоординировать ее с очередным советским пятилетним планом. В 1954-м и 1955-м страна жила по годовым планам без всякой долгосрочной перспективы.

В начале 1954 года в Москве стало наблюдаться ослабление позиций Маленкова и рост влияния Хрущева. Последний критиковал Маленкова за «новый курс», забвение тяжелой промышленности и излишний популизм. В Чехословакии Хрущев опирался на своего коллегу Новотного и поддерживал рост его авторитета. «Козлом отпущения» за навязанный из Москвы ЧСР «новый курс» стал президент ЧСР Запотоцкий. 6-8 апреля 1954 года его подвергли критике в Москве, что заметно отразилось на расстановке сил в чехословацком партийно-государственном руководстве.

11-14 июня 1954 года в Праге проходил X съезд КПЧ, 1393 делегата которого представляли 1 489 234 члена партии (примерно столько же коммунистов было и на февраль 1948-го). Гостем съезда был Н. С. Хрущев, рассказавший, в числе прочего, о своих усилиях по подъему сельского хозяйства в СССР на базе большей свободы для колхозов и учета принципа материальной заинтересованности.

Экономические задачи Чехословакии оставались старыми: рост аграрного сектора за счет привлечения крестьян в кооперативы, ликвидация отставания энергетики и добывающего сектора промышленности. При этом было подтверждено, что государство на селе будет поддерживать как кооперативы, так и крестьян-единоличников. Из бюджета селу планировалось передать 1,6 миллиарда крон, прежде всего на механизацию производства.

Однако снижение цен и массовое кредитование села сказались на развитии экономики в 1954 году. Инвестиций в новые отрасли машиностроения стало поступать меньше, и общий прирост промышленности в 1954-м составил лишь 4,4 % – мизерный показатель в сравнении с темпами первой пятилетки. Производительность труда выросла всего на 2 %, в то время как в 1948-1953 годах она ежегодно увеличивалась на 10 %^[232].

Зато на селе отток из кооперативов прекратился, производство выросло, и это позволило снизить объемы обязательных поставок государству.

Директивы плана на 1955 год предусматривали ускорение темпов развития экономики, и это решение оказалось правильным. После довольно сумбурных 1953 и 1954 годов промышленность в 1955-м выросла на 10 %, что вполне соответствовало темпам первой пятилетки. Производство

электроэнергии увеличилось на 27 % по сравнению с 1953 годом, добыча каменного угля – на 13 %^[233].

Особенно радовало то, что прирост произошел в основном на базе увеличения производительности труда (+ 8 % в 1955 году).

Причем и на этот раз повышение заданий пятилетнего плана было скопировано с советского опыта. В Москве Хрущев в 1955 году окончательно устранил Маленкова как своего конкурента за первенство в государстве и подверг опального премьера критике за неоправданное занижение темпов роста тяжелой промышленности. Маленкова обвинили в том, что он возродил взгляды «правых уклонистов» Рыкова и Бухарина.

В ЧСР решили совместить оба подхода – одинаково интенсивно развивать и тяжелую, и легкую промышленность.

В 1953-1955 годах розничные цены в ЧСР снижали четыре раза, повышая при этом заработную плату. Власти старались закупать для населения импортные товары, особенно на рождество. В целом в 1954-1957 годах потребление граждан в ЧСР выросло на треть.

В духе все более отчетливо проявлявшейся в СССР оттепели произошли и некоторые сдвиги в сторону демократизации политической системы. В 1954 году были реорганизованы местные органы власти – национальные комитеты. Там более значительную роль стал играть не аппарат, а непосредственно выбранные населением депутаты, ответственность которых перед населением была повышена путем принятия специального закона о национальных комитетах в марте 1954-го. Перед утверждением парламентом законопроект был представлен на всенародное обсуждение, в котором участвовали более двух миллионов человек.

В мае 1954 года прошли первые выборы в национальные комитеты, на которых все партии Национального фронта выступили с единым списком кандидатов. В выборах приняли участие 98,3 % избирателей, и 93,6 % из них поддержали список Национального фронта^[234]. В состав национальных комитетов было избрано 160 508 граждан. Для работы среди женщин при национальных комитетах были избраны и женские комитеты, в которых работали 118 850 человек.

Все эти меры должны были вовлечь в принятие повседневных решений как можно больше трудящихся.

В мае 1954 года был принят конституционный закон о выборах в Национальное собрание и Словацкий национальный совет. Раньше Национальный фронт выдвигал единый список на целую область, и многие

избиратели плохо знали кандидатов. Теперь каждый избирательный округ (примерно 35 тысяч избирателей) выбирал собственного депутата, также предложенного Национальным фронтом.

Выборы в Национальное собрание на основе нового закона прошли 23 ноября 1954 года и завершились вполне предсказуемо: 99 % избирателей пришли на участки и из них 98 % проголосовали за кандидатов Национального фронта.

В области внешней политики ЧСР была верным и надежным союзником СССР. Этот союз базировался на прочном экономическом фундаменте. Чехословакия стала основным поставщиком машиностроительной продукции в Советский Союз. Причем в 1951-1955 годах 45 % этой продукции состояло из новых, только что освоенных изделий^[235]. Из них 36,5 % было выпущено на основе советской технической документации. В апреле 1955 года было подписано советско-чехословацкое соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии. В рамках этого соглашения в ЧСР был построен первый экспериментальный атомный реактор мощностью 2000 квт. Чехословацкие студенты стали первыми иностранцами, закончившими в СССР обучение специальности «ядерная физика».

После СССР Чехословакия была главным поставщиком оборудования для индустриализации аграрных стран социалистического содружества. Например, в Болгарии половина всех построенных там электростанций была оснащена чехословацким оборудованием. Тысячи металлообрабатывающих станков ЧСР поставила в 50-е годы в КНР, Польшу, Болгарию, Румынию и Венгрию.

Уже в 1953 году доля социалистических стран во внешней торговле ЧСР достигла 80 %.

Когда 14 мая 1955 года в ответ на вступление ФРГ в НАТО социалистические страны заключили многосторонний договор о взаимной помощи – Варшавский договор, Чехословакия стала его соучредителем. Тем не менее по советской рекомендации и в духе намечавшейся в мире разрядки в 1956-м было проведено сокращение личного состава Чехословацкой народной армии на 34 тысячи военнослужащих – до 185 тысяч человек.

В русле нормализации отношений между СССР и Югославией (которая состоялась по инициативе советской стороны) осенью 1954 года было подписано первое после 1948-го торгово-экономическое соглашение между Белградом и Прагой. Более долгосрочное соглашение, ознаменовавшее собой окончательную нормализацию двусторонних

отношений, было заключено в феврале 1955 года^[236]. Чехословакия стала использовать югославский порт Риеку для экспорта в страны Ближнего Востока.

Однако Тито давил и на СССР, и на Чехословакию, требуя немедленной реабилитации всех, кто был осужден начиная с 1949 года как «титоист». Например, в выступлении в Карловаце югославский лидер заявил: «...В Чехословакии есть люди, которые с трудом признают свои ошибки. У этих людей нет коммунистической смелости для того, чтобы они признали ошибки, чтобы признали, что шли неправильным путем...» При этом сам Тито своих ошибок не признавал и не реабилитировал тысячи людей, которые были казнены, посажены в тюрьмы или уволены с работы в Югославии лишь за то, что выступали против разрыва отношений с СССР.

В Чехословакии в январе 1955 года министру внутренних дел Бараку во главе специальной комиссии поручили пересмотреть итоги некоторых политических процессов 1948-1952 годов. В 1955-1957 годах комиссия получила более 16 тысяч жалоб несправедливо репрессированных. Из них было рассмотрено 6978 случаев, но только в 50 из них решили отменить предпринятые против людей меры как несправедливые^[237]. Такие «скромные» итоги первой волны реабилитации объяснялись просто: в комиссии Барака работали в основном те же люди, которые всего пару лет тому назад фабриковали всякого рода обвинения против «предателей», «агентов» и «титоистов». Некоторых осужденных выпустили из тюрем, но политически не реабилитировали (например, Смирковского в 1955 году, Марию Швермову – в 1956, Гусака – в 1960).

Из тюрем в духе общей либерализации выпустили также матерей несовершеннолетних детей, молодежь и лиц преклонного возраста.

Но дни рождения и смерти Сталина и Готвальда по-прежнему отмечались чехословацкой печатью с почтением. 1 мая 1955 года в Праге был торжественно открыт самый большой в мире памятник Сталину.

Решения XX съезда КПСС в феврале 1956 года, особенно доклад Хрущева о культе личности Сталина, зачитанный пораженным делегатам в ночь с 24 на 25 февраля, стали полнейшей неожиданностью и для всей Чехословакии.

В работе съезда советских коммунистов участвовала и делегация КПЧ в составе пяти человек: Антонин Новотный (первый секретарь ЦК КПЧ), президент ЧСР Антонин Запотоцкий, премьер-министр Вильям Широкий, председатель Национального Собрания Зденек Фирлингер и министр

внутренних дел Рудольф Барак.

24 февраля 1956 года Запотоцкий беседовал в Москве с обучавшимися в СССР чехословацкими студентами, и те спросили его, что он думает об ошибках Сталина. Президент Чехословакии, явно пребывавший в замешательстве от разоблачений Хрущева, ответил: «Ну разве кто-нибудь заинтересован, чтобы вопрос о товарище Сталине стал предметом дискуссий? Правильная политика состоит в том, чтобы не вмешиваться в эти вопросы»^[238].

27 февраля Хрущев созвал на совещание всех руководителей компартий социалистических стран (от Чехословакии были приглашены Новотный и Барак). Всем был вручен машинописный текст доклада Хрущева о культе личности Сталина. Новотному рекомендовали открыто критиковать Сталина в ЧСР.

Чехословацкие гости XX съезда КПСС были так потрясены антисталинской речью Хрущева, что целый месяц после возвращения в Прагу не решались проинформировать о ней ЦК КПЧ. Только в ночь с 29 на 30 марта 1956 года Новотный в секретном порядке ознакомил с хрущевской речью руководство партии^[239].

Ввиду столь острой критики Хрущевым Сталина Новотному пришлось поругать и Готвальда: «При всех заслугах, которые товарищ Готвальд снискал в борьбе против капитализма, за победу социализма и которые никто не ставит под сомнение, необходимо сказать, что при всей его скромности ему часто приписывали заслуги, которые принадлежали партии и массам. Это вело к созданию атмосферы неприкасаемости вокруг товарища Готвальда, к распространению мнений типа „за нас думает товарищ Готвальд“, к ослаблению коллективного руководства также и в нашей партии».

На самом деле, конечно, критика Готвальда была скорее вызвана желанием не отстать от советских товарищей в задоре разоблачительства и ниспровергательства. Готвальд всегда советовался с Президиумом ЦК КПЧ по всем важнейшим решениям, и никакого культа личности в Чехословакии не было.

Но Новотному удалось в своем докладе выдвинуть тезис, который фактически помешал реабилитации жертв политических репрессий в Чехословакии. Первый секретарь ЦК КПЧ обвинил в репрессиях в ЧСР... Сланского, который якобы импортировал в страну бериевские методы работы. А если Сланский был «чехословацким Берией», то, значит, и казнили его правильно. Тем более и самого Берия в Москве, помимо всего

прочего, обвинили в том, что он агент английской разведки.

Новотный распорядился, чтобы с новой оценкой Сталина и Готвальда ознакомили всех членов КПЧ (это произошло в первую неделю апреля 1956 года). Среди многих коммунистов критика Сталина и Готвальда натолкнулась на недоумение. Отмечались даже выходы из КПЧ в знак протеста против нападок на Сталина. На собраниях ругали Хрущева за то, что он так поступил со своим предшественником. Другие не могли понять, почему в Москве ждали три года с момента смерти Сталина, чтобы обрушиться на него. Многие члены КПЧ возражали против именно публичной критики Сталина, которая сыграет на руку Западу и посеет сомнение в душах молодых коммунистов.

Критика Сталина действительно заставила многих коммунистов в смятении взглянуть и на некоторые страницы недавней чехословацкой истории. Если Сталина теперь критиковали за то, что он депортировал целые народы, то, значит, и выселение немцев из ЧСР в 1945 году тоже было неправильным?

Интересно, что к Готвальду на партийных собраниях в апреле 1956 года коммунисты относились еще теплее, чем к Сталину. Вину за репрессии в ЧСР сваливали на Москву или на окружение Готвальда. Особенно доставалось зятю умершего президента Чепичке, который в эпоху репрессий был министром юстиции.

В чехословацких СМИ о докладе Хрущева сначала ничего не писали, зато о нем уже в апреле 1956 года сообщили издававшийся американцами журнал «Свободная Европа» и одноименная радиостанция.

В марте – апреле 1956 года состоялся пленум ЦК КПЧ, который, естественно, одобрил решения съезда советских коммунистов. Но вставал вопрос: что же делать в этих условиях с жертвами политических репрессий в самой Чехословакии? Пока пленум поручил Политбюро ЦК КПЧ разработать меры демократизации внутривластной жизни в стране, расширения прав местных органов власти и общественных организаций.

Во второй половине апреля 1956 года дискуссия в партии относительно оценки результатов XX съезда была объявлена завершённой. Прозвучавшая в ходе собраний критика была расценена руководством КПЧ как острая, но справедливая. «Козлом отпущения» за ошибки прошлых лет сделали Чепичку. В 1950-1956 годах он был министром обороны, теперь его сняли с этого важного поста и сделали руководителем государственного органа по регистрации патентов и изобретений. В 1959 году Чепичка пережил инфаркт и был тихо отправлен на пенсию.

В партии – и это тоже был знак нового времени – объявили

общепартийную дискуссию, результаты которой решили подытожить на общегосударственной конференции КПЧ, намеченной на июнь 1956 года. Но начатая в апреле 1956-го дискуссия угрожала выйти из-под контроля. В ЦК поступило 303 резолюции партийных организаций с требованием созыва чрезвычайного съезда партии. Эти резолюции отражали мнение примерно 14 % членов КПЧ.

ЦК вместо съезда созвал заранее запланированную общегосударственную конференцию компартии, которая состоялась 11-15 июня 1956 года. На повестке дня стояли два вопроса: о текущем моменте и о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства. Констатируя несомненные успехи в развитии экономики ЧСР, конференция в духе либеральных веяний решила бороться против излишней централизации управления в экономике. Были приняты также бесспорно популярные решения о сокращении управленческого аппарата и укреплении социалистической законности. Но в целом конференция подтвердила правильность генеральной линии КПЧ.

Между тем политические перемены начались и за океаном. К 1954 году сенатор Маккарти распоясался настолько, что обнаружил массу коммунистов в ЦРУ, госдепартаменте и даже в вооруженных силах США. Это никак не вписывалось в планы братьев Даллесов и генерала-президента Эйзенхауэра, который не терпел нападки на армию с чьей бы то ни было стороны. Маккарти настолько уверовал в свою мощь, что стал не только сильнее пить, но и еще появляться в гостях в лучших домах политического истеблишмента с девушками легкого поведения. Иногда красавицы ублажали его прямо в хозяйских спальнях. Если Маккарти приходил один, было еще хуже, так как он приставал ко всем женщинам, включая замужнюю хозяйку званого ужина или приема.

Когда помощники Маккарти начали тур по всем посольствам США для поиска в их библиотеках «подрывной коммунистической литературы» (причем найденные «подозрительные книги» сжигались, что вызывало нежелательные ассоциации с аналогичной практикой нацистов), терпение Даллесов и Эйзенхауэра лопнуло, тем более что «мавр» уже сделал свое дело, доведя антикоммунистический психоз в США до апогея. В 1954 году сенат подверг Маккарти порицанию, и тот быстро сошел с политической сцены, окончательно угробив себя алкоголем.

В 1955 году в СНБ США под воздействием политической оттепели в СССР начались робкие попытки переоценить роль Москвы. Профессор Массачусетского технологического института Макс Милликен представил на заседании СНБ свой доклад, который стал основой директивы СНБ NSC

5505. В нем совершенно справедливо указывалось, что СССР не хочет ядерной войны и искренне готов к политике разрядки в отношениях с США ^[240].

В отношении Восточной Европы выдвигалась мысль мирными средствами и в долгосрочной перспективе поддерживать там политические изменения.

Однако братья Даллесы отнеслись к этим новым веяниям скептически, и директива СНБ в целом осталась на бумаге. И госсекретарь, и директор ЦРУ прямо заявили, что «не желают, чтобы ориентация, данная директивой 5505... уничтожила какую-либо возможность использовать выгодный случай... для удара по советским позициям в Восточной Европе» ^[241].

И этот случай не замедлил представиться, тем более что он представлял собой отзвуки успешной операции «Раскол».

Как и в 1949 году, на Чехословакию неожиданно повлияли события в Венгрии и Польше. В Венгрии с советской помощью в июле 1956-го был снят с работы Ракоши. 6 октября 1956 года 200 тысяч венгров торжественно хоронили в Будапеште останки полностью реабилитированного Ласло Райка. В Польше новым лидером коммунистической партии был избран Владислав Гомулка, которого едва не постигла участь Сланского. При помощи ЦРУ студенческая демонстрация солидарности с Польшей 23 октября 1956 года в Будапеште переросла в вооруженное восстание – здесь впервые проявили себя подготовленные и заброшенные американской разведкой из ФРГ диверсионные группы, обученные по программе Red Sox/Red Cap.

К власти на плечах вооруженных демонстрантов и с санкции СССР пришел Имре Надь (в 30-е годы – агент НКВД; Сталин, как уже упоминалось, лично приказал не трогать его в 1949 году), который, однако, оказался слишком слабой фигурой. Вместо благодарности Москве Надь провозгласил выход Венгрии из Варшавского договора, хотя как премьер-министр не имел права этого делать – данный вопрос относился к прерогативе парламента, который к тому моменту был фактически разогнан.

Еще до событий в Венгрии «ветер перемен» из Москвы начал будоражить и чехословацкое общество.

22-29 апреля 1956 года в Праге собрался 2-й съезд чехословацких писателей. Некоторые его участники публично потребовали свободы мнений и освобождения арестованных писателей. Писатель Грубин назвал климат в чехословацкой литературе «ледовой догмой» ^[242]. На съезде,

причем в присутствии президента Запотоцкого (он тоже был литератором и членом Союза писателей), критиковали министра культуры Штолла.

Писатели в ЧСР были в чем-то схожи со своими русскими и советскими коллегами – их считали властителями дум и совестью нации. Ведь за 300 лет австрийского господства и онемечивания (1618–1918 годы) именно писатели смогли внести главный вклад в сохранение чешского языка и культуры. Да и само основание Чехословакии как независимого государства в 1918 году начиналось с Манифеста чехословацких писателей.

Не случайно, что на первом съезде синдиката чехословацких писателей в июне 1946 года выступал президент Бенеш. После февраля 1948 года синдикат преобразовали в Союз писателей по образцу СССР. В 1949-1956 годах им руководил Ян Дрда (член КПЧ с 1945 года). Некоторых неугодных властям литераторов преследовали, других подвергали жесткой цензуре.

На 2-м съезде писателей один из его участников, Зейферт выразил сомнение, что в последние годы литераторы ЧСР соответствовали высокому званию «совести нации». Именно Зейферт потребовал освобождения находящихся в заключении коллег. Запотоцкий и Штолл попытались в своих выступлениях переломить негативную для КПЧ тенденцию съезда, но безуспешно.

К тому же «ниспровергатели» ссылались на съезде писателей на пример СССР, где началась «политическая оттепель». С этим неожиданно для многих согласился и выступивший на съезде председатель Национального собрания ЧСР Фирлингер: «XX съезд КПСС открыл и для наших писателей и поэтов могучий поток чистого и освежающего воздуха, который наверняка придаст вам дополнительные силы в вашей деятельности»^[243].

После съезда писателей нападки на партию и марксизм стали появляться (сначала в завуалированной форме) в писательской газете «Литерарни новины».

В «Литерарних новинах» («Литературная газета») была опубликована, например, нашумевшая статья философа, критика и поэта Ивана Свитака «Некоторые причины отставания теории», в которой автор фактически подверг резкой критике всю идеологию КПЧ, якобы не имевшую ничего общего с реальным марксизмом^[244]. Свитака считал, что главное в марксизме – это чистая наука, с которой нельзя путать идеологию. По его мнению, наука – это только голые факты, а их интерпретация – вещь чисто субъективная, а поэтому не могущая претендовать на истинность.

То есть предпринималась давно уже излюбленная на Западе попытка представить Маркса и его учение просто как одну из школ социально-экономической мысли, лишенную политического содержания.

Руководство КПЧ, как и американская разведка не придали «мятежу писателей» особого значения, а западная печать вообще не удостоила их ни единым словом. Зейферта подвергла разгромной критике за «демагогию» «Руде Право», а Грубину было решено «политически помочь». Никакого осязаемого резонанса среди населения работа съезда не вызвала. Исключение составили студенты.

С апреля 1956 года на физико-математическом факультете Карлова университета в Праге проходили нелегальные собрания студентов и преподавателей, на которых обсуждалось политическое положение в Чехословакии и Польше. 26 апреля было созвано большое собрание, на которое пригласили министра образования Франтишека Кагуду (он не приехал). На собрании был зачитан проект резолюции с требованием свободы печати и прекращения глушения зарубежных радиостанций. Другой пункт резолюции требовал покончить с копированием опыта СССР во всех областях, а гимн и флаг Советского Союза использовать публично только тогда, когда то или иное событие напрямую касается СССР. Студенты требовали также пересмотра результатов процесса над Сланским.

Дискуссия по проекту резолюции была бурной, но собрание все же утвердило ее голосованием. После этого студенты в течение нескольких дней разослали резолюцию в издательства СМИ и в различные министерства. Во время первомайской демонстрации в Праге группа студентов, проходя мимо трибуны, на которой находились Запотоцкий и Новотный, остановилась и стала скандировать: «Мы не хотим протестовать, мы хотим дискутировать!»

Однако партийное руководство решило проигнорировать резолюцию студенческого собрания. Газеты ее не напечатали. И тогда студенты сами разослали ее в другие вузы страны (в Брно, Оставу, Пльзень, Кошице и Банску Бистрицу). 4 мая 1956 года министр образования принял делегацию студентов и обещал, что текст резолюции будет опубликован. Однако своего обещания министр не сдержал, чем вызвал дальнейшую радикализацию в студенческой среде.

У чешских студентов была одна давнишняя традиция – сатирическо-шуточный парад «маялес». Этим парадом встречали лето и провожали учебный год. После февраля 1948 года «маялес» были запрещены, что студентам, естественно, не нравилось. Чехословацкий союз молодежи (единая молодежная организация ЧСР под руководством компартии) решил

использовать советскую оттепель и предложил возобновить парад в 1956 году.

ЦК КПЧ дал согласие, и первые «маялес» прошли 12 мая в Братиславе без каких-либо эксцессов. Но на следующий день в Братиславу попала упоминавшаяся выше резолюция пражских студентов, и словацкие студенты стали требовать ее опубликования в местных газетах. В ответ власти направили к студенческим общежитиям наряды полиции. 14 мая события вокруг братиславских «маялес» обсуждало руководство КПЧ. Новотный, услышав сообщение министра внутренних дел, пригрозил закрыть все вузы страны^[245]. ЦК КПЧ поручил Новотному и министру внутренних дел Бараку внимательно следить за развитием настроений среди студентов.

Пражские «маялес», намеченные на субботу 19 мая, в последний момент перенесли на воскресенье. Новотный опасался, что в субботу к студентам могут присоединиться рабочие.

В отличие от братиславского парада, пражский, в котором участвовали примерно 5 тысяч человек, с самого начала принял не только антикоммунистический, но и антисоветский характер.

Во главе процессии шли «король», символизовавший марксизм, и «королева», представлявшая русский язык («русский язык» на чешском женского рода). За ними раздельно шествовали две группы. Одна из них была одета в хорошую одежду и символизировала теорию марксизма, другая шла в лохмотьях и показывала тем самым, как теория отражается в реальной жизни. Группа студентов с кляпами во рту и завязанными глазами символизировала редакцию официальной молодежной газеты «Млада фронта»^[246]. Студенты несли также книжную полку с макетами книг и надписью «Запрещено», протестуя против того, что после февраля 1948 года из университетских библиотек было изъято много антикоммунистической и просто «политически ненадежной» литературы. Группа студентов в костюмах первобытных охотников на мамонтов окружала чучело то ли дракона, то ли динозавра, на котором было написано: «Меня ничто не проймет, потому что у меня кожа министра образования». Рядом медленно и понуро брел студент в обличье старого монаха и с транспарантом «Вперед к реформе образования!».

Самыми политически опасными для компартии были плакаты демонстрантов, относившиеся к процессу Сланского. На одном из них было написано: «Казнить мелких преступников, а крупных оставить на свободе?» «Маялес» закончились пародийными выступлениями студентов

в Парке культуры и отдыха имени Фучика.

На Западе сразу появились распространяемые «Свободной Европой» данные об арестах более 300 студентов в Праге. На самом деле поначалу вообще никого не арестовали. Затем под суд отдали всего несколько человек, да и то их формально обвиняли в организации беспорядков под влиянием передач «Свободной Европы». Приговоры были по чехословацким меркам удивительно мягкими: от шести месяцев до трех лет заключения^[247].

Хотя лозунги пражских студентов никак не могли обрадовать Новотного, студенческие демонстрации не сильно воодушевили и американцев: ведь ни рабочий класс, ни горожане в целом к студентам не присоединились.

Братьев Даллес, напротив, сильно порадовали события в соседней Польше, где 28 июня 1956 года в Познани рабочие организовали массовую демонстрацию против повышения норм выработки. Именно с такого же требования начались 16 июня 1953 года массовые волнения в ГДР, едва не приведшие к свержению социалистического режима. Так как в Познани в то время проходила большая международная ярмарка, то о демонстрации немедленно стало известно на Западе.

Поначалу рабочие заводов имени Сталина выдвигали только экономические требования, но, как и в Пльзени в 1953 году, они быстро сменились на политические: «Долой русских!», «Долой коммунистов!», «За свободные выборы!». Манифестанты захватили здание управления госбезопасности, избивали членов компартии. Против демонстрантов бросили войска (части из четырех дивизий и более 300 танков и бронемашин) и полицию, и на улицах Познани пролилась кровь. В течение суток беспорядки, превратившиеся в мятеж, были подавлены. Погибли 78 человек, сотни были ранены. Советские части в Польше стали выдвигаться к Варшаве: в Кремле опасались, что мятеж может начаться и в столице Польши.

«Руде Право» 30 июня откликнулась на события в Польше, опубликовав материал под заголовком «Провокации врагов польского народа в Познани». 29 июня все областные управления МВД ЧСР получили инструкции министра внутренних дел Барака насчет действий полиции при возникновении беспорядков. Предлагалось срочно организовать оперативные штабы, повысить бдительность и усилить сбор информации о настроениях населения. Все, что касалось откликов людей на события в Познани, было приказано пересылать в МВД в Прагу. Необходимо было

задержать и допросить всех подозрительных^[248]. Была усилена охрана чехословацких границ.

С помощью агентуры и перлюстрации писем органы МВД выяснили, что за событиями в Польше с особенным волнением следили рабочие. Многие надеялись, что протесты в Познани заставят правительство ЧСР более внимательно относиться к нуждам рабочего класса. В одном из вскрытых писем говорилось, что скоро коммунистов будут вешать не только в Польше, но и в других восточноевропейских странах. Бытовали мнения и такого рода: польские протесты были все равно жестко подавлены, поэтому переносить этот опыт в ЧСР нет смысла.

Госбезопасность вовремя сумела узнать о готовящейся забастовке солидарности с поляками на оборонном заводе «Збройовка» в Брно. Организаторы были арестованы, и забастовка не состоялась.

Но в целом среди чехословацкого рабочего класса превалировал следующий настрой: поляки протестуют, потому что живут хуже, чем чехи. В Чехословакии же положение рабочих хорошее, и рисковать достигнутым жизненным уровнем нет никакого смысла.

Поэтому в Чехословакии все было спокойно, несмотря на усилия «Свободной Европы». Передачи и листовки этой радиостанции распространяли ложные слухи о сотнях или даже тысячах погибших в Польше и Венгрии. Парадоксально, что откровенно лживые листовки «Свободной Европы» убеждали многих в ЧСР в том, что события в Познани действительно являются организованной Западом провокацией, как об этом и писало «Руде Право».

13 июля 1956 года было решено прекратить сбор сведений, касавшихся реакции населения на события в Польше.

Госсекретарь Джон Фостер Даллес в телефонном разговоре со своим братом Алленом 28 июня 1956 года не скрывал своего воодушевления познанскими событиями: «Если уж Советы начинают рушиться, то они рухнут быстро. Мы должны продолжать оказывать на них давление»^[249]. Но на официальной пресс-конференции госсекретарь сдержанно заявил, что США не намерены вмешиваться в польские дела.

Тем не менее братья Даллесы использовали события в Познани для того, чтобы на одном из заседаний СНБ в июле 1956 года подвергнуть критике любые возможные изменения в американской стратегии в отношении «порабощенных народов». Они требовали сохранить директиву СНБ NSC 174, в которой формулировалась задача «освобождения» Восточной Европы. Дебаты в СНБ были бурными. Поначалу эксперты

совета выработали весьма умеренный вариант новой стратегии, в котором отвергалась сама мысль «освобождения»: «Соединенные Штаты не готовы к применению силы для уничтожения советского доминирования над странами-сателлитами; эта цель также не представляется нужной и достижимой внутренними революционными методами. Поэтому главный упор необходимо сделать на наши усилия по поддержке эволюционных перемен (в Восточной Европе). Эти перемены приведут к ослаблению советского контроля и к национальной независимости данных стран, даже если она не будет связана с немедленными изменениями в их политических структурах». Иными словами, США настраивались на постепенное превращение европейских социалистических стран в новые Югославии с «национальным коммунизмом»^[250].

В прежнем варианте директивы СНБ цели США формулировались следующим образом: «...Соединенные Штаты должны побуждать народы стран-сателлитов к пассивному сопротивлению против их режимов, находящихся во власти Советов, до тех пор, пока это содействует ограничению вклада сателлитов в советскую мощь, или до тех пор, пока это повышает давление в направлении позитивных перемен. США должны избегать насилия или любой деятельности, результаты которой или ответные действия могли бы привести к ущербу с точки зрения американских целей».

Госсекретарь после событий в Познани предложил компромиссный, на его взгляд, вариант: «Соединенные Штаты не должны открепиваться публичными заявлениями от спонтанных проявлений недовольства или оппозиции коммунистическим режимам, несмотря на возможные риски для отдельных лиц (в Восточной Европе – *Прим. автора.*), если результатом будет давление против советского господства. Операции, которые могут привести к возникновению насилия, должны предприниматься только с санкции государственного секретаря или директора ЦРУ с учетом их реализуемости, сведению к минимуму возможности подачи судебных исков и максимизации выигрыша для интересов Соединенных Штатов»^[251].

Таким образом, Даллес отрицал прямую войну (что понятно – ведь у СССР уже было ядерное оружие), однако стремились разведывательно-диверсионными методами дестабилизировать восточноевропейские страны. Причем за собой они зарезервировали прерогативу разработки конкретных подрывных операций. Джон Фостер Даллес прекрасно понимал, что предлагаемый им от имени своего брата вариант может привести к человеческим жертвам в результате организованных ЦРУ

провокаций. На это госсекретарь лишь заметил, что еще никогда никто не завоевывал свободу без человеческих жертв.

Вариант Даллеса был одобрен СНБ и стал директивой NSC 5608/1 18 июля 1956 года.

Как только 23 октября 1956-го начались организованные при поддержке ЦРУ кровавые уличные беспорядки в Будапеште, Эйзенхауэр испугался последствий. На заседании СНБ 26 октября было решено дать понять СССР, что США не станут вмешиваться во внутренние венгерские дела. Джон Фостер Даллес был против этой пассивной линии, но вместе с братом остался в меньшинстве.

Но при этом агенты ЦРУ из числа венгерских эмигрантов перебрасывались Алленом Даллесом в Венгрию (операция Red Sox/Red Cap). Радио «Свободная Европа» каждый день призывало венгров к вооруженной борьбе, обещая военную помощь США и Запада в целом. Причем чем сильнее разгорится восстание, тем быстрее придет помощь.

На улицах Будапешта вешали коммунистов и сотрудников органов госбезопасности. В витринах магазинов выставляли трупы убитых советских солдат с надписью «Мода нового сезона». Тем не менее Президиум ЦК КПСС 30 октября 1956 года решил не вмешиваться в венгерские события. Советские войска еще раньше покинули Будапешт. Но уже на следующий день ситуация, с точки зрения Москвы, изменилась коренным образом, когда ставший премьером при поддержке СССР Имре Надь заявил о выходе Венгрии из Варшавского договора. Примерно в это же время израильские войска при поддержке Франции и Великобритании напали на Египет, надеясь на то, что увязший в делах Венгрии СССР не окажет египтянам никакой поддержки.

В Москве решили, что Запад стремится подорвать позиции социалистического лагеря по всему миру, а вслед за Венгрией настанет черед Чехословакии и Румынии (на этот счет поступала информация по линии КГБ СССР). Поэтому уже 31 октября было решено подавить беспорядки в Венгрии силой (против этого решения в Президиуме ЦК выступил только Микоян). 4 ноября 1956 года советские войска начали наступление, и в течение трех дней беспорядки были подавлены. Тактика Даллесов обошлась Венгрии в двадцать тысяч убитых и раненых, были также убиты и ранены более двух тысяч советских солдат и офицеров. 229 человек были позднее казнены за участие в мятеже (включая бывшего премьер-министра Имре Надя).

Спровоцировав кровопролитие, американцы затем предложили Венгрии гуманитарную помощь в размере 20 миллионов долларов и

вынесли «венгерский вопрос» на обсуждение ООН. Вице-президент Никсон посетил венгерских беженцев в Австрии^[252]. По данным опросов, 63 % американцев считали эти меры достаточными, лишь 20 % хотели, чтобы Эйзенхауэр сделал еще что-нибудь, и только 1 % был за оказание венгерским повстанцам военной помощи^[253].

Как только начались события в Венгрии, радио «Свободная Европа» начало рассказывать о них в своих передачах на чешском языке. В ЧСР опять появились листовки. «Руде Право» впервые сообщило о беспорядках в Венгрии 25 октября 1956 года под заголовком «Серьезные события в Венгрии». После этого о венгерских делах газеты сообщали каждый день. Беспорядки были приписаны контрреволюционным элементам и агентам Запада. В «Руде Право» печатались десятки резолюций с собраний рабочих, крестьян и студентов, осуждавших контрреволюционный террор в Венгрии^[254]. Резолюцию такого характера приняло и руководство Союза писателей.

Начало операции «Вихрь» советских войск в Венгрии и образование рабоче-крестьянского правительства во главе с Яношем Кадаром «Руде Право» 5 ноября отметило статьей под названием «Большая победа венгерского народа». В ЧСР была издана брошюра под названием «Мы видели контрреволюцию в Венгрии» Анны Россовой и Людвика Завржела, находившихся в октябре 1956-го в Будапеште. В книге читателям сообщали, например, что венгерские «борцы за свободу» жгли на улицах не только книги Ленина и Толстого, но и Шекспира, а также известного чешского писателя Ирасека (это было абсолютной правдой).

Уже 23 октября 1956 года политбюро ЦК КПЧ обсудило ситуацию в Венгрии, с которой ЧСР имело общую границу протяженностью 679 км. Обсуждалось, в частности, предложение направить в Венгрию добровольческую часть по линии МВД (этот вопрос хотели предварительно согласовать с Москвой). 25 октября министр обороны ЧСР Ломский отдал приказ о повышении боевой готовности войск 2-го военного округа (Словакия и Южная Моравия) с тем, чтобы при необходимости оказать помощь Венгрии. Части армии, пограничной стражи и полиции перебрасывались для усиления охраны границы с Венгрией. С 23 октября министерство обороны ЧСР вело военный дневник, что обычно бывало только в случае военных действий.

События в Венгрии воспринимались в ЧСР гораздо серьезнее польских, в частности, потому, что на юге Словакии вдоль венгерской границы жили десятки тысяч венгров, которые могли поддержать своих

соотечественников.

Первые чехословацкие армейские части усиления (1976 человек, 15 танков и 9 САУ) прибыли на венгерскую границу уже 26 октября^[255]. В тот же день начальник генерального штаба Чехословацкой народной армии отдал приказ об образовании двух ударных мотомеханизированных групп для оперативной реакции на случай возможного перехода через границы ЧСР вооруженных венгерских мятежников. В составе групп были танки и элитные воздушно-десантные части. Воинские части усилили резервистами, призванными на четырехнедельные военные сборы. Примечательно, что граждан ЧСР венгерского происхождения на сборы не призывали.

28 октября были приведены в повышенную боевую готовность все подразделения МВД ЧСР. В случае необходимости было решено усилить боеготовность отрядов Народной милиции. В Словакии половина сотрудников органов внутренних дел была переведена на казарменное положение. Некоторые сотрудники МВД получили автоматы и по 50 патронов.

В Праге было решено усилить агентурную работу, внимательно следить за западными дипломатами и приезжающими в столицу иностранцами. Особое внимание уделялось Вацлавской площади, где по традиции обычно начинались любые демонстрации. В районе площади постоянно находились сотрудники МВД в штатском. Госбезопасности удалось предотвратить демонстрацию на Вацлавской площади, которая, по замыслу ее организаторов, должна была, как в Венгрии, перерасти в восстание. Группа организаторов во главе с Ладиславом Трпалком была арестована.

С помощью агентуры тщательно отслеживались настроения населения, особенно среди студентов и писателей, недавно проявивших свою оппозиционность. Велось прослушивание телефонных разговоров с Варшавой и Будапештом.

В воскресенье 28 октября отмечалась очередная годовщина провозглашения независимости Чехословакии в 1918 году, и органы МВД в ожидании возможных антиправительственных акций были уже 27 октября приведены в полную боевую готовность. В этот день вооруженная группа напала на склад боеприпасов в районе Йичина. Нападение было отражено, но после него решили усилить охрану всех государственных объектов.

Все мероприятия в связи с венгерскими событиями по линии МВД ЧСР были отменены 20 ноября 1956 года.

Когда 29 октября 1956-го Израиль при поддержке Англии и Франции

напал на Египет, стала весьма возможной третья мировая война, и чехословацкой армии пришлось срочно решать дополнительные задачи. Продолжая концентрировать силы на границах с Венгрией, было необходимо одновременно усилить охрану границы с ФРГ, по ту сторону которой стояли американские войска.

29 октября состоялось экстренное заседание коллегии при министре обороны ЧСР. Высказывались мнения о необходимости проведения частичной мобилизации, так как части из западных военных округов в обстановке возникшего на Ближнем Востоке кризиса уже нельзя было перебрасывать на венгерскую границу, в Словакию. Однако министр обороны идею мобилизации отверг, поскольку возникло бы впечатление, что Чехословакия хочет ввести войска в Венгрию. Главный советский военный советник Бойков также призвал сохранять спокойствие, отметив, что, по его данным, ситуация в Венгрии нормализуется, и нападение оттуда на ЧСР вряд ли вероятно.

К 1 ноября 1956 года развертывание частей усиления на венгерско-чехословацкой границе было завершено. Позиции заняли 12 540 военнослужащих, 280 танков и 43 САУ. Самые крупные силы были дислоцированы в предместьях словацкой столицы Братиславы, расположенной почти на границе. 31 октября, когда Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора, вновь собралась на экстренное заседание коллегия министерства обороны ЧСР. Было решено усилить охрану железнодорожной магистрали, ведущей к советской границе, и района города Кошице.

2 ноября Президиум ЦК КПЧ поручил министрам обороны и внутренних дел подготовить войска и полицию к тому, чтобы они смогли отразить любое нападение на границы ЧСР^[256]. С 3 ноября войска Чехословацкой народной армии на венгерской границе начали окапываться, проводить боевую подготовку, а некоторые районы вокруг жизненно важной железной дороги в СССР были подготовлены к минированию.

4 ноября газеты опубликовали заявление президента ЧСР Запотоцкого о событиях в Венгрии, которые были охарактеризованы как «фашистский белый террор против трудящихся». Ответственность за кровавые беспорядки несли, по словам Запотоцкого, венгерская реакция и западный империализм. Президент ЧСР признал, что при строительстве социализма в Венгрии были допущены ошибки, и рабочие и молодежь справедливо требуют повышения жизненного уровня и развития демократии. Однако эти справедливые требования реакция использовала в антигосударственных целях. Запотоцкий подчеркнул, что в Чехословакии стабильная ситуация, а

запасы продовольствия таковы, что никакой нужды в ажиотажных закупках нет. Речь президента заканчивалась лозунгом «С Советским Союзом на вечные времена!».

8 ноября 1956 года, после того как в Египте высадились английские и французские войска, генеральный штаб приказал повысить степень боевой готовности всей чехословацкой армии. Таким образом, режим усиленной службы был фактически распространен и на Чехию. При этом продолжалась переброска частей и в Словакию, и к 10 ноября там находились уже 26 658 военнослужащих и 358 танков. Но так как советские войска быстро справились с ситуацией в Венгрии, уже начиная с 14 ноября первые части чехословацкой армии стали покидать позиции в районе венгерской границы. Однако полностью все меры усиления были отменены лишь 21 декабря 1956 года.

Оценивая итоги самой крупной военной операции в послевоенной истории Чехословакии, министерство обороны отмечало, что морально-политическое настроение в войсках было хорошим и не давало никакого повода сомневаться в их готовности выполнить любой приказ. Тем не менее в отношении 133 военнослужащих (в том числе 84 офицеров) было начато служебное расследование ввиду их политической ненадежности. По итогам расследования из армии уволили 33 человек.

Во время событий в Венгрии в ЧСР бежали члены венгерской компартии, опасавшиеся за свою жизнь. Были зарегистрированы и отдельные случаи перехода границы теми венграми, кто хотел через Словакию перейти в Австрию. Поток беженцев усилился со второй половины ноября, а всего с 23 октября по 28 ноября 1956 года из Венгрии в ЧСР перешли 1367 человек, из которых 1264 были возвращены обратно [257]. Против 73 венгров было начато уголовное преследование по обвинению в незаконном переходе границы ЧСР. 23 человек осудили за активное участие в мятеже.

13 ноября 1956 года в Чехословакию попыталась пробиться вооруженная группа венгерских мятежников из семи человек. Они открыли стрельбу, но ответным огнем были отогнаны обратно в Венгрию. 2 декабря та же участь постигла и другую вооруженную группу из 10 человек. 11 декабря по чехословацким пограничным патрулям в районе схождения границ Австрии, Венгрии и Чехословакии с венгерской стороны был открыт сильный огонь из винтовок и автоматов. Выяснилось, что огонь вели венгерские силы безопасности против вооруженных повстанцев, пытавшихся перейти границу.

В декабре 1956 года в Чехословакии появились «гости» иного рода:

в результате кровавых беспорядков в Венгрии ощущался недостаток продуктов питания, и многие венгры переходили границу (например, 3-4 декабря – 135 человек), чтобы купить их в Чехословакии. Всех этих «нелегалов» немедленно возвращали обратно.

Радиостанция «Свободная Европа» (РСЕ), как и после событий в Познани, еще с 21 октября 1956 года пыталась усилить пропаганду в ЧСР с помощью воздушных шаров с листовками. 21 и 22 октября листовки были обнаружены в районе Праги, Усти-над-Лабем, Брно, Готвальдова, Нитры и Кошице. Причем они были не только на чешском, но и на словацком и венгерском языках.

С марта 1956 года в ЧСР глушили передачи не только «Свободной Европы» и «Голоса Америки» (на чешском и словацком языках), но и ВВС, радио Ватикана, Парижа, Рима и Мадрида, которые иногда тоже вещали на чешском. По данным министра внутренних дел Барака, на средних волнах удалось заглушить 99 % передач РСЕ, на коротких – 65 %.

Тон передач и листовок РСЕ был таким, что многие в ЧСР ждали начала третьей мировой войны, особенно после нападения Израиля, Франции и Англии на Египет. В некоторых районах Чехословакии люди стали скупать в магазинах продукты с длительным сроком хранения (соль, мука, сахар). В городе Забржех 5 ноября полиции даже пришлось применить силу для того, что успокоить взволнованных женщин, стоявших в очереди перед магазином^[258]. Люди пришли в себя только после 9 ноября, когда стало ясно, что советские войска взяли ситуацию в Венгрии под контроль.

Однако стали распространяться слухи о новой денежной реформе, и население ринулось в сберкассы, чтобы снять свои сбережения. Если в Праге в обычный день люди снимали со счетов в среднем 1,5 миллиона крон, то 3 ноября 1956 года клиенты сняли почти 5,3 миллиона. На снятые деньги покупали в основном ювелирные украшения.

В некоторых городах ЧСР после начала событий в Венгрии появились самодельные антикоммунистические и антисоветские листовки и надписи на стенах. Например, в городе Градец-Кралове 25 октября была обнаружена надпись «Долой коммунистов, да здравствует свобода!». В Остраве неизвестный написал: «Катынь-Варшава-Венгрия – вот дела советских убийц». 5 ноября 1956 года один из членов Народной милиции в Праге получил по почте анонимное письмо, в котором ему и его семье угрожали смертью. После того как он сообщил об угрозах, ему выдали автомат для самообороны.

По данным полиции, 90 % студентов в общежитиях регулярно

слушали «Свободную Европу», однако вели себя спокойно. Правда, до полиции дошли сведения, что группа студентов хочет 7 ноября создать в Праге во время празднования очередной годовщины Октябрьской революции панику и попытаться отобрать у полицейских оружие. Однако благодаря агентуре эту акцию удалось предотвратить, а ее организаторы были арестованы. Всего, по данным министра внутренних дел Барака, до конца 1956 года арестовали 34 студента (в Праге, Брно, Пардубицах, Пльзени и Нитре).

Власти узнавали о настроениях людей с помощью перлюстрации переписки, которая была усилена после начала беспорядков в Венгрии. Например, только 28 октября 1956 года из 290 тысяч внутренних и зарубежных писем было вскрыто 26 493^[259]. События в Венгрии и Польше затрагивались в 451 письме, причем в 176 случаях их осуждали, в 90 – одобряли. Особенно внимательно изучались письма военнослужащих и студентов.

Интересно, что если мирные реформы в Польше под руководством Гомулки чехи и словаки приветствовали, то насильственные действия «революционеров» в Венгрии в большинстве случаев осуждались. Чехи и словаки считали, что беспорядки в Венгрии и Польше были вызваны низким по сравнению с ЧСР жизненным уровнем. При этом в некоторых письмах цитировали Хрущева, который охарактеризовал Чехословакию как самую развитую страну социалистического лагеря. Примечательно, что такого же мнения придерживался и британский посол в Праге. В одной из депеш в Лондон он писал, что жизненный уровень в Чехословакии настолько высок, что большинство населения считает, что страна идет правильным путем.

Во многих письмах критиковали Запад за нападение на Египет.

Введение в Венгрию советских войск после 4 ноября 1956 года многими чехами и словаками было воспринято с облегчением. В тайных донесениях МВД описывалось, например, как люди, несмотря на дождь, собирались у репродукторов и после сообщений об успехах Советской армии в Венгрии обнимались и плакали от радости^[260].

То, что сотрудники госбезопасности читали во вскрытых письмах, в основном подтверждали и донесения агентуры с мест.

Таким образом, большинство населения ЧСР осенью 1956 года сохранило лояльность властям. Всего органами МВД в связи с венгерскими событиями были заведены уголовные дела на 665 граждан ЧСР, в основном за антигосударственную пропаганду.

Тяжелый для некоторых социалистических стран 1956 год привел к переосмыслению американской политики в отношении стран Восточной Европы. Стратегия братьев Даллес в Венгрии не привела к ожидаемым ими результатам. Стало окончательно ясно, что провоцирование всякого рода кровавых беспорядков лишь подрывает веру многих за «железным занавесом» в «освобождение» со стороны США. Опросы венгерских эмигрантов в лагерях в Австрии показали, что многие возмущены предательством США, спровоцировавших людей через «Свободную Европу» на вооруженное противостояние властям, а потом бросивших повстанцев на произвол судьбы.

Восточноевропейские эмигранты, которых финансировали американские налогоплательщики, также показали в тот кризисный 1956 год свою полную неэффективность. Ни один из них не смог стать «совестью протестующих наций».

Влиятельный американский обозреватель Сайрус Сульцбергер из «Нью-Йорк Таймс» выступил с серией статей, в которых констатировал банкротство американской политики в отношении Восточной Европы. Изменение американского общественного мнения привело к тому, что постепенно во второй половине 50-х годов было прекращено бюджетное финансирование Комитета за свободную Европу^[261].

В 1957 году наконец распался давно раздираемый внутренними противоречиями Совет свободной Чехословакии. Умеренные сторонники Зенкла и Рипки (скончался в 1958-м) сохранили прежнее название. Осуский и Леттрих создали собственный Комитет свободной Чехословакии.

В комитете было много бывших деятелей запрещенной в 1945 году (с согласия Бенеша и того же Зенкла) довоенной Аграрной партии. Американцы стали усиленно финансировать именно вторую организацию, которая была более радикальной в своем антикоммунизме. При этом Осуский и Леттрих не поднимали тему статуса Судетской области и выселения оттуда немцев – американцы просили об этом, чтобы не расстраивать канцлера ФРГ Аденауэра^[262]. Напротив, Зенкл публично защищал выселение немцев из ЧСР, проведенное его национально-социалистической партией вместе с коммунистами.

К 1957 году, накануне своего распада, Совет свободной Чехословакии получал от американских властей ежемесячно 18 тысяч долларов, в основном на заработную плату ведущим деятелям эмиграции. Примерно 10 вождей Совета получали в месяц по 350-400 долларов, что соответствовало

тогда средней заработной плате в США. Несмотря на раскол, Зенклу, Рипке и примкнувшему к ним бывшему послу ЧСР в США Славику сохранили эти дотации и после 1957 года, но больше американцы оплачивать ничего не стали.

Комитет Осуского получал в месяц 6000 долларов, тоже в основном в виде заработной платы для лидеров. На памятные политические мероприятия американцы отпустили лишь 200 долларов. В 1958-1959 годах чехословацкая эмиграция получала от своих американских хозяев всего по 40 тысяч долларов в год^[263]. Даже албанской эмиграции доставалось больше.

СНБ США в 1958 году принял решение постепенно свести на нет финансовую помощь «наиболее бесполезным» эмигрантским организациям, к которым отнесли и чехословацкую. К концу 50-х годов политическая чехословацкая эмиграция в США фактически прекратила организованную деятельность.

В октябре 1957 года еще один известнейший американский журналист, Гаррисон Солсбери, в серии статей в «Нью-Йорк Таймс» набросился на Ассамблею поработенных народов (АСЕН), которую он упрекал за архаичную политику в духе самых мрачных страниц холодной войны. Эмигранты ответили открытым письмом, которое 7 ноября 1957 года опубликовала та же газета. Ассамблея резко критиковала тех жителей Америки, кто надеялся на постепенную либерализацию коммунистических режимов по югославскому сценарию. Поэтому западному миру ни в коем случае не следовало, по мнению АСЕН, развивать с социалистическими странами культурный обмен и торговлю. Это, мол, только усилило бы позиции правящих в Восточной Европе режимов.

Видимо, братья Даллесы считали ассамблею «полезной» организацией, ибо в 1958-1959 годах ее финансирование даже выросло – с 252 до 275 тысяч долларов^[264].

Для АСЕН нашли оригинальное применение. В связи с ростом позиций левых сил в Латинской Америке (особенно после победы в 1959 году кубинской революции) восточноевропейских эмигрантов по линии ассамблеи направляли с лекциями в страны западного полушария, где они живописали «ужасы коммунистической тирании». Например, венгерские эмигранты на деньги ЦРУ запугивали чилийских избирателей в 1958 году, когда президентом страны едва не был избран марксист Сальвадор Альенде. Эмигрантов-лекторов поддерживала в Латинской Америке католическая церковь.

В 1957 году ассамблея учредила свои филиалы в Аргентине, Бразилии, Чили и Уругвае.

Эмигрантов попытались использовать и для антикоммунистической пропаганды в странах Азии, например во Вьетнаме, но там дело не пошло.

В чехословацкой эмиграции в конце 50-х годов проходила «смена вех», как и у их русских коллег после провозглашения новой экономической политики в 20-е годы. Многие эмигранты пытались отказаться от политики в пользу научной, журналистской и культурной деятельности.

Показателен в этом смысле пример журнала «Свьедетстви» («Свидетельство»), основанного журналистом Павлом Тигридом. Вокруг этого издания объединились эмигранты новой волны, из которых никто до 1948 года не занимал в Чехословакии важных государственных постов. Эти люди более гибко относились к социализму и признавали позитивные перемены в Восточной Европе после XX съезда КПСС. Журнал издавался именно для чехов и словаков, а не для западной общественности. Он нелегально доставлялся и в Чехословакию, где пользовался популярностью среди многих интеллектуалов именно благодаря современным, не перегруженным антикоммунистической пропагандой статьям. В 1960 году редакция «Свьедетстви» переехала в Париж, чтобы быть ближе к родине^[265].

Радиостанция «Свободная Европа» также извлекла некоторые уроки из венгерских и польских событий 1956 года. Передачи стали менее подстрекательскими и более информативными. ЦРУ поставило перед РСЕ задачу быть более убедительной, беспристрастной и оперативной, чем официальные СМИ в социалистических странах. Корд Мейер, отвечавший в американской разведке за радиопередачи, сформулировал это следующим образом: «Сегодня радиостанции уже являются не базами различной дестабилизационной деятельности, а обычным источником информации, более совершенной, быстрой и, главное, свободной, чем официальные источники. Их целью является плюрализм, предоставление свободного национального вещания»^[266].

Смена тактики выразилась даже в самих названиях национальных служб «Свободной Европы». Например, место «Голоса свободной Чехословакии» с 1958 года заняла «Чехословацкая редакция РСЕ».

Однако после того как передачи РСЕ стали более умеренными, среди советников Эйзенхауэра возник вопрос: а зачем вообще нужна радиостанция, чьи передачи все больше и больше по тональности походят на «Голос Америки»?

В 1959 году хозяин Белого дома создал комиссию экспертов «Комитет президента США по информационной деятельности за границей» во главе с заместителем министра обороны по международной безопасности Мэнсфилдом Спрэггом. В декабре 1960-го комитет представил отчет о своей работе, в котором констатировалось, что ликвидировать радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» ни в коем случае нельзя. Они по-прежнему играют большую роль в оказании влияния на население за «железным занавесом». В отчете, в частности, говорилось: «Психологические и политические последствия прекращения этого радиовещания были бы крайне негативными. Это самое важное. В Восточной Европе это имело бы вид компромисса с коммунизмом и нашего согласия на постоянное присутствие коммунизма в этом регионе. Та же мысль проникла бы и в иные части мира, особенно в те страны, которые борются против коммунистического давления. Они почувствовали бы, что Запад их бросил»^[267].

Комиссия Спрэга лишь предложила, чтобы на обеих радиостанциях эмигранты были постепенно заменены американцами. В 1960 году «по состоянию здоровья» уволили главного редактора чехословацкой редакции Юлия Фирта. Его преемник Освальд Кострба в духе новых американских указаний хотел избавиться от всех эмигрантов «волны 1948 года», однако против него взбунтовалась большая часть редакции. Тогда в ноябре 1960-го глава РСЕ в Мюнхене Эрик Хазельхоф уволил за неподчинение руководству 18 сотрудников чехословацкого вещания. Но в знак солидарности уволились и 26 оставшихся членов редакции. Головной нью-йоркский офис быстро понял, что чехословацкое вещание фактически разгромлено собственными руками, и в начале 1961 года отозвал из Мюнхена самих Кострбу и Хазельхофа. Фирта. Всех уволившихся и уволенных до поры до времени восстановили на работе. В 1963 году оперативное руководство РСЕ было перенесено из Нью-Йорка в Мюнхен.

Не оставляла своим вниманием РСЕ и чехословацкая внешняя разведка (1-е управление МВД). 18 ноября 1959 года ее резидент в Австрии Ярослав Немец («Некола»), работавший под прикрытием должности вице-консула ЧСР в Зальцбурге, начал акцию «Паненка». Он передал диктору РСЕ Ивану Гавлику (агенту разведки ЧСР «Алексу») две солонки с солью атропина^[268]. При этом «Алекс» думал, что получает безобидный препарат вроде слабительного, и должен был подменить на полученные от Немца солонки две обычные в столовой РСЕ в Мюнхене. Но Гавлик рассказал обо всем американцам, и они начали пропагандистскую кампанию против

«чехословацких отравителей». Чехословацкие газеты и радио ответили возмущенными комментариями под названиями типа «Вульгарная провокация».

С 1955 года, а особенно после XX съезда американцы активно пытались воздействовать на СССР и социалистические страны с помощью программ культурного обмена и легальной информационной дипломатии. С этой целью использовалась «оттепель» в социалистическом лагере, в ходе которой в Восточную Европу вернулись западные журналисты и туристы.

Причем американцы попытались отнестись к разным странам Восточной Европы дифференцированно. Например, в Гомулке Вашингтон сначала видел «нового Тито», поэтому Польша без проблем получала американские кредиты, а посольство США в Варшаве даже предложило закрыть польскую редакцию РСЕ, так как она играет на руку консервативным противникам Гомулки в польском руководстве.

Программы культурного и научного обмена с социалистическими странами курировал госдепартамент, но в финансировании разных мероприятий активно участвовал и американский бизнес – например фонды Рокфеллера и Форда.

Руководство КПЧ быстро признало, что новые методы пропаганды «американского образа жизни» оказались более действенными, – ведь было сложно объяснить населению борьбу против джаза или издания художественных произведений известных во всем мире американских писателей.

Будучи настороже перед лицом «буржуазной пропаганды», ЧСР тем не менее активно поддерживала научный обмен с США и расширение торговых связей, так как это могло помочь получению с Запада новых технологий для чехословацкой промышленности. В 1959 году Чехословакия сама предложила американским компаниям каждый год принимать участие в ярмарке в Брно^[269]. В Праге рассчитывали на ответное приглашение принять участие в выставке в Нью-Йорке.

В 1960 году в Праге был показан американский фильм «Война и мир» режиссера Кинга Видора, затем «Моби Дик» Джона Хьюстона. С 1962 года США стали постоянным участником кинофестиваля в Карловых Варах, который ЧСР хотела поднять до уровня Каннского или Берлинского фестивалей.

В 1957 году на чешском языке тиражом 40 тысяч экземпляров был издан роман Хемингуэя «Старик и море», а в 1958 – произведение того же автора «Прощай, оружие!» (тираж – 90 тысяч экземпляров).

Посольство США в ЧСР наладило тесный контакт (теперь это было можно) с профессором Школы современных языков в Праге Ярославом Шейбалом, и последний в 1956 году учредил журнал «Мировая литература», где помимо Хемингуэя печатали Стейнбека, Фолкнера, Артура Миллера и Рэя Бредбери.

Бредбери в Чехословакии, как и в СССР, считался гуманистом и борцом за мир, поэтому его произведения издавались в ЧСР огромными тиражами. Известный роман «451 градус по Фаренгейту» появился в «Мировой литературе» в чешском переводе уже в 1956 году, всего через три года после появления этого произведения^[270]. А рассказы Бредбери были в ЧСР едва ли не более читаемы, чем на родине писателя в США. Иллюстратором книг американского фантаста был всемирно известный чешский художник Зденек Буриан. В 60-е годы в ЧСР по рассказам Бредбери были поставлены теле- и радиоспектакли. Многие малые театры Чехословакии имели пьесы по рассказам Бредбери в своем постоянном репертуаре.

Но главным шлягером «американского образа жизни» в Чехословакии 50-х годов был джаз. Эта музыка пользовалась в ЧСР популярностью еще до войны. В 1948 году джаз фактически запретили, но в 1956-м снова разрешили. В 1957 году в Праге был открыт первый легальный джаз-клуб, музыку для которого поставляло посольство США. Разработанные в ЮСИА программы популяризации джаза появились даже на официальном радио.

КПЧ (как и в Советском Союзе) в 1957-1958 годах решила немного притормозить фанатов американской музыки. Были произведены аресты некоторых любителей джаза по обвинению в «хулиганстве». В 1962 году «Руде Право» предостерегало читателей от преклонения перед джазом: «Мы должны помнить, что Запад использует эту популярную музыку как тайное оружие в идеологической борьбе против социализма и сил прогресса. Америка хочет сделать из джаза своего троянского коня. Позволим себе процитировать одного американского генерала: „если уж мы не можем выиграть с винтовкой в руках, прорвем линию вражеской обороны саксофоном“»^[271].

Помимо культурного обмена американцы в конце 50-х годов старались несколько оживить и торговлю с социалистическими странами, особенно с теми, которые, с точки зрения Вашингтона, демонстрировали определенную независимость от Москвы. Ставилась задача постепенно сделать эти страны зависимыми от Запада в экономической области и

сократить их товарооборот с Советским Союзом.

Например, Польша времен начала правления Гомулки рассматривалась американцами как «будущая Югославия». Уже осенью 1956 года американский государственный Экспортно-импортный банк предоставил Варшаве заем в 55 миллионов долларов, а годом позже – еще 30 миллионов. К тому же США продали Польше в кредит на 65 миллионов долларов излишков своей аграрной продукции.

Усиленно обхаживали американцы и Румынию.

Однако Чехословакию в Вашингтоне считали самым верным союзником Москвы, поэтому торговые связи с ЧСР всячески тормозились. Напротив, Прага демонстрировала гибкость и неоднократно выражала готовность возместить США стоимость национализированного в 1945-1948 годах американского имущества (заметим, что национализация в те годы прошла при полной поддержке всех партий Национального фронта и самого президента Бенеша).

В ответ Чехословакия просила вернуть золотой запас довоенной ЧСР, украденный нацистами, а в 1945 году присвоенный американцами. США отказывались передать захваченное ими чехословацкое золото ЧСР якобы именно потому, что увязывали это с выплатой компенсации за национализированное имущество. Небезынтересно отметить, что золотой запас ЧСР (23 тонны золота) совершенно официально был переведен нацистам в 1939 году через Английский банк. Всего гитлеровцы присвоили себе в разное время оккупации Чехословакии примерно 45 тонн чехословацкого золота.

По инициативе ЧСР с 1955 года прошли десятки раундов чехословацко-американских переговоров по вопросу «золото-компенсация». Американцы просили сначала 45 миллионов долларов, но в октябре 1958-го (на тридцать девятом раунде переговоров) были готовы уже удовольствоваться 12 миллионами (эксперты ЧСР считали, что максимальная сумма компенсации не может превышать 16 миллионов долларов).

Наконец, сумма претензий США была согласована обеими сторонами в размере 10-11 млн долл. Причем чехословацкая сторона выразила готовность возобновить обслуживание полученных ранее американских кредитов, прекращенное в 1953 году. Однако затем американцы неожиданно увеличили сумму претензий в четыре раза без объяснения причин (якобы появились какие-то новые оценки ущерба от национализации). Оттягивали США и предоставление ЧСР статуса наибольшего благоприятствования в торговле, увязывая этот вопрос с

вопросом возврата чехословацкого золота. В 1962 году конгресс США наложил вето на достигнутую с таким трудом договоренность о нормализации чехословацко-американских торгово-экономических отношений.

Несмотря на уход с политической сцены Маккарти в 1954 году, конгресс США по-прежнему активно пытался блокировать даже робкие попытки администрации Эйзенхауэра наладить с социалистическими странами хотя бы нейтральные отношения. Еще в 1954-м был принят «акт Джонсона», который запрещал всем фирмам и государственным банкам США предоставление любых кредитов странам, не являвшимся членами МВФ и МБРР, то есть почти всем социалистическим странам. В этом же году конгресс одобрил «Акт о торговле и помощи в сфере сельского хозяйства», которым запрещался вывоз излишков сельскохозяйственной продукции во все страны «советского блока» (для Польши сделали специальное исключение).

Такая политика продолжалась (и даже в какой-то мере ужесточилась) и во времена президентства Джона Кеннеди (1961-1963 годы). В 1962 году конгресс принял дополнение к Закону о контроле над экспортом, по которому администрация получила право запрещать вывоз в социалистические страны любых товаров, способных «в значительной мере содействовать развитию экономического и военного потенциала советского блока»^[272].

Между тем после 1956 года чехословацкая сторона сама перешла в мирное контрнаступление, стараясь всячески продвигать в США и других западных государствах позитивный образ социалистической Чехословакии как культурной, зажиточной и миролюбивой страны.

Для этих целей использовался существовавший еще с довоенных времен Чехословацкий зарубежный институт, поддерживавший культурные и научные обмены с другими странами. Если до 1956 года институт в основном издавал журналы, брошюры и прочего рода печатную информацию о ЧСР в социалистических странах, то, согласно трехлетнему плану работы на 1956-1958 годы, было решено сосредоточиться на пропаганде именно в «свободном мире» и в развивающихся странах.

Институт отлично использовал влиятельную в США чехословацкую эмиграцию периода до 1948 года. Еще в 1870 году была основана организация чехословацких эмигрантов «Единство свободомыслящих», а затем в Чикаго (традиционный центр чешской и польской эмиграции) появился «Союз свободомыслящих».

Как видно из названий, речь шла о прогрессивных атеистических

организациях, имевших в чешской национальной традиции давнюю историю. Покорение Чехии Габсбургами в начале XVII века проходило под знаменем католизации и истребления остатков протестантских и гуситских кругов. Поэтому именно протестанты и атеисты считали себя носителями чешских национальных традиций. Насильственная католизация вынуждала многих чехов искать убежища в США, которые в XIX веке позиционировали себя как ярые противники католичества и римского папы.

Напротив, словаки (в том числе и словацкие эмигранты в США) были довольно сильно связаны с католицизмом.

Прогрессивные чешские организации в США имели довольно высокий авторитет. У них было целых три ежедневных газеты: в Чикаго «Равенство» («Ровность») и «Век разума» («Въек розуму»), а также «Корреспондент» («Зпrawодай») в Нью-Йорке.

Начиная с 1956 года Чехословацкий зарубежный институт предлагал всем организациям свободомыслящих учебники и словари чешского языка. Предложения были сначала встречены с настороженностью, но все же приняты. В условиях параноидальной «охоты за ведьмами» в США чешские эмигрантские организации опасались, что их могут обвинить в сотрудничестве с мировым коммунизмом. Позднее контакт с «Равенством» и «Веком разума» наладило и чехословацкое посольство в Вашингтоне. В 1956 году посольство предоставило обеим газетам бесплатно автомобили и несколько пишущих машинок^[273]. Затем оба издания стали охотно перепечатывать получаемые из посольства материалы о жизни в Чехословакии. Такая помощь воспринималась с благодарностью: ведь собственных корреспондентов в других городах, а тем более за границей, у чешских газет в США не было.

В 1960 году посольство ЧСР в Вашингтоне справедливо считало, что полностью контролирует «Равенство» и «Век разума».

Успешно налаживались связи посольства и с самыми старыми чешскими эмигрантскими организациями в США – «Западнoчешским братским единством» (штаб-квартира этой организации находилась в Айове) и «Центром моравских общин» (Чикаго). У первой организации было 158 отделений в разных штатах, а вторая организовывала пользовавшийся огромной популярностью среди эмигрантов Моравский день. С 1956 года чехословацкое посольство в США снабжало обе организации литературой на чешском языке, особое внимание уделяя специально предназначенному для соотечественников журналу «Чехословацкий мир» («Ческословенски свѣт»).

В 1957 году представители посольства приняли участие в

праздновании 500-летия организации моравских братьев (ветвь гуситского движения). Годом позже посольство профинансировало реставрацию статуи всемирно известного чешского просветителя Яна Амоса Коменского перед «Моравским колледжем» в Пенсильвании^[274]. Столь тесное сотрудничество не замедлило принести свои плоды. В 1958 году уже сами моравские братья пригласили посольство принять участие в очередном Моравском дне, который впервые прошел без каких-либо антикоммунистических лозунгов.

Таким образом, Чехословакия, так же как и США, использовала в своих целях новую американскую стратегию «наведения мостов» между Востоком и Западом.

Американские власти теперь уже не могли просто запрещать неудобные им организации и мероприятия как «коммунистические» или «подрывные». Приходилось принимать более «креативные» ответные меры. Например, в марте 1960 года к 110-летию со дня рождения первого президента ЧСР Масарика в США огромным тиражом в 160 миллионов экземпляров была выпущена почтовая марка с его изображением. Марка вышла в серии «Апостолы свободы», в которой ранее уже были напечатаны марки с изображением Симона Боливара и вождя венгерской революции 1848-1849 годов Лайоша Кошута^[275].

Марка с Масариком должна была лишней раз напомнить чехам и словакам о первом президенте ЧСР – активном противнике большевизма и Советской России.

ЦРУ организовало массовую засылку в Чехословакию писем с маркой Масарика (весной 1960 года их поступало до 350 ежедневно). КПЧ же решила отсылать все письма с нежелательной маркой обратно.

Но и Чехословакия вела свое пропагандистское наступление весьма активно. Чтобы окончательно обесмыслить американский слоган о «железном занавесе», ЧСР с 1956 года стала активно поощрять иностранный туризм. Теперь любой гражданин «свободного мира» мог свободно увидеть «коммунистическую действительность».

Такую политику вели тогда все социалистические страны Европы, но именно в Чехословакию приезжало больше всего туристов с Запада. Если принять количество иностранных туристов в 1956 году за 100 %, то в 1959-м этот показатель составил 391 %, а в 1962-м – 759 %^[276]. Если в середине 50-х годов в ЧСР приезжало всего несколько десятков тысяч иностранных туристов, то в 1967 году их было уже 4,6 миллиона. В 1955 году в ЧСР отважились приехать всего 2800 западных туристов, в 1958 – уже 28 тысяч

(в том числе 6 тысяч американцев).

В 1966 году Пражский Град посетили 2 миллиона туристов, примерно половина из них были иностранцами.

Учитывая, что чехословацкая крона, как и иные валюты социалистических стран, не была свободно конвертируемой, для иностранцев в 1957 году создали специальную сеть магазинов «Тузекс» (аналог советских «Березок»). Иностранцы (или работавшие за границей граждане ЧСР) могли поменять свободно конвертируемую валюту на специальные «тузексовы кронны», или «боны», как их обычно называли. В магазинах сети «Тузекс» можно было купить лучшие чехословацкие или западные товары по довольно низким ценам. Для западных туристов товары в этих магазинах были очень дешевыми, если учесть, что пусть и нелегально, но относительно безопасно можно было поменять пять обычных крон на один бон^[277].

Западные туристы, в том числе политики и журналисты, были в какой-то мере удивлены, увидев воочию то, что они так долго проклинали.

Осенью 1957 года в Чехословакию приехал американский сенатор Аллен Эллендер. Он осмотрел несколько сельскохозяйственных кооперативов, где, согласно западной пропаганде, томились в «колхозном рабстве» чехословацкие крестьяне. Сенатор был удивлен, увидев хорошо одетых веселых людей, традиционно попивавших по вечерам в трактирах пиво и не собиравшихся отказываться от коллективной работы.

Вернувшись в США, Эллендер заявил на заседании комиссии сената США по международным вопросам: «Все это (экономические успехи) дало людям нынешнее правительство (Чехословакии), и нам не следует об этом забывать»^[278].

В Прагу пригласили и уже упоминавшегося ведущего американского журналиста Гаррисона Солсбери, который после возвращения усилил критику жесткой политики братьев Даллесов в отношении Восточной Европы.

Побывавший в Праге корреспондент американской газеты «Холидей» написал, что не увидел никакой разницы между Чехословакией и Западной Европой: такая же «современная» музыка, такой же уровень комфорта в гостиницах, такой же удобный и точно следующий расписанию общественный транспорт. Один западный журналист подытожил свои впечатления следующим образом: «Чехословакия – цветущая страна по европейским меркам, богатая по меркам Восточной Европы; разница при переходе границы между Австрией и Чехословакией практически

неразличима»^[279].

Другой западный журналист просто написал: в том, что касается Чехословакии, Маркс оказался прав.

В 1959 году новый корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Праге Хандлер сделал серию репортажей о Чехословакии. Он не скрывал своего удивления и восхищения экономическим расцветом этой восточноевропейской страны. Один из его коллег так попытался выразить мнение всех побывавших в Чехословакии американских туристов: «Американские туристы даже говорили сами себе, что их обманывали всеми этими речами, описывающими коммунизм как жалкое явление»^[280].

Таким образом, открытие «железного занавеса», которого власти США патетически требовали несколько лет, не принесло «американским ястребам» ожидаемой победы, а скорее в известной степени обернулось поражением. ЦРУ и госдепартамент вкупе с остатками чехословацкой политической эмиграции пытались «плыть против течения» в общественном мнении собственной страны и объясняли достаточно обаятельный облик «коммунистической Чехословакии» наследием прежнего «капиталистического» режима, которое коммунисты, мол, еще просто не успели разбазарить.

В 1962 году находившийся уже в состоянии клинической смерти Совет свободной Чехословакии по просьбе ЦРУ издал специальный путеводитель для граждан США, желавших посетить Чехословакию. В предисловии американец мог, например, прочитать следующее: «Вы хотите посетить Чехословакию, а может быть, уже и готовитесь к этому... Путешествие в Чехословакию – конечно, ваше личное дело... Но ведь вы – свободный американский гражданин, а готовитесь посетить Чехословакию, где правит коммунистический режим. Хотите ли вы того или нет, ваш визит будет носить политические черты»^[281].

Таким образом граждан США убеждали, что любая поездка в Чехословакию укрепит репутацию коммунистического режима, а значит, лучше не ехать. ЦРУ профинансировало издание путеводителя тиражом 5 тысяч экземпляров, но никакого влияния на американских туристов он не оказал.

В 1958 году выставочный павильон ЧСР стал настоящим шлягером на всемирной выставке в Брюсселе. Выставка – первое событие такого рода после войны – проходила под девизом «Человек и прогресс». Главной интригой стало, конечно же, соревнование павильонов СССР и США. У американцев дело не заладилось с самого начала, так как бюджет

экспозиции был сильно урезан. Кроме того, накануне открытия выставки сорвался запуск ракеты «Атлас», призванный продемонстрировать – в пику советскому спутнику – космическую мощь США.

Зато чехословацкий ресторан со знаменитыми блюдами чешской кухни едва справлялся с наплывом посетителей. После окончания выставки его перевезли в Прагу, где он стоит и по сей день на высоком берегу Влтавы напротив Старого города.

Можно сказать, что в конце 1950-х годов социалистическая Чехословакия переживала свой «золотой век». В 1945-1960 годах промышленное производство в ЧСР в расчете на душу населения выросло в четыре раза, а личное потребление за период с 1948 по 1960 год – в два раза^[282].

Это была самая развитая страна в социалистическом лагере. Уровню жизни и социальному обеспечению чехов и словаков могли позавидовать и некоторые западноевропейские страны. Именно поэтому СССР активно продвигал имидж Чехословакии как витрины социализма в развивающихся странах, которые с конца 50-х годов, освободившись от колониальной зависимости от Запада, выбирали модель для собственного развития.

Стараясь помочь недавним колониям экономически, ЧСР, как и другие социалистические страны, закупала товары из этих государств, иногда и по ценам выше мировых (так же, впрочем, поступали и США, например при закупках сахара на Кубе до 1959 года). В 1956 году, когда Египет столкнулся с агрессией и экономической блокадой со стороны Франции, Великобритании и Израиля, ЧСР закупила по преференциальным ценам египетский хлопок.

После того как США в 1955 году отказались продать правительству Насера в Египте оружие, его в обмен на хлопок поставила Чехословакия.

Свои промышленные товары (качество которых было отменным и по мировым стандартам) Чехословакия часто продавала странам «третьего мира» по сниженным ценам, чтобы завоевать рынки, особенно там, где традиционно доминировали американцы. Например, в 1957 году ЧСР экспортировала в Мексику свою промышленную продукцию по ценам на 25-50 % более низким, чем на мировом рынке^[283].

В 1953-1955 годах товарооборот Чехословакии с развивающимися странами вырос на 140 %, а в 1956-м он составил уже 40 % всей торговли ЧСР с несоциалистическим миром. Объем торговли с африканскими странами в начале 60-х годов равнялся почти 900 миллионам крон. В 1954-1958 годах торговля Чехословакии со странами «третьего мира»

увеличилась вдвое. Экспорт ЧСР вырос с 48 до 90 миллионов долларов, импорт – с 30 до 60 миллионов.

В странах Азии, Африки и Латинской Америки высоко ценились чехословацкие велосипеды и мотоциклы, грузовые и легковые автомобили, металлорежущие станки, трактора, электромоторы и медицинская аппаратура. Экспортными шлагерами были и чехословацкое пиво, стекло, бижутерия, керамика и обувь. Причем все эти товары охотно покупали и прозападные страны, например Турция, Аргентина и Бразилия.

Из развивающихся стран ЧСР получала тропические фрукты, кофе, какао и сырье для своей промышленности, например каучук, кожу и железную руду. Так, Малайзия, Индонезия и Цейлон в начале 60-х годов поставляли в Чехословакию 64 % ввозимого ею каучука, Индия и Бразилия – 17 % железной руды, Турция, Индия и Бразилия – 24 % марганцевой руды, Египет и Иран – 36 % хлопка, который до 1948 года закупался на валюту в США, Египет и Ливан – 22 % фосфатов.

Что касается кредитов, то социалистические страны (включая ЧСР) предоставляли их развивающимся странам под самые низкие в мире проценты – примерно под 2 % годовых и на срок до 12 лет. Таких дешевых ссуд молодые государства не могли получить даже в МБРР. В 1953-1961 годах Чехословакия предоставила развивающимся странам кредитов на 300 миллионов рублей^[284].

В 1959 году Чехословакия оснащала своим оборудованием 37 предприятий в «третьем мире» (гидро- и теплоэлектростанции, заводы по производству сахара, цемента, тканей и т. д.).

Причем ЧСР еще с 1954 года активно участвовала в оказании помощи развивающимся странам и по линии ООН, внося в специальный фонд по 500 тысяч крон в 1954 и 1955 годах.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960 год) чехословацкая делегация внесла в повестку дня вопрос «О максимальной поддержке усилий вновь создаваемых государств, направленных на укрепление их независимости»^[285]. В 1958 году правительственная делегация ЧСР посетила Индию, Бирму, Цейлон, Камбоджу и Афганистан. В 50-е годы Прагу посетили видные деятели «третьего мира» премьер-министр Индии Неру, президент Индонезии Сукарно и глава Камбоджи Сианук.

Особенно тесные отношения во всех областях сложились между Прагой и Дели. Индия была лидером Движения неприсоединения, и ее внешнеполитические инициативы обычно всегда поддерживались социалистическими странами. В 1957 году Чехословакия и Индия

подписали долговременное торгово-экономическое соглашение. ЧСР в кредит построила в Индии ряд электростанций и заводов по производству сахара. Полностью было поставлено и оборудование для металлургического завода в Ранче стоимостью 250 миллионов крон. Кредит оплачивался поставками индийских товаров. После СССР Чехословакия была второй страной по объемам оказываемой Индии экономической помощи.

В 50-е годы активно развивалось и сотрудничество между ЧСР и Индонезией, президент которой Сукарно стоял на антиимпериалистических позициях, и ЦРУ неоднократно пыталось его свергнуть. С помощью ЧСР в Индонезии были построены завод по производству автомобильных покрышек и гидроэлектростанция.

В Афганистане Чехословакия построила первый в этой стране цементный завод, а также фабрику по производству консервов в Кандагаре.

ЧСР одной из первых признала независимость Гвинеи (1958 год), которую в конце 50-х – начале 60-х американцы называли «африканской Кубой». Было подписано несколько чехословацко-гвинейских соглашений в экономической, культурной и политической областях. Посол США в гвинейской столице Конакри оценивал объем кредитов Гвинее от социалистических стран до апреля 1961 года в 115 миллионов долларов^[286], причем ЧСР печатала гвинейские банкноты и реконструировала главный аэропорт страны. Все указатели в аэропорту были на трех языках: французском (официальный язык Гвинеи), английском и чешском.

Чехословацкие специалисты составили первую в истории Гвинеи геологическую карту республики.

В 1959 году президент Гвинеи Ахмед Секу Туре (один из самых влиятельных лидеров «третьего мира» на тот момент) посетил Чехословакию.

Однако Прага смогла наладить теплые отношения не только со странами социалистической ориентации. В 1959 году ЧСР заключила договор о дружбе и сотрудничестве с императорской Эфиопией, а также подписала соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве. В эфиопские больницы стало поступать медицинское оборудование из ЧСР на общую сумму 15 миллионов долларов.

Блокада прогрессивного националистического режима Насера в Египте Западом привела к бурному росту чехословацко-египетской торговли. Уже в 1955 году обе страны подписали торговое соглашение, предусматривавшее, среди прочего, поставку оружия из ЧСР в Египет. Это

было задолго до того, как в Египет стало поступать оружие из СССР. В 1955 году ЧСР с успехом приняла участие в торгово-промышленной выставке в Каире. В сентябре этого же года в ЧСР прибыла египетская военная делегация. Египтян интересовали, прежде всего, закупки современных самолетов, так как Израиль с лета 1955 года регулярно совершал налеты на египетские авиабазы и сбивал устаревшие истребители британского производства («глостер метеор», появившиеся еще в конце Второй мировой войны).

12 сентября 1955 года было подписано египетско-советско-чехословацкое соглашение о продаже Египту самых современных советских реактивных истребителей МиГ-15 (блестяще зарекомендовавших себя во время войны в Корее в 1950-1953 годах). СССР участвовал в сделке объемом 320 миллионов долларов, так как МиГ-15 производились в ЧСР по советской лицензии. Кроме МиГ-15 (120 машин) Египту решили продать транспортные самолеты Ил-14 (20 штук) и бомбардировщики Ил-28 (пятьдесят машин). По условиям соглашения, египетские пилоты стали проходить обучение в ЧСР. Чехословацкие инструкторы работали и в самом Египте.

Египет получил и советские танки (Т-34 – 230 машин), а также 200 бронетранспортеров и 100 САУ. Позже стали поступать новейшие советские истребители МиГ-17Ф с советскими и чехословацкими инструкторами.

Но на момент начала тройственной агрессии Запада против Египта в октябре 1956 года египетские летчики еще недостаточно освоили тактику современного воздушного боя. Поэтому практически все ВВС Египта были уничтожены в первые же часы после нападения. 31 октября британские и французские вооруженные силы в рамках операции «Мушкетер» начали массированную бомбардировку Египта. Английская и французская палубная авиация уничтожила на земле значительную часть египетских самолетов и фактически парализовала действия военно-воздушных сил Египта.

Израиль в том же 1956 году купил у Франции истребители МД-450 «ураган», которые по своим характеристикам походили на МиГ-15. К моменту начала агрессии Израиля, Франции и Великобритании против Египта в 1956-м в египетских ВВС было 30 самолетов МиГ-15.

От полной катастрофы и иностранной оккупации Египет спас Советский Союз. По инициативе Хрущева председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин направил ультиматум лидерам Великобритании, Франции и Израиля, требуя в течение суток прекратить военные действия и

вывести войска из Египта.

В письме английскому премьер-министру Идену, в частности, говорилось: «В каком положении оказалась бы Великобритания, если бы она была атакована более сильным государством, обладающим всеми видами современного разрушительного оружия? А ведь эти страны могут в настоящее время воздержаться от направления морских или воздушных сил к берегам Британии и воспользоваться иными средствами – например ракетным оружием». Письмо содержало недвусмысленную угрозу: «Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке».

Израильский премьер-министр был предупрежден, что события на Синайском полуострове «ставят под угрозу само существование Израиля как государства». Прозвучала и угроза направить на помощь Египту советских «добровольцев». При передаче ультиматумов послы СССР сообщили на словах, что советские ракеты уже готовятся к старту. В Москве состоялись инспирированные властями демонстрации протеста у стен английского, французского и израильского посольств. Советский посол был отозван из Тель-Авива.

После всех этих демаршей агрессия против Египта немедленно прекратилась.

Помимо поставок оружия ЧСР построила в Египте крупный цементный завод, а с 1957 года Чехословакия стала крупнейшим импортером египетского хлопка. Всего в конце 50-х годов ЧСР поставила Египту оборудование для 26 различных предприятий (по обработке нефти, мотоциклетный завод, цех по обработке цветных металлов и др.). Для орошения земель в районе Каира Чехословакия передала Египту насосную станцию. Специалисты из Чехословакии принимали участие в строительстве первой очереди всемирно известной Асуанской плотины, навсегда избавившей Египет от наводнений Нила, а значит, и от голода^[287].

В 1959 году в Каире были открыты чехословацкий культурный центр и антропологический институт пражского Карлова университета.

До того как Израиль встал на сторону США, Чехословакия оказывала еврейскому государству значительную помощь. В Израиль без всяких проблем выехали в 1948 году 20 тысяч евреев из ЧСР. Чехословакия финансово помогала тем евреям, которые добирались до Палестины через ее территорию.

Эмиграция в Израиль не прекращалась и в начале 50-х годов. Например, в 1951 году министерство внутренних дел ЧСР предложило 1030 гражданам подать соответствующие документы на выезд. До 23

августа 1952 года было подано только 464 ходатайства, из которых были одобрены шесть, – о себе уже давал знать «сионистский заговор» «группы Сланского».

Вплоть до «дела Филда» власти Чехословакии бескомпромиссно боролись против любого проявления антисемитизма, который при поддержке бывших членов Людацкой партии имел определенные корни, прежде всего, в Словакии.

В поддержку Израиля на территории ЧСР с санкции властей прошло несколько кампаний по сбору денежных средств. В первый раз граждане Чехословакии собрали 5,7 миллионов крон, во второй раз – целых 18 миллионов, в третий раз – 6,2 миллиона.

Учитывая взрывоопасную обстановку на Ближнем Востоке (главным образом из-за действий подпольной еврейской террористической организации «Хагана»), ООН 29 ноября 1947 года запретила поставки оружия в Палестину, а в апреле 1948 – во все страны Ближнего Востока (это была рекомендация).

После февральских событий 1948 года было решено принципиально прекратить поставки любого оружия в Испанию (там правил фашистский диктатор Франко), в Грецию (где при поддержке англичан была развязана кровавая гражданская война против компартии), в Китай (там еще правил Чан Кайши, тоже воевавший против коммунистов) и в Турцию (получавшую военную помощь от США по «доктрине Трумэна»). Что касается остальных стран, то решение о поставках оружия после консультации с СССР принимала специальная комиссия в составе премьер-министра, министра иностранных дел, министра внешней торговли и генерального секретаря ЦК КПЧ (то есть Сланского).

Уполномоченные будущего Израиля (например, будущий израильский посол в ЧСР Эхуд Юбералль-Авриэль) просили о поставках оружия из ЧСР в 1947 году, мотивируя это тем, что Чехословакия продала оружие Сирии^[288]. В Праге предложили еврейским эмиссарам (они тогда действовали от имени «Еврейского агентства») купить столько же вооружений для поддержания равновесия в регионе.

После первой арабо-израильской войны, начавшейся в мае 1948 года (в ней социалистические страны поддержали Израиль как жертву нападения), и до июня 1949-го Чехословакия поставляла Израилю практически любое запрашиваемое оружие. Причем решения часто принимались в течение 24 часов. Координацию работы всех чехословацких ведомств осуществлял глава международного отдела ЦК КПЧ Геминдер (что ему потом и припомнили на процессе Сланского). От министерства обороны главой

специальной группы по поставкам вооружения Израилю был назначен заместитель начальника военной разведки полковник генерального штаба Станислав Палла.

Поставки осуществлялись под кодом DI («Duverne, Izrael» – то есть «Конфиденциально, Израиль»). Оружие переправлялось через Венгрию в Югославию, где грузилось на израильские корабли^[289]. Дополнительно уже с 31 марта 1948 года функционировал прямой «воздушный мост» по перегонке самолетов в Израиль (с аэродромов Жатец, Куновице, Ческе Будейовице и Брно). До Югославии машины летели с ложными опознавательными знаками. Там на них пересаживались израильские пилоты, и уже с опознавательными знаками Израиля самолеты вылетали дальше, на Ближний Восток.

Первый самолет с оружием для еще формально не существовавшего Израиля (7 тонн груза) вылетел из Праги 31 марта 1948 года. Посольство США в Праге встревожилось, так как рейс выполнял американский гражданский самолет компании «Нозерн Эйлайнз». Из-за негативной реакции США все рейсы пришлось перенести из Праги в Жатец.

В этот период (весна 1948 – лето 1949 года) Израиль получил из ЧСР пехотное вооружение, боеприпасы, минометы, танки и орудия, однако в Тель-Авиве требовали и самолеты, а также современное оружие послевоенных разработок. Израильскую армию, кроме того, интересовали чехословацкие пулеметы, автоматы, автоматические винтовки, орудия и минометы. Заместитель начальника израильского генштаба Игаль Ядин летом 1949 года посетил практически все оборонные предприятия ЧСР, чтобы сформировать долгосрочный заказ на производство боевой техники для Израиля. Израиль был заинтересован в строительстве специалистами из ЧСР завода по производству боеприпасов на своей территории. На эту просьбу в Праге ответили согласием, но дополнительно танки решили не поставлять (это было все же наступательное оружие, да и у арабов все равно современных танков тогда не имелось).

В арабских странах росло возмущение военной помощью Чехословакии Израилю. Например, 1 декабря 1947 года перед консульством ЧСР в Иерусалиме прошла гневная демонстрация, участники которой обещали устроить чехам «вторую Лидице»^[290]. Великобритания (которая до мая 1948 года управляла всей Палестиной) угрожала подать против Чехословакии жалобу в ООН, обвиняя Прагу в незаконных поставках оружия еврейским боевым организациям.

В 1950 году решением министерства обороны ЧСР все поставки

нового оружия в Израиль были прекращены, однако старые контракты еще выполнялись. В августе 1951 года Израиль опять попытался купить в ЧСР большую партию вооружений, но ему отказали не только в Праге, но и на Западе.

Таким образом, на примере израильско-чехословацких отношений становится абсолютно ясным, что социалистические страны принципиально не имели ничего против еврейского государства и даже активно поддерживали его до тех пор, пока Израиль, уже при поддержке США, не начал проводить чрезмерно жесткую политику против своих арабских соседей.

Для стран «третьего мира» Чехословакия, как и с их собственной точки зрения, так и с точки зрения СССР, была просто идеальным партнером. Маленькая развитая страна с большими экономическими возможностями и богатой культурой – американцам было очень сложно представить Прагу коварным агрессором.

Мощным пропагандистским оружием ЧСР были торгово-промышленные выставки, в которых Чехословакия с неизменным успехом участвовала гораздо активнее, чем любая другая социалистическая страна.

В ноябре 1956 году весь Уругвай был поражен отменным качеством чехословацких товаров на промышленной выставке в этой стране, а еще больше – тем, что всю прибыль от выставки ЧСР перевела в фонд уругвайского сиротского дома. В марте 1957 года посетители чехословацкого павильона на выставке на Цейлоне могли убедиться в правильности висевшего над входом транспаранта «Коммунистическая страна не требует за свою помощь выполнения политических условий». В марте – апреле 1957 года чехословацкий павильон на выставке в южноафриканском Йоханнесбурге был признан лучшим и получил золотую медаль ^[291].

Американцев эти успехи ЧСР крайне тревожили. В анализе СНБ США отмечалось: «Участие (социалистического блока) в ярмарках нацелено на установление более тесных отношений со странами-хозяевами (ярмарок). Если мы не будем этому противостоять, то это может привести к зависимости „третьего мира“ от советского блока и создать угрозу американской безопасности, особенно в том, что касается большого психологического влияния (ярмарок)» ^[292].

Особенно злили американцев культурные и экономические успехи ЧСР в Латинской Америке, которую в то время в Вашингтоне чуть ли не официально именовали «задним двором США».

Между тем связи этого региона с Чехией возникли еще в XVII веке (то есть задолго до образования самих США). В то время почти треть иезуитов-миссионеров в Южной Америке были чехами. В XIX веке многие чехи эмигрировали в Южную Америку (особенно Бразилию и Аргентину), спасаясь от нужды и национального гнета в Австро-Венгрии. ЧСР еще до войны старалась поддерживать тесные связи с соотечественниками в Западном полушарии, и КПЧ после 1948 года продолжала ту же линию.

В 50-е годы ЧСР распространяла в странах Латинской Америки 20 журналов (СССР – лишь 12). Неудивительно, что именно Чехословакия первой из социалистических стран наладила торговые отношения с Бразилией и Аргентиной.

Бразилия в 50-е годы стремилась проводить относительно независимую от США политику и старалась развивать собственную промышленность, чтобы снизить свою зависимость от американского импорта. Чехословакия охотно поставляла бразильцам промышленное оборудование, тем более что президентом Бразилии в 1955-1960 годах был политик чешского происхождения – Жуселину Кубичек^[293]. Правда, Кубичек с оглядкой на американцев не шел ни на какое политическое сотрудничество с Прагой. С конца 50-х годов ЧСР начала поставки в Бразилию оборудования для ГЭС в Барире мощностью 132000 кВт. В Бразилии и Аргентине с чехословацкой помощью сооружались цементные заводы.

Естественно, что отношения Чехословакии с Кубой после победы на острове антиимпериалистической революции в январе 1959 года развивались активно. Опасаясь реакции Вашингтона, Кастро сначала не хотел активизировать советско-кубинские отношения, и вся торговля, как и помощь социалистических стран, шла через Чехословакию. Именно там кубинцы купили первые партии оружия советского производства (до конца 1959 года оружие поставлялось из ЧСР через третьи страны). Оружие из Чехословакии было использовано кубинцами для разгрома организованной ЦРУ интервенции в заливе Свиней в апреле 1961 года.

Официально Куба и Чехословакия восстановили дипломатические отношения в декабре 1959 года. После этого на остров были направлены чехословацкие специалисты в самых различных отраслях: от здравоохранения и производства солнцезащитного стекла до военных советников. Например, советником по здравоохранению на Кубе работал будущий активный деятель «пражской весны» Рудольф Кригель.

В 1960 году в Праге считали, что через Кубу Чехословакия станет «ледоколом социалистического лагеря» во всей Латинской Америке. Но

после Карибского кризиса 1962 года пражская эйфория относительно экономических перспектив кубинско-чехословацкого сотрудничества уступила место трезвому расчету. Кубинцы не очень пунктуально рассчитывались по предоставленным ранее ЧСР щедрым кредитам. Поэтому не был, например, реализован гигантский проект строительства в Сантьяго-де-Куба нескольких заводов по производству автомобилей, мотоциклов и тракторов (AUTOMOTRIZ). Среди чехословацкого населения были все более заметны настроения против «кубинских иждивенцев».

Помимо экономической дипломатии ЧСР умело применяла и культурную. Были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Ираком, Цейлоном, Камбоджей и Индонезией. В Ираке (как и в Каире) в 1959 году был открыт культурный центр.

В Чехословакии учились и повышали квалификацию тысячи студентов и специалистов из развивающихся стран. Только в 1958/1959 учебном году стипендии чехословацкого правительства на обучение в ВУЗах ЧСР получили три тысячи иностранных студентов^[294]. Больше иностранных студентов училось только в СССР.

Администрация США считала именно эту сторону чехословацкой внешней политики крайне опасной: «Много будущих лидеров (отсталых стран) индоктринировано в Чехословакии. Процент иностранных студентов в этой стране относительно общего количества студентов самый большой в рамках целого (советского) блока, включая Советский Союз. У Чехословакии прекрасные школы, уровень жизни самый высокий в блоке, а уровень промышленного развития превышает уровень других стран блока. Таким образом, это выставочная витрина коммунизма; студенты, которые там побывали, получали самое лучшее впечатление о „коммунистическом мире“. Ввиду этой комбинации факторов Чехословакия играет принципиальную роль в попытках коммунистов использовать студенческие обмены в выгодных коммунизму целях»^[295].

Таким образом, американцы сами же нарвались на результаты своей новой стратегии, направленной на демонстрацию Восточной Европе и молодым развивающимся странам прелестей западного образа жизни. Получалось, что Чехословакия делает это куда лучше, чем они.

Администрация Эйзенхауэра констатировала: «Их (ЧСР – *Прим. автора.*) целью является нейтрализация американского влияния и ослабление позиций Запада (в развивающихся странах)... Коммунистическая программа, являющаяся составной частью этой стратегии, пока еще делает свои первые шаги...»^[296]

В 1960 году в странах Азии, Африки и Латинской Америки работали 337 специалистов из Чехословакии^[297].

В Вашингтоне, конечно же, не собирались лишь наблюдать за успехами Чехословакии и других стран социализма в «третьем мире». Американцы стали давить на развивающиеся страны, чтобы те ограничили свои контакты с «восточным блоком». Например, в январе 1957 года Уругвай намеревался подписать с Чехословакией соглашение о помощи в развитии уругвайской телефонной сети. Американский посол в Монтевидео выразил решительный протест, так как речь, мол, шла о стратегической отрасли, а Уругвай был союзником США. Нажим увенчался успехом: в апреле 1957-го уругвайцы так изменили условия контракта, чтобы он мог достаться только американцам.

ЦРУ изготовляло и всякого рода пропагандистские страшилки о «подрывном проникновении» «коммунистического блока» в развивающиеся страны. Так, в 1957 году вышел «аналитический документ» «Экономическая дипломатия советского блока в наименее развитых странах: обзор существующих программ, а также мотивации и возможностей блока». Естественно, аналитики ЦРУ, не сильно утруждая себя фактами, предсказывали, что вслед за «коммунистическими» товарами в бедные страны придут советские войска.

В 1960 году конгресс США, напуганный кубинской революцией, тоже выпустил аналитический доклад – «Отношения между Соединенными Штатами и Латинской Америкой. Активность советского блока и ее воздействие на внешнюю политику Соединенных Штатов».

Однако, несмотря на все усилия американцев, ЧСР, как и другие социалистические страны, к началу 60-х годов явно выигрывала борьбу за умы и сердца жителей «третьего мира».

В 1959 году Чехословакия имела 72 дипломатических представительства в 54 странах. Именно в Праге, а не в Москве, находились штаб-квартиры влиятельных международных прогрессивных организаций – Всемирной федерации профсоюзов (до 1949 года базировавшейся в Париже), Международного союза студентов, Международной организации журналистов, Международной организации радио и телевидения, Всемирной федерации научных работников.

Пожалуй, период 1954-1962 годов можно назвать «золотым веком» социалистической Чехословакии. Это была страна с самым высоким жизненным уровнем не только среди стран социализма, но и в мировом масштабе в целом. Причем этот факт публично признавали и Хрущев, и Брежнев. Большая часть населения была вполне довольна жизнью и

действительно поддерживала политику КПЧ.

В эти годы экономика Чехословакии продолжала развиваться быстрыми темпами. К середине 1958-го объем промышленного производства вырос в 3,1 раза по сравнению с 1937 годом^[298]. Среднегодовой прирост в промышленности в 1957-1958 годах составлял фантастические 10,4 %. В 1957 году в ЧСР был сдан в эксплуатацию первый атомный реактор (советского образца), который помог ликвидировать узкое место прежней чехословацкой экономики – недостаток электроэнергии. В 1958 году в пока еще отстававшей по уровню индустриального развития от Чехии Словакии началось строительство первой в стране атомной электростанции мощностью 150 тысяч кВт. Производство электроэнергии выросло в 1958 году по сравнению с 1937-м в 4,7 раза.

Доля словацкой промышленности в общем индустриальном потенциале страны выросла с 7,4 % в 1937 году до 16,7 % в 1957-м.

Но важным были не столько сами темпы промышленного роста, сколько то, что в 1958-1959 годах весь этот рост шел за счет увеличения производительности труда. В 1958 году рост производительности труда был самым высоким в истории страны и превысил рост заработной платы.

К 1960 году в чехословацкой деревне стали превалировать уже коллективные формы хозяйства. Число кооперативов с 1955 по 1958 год увеличилось с 6795 до 11 820, и они стали обрабатывать уже 72 % земли. Только в 1955-1958 годах возникло 5345 новых кооперативов с 851 тысячей членов.

В феврале 1958 года, то есть сразу же после прихода Новотного к власти, пленум ЦК КПЧ утвердил первые реформы в промышленности страны. Целью нововведений была децентрализация управления промышленностью, передача полномочий местным органам власти, лучше знавшим потребности населения в своих городах, селах и поселках. С 1 апреля 1958 года было упразднено министерство местной (то есть мелкой) промышленности, и все подведомственные ему ранее предприятия передали в ведение национальных комитетов на местах.

Были ликвидированы также главки (главные отраслевые управления) центральных промышленных министерств. Из 1417 предприятий центрального подчинения было создано 316 крупных предприятий, которые получили больше самостоятельности.

Бесспорно, все эти реформы механизма хозяйственного управления были навеяны аналогичными мерами Хрущева («совнархозы»), также

громившего центральную министерскую бюрократию и передававшего все полномочия на места.

Экономический рост прямо отражался на кошельках и желудках граждан. В 1958 году национальный доход в ЧСР вырос на 8 % и на потребление было направлено 82,2 % (в том числе на личное – 64,3 %).

В 1956-1958 годах три раза проводилось снижение цен на промышленные и продовольственные товары. Располагаемые доходы граждан выросли в 1956-1957 годах на 12 миллиардов крон, в том числе фонд заработной платы – на 10 миллиардов крон^[299]. Примерно 55 % зарплаты люди тратили в 1958 году на продукты питания, а 22,5 % – на товары длительного пользования. В 1956 году было решено сократить рабочую неделю с 48 до 46 часов, и была начата подготовка к переходу на 7-часовой рабочий день.

В целом личное потребление граждан выросло в 1953-1957 годах на 40 %. Только в 1957-м населению продали на 227 % больше телевизоров, на 128 % – холодильников и на 205 % – легковых автомобилей.

Потребление основных продуктов питания в 1957 году на четверть превысило довоенный уровень. Так как среднее потребление калорий чехами и словаками уже превзошло рекомендуемый врачами уровень, то в стране впервые в мире была поставлена задача совершенствования структуры питания. Жители стали есть меньше хлеба и картошки и больше молока, овощей и фруктов.

При этом важно подчеркнуть – и это отмечает в своих воспоминаниях и Млынарж, – что в новой Чехословакии жили хорошо все, а не только богатые, как до войны. Люди забыли, что такое безработица, выселение из дома за долги, голод.

К так называемой низшей группе населения с точки зрения доходов (семьи, где доходы были ниже или на уровне прожиточного минимума) в 1958 году относилось 1 195 000 домохозяйств (примерно 28 % населения). В этой группе было 589 тысяч многодетных семей (трое и более детей). Сюда же относили 400 тысяч пенсионеров.

К средней группе причисляли 46,7 % населения (6 миллионов человек). К чехословацкому среднему классу впервые в истории страны принадлежали 2,25 миллиона членов семей рабочих. Высокооплачиваемая группа населения (24,5 % граждан) насчитывала 3 миллиона человек, причем в этой группе были в основном небольшие по составу семьи (два-три человека). И среди этой группы было 1,7 миллиона рабочих.

Вместе с материальным сильно вырос и культурный уровень населения ЧСР. В 1937 году в стране было девять высших учебных

заведений, а в 1954 году – уже 39. В них обучались 47 тысяч студентов (в том числе в Словакии было 12 вузов с 14 тысячами студентов). Причем если до войны учебу в вузе могли себе позволить в основном богатые или зажиточные люди, то теперь – любой гражданин. В 1937 году среди студентов было только 5-7% детей рабочих и крестьян, в конце 50-х годов – 47 %. Была создана заново сеть заочных и вечерних университетов, что было особенно важно именно для рабочих, имевших семьи.

В 1952-м была создана Чехословацкая академия наук, в институтах которой к 1960 году работали более 10 тысяч ученых и сотрудников. Чехословацкий химик Гейровский получил Нобелевскую премию за исследования в области полярографии (метода химического анализа). Чехословацкие медики разработали новый метод лечения скарлатины. Если до войны ЧСР импортировала фактически все лекарства, то теперь она изготавливала их сама.

Самым главным показателем качества жизни населения любой страны является, бесспорно, продолжительность жизни. Если в 1937 году в Чехословакии женщины жили в среднем 55,2 года, а мужчины – 51,9 года, то в 1956 – 71,6 и 66,2 года соответственно [\[300\]](#).

13 ноября 1957 года от инфаркта в возрасте 72 лет скончался президент ЧСР Антонин Запотоцкий (в народе его по-свойски величали за неуемную энергию «ушастой торпедой»). Как и Готвальда, его хоронили в генеральской форме (то есть как верховного главнокомандующего). Затем тело кремировали, и урна с прахом была помещена в Национальном памятнике на горе Витков в Праге. После «бархатной революции» в ноябре 1989 года урну переместили в фамильный склеп Запотоцких на кладбище в пражском районе Страшнице, где уже покоилась его жена Мария. До сих пор могила президента ЧСР Антонина Запотоцкого – одна из самых скромных на кладбище.

После ноября 1957 года ЦК КПЧ оставил Марии Запотоцкой водителя, пенсию и небольшой дом, откуда она потом перебралась в более скромную трехкомнатную квартиру [\[301\]](#). Мария не принимала участия в общественной жизни, но с радостью вспоминала о муже, если ее об этом просили. Когда в 1977 году был открыт небольшой памятник Запотоцкому, она просто сказала скульптору: «Спасибо Вам, маэстро. Это и правда Тоник». Мария Запотоцкая скончалась 7 июня 1981 года.

Руководство КПЧ готовило на пост нового президента ЧСР Вильяма Широкого, однако Хрущев решил иначе и предложил кандидатуру

Антонина Новотного. Последний был от такого предложения не в восторге. Его племянница рассказывал будущему активному деятелю «пражской весны» Зденеку Млынаржу, как Новотный плакал и говорил своему брату, что не дорос до такой должности.

Тем не менее парламент ЧСР послушно и единогласно утвердил Антонина Новотного новым главой государства. Новотный так и остался очень непритязательным в быту человеком и по-прежнему чурался больших компаний и официальных мероприятий. Он следил за тем, чтобы о его личной жизни и увлечениях не писали в газетах, так как считал это нескромным. Но, в отличие от своего покровителя Хрущева, имевший примерно столь же скудное образование Новотный отменно вежливо и достойно вел себя с иностранными делегациями, а один западный журнал даже признал его «самым хорошо одетым политиком в мире». Причем когда об этом ему в шутку сказали на одном из приемов, президент Чехословакии сильно покраснел.

Новотный, в отличие от Запотоцкого, не был интеллектуалом и многие сложные иностранные слова в речах произносил неправильно. Свободное время он проводил тоже без изысков – играл с друзьями на даче в карты. Причем именно с друзьями, а не с руководством страны. Да и сама дача была выстроена не в современном люксовом стиле, а в духе обычного чешского крестьянского дома. Например, в карты играли на пивной бочке, стоявшей во дворе.

Тем не менее и противники Новотного отмечали, что он с уважением и даже пиететом относился к интеллектуалам и не боялся окружать себя более образованными людьми, чем он сам.

Новотный не скопил никакого состояния на своем высоком посту и даже вернул часть президентской зарплаты после своей отставки в марте 1968 года (хотя мог бы по закону этого и не делать). Новый президент считал, что зарплаты первого секретаря ЦК ему вполне достаточно, поэтому часто просто дарил своим соратникам конверты с деньгами из зарплаты главы государства.

Александр Дубчек в своих воспоминаниях доказывал, что Новотный делал это якобы затем, чтобы коррумтировать свое ближайшее окружение. Но этот довод представляется явно смехотворным, если учесть, какими незначительными были суммы в конвертах. Просто Новотному было немного стыдно, что он получает двойную зарплату.

Жена Новотного Божена, в отличие от мужа, не чуждалась красивых вещей. Например, после казни министра иностранных дел Владимира Клементиса она довольно дешево купила принадлежавшие ему постельное

белье и китайский фарфоровый сервиз, выставленные на продажу. Жена Клементиса вспоминала, как еще до ареста мужа супруга Новотного заглядывалась на их сервиз.

Божена Новотная попыталась было покомандовать на Пражском Граде, но если она хотела для себя на время какой-нибудь дорогой предмет из замкового интерьера, обслуживающему персоналу вполне достаточно было сказать ей: «Товарищ Новотный этого не одобрит».

В целом Божена сознавала свою простоту и больше всего боялась оконфузить мужа, поэтому неохотно участвовала в официальных мероприятиях. Как и раньше, она заботилась о своем «Тонике»: следила, чтобы президент был сыт, имел выглаженные рубашку и костюм.

Антонину Новотному крупно не повезло, что мир знает его теперь в основном со слов Александра Дубчека, сменившего его на посту первого секретаря ЦК КПЧ. Символ «пражской весны» 1968 года, Дубчек пытался скрыть провал собственных эмбриональных реформ тем, что ему якобы досталось тяжелое наследие «сталиниста» Новотного. На самом деле именно Новотный и был настоящим архитектором коренных реформ в Чехословакии, по сути, прерванных хаосом и политическим разбродом «пражской весны», когда серьезные реформы заменили газетной болтовней. Просто Новотный, в отличие от Дубчека, не заботился о своем имидже реформатора, как и об имидже в целом. Если Дубчек с удовольствием позировал для фотографов на пляже в плавках, то Новотный на его месте сгорел бы от стыда, но не допустил этого.

Пожалуй, лучше всего охарактеризовал Новотного еще один творец «пражской весны», Зденек Млынарж, учившийся вместе с Горбачевым в МГУ в 50-е годы.

В своих выпущенных уже после 1968 года, в эмиграции, воспоминаниях «Мороз ударил из Кремля» Млынарж писал: «Я думаю, что искажением реальной действительности в КПЧ 60-х годов было бы утверждение, что весь период правления Антонина Новотного был эрой сталинистской тьмы, первые лучи света в которую внесла якобы лишь политика реформ Дубчека в январе 1968 года... Экономическая реформа, „новая система планирования и управления“, которую обычно приписывают Оте Шику^[302], была не тайком возникшей во тьме ересью, а одобренной руководством официальной политикой партии и правительства (во времена Новотного)...

Сотни писателей и деятелей искусств, историков, социологов, экономистов, юристов и философов, которые после 1970 года должны были добывать себе пропитание, работая истопниками, чернорабочими,

мойщиками окон и еще бог знает кем, тогда работали в научных или культурных государственных учреждениях и занимались только одной главной темой: критикой режима Новотного. И это все при правлении Антонина Новотного. Был ли Новотный коммунистом-реформатором^[303]? Скорее все же нет. Наверное, он действительно был реликтом из эры Сталина. Но его роль отнюдь не была такой уж однозначно негативной, она была сложнее и противоречивее...»^[304]

Далее Млынарж абсолютно верно пишет о том, что люди из окружения Новотного, например Йиржи Гендрих и Владимир Коуцкий, сделали для реформ в Чехословакии гораздо больше, чем Дубчек и Олдржих Черник^[305]. И никто не мог бы проводить эти реформы в 1963-1967 годах без поддержки Новотного.

Социальная однородность общества, социальная стабильность и высокий уровень жизни позволили XI съезду КПЧ в июне 1958 года констатировать, что в Чехословакии в основном построены основы социализма. Новотный поставил задачу завершения построения социализма в стране: «Задача завершения социалистического строительства включает в себя не только построение социализма, но и более широкие задачи развития социалистического общества. Задачу завершения строительства социализма мы понимаем не как заранее ограниченный по времени период, а как целый этап развития, в течение которого наше общество на основе построенного социализма будет набираться новых сил, накапливать и создавать новые материальные и культурные ценности для перехода к коммунизму»^[306].

В июле 1960 года по предложению КПЧ Национальное собрание единогласно утвердило новую конституцию страны, за которую Новотного сильно ругали во времена «пражской весны». Ругал, например, и Дубчек, ранее активно эту конституцию поддерживавший.

В новом основном законе закреплялось построение в Чехословакии социализма. Страна получала новое название – Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР). В 1968 году Дубчек и его окружение упрекали Новотного в том, что это название не отражало реальной действительности, поэтому было преждевременным. Но если понимать социализм так, как его понимали Маркс, Энгельс и Ленин, – а именно как общество, где господствует общественная собственность на средства производства и ликвидирована эксплуатация человека человеком, – то социализм в Чехословакии был налицо. Причем высокий

жизненный уровень населения делал прилагательное «социалистический» более чем оправданным.

В конституции 1960 года говорилось, что экономической основой страны является общественная собственность на средства производства в форме государственной и кооперативной. В то же время допускалось и частное предпринимательство, но с одной важнейшей оговоркой – предприниматель должен был работать сам и не эксплуатировать других людей.

В преамбуле новой конституции говорилось: «В нашей стране были решены все основные задачи перехода от капиталистического общества к обществу социалистическому. Освобожденный человеческий труд стал главным фактором всего нашего общества. Он теперь является не только обязанностью, но и делом чести каждого гражданина. Уже реализуется на практике принцип социализма:

«От каждого по способностям,
Каждому – по труду!»

Народная демократия как путь к социализму полностью себя оправдала: она привела нас к его победе!»^[307]

В 1968 году ругали Новотного (хотя проект конституции широко обсуждался в обществе и партии и не был продуктом творчества первого секретаря ЦК КПЧ) и за то, что основным закон закреплял руководящую роль компартии в обществе. Но в то время среди социалистических стран это было нормой, и Чехословакия здесь отнюдь не выбивалась из колеи.

В защиту Новотного говорит тот факт, что в конституции 1960 года были урезаны в пользу Национального собрания и правительства права президента. Был сокращен до пяти лет срок президентских полномочий. Президент был лишен права распускать парламент и возвращать ему на доработку уже утвержденные законы.

Национальное Собрание избиралось на четыре года и само выбирало президента республики (тремя пятыми всех голосов депутатов) и членов Верховного суда. Только парламент мог предложить президенту отправить в отставку правительство страны. В конституции прямо указывалось, что президент подотчетен парламенту в своей деятельности. Присяга президента ЧССР звучала следующим образом: «Торжественно и сознательно обещаю хранить верность Чехословацкой Социалистической Республике и делу социализма. Буду исполнять свои обязанности согласно

воле народа и в интересах народа, буду заботиться о благе республики, хранить конституцию и иные законы социалистического государства».

Дубчек (словак по национальности) позднее упрекал Новотного и в том, что в конституции 1960 года была сильно урезана словацкая автономия. Этот упрек следует признать справедливым. Летом 1960 года было фактически ликвидировано автономное правительство Словакии – Корпус уполномоченных. Отдельные министерства корпуса стали комиссиями словацкого автономного парламента – Словацкого национального совета (СНС). Новотный, а вместе с ним и все члены Президиума ЦК КПЧ, считали словацкое правительство ненужным органом, дублировавшим функции общечехословацких министерств и ведомств. К тому же в Праге полагали, что Корпус уполномоченных работал плохо и со своими обязанностями не справлялся. СНС был оставлен и мог принимать законы регионального характера или законы, на принятие которых его уполномочило Национальное собрание.

Бесспорно, этот централизм новой конституции привел к росту националистических и античешских настроений в Словакии, но не среди обычного населения, а среди словацких партийных и государственных функционеров, чьи полномочия были урезаны. Именно эти люди и объединились позднее вокруг Дубчека для свержения Новотного.

На самом деле ликвидация словацкого Корпуса уполномоченных была вызвана стремлением сократить бюрократический аппарат в довольно небольшой стране. В условиях планового централизованного управления народным хозяйством было действительно не совсем ясно, чем корпус должен был заниматься на практике. Местная же промышленность после 1958 года подчинялась тоже не Праге или Братиславе, а местным органам власти, вне зависимости от их национальности.

Интересно, что Дубчек признает в своих воспоминаниях: «В 1959 и 1960 годах я не мог выразить это свое мнение (критику конституции – *Прим. автора.*) прямо...»^[308] Правда, почему не мог, он не разъясняет. Расстрел или тюрьма за это при «сталинисте» Новотном ему явно не грозили.

Руководство КПЧ во главе с тем же «сталинистом» Новотным принимало конституцию 1960 года по той же причине, по которой в 1977-м была утверждена новая конституция СССР. В Чехословакии в 1960 году, по сути дела, провозглашалось окончание классовой борьбы и построение единого общества, где все имеют одинаковые права. Никто теперь уже не должен был пугаться своего «неправильного» социального происхождения.

Таким образом, новая конституция должна была привести в общество

ту политическую стабильность, которой уже удалось достигнуть в социальной и экономической сферах.

Но добиться окончательной стабильности и успокоения мешали последствия операции «Раскол», блестяще проведенной Алленом Даллесом в 1949-1952 годах. И нежелание или неспособность чехословацкого руководства осознать и исправить совершенные им ошибки. Никто из осужденных по разного рода политическим процессам 1949-1954 годов в Чехословакии так и не был пока публично реабилитирован, что опять-таки позднее ставили в вину «сталинисту» Новотному.

На самом деле Новотный не был ответственен за «процесс Сланского» (именно поэтому Хрущев и настоял на избрании его президентом в 1957 году). За смертный приговор бывшему генеральному секретарю голосовали в 1952 году Запотоцкий, премьер Широкий (которого Хрущев опять-таки поэтому и не позволил сделать президентом в 1957-м) и министр внутренних дел Барак. Все эти люди были членами Президиума ЦК КПЧ и имели гораздо более сильный авторитет в партии, чем Новотный. До смерти Запотоцкого Новотный не мог и помышлять о том, чтобы поставить вопрос о полной реабилитации жертв политических репрессий.

Но и после 1957 года в руководстве КПЧ все еще преобладали люди, лично ответственные за процессы начала 50-х годов. Даже в Москве «антипартийная группа» Молотова, Маленкова и Кагановича едва не свергла Хрущева в 1957-м, не желая полной реабилитации жертв политических репрессий, за которые все они (как, впрочем, и сам Хрущев) несли полную ответственность. Новотный же пока вообще был в меньшинстве как в Президиуме ЦК КПЧ (в конце 50-х годов в нем было девять-десять членов), так и в секретариате ЦК, руководившем повседневной работой партии и государственных органов.

Компартию Словакии возглавлял Карол Бацилек, который во время процесса Сланского был министром госбезопасности, а затем добился осуждения «словацких буржуазных националистов» типа Гусака или Новоместского. Если реабилитировать Гусака, то надо было посадить в тюрьму Бацилека. А за последним пока стояло все руководство словацкой компартии. При этом не следовало забывать, что Бацилек был одним из руководителей Словацкого национального восстания, заброшенным в Словакию из Москвы.

К тому же все процессы 50-х годов были завязаны на Сланского, а в его виновности ни Новотный, ни его коллеги по Президиуму ЦК КПЧ не сомневались. Ведь имелось перехваченное письмо Сланскому от американской разведки. К тому же арестовать Сланского просил лично

приехавший тогда в Прагу по поручению Сталина Анастас Микоян. А при Хрущеве гибкий Микоян сумел стать вторым человеком в СССР, поддержав Никиту Сергеевича в борьбе с «антипартийной группой» Молотова. Реабилитировать Сланского в этих условиях означало бы обвинить Москву и лично Микояна не просто в ошибке, а в преступлении.

Поэтому Новотный в начале 60-х годов продолжал придерживаться версии о Сланском как о «чехословацком Бериин», который и развязал в стране массовые репрессии (частично это было правдой – Сланский поддерживал и лично санкционировал все аресты партийных деятелей вплоть до своего собственного ареста). По этой логике получалось, что Чехословакия разоблачила «своего Берию» даже раньше, чем это произошло в Советском Союзе. В Президиуме ЦК КПЧ были готовы допустить, что на Сланского и его «подельников» навешали много лишних обвинений, например в сионизме или «титоизме», но в целом в его виновности никто не сомневался.

И в этом, пожалуй, состоял главный успех операции «Раскол» – именно запоздалая реабилитация в ЧССР и привела к хаосу «пражской весны», провалу начатых в 1963 году экономических и политических реформ и вводу войск Варшавского договора в августе 1968 года.

Тем не менее Новотный был все же готов к постепенной реабилитации жертв политических репрессий, рассчитывая на поддержку Хрущева.

Еще в 1955 году главные следователи госбезопасности по делу Сланского подполковник Доубек и майор Когоутек собственноручно написали показания, в которых признавались, что дело было полностью сфабриковано. Оба следователя подробно описали незаконные методы получения признательных показаний. В апреле 1956 года Президиум ЦК КПЧ занялся письмами Когоутека и Доубека. В мае 1957 года Доубека осудили на девять лет^[309]. Но сразу же после своего избрания президентом Новотный в декабре 1957 года предложил помиловать Доубека. Ведь было абсолютно ясно, что он лишь выполнял политические указания советских советников по линии МГБ. И уже перед рождеством Доубек вернулся домой. Позднее он стал сотрудником государственного чехословацкого туристического бюро «ЧЕДОК» и был, в частности, направлен в Брюссель на всемирную выставку 1958 года.

Всего до 1968-го из МВД было уволено 58 сотрудников, допускаявших нарушения законности в начале 50-х годов. Президент также лишил 66 человек государственных наград, полученных за подготовку политических процессов.

После показаний Доубека из тюрьмы отпустили некоторых

осужденных, например Смрковского, Павла, Артура Лондона, Гольдштюкера. Однако политически их не реабилитировали. После реабилитации в Венгрии Ноэля Филда в 1954 году главному чехословацкому «филдисту» Гейзе Павлику лишь снизили срок заключения с 15 до 10 лет. В 1955 году снизили срок и Марии Швермове – с пожизненного до восьмилетнего. Был помилован (но не реабилитирован) личный врач Готвальда Гашковец, которого ранее обвинили в отравлении президента.

Правда, следует отметить, что и в СССР в то время (1953-1955 годы) реабилитация жертв политических репрессий была все еще единичной и не публичной.

Однако дело Сланского пока оставалось неприкасаемым. Новотный так говорил об этом в 1955 году: «Деятельность и роль Сланского были деяниями агента империализма... Речь не идет ни о какой ревизии процесса Сланского. Три года спустя после разоблачения Сланского и его осуждения в политбюро существует единая точка зрения, что в случае со Сланским не было судебной ошибки, подтасованных материалов, но, напротив, все указывает на то, что он был осужден правильно»^[310].

Тем не менее после XX съезда КПСС руководство КПЧ создало комиссию во главе с министром внутренних дел Баракком (так называемая «комиссия С») для пересмотра, в числе прочего, процесса Сланского. Барак объяснил пересмотр тем, что обнаружилось новые доказательства виновности Сланского: экс-генсек был ответственен до своего ареста за репрессии против невинных людей. На том же заседании Президиума ЦК КПЧ, на котором создали комиссию Барака, Новотный заявил: «Мы не сомневаемся, что Сланский был виновен»^[311]. На общегосударственной конференции КПЧ летом 1956 года первый секретарь ЦК также не оставил никаких сомнений по делу Сланского: «Мы не будем проводить никакой реабилитации Сланского и его сообщников... Проверка (комиссии Барака – *Прим. автора.*) показала, что Сланский допустил целый ряд других преступных действий, которые не были отражены в обвинительном заключении. Он допустил их, чтобы захватить власть в государстве».

В заключении комиссии Барака говорилось: «Сланский был чехословацким Берией и несет ответственность за нарушения (законности), допускаясь в 1948-1951 годах и даже в 1952 году. Все остальные политические процессы можно пересмотреть, но процесс против (заговорщицкого) центра остается в принципе оправданным»^[312].

Однако комиссия Барака опровергла саму концепцию «заговорщицкого

центра». Теперь считалось, что преступления были совершены «подельниками» Сланского и им самим по отдельности.

Окончательно итоги деятельности комиссии Барака были подведены на заседании ЦК КПЧ в октябре 1957 года: «Сланский был вдохновителем, организатором и главой антипартийной, фракционной и преступной группы, которую он вокруг себя объединил. Повторное расследование дела Сланского показало и подтвердило, что его деятельность была преступной».

Таким образом, Сланского постфактум превратили не только в «чехословацкого Берию», но и в руководителя аналога разгромленной Хрущевым летом 1957 года «антипартийной группы».

9 мая 1960 года (в честь 15-летия освобождения Чехословакии от нацистов) Новотный объявил об амнистии, по которой были сокращены сроки заключения многим жертвам политических репрессий.

Новое дыхание застопорившейся было реабилитации придало в 1961-1962 годах «дело Барака». 24 июня 1961 года было объявлено об освобождении Рудольфа Барака от обязанностей министра внутренних дел, которые он исполнял восемь лет. Но все остальные функции, а главное – членство в Президиуме ЦК КПЧ Барак сохранил и даже был назначен председателем комиссии Национального собрания по деятельности национальных комитетов. Барак был еще относительно молодым политиком (45 лет) и пользовался репутацией недогматичного, любящего жизнь человека^[313]. Карьеру в начале 50-х Барак сделал в немалой степени потому, что был новым человеком и нигде «не участвовал». Он не был ни в Испании, ни в движении Сопротивления, не «примыкал» ни к Сланскому, ни к Шлингу, ни к прочим «заговорщикам». При этом он был умен, исполнительен и дружелюбен в общении.

На предшественника Барака Вацлава Носека у госбезопасности были компрометирующие материалы. Якобы имелась расписка Носека от 1935 года, согласно которой он получил от полиции 300 крон за предотвращение забастовки в Кладно^[314]. К тому же во время войны Носек жил в Лондоне, а значит, считался подозрительным.

Первого министра госбезопасности Копрживу подозревали в том, что во время войны он и его жена сотрудничали с гестапо.

Среди сотрудников МВД Барак пользовался популярностью потому, что старался вести себя с людьми доброжелательно и избегать «разносов» и назидательного тона. Сотрудники МВД и госбезопасности сами в большинстве своем были такими же молодыми рабочими, как и Барак, и

поэтому воспринимали министра как своего.

В первый день на посту министра Барак, которого никто не знал в лицо, просто слонялся по министерству, пил пиво с сотрудниками в столовой и слушал, о чем говорят его подчиненные. Произошел даже анекдотический случай. Один из сотрудников министерства капитан Бальцар, придя в канцелярию и увидев, как там точит лясы с его подчиненными какой-то молодой человек, недовольно пробурчал: «Эй ты, пацан, прекрати тут болтать! Где-то здесь бродит новый министр, и я не хочу получить от него нагоняй в первый же день!» Барак спокойно представился и не без юмора ответил капитану: «Ну, к тебе придется зайти в другой день. Я ведь хочу послушать о работе, а не всякие там отговорки и извинения»^[315].

Барак пытался установить тесные контакты с Новотным через его партнера по воскресным карточным играм Котала, который был заместителем министра внутренних дел. Котал был в пражском горкоме КПЧ (который после войны возглавлял Новотный) референтом по вопросам безопасности. Но Котал и Новотный знали друг друга еще по концлагерю. И тут Барак неожиданно раскопал компромат на первого секретаря ЦК, который, видимо, и привел его в тюрьму в 1962 году.

Вместе с Новотным и Коталом в Маутхаузене был в заключении еще один чешский коммунист – Йозеф Хорн. Ходили слухи, что, работая в лагерной администрации, Хорн спасал от уничтожения коммунистов, отправляя вместо них в печь других узников (он просто подменял личные карточки заключенных, которых немцы намечали для уничтожения). Противники коммунистов в 1945-1948 годах обвиняли Новотного и Хорна чуть ли не в том, что руками немцев те расправлялись в Маутхаузене со своими политическими противниками.

После войны Хорн стал председателем Чехословацкой торговой палаты. Новотного после войны допрашивали о его лагерных годах в партийной комиссии, но он говорил, что Хорн выполнял задание подпольной коммунистической организации концлагеря и спасал от уничтожения ее членов.

Барак на всякий случай собрал у себя эти материалы, видимо, рассчитывая пустить их в ход против Новотного, когда представится выгодный случай.

Но поначалу в 50-е годы Барака и Новотного объединяла ненависть к Алексею Чепичке, зятю Готвальда. Чепичка был не только беспринципным карьеристом, выдвинувшимся благодаря женитьбе на дочери Готвальда (за что его ненавидел Новотный), но и гомосексуалистом, чего не могли

вынести ни аскет и примерный семьянин Новотный, ни Барак. Министр внутренних дел как-то открыто заявил на одном из совещаний в МВД, что с «этим гомиком» ни о чем говорить не будет (Чепичка в то время был министром обороны, и требовалось решить какой-то вопрос между Минобороны и МВД). Физическую ненависть Барака к Чепичке полностью разделял начальник госбезопасности (она после 1953 года входила в МВД) Антонин Прхала.

Барак и Прхала начали собирать на Чепичку компромат, а после XX съезда КПСС Барак свалил именно на него всю вину за массовые репрессии начала 50-х годов (в то время Чепичка был министром юстиции). После этого Барак лично разрешил применить против Чепички оперативную провокацию: ему под видом гея был подставлен сотрудник МВД, а наружное наблюдение госбезопасности зафиксировало сексуальный контакт Чепички с молодым человеком в Летнянских садах в Праге. Министра обороны, генерала армии Чепичку арестовали прямо с поличным (гомосексуализм в то время был уголовно наказуемым деянием). Зять Готвальда с трудом избежал тюрьмы и удовольствовался скромным местом референта Государственной комиссии народного контроля.

Как ни был доволен этим Новотный, он все же насторожился, поняв, что Барак таким образом (компроматом и провокацией) может убрать с дороги кого угодно, в том числе и самого первого секретаря.

Например, Барак активно «копал» под нового министра обороны генерала армии Богумира Ломского и его заместителей. В рамках операции «Колобок» госбезопасность хотела разоблачить очередной центр «заговорщиков» в министерстве обороны. Ломского, а также генералов Янко и Ритиржа спасли их советские коллеги, высказав пожелание видеть их в Объединенном командовании войск Варшавского договора.

С другой стороны, Барак в 1954 году в одночасье прекратил упоминавшуюся выше операцию «Камень», когда переодетые американцами сотрудники госбезопасности якобы допрашивали беженцев из ЧСР в «ФРГ». Новому министру такие провокационные методы не понравились. А в 1956 году он вообще запретил метод оперативной провокации с целью подтверждения информации, добытой агентурным путем.

Как только Барак более или менее укрепил свои позиции в МВД, он выгнал оттуда практически всех, кто участвовал в организации процессов начала 50-х годов, например следователей по делу Сланского Доубека и Когоутека. Однако некоторым офицерам он только пригрозил тюрьмой, чтобы сделать из них послушных и обязанных всем ему лично людей.

К 60-м Барак, видимо, решил, что МВД прочно находится в его руках и сделает все, что он ни прикажет. Барак продолжал ходить по министерству и говорить о насущных делах с рядовыми сотрудниками. Многим он помогал при решении житейских вопросов. Министр начал активно строить жилье для своего ведомства. В МВД его любили и считали компетентным и «истинно народным министром». Он участвовал во всех вечеринках министерства, причем платил за все из своего кармана. Собственно, Барак использовал ту же тактику приобретения народной популярности и любви, что и Дубчек в 1967-1968 годах.

Министр вел себя все более надменно на заседаниях Президиума ЦК КПЧ и игнорировал все попытки отдела административных органов ЦК КПЧ как-то проводить в «органах» политику партии. Барак строго запретил всем своим подчиненным ходить в отдел ЦК, который курировал армию и органы МВД. Он заявил, что как член Президиума ЦК КПЧ сам будет лично информировать обо всем, что сочтет нужным, первого секретаря ЦК Новотного. Партийная организация министерства фактически бездействовала, так как министру не нравились «все эти собрания».

Новотному было ясно, что с Бараксом во главе МВД никакая политическая либерализация невозможна. Наконец, президент не исключал, что, опираясь на МВД, Барак может вообще захватить всю власть в стране – то есть добиться того, чего не удалось в 1953 году Берии в Москве. В начале 60-х главной задачей Баракса (и за этим внимательно наблюдал Новотный) была ликвидация разведки генерального штаба министерства обороны и перевод всех ее кадров в разведку МВД. Барак хотел создать единую разведывательную службу, которая по образцу КГБ СССР должна была стать отдельным ведомством, но подчиняться лично ему как заместителю председателя правительства^[316]. Того же самого в 1953-м добивался и Берия.

Барак заботился о личной популярности и за пределами МВД. Он охотно встречался с известными спортсменами, писателями и деятелями искусств (чего избегал нелюдимый Новотный) и позиционировал себя как открытого всем новым веяниям человека. В частности, он «разрешал» спорные с идеологической точки зрения театральные постановки или организовывал финансовую помощь для художников. Например, один из известных чешских художников-модернистов Ян Зрзавый получил при содействии Баракса ежемесячное пособие в 200 крон.

Министр был основателем хоккейного клуба «Красная звезда» и футбольных клубов в Братиславе и Брно.

Многим деятелям искусств министр помогал решить и жилищный

вопрос. Все это Барак делал не совсем бескорыстно. Он стал коллекционировать картины. Одни ему дарили. Другие он задешево покупал, если они находились в числе имущества, конфискованного госбезопасностью у разного рода настоящих и мнимых преступников. Аскета Новотного это, естественно, возмущало.

Управление печати МВД разрешало публиковать в газетах лишь те фотографии, на которых Барак был изображен вместе с видными деятелями партии и правительства, особенно с советскими. Например, при визите в ЧСР Хрущева в 1957 году по газетам складывалось впечатление, что его сопровождал только Барак. У читателей могло бы сложиться мнение, что Новотный советского гостя просто игнорировал.

Когда председатель правительства Широкий болел, что случалось все чаще и чаще, заседания правительства вел Барак, хотя он уже не был заместителем премьера. Агентура МВД собирала данные о тех или иных недостатках в экономике, и Барак бравировал ими на заседаниях кабинета, когда критиковал тех или иных министров.

Став депутатом парламента от своего родного Бланско, Барак напоказ выставлял свой местный патриотизм и был готов «решить любой вопрос» для своих избирателей. Он часто подбирал себе подчиненных из своих земляков. Люди даже неофициально стали называть Бланско «Бараковым». Барак добился того, что при реформе административно-территориального управления в 1960 году за Бланско сохранили статус райцентра.

Барак пытался активизировать деятельность зарубежной разведки (1-го управления МВД). При нем резидентуры чехословацкой разведки появились во многих странах мира и работали весьма продуктивно, хотя и подчас авантюристично. Например, в мае 1957 года для противодействия попыткам сближения Франции и ФРГ было организовано покушение на префекта Страсбурга Андре Мари Тремо, во время которого по случайности вместо самого префекта погибла его жена. Покушение планировалось свалить на группу немецких националистов, требовавших возвращения Страсбурга в состав Германии.

В июле 1960 года состоялась встреча руководства КГБ СССР и МВД ЧССР, на которой было решено тесно координировать работу чехословацкой и советской разведки в отдельных регионах мира^[317]. КГБ признавал, что во многих странах «третьего мира» у Чехословакии позиции гораздо прочнее, чем у СССР. Например, МВД ЧССР предложило активно дискредитировать позиции США в Латинской Америке путем поддержки там левых и националистических партий и движений. Люди Барака предложили также начать против США операцию «ЦЕНТРАЛ», целью

которой было внимательное изучение досье на более чем 300 сотрудников ЦРУ с перспективой их возможной вербовки.

При этом Барак начиная с 1955 года резко сократил количество советских советников в МВД. Оставили по одному человеку на управление, больше их было только в разведке. Причем теперь это были действительно советники – им запретили из Москвы вмешиваться в оперативную работу чехословацких коллег. Советники лишь получали от них ту информацию, которую им считали нужным предоставить.

Говорят, что Новотный решился на арест Барака после одного полукомичного случая. Главой следственной службы госбезопасности в тюрьме Рузине (где, в частности, сидел когда-то Сланский и его «подельники») был подполковник Богумил Бруха, верный человек Барака. Но заместителем у Брухи был другой человек с такими же фамилией, именем и даже званием – подполковник Богумил Бруха. Этот второй Бруха был человеком Новотного, специально присланным из партийного аппарата для контроля над тем, чем занимались следователи Барака. Обоих Брух, естественно, часто путали.

Один раз Бруха Новотного нашел в одной из комнат следственного управления сейф, к которому не оказалось ключей. Вызвали техника, который взломал сейф, и там нашли тщательно подобранные «первым Брухой» документы, компрометировавшие Новотного (причем в основном поддельные). Бруха поспешил на личную аудиенцию к Новотному, у которого едва не случился сердечный удар. Документы срочно перевезли в ЦК. Второго Бруху сделали начальником следственного управления, а первого выгнали с работы.

Чтобы снять Барака с работы, использовали вскрывшиеся случаи растраты в резидентуре чехословацкой разведки в Нью-Йорке.

Предложение Новотного на заседании Политбюро (Президиума) ЦК КПЧ снять Барака с работы за расхищение социалистической собственности поначалу вызвало настороженную реакцию членов высшего партийного органа. Некоторые опасались, что Новотный и Барак совместно задумали какую-то хитрую провокацию (на которые Барак был мастак, и это все знали). Но когда все поняли, что Новотный не шутит, его горячо поддержали, так как Барака за его любовь к компромату ненавидели все.

Широкий на этом заседании предложил не только снять Барака с работы, но и арестовать его. Тут Барак вышел из себя и начал говорить каждому члену президиума все, что он о них думал. Участники заседания сразу поняли, какого качества компромат есть у министра на всех лидеров страны. Широкого Барак обвинил в коллаборационизме со словацкими

фашистами во время войны. Бывшему премьеру и лидеру социал-демократов Фирлингеру досталось за то, что он регулярно передает материалы заседаний политбюро в Москву и Лондон и незаконно приобрел себе виллу. Председатель Госплана Отакар Шимунок узнал, что его брат живет в Англии и работает на британскую разведку. А сам Шимунок пытается привести экономику Чехословакии к полному банкротству. Он, Барак, не доверил бы ему в МВД даже работу со служебными собаками.

Затем Барак повысил голос и на самого Новотного, порекомендовав ему заткнуться, а то найдется что сказать и про него. Новотный якобы испугался, стал заикаться, сказал, что все сведения Барака не имеют отношения к повестке дня, а сейчас всего-навсего обсуждается вопрос о растрате в резидентуре в Нью-Йорке. Вопрос об аресте Барака затих сам собой, и успокоившийся министр уехал домой. Но как только Барак ушел из зала заседаний, Новотный вновь созвал президиум и поставил на повестку дня вопрос об аресте Барака. Все были «за», и Новотный поручил заведующему отделом ЦК КПЧ по армии и МВД Мирославу Мамуле обеспечить арест Барака.

Два офицера МВД (Каван и Котал) приехали к Бараку домой, но он приказал им убираться вон, пригрозив санкциями (мол, он немедленно вызовет свою охрану из госбезопасности, а та колебаться не станет). К тому же он, Барак, депутат Национального собрания и обладает парламентским иммунитетом. Испуганные офицеры действительно «убрались».

Новотный немедленно поднял с постели членов президиума Национального собрания, и те постановили лишить Барака иммунитета. На следующий день Новотный и Штроугал (сменивший в 1961 году Барака на посту главы МВД) сами пришли в президиум правительства, чтобы арестовать Барака. Штроугал колебался, он хотел еще и заручиться санкцией генеральной прокуратуры. Барак лишь засмеялся: «Эх, вы, бедняги, хотите арестовывать и править, а не умеете ни того, ни другого»^[318].

О том, что к тому времени Новотный отнюдь не был диктатором, как его позднее описывал Дубчек, свидетельствует хотя бы тот факт, что военная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела против Барака по обвинению в государственном перевороте.

Бывшего министра поначалу обвинили лишь в разглашении государственной тайны, так как Барак действительно на разных публичных заседаниях широко использовал полученную по каналам разведки информацию. Затем добавилось обвинение в нецелевом расходовании государственных средств. Якобы сыновья Барака за государственный счет

жили в Италии. При обыске в сейфе Барака нашли 72 тысячи долларов, но они предназначались для проведения оперативных мероприятий разведки за границей. На суде фигурировала и растрата в резидентуре в Нью-Йорке. Там использовали деньги для покупки подарков начальникам и советским советникам, но во всем обвинили самого Барака.

Конечно, все это никак не тянуло на 15 лет заключения, да и вообще на тюремное наказание. Барак пострадал за то, что собирался пустить в ход против Новотного некий компромат из времен оккупации. Об этом прямо сказала жена Барака в 1968 году: якобы муж приносил эти материалы домой. Конечно, этот компромат был высосан из пальца, но Новотный не хотел, чтобы об этих дрязгах узнала вся страна, а тем более недруги ЧССР на Западе. Поэтому Барака и осудили за расхищение государственных средств. Новотный понимал, что если бывший министр останется на свободе, то он не уймется в своих истинных и мнимых разоблачениях.

Новым главой МВД еще до ареста Барака стал сторонник Новотного Любомир Штроугал.

Штроугал родился 19 октября 1924 года в семье коммуниста, рабочего цементного завода. Отца арестовали нацисты, и он погиб при бомбардировке союзниками берлинской тюрьмы Плетцензее. Любомир Штроугал после войны окончил юридический факультет Карлова университета в Праге и получил степень доктора права. С 1948 года работал в районном руководстве КПЧ в Ческе-Будейовицах, а с 1957-го был первым секретарем парторганизации Южночешской области. На съезде партии в 1958 году был избран в состав ЦК КПЧ. С 6 марта 1959 года работал министром сельского хозяйства.

Главным достоинством нового министра внутренних дел было то, что как политик нового молодого поколения он не нес никакой ответственности за политические репрессии начала 50-х годов. Следовательно, теперь реабилитация могла идти более последовательно.

Вероятно, Новотный оставил бы снятого с поста шефа МВД Барака в покое, но тут подоспел XXII съезд КПСС (октябрь 1961 года). На нем Хрущев неожиданно начал вторую, гораздо более резкую волну критики Сталина, которая подчас уже переходила рамки здравого смысла и поэтому натолкнулась на непонимание не только в партии, но и в обществе. В частности, Хрущев утверждал, что во время войны Сталин планировал операции на глобусе. Эта явная ложь звучала как оскорбление для всех ветеранов, для которых Сталин был верховным главнокомандующим, приведшим Красную армию в Берлин.

Если в 1956 году Хрущев объективно подчеркивал как позитивные, так

и негативные черты деятельности Сталина, то на XXII съезде бывший советский вождь предстал уже настоящим преступником. Было решено разрушить все памятники Сталину, переименовать Сталинград в Волгоград и вынести тело Сталина из мавзолея Ленина. Многих возмутило то обстоятельство, что тело вынесли тайком, ночью.

Новотного новая волна антисталинской критики в Москве явно застигла врасплох. Президент ЧССР, так долго добивавшийся спокойствия в обществе, не мог просто проигнорировать новые веяния из Москвы, тем более исходившие от Хрущева, которого он искренне уважал.

Из мавзолея в Праге убрали тело Готвальда (его кремировали), а самый крупный в мире памятник Сталину на берегу Влтавы был взорван. Однако в том, что касается реабилитации Сланского, Новотный (который участвовал в работе XXII съезда КПСС) по-прежнему оставался непреклонен. На пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1961 года он еще раз охарактеризовал Сланского как чехословацкого Берию, который стал жертвой развязанных им же самим репрессий.

Зато события в Москве были использованы Новотным, чтобы окончательно устранить Барака как возможного конкурента. Как уже упоминалось выше, бывшего министра внутренних дел обвинили в стяжательстве и в январе 1962 года он был арестован.

Премьер Вильям Широкий до последнего момента ничего не знал об аресте своего заместителя Барака. На заседании правительства он попросил Штроугала проинформировать членов кабинета о причинах ареста. На это Штроугал закрыл лицо ладонями и молча сидел минут пять. Широкий подытожил этот «ответ» следующим образом: «Как видно, товарищ Штроугал нам ничего не скажет. Давайте тогда перейдем к первому пункту повестки дня заседания правительства».

Между тем была даже устроена выставка незаконно присвоенных Баракон предметов. 3 апреля 1962 года Президиум ЦК КПЧ решил судить Барака не за политику (Новотный подозревал его в стремлении к захвату власти), а по уголовным статьям. Барак был осужден на 15 лет за саботаж и коррупцию, причем за соучастие и укрывательство посадили еще и его жену и двоих сыновей^[319].

Арест Барака дал Новотному возможность выдвинуть новую версию политических процессов 50-х годов. На XII съезде КПЧ в 1962 году он заявил: «И у нас за авторитетом партии скрывались антипартийные методы, и у нас нарушалась социалистическая законность. При проверке отдельных случаев периода 1949-1954 годов ЦК пришел к выводу, что вынесенные тогда в политических процессах приговоры в отношении большинства

осужденных были неправильными и не отвечали мере и характеру их вины. Вследствие этого было реабилитировано уже более 30 человек. При этом в случае с некоторыми обвиняемыми выяснилось, что их надо было наказать за деяния, которые они действительно совершили, но за которые их тогда не привлекли к ответственности... Но после снятия Рудольфа Барака обнаружились новые данные и взаимосвязи. Вина Барака состоит в том, что как председатель комиссии по проверке политических процессов в 1955-1957 годах и как министр внутренних дел он, хотя и имел информацию о важных сигналах и фактах, не провел расследование тщательно и не объяснил политбюро и ЦК важные обстоятельства, которые проливали иной свет на оценку некоторых политических процессов и на отдельные обвинения. Барак поступил так, прежде всего, потому, что с помощью охраны некоторых виновных укрепил свои позиции в министерстве внутренних дел. Он считал, что использует эту информацию для своей личной пользы»^[320].

Таким образом, Новотный фактически сказал ошеломленным делегатам съезда, что процесс реабилитации был сорван Бараксом, который берег замешанные в репрессиях кадры МВД, сохранявшие таким образом личную преданность министру. Определенная и немалая доля истины в этом, конечно, присутствовала.

После этого Новотный предложил съезду проект решения, согласно которому избранный съездом новый состав ЦК КПЧ должен был в течение четырех месяцев проверить и вынести окончательное суждение по всем политическим процессам «времен культа личности».

Во главе новой комиссии поставили члена Политбюро ЦК КПЧ Драгомира Кольдера, и этот орган стал известен общественности как «комиссия Кольдера».

Драгомир Кольдер родился в 1925 году в Острове. В 1958 году был избран на XI съезде КПЧ кандидатом в члены ЦК, а 22 июня 1961-го стал уже членом Центрального комитета. В 1958-1962 годах возглавлял областную партийную организацию в Острове. С июня 1961 года был кандидатом в члены политбюро, а с декабря 1962 – членом Политбюро ЦК КПЧ. Своей быстрой карьерой Кольдер был всецело обязан Новотному. Дубчек описывал Кольдера как малообразованного грубого человека, при этом отмечая, что тот «занимал реформистские позиции» и оказывал ему, Дубчеку, поддержку^[321]. Интересно, что летом 1968 года Кольдер полностью поддержал ввод советских войск в ЧССР – видимо, поэтому Дубчек задним числом и назвал его малообразованным^[322].

В комиссию Кольдера входило 11 человек – практически все были членами высшего партийного руководства (Дубчек, Ленарт, Штроугал и другие). Напротив, в предыдущей комиссии Барака состояли в основном рядовые чиновники МВД и прокуратуры.

Направление работы комиссии Кольдера Новотный задал еще перед съездом партии в апреле 1962 года на пленуме ЦК КПЧ: «Оценка всего периода культа личности, проведенная на основе более глубоких выводов XXII съезда КПСС и наших новых данных, на заседании ЦК КПЧ в ноябре 1961 года была в общем правильной. Но для того, чтобы мы могли исследовать период культа личности во всех подробностях и оценить все результаты на основе некоторых новых фактов, мы создали комиссию для окончательной оценки того периода с тем, чтобы эта комиссия представила свой доклад XII съезду. И что же мы выявили в последнее время, товарищи? Что эта бывшая комиссия (комиссия Барака), хотя и дала в целом правильную политическую оценку того периода, все же представила неправильные выводы, которые не базировались на ставших известными новых фактах»^[323].

Комиссия Кольдера работала интенсивно примерно два месяца, и ее выводы были весьма острыми.

На заседании Политбюро ЦК в 1962 году (еще до съезда партии) Кольдер ответил на вопрос о личной роли Готвальда в политических процессах 50-х годов. Могли Готвальд сопротивляться давлению из Москвы и отказаться от проведения показательных и надуманных политических процессов? Кольдер: «Товарищи, думаю, что у него была такая возможность. Вам, товарищам из старого руководства, я должен задать вопрос: как стало возможным, что партия с таким революционным опытом и с таким положением в международном революционном рабочем движении могла все это допустить? Возьмите румын, венгров и наши случаи. Если мы все это сравним, то должны однозначно сказать, что у Готвальда была такая возможность и об этом свидетельствуют факты.

Другое дело – для нас очень тяжелое. Мы приступили к расследованию с таким убеждением, что все это просто, что все тянется к Сланскому, что Сланский во всем виноват. К сожалению, все факты говорят о том, что прежде всего всем руководил Готвальд...»^[324]

Таким образом, Кольдер свалил вину за политические репрессии уже не только на Сланского, но и на Готвальда, которые, по мнению Кольдера, действовали сообща и знали о применении недозволённых следственных методов к арестованным (например, Готвальд знал, что «филдисту»

Павлику сыпали соль в глаза).

Но осудить публично Готвальда как организатора репрессий значило осудить саму компартию, а это было чревато политическим кризисом в стране.

На том же заседании политбюро Новотный так сформулировал свою позицию: «Если я смотрю на колебания Готвальда, то понятно, что на него оказывали давление, на него влияли все эти деятели (госбезопасности)... и материалами допросов и всем этим наконец склонили Готвальда на свою сторону в том смысле, что он везде начал видеть врагов. Никакого иного выхода у него не было. Так же как и у Сталина. Под влиянием методов и нагнетания истерии со стороны госбезопасности он видел в каждом человеке врага. Как только кто-нибудь на него не так посмотрит или начнет отстаивать иную точку зрения, он немедленно усматривал в этом человеке врага... Если Готвальд гулял по саду, то все, кто там был, старались убежать. Вот так все это было...

Необходимо вспомнить и о других вещах. Я сидел на заседании президиума, когда Готвальд сообщил, что поступили прошения о помиловании. Он говорил: «Пришли прошения о помиловании, но я не ставлю их на обсуждение». Или приходил и говорил, что осуждены 13 человек и 11 должны получить смертный приговор. И что он сам якобы против смертного приговора в отношении Лебля, или Марголиуса, или Лондона. Или что госбезопасность рекомендует пощадить Лебля и Лондона, так как они помогали при расследовании. То есть он (Готвальд) сам формулировал, кто будет приговорен к смерти.

Прошу вас, товарищи, рассматривать обсуждение этого вопроса как строго конфиденциальное, чтобы эти скандальные постыдные дела не проникли наружу»^[325].

Таким образом, никаким сталинистом Новотный не был. Просто он боялся, что публичное разоблачение всех подробностей процессов 50-х годов может подорвать престиж КПЧ и ликвидировать только что установившуюся в стране социальную стабильность. Понятно, что без санкции Новотного Кольдер никогда бы не посмел обвинить в репрессиях Готвальда и его соратников.

Выводы комиссии Кольдера должны были еще подтвердить юридически генеральная прокуратура и президиум Верховного суда. В обоих этих органах было еще много тех, кто сам организовывал политические процессы 50-х.

Доклад комиссии Кольдера был представлен секретариату ЦК КПЧ в январе 1963 года. Комиссия изучила дела 165 человек и рекомендовала

пересмотреть 99 дел. В 64 случаях было констатировано, что приговоры изменению не подлежат, и лишь в 11 случаях комиссия рекомендовала изменение приговоров^[326].

Виновными в нарушениях законности были названы министры юстиции 50-х годов Алексей Чепичка (зять Готвальда, к тому времени уже удаленный со всех постов) и Штефан Райс, их заместитель Карел Клос, прокурор Богумил Циглер, председатель государственного суда Гуго Рихтер и заместитель председателя Верховного суда Станислав Бартош.

Таким образом, «козлами отпущения» были назначены мелкие чиновники, да и сам отчет комиссии Кольдера в то время не был опубликован. Тем не менее именно с деятельности этой комиссии начинается процесс массовой политической реабилитации в Чехословакии.

Дубчек занимался в комиссии пересмотром дела Марии Швермовой, которая провела в тюрьме более шести лет. Его как словака интересовало и дело «словацких буржуазных националистов» (Гусака и других), которых хотя и выпустили из тюрьмы, но не реабилитировали политически. На заседании ЦК, где в апреле 1963 года обсуждался доклад комиссии Кольдера, Дубчек, по его собственным словам, потребовал полной реабилитации «словацких националистов», особенно Клементиса (посмертно) и Гусака. Новотный от имени Президиума ЦК КПЧ предложил исключить из партии Чепичку и бывшего первого министра госбезопасности Копрживу. Преемник Копрживы Карол Бацилек должен был быть отозван из Словакии и лишен членства в Президиуме ЦК. С должности секретаря ЦК планировалось также снять единственного немца в руководстве ЧССР Бруно Келера.

Новотный якобы запретил Дубчеку произнести речь на заседании ЦК 4 апреля 1963 года и предложил приобщить ее к протоколу в письменном виде. Дубчек потом хвалился тем, что в этой «смелой» речи был готов прямо критиковать Готвальда. Но, как было показано выше, этой критики не чурался и сам Новотный. Просто Новотный совершенно справедливо считал, что и сам Готвальд подвергался чудовищному давлению со стороны госбезопасности, которая тогда работала по указаниям советников из Москвы.

Из 800 страниц доклада комиссии Кольдера членов местных партийных организаций ознакомили примерно с 80. Тем не менее именно результаты работы комиссии Кольдера окончательно запустили в Чехословакии в 1963 году процесс политических и экономических реформ, который с гораздо большим правом, чем события 1968 года, заслуживает название «пражской весны».

Глава 3. «Милостивое лето»: Чехословакия в 1963-1967 годах

Результаты деятельности комиссии Кольдера поставили перед Новотным сложную проблему в Словакии. Компартией Словакии (КПС) к весне 1963 году фактически руководил Карол Бацилек, но ввиду разоблачений комиссии Кольдера он уже не мог сохранить свой пост. Из девяти членов Президиума ЦК КПС (столько же членов с правом голоса было и в Президиуме КПЧ) должны были уйти в отставку еще двое «ветеранов» – Давид и Бенада. Молодое поколение словацких руководителей хотело видеть на месте Бацилека Александра Дубчека, который создал себе в партии имидж реформатора именно активной работой в комиссии Кольдера. Дубчек подготовил доклад на заседании ЦК КПС, где на основе материалов комиссии Кольдера подверг Бацилека резкой критике.

Новотному Дубчек не нравился. Он считал его человеком поверхностным, готовым играть на публику по любому поводу, беспринципным и легковесным. Первым секретарем ЦК КПС (то есть руководителем словацких коммунистов) Новотный хотел видеть Михала Худика, члена ЦК КПС с 1946 года^[327]. Худик, в отличие от Дубчека, имел немалый опыт работы в словацкой политике: уже в 1948-1949 годах он занимал пост уполномоченного (фактически словацкого министра) по вопросам снабжения населения, а в 1955-1963 годах – уполномоченного по вопросам сельского хозяйства. Членом Президиума ЦК КПС Худик был с 1957 года. Как и Запотоцкий, Худик занимался литературным творчеством – в 1946 году вышла его книга «Татранские орлы». Он писал не только романы, но и сказки.

У Худика в 1963 году в Словакии была заведомо невыигрышная позиция, так как он защищал конституцию 1960 года, урезавшую словацкую автономию. Напротив, Дубчек позиционировал себя как словацкий патриот, что, конечно, не могло не нравиться большинству населения.

Другим потенциальным противником Дубчека был его друг по учебе в Москве Йозеф Ленарт. Ленарт родился в 1923 году в семье рабочего и во время войны трудился на заводах фирмы «Батя». В 1944 году он активно участвовал в Словацком национальном восстании. Карьера Ленарта в 50-е

годы была более стремительной, чем у Дубчека. Уже в 1951 году он стал заместителем министра легкой промышленности ЧСР.

После учебы в Высшей партийной школе в Москве Ленарт стал руководителем крупнейшей областной партийной организации в Словакии – братиславской. С 1958 года Ленарт был членом ЦК КПЧ, а с 1962 – председателем словацкого парламента: Словацкого национального совета, который после 1960 года был одновременно и региональным правительством Словакии.

Дубчеку повезло, что Новотный очень ценил профессионализм Ленарта и готовил для него в 1963 году пост премьер-министра Чехословакии – то есть второго человека в стране. Таким образом, Ленарт не мог конкурировать с Дубчеком в борьбе за пост лидера КП Словакии. Сам Дубчек позднее вспоминал, что Ленарт в те годы был настроен не менее реформистски, чем он сам. И то, что Новотный собирался доверить экономику страны такому человеку, как Ленарт, еще раз свидетельствует, что никаким ретроградом он не был.

Так в мае 1963 года первым секретарем ЦК КПС благодаря своей работе в комиссии Кольдера стал Александр Дубчек, человек, который успешно интриговал против Новотного, но своими непрофессиональными действиями фактически загубил начавшийся в 1963 году в Чехословакии процесс радикальных преобразований.

Сам о себе Александр Дубчек говорил, что он человек без родины, хотя виноваты в этом были, конечно, его родители, любившие путешествовать и принимать рискованные решения.

Отец Александра Стефан родился в небольшом словацком городке Угровце (около тысячи жителей), входившем тогда в состав Венгерского королевства (которое само было частью Австро-Венгрии). Словаки жили под гнетом венгров с X века, подвергаясь жесткой мадьяризации (положение чехов в австрийской части Австро-Венгрии было гораздо легче). Даже название «Угровец» происходит от слова «угры» – так словаки называли венгров. Сами же венгры вообще запретили термин «Словакия», в Будапеште называли северную окраину своего королевства «Горной Венгрией».

Стефан Дубчек был хорошим столяром. Характер имел прямой, обостренно ощущал любую несправедливость. В 1910 году он ушел в Венгрию искать работу и смог устроиться на мебельную фабрику. Там он вступил в ячейку венгерской социал-демократической партии, за что его уже через несколько месяцев выгнали с фабрики.

В то время многие словаки спасались от безработицы и национального

гнета, эмигрируя в США. Ведь в далекой Америке царила невиданная для Венгрии демократия, и там никто не попрекал друг друга «неправильной» национальностью. Стефан Дубчек и его младший брат Михал, по профессии портной, в 1912 году перебрались в Чикаго – центр славянской эмиграции в США. Поначалу Стефан работал за 25 долларов в неделю столяром. Он вступил в славянскую секцию Социалистической партии США, которая тогда находилась в зените своей популярности. В партии было более 100 тысяч членов, и она имела своих депутатов и даже кандидата в президенты, с которым считались и демократы, и республиканцы.

В 1915 году материальное положение Стефана Дубчека сильно улучшилось: он устроился на фабрику по производству музыкальных инструментов и стал получать уже 40 долларов в неделю. В следующем году Стефан получил американское гражданство и решил остаться в Америке навсегда.

Но в апреле 1917-го США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты. Американские социалисты, как и русские большевики, стояли на антивоенных позициях. Поэтому члены соцпартии отказывались вступать в армию США. Стефан Дубчек, как и многие американские пацифисты в то время, хотел перебраться на время войны в нейтральную Мексику. Но на границе в Техасе его арестовали и поставили перед выбором: либо заплатить штраф в тысячу долларов, либо сесть в тюрьму на 18 месяцев. Тысячи долларов у Стефана Дубчека не было, и пришлось идти в тюрьму. В качестве альтернативы словаку предложили вступить в армию США, но социалист Дубчек отказался по принципиальным соображениям^[328].

После отсидки Стефан Дубчек вернулся в Чикаго и вскоре женился на эмигрантке из Словакии Павлине Кобыдовой (1897 года рождения). Павлина тоже была родом из окрестностей Угорца. Девочка из бедной многодетной семьи, она в 1909 году в возрасте 13 лет без сопровождения родителей перебралась в Америку, где уже жили ее брат и две сестры. Когда Павлина познакомилась со Стефаном, она работала кухаркой в семье богатого еврейского торговца. Она была не просто доброй работающей женщиной, но, как и Стефан, активно интересовалась политикой и тоже являлась членом социалистической партии. Именно она рекомендовала мужу читать Маркса.

И Павлина, и Стефан, как и большинство славянских эмигрантов-социалистов в США, приветствовали Октябрьскую революцию в России и были восторженными поклонниками Ленина.

В 1919 году у Павлины и Стефана родился сын Юлиус, но к тому времени молодая семья уже собиралась назад на родину, в Словакию. Ведь в 1918 году Словакия освободилась от тысячелетнего венгерского гнета и стала частью славянского государства – Чехословакии. Многие эмигранты засобирались домой – жизнь на освобожденной родине рисовалась им в радужных тонах.

В 1921 году Дубчеки с американскими паспортами отправились домой. Павлина была уже беременна, и будущий лидер «пражской весны» Александр Дубчек едва не стал американским гражданином. Но появился на свет он все-таки уже в Словакии – 27 ноября 1921 года, в том же самом доме, в котором когда-то родился лидер словацкого национального движения XIX века Людовит Штур. Этим фактом Александр Дубчек гордился всю жизнь, особенно когда в 1963 году сам стал лидером Словакии. Дом Дубчекам предоставил органист местного храма Александр Транчик, в честь которого новорожденный и получил свое имя (мать сначала хотела назвать его Миланом).

Но от Словакии у Александра не осталось никаких воспоминаний, так как его неугомонные родители снова засобирались в дальний путь. Кооператив рабочих «Интерхелпо» решил, что надо ехать в Советскую Россию, чтобы помочь русским рабочим строить новую счастливую жизнь. Тем более что с работой в самой Словакии было очень тяжело. Остановились в Средней Азии, в небольшом киргизском городке Пишкек. Многие считали, что там райский теплый климат, полно плодородной земли и всякой экзотики, вроде верблюдов. Чтобы уехать в далекую Россию, каждый член кооператива должен был сдать в общий котел большую по тем временам сумму – три тысячи крон. Некоторые ради этого даже продали свои дома. Ведь кооператоры сами оплачивали свой проезд по железной дороге и везли с собой несколько вагонов оборудования для столярных и слесарных цехов, строительных материалов и кожевенного производства. Все это они тоже приобрели на собственные средства.

29 марта 1925 года первый эшелон кооператоров (303 человека, в том числе 163 чеха, 101 словак, 18 венгров, 13 немцев и 8 русинов^[329]) отправился в дальний путь и 24 апреля добрался до места назначения. Пишкек поразил всех своей отсталостью, местные власти и жители были готовы помочь, но у них самих ощущался недостаток в деньгах, а главное, в нормальном жилье для кооператоров. Тем пришлось пока жить в предоставленных Красной армией солдатских бараках, которые еще пришлось долго ремонтировать.

Отсутствовала даже нормальная питьевая вода (быстро пробурили

артезианский колодец, чего в тех местах тогда не было). Поначалу не хватало и еды. Александр Дубчек вспоминал, как он вместе с другими детьми ел воробьиные яйца – иногда сырые, иногда печенные на костре^[330].

Поначалу среди иммигрантов не было ни одного врача. От эпидемии малярии в первый же год умерли 30 детей. Дубчек вспоминал, что он в СССР не болел ни разу.

Но, несмотря на ужасные бытовые условия, домой решили вернуться лишь немногие. Напротив, в 1925, 1926, 1928 и 1932 годах в переименованный в 1926-м во Фрунзе Пишкек прибыли еще пять групп из Чехословакии в составе 1078 семей. Жизнь кооператоров быстро улучшалась. Чехи и словаки оперативно построили себе добротные дома, а заодно и возвели дом правительства для автономной Киргизии. Именно с кооператива «Интерхелпо» и началась вся тогдашняя промышленность республики – от производства стройматериалов до пива и обуви.

В кооперативе была и своя школа, куда в 1929 году и поступил Александр Дубчек. Поначалу обучение шло только на чешском и словацком, но потом все предметы стали преподавать на русском языке, чтобы ученики могли лучше интегрироваться в окружавший их мир. Тем более что без русского нельзя было поступить в университет, а большинство семей хотело остаться в СССР навсегда. Александр Дубчек свободно говорил по-русски, что потом сильно облегчило его партийную карьеру в Чехословакии. Но дома говорили только по-словацки: Стефан Дубчек был хоть и коммунист, но и горячий патриот Словакии.

Стефану опять не сиделось на одном месте, и в 1933 году семья переехала в Нижний Новгород. Там Дубчек устроился столяром на только что построенный с помощью американских специалистов горьковский автомобильный завод (ГАЗ). Тогда еще очень много деталей машин делали из дерева (например, кабины легендарных «полуторок»), и хороший столяр был на вес золота. К тому же Дубчек-старший хорошо знал английский, и его часто приглашали переводить для американских спецов. Американцы регулярно заходили к Дубчекам, чтобы выпить одну-другую рюмку водки.

Брат Александра Юлиус был горяч и предприимчив, в отличие от будущего лидера «пражской весны» – юноши осторожного и расчетливого. Часто он сначала действовал, а потом думал. В 1935 году он ввязался в драку, в которой был ранен один подросток. Опасаясь неприятностей, мать с Юлиусом срочно уехали в Словакию.

Александр Дубчек рос нормальным советским юношей, но в 1938 году

всем иностранцам в СССР предложили либо принять советское гражданство, либо уехать. Каким бы коммунистом ни был Стефан Дубчек, прежде всего он был словаком и принимать гражданство СССР не хотел. И в ноябре 1938 года Стефан вместе с сыном Александром отправились домой – в только что униженную Мюнхенским сговором Чехословакию.

В марте 1939 года при поддержке Гитлера словацкие сепаратисты из Людацкой партии во главе с Тисо при поддержке католической церкви провозгласили независимость Словакии и тем самым дали немцам предлог для оккупации Чехии и Моравии. Под «защитой рейха» Словакия стала полуфашистским государством, которое послушно объявило вместе с немцами в 1939 году войну Польше, а в июне 1941 – Советскому Союзу. Три словацкие дивизии были отправлены на помощь вермахту на советский фронт. 70 тысяч словацких евреев были депортированы в немецкие лагеря уничтожения в Польше, а их имущество разделили между словаками, которых немцы милостиво признали «арийцами».

Стефану Дубчеку как известному коммунисту пришлось перейти на нелегальное положение, и Александр за годы войны видел его лишь тайно и всего дважды – в 1940 и 1943 годах. Сам Александр вместе с братом Юлиусом до августа 1944 года работал токарем на заводах «Шкода», которые в основном выполняли заказы вермахта. Хотя Дубчек писал позднее, что состоял в нелегальной группе Сопротивления на заводе, не совсем ясно, чем эта группа занималась. Впрочем, определенная пассивность (по меркам Греции или Югославии) была характерна для всего движения Сопротивления в Чехии и Словакии. Акты саботажа были редкостью, так как жестко подавлялись нацистами и словацкой полицией. До весны 1944 года не было в Словакии и организованного партизанского движения (в Чехии оно вообще так и не появилось), да и потом его в основном создавали переброшенные с востока советские десантные группы.

С 17 лет Александр Дубчек был членом подпольной компартии Словакии.

Александр работал на заводе вместе с симпатичной девушкой Анной Ондрисовой, которую знал еще по Киргизии. С лета 1941 года они уже регулярно встречались.

Словацкая полиция между тем регулярно громила нелегальное руководство компартии Словакии. В апреле 1942 года после ареста второго состава подпольного ЦК в третий состав вошли отец Дубчека, а также Ян Осога и Йозеф Литавец. Но через три месяца арестовали и их. Отец до ареста скрывался у одной вдовы в Топольчанах. Между ними возникли

близкие отношения, и в семью Стефан Дубчек уже не вернулся. Его арестовали на конспиративной встрече в одном из братиславских парков в июле 1942 года и отправили в тюрьму в город Нитра. Там его навещал Александр.

В конце августа 1944 года под руководством Словацкого национального совета, куда от компартии входили Гусак и Новоместский (будущие «буржуазные националисты»), вспыхнуло Словацкое национальное восстание. Но немцы вовремя разоружили словацкую армию на карпатских перевалах, и Красная армия так и не смогла, несмотря на огромные потери, пробиться в Словакию.

Александр и Юлиус Дубчек немедленно присоединились к восставшим, и Юлиус погиб. Александр был рядовым бойцом и, согласно его воспоминаниям, в крупных боях участия не принимал. После разгрома основных сил повстанцев в конце октября 1944 года раненный в ногу Дубчек скрывался у доктора Бойко (сына русских эмигрантов, приехавших в Чехословакию после революции 1917 года).

Дубчека-старшего немцы в феврале 1945 года переправили в концлагерь Маутхаузен в Австрии. По пути во время бомбежки авиацией союзников колонны узников Стефану удалось бежать, но его поймали. При освобождении лагеря американцами в мае 1945 года Стефан Дубчек весил менее 50 килограммов.

15 сентября 1945 года Александр Дубчек и Анна Ондрисова сыграли свадьбу. Свидетелем был тот самый Александр Транчик, в честь которого Дубчек и получил свое имя. Отец и мать пришли на торжество уже по отдельности.

Александр работал в городе Тренчин на заводе по производству дрожжей оператором дистилляционной системы, его отец после войны никакой роли в политике не играл. Дубчека-младшего тогда, видимо, политика тоже не интересовала. Он занимался только семьей: в 1948 году у Александра и Анны родился сын Павел (первенец умер в младенчестве зимой 1947-го от воспаления легких), в 1950 году – Петер, а в 1953 – Милан.

Мощная политическая борьба за власть в Словакии между компартией и демократической партией осенью 1947 – зимой 1948 года прошла без всякого участия будущего лидера ЧССР.

Однако друзья отца все же помогли Дубчеку перейти на партийную работу. В июне 1949 года его пригласили в райком компартии в Тренчине и предложили стать партийным работником – вести все организационные дела райкома. Дубчек вспоминал, что колебался – ведь он терял в зарплате

по сравнению со своим местом на заводе почти в два раза. Это весьма характерно для Дубчека и ясно показывает, насколько глубокими были его коммунистические убеждения. Тот же Новотный до войны годами работал на заводе, а партийной работой (причем гораздо более ответственной, чем та, что предложили Дубчеку) занимался бесплатно по вечерам в свободное время. Тем более что в 20-30-е годы КПЧ не была правящей партией и время от времени подвергалась преследованиям властей.

Дубчек же всегда любил спокойную, комфортную жизнь. Они с женой решили, что временная потеря в зарплате с лихвой компенсируется перспективами карьерного роста.

Через три месяца молодого партийного функционера направили на шестимесячные курсы политической учебы в Братиславу. В это же время под поезд бросился брат отца Михал, которого несправедливо обвинили в растрате средств кооператива портных, где он работал.

Александр Дубчек продвигался по карьерной лестнице и через год после перехода на партийную работу стал ведущим секретарем районной парторганизации в Тренчине. Он воочию наблюдал чистки и борьбу против «словацких буржуазных националистов» начала 50-х годов. Конечно, на своем низком посту Дубчек не принимал решений об арестах (в воспоминаниях он осторожно написал: «По крайней мере, я этого не помню»)^[331]. Потом это сильно помогло ему предстать в глазах общественности человеком, никак не запятанным массовыми репрессиями.

Его отец считал, что в Словакии главную ответственность за репрессии нес Вильям Широкий, и Александр Дубчек этого не забыл. В то же время отец весьма прохладно относился к арестованному «националисту» Гусаку, так как тот до начала Словацкого восстания был на легальном положении и даже работал адвокатом в Братиславе. К тому же Гусак (как, кстати, и Новотный) имел репутацию холодного, малопривлекательного в общении человека, что было нетипичным именно для населения Словакии, в целом более спонтанного, радушного и эмоционального, чем в Чехии.

Отец Дубчека во время «пражской весны» 1968 года (когда сын был первым лицом в государстве) активно искал в архивах документы, изобличавшие Широкого в организации репрессий, но так ничего и не нашел.

Во время чисток начала 50-х темп карьерного роста Александра Дубчека сильно ускорился. В октябре 1951 года его перевели в ЦК компартии Словакии в Братиславу, где он начал работать в

организационном отделе. То, что молодого партийца Дубчека поначалу не использовали на политической работе, а доверяли ему лишь организационные вопросы, характерно в принципе.

В январе 1953 года Дубчека назначили секретарем областной организации КПЧ в городе Банска-Бистрица (в 1944 году это был центр Словацкого национального восстания). В воспоминаниях Александр Дубчек описал это следующим образом: «Не могу сказать, что меня это не удивило, но одновременно меня это и порадовало. Не то, чтобы мне не нравилась Братислава, но Банска-Бистрица была ближе к нашему с Анной старому дому и нашим сердцам»^[332]. Однако ему везло – в 1952 году старый приятель отца Людовит Бенада стал работать в секретариате ЦК КПС, и карьера Дубчека опять резко пошла в гору. Именно Бенада и сделал Дубчека фактически хозяином самой престижной в Словакии области.

По словам Дубчека, именно в Банска-Бистрице он после смерти Сталина и Готвальда впервые задумался о политической оттепели. Это весьма сомнительно, так как далее в воспоминаниях он пишет: «Но если уж говорить правду, то больше всего воспоминаний из Банска-Бистрицы связано у меня с семейной жизнью. Большой радостью для меня были дети. В хорошую погоду, если у меня было немного свободного времени, мы с Анной охотно брали их на прогулки по окрестностям. Мы часто ездили в Высокие и Низкие Татры ходить на лыжах, совершали пешие прогулки, собирали грибы и другие плоды леса»^[333].

В конце 1954 года оправдало себя отличное знание Дубчеком русского языка, что тогда еще среди чехословацких коммунистов было редкостью. Ему сообщили, что принято решение о направлении его на партийную учебу в Высшую партийную школу КПСС в Москву. По тем временам это был пропуск в верховное руководство КПЧ.

В Высшей партийной школе Дубчек учился с августа 1955 по сентябрь 1958 года.

Он получил красный диплом, но ничем особенным ни преподавателям, ни своим однокашникам не запомнился. По крайней мере, никто не помнил, чтобы Дубчек уже тогда высказывал какие-то радикальные реформаторские мысли. Он всегда был человеком осторожным и обходительным, старался больше улыбаться и ни с кем ни о чем не спорить. Поэтому у него было много друзей и не было врагов. Этим умением находить контакт с людьми Дубчек разительно отличался от Новотного. Но каких-либо собственных принципиальных убеждений у Дубчека и не было – он всегда становился на самую модную и популярную на тот

момент точку зрения. Если в Москве началась «оттепель», то ее сторонником стал, естественно, и Александр Дубчек.

Когда в сентябре 1958 года Дубчек вернулся в Словакию, ему выделили уже целый одноэтажный дом в Братиславе, где вместе с женой и детьми Александра жила и его мать. Дубчек стал первым секретарем западнословацкой областной организации КПС. Йозеф Ленарт, с которым Дубчек учился в Москве, явно делал гораздо более быструю карьеру – он был уже членом Президиума ЦК КПС.

Несмотря на то, что в своих воспоминаниях Дубчек пытается представить себя ярким противником Новотного, тот, видимо, об этом ничего не знал. Ибо в 1960 году Дубчек пошел на повышение в Прагу, став секретарем ЦК КПЧ по вопросам промышленности. Фактически в руках молодого Дубчека сосредоточилось все руководство промышленностью Чехословакии. Секретарь ЦК был гораздо более весомой величиной, чем министры правительства, ибо именно ЦК КПЧ намечал стратегические пути развития промышленности страны, а министерства лишь претворяли эти планы в жизнь.

Интересно, что в 1967-1968 годах Дубчек был ярким противником вмешательства партийных органов, и прежде всего ЦК, в дела правительства. В ЦК, по мнению тогдашнего реформатора-Дубчека, сидели недостаточно компетентные в экономике люди. Сам Дубчек признавался, что в то время был сторонником централизованного планирования и не понимал, зачем нужна децентрализация управления промышленностью, которую в Чехословакии проводили еще с 1958 года. Новый секретарь ЦК полагал, что надо просто устранить отдельные ошибки и разгильдяйство в планировании, и дела в экономике наладятся. В этом смысле молодой Дубчек был тогда гораздо более «реакционен», чем «сталинист» Новотный, который тщательно и настойчиво искал пути и методы масштабной экономической реформы в стране.

Но Дубчек умел улавливать малейшие изменения в политической атмосфере. В то время в Институте экономики Академии наук при полной поддержке Новотного шла оживленная дискуссия о коренной перестройке всего народного хозяйства. Заметим, что не менее оживленные дискуссии такого же рода шли в то время между экономистами в СССР.

Звездой экономического реформаторства в ЧССР стал ученый-экономист Ота Шик, чья книга «Экономика. Интересы. Политика» в 1964 году была издана и на русском языке в Москве (чешское издание вышло в 1962-м).

Шик родился 11 сентября 1919 года в Пльзени. В 1940 году, будучи

безработным, он вступил в подпольную компартию. В 1941 году был арестован (как еврей) и отправлен в Маутхаузен. Там он близко сошелся с Новотным. В середине 50-х годов Шик, уже став убежденным марксистом, самостоятельно познакомился с трудами классиков западной экономической науки: Бем-Баверка и Кейнс. К этому времени он уже успел сделать неплохую карьеру как экономист и преподаватель марксистской политэкономии. В 50-е годы Шик, как и Дубчек, был горячим сторонником жесткого директивного планирования по образцу СССР.

К его чести, следует отметить, что он настороженно относился к широко пропагандировавшейся тогда на Западе как новое слово в марксизме югославской модели «самоуправленческого социализма», при которой центр принятия экономических решений находился на предприятиях (ими управляли трудовые коллективы – отсюда и термин «самоуправленческий»). «Югославская модель развития меня не вдохновляла, поскольку я видел в ней слишком много недостатков, которые не мог удовлетворительно объяснить», – писал Шик позднее^[334].

В 1958 году Шик был, как и Хрущев, сторонником децентрализации управления экономикой, передачи прав по контролю над предприятиями местным органам власти. Над коренной реформой социалистической экономики он в то время еще даже не задумывался. «Тогда, в 1957-1958 годах, – вспоминал потом Шик, – для нас представляло сравнительно простую задачу указать на принципиальные недостатки социалистической системы и теории социализма, но о том, как должна была выглядеть новая реформированная система, у нас еще не было ясного представления».

В 1959 году Ота Шик, уже кандидат в члены ЦК КПЧ, впервые оказался на Западе благодаря тому, что был включен в делегацию, отправившуюся на съезд французской компартии. Изобилие товаров в магазинах Парижа произвело на него шоковое воздействие. По его словам, с тех пор он начал задумываться о коренной перестройке всей экономической системы в Чехословакии.

В 1961 году Шик стал директором Института экономики Академии наук ЧССР, и взгляды его кардинально поменялись. В 1962-м Шик был избран членом ЦК КПЧ. К тому времени он был блестящим теоретиком марксистской политэкономии, широко известным за пределами Чехословакии.

Шик замахнулся на самого Маркса, осторожно рассуждая на тему о необходимости существенно обновить его экономическое учение (при этом он сам опирался на цитаты из Маркса или Ленина). Смысл новаций был прост: предприятия должны планировать производство не по валовым

показателям (то есть физическому объему выпущенной продукции), а по показателю чистой прибыли. Причем излишки прибыли должны оставаться в распоряжении самого предприятия и расходоваться на материальное стимулирование работников – прежде всего на рост заработной платы.

При этом Шик и тогда, и позднее считал себя истинным марксистом, поэтому был против частной собственности на средства производства.

Однако соблазнительная на первый взгляд концепция Шика, сулившая всем рост зарплаты, была в условиях социализма верным путем к краху и гиперинфляции. Уже в то время нечто подобное проводилось в жизнь в Югославии, где строили «самоуправленческий социализм». И к началу 80-х годов это привело к полному коллапсу экономики страны. Причем этот коллапс, наверное, случился бы гораздо раньше, если бы сотни тысяч югославов не работали в ФРГ и не снабжали свои семьи валютой.

При социализме цены на все виды продукции директивно устанавливало государство, поэтому упование на прибыль в этих условиях было глубоким заблуждением. Если Госплан специально занижал цены на социально значимые виды товаров (например, на хлеб), то хлебобулочные комбинаты в системе Шика никогда не стали бы суперприбыльными. Напротив, часть предприятий при социализме сбывала свои товары по завышенным государством ценам, например предметы роскоши типа ковров или хрусталя. Излишки прибыли изымались государством и направлялись как раз на поддержку социально значимых предприятий.

Если бы всю или большую часть прибыли при этой системе оставляли бы самим предприятиям, то все рабочие сбежали бы с мукомольных заводов на ковроткацкие фабрики.

Поэтому система Шика могла бы функционировать только при отмене любого государственного вмешательства в ценообразование, что означало, по сути, реставрацию капитализма. Но этого марксист Шик публично как раз и не предлагал. Даже позднее, уже в эмиграции после 1968 года он безуспешно пытался представить свои взгляды как некий «третий путь» между капитализмом и социализмом.

Взгляды Шика были крайне опасны еще и потому, что в чехословацкой экономике, основанной на плановых началах, отсутствовала конкуренция между предприятиями, все они работали на одного заказчика – государство. Если бы цены были отпущены, то в условиях отсутствия конкуренции все предприятия, естественно, задрали бы цены на свою продукцию до невиданных высот. А это привело бы к гиперинфляции, обнищанию населения и социальным протестам. К тому же предприятия перестали бы производить «дешевые» товары и стали бы кидать на рынок дорогие.

Собственно, так и произошло в СССР после 1988 года, когда после предоставления предприятиям финансовой самостоятельности (в точности по рецепту Шика) неожиданно пропало из магазинов самое дешевое и доступное хозяйственное мыло.

Создать на время конкуренцию и сбить цены можно было бы только усиленным импортом, но это привело бы (да и привело в реальности в 1968 году) к полной и быстрой растрате всех валютных резервов Чехословакии и росту внешнего долга перед западными странами. Таким путем пошла после 1970 года Польша, и за десять лет этот путь привел к полному краху социализма в этой стране.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин после 1965 года тоже экспериментировал с предоставлением советским предприятиям большей финансовой самостоятельности, но быстро понял весь вред этих мер и свернул реформу, получившую в народе название «косыгинской».

Но в 1960-1968 годах «свежие» и «современные» взгляды Шика и его единомышленников были в чехословацком обществе популярны. Естественно, что их сторонником стал считать себя и Дубчек. Ведь дружить с Шиком значило прослыть смелым реформатором и завоевать народные симпатии. Тем более что реформатор Шик работал с ведома и при полной поддержке «сталиниста» Новотного. Новотный, сам в экономике не разбиравшийся, но уважавший мнение специалистов, был готов попробовать любой метод, чтобы придать экономике ЧССР устойчивое поступательное развитие. Абстрактно-теоретические труды Шика, где он «раскрывал» за Маркса такие понятия, как «производительные силы» или «собственность», внушали Новотному глубокое уважение.

При ЦК КПЧ в 1963 году по инициативе Новотного даже была создана специальная комиссия по разработке экономической реформы во главе с уже упоминавшимся выше членом Президиума ЦК Кольдером. В комиссию вошли лучшие экономисты Чехословакии, в том числе и Шик. Новотный лично сказал Кольдере, чтобы никаких табу при работе комиссии не было. Все члены этого органа, по мнению президента республики, должны были высказывать свои мнения максимально свободно^[335]. Новотный подчеркнул, что хочет знать причины экономических трудностей, с которыми страна столкнулась после 1961 года. Что же касается инструментов по их преодолению, то Новотный был готов пойти на все, даже если бы тот или иной метод не понравился Москве. В 1964 году экономическую комиссию ЦК возглавил уже сам Шик.

Между тем чехословацкая экономика в 1962 году после нескольких лет феноменально быстрого роста столкнулась со стагнацией, а в 1963-м

впервые после войны рост был отрицательным. Руководство КПЧ было потрясено, потому что все остальные страны социалистического лагеря продолжали неплохо развиваться, да и в большинстве западных стран отмечался устойчивый рост.

Рецепт Шика и его команды был простым – повышение розничных цен, чтобы заинтересовать предприятия, и снижение социальных расходов государства, часть которых, опять же, предлагалось переложить на плечи граждан. Например, повысили плату за ясли и детские сады, а также снизили дотации, предназначенные для удержания низких цен на детскую одежду.

Новотный верил «современным» экономистам вроде Шика, поскольку понимал, что если страна не вернется на дорогу устойчивого экономического роста, то придется повышать цены и дальше, а это может привести к социальным протестам, как в 1953 году. Своих же рецептов экономического оздоровления Новотный и не предлагал, всецело доверившись образованным и компетентным экономистам. Пока же населению повышали зарплату, но это в перспективе могло вылиться в сильную инфляцию и тоже рассматривалось как временная мера.

В целом, если до 1962 года жизненный уровень рос за счет снижения стоимости жизни населения (снижение цен, увеличение бесплатных социальных благ), то после 1963-го повышали номинальную зарплату, но вместе с тем росла и стоимость жизни, так как одновременно повышали цены и сокращали социальные выплаты.

Реальная зарплата рабочих в 1962-1964 годах фактически не выросла – опять же, впервые после 1953-го.

В 1963 году ЦК КПЧ одобрил экономическую реформу, которая стала известна как механизм совершенствования системы планового управления. Новотный специально выбрал умеренную формулировку, чтобы лишний раз не возбуждать подозрений в Кремле. На самом деле речь шла о финансовой самостоятельности предприятий и о замене методов планового хозяйства рыночными элементами.

Между тем ответственный за всю промышленность страны Дубчек в Праге себя никак не проявил. Позднее он вспоминал, что тогда у него впервые стали возникать конфликты и противоречия с Новотным, который якобы не хотел никаких реформ. Но сам же Дубчек вспоминал, что он главным образом требовал больше инвестиций в родную Словакию.

Новотный не без оснований считал это дешевым популизмом. Начиная с 1948 года КПЧ и так вкладывала в экономику (особенно промышленность) Словакии в расчете на душу населения гораздо больше

денег, чем в Чехию. Причем при Новотном, которого Дубчек потом критиковал за пренебрежительное отношение к Словакии, эта тенденция ни в коей мере не претерпела изменений. Если в 1958 году Словакия получила 22,2 % всех капиталовложений (ее доля в экономике страны равнялась примерно 16-17 %), то в 1960-м – 29,6 %^[336]. В 1960 году Словакия уже смогла создать 23,4 % национального дохода всей страны.

Дубчек на своем посту секретаря ЦК по промышленности пытался добиться того, чтобы в Словакии строилось еще больше предприятий. Причем иногда действовал он, мягко говоря, странно. Например, Госплан хотел построить завод по выпуску бумажных изделий в Чехии, а Дубчек без всякого согласования с кем бы то ни было организовал торжественное открытие стройплощадки в Словакии, и Госплану пришлось уступить, чтобы не разочаровывать собранных Дубчеком людей.

Зато такие «лихие» методы через друзей Дубчека в словацком партийном аппарате (а, в отличие от Новотного, Дубчек умел сохранять друзей) становились известными в Словакии, и его репутация борца за словацкие интересы против «централиста» Новотного укреплялась.

Свои впечатления от первого знакомства с Новотным Дубчек изложил уже в 90-е годы: «А. Новотного до этого я хорошо не знал... Сначала у меня о нем не сложилось никакого особого мнения. Он выглядел как средний партийный функционер рабочего происхождения, который до моей учебы в Братиславе и Москве особо от меня не отличался. Издали Новотный казался довольно практичным и открытым. Но только в Праге я выяснил, что он глуп и часто надменен, что ему не хватает осмотрительности, он не может обсуждать иные точки зрения и не способен понимать ключевые политические и экономические проблемы страны»^[337].

Будущий ведущий деятель «пражской весны» Млынарж в то время (начало 60-х годов) работал в еще одной комиссии ЦК по вопросам государственной реформы, созданной Новотным. Он вспоминал, что комиссия работала при полной поддержке Президиума ЦК и лично Новотного. Причем здесь открыто обсуждались самые «крамольные» предложения, которые были бы немыслимы в СССР даже при Хрущеве. Например, Млынарж без всякой утайки разрабатывал вопрос о многопартийности и альтернативных выборах в ЧССР. Он считал, что в стране могут быть коммунистическая партия, которая стремится реализовать на практике теоретические установки основоположников марксизма, и «эмпирическая социалистическая партия», которая сама

преобразует теорию, отталкиваясь от реальностей социалистического строительства.

Можно сказать, что Млынарж видел в Чехословакии политическую систему типа американской: в США обе партии – и демократы, и республиканцы – сходятся в принципиальных вопросах (частная собственность, рыночная экономика), но имеют разные точки зрения на повседневные темы.

Уже в эмиграции после 1968 года Млынарж не мог вспомнить ничего реформаторского в деятельности Дубчека в Праге в 1960-1963 годах.

Напротив, он считал главными движущими силами реформы совсем других людей – Новотного, а также членов Президиума ЦК КПЧ Йиржи Гендриха и Владимира Коуцкого.

Гендрих родился в декабре 1913 году недалеко от города Мост. С 1931 года состоял в комсомоле, с 1934 – в КПЧ. Был исключен с юридического факультета пражского Карлова университета за «подрывную деятельность» среди военнослужащих. В отличие от того же Дубчека, Гендрих активно участвовал в годы войны в движении Сопротивления. В 1939-1941 годах он был членом нелегального руководства компартии в промышленном районе Кладно. В августе 1941-го Гендриха арестовало гестапо, и до конца войны он находился в том же концлагере, что и Новотный, – Маутхаузене. Там он и познакомился с будущим президентом страны.

Гендрих считался одним из самых образованных и идеологически подкованных лидеров партии – еще до войны он активно писал в партийной прессе. С июня 1954 года он был секретарем ЦК и отвечал за идеологическую работу. В 1958 году стал членом политбюро (позднее президиума)^[338]. После ареста Барака все считали Гендриха вторым человеком в партии и преемником Новотного, выдвигенцем которого он был.

Владимир Коуцкий (почти ровесник Дубчека) родился в декабре 1920 года во Владивостоке. Во время войны активно участвовал в движении Сопротивления, был автором статей для нелегальной коммунистической печати, а в декабре 1944 года вошел в последнее (четвертое) подпольное руководство КПЧ. В 1952-1953 годах был заместителем главного редактора «Руде Право», в 1955-1958 годах – главным редактором этой ведущей газеты страны. С 1949 года был членом ЦК партии. В 1958-м по предложению Новотного стал членом Президиума ЦК КПЧ и отвечал за внешнюю политику.

Млынарж так писал о Коуцком уже после 1968 года: «...Коуцкий был, по моему мнению, вообще самым интеллигентным человеком в партийном

руководстве при Новотном. Он изучал логику и математику, мог мыслить абстрактно, говорил на нескольких иностранных языках и знал о внешнем мире и культуре больше, чем другие (члены руководства)... Оба (Коуцкий и Гендрих – *Прим. автора.*) относились к людям, которые в 60-е годы придали форму политике Новотного со всеми ее противоречиями, но именно они оказывали решающее влияние на то, чтобы эта политика все отчетливее двигалась в направлении линии Хрущева. Они принадлежали к „людям Новотного“; он назначил их на их должности, ввел их в высшую партийную бюрократию...

Идеология реформаторского коммунизма в КПЧ в 60-е годы развивалась не только с их ведома, но и при их поддержке...

Но почему же „пражская весна“ заставила исчезнуть с политической арены именно Гендриха и Коуцкого?.. И почему два других члена политбюро при Новотном, Александр Дубчек и Олдржих Черник, стали национальными героями? Я думаю, ответ прост. Переворот в партии, который состоял, прежде всего, в свержении Новотного^[339], в своей первой фазе протекал так, как это соответствовало режиму тоталитарной диктатуры и ее тайной политики: за закрытыми дверями секретариатов, в виде борьбы за власть на верхушке партийной иерархии...»^[340]

Таким образом, Млынарж, звезда «пражской весны», обвинял после 1968 года в сталинистских методах борьбы за власть отнюдь не Новотного, а самого Дубчека.

Дубчек позднее упрекал Новотного, что он ничего не знал и не хотел знать о Словакии, чем способствовал ухудшению чехо-словацких отношений. Якобы на все предложения Дубчека о повышении статуса Словакии в едином государстве Новотный реагировал «раздраженно и с гневом».

На самом деле за период правления Новотного какого-либо ухудшения отношения центральных пражских органов к Словакии не прослеживается. Просто Новотного, да и не только его одного, раздражал местечковый патриотизм Дубчека, за которым ясно просматривалось стремление заработать на «словацком вопросе» дешевую популярность, которую он не смог снискать на посту фактического руководителя всей чехословацкой промышленности.

Как бы то ни было, за время руководства Дубчека промышленностью ЧССР в ней впервые за все послевоенное время был отмечен легкий спад. Хотя, конечно, виноват в этом был не только и не столько Дубчек.

Став первым секретарем компартии Словакии в 1963 году, Дубчек

позднее пытался доказать, что это произошло вопреки желанию Новотного. Но в это может поверить только тот, кто ничего не знает о процессе принятия политических решений в ЧССР в 60-е годы. Кандидатура первого секретаря, то есть руководителя словацкой компартии, в то время, естественно, обсуждалась на заседании Президиума ЦК КПЧ, в котором в 1963 году заседали сторонники Новотного. И если бы Новотный не захотел, то Дубчек никогда бы не занял этот пост. Тем более что, став первым секретарем ЦК КПС, Дубчек автоматически вошел в состав Президиума ЦК КПЧ – высшего органа коллективного руководства в стране. Уж если Новотный смог арестовать министра внутренних дел Барака, опиравшегося на сильные позиции в МВД и госбезопасности, то не допустить избрания Дубчека лидером словацкой компартии для него никакого труда не составляло.

Напротив, Новотный, как и Хрущев в СССР, после 1958 года активно продвигал на руководящие посты в стране молодых людей (так называемое поколение сорокалетних), не замешанных в репрессиях начала 50-х годов, образованных, с широким кругозором и нестандартным мышлением. Дубчека Новотный считал, хотя и с оговорками, именно таким человеком. Просто он думал, что на серьезные посты в Чехословакии Дубчек, в отличие, например, от своего ровесника и тоже словака Ленарта, пока еще не тянет. Справедливость этого мнения доказало в целом довольно безуспешное пребывание Дубчека на посту секретаря ЦК КПЧ по промышленности.

Дубчек понял, что на экономике он блестящей карьеры не сделает, и, став лидером словацкой компартии, решил выдвинуться за счет популярной в то время реабилитации.

Комиссия Кольдера реабилитировала «словацких буржуазных националистов» Гусака, Клементиса (посмертно) и Новоместского, но только в гражданско-правовом плане. То есть с них сняли все уголовные обвинения, однако политической реабилитации не произошло. Выпущенный из тюрьмы Гусак работал на складе строительных материалов, и в приеме обратно в компартию ему было отказано. Новотный считал, что Гусак и Новоместский действительно совершили серьезные политические ошибки, поддавшись националистическим настроениям.

Дубчек решил бороться за полную политическую реабилитацию бывших «националистов». Это принесло бы ему большую популярность в Словакии, так как Гусак и Новоместский были лидерами Словацкого национального восстания 1944 года, а последний к тому же еще и известным словацким писателем. Но самое главное состояло в том, что

реабилитацией лидеров восстания 1944 года Дубчек хотел набрать весомые в борьбе против Новотного очки в глазах Хрущева. В 1944-м Хрущев возглавлял штаб партизанского движения на Украине, в компетенцию которого входило и развертывание партизанской борьбы в Словакии. Никита Сергеевич, естественно, принимал самое активное участие в поддержке словацкого восстания и помнил Гусака и Новоместского как его главных организаторов от компартии. Полная и окончательная реабилитация этих людей, несомненно, нашла бы поддержку у советского лидера.

Наконец, полной реабилитацией Гусака, Новоместского и других «националистов» Дубчек нанес бы окончательный удар по еще совсем недавно второму человеку в партии – бывшему премьеру Широкому. Именно словак Широкий в 1950 года обвинил Гусака, Клементиса и других в «буржуазном националистическом уклоне».

Новотный уже снял Широкого с поста премьера после доклада комиссии Кольдера, поэтому, критикуя опального премьера, Дубчек бил лежачего – и мог не опасаться негативных для себя политических последствий.

В самой Словакии Дубчек решил добиться популярности все на той же волне реабилитации. Для этого он решил задействовать словацкие СМИ и творческие союзы. Формализованной цензуры в ЧССР в то время еще не было. Главные редакторы всех газет и журналов были членами компартии и тем самым обеспечивали в своих изданиях четкое отображение линии КПЧ. В случае каких-либо проблем ЦК мог снять с работы любого главного редактора и поставить на его место более надежного человека.

В 1963-м Дубчек опробовал в Словакии в 1963 году ту тактику, которую он в 1968 году проводил по отношению к СССР. Он втихую дал отмашку словацким газетам и творческим союзам, которые стали требовать продолжения процесса реабилитации и критиковать Новотного и его соратников за то, что они этот процесс якобы тормозили. Дубчек же формально якобы не имел к этому «голосу общественности» никакого отношения.

В 1968 году Дубчек неоднократно обещал Брежневу прекратить грубые антисоветские нападки в чехословацкой прессе, но всякий раз эти обещания не сдерживал. Это привело Брежнева и его коллег по политбюро ЦК КПСС к мысли, что Дубчек уже не контролирует положение в стране. Именно поэтому 20 августа 1968 года в ЧССР и вошли войска Варшавского договора.

Как только Дубчек весной 1963 года стал первым секретарем ЦК КПС,

еженедельная газета Союза словацких писателей «Культурни живот» («Культурная жизнь») стал публиковать острые критические заметки против тех в Праге, кто якобы препятствует процессу дальнейшей реабилитации жертв политических репрессий. Тираж еженедельника резко вырос до 10 тысяч экземпляров, и он стал единственным словацким изданием, которое охотно читали и в Чехии, особенно в среде интеллигенции^[341].

Острые критические материалы стали появляться и в центральном органе ЦК КПС газете «Правда», которую возглавлял друг Дубчека Ондрей Клокоч.

Эта кампания в печати «разогрела» словацкую интеллигенцию, прекрасно понимавшую, что без санкции «сверху», то есть от Дубчека, такая «гласность» в Словакии была бы невозможна.

В апреле 1963 года состоялся съезд словацких писателей, на котором с острой критической речью выступил бывший «буржуазный националист» поэт Новоместский. Причем защищал он не себя, а погибшего Владимира Клементиса, которого назвал мучеником. Выдержки из его выступления опубликовала словацкая «Правда».

Еще более смелым было выступление известного словацкого публициста Мирослава Гиско на съезде словацких журналистов в мае 1963 года. Тот прямо обвинил Широкого в фабрикации дела «словацких буржуазных националистов». Это была первая публичная критика Широкого в стране.

Для Дубчека это было очень выгодно – ведь Широкий считался человеком Новотного и пока еще заседал в Президиуме ЦК КПЧ. На Широкого по-прежнему ориентировались многие партийные работники в Словакии. Если бы Дубчеку с помощью интеллигенции удалось окончательно убрать Широкого с политической арены, то он смог бы начать чистку среди его сторонников и в словацкой компартии, тем самым укрепив свое пока еще очень шаткое положение в Братиславе.

Поэтому выступление Гиско тоже появилось в словацкой «Правде», хотя, как вспоминал Дубчек, главный редактор Клокоч его предварительно об этом не информировал. Благодаря этому Дубчек мог бы в случае серьезных проблем с Новотным свалить все на излишнюю самостоятельность главного редактора.

На ближайшем заседании Президиума КПЧ в Праге в перерыве к Дубчеку подошел Новотный и спросил, что там происходит в Словакии. Дубчек якобы не понял и переспросил, что имеет в виду первый секретарь. «Ну, этот съезд писателей, съезд журналистов. Эти статьи в прессе. Почему

у вас это не под контролем?»^[342] (Те же вопросы Брежнев почти в отчаянии неоднократно задавал Дубчеку в 1968 году.) Дубчек все еще «не понимал» и попросил уточнить, какие именно статьи имеются в виду. Тут Новотный прямо произнес имя Гиско. Дубчек ответил: «Это непростой вопрос. Мы оба знаем, что в 50-е годы Широкий сильно подмочил репутацию (участием в репрессиях). Это прямо вытекает из доклада комиссии Кольдера. Гиско еще не знает того, что знаем мы, но, видимо, и он, и остальные все же знают достаточно, и его критика имеет под собой определенные основания. Думаю, что в этих условиях я не могу что-либо сделать»^[343].

Новотный промолчал, и тогда Дубчек выложил на стол свой главный козырь, который собеседник не мог проигнорировать, – ссылку на СССР: «Думаю, что часть проблем заключается в том, что общественность по-прежнему еще не информирована об усилиях партии по исправлению беззаконий. Общественность видит развитие (в этом вопросе) в Советском Союзе и думает, что в Чехословакии реабилитация идет слишком медленными темпами». Как с удовлетворением вспоминал Дубчек, этот аргумент Новотному крыть было нечем.

Выступления словацких СМИ в пользу дальнейшей реабилитации поддержал и секретарь ЦК КПЧ по культуре Честмир Цисарж, что укрепило позиции Дубчека.

Эту пору, весну – лето 1963-го, когда атмосфера была полна надежд на перемены, стали называть в Чехословакии «милостивым летом».

Летом 1963 года Новотный приехал в Кошице, чтобы как-то поправить свой «антисловацкий имидж», который подспудно подпитывал Дубчек. Дубчек в нарушение протокола и просто правил хорошего тона не стал сопровождать президента республики. Он ожидал, что в своей публичной речи Новотный «подставится» еще больше, и не ошибся.

Человек принципиальный, в отличие от Дубчека, Новотный готов был произносить даже непопулярные вещи, если был убежден в их правильности. Новотный опять подверг резкой критике Гусака и Новоместского за политические ошибки и стал защищать новую конституцию ЧССР. Так, например, он сказал, что ликвидация словацкого Корпуса уполномоченных была оправданной, так как он все равно очень плохо работал. Президент раскритиковал и словацкую печать. Он считал, что дело Широкого – это внутреннее дело КПЧ, и перед тем как проинформировать общественность, партия сама должна принять решение на сей счет.

Естественно, речь Новотного не понравилась словакам, особенно интеллигенции. И то, что в Кошице рядом с Новотным не было Дубчека, еще более укрепило позиции последнего как борца за реабилитацию и словацкие интересы.

Дубчек ответил на речь Новотного подготовленной и одобренной ЦК КПС резолюцией, в которой выражалось требование создать комиссию КПЧ для проверки дела «словацких буржуазных националистов». Формально это как бы совпадало с мнением Новотного, что с делом Широкого должна сначала разобраться партия.

Президиум ЦК КПЧ одобрил это предложение, и 26 июня 1963 года была создана комиссия, названная «барнабитской» (от чешского названия ордена варнавитов), так как заседала в бывшем женском варнавитском монастыре рядом с Градом. Специально для комиссии, которая начала свою работу в июле, в бывший монастырь (там теперь находился дом приемов для иностранных делегаций) перевезли часть архивов ЦК КПЧ и МВД.

На тот момент комиссия Кольдера (в которой, как мы помним, работал и Дубчек и отчет которой был опубликован с купюрами в августе 1963 года) приняла по делу «словацких националистов» следующее решение: никакой антигосударственной и антипартийной группы буржуазных националистов не было: «...обвинения, выдвинутые против Гусака, Новоместского, Окаля, Хорвата, Гольдоша, были необоснованными. Незаконный подход заключался в том, что политическим ошибкам, которые они допустили, было присвоено вредительское измерение»^[344].

Уже 17 апреля 1963 года об этом решении (еще не опубликованном) сообщила Гусаку и Новоместскому в Братиславе специальная комиссия ЦК КПС во главе с тем же Дубчеком. Гусака и Новоместского восстановили в партии (за что они выразили благодарность), но решение об исключении их из ЦК КПЧ, принятое в 1951 году, было подтверждено. Однако Гусак и Новоместский попросили полной политической реабилитации, ссылаясь на то, что их осудили в атмосфере культа личности.

1 мая 1963 года Гусак направил в Президиум ЦК КПЧ письмо на 134 страницах, объясняя всю подноготную процесса «буржуазных националистов» и требуя полной реабилитации.

Поначалу «барнабитская комиссия» состояла только из словаков (например, ее членом был будущий лидер компартии Словакии в 1968 году Васил Биляк)^[345] и работала под председательством Ленарта – тогда, по мнению Дубчека, уже не реформатора, а приспособленца. Когда Ленарт стал в сентябре 1963 года премьером ЧССР, его место в комиссии занял

секретарь ЦК КПЧ Коуцкий. Дубчек формально в комиссию не входил, но получал от ее членов полную информацию о ходе работы. Новотный распорядился предоставить комиссии все архивные материалы.

На заседаниях комиссии некоторые ее члены продолжали обвинять Гусака в политических ошибках. Например, Лаштовичка (во время войны находился в Лондоне) считал, что Гусак и его товарищи пренебрежительно относились к чехам вообще и чешскому рабочему классу в частности. Это проявилось, например, при обсуждении Кошицкой правительственной программы в начале 1945 года. К тому же странно, что всю войну вплоть до восстания в Словакии летом 1944 года Гусак легально жил в Братиславе и даже работал адвокатом. Ведь полиция прекрасно знала, что он один из лидеров подпольной компартии Словакии.

В придачу ко всему Гусак принял участие в пропагандистской поездке на оккупированную немцами Украину, которую во время войны организовали словацкие власти. Заметим, что эту ошибку Гусак всегда признавал.

Говорили и о том, что Готвальд испытывал стойкую антипатию к Гусаку еще с 1945 года, то есть до начала политических репрессий в Восточной Европе^[346].

Интересно, что одним из доказательств «словацкого национализма» Гусака (и это прямо ставили ему в вину на судебном процессе) было то, что он в 1939-1941 годах выступал за «Советскую Словакию», то есть за отторжение Словакии от ЧСР и присоединение ее к СССР. Комиссия подтвердила, что Гусак не являлся автором этого требования, – это была позиция всей компартии Словакии до нападения Германии на СССР в 1941-м. Ведь в 1939-1941 годах СССР признавал Словакию независимым государством, а Коминтерн считал словацкую компартию самостоятельной, а не частью КПЧ. Только после 22 июня 1941 года Сталин установил отношения с чехословацким эмигрантским правительством Бенеша, и словацкие коммунисты по указанию Москвы снова стали сторонниками единой Чехословакии.

Следует отметить, что именно Коуцкий, с полного ведома Новотного, вел дело в комиссии к полной политической реабилитации «словацких буржуазных националистов». Коуцкий считал, что националистические загибы у словацких коммунистов, бесспорно, имели место, но называть их «буржуазными» нет никаких оснований. Одновременно Коуцкий решительно возражал против того, чтобы осудить КПЧ (как предлагали некоторые члены комиссии) за неправильную линию в словацком вопросе, то есть фактически за чешский национализм и пренебрежительное

отношение к словакам. В этом он проводил линию Новотного: реабилитация не должна привести к политическому кризису в стране.

Комиссия пошла на хитрость, постановив, что мандат Гусака как члена ЦК КПЧ истек к X съезду партии (он тогда сидел в тюрьме), поэтому формально восстанавливать его в составе Центрального комитета нет оснований. Заметим, что с такой формулировкой согласились все словацкие члены комиссии.

5 декабря 1963 года «барнабитская комиссия» представила свои выводы Президиуму ЦК КПЧ, и выводы эти были однозначны: весь процесс «словацких буржуазных националистов» фиктивен и незаконен, все его жертвы должны быть реабилитированы полностью, в том числе и политически. Новотный с выводами комиссии согласился, хотя опять предлагал указать в ее докладе на политические ошибки Гусака. Он, как и многие члены президиума, считал главным националистическим уклоном словацких коммунистов притеснение венгерского национального меньшинства после 1945 года, которое, бесспорно, действительно имело место.

Так, член Президиума ЦК КПЧ Франтишек Дворский требовал признать ответственность Гусака и других «словацких товарищей» за то, что они загоняли венгерских пролетариев в товарные вагоны и вывозили в Чехию. Мол, если это и не буржуазный национализм, то уж национализм в любом случае^[347].

Однако венгров, как и немцев, ограничили в правах по прямому указанию тогдашнего президента Бенеша (что было отражено в декретах президента), который вообще хотел выселить их всех в Венгрию (с немцами, как мы помним, так и поступили – их выселили в Германию).

Интересно, что Кольдер обвинил Гусака в том, что именно он стоит за «направленными против товарища Новотного» недавними статьями в словацкой прессе, так как с помощью словацкой интеллигенции хочет вернуть себе лидерство в республике. Дубчек, вероятно, в этот момент лишь усмехнулся про себя.

Примечательно, что все члены президиума (включая и Дубчека) не хотели, чтобы реабилитированный Гусак занял видный политический пост. Участники заседания указывали на его «бесхарактерность» (имелась в виду беспринципность). Словаки – члены комиссии настаивали на том, чтобы Гусаку нашли работу в Чехии. Друг Дубчека Франтишек Барбирек^[348] (член «барнабитской комиссии») предложил сделать Гусака заместителем министра транспорта в Праге.

Полностью Гусака поддержал лишь бывший премьер Зденек Фирлингер, который лучше других знал положение в Словакии в послевоенное время.

В целом следует отметить, что дискуссия на заседании Президиума ЦК КПЧ была открытой и «сталинист» Новотный ее ни в чем не ограничивал. Решили весь доклад «барнабитской комиссии» не публиковать, чтобы не нагнетать вражду между чехами и словаками, но сформулировать для общества краткую резолюцию на основе доклада, где бы «тепло» говорилось о словацком народе.

В заключение заседания Президиума ЦК Новотный опять взял слово и сказал, что национализм в Словакии во время и после войны, бесспорно, существовал, но не в рядах руководства компартии Словакии, а среди сторонников Людацкой партии. Тем не менее у Гусака и его товарищей были ошибки националистического толка, частично ими самими признанные, в том числе и на заседаниях «барнабитской комиссии».

Новотный признал и ошибки Широкого (который после ареста Клементиса, Гусака и других фактически возглавил компартию Словакии), но конкретных мер наказания не предложил, так как в деятельности Широкого было и много хорошего. Причем, говорил Новотный, чтобы избежать дестабилизации в стране, важно отметить, что в целом линия КПЧ на развитие отношений между чехами и словаками была правильной. Надо сказать людям, что партия полностью очистилась от ошибок 50-х: «Мы повторим это, если понадобится, и десять раз, и столько раз, сколько будет нужно»^[349].

Дубчек на заседании президиума ни разу Новотному не возразил. А последний высказал идею поручить Дубчеку вместе с Кольдером и Коуцким выработать предложения по трудоустройству Гусака. Поступило предложение сделать Гусака заместителем министра внешней торговли, но Новотный его решительно отверг: «Тем самым мы бы посадили кукушку прямо в гнездо». То есть этот пост для Гусака сочли слишком влиятельным – «кукушка» могла бы вытолкнуть из гнезда других руководителей партии. Зато Новотный был не против того, чтобы сделать Гусака председателем государственного комитета по туризму (такое предложение также прозвучало на заседании президиума).

18 декабря 1963 года решение «барнабитской комиссии» одобрил ЦК КПС, днем позже – ЦК КПЧ.

Дубчек пишет в своих воспоминаниях, что воспринял решения комиссии как личную победу. Однако политическая реабилитация Гусака едва не спутала карты Дубчеку в борьбе за власть в Словакии, так как

реабилитированный хотел занять достойное место среди руководства страны, а заслуги перед Словакией у него были гораздо весомее, чем у Дубчека. Новоместский ни на какую политическую карьеру уже не претендовал.

Дубчек решил «сплавить» Гусака в Прагу, зная их с Новотным взаимную антипатию. К лету 1963 года Гусак работал в Институте государства и права словацкой Академии наук, где писал историю Словацкого национального восстания. Под названием «Свидетельство о Словацком национальном восстании» эта книга была издана и на русском языке в 1969 году. В ЧССР она вышла в 1964-м – к 20-летию восстания.

В начале 1964 года Гусака снова приняли в ряды КПЧ. 13 марта 1964 года Дубчек предложил ему стать заместителем министра юстиции в чехословацком правительстве. Мол, Гусак юрист по образованию, и эта работа как раз по его специальности. Заметим, что до осуждения Гусак возглавлял словацкое автономное правительство – Корпус уполномоченных. Естественно, теперь, после полной реабилитации он отказался от столь низкого и отнюдь не политического поста. Дубчек позднее, уже после 1968 года, списывал это на надменность и амбициозность Гусака, которому «этого было мало». Хотя с учетом тех постов, что Гусак занимал до 1950 года, такое предложение было для него, конечно, оскорбительным. Поэтому Гусак предпочел остаться на работе в словацкой Академии наук и, как с ревностью вспоминал Дубчек, «стал корчить из себя либерала».

Характерно, что поста в руководстве компартии Словакии Дубчек Гусаку не предложил, понимая, что сильно уступает ему в популярности.

Забегая вперед, скажем, что Гусак сначала полностью поддержал Дубчека и «пражскую весну» и в апреле 1968 года был назначен заместителем председателя правительства ЧССР. Именно он разработал конституционный закон о федеративном устройстве страны, который впервые формально уравнивал чехов и словаков в едином государстве.

Дубчек пишет в своих воспоминаниях: «В конце 1963 года я имел все основания быть довольным тем, чего достиг. Я находился на посту первого секретаря партии в Словакии девять месяцев. Я пережил попытку Новотного сместить меня (эта попытка существовала, похоже, только в воображении самого Дубчека – *Прим. автора.*) и принудил его (ни больше, ни меньше! – *Прим. автора.*) согласиться с очищением словацкой коммунистической партии от обвинений в буржуазном национализме... Новотному также не удалось принудить меня к обузданию словацкой печати и культурной жизни, как он это сделал в Чехии»^[350].

Интересно сравнить, как оценивала итоги 1963 года в Чехословакии (которыми был так доволен Дубчек) американская разведка.

В декабре 1963 года ЦРУ подготовило анализ положения в Чехословакии, которое было прямо охарактеризовано как «политический кризис»^[351].

Ссылаясь именно на декабрьские заседания ЦК КПЧ и КПС (в связи с «барнабитской комиссией», о чем, правда, ЦРУ не знало), американская разведка констатировала 24 декабря 1963 года: «По всей видимости, и так напряженная политическая обстановка в Чехословакии на этой неделе сильно обострилась. Прошли необычные заседания пленумов центральных комитетов в Чехии и Словакии, заседание руководства правительства и, видимо, встреча высших армейских офицеров; пресса не упомянула президента Новотного в связи ни с одним из этих событий. В последние дни отмечается растущая тревога относительно общественного порядка. Конфронтация между Новотным и его главными оппонентами, возможно, находится в самом разгаре.

Советские лидеры, которые оказались прямо вовлечены в кризис руководства Чехословакии, могут попытаться сохранить Новотного на своем посту, но понимая, что он продолжит менять свою политику в сторону большего либерализма. Мы считаем, однако, что подобное решение будет не более успешным, чем аналогичные попытки ранее, и, как это случилось в Венгрии в 1956 году, Советам придется смириться с его (Новотного) устранением и заменой. Его преемником должен стать некто, более расположенный к антисталинистским чувствам в партии и среди населения и способный эффективно справиться с недовольством словаков».

Таким образом, ЦРУ нарисовало прямо-таки точный портрет Дубчека как возможного преемника Новотного.

«Но вне зависимости от того, решат ли Советы поддержать замену Новотного в 1964 году, мы считаем возможным уверенное, хотя и постепенное изменение в политической ориентации чешского режима в сторону большей либеральности, гибкости и независимости (от СССР – *Прим. автора.*). Есть признаки того, что это уже происходит. Экономическая система, по всей вероятности, будет эволюционировать в направлении либерализма. Мы ожидаем, что во внешней политике режим будет поощрять улучшение отношений с Западом и прилагать усилия для повышения качества своих товаров, чтобы сделать их более привлекательными на Западе.

Такое развитие наверняка ослабит авторитет Москвы в блоке».

Прогноз был удивительно точен: ЦРУ фактически считало Новотного последним препятствием на пути «либерализации» ЧССР, которая приведет к трудностям для Москвы. Именно так все и произошло в 1968 году.

Главной проблемой Новотного ЦРУ считало (как и Дубчек) его нерешительность в деле политической реабилитации. Сюда же американская разведка приплюсовала и устранение «популярного» Барака, которого американцы считали реформатором (!). Проблемы Новотного, продолжало свой анализ ЦРУ, сильно возросли после реабилитации «словацких националистов»: «Эта реабилитация придала большой стимул оживившемуся политическому и интеллектуальному брожению, особенно в Словакии (которое, как мы помним, было организовано весной 1963 года Дубчеком – *Прим. автора.*). Подавленные ранее националистические чувства освободились (именно этого и опасался Новотный – *Прим. автора.*), интервью с реабилитированными жертвами появились в печати, и словацкое население стало открыто требовать отказа от практики сталинизма и наказания ответственных за репрессии лиц, включая членов высшего руководства в Праге. Публичную атаку на премьера Широкого за его роль в процессе 1954 года против „словацких националистов“ в июне (1963 года) провел центральный орган словацкой компартии братиславская „Правда“».

И здесь ЦРУ блестяще описало тактику Дубчека, использовавшего словацкий национализм в борьбе за власть и против Новотного. А обличавшую Широкого статью в «Правде», которой так гордился Дубчек, как мы видим, заметил не только Новотный.

Далее ЦРУ отмечало, что недовольство населения (причем опять-таки, прежде всего, в Словакии) подпитывают экономические трудности. «То, что непопулярного словацкого партийного лидера Бацилека в мае отдали на съезде волкам (вместо Бацилека, как мы помним, лидером КПС стал Дубчек – *Прим. автора.*), мало помогло сдержать давление со стороны либеральных и словацких элементов в партии (в КПЧ – *Прим. автора.*). В сентябре Новотный был вынужден отправить в отставку своего близкого соратника Широкого... и заменить его на посту премьера популярным 40-летним словаком, не запятнанным сталинистскими чистками (Ленартом – *Прим. автора.*)... Кроме того, многих других словаков назначили на партийные и государственные посты наряду с либерально настроенными чехами... В то же время несколько соратников Новотного сохранили свои посты...

Эти события... позволяют сделать вывод, что слабость позиций Новотного и экономические трудности достигли такого уровня, что

Советам придется напрямую вмешаться, чтобы разрешить кризис в чехословацком руководстве».

В выводе о «вмешательстве Советов» ЦРУ исходило из визита в ЧССР в декабре 1963 года Леонида Ильича Брежнева – тогда второго человека в советском руководстве. Видимо, американцы полагали, что именно с этим были связаны «неожиданные» пленумы ЦК КПЧ и КПС. Здесь американская разведка выдавала желаемое за действительное – визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР (то есть главы парламента) Брежнева в Чехословакию никакого особого политического подтекста не нес и был протокольным. Брежнев после Праги посетил и Братиславу. Он запомнился Дубчеку как жизнерадостный человек, поверхностный и любезный, стремившийся всех обнять и поцеловать. Никто в Праге и подумать не мог, что меньше чем через год Брежнев свергнет Хрущева и станет лидером СССР.

Но ЦРУ при анализе сообщений чехословацкой печати вокруг визита Брежнева сделало вывод, что он приезжал поддержать Новотного, хотя на самом деле тот в декабре 1963 года ни в какой поддержке Москвы не нуждался.

Что касается предпочтений «Советов» относительно преемника Новотного, то аналитики ЦРУ упомянули Гендриха, второе лицо в партии, как человека, способного обеспечить определенную преемственность курса. Очень странной была и вторая кандидатура ЦРУ на место Новотного – Рудольф Барак, которого американцы опять описывали как популярного в народе политика и чуть ли не «антисталиниста». Остается только восхищаться Баракком, который своими эффектными популистскими публичными жестами смог запудрить мозги даже ЦРУ. «Еще один возможный кандидат – Драгомир Кольдер, секретарь (ЦК), молодой человек, ныне весьма популярный в партии благодаря своей недавней роли при корректировке сталинистских извращений (намек на то, что Кольдер был председателем комиссии по реабилитации – *Прим. автора.*) и поддержке либеральной политики».

Характерно, что ЦРУ в своем весьма подробном докладе ни словом не упоминает среди «либералов» Дубчека, хотя, например, обращает внимание на Ленарта, Кольдера и Гендриха. Видимо, серьезной фигурой лидера словацкой компартии американцы не считали, и в этом с ними тогда был полностью солидарен Новотный.

При этом при выстраивании прогнозов будущего Чехословакии ЦРУ уделяло особое внимание словацкому национализму как перспективной антисоветской силе: «Есть и еще одна сила в Чехословакии, с которой

Советам и режиму преемника (Новотного) придется столкнуться, – возрождение словацкого национализма. По своей мощи он в какой-то степени напоминает всплеск польского национализма, который предшествовал событиям октября 1956 года (приходу к власти Гомулки – *Прим. автора.*) и сопровождал их. Оба (национализма) подогревались недовольством теми несправедливостями, которые произошли в эру Сталина. Однако отличие состоит в том, что польский национализм октября 1956 года был антирусским по своей направленности, в то время как словацкий национализм направлен против своей традиционной мишени – чехов. В этом отношении фактор словацкого национализма в этнически и исторически разделенной стране является уникальным в Восточной Европе».

В целом анализ ЦРУ грамотно предвосхитил события 1968 года.

Забегая вперед, скажем, что раздуваемый с 1963-го Дубчеком в кампании против Новотного и «пражского руководства» местечковый словацкий национализм сыграл с ним самим злую шутку во время «пражской весны». Как только Дубчек занял место Новотного и сам стал «пражским руководством», Словакия тоже заняла по отношению к нему привычную настороженную позицию. А увидев, что «реформы» Дубчека проваливаются и превращаются в антисоветскую кампанию в чешской прессе, словаки, традиционно хорошо относившиеся к СССР (в этом ЦРУ как раз и было право, указав на разницу с Польшей), фактически отказали Дубчеку в поддержке и никак не сопротивлялись вводу советских войск в 1968 году. Напротив, в отличие, например, от Праги, население многих словацких городов и сел было радо приходу советских солдат, устав от тотальной расхлябанности, озлобленной критики всего и вся в СМИ и общего беспорядка. Посеяв в 1963 году ветер, Дубчек в 1968-м пожал бурю.

ЦРУ в своем анализе признавало, кстати, что коммунисты всячески пытались после 1945 года ослабить словацкий национализм, который подпитывался католической церковью. Но, создав автономные органы власти и собственную компартию в Словакии, КПЧ, как писало ЦРУ, сама же выстроила платформу для националистически настроенной словацкой партийной элиты: «Именно члены коммунистической партии Словакии возглавили борьбу против сталинизма и за либерализацию внутренней политики. Новотный попытался решить проблему, выдвинув словаков на ответственные посты в партии и правительстве в Праге. Но проблема, однако, далека от решения, и режиму преемника придется отразить сильные автономистские чаяния словаков – и коммунистов, и

некоммунистов, – как-то избежав при этом полного распада страны»^[352].

В целом ЦРУ считало, что будущий режим в ЧССР после ухода Новотного будет более либеральным, прозападным и чем-то напоминающим режим Кадара в Венгрии (Венгрию тогда называли на Западе самым свободным баракком социалистического лагеря). Этот режим, по мнению американских аналитиков, даже мог обратить взор на Югославию в поисках вдохновения для своей политики. ЦРУ предсказывало, что падение Новотного может вызвать кризис в ГДР, лидер которой Вальтер Ульбрихт считался его близким идейным соратником.

Но самой сильной головной болью, с точки зрения ЦРУ, либерализация в ЧССР должна была стать для Москвы: «Для Советов нестабильность чехословацкого режима, продолжающееся брожение среди интеллектуалов, сила возрожденного словацкого национализма и плохое состояние чехословацкой экономики уже сейчас представляют собой серьезную проблему... Замена Новотного антисталинистским режимом в Чехословакии, который точно будет более независимым от Москвы, чем его предшественник, может только усилить эти проблемы в еще большей степени».

Таким образом, если резюмировать анализ ЦРУ, то американцы надеялись на отставку Новотного и, как следствие, ослабление Чехословакии и ее связей с СССР. Причем особенно они уповали на словацких националистов в рядах компартии Словакии и связанных с ними интеллектуалов. Именно так все и случилось в 1968 году, и именно на этот сценарий волей или неволей работал начиная с 1963 года Александр Дубчек.

Компартия Чехословакии после 1961 года пыталась добиться сближения позиций или примирения между КПСС и компартией Китая (КПК). Китайцы обиделись на Хрущева еще в 1958 году, когда Москва отказалась поддержать план Мао Цзедуна по нападению на Тайвань. Мао прямо сказал тогда, что даже если этот кризис приведет к ядерной войне, и погибнут сотни миллионов человек, то империализм уже будет окончательно уничтожен. Хрущев правильно предположил, что Мао надеется на многочисленное китайское население, которое наверняка не погибнет целиком в ядерной мировой войне, а вот и русские, и американцы сойдут с политической арены навсегда.

К тому же в конце 50-х – начале 60-х годов Мао потерпел поражение со своей националистической политикой «большого скачка». Попытка экономически догнать и перегнать Великобританию и СССР привела к

краху китайской промышленности и голоду в стране. В этих условиях Мао искал тему, которая могла бы отвлечь китайцев от их бедственного положения.

Но формальным предлогом для открытой полемики между КПК и КПСС стала вторая волна критики Сталина Хрущевым в 1961 году. В октябре 1961-го Хрущев лично руководил советской партийной делегацией во время визита в Румынию. Чехословацкую делегацию возглавлял Новотный. Хрущев попросил румын, чтобы они организовали закрытое заседание с участием всех зарубежных компартий, в том числе и КПК. Разговор шел открытый и на русском языке, которым Новотный не владел. Китайцы критиковали Хрущева за вынос тела Сталина из мавзолея, на что Никита Сергеевич предложил им забрать останки вождя в Пекин^[353]. От имени КПЧ выступил Дубчек (так как он свободно говорил по-русски) и поддержал курс Хрущева на дальнейшую десталинизацию. Хрущеву молодой словак понравился, и он его запомнил.

В целом следует подчеркнуть, что чехословацко-китайские отношения в 50-е годы развивались очень динамично (впрочем, как и советско-китайские). Если в 1951 году доля КНР в чехословацком экспорте составила всего 4,4 %, то в 1954-м – уже 6,4 %^[354]. Как и СССР, Чехословакия охотно делилась с китайцами патентами и «ноу-хау», особенно в химической промышленности и машиностроении. Новотный, который лишь в 1959 году с большим успехом посетил КНР, был поражен враждебным настроением Пекина по отношению к Москве. В 1960 году ЦК КПЧ написал китайцам несколько писем, стараясь сгладить назревавший советско-китайский конфликт. Китайцы, со своей стороны, с 1960 года старались через свое посольство в Праге распространять среди чехословацкой молодежи (особенно студентов) радикальные левацкие материалы, отрицавшие необходимость мирного сосуществования стран социализма с Западом.

Китайского посла стали приглашать в МИД ЧССР и просить воздержаться от несогласованной с властями страны пребывания пропаганды (особенно после начала в КНР «культурной революции»). Китайцы ответили притеснениями чехословацких дипломатов в КНР.

Чехословацко-китайские отношения резко ухудшились. Если в 1960 году ЧССР экспортировала в КНР товаров на 787 миллионов чехословацких крон, то в 1961-м – на 245 миллионов, в 1962-м – на 86, а годом позже – всего на 67^[355]. Китайский экспорт в Чехословакию за тот же период снизился более чем в три раза. Доля КНР в чехословацком экспорте

в 60-е годы упала с 5,7 % до 0,4 %. Китайцы нанесли ЧССР сильный удар, отказавшись оплатить уже заказанное оборудование для энергетики на сумму свыше 550 миллионов крон. Для находившейся в начале 60-х годов в трудной ситуации чехословацкой экономики это было неприятно вдвойне.

Тем не менее Прага твердо стояла на стороне Москвы в споре с КПЧ, и Хрущев был за это благодарен Новотному.

В апреле 1964 года Новотный как глава чехословацкой делегации был в Москве на праздновании 70-летия Хрущева. Его сопровождал, в числе прочих, и Дубчек.

В августе 1964-го уже сам Хрущев приехал в Чехословакию, причем после пребывания в Праге он отправился в Словакию, где как раз отмечали 20-летие Словацкого национального восстания. Атмосфера визита была прекрасной – Хрущева уважали не только в партийном и государственном руководстве ЧССР. Его любили за простоту, юмор и народный, образный язык и обычные чехи и словаки.

Дубчек вспоминал, что, к неудовольствию Новотного, Хрущев постоянно оказывал ему, Дубчеку, знаки внимания. Один раз он даже остановил кортеж и послал за Дубчком советского посла Зимянина, который передал просьбу Никиты Сергеевича пересесть в его машину (где находился и Новотный). Дубчек был приятен Хрущеву как молодой (а значит, не запятанный сталинизмом) политик, к тому же прекрасно говоривший по-русски. Советские гости величали Дубчека «Александром Степановичем».

Никто в Чехословакии в августе 1964 года даже и не подозревал, что визит Хрущева в ЧССР окажется его последней зарубежной поездкой.

Новотный и все остальные члены Президиума ЦК КПЧ были неприятно поражены неожиданным снятием Хрущева в октябре 1964-го. И тут Новотный предложил смелый шаг, который впоследствии стоил ему политической карьеры. Президиум ЦК КПЧ сформулировал и даже опубликовал заявление, в котором выражалось «удивление» неожиданными переменами в Москве. Из текста было понятно, что КПЧ недовольна тем, как обошлись с Хрущевым. Естественно, Брежнев не забыл и не простил этого Новотному.

Говорили даже, что Новотный позвонил Брежневу и выразил свое неудовольствие тем, что его не предупредили о переменах в Москве. Ведь Хрущева сняли фактически сразу же после возвращения из Чехословакии, и в Праге были обижены: в мире могло создаться впечатление, что визит Хрущева в ЧССР и его отставка – взаимосвязанные вещи.

Хрущев первый раз приехал в ЧСР еще в 1954 году во главе советской

партийной делегации на X съезд КПЧ (тогда первым человеком в Москве формально считался премьер Маленков). Новотный сразу понравился Хрущеву, и между ними установились теплые отношения. Хорошее впечатление на Никиту Сергеевича произвел тогда и министр внутренних дел Рудольф Барак (опять-таки молодой, современный и не запятанный репрессиями). Когда Барака арестовали в 1962-м, Хрущев воспринял это с сожалением, но представленные факты убедили его, что арест был оправданным.

В 1954 году Хрущев захотел встретиться с бывшим министром обороны и командующим чехословацкими частями в СССР в годы войны Людвиком Свободой (который тогда был в опале и работал бухгалтером в сельхозкооперативе). Против этого высказался не только тогдашний министр обороны Чепичка (который Хрущеву сразу не понравился), но и Новотный, и Запотоцкий. Они говорили Хрущеву, что в феврале 1948 года, в решающий момент правительственного кризиса, Свобода был на стороне Бенеша. Однако Хрущев, знавший Свободу по фронту, все-таки посетил опального генерала и пожал ему руку.

Но в 1956 году во время XX съезда КПСС у Хрущева состоялась беседа с Новотным, которая произвела на советского лидера негативное впечатление. Выслушав горячие слова Хрущева о преступлениях Сталина, Новотный столь же горячо возразил, что в Чехословакии тогда все было по-другому и политические процессы проходили в полном соответствии с законом. Хрущев все же посоветовал Новотному взглянуть на тот период иначе: мол, и в СССР долгое время считали, что при Сталине формально все происходило по закону, а теперь получается, что это отнюдь не так. Согласно воспоминаниям Хрущева, Новотный якобы даже отрицал, что Сланского осудили по прямому указанию Сталина.

Тем не менее отношения у Новотного с Хрущевым были хорошими, так как и в Чехословакии постепенно начался процесс десталинизации, что явно было на руку Хрущеву, особенно в контексте спора с китайцами.

Когда в начале 60-х годов китайцы неожиданно отозвали свои заказы на чехословацкое промышленное оборудование, Новотный приехал в Москву и попросил Хрущева помочь. Хрущев дал указание Госплану СССР рассмотреть возможность приобретения уже изготовленных в ЧССР по китайским заказам товаров.

Поначалу в Президиуме ЦК КПЧ решили, что смещение Хрущева не приведет к смене курса в Москве. К тому же об этом говорило и новое советское руководство. Оно якобы хотело всего лишь отрешиться от крайностей личного стиля Хрущева, которые получили наименование

«субъективизма и волюнтаризма». Интересно, что точку зрения Президиума ЦК КПЧ полностью разделило и ЦРУ, докладывавшее, что в Москве будет лишь перемена стиля, но никак не политики.

В своем анализе от 16 декабря 1964 года ЦРУ смотрело на развитие обстановки в Чехословакии с удовлетворением^[356]. «Бывший образцовый сателлит, Чехословакия в последнее время пытается ослабить зависимость от СССР. Это выражается в поддержке Хрущева, которую Прага выразила после его смещения, в реформаторской экономической программе с упором на использование рыночных механизмов и в стремлении улучшить экономические и политические отношения с Западом».

Конечно, в этом смысле Чехословакия была «самостоятельным сателлитом» и до 1964 года. Например, десталинизация там шла своим путем, и КПЧ не стремилась механически копировать советский опыт. В том, что касается экономики, реформа, подобная чехословацкой, замышлялась и проводилась Брежневым и Косыгиным и в СССР. Хрущев, кстати, при всем его реформаторстве так и не решился на использование в экономике рыночных механизмов, экспериментируя лишь с методами управления плановым хозяйством.

ЦРУ в своем анализе отмечало, что сталиниста Новотного подтолкнули к реформам определенные либеральные элементы в самой КПЧ, и теперь Чехословакия, как Польша, Венгрия и Румыния, будет уделять больше внимания своим национальным интересам, а не просто следовать политике Кремля. Причем смещение Хрущева, по мнению ЦРУ, позволило чехословацкому руководству ускорить процесс реформ.

Новая политика Новотного нашла свое выражение и в заявлении Президиума ЦК (КПЧ) в поддержку Хрущева, опубликованном в Праге после его смещения, провозглашении экономической реформы всего через два дня после смещения и отказе принять участие в праздновании ноябрьских праздников в Москве. Эти шаги были встречены с энтузиазмом в центральном комитете и сильно укрепили позиции Новотного как гибкого национального лидера. ЦРУ подчеркивало, что если в Венгрии и Румынии процесс реформ начался из-за экономических сложностей, то в Чехословакии он явился следствием политического давления реформаторских сил в самой компартии.

Лидером реформаторских сил ЦРУ по-прежнему считало Рудольфа Барака.

В ЧССР в начале 60-х годов была сложная экономическая обстановка: ВВП почти не рос, а темпы роста промышленности упали с 9 до 2 %.

Новотному пришлось фактически отказаться от выполнения очередного пятилетнего плана, то есть пятилетки 1961-1965 годов, третьей по счету, что нанесло сильный удар по его престижу. Инвестиции в экономику сократились, а реальная заработная плата и личное потребление граждан впервые перестали расти.

В целом следует отметить, что неудачи в чехословацкой экономике 1963-1964 годов были в основном болезнями роста. Быстрые темпы развития предыдущего периода (которым американцы могли только позавидовать^[357]) требовали теперь некой корректировки и перераспределения капиталовложений. На сельское хозяйство в эти же годы негативно повлияла плохая погода (как, впрочем, и в СССР). С другой стороны, в отличие от капиталистических стран, КПЧ и при снижавшемся в 1963-1964 годах национальном доходе не позволила снизиться жизненному уровню населения: он всего лишь не рос так стремительно, как раньше.

ЦРУ справедливо отмечало, что ввиду большой концентрации чехословацкой промышленности она утратила гибкость, и качество продукции в машиностроении снизилось. Из-за быстрых темпов роста в промышленности стала ощущаться нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве.

Тем не менее следует отметить, что в целом оборудование чехословацкой промышленности было новым: на 1 января 1968 года две трети основных фондов были произведены после 1957-го. Лишь 15,1 % машин и оборудования было выпущено до 1948 года^[358].

Однако если рост реальных доходов населения в ЧСР в 1959-1965 годах действительно снизился до 4 % в год (в предыдущем пятилетии он составил примерно 6,7 % в год)^[359], то это все равно был рост, причем весьма неплохой по меркам западных стран, где в то же самое время реальные доходы лиц наемного труда падали или стагнировали. В 1961-1964 годах личное потребление в расчете на каждого жителя выросло в год в ЧСР на 3 % (всего на 946 крон), в то время как в прошлой пятилетке – на 1928 крон (или на 6,5 % в год). Замедление темпов роста потребления было естественным, так как с начала 60-х годов производительность труда опять отставала от темпов роста заработной платы. На руках у населения скопились большие нереализованные денежные средства. В условиях жесткого государственного регулирования цен это вело к появлению в магазинах дефицита и очередей, что вызывало недовольство населения.

Сильный удар по чехословацкой экономике нанес и берлинский

кризис лета 1961 года, когда под воздействием западной радиопропаганды население в ожидании мировой войны бросилось скупать в магазинах все, что только можно.

Проблемы чехословацкой экономики, как ни странно, усугубились из-за бурного роста науки и образования. В начале 60-х годов в стране впервые в истории появились сотни тысяч работников умственного труда – представителей научной и культурной интеллигенции, – чего в довоенной ЧСР просто не было.

Эффективность работы этой категории лиц была разной, но получали они никак не меньшую заработную плату, чем те, кто был непосредственно занят на производстве. Если на Западе писатель или художник жил только от продажи своих книг или картин и в целом жизненный уровень этой категории лиц был низким, то в ЧССР эти люди получали от государства ежемесячную заработную плату вне зависимости от того, сколько «творческой продукции» они выдали на гора. Например, в 1960 году уровень заработной платы лиц в непромышленной сфере ЧССР составлял 91.19 % от уровня сферы промышленной^[360]. В 1960-1967 годах количество специалистов умственного труда выросло на 41 %. В 1966 году из 1000 работающих на производстве 167 были, как сказали бы в СССР, «инженерно-техническими работниками».

При социализме в разы увеличилось число студентов (которые, в отличие от тех же США, за учебу не платили): в год на дневных отделениях вузов учились почти 100 тысяч человек.

Конечно, для чехословацкой экономики это было тяжелое бремя.

Если в промышленной сфере в 1964 году работало 4,1 миллиона человек, то в непромышленной – 1,1 миллиона. Годом позже лиц второй категории стало больше почти на сто тысяч человек, а вот в производстве людей не прибавилось. На Западе проблема лишних людей решалась очень просто – они становились безработными. При социализме, где право на труд было зафиксировано в конституции, допустить этого было нельзя.

Руководство КПЧ было обеспокоено старением населения (опять-таки следствием высокого жизненного уровня) и падением рождаемости. В 1950 году средняя численность семьи была еще 3,36 человека, а в 60-е годы – уже 3,08. Рождаемость в 1964 году составила 17,2 живорожденного на тысячу человек^[361]. Уровень жизни многодетных семей пока еще был относительно низким, хотя именно в 60-е годы стали платить больше пособий. В 1965 году 297 тысяч домохозяйств с детьми (более миллиона человек) имели месячный доход на человека менее 400 крон.

Государство резко нарастило с целью улучшения демографии строительство жилья (которое бесплатно предоставлялось молодым семьям), что тоже сильно давило на бюджет и производственную сферу как источник этого бюджета. В 1960-1964 годах в стране было построено 404 509 квартир (в 1955-1959 годах 289 055), которые приходились на 541 475 заключенных в этот же период браков. Излишне упоминать, что на Западе государство бесплатно жилья никому не давало.

Заметим также, что при социализме главным источником доходов бюджета были государственные предприятия, а не граждане, как это имеет место при капитализме.

Пока еще не очень хорошо жили и пенсионеры (хотя средние пенсии в ЧССР были выше, чем, например, в ФРГ). В 1960-1967 годах рост пенсий полностью компенсировал рост стоимости жизни. В Чехословакии в 60-е годы было так много пенсионеров (2,7 миллиона человек), что она уже тогда столкнулась с проблемой их адекватного обеспечения, в то время как западные страны пережили подобный же «пенсионный кризис» лишь в начале XXI века. Но если на Западе эту проблему решили опять-таки просто – повышением пенсионного возраста, – то социалистическая Чехословакия идти на это не хотела.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на упреки Дубчека в адрес Новотного в некоем негативном отношении к Словакии, заработная плата в словацкой промышленности при Новотном росла гораздо быстрее, чем в Чехии, и в 1967 году была уже выше в среднем на 3,7 %. В 1955-1966 годах денежные доходы населения в Словакии росли в среднем на 5 % в год, в то время как в Чехии – на 4 %^[362].

Хотя и в 1967 году средние доходы людей в Словакии были на 21,8 % ниже, чем в Чехии, но в 1955 году этот разрыв составлял 31,5 %. Зато в Словакии гораздо больше населения в процентном отношении жили в собственных домах, построенных благодаря дешевым кредитам государственных банков.

Государство пыталось перевести чехословацкую экономику на инновационные рельсы, что тоже требовало немалых затрат. В 1967 году 51 % всех рабочих прошел через ту или иную форму профессионального обучения или повышения квалификации. Причем половина рабочих выучились специальности уже после 1948 года. Каждый год в экономику вливались более 50 тысяч обученных молодых рабочих. Самый большой рост числа квалифицированных рабочих отмечался после 1959 года в машиностроении химической и электротехнической промышленности. В 1967 году 82,6 % всех рабочих (1,36 миллиона) работали в 4-8-м разрядах

(то есть в тех, где требовалось профессиональное обучение). Естественно, их зарплата была высокой, что вело к росту себестоимости продукции.

Только 13 % чехословацких рабочих не имели в 60-е годы законченного среднего образования.

Таким образом, трудности чехословацкой экономики начала 60-х годов (если отвлечься от объективных или внешнеполитических факторов: погода, ухудшение отношений с КНР и берлинский кризис) объяснялись довольно просто – страна взяла на себя слишком много социальных обязательств по отношению к собственному населению.

Определенную роль в кризисе чехословацкой экономики начала 60-х годов (вернее, не кризиса, а замедления темпов роста) сыграла и ее достаточно узкая специализация. Чехословакия после 1948 года развивалась как основной поставщик машиностроительной продукции для всего социалистического лагеря и ряда развивающихся стран. Предполагалось, что в обмен на экспорт продукции машиностроения страна будет ввозить сырье и продовольствие. При такой модели (походящей на модель современной Японии или ФРГ) страна оказывалась очень зависимой от внешних факторов. Темпы роста машиностроения в ЧССР были столь стремительны, что за ним просто не поспевали другие отрасли, например энергетика и металлургия.

Так, Чехословакия была вынуждена наращивать добычу бурого и каменного угля, что повышало себестоимость производства по мере исчерпания поверхностных пластов угля. Поставки железной руды из СССР были довольно дорогими, прежде всего из-за высоких транспортных расходов. При этом не хватало денег на ремонт энергетического оборудования, и Чехословакия принадлежала к тем странам, где энергоемкость производства была одной из самых высоких.

При высокоразвитом машиностроении в ЧССР отставало производство товаров длительного пользования из того же самого металла. Для этого нужно было модернизировать предприятия, а все внимание уделялось инвестициям в энергетику и добычу угля. Имея огромный ассортимент машиностроительной продукции, Чехословакия все же специализировалась на выпуске машин для промышленности, строительства и частично сельского хозяйства (тракторов)^[363]. ЧССР производила 80 % мирового ассортимента в области машиностроения, и естественно, что не всю столь разномастную продукцию страна могла выпускать одинаково высокого качества и с одинаково низкой себестоимостью. Попытки снизить свою специализацию хотя бы до 50 % мирового ассортимента наталкивались на сопротивление СССР и других социалистических стран, для которых

Чехословакия воистину была хрестоматийной «кузницей». Только треть изделий чехословацкого машиностроения достигала мирового уровня по качеству, так как сама страна импортировала мало современных машин и оборудования – весь импорт шел на закупки сырья для уже существующего гипертрофированного машиностроения.

Сил и средств на столь же быстрое развитие потребительского машиностроения подчас не хватало. Хотя по меркам других социалистических стран ЧССР все же прочно занимала и здесь первое место, производя не только краны, самолеты, троллейбусы, но и холодильники, кухонные плиты, магнитофоны, стиральные машины, пылесосы, швейные машинки и телевизоры. И по меркам не только социалистических, но и развитых капиталистических стран население Чехословакии было неплохо обеспечено предметами длительного пользования.

В 1965 году одна электрическая кухонная плита приходилась в ЧССР на 27 человек (в 1958 году – на 63 человека), пылесос – на восемь человек (в 1958 – на 18), холодильник – на 11 (49), телевизор – на шесть (36), стиральная машина – на пять (семь), легковой автомобиль – 33^[364].

Как ни парадоксально, Чехословакия вывозила много товаров длительного пользования на Запад: там потребителей вполне устраивало хорошее соотношение факторов цена/качество.

Что касается сельского хозяйства, то начатая в 1949 году осторожная коллективизация была в основном закончена в ЧСР в 1959-м. Но бурное развитие промышленности привело к тому, что численность рабочей силы в сельском хозяйстве снизилась почти наполовину. А обеспечить все кооперативы современными машинами промышленность пока еще не смогла, тем более что до 1948 года уровень механизации аграрного производства в Чехословакии был очень низким. Пока развитие механизации не могло компенсировать отток трудящихся из села в город, Чехословакии приходилось во все возрастающем объеме ввозить продовольствие, что, впрочем, имело место и до войны.

Тем не менее сильное доминирование именно машиностроения для оснащения средств производства вело к диспропорциям в народном хозяйстве, и позднее именно данный фактор был признан главной причиной кризисных явлений 1962-1963 годов. Играли роль и внешние факторы.

Чехословацкий экспорт на 50 % состоял из продукции машиностроения, которая вывозилась в основном в страны СЭВ (все они были ниже Чехословакии по уровню экономического развития) и

развивающиеся страны. На Западе же в то время промышленно развитые страны торговали машинами только между собой, что способствовало их специализации. У Чехословакии среди социалистических стран равного ей по развитию партнера просто не было. А Запад под давлением США никаких передовых машин или технологий социалистическим странам не поставлял.

Кстати, это влияние внешнего фактора на чехословацкую экономику частично признавало в своем упомянутом выше анализе 1964 года и ЦРУ, писавшее о негативном влиянии берлинского кризиса и коллапсе торгово-экономических отношений с Китаем.

К началу 60-х годов некоторые страны СЭВ уже перестали нуждаться в таком количестве чехословацкой машиностроительной продукции, как в 50-е, когда многие из них восстанавливались после войны (особенно это касалось Советского Союза). Но огромные краны или прокатные станы довольно тяжело было продать в других местах. Чехословакия стояла перед настоятельной необходимостью быстрого изменения номенклатуры производства в сторону товаров народного потребления. Но на эту перестройку были нужны большие инвестиции.

Тем более что Хрущев в 1956 году, предложив социалистическим странам больше самостоятельности, одновременно заявил, что СССР уже не будет для них сырьевым придатком, готовым в любой момент поставить все необходимые и, главное, дешевые товары. ЧССР для поддержания работы своего машиностроения приходилось закупать сырье в долг в других странах. С 1962 года стал расти и импорт машин и оборудования из стран капитализма.

В 1964 году в связи с неурожаем в СССР были сокращены поставки советского зерна в Чехословакию, достигавшие обычно более миллиона тонн в год. Надо было срочно закупать зерно на Западе, но брать в обмен чехословацкую машиностроительную продукцию западные страны не хотели, а свободно конвертируемой валюты у ЧССР было мало.

В 1964 году ЦРУ отмечало, что, используя экономические трудности и недовольство творческой интеллигенции, напомиравшее, по мнению американской разведки, развитие ситуации в Венгрии и Польше в 1956-м, «либеральные элементы» в КПЧ стали давить на Новотного. «Либералов» поддержало «смелое» руководство словацкой компартии, что вынудило Новотного «капитулировать» и убрать из руководства непопулярных словаков (ЦРУ имело в виду Широкого).

ЦРУ констатировало, что Новотный, пойдя на уступки либералам и полностью поддержав экономическую реформу, смог к лету 1964 года

укрепить свои позиции. Американцы с удовлетворением отмечали, что одобренная КПЧ осенью 1964 года экономическая реформа идет в большем разрыве с плановой экономикой, чем любые подобные преобразования в других социалистических странах. По сути, отмечало ЦРУ, плановое народное хозяйство будет заменено «рыночным социализмом». Основными чертами новой реформы, как верно полагало ЦРУ, были предоставление предприятиям больше самостоятельности и ликвидация многих централизованных плановых показателей для них. Теперь они должны были, прежде всего, стремиться получить хорошую прибыль.

Таким образом, и американцы подчеркивали, что радикальные экономические реформы в Чехословакии начал отнюдь не Дубчек в 1968 году, а Новотный в 1964-м. Новотный обсудил план экономической реформы в ЧССР с Хрущевым в августе 1964 года и получил со стороны советского лидера безоговорочный «зеленый свет».

ЦРУ также писало в своем анализе, что Чехословакия предприняла целый ряд конкретных мер с целью улучшения контактов с Западом. Так, например, были упрощены правила въезда в страну иностранцев, в том числе и бывших эмигрантов, увеличилось число проектов научного и культурного обмена с Западом.

Следует подчеркнуть, что именно «режим сталиниста Новотного», а не «пражская весна» практически ввел свободу на поездки граждан ЧССР за границу. В 1967 году органами МВД ЧССР было выдано более 2 миллионов разрешений поездок за рубеж. Причем с 1 января 1968 года выдача разрешений была перенесена с уровня Праги на места, что резко сократило сроки рассмотрения соответствующих ходатайств. Разрешение на поездки в социалистические страны теперь давали за пять-семь дней (причем сразу на срок от трех до пяти лет), в капиталистические – в среднем за три недели. В маленьких городках (где было меньше желающих) такое разрешение можно было получить прямо в день обращения^[365].

Тем не менее, подчеркивало ЦРУ, развитие торгово-экономических связей с Западом не привело к сокращению советско-чехословацкой торговли. Однако в стране отмечается рост критики СССР за то, что Москва не предоставила кредитов в трудное для чехословацкой экономики время. К тому же многие «либералы» среди интеллигенции и в самой КПЧ ругают Советский Союз за то, что именно под давлением русских в ЧСР в 50-е годы была создана якобы неэффективная промышленность, работающая на советском сырье и для советского (не очень требовательного к качеству) рынка.

В целом, по мнению американцев, Чехословакия в 1964 году приобрела такую же «степень автономии» от СССР, как Польша и Венгрия, а Новотный даже стал приводить как пример для страны Югославию. Зато отношения Чехословакии с ГДР, где, по мнению ЦРУ, у власти находился «сталинист» Ульбрихт, ухудшились. Однако, в отличие от Румынии, признавало ЦРУ, ничего «антисоветского» в чехословацкой политике не было: в ЧССР нет никакой «дерусификации», как в Румынии, и Чехословакия остается верным членом Варшавского договора.

В своих прогнозах ЦРУ предполагало, что ввиду слабости нового советского руководства ЧССР будет и впредь демонстрировать возрастающую самостоятельность в своих внутренних делах. Возможно, возникнет конфликт интересов между Прагой и Москвой, и тогда Новотный, связавший свою судьбу с программой реформ, не пойдет ни на какие принципиальные уступки СССР. Наследникам Хрущева, по мнению ЦРУ, не оставалось ничего иного, как смириться с ростом самостоятельности в социалистических странах.

Итак, американская разведка считала экономическую реформу в ЧССР, которая была одобрена в 1964 году, самой далеко идущей в социалистических странах на тот момент.

При этом, как и в 1963-м, американцы никак не отмечали в своем анализе роль Дубчека, который в своих воспоминаниях представляет себя главным борцом за экономическую реформу в Президиуме ЦК КПЧ, хотя и признает, что в этом своем стремлении действовал не один: «Меня, например, поддерживал доктор Яромир Доланский, член коммунистической партии с довоенных времен и с 1954 года также член Президиума ЦК КПЧ. Но среди своих ровесников он был, к сожалению, исключением. Два более молодых члена Президиума ЦК КПЧ Драгомир Кольдер и Олдржих Черник также объединили со мной свои силы. Оба раньше были областными партийными работниками в Остраве, в центре черной металлургии на севере Моравии. Сначала позиция Черника была не совсем ясна, но в конце 1966 года он был уже прочно на нашей стороне... Одним из ведущих сторонников реформы был Франтишек Власак. Он был по образованию инженер, в Президиуме ЦК КПЧ не состоял, но занимал важный пост председателя государственного комитета по развитию техники. Реформу поддерживали, естественно, и многие другие в правительстве и других органах, прежде всего научных. Но при А. Новотном они не имели шансов реализовать свои мысли»^[366].

Но на самом деле (что отмечало и ЦРУ) именно Новотный дал старт экономической реформе. То же писал в своих мемуарах и Млынарж: «Этот

неприметно сформировавшийся новый состав руководства КПЧ предпринял принципиальный политический шаг: реагируя на экономический кризис, разразившийся в стране после провала третьей пятилетки уже к концу ее первого года (1963 г.), руководство не только не прибегло к старым, дискредитировавшим себя методам управления, а, напротив, решило пойти по пути экономических реформ и ввести новую систему управления народным хозяйством.

Суть концепции заключалась в постепенном устранении бюрократической централизации и высвобождении самостоятельной экономической активности государственных предприятий, использовании рыночных механизмов для достижения более высокой хозяйственной эффективности... Позиции сторонников хозяйственных реформ были усилены дополнительными кадровыми подвижками в партийных верхах: в Президиум ЦК ввели О. Черника, Л. Штроугал стал секретарем по сельскому хозяйству.

Таким образом, уже за несколько лет до 1968 г. новотновское руководство КПЧ состояло из людей, в большинстве своем понимавших необходимость реформ и перемен для дальнейшего развития Чехословакии. То же можно сказать и о многих работниках партаппарата, состоявших на службе у этого руководства... С 1964 года сложилось парадоксальное положение: при Новотном, которого все считали послушной марионеткой Москвы, в чехословацком обществе, в КПЧ и правительственных органах стала набирать силу открытая критика сталинизма... Между Новотным и московским руководством стали углубляться внешне невидимые противоречия».

Млынарж был абсолютно прав: ведь именно по инициативе Новотного и при поддержке всего Президиума ЦК КПЧ была создана экономическая комиссия ЦК КПЧ во главе с Отой Шиком, которая и разработала всю реформу.

Причем это происходило в то самое время, когда Дубчек, по его собственным словам, был еще твердым сторонником централизованного планирования. Да и в 1964-1967 годах подход Дубчека к экономической реформе был политическим и диктовался его тактикой в борьбе за власть с Новотным. Лидер словацких коммунистов потребовал (правда, лишь в 1967-м) разделения функций партийных и государственных органов при управлении экономикой. ЦК, с его точки зрения, должен был прекратить вмешиваться в работу правительства. Это был явный удар по позициям первого секретаря ЦК КПЧ Новотного, ибо президент по конституции и так на экономику почти не влиял. Правда, как только Дубчек занял место

Новотного в январе 1968 года, ЦК КПЧ при нем отнюдь не прекратил контролировать работу правительства, хотя Дубчек продолжал повторять ставший модным лозунг о разделении функций партии и государства.

Лозунг о разделении функций партии и правительства был нереализуемым и контрпродуктивным. И на Западе любая находящаяся у власти партия жестко контролирует работу органов исполнительной власти. Например, в ФРГ Гельмут Коль был одновременно и федеральным канцлером (главой правительства), и председателем правящей партии ХДС. Причем все принципиальные вопросы экономического развития сначала одобрялись на правлении ХДС (аналог Президиума ЦК КПЧ) и лишь потом реализовывались правительством, состоявшим, естественно, тоже из членов этой партии. Если партия в какой-либо стране приходит к власти и отказывается от контроля правительства, то возникает логичный вопрос: а для чего она вообще к этой самой власти приходила? И кто, если не правящая партия, должен в этом случае контролировать правительство?

Но для Дубчека в тех условиях этот лозунг был просто средством борьбы против Новотного, занимавшего и партийный (первый секретарь ЦК), и государственный (президент) посты.

Экономическая реформа в ЧССР, разработанная комиссией во главе с Шиком, была одобрена на заседании ЦК КПЧ в январе 1965 года и получила официальное название «Основные направления совершенствования планового управления народным хозяйством». Комиссию во главе с Шиком (ее называли «теоретической») упразднили, и руководство осуществлением реформы было возложено на Госплан во главе с Черником.

Творцы реформы признавали, что централизованная плановая экономика была необходима в 50-е годы как средство форсированной индустриализации, но в начале 60-х, когда индустриализация стала действительностью, система утратила гибкость и уже не могла оперативно реагировать на быстро меняющиеся потребности населения. К тому же в сложной экономике планировать выпуск сотен тысяч изделий (компьютеров тогда практически еще не было) являлось очень тяжелой задачей и чисто технологически.

Теперь реформа 1965 года фактически продолжила уже начавшуюся в 1958-м децентрализацию механизма управления в народном хозяйстве. Предприятия предполагалось более или менее освободить от мелочной опеки министерств. Если в 1965 году предприятие должно было выполнять 1122 различных заданий и нормативов, то в 1966 – лишь 48. В 1965 году реформу сначала в виде эксперимента «обкатали» на 452 предприятиях

разных отраслей, которые, естественно, восприняли ее с энтузиазмом.

Следует отметить, что позитивные результаты эксперимента были преувеличены, а негативные – преуменьшены^[367]. Например, сторонники реформы утверждали, что все «экспериментальные» предприятия выполнили или перевыполнили план. Но план 1965 года был в целом по стране снижен и его выполнили и работавшие «по-старому» предприятия. Зато «экспериментальные» предприятия резко повысили цены – в отдельных случаях на 100 %.

Главным критерием работы предприятия должны были постепенно стать финансовые (а не количественные) результаты, прежде всего прибыль. Говорилось, что все, что выгодно для предприятия, выгодно и для всего общества (тезис, абсолютно расходящийся с действительностью и в плановой, и в рыночной экономике, но звучавший в 60-е годы хлестко и популистски).

Для борьбы с монополизмом предприятия отдельных отраслей были объединены в ассоциации (тресты), которые стали своего рода посредниками в контактах между предприятиями и министерствами. Однако совершенно ясно, что эти ассоциации защищали отнюдь не интересы потребителей, а интересы производителей, которые в рыночной экономике диаметрально противоположны: если потребители заинтересованы в низких ценах, то производители – в высоких.

Для того чтобы совмещать интересы отдельных предприятий с интересами развития общества в целом, за центральными министерствами и Госпланом было оставлено распределение инвестиций^[368]. Однако общий объем централизованных бюджетных ассигнований в экономику был сокращен, теперь уже в основном сами предприятия должны были инвестировать в свое развитие.

В 1966 году предприятия получили право сами решать, сколько людей им нужно и какую зарплату в рамках утвержденных по всей стране тарифных сеток они будут получать. Директор предприятия вместе с профсоюзным комитетом определял форму оплаты и распределение прибыли в виде бонусов и премий по результатам финансовой деятельности предприятия (из так называемого фонда трудящихся на самом предприятии).

Основной финансовой связью между предприятием и государством теперь становился налог на прибыль. В январе 1967 года был введен единый налог на выручку, составивший в промышленности и строительстве 18 %, а во внутренней торговле – 30 %. Помимо этого

существовал и налог на прибыль 15 % с фонда трудящихся и 32 % с прибыли после вычета фонда трудящихся. Предприятия могли по своему выбору платить налог либо с выручки, либо с прибыли. В основном после 1 января 1967 года налог платили с выручки.

Налог на имущество предприятий составил соответственно 6 % и 2 %.

Но, как и при капитализме, получившие самостоятельность предприятия были склонны выплачивать своим работникам высокие зарплаты, чтобы сократить налогооблагаемую прибыль. Но тем самым не выполнялась ключевая цель реформы – стремление заставить предприятия экономическими, а не административными методами производить более дешевую и качественную продукцию. Ведь ускоренный рост зарплаты повышал себестоимость и, напротив, вел к удорожанию произведенных товаров.

Целиком от социализма КПЧ, конечно, отказываться не собиралась, поэтому для трудящихся была введена так называемая социальная гарантия зарплаты. Если предприятие работало с убытком или не могло получить кредит в банке для выплаты заработной платы, то государство гарантировало работникам 92 % от их нормальной зарплаты за счет бюджета. Получалось, что при новой системе прибыль остается предприятию, а убытки переходят государству. Конечно, это прямо стимулировало предприятия особо не заботиться о финансовых результатах, в случае чего бюджет всегда пришел бы на помощь.

В 1966 году 76 % заработной платы было величиной постоянной, а все остальное зависело от финансовых результатов работы предприятия (в том числе 2 % приходилось на распределяемую среди работников прибыль). Предполагалось, что в 1970 году на фиксированную часть уже придется всего 70 % зарплаты (на распределенную прибыль – 8 %) ^[369]. Но, в отличие от Югославии, где, как и на Западе, руководство предприятия единолично определяло, кому и сколько оно будет платить, в Чехословакии оставили нетронутой единую тарифную сетку. То есть, например, токарю 5-го разряда нигде нельзя было платить меньше, чем предусматривал государственный тариф.

Окончательно реформа должна была заработать в 1967 году, когда предполагалось завершение перестройки всего ценового механизма в стране. Примерно 60 % стоимости всех товаров должно было остаться в рамках государственного ценообразования, 15 % цен предполагалось сделать полностью свободными. Остальные цены могли устанавливаться предприятиями сравнительно свободно, но должны были иметь верхний потолок, выше которого их рост не мог осуществляться.

Для цен на 25 тысяч важных, с точки зрения всего народного хозяйства, товаров была введена «двухканальная цена». Она представляла собой надбавки в размере 22 % на фонд заработной платы и 6 % – на основной капитал предприятия. В дальнейшем предполагалось, что министерства и предприятия отдельных отраслей должны определять на будущее договорным путем общий рост цен, который в той или иной отрасли нельзя было превышать.

Если цены таким образом все же регулировались, то в основном это касалось некой однородной группы товаров, например алюминия. Затем происходила «индивидуализация» цены различных изделий из алюминия уже путем договорных отношений между самими предприятиями. При этом Шик и его группа почему-то предполагали, что предприятие-поставщик будет добровольно придерживаться неких справедливых рыночных цен и не станет стремиться их превышать. На чем базировалось такое идеалистическое представление, понять трудно. Ведь еще Адам Смит писал, что как только предприниматели собираются вместе, они думают над тем, как бы организовать ценовой картель и взвинтить цены. При рыночном механизме сбить цену (и об этом тоже писал Смит – вспомним его знаменитую «невидимую руку рынка») может только конкуренция.

Шик списывал неоднозначные результаты реформы в 1965-1966 годах лишь на то, что она осуществляется недостаточно радикально. Надо сказать, что в дискуссиях на заседаниях Президиума ЦК КПЧ в 1966 году не раз отмечалось, что либерализация цен с 1 января 1967-го может привести к диктатуре производителя над потребителем. Но все же президиум согласился с Шиком, и реформа заработала на полную мощность с 1 января 1967 года.

Неудивительно, что реформа 1965 года привела в Чехословакии к предсказанным еще Адамом Смитом результатам: в стране начался как рост зарплаты, так и рост цен. Особого стремления улучшить качество продукции предприятия-монополисты, естественно, не проявляли.

Вследствие ценовой реформы 1967 года оптовые цены выросли в среднем на 29-30 %. Рентабельность предприятий вместо запланированных Шиком 22 % подскочила на 71 %.

Если национальный доход в стране в первый год реформы (1966) вырос на 9 %, то в 1967 году – уже только на 5,2 %^[370]. Если очистить этот показатель от роста цен, он предстанет в гораздо более скромном виде. Промышленное производство выросло в 1964 году на 2,9 % (в 1963-м оно упало на 0,9 %), в 1965 – на 7 %, в 1966 – на 6,2 %, в 1967 году – на 7,1 %. Производительность труда после взлета в 1966 году (+7,3 %) росла уже

медленнее: в 1967 году – +4,8 % (в 1961 году – +6 %).

Инвестиционная активность снизилась: предприятия «проедали» свои основные фонды, а государство во многом самоустранилось от инвестиционного процесса. Если рост инвестиций в 1964 году составил 11,3 %, то в 1967 – всего 2,7 %.

Чехословацкие рыночные реформы продвинулись, как правильно констатировало ЦРУ еще в 1964 году, дальше всех других в социалистическом лагере и соответственно значительно раньше их столкнулись с проблемой усиливающейся макроэкономической несбалансированности. Прогнозы группы Шика о безинфляционном росте не сбылись. Гораздо в большей степени, чем ожидалось, стали расти цены. Имея возможность повышать цены и доходы, некоторые предприятия стали сворачивать производство продукции. В 1968-1969 годах темпы роста чехословацкой экономики несколько снизились, хотя в целом все еще оставались достаточно высокими – более 5 % в год^[371].

В 1965-1967 гг. личное потребление населения выросло на 6,7 %. Если в 1962 году в общем росте номинальной зарплаты 73,9 % приходилось на рост занятости в экономике в целом и лишь 26,1 % – на рост заработной платы как таковой, то в 1967-м это соотношение составляло уже 20 % и 80 %^[372].

В 1967 году рабочий в Чехословакии на среднюю месячную зарплату мог купить 618 кг хлеба (в 1955 – 412 кг), 53 кг свинины, 40 кг сливочного масла (в 1955 году – 25 кг), 201 кг сахара (в 1955 году – 97 кг), 473 литра пива, 3,6 мужских костюмов, 7,4 дамских платьев, 34 мужских рубашек, 0,8 холодильников, три пылесоса, 11,5 пар мужской кожаной обуви, 1,4 радиоприемников. Инженер на производстве мог позволить себе еще больше: например, 880 кг хлеба, 76 кг свинины или 672 литра пива. Примечательно, что покупательная способность зарплат чиновников была меньше, чем у рабочих: 558 кг хлеба, 48 кг свинины и 426 литров пива^[373].

В 1967 году реальная зарплата «скакнула» за год на 5,5 %, что было уже выше роста производительности труда (в 1965-м она увеличилась на 2 %). Но цены выросли еще сильнее.

Уже в 1967 году – то есть в первый год полного осуществления реформы – в ЧССР на руках у населения стало столько денег, что возникла реальная угроза дефицита в торговле хлебом и мясом. Цены на эти продукты повседневного потребления повысить не решились, и, как всегда, чехословацкое руководство немедленно обратилось за помощью к Москве. СССР и так поставлял в Чехословакию 1,3 миллиона тонн зерна ежегодно.

Но из Праги пришел запрос на дополнительные 100 тысяч тонн в 1967 году, а также на 10 тысяч тонн нежирной свинины. В марте 1967 года в Москве на эту просьбу отреагировали положительно^[374]. Таким образом, за «реформаторские» просчеты Шика расплачивался советский налогоплательщик.

Между тем Шик все время говорил о необходимости развивать отношения с капиталистическим Западом, а СССР характеризовал обтекаемо как «рынок с низкими требованиями качества». В декабре 1966 года было принято решение разрешить образование совместных предприятий между чехословацкими компаниями и западными фирмами. Предприятия ЧССР получили и ограниченное право оставлять у себя часть валютной выручки^[375].

Шик предлагал ликвидировать монополию внешней торговли, но руководство страны было против, понимая, что в этом случае хлынувшие на чехословацкий рынок западные товары могут попросту погубить целые отрасли отечественной промышленности.

Реформа, особенно после 1967 года, привела к резкому росту цен, за которым рост зарплаты уже не поспевал.

Особенно сильно от реформы пострадали многодетные семьи, которым государство урезало пособия. Например, при рождении второго ребенка в средней рабочей семье доход этой семьи сразу сокращался на 150 крон в месяц, а при рождении третьего – еще на 100 крон. Причем если мать была вынуждена оставить работу, чтобы сидеть с детьми, то доходы семьи падали еще сильнее – на 230 и 446 крон соответственно^[376]. Социальный результат таких «прогрессивных» мер не заставил себя ждать. В 1967 году (когда реформа заработала на полную мощность) в ЧССР была зафиксирована самая низкая в истории страны рождаемость – 217 тысяч живорожденных детей, в то время как в 1957-м родились 250 тысяч новых чехов и словаков. Причем в 1967 году снижение рождаемости в консервативной, более сельской и более религиозной в целом Словакии впервые в истории было даже большим, чем в урбанистической Чехии.

Зато в том же 1967-м 30 % всех беременных женщин в Чехословакии сделали аборт – всего 95 тысяч, то есть на сотню рожденных приходилось 44 так и не увидевших свет детей^[377]. Одной из причин такого положения была финансовая недоступность для женщин средств контрацепции.

После начала экономической реформы сократилось жилищное строительство, и теперь 40 % новых домов и квартир должны были строить сами же граждане. Например, на селе вместо 70 тысяч плановых новых

квартир в 1966-1967 годах построили лишь 10463 (то есть 17 % от плана) [\[378\]](#).

Неудивительно, что молодые семьи не могли найти себе отдельное жилье, – на это в новой рыночной среде требовалось как минимум 50 тысяч крон. Соответственно, в стране из 120 тысяч заключенных в 1967 году браков распалось 20 тысяч. Из-за разводов 20 тысяч несовершеннолетних детей в ЧССР в 1967 году потеряли одного из родителей.

Причем в Чехии разводов в расчете на население было больше, чем в Словакии. Даже ЦК КПСС отмечал, что национальный характер у чехов и словаков разный, в том числе и по отношению к семье.

«Чехи – эгоисты, живут только для себя, их не волнует положение в коллективе. Чех не уважает человека, который не имеет личной машины, дачи на селе, сберегательной книжки... Мужчины воспитанием детей почти не занимаются. Любят посидеть в пивных и поболтать о политике... Легко изменяют своим женам. Женщин-чешек нельзя назвать красивыми, они выглядят крупными и мускулистыми, но в семье они голова. Благодаря их верности мужьям семьи редко распадаются» [\[379\]](#).

Напротив, словацкие мужчины придают семье большое значение, ценят своих жен, за что чехи презрительно называют их «олухами» и «мужиками». Словаки, отмечали в Москве, «ближе к нам, к России, к Украине...».

«По характеру словаки спокойные, немногословные, трудолюбивые люди. Своего достояния добились упорным трудом, у них сильно развито чувство взаимопомощи и коллективизма. Словаки гостеприимны и хлебосольны, бескорыстны и доброжелательны».

Хотя количество новых семей и продолжало расти на 3-4 тысячи в год, этот прирост был меньше, чем прирост молодых людей в «брачном» возрасте 18–25 лет.

Росла и смертность, что только отчасти можно было объяснить естественным процессом общего старения населения. В 1967 году умерли 144 тысячи граждан ЧССР, в то время как в 1961 – 126 тысяч. Если до реформы Чехословакия занимала лидирующие позиции в мире по продолжительности жизни, то после 1963 года она стала заметно отставать от развитых стран по темпам роста этой самой продолжительности.

Государственное статистическое ведомство ЧССР так резюмировало демографические итоги «реформаторского» года: «Ухудшение демографической ситуации, которое проявлялось уже несколько лет, еще более углубилось в 1967 году» [\[380\]](#).

Уже тогда, в 1967-м многие жители Чехословакии выражали обеспокоенность социальной стороной экономической реформы. КГБ СССР отмечал это в подготовленной для ЦК КПСС 5 мая 1967 года информации «Некоторые сведения об отрицательных проявлениях среди населения ЧССР»: «Наибольшее число нареканий вызывают случаи снижения заработной платы и новый порядок выдачи премиальных в промышленности. Высказывается опасение, что некоторым предприятиям (особенно угольным шахтам) угрожает закрытие как нерентабельным»^[381].

КГБ совершенно правильно уловил главную причину недовольства граждан плохо продуманными и просчитанными рыночными реформами Шика.

Ведь цены на свободу с 1 января 1967 года были отпущены не все. Соответственно, страдали те предприятия, которые не могли, в отличие от конкурентов из других отраслей, повысить цены на свою продукцию. Если в целом рентабельность (то есть соотношение прибыли и затрат производства) чехословацкой промышленности в 1967 году составила 12,23 %, то, например, в пищевой промышленности (цены на продукты по-прежнему регулировались) она была наполовину меньше, чем в машиностроении. 85 % предприятий пищевой промышленности по итогам 1967 года имели рентабельность ниже 10 %, а 60 % машиностроительных предприятий – между 10 и 20 %.

Но, к удивлению самого же Шика, рентабельность оказалась разной и в масштабах одной отрасли, и отнюдь не потому, что одни предприятия работали эффективнее, чем другие.

Дело в том, что «экономисты-реформаторы» рассчитали предприятиям одинаковую норму рентабельности, невзирая на разные условия производства. Особенно сильно этот просчет проявился в горнодобывающей промышленности. Если угольные шахты имели пласт угля близко к поверхности, то они и работали рентабельно. А те, кому не «повезло» с глубиной залегания пласта, оказывались на грани банкротства, как ни старались, – отпускная цена на уголь была для всех одинаковая.

Но после 1967 года от всех предприятий требовали одного – повышать прибыль. Поэтому «небезучие» предприятия были вынуждены не только прекратить выплату премий, но еще и снизить зарплату, чтобы хотя бы так добиться искомой рентабельности. Понятно, что рабочие были этим порядком недовольны – ведь они-то работали не хуже, чем год назад, да и объективно тяжелые условия работы шахтеров никоим образом не улучшились.

Именно об этом и писал КГБ в своем анализе ситуации в ЧССР еще в

мае 1967 года.

Если творцы реформы думали, что после частичного отпуска цен с 1 января 1967 года прибыль составит 30 % от фонда зарплаты, то в реальности она достигла 78 %. Другими словами, и это признало государственное статистическое ведомство, предприятия в погоне за финансовыми показателями стали сокращать фонд зарплаты, что вообще-то нормально для капиталистической рыночной экономики. Но Шик-то говорил о некоей «социалистической рыночной экономике», где рынок будет мирно сосуществовать с отсутствием безработицы и прочими достижениями социализма вроде нулевой инфляции. Однако рабочим новая экономика явно не нравилась, так как в реальности она все меньше походила именно на «социалистическую».

Шик тем не менее готовил ко второму изданию свой экономический бестселлер «План и рынок при социализме». В новом здании он особенно резко критиковал «концепцию природы товара» Сталина. Теперь это было не просто абсолютно безопасно – борьба против «сталинизма» отныне приносила популярность, а сам Сталин Шику по понятным причинам ничего уже ответить не мог.

По итогам 1967 года в горнодобывающей сфере нерентабельными все равно оказались 35 предприятий, 198 других имели низкую рентабельность от 0 до 9,9 %, 314 предприятий добились рентабельности в диапазоне 10-19,9 %, а 113 были «богатыми» – от 20 до 29,9 %^[382]. Но такое расслоение было чревато большими беспорядками – ведь рабочие не понимали, почему за одинаковый труд теперь они неожиданно стали получать по-разному. Реформаторам пришлось срочно озаботиться созданием механизма перераспределения средств между «богатыми» и «бедными» предприятиями. А это фактически означало признание краха самой концепции реформы с ее «самостоятельностью предприятий».

Перспективы реформы были еще опаснее. В 1967 году государственное статистическое ведомство забило тревогу относительно почти полного прекращения инвестиционного строительства в стране. Другими словами, предприятия лишь проедали прибыль (у кого она вообще была) и ничего не вкладывали в новое оборудование. В 1967-м «освобожденные» предприятия выплатили своим сотрудникам часть прибыли в размере 735 миллионов крон (в том числе 468 миллионов – рабочим, 173 миллиона – инженерам и техникам и 94 миллиона – работникам управленческого аппарата). 12 % предприятий не нашли средств ни на какие выплаты^[383].

Зато инвестиции в новое оборудование выросли в 1967 году всего на 2,6 % (в 1965-1966 – на 9,8 %). Да и эти мизерные капиталовложения представляли собой последние отголоски громадной «инвестиционной волны» начала 60-х годов. Теперь же речь шла только о достройке того, что заложили в то время. В целом в промышленности инвестиции даже упали на 5 %.

Еще в марте 1967 года Президиум ЦК КПЧ поручил Госплану и Институту экономики Академии наук срочно представить предложения по устранению проявившихся в ходе реформы диспропорций народного хозяйства. Институт экономики предложил ускорить реформу, а Госплан – притормозить ее. Согласились с мнением Госплана, и полномочия центра в отношении предприятий опять были усилены. Руководство КПЧ всеми силами хотело избежать грозившей стране инфляции. Шик же утверждал, что виновата не реформа, а сама чехословацкая экономика, которая до реформы еще не доросла.

Итак, с января 1968 года реформу уже пытались снова подкорректировать. Зарплата руководства предприятия стала зависеть уже не только от прибыли, но, как прежде, от выполнения неких количественных показателей, например модернизации основных фондов, роста экспортных поставок и т. д. Для подавления уже ясно просматривавшихся инфляционных процессов был введен налог на заработную плату, существенно превышающую определенный средний уровень. Но денег в стране было явно много, и госбанк Чехословакии официально объявил в начале 1968 года о выпуске в ближайшем будущем банкноты достоинством в 500 крон (до сих пор самой крупной купюрой была «сотня»)^[384].

Относительно неплохим в 1967 году стало положение в сельском хозяйстве, где были повышены закупочные цены на продукцию кооперативов. Но лишь часть этого повышения переложили на плечи потребителей, и государству, вопреки планам Шика, пришлось тратить большие средства на дотации розничных цен. Однако население в 1967-м стало возмущаться тем, что с полок магазинов исчезли все дешевые мясные продукты (на них приходилось теперь всего 11 % выпускаемой «освобожденными» предприятиями мясной продукции), что опять-таки било больше всего по пенсионерам и многодетным семьям. В начале 1968 года пришлось позабыть о «свободе» и «самостоятельности» предприятий: правительство поручило министерству сельского хозяйства и министерству снабжения срочно принять меры для увеличения производства дешевых

мясных изделий на 5 тысяч тонн (или на 20 %) [\[385\]](#).

В целом правительство решило в период до 1970 года не допускать роста цен более чем на 1-1,5 % в год. Но выполнение этой задачи требовало снова лишить предприятия их только что обретенной самостоятельности в ценовой политике. Вдобавок уже в начале 1968 года всем жителям Чехословакии на собственных кошельках было ясно, что цены растут гораздо быстрее, чем на 1-1,5 %.

В целом закончившаяся к 1960 году при Новотном коллективизация села с экономической точки зрения себя более чем оправдала. Еще никогда в истории Чехословакии страна не была так обеспечена продовольствием собственного производства, как в 1967 году [\[386\]](#). И это притом, что еще никогда на селе не работало так мало людей, как в тот год. Вот только с экономической реформой Шика это было никак не связано. Напротив, это стало результатом массированного планового вливания государственных средств 50-х – начала 60-х годов в техническую и агрономическую модернизацию села. Но эти масштабные инвестиции ничего бы не дали, если бы они не шли на перевооружение крупных производительных хозяйств – кооперативов.

По сравнению с 1963 годом уборка зерна комбайнами выросла в 1967-м с 150 тысяч гектаров до 400 тысяч [\[387\]](#).

В 1936 году объем произведенной сельскохозяйственной продукции в ЧСР составил в ценах 1960 года 43 миллиарда крон. Впервые в социалистической Чехословакии этот уровень был превзойден в 1960 году – то есть именно после завершения массовой коллективизации. В 1967 году превышение над уровнем 1936 года стало рекордным – 15 % (в животноводстве – на треть) [\[388\]](#). Это было блестящее достижение, если учесть, что количество занятых на селе уменьшилось после 1945 года на несколько миллионов человек (выселение немцев и индустриализация), а сельхозземель стало меньше на 660 тысяч гектаров (прежде всего, в Чехии).

О продуктивности социалистического сельского хозяйства свидетельствует то, что уже с 1955 года был превышен уровень 1936 года по производству продукции в расчете на 1 га полезной сельскохозяйственной площади. В 1967 году животноводство работало лучше, чем в 1936-м, на 45,53 %, растениеводство – на 25 %. Гораздо больше в расчете на 1 га стали производить зерна, мяса и яиц, но меньше – молока и картофеля (последнее было не страшно, так как отражало общее сокращение потребления этого продукта по мере роста уровня жизни).

Самым важным итогом коллективизации было то, что уже в 1953 году село дало больше, чем в 1936-м, продукции именно на рынок, то есть для городских потребителей и промышленности. Напомним, что именно в 1953 году коллективизация в Чехословакии впервые приняла массовые масштабы. А вот после борьбы с перегибами в деле коллективизации летом – осенью 1953-го (когда распалось много кооперативов) рыночная продукция опять откатилась ниже довоенного уровня (правда, больше этого уже не повторялось).

В 1967 году село продало городу на 50 % больше продукции, чем в 1936-м, а производство «рыночной» продукции в расчете на 1 га выросло в 1936-1967 годах на 67,4 %^[389]. В ценах 1960 года в 1936-м на одного жителя Чехословакии приходилось сельскохозяйственной продукции на 1100 крон, а в 1967-м – на 1750 крон.

Но к началу 1968 года негативное воздействие ценовой реформы Шика дало о себе знать и на селе. Впервые за весь социалистический период (то есть с февраля 1948 года) сократилось поголовье скота, в том числе коров (в 1967 году их было 1929 тысяч). Увидев рост цен на мясо, кооперативы, естественно, стали забивать скот, чтобы подзаработать. Меньше стало и свиноматок, а вот поросят прибавилось. Словом, и кооперативы стали жить настоящим днем, не заботясь об естественном росте или хотя бы о сохранении поголовья. По этой же причине стало больше кур (более 24 миллионов) – их можно было гораздо быстрее откормить и продать, чем тех же коров. Килограмм курятины в зависимости от сортности стоил в начале 1968 года 18-26,5 крон.

В среднем поголовье скота в конце 1967 года вернулось на средний уровень 1962-1966 годов, и это сокращение грозило продолжиться и впредь.

Следует подчеркнуть, что в 1965 году радикальная экономическая реформа началась не только в Чехословакии, но и в Венгрии, да и в самом Советском Союзе. Пленум ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП, так называлась после 1956 года компартия страны) прошел практически одновременно с чехословацким – в январе 1965 года.

В сентябре 1962-го в «Правде» была опубликована статья харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия». В ней предлагалось осуществить некоторые шаги по либерализации («либерманизации», как стали шутить на Западе) советской экономики. Сами предложения для чехословацких экономистов не могли представлять никакого интереса, поскольку содержали примерно то, что в Праге уже опробовали (причем с нелучшими результатами) и из чего постарались

извлечь определенные уроки. Однако в политическом смысле сам факт публикации в «Правде» – не просто газете, а органе ЦК КПСС, не допускающем возникновения случайных дискуссий, – означал, что Москва опять дает санкцию на дальнейшее движение к реформам. Сторонники преобразований, которых в Праге становилось все больше, использовали событие для того, чтобы обеспечить очередной политический перелом в свою пользу, одержав победу над теми, кто опасался негативных социальных последствий экономической реформы^[390].

Либерман направил в ЦК КПСС докладную записку под характерным названием «О совершенствовании планирования и материального поощрения работы промышленных предприятий». Его предложения поддержали ведущие экономисты академики В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин, эксперты Госплана СССР, руководители предприятий.

Экономическая реформа в Советском Союзе вводилась в действие также начиная с 1965 года рядом постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, распространявших ее положения на отдельные отрасли и сектора народного хозяйства: например, «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (Постановление сентябрьского 1965 г. Пленума ЦК КПСС), «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» (Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 4 октября 1965 г.), «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии», утверждено СМ СССР 4 октября 1965 г., «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет» (13 апреля 1967 г.) и т. д.

По смыслу советская реформа была абсолютно тождественна реформе чехословацкой, поэтому все предсказания ЦРУ о неизбежном обострении отношений между Москвой и Прагой на почве якобы разной экономической политики были построены на песке и не имели под собой никаких оснований, кроме стремления выдать желаемое за действительное.

В СССР ликвидировались органы территориального хозяйственного управления и планирования – советы народного хозяйства (введенные Хрущевым в 1957 году), а предприятия становились основной хозяйственной единицей. Как и в ЧССР, сокращалось количество директивных плановых показателей (с 30 до 9). Действующими оставались показатели по общему объему продукции в действующих оптовых ценах; важнейшей продукции в натуральном измерении; общему фонду

заработной платы; общей суммы прибыли и рентабельности, выраженной как отношение прибыли к сумме основных фондов и нормируемых оборотных средств; платежам в бюджет и ассигнованиям из бюджета; общему объему капитальных вложений; заданий по внедрению новой техники; объему поставок сырья, материалов и оборудования.

Так же, как и в Чехословакии, расширялась хозяйственная самостоятельность советских предприятий. Они отныне обязаны были самостоятельно определять детальную номенклатуру и ассортимент продукции, за счет собственных средств осуществлять инвестиции в производство, устанавливать долговременные договорные связи с поставщиками и потребителями, определять численность персонала, размеры его материального поощрения.

Ключевое значение придавалось интегральным показателям финансовой эффективности производства – прибыли и рентабельности. За счет прибыли предприятия получали возможность формировать ряд фондов – фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного назначения, жилищного строительства и т. д. Использовать фонды предприятия могли по своему усмотрению (в рамках существующего законодательства).

Что касается ценовой политики, то оптовая цена реализации должна была обеспечивать предприятию заданную рентабельность производства. Вводились нормативы длительного действия – не подлежащие пересмотру в течение определенного периода нормы плановой себестоимости продукции.

В советском сельском хозяйстве закупочные цены на продукцию повышались в полтора – два раза, вводилась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшились ставки подоходного налога на крестьян.

Основные положения «косыгинской» реформы были постепенно, как и в ЧССР, введены в действие на протяжении 8-й пятилетки (1965-1970 годы). К осени 1967 года по новой системе работали 5500 предприятий (1/3 выпускаемой промышленной продукции, 45 % прибыли), к апрелю 1969-го – 32 тысячи предприятий (выпускавших 77 % продукции).

Косыгинской реформе тоже первоначально сопутствовал успех. В 1966-1969 годах среднегодовые темпы роста национального дохода в СССР составляли 6,1 % (в США 3,1 %, Японии 7,4 %, ФРГ 3,4 %, Франции 4,4 %, Великобритании 2,2 %). Но с 1970 года в СССР, как и ранее в Чехословакии, стали отмечаться инфляционные тенденции, и реформу пришлось скорректировать. Она отнюдь не была свернута, как утверждают

некоторые исследования, под влиянием событий в Чехословакии в 1968 году.

В Чехословакии в 1967 году уже ясно вырисовывалась дилемма. Либо надо было для подавления грозящей гиперинфляции опять возвращаться к плановой экономике, либо переходить к капитализму и разрешать частную собственность на средства производства. Ведь только в этом случае у существующих предприятий-монополистов могла бы (хотя и не сразу) появиться конкуренция. Дальше искусственно создавать конкуренцию наращиванием импорта государство уже не могло. Если в 1965 году ЧССР еще имела положительное сальдо внешней торговли (119 миллионов крон), то в 1968 – уже отрицательное и очень опасное по размерам – 517 миллионов крон^[391]. В 1965-1970 годах импорт из капиталистических стран вырос на 80 %.

Однако ни Шик, ни другие авторы реформы не собирались отказываться от социализма, причем до 1968 года это было их искренним убеждением. Уже в эмиграции после 1968-го Шик писал: «Основополагающие цели обновления рынка были известны. Основная работа нашего коллектива была направлена на определение нового способа планирования народного хозяйства, которое мы все считали необходимым, поскольку не хотели, чтобы введение рыночного механизма сопровождалось возникновением негативных процессов, присущих капиталистической системе хозяйства».

Но к 1967 году эти самые «негативные процессы» были уже налицо. Из-за резкого роста зарплаты в 1967-м у населения было 7 миллиардов крон свободных денежных средств, которые оно не знало куда деть (в 1962-м таких средств было примерно 2,7 миллиарда крон)^[392]. Причем одной из причин этого было то, что в магазинах, несмотря на всю самостоятельность предприятий, продавались товары не очень высокого качества, и их никто не хотел покупать.

К тому же стали свертываться многие социальные программы – ведь после обретения предприятиями самостоятельности у государства в целом стало меньше средств. Так, в 1966 году было построено лишь 76 тысяч квартир – 31 % квартир в стране считались переполненными.

Как и в Советском Союзе двадцатью годами позже, реформаторы, сознавая грядущий провал в экономике, пытались направить энергию все более и более беспокойного общества в политическую сферу. В 1966 году на съезде КПЧ Шик прямо заявил, что экономические реформы не дают

ожидаемого успеха потому, что не сопровождаются реформами политическими. Якобы предприятиям по-прежнему не дает развернуться в полную силу партийная бюрократия.

Для Дубчека это была прекрасная возможность снова выступить против Новотного и попытаться отстранить его от власти. Вот тут и пригодился тезис о разделении функций партии и государства.

Между тем американцы, как было показано выше, внимательно следили за позитивными с их точки зрения переменами в Чехословакии. Официально преемник Джона Кеннеди в Белом доме Линдон Джонсон по-прежнему осуществлял в отношении социалистических стран политику «наведения мостов», которая при нем приобрела статус официальной политики США. Если братья Даллесы были нацелены на свержение социалистического строя в Восточной Европе лобовым путем – например, через антикоммунистические восстания под руководством вышколенных американцами эмигрантов (яркий пример этого – венгерские события 1956 года), то теперь ставка делалась на постепенное размывание власти восточноевропейских компартий «изнутри».

С помощью культурных и научных обменов американцы хотели «прикормить» в социалистических странах творческую интеллигенцию, которая должна была, в свою очередь, поддерживать «либералов» в коммунистических партиях в их борьбе против «консерваторов». «Либералами» считались те, кто был против плановой экономики и исповедовал антисоветские взгляды той или иной степени открытости. Американцы не сомневались, что в случае победы коммунистов-«либералов» их самих вскоре удастся оттеснить от власти, как это было сделано, например, с Имре Надем в Венгрии в 1956 году.

Еще одной целевой группой «мирной» пропаганды американцев в социалистических странах была молодежь. На нее предполагалось оказывать влияние не с помощью нудных политизированных эмигрантских передач «Свободной Европы», а путем ненавязчивой пропаганды «американского образа жизни», особенно рок-музыки, которая в 60-е годы была для США тем же, чем в 50-е джаз.

В одной из американских директив радиостанции «Свободная Европа» относительно пропаганды на молодежь говорилось: «...пусть они слушают... хотя бы что-нибудь, чем не слушают вообще ничего. На помощь пришла музыка... Новая музыка, которую предложил Элвис Пресли, и которая достигла своей кульминации у «Битлз», «Роллинг Стоунз» и других групп, явилась началом успеха по многим мотивам... Вероятно, наиболее характерной чертой новой музыки было то, что она

выразила отчуждение молодежи. Ни одна группа в передачах «Свободной Европы» не пела песни протеста против жизни при коммунизме. Однако многие из песен звучали как протест против мира, который молодые люди получили в наследство на Западе и на Востоке. Они должны были выражать протест против государственных органов или партийных работников. Мишенью был мир взрослых»^[393].

Таким образом, песни «Битлз», в которых действительно часто звучал протест против западного образа жизни, например против войны США во Вьетнаме, были искусно превращены американцами в песни протеста молодежи Восточной Европы против социализма.

Американцы полностью преуспели в своей стратегии – главным противником советских войск в Чехословакии в августе 1968 года была городская молодежь.

Влиятельный американский сенатор-демократ Фулбрайт (который во времена Маккарти наверняка прослыл бы «красным») так сформулировал в 1966 году доктрину «наведения мостов»: «Наведение экономических и культурных мостов может проложить путь к повторному объединению Европы. Как только обеим сторонам станет ясно, что торговать безопасно и выгодно, идеологические преграды начнут распадаться. Как только идеологические преграды уступят место дружеским отношениям, основанным на общих интересах, как только жителям Восточной Европы будет ясно, что Федеративная Республика Германии является упорядоченным, достойным уважения миролюбивым государством, можно будет также ожидать, что рухнут основы восточногерманского государства»^[394].

Американцы подкидывали восточноевропейской интеллигенции модную в то время «миролюбивую» теорию конвергенции (ее автором считают американца Джона Гэлбрейта)^[395], которая постулировала скорое слияние социализма и капитализма в единой общественной формации, естественно, на западных основах.

Если Чехословакия и другие социалистические страны искренне стремились улучшить отношения с Западом не только на словах (что в своих секретных докладах признавало ЦРУ), то Вашингтон официально сохранял по отношению к Чехословакии в 60-е годы подчеркнuto ледяной тон. Торговое эмбарго на экспорт туда высокотехнологической продукции так и не было снято или даже ослаблено. Политические контакты удерживались на минимально возможном уровне.

«Миролюбивая» ФРГ по-прежнему считала действительным

Мюнхенский сговор 1938 года, то есть претендовала на Судетскую область Чехии. Судетонемецкое землячество «изгнанных» (так официально в ФРГ именовали выселенных из ЧСР в 1945-1946 годах судетских немцев) было в ФРГ очень влиятельным, и на его ежегодных античехословацких сборищах выступали либо сам канцлер, либо ключевые федеральные министры.

На первый взгляд такая политика Запада кажется странной, если учесть, что именно Чехословакия с 1962 года, вроде бы, развивалась в нужном американцам направлении: в экономику вводились рыночные начала, чехам и словакам разрешили ездить на Запад, был облегчен въезд в ЧССР и для иностранцев. В 1966 году были сняты все ограничения на поездки чехословацких специалистов за рубеж, если их пребывание оплачивала принимающая сторона. В ЧССР быстро росло количество изданных книг западных авторов, а в кинотеатрах западные фильмы заняли доминирующее положение.

В 1966 году 37 % всех полнометражных фильмов в чехословацких кинотеатрах были западными (76 фильмов), 20,8 % – чехословацкими (42) и 17,4 % – советскими (35). А уже в январе 1968 года из всех кинофильмов, которые шли в пражских кинотеатрах, 45,2 % были западными, 34,8 % – чехословацкими и только 13,1 % представляли все социалистические страны (без Югославии – на нее приходилось 3,7 % проката)^[396]. А кино было в ЧССР по-прежнему очень популярно – в 1969 году кинотеатры посетили 119 миллионов зрителей (население страны составляло примерно 15 миллионов человек).

В 1966 году в ЧССР издали в переводе 127 англоязычных книг, 88 перевели с французского, 23 – с итальянского, 76 – с немецкого и 126 – с языков народов СССР. Причем в последующие годы доля советских книг сокращалась, а англоязычных – росла^[397].

В 1968 году в краткосрочных командировках в капиталистических странах находилось примерно полторы тысячи сотрудников Академии наук Чехословакии (больше всего – в ФРГ). Западные немцы выплачивали каждому чехословацкому ученому стипендию в полторы тысячи марок в месяц, а за чтение лекций – более двух тысяч марок.

Новотный, который, вопреки прогнозам ЦРУ, был без особых проблем в 1964 году вновь избран президентом, высказался за парламентские выборы на альтернативной основе, чего не было нигде в социалистических странах, даже в столь любимой американцами тогда Югославии.

Ларчик открылся просто – Новотный, как и лидер ГДР Ульбрихт, был

верным союзником СССР. Этим он, с точки зрения американцев, очень с невыгодной стороны отличался, скажем, от румынского диктатора Николае Чаушеску. Тот загнал румынскую экономику в тупик, никаких реформ не проводил, уничтожал своих оппонентов, но зато не скупился на подчеркнуто антисоветские жесты, например, требовал у СССР уступить Румынии Молдавию. Соответственно, США тоже не скупилась на дружественные жесты в отношении того, кого сами румыны сравнивали с Дракулой.

Поэтому основной целью американцев было как можно быстрее убрать Новотного с помощью «либералов» в самой компартии и творческой интеллигенции, для которой Новотный сделал так много, как ни один лидер Чехословакии до него.

В таких условиях любое демонстративное улучшение отношений с Чехословакией могло бы восприниматься как поддержка курса Новотного, а этого в Вашингтоне решительно хотели избежать.

Среди чехословацкой эмиграции новую линию конвергенции и поддержки «либерального крыла» в КПЧ проводил уже упоминавшийся выше журнал «Свьедетстви» Павла Тигрида. Там хвалили, например, Шика и Млынаржа и постоянно ругали Новотного как тормоз демократических преобразований. В своей книге «Маркс на Градчанах» Тигрид писал: «В течение последних лет в мире и у нас, видимо, выявилось, что единственная реальная политическая надежда чехословацкого народа на более терпимую, достойную, свободную жизнь состоит в либерализации внутри КПЧ, в изменениях в ее руководстве и ее ключевых организациях. Непосредственное будущее чехословацкого народа тесно связано с тем, удастся ли ревизионистским силам проникнуть глубже и шире в органы партии, массовые организации, профсоюзные и молодежные союзы и, в конце концов, самый оплот власти в государстве, в руководство КПЧ... Каждый пост в руках ревизионистов – это еще одно оружие в борьбе... еще один опорный пункт...»^[398]

Еще в 1963 году журнал Тигрида (который довольно широко читали среди чехословацкой интеллигенции – ведь он был левым и, вроде бы, критически настроенным и по отношению к капиталистическому Западу) выдвинул главный лозунг – «покончить с новотновщиной». Под этим подразумевалось то, чего требовал и Дубчек, – прекращение политического руководства со стороны КПЧ над всей жизнью в стране – от экономики до культуры. Тигрид назвал это «покончить с самозваной деспотией».

В то время как ЦРУ и находившаяся под его контролем чехословацкая эмиграция внимательно следили за начавшимися в Чехословакии

радикальными реформами, американская печать в 60-е годы либо вообще игнорировала Чехословакию, либо с пренебрежением, а порой и в оскорбительной манере писала о чешском национальном характере. Мол, если поляки и венгры полны национального самосознания и готовы на открытую борьбу против «поработившего» их Советского Союза, то чехи привыкли к иностранному господству и способны разве что на тихое ерничанье в духе бравого солдата Швейка.

Например, в 1965 году в главном американском внешнеполитическом журнале «Форин Аффферс» была всего одна статья про Чехословакию под названием «Чешские сталинисты упорно сопротивляются»^[399].

Более или менее регулярно писала о событиях в ЧССР лишь «Нью-Йорк Таймс». Но и здесь главной темой была только десталинизация. Ничего о повседневной жизни в Чехословакии своим читателям газета не сообщала.

Американские газеты лишь писали о природной пассивности чехов, якобы продиктованной историей этого народа. Например, в одном из комментариев говорилось: «Покорность прочно укоренилась в природе чехословаков за последние триста лет»^[400]. В другом утверждалось: «Они научились, так же как и их предки, жить под иностранным господством и извлекать из этого выгоды...». «Если бы у израильских государственных деятелей был менталитет чехословацких демократов, еврейское государство никогда бы не возникло». Журнал «Тайм» писал в декабре 1957 года: «У чехов, которые на протяжении почти всей своей истории были подчинены иностранному господству, нет традиции сопротивления; их государство было дано им в Версале, когда союзники создали Чехословакию на обломках Австро-Венгерской империи»^[401].

Такие же настроения царили и в американском конгрессе, который по-прежнему занимал в отношении социалистических стран гораздо более жесткую позицию, чем госдепартамент. И уход Маккарти в этом смысле ничего не изменил. Один из депутатов конгресса так отозвался о Чехословакии: «Чехословаки (американские депутаты, видимо, считали чехов и словаков единым народом – Прим. автора.) – это потерянный народ. Они не борются. Лишь сидят и ждут... Мне кажется, что чехи очень пассивны. Они никогда не боролись за свою свободу, им ее всегда даровали, а если что-то дается без жертв, то это легко и потерять»^[402].

Излишне говорить, что американским читателям ничего не сообщали о славных страницах чехословацкой истории – например о гуситском движении, когда чешские войска доходили до Берлина и успешно отражали

крестовые походы объединенной Европы. Естественно, ничего не знали средние американцы и о Словацком национальном восстании или о варварском нацистском терроре в Чехии и Моравии. Ведь все эти факты не вписывались в американскую концепцию «унылого» и «малодушного» народа, каковыми считались чехи и словаки всего лишь потому, что не хотели без причины ссориться с СССР, освободившем страну от нацизма.

Более честные американские корреспонденты иногда отмечали, что в разговорах обычные чехи припоминают Западу Мюнхенский сговор 1938 года, когда Париж и Лондон отдали страну на растерзание Гитлеру. В тот момент ценой войны с Германией Чехословакию был готов поддержать только Советский Союз, и в Чехословакии это прекрасно помнили.

На официальном дипломатическом уровне отношения США с ЧССР были практически заморожены. Американцы сорвали переговоры о компенсации за национализированное в Чехословакии американское имущество и не хотели возвращать Праге награбленное нацистами чехословацкое золото. Причина такого отношения США была все той же: Вашингтону не нравилось, что Новотный ни в коем случае не желал портить связи с Москвой. А значит, в Чехословакии были у власти «сталинисты» и «сервильный» по отношению к СССР режим.

В 1963 году госдепартамент писал в инструкции для посла США в Праге: «Он (посол – *Прим. автора.*) должен быть психически готов к тому, что будет жить и работать в атмосфере такой же серой, как пражские зимы, отличительной чертой которой будет безнадежность, редко встречаемая на других дипломатических постах»^[403].

Американцы всегда умело дискредитировали социалистические страны в глазах своей собственной общественности «погодными терминами». При социализме по этой логике всегда было либо морозно, либо серо, либо дождливо, а на Западе – солнечно, красочно и тепло.

Послом США в Праге в 1966-1968 годах был профессиональный дипломат Джейкоб Бим, который в своих донесениях в Вашингтон практически полностью игнорировал (в отличие от ЦРУ) все чехословацкие реформы. Отец Бима преподавал в Принстоне немецкий язык, и этот же престижный университет окончил и его сын, в 1929 году поступивший на дипломатическую службу. Как и Филд, он сначала работал в Женеве в Лиге Наций, а затем, с 1934 по 1940 год, был сотрудником американского посольства в Берлине. Во время Второй мировой войны Бим работал вторым секретарем посольства США в Лондоне, а после разгрома Гитлера вернулся в Германию. После работы в Индонезии и Югославии Бим в 1957-1961 годах был американским послом в Польше.

Инструкции Биму от руководства госдепартамента были просты: «... Там вряд ли чего-нибудь можно добиться»^[404]. Бим продолжал политику своих предшественников, полностью игнорируя контакты с чехословацкими правительственными органами, за исключением протоколно необходимых.

В сентябре 1963 года в Прагу впервые после 1948-го прибыл член правительства США – министр торговли Хьюз, которого принял Новотный. Однако никакого оживления экономических связей этот визит не принес. С 1964 года опять начались бесконечные раунды консультаций по вопросу чехословацкого золота и национализированного в ЧСР американского имущества, но американцы, как и раньше, откровенно саботировали их.

В 1966 году чехословацко-американские отношения были дополнительно омрачены «делом Комарека». Владимир Комарек эмигрировал из Чехословакии в 1948 году и до декабря 1950-го работал на американскую разведку. Он нелегально приезжал на родину и пытался организовать подпольную вооруженную группу, которая, однако, в 1952 году была разгромлена чехословацкой госбезопасностью. С 1955 года Комарек жил в США, владел туристической фирмой и в 1960-м получил американское гражданство. Он даже сменил фамилию на Казан. В октябре 1966 года Комарек-Казан приехал в Москву по приглашению советского «Интуриста» на международный конгресс туристических компаний. На обратном пути его самолет «Аэрофлота» якобы из-за метеоусловий совершил посадку в Праге, где Комарека сразу же арестовали.

Госдепартамент и конгресс США засыпали Прагу протестами^[405], и Президиум ЦК КПЧ на своем заседании 25 ноября 1966 года решил не обострять отношений с американцами. Сенатору Эдварду Кеннеди тактично порекомендовали из Праги написать Новотному письмо с просьбой помиловать Комарека, что младший Кеннеди и сделал. 1 февраля 1967 года Комарека осудили на восемь лет, но уже через четыре дня депортировали в США^[406].

2 февраля 1967 года Джонсону на пресс-конференции по «делу Комарека» и политике США в отношении Восточной Европы задали вопрос: «Господин президент, уже на протяжении определенного времени вы говорите о наведении мостов со странами Восточной Европы. Но, несмотря на призывы нашего правительства, чехословацкое правительство осудило американского гражданина, причем, как нам кажется, излишне сурово.

Как это повлияет на ваши мысли относительно наведения мостов с

коммунистическими восточноевропейскими странами?»

Ответ Джонсона был таким: «На пути достижения всех этих целей много препятствий. Я очень сожалею по поводу инцидента, который вы имеете в виду. Я очень надеюсь, что (чехословацкое) правительство предпримет необходимые, справедливые и честные меры.

Я по-прежнему убежден, что, несмотря на трудности, которые могут возникать время от времени, это (наведение мостов – *Прим. автора.*) наилучшим образом служит интересам нашей страны. И я буду продолжать стремиться к этой цели»^[407].

Миролюбие Джонсона объяснялось довольно просто: начиная с 1965 года США прочно увязли в войне во Вьетнаме, несли большие потери и не хотели без нужды злить Советский Союз и его союзников. Джонсон решил на время вьетнамской войны оставить Восточную Европу в покое.

23 марта 1967 года в Прагу во время своего восточноевропейского турне прибыл бывший вице-президент США Никсон. На тот момент он не являлся официальным лицом, но было понятно, что в 1968 году он собирается баллотироваться в президенты от Республиканской партии. Его подчеркнуто тепло приветствовали в Румынии, а в Польшу вообще не пустили. Новотный избрал средний курс: Никсону разрешили приехать в ЧССР, но на высоком уровне не принимали^[408]. С протокольной точки зрения придраться здесь было не к чему (ведь Никсон прибыл не с официальным, а с частным визитом). С ним беседовал профессор Антонин Шнейдарек – глава Института международной политики и экономики. В прессе о визите Никсона сообщили уже после того как он уехал из ЧССР.

В 1967 году в Прагу опять стали регулярно летать самолеты американской компании «Пан Америкэн» – впервые после 1948-го. Однако американцы, несмотря на рекомендации посла Бима, отказались от предложенного Прагой двустороннего соглашения о нормальном воздушном сообщении. В Вашингтоне не хотели давать никаких прав в США чехословацкой государственной авиакомпания ЧСА.

В том же 1967-м чехословацко-американские отношения омрачил и другой странный случай. 20 августа во Влтаве нашли труп Чарльза Джордана, заместителя председателя гуманитарной организации «Объединенный американский распределительный комитет» (American Joint Distribution Committee). Американцы, естественно, обвинили в убийстве Джордана чехословацкую госбезопасность, хотя этому нет никаких доказательств. Джордан участвовал в переброске около 250 тысяч европейских евреев в 1945-1948 годах через ЧСР в Палестину с полного

согласия и при поддержке чехословацких властей. 16 августа 1967 года Джордан сказал своей жене в шикарном пражском отеле «Эспланада», что пойдет купить газет. С тех пор живым его никто не видел.

Есть версия, что Джордана убили или палестинцы, или египтяне, чтобы отомстить Израилю за поражение в Шестидневной войне июня 1967 года.

Другая версия не менее интересна. По ней, до своего визита в Прагу Джордан встречался с миллионерами-сионистами в Иерусалиме и обсуждал выделение средств на помощь палестинским беженцам, которых Израиль в 1967 году согнал с их территории в ходе агрессивной войны. В Праге Джордан искал контакт с египтянами для решения этого вопроса. Возможно, что его убрала сама израильская разведка «Моссад», которой любое потепление в отношениях с арабами было невыгодно.

По крайней мере, официально это убийство до сих пор не раскрыто.

При Кеннеди отношения США с Чехословакией едва не испортились из-за ненасытной любви президента США к женщинам. Летом 1963 года до ФБР дошли сведения, что Кеннеди спал с чешкой Мариэллой Новотной, утверждавшей, что она племянница Антонина Новотного. В ФБР считали всех выходцев из социалистических стран либо шпионами, либо по крайней мере весьма подозрительными особами. Тем более что именно в то время в Англии был вынужден уйти в отставку министр обороны Джон Профьюмо. Он спал с элитной проституткой Кристин Килер, которая одновременно делила постель с советским военно-морским атташе. Новотна была из круга знакомых Килер и занималась тем же ремеслом.

В 1960 году Новотна вместе с китайкой (а значит, по мнению ФБР, потенциальной китайской шпионкой) Сьюзи Чанг приехала в США и стала работать в элитном клубе «Кворум», который курировал помощник вице-президента Джонсона Бобби Бейкер. Бейкер через «Кворум» поставлял элитных проституток американской политической элите, в основном конгрессменам и сенаторам. По данным Бейкера, Новотна спала не только с Джоном Кеннеди, но и с его братом Робертом (на тот момент министром юстиции и формально шефом ФБР). В марте 1961 года, чтобы избежать разоблачений, Новотну арестовали и в мае выдворили из США обратно в Лондон.

Кеннеди приказал немедленно передать ему из Лондона все материалы по «делу Профьюмо». Если бы данные о связи президента США с «чехословацкой шпионкой» стали достоянием гласности, Кеннеди грозил бы импичмент.

Но Роберту Кеннеди и директору ФБР Гуверу тогда удалось замять

скандал. За это Гувер выторговал себе продление полномочий на посту директора ФБР, хотя Роберт Кеннеди его ненавидел и готовился снять.

На самом деле «Новотна» была отнюдь не чешкой, а англичанкой по имени Стеллой Кейпс (родилась в Лондоне в 1942 году), хотя ее отец действительно был чехом. Псевдоним «Новотна» она взяла себе действительно в честь лидера ЧССР, чтобы тем самым возбудить дополнительный интерес клиентов. В 1978 году Новотна заявила, что напишет мемуары о заговоре с целью дискредитации Джона Кеннеди. Она утверждала, что вела дневник и ее разоблачения станут настоящей бомбой, особенно для ЦРУ. Но мемуары так и не вышли: в феврале 1983 года Новотну нашли мертвой в собственной постели. Официальный диагноз говорил о передозировке наркотиков, но Кристин Килер была убеждена, что ее бывшую подругу, как и Мерилин Монро в 1962 году, убили, чтобы заставить замолчать навсегда. Все записи Новотной бесследно исчезли.

Если отношений с Вашингтоном у Праги фактически не существовало, то ЧССР пыталась улучшить связи с западноевропейскими странами (в точности так, как об этом и писало в своих секретных докладах ЦРУ). Заместитель председателя правительства ЧССР Черник (будущий премьер при Дубчеке в 1968 году) посетил в июне 1966 года Великобританию. В октябре 1967 года во Францию прибыл с официальным визитом премьер Ленарт. Тогда французский президент де Голль только что вывел Францию из военной организации НАТО и демонстрировал самостоятельную внешнюю политику, в том числе и по отношению к социалистическим странам.

Тем не менее французы с оглядкой на США отвергли чехословацкую инициативу 1966 года о подписании двустороннего договора о дружбе, хотя до войны Франция была основным союзником Чехословакии. В ходе визита Ленарта было подписано лишь соглашение о культурном сотрудничестве.

Обмен визитами на уровне министров иностранных дел и их заместителей состоялся во второй половине 60-х годов и со скандинавскими странами, а также со странами Бенилюкса. Со всеми этими государствами Чехословакия поддерживала добрые отношения еще до войны и теперь восстанавливала свои внешнеполитические традиции.

Однако отношения с ФРГ оставались прохладными, несмотря на приход к власти в Бонне в 1966 году «большой коалиции» ХДС/ХСС и социал-демократов (СДПГ). Лидер СДПГ Вилли Брандт стал министром иностранных дел, но ФРГ по-прежнему настаивала на том, что Мюнхенское соглашение 1938 года не утратило силу. 13 ноября 1966 года

новое правительство ФРГ выпустило специальное заявление о необходимости улучшения отношений с восточноевропейскими странами. Однако все территориальные проблемы предлагалось решить на мирной конференции по германскому вопросу в целом. А до этого ФРГ не признавала окончательными послевоенные границы Польши, СССР и Чехословакии.

Понятно, что ни о какой нормализации отношений при этом говорить не приходилось. С территории ФРГ против ЧССР по-прежнему вещала финансируемая ЦРУ «Свободная Европа».

А ведь еще 1 июля 1958 года премьер-министр ЧССР Широкий обратился с личным посланием к канцлеру ФРГ Аденауэру с предложением полностью нормализовать двусторонние отношения на базе взаимного признания территориальной целостности, ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Но ФРГ тогда исповедовала так называемую доктрину Халыптейна (названную так по имени статс-секретаря МИД ФРГ). Согласно этой доктрине, ФРГ не устанавливала дипломатические отношения ни с одним государством, которое признавало ГДР. В Праге же, естественно, не желали отказываться от своего союзника по Варшавскому договору.

К тому же все политические партии ФРГ (компартия Германии в 1956-1968 годах была запрещена) поддержали в 1961-м программу землячества судетских немцев, в которой фактически содержалось требование о передаче Судет ФРГ. В ноябре 1964 года ХДС даже подписал с землячеством судетских немцев формальное соглашение о поддержке «права судетских немцев на утерянную родину»^[409].

С учетом реваншистской позиции ФРГ ЧССР подписала в 1967 году с Польшей (1 марта) и ГДР (17 марта) новые договоры о взаимной помощи. В обоих договорах содержался принцип нерушимости послевоенных границ, против чего ГДР, в отличие от ФРГ, никак не возражала.

Судетский вопрос мешал и нормализации чехословацко-австрийских отношений: в 1959 году в Вене прошел слет судетских немцев. Энергичные протесты Праги были оставлены без внимания.

Отношения с Советским Союзом, несмотря на демарш Президиума ЦК КПЧ против снятия Хрущева, оставались до 1968 года сердечными. Из Москвы не прозвучало ни слова критики в отношении осуществлявшихся в ЧССР реформ, тем более что такие же реформы проводил и сам СССР. 27 ноября 1963 года был подписан протокол о продлении еще на 20 лет заключенного еще Бенешем и Сталиным в 1943 году советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимной помощи. В 1966 году

делегацию КПСС на XIII съезде КПЧ возглавлял лично Брежнев.

В отличие от Румынии, начиная с 1966 года постоянно требовавшей какой-то неясной «политической» реформы Варшавского договора, ЧССР оставалась надежным членом этого военного союза. Тем не менее в 1966 году Чехословакия отказалась выполнить просьбу советской стороны о дислокации на территории ЧССР двух советских дивизий, чтобы усилить оборону всего фронта Варшавского договора на случай агрессии НАТО. Зато в декабре 1965 года министры обороны ЧССР и СССР подписали секретный протокол о размещении в ЧССР советских ядерных боеголовок [\[410\]](#).

Это был определенный противовес, оснащенной американскими ядерными зарядами ФРГ. Тем более что в сопредельной с ЧССР Баварии стояли вооруженные ядерными боеприпасами американские войска.

Чехословацкая народная армия (так официально назывались вооруженные силы страны с 1954 года) согласно оперативному плану Варшавского договора (ОВД) от 1964 года должна была в случае нападения НАТО перейти в контрнаступление и на девятый день дойти до французского города Лиона. Ранее предполагалось, что в случае агрессии НАТО чехословацкая армия должна на десятый день выйти на рубеж Ингольштадт-Нюрнберг, то есть углубиться на территорию ФРГ на 120-150 км. К 1960 году мобильность чехословацкой армии возросла, и предполагалось, что на четвертый день контрнаступления она может дойти до Штутгарта. На учениях в марте 1961 года уже отрабатывалось достижение линии Лион-Дижон на шестой-седьмой день войны.

Но в целом задача Чехословацкой народной армии была все же вспомогательной и состояла в обеспечении левого фланга наступавших с территории ГДР советских, восточногерманских и польских войск. Правда, если бы наступление чехословацкой армии в Южной Германии застопорилось, то под угрозу был бы поставлен и главный контрудар войск ОВД с территории ГДР. После захвата горных проходов во французских Альпах и Вогезах чехословацкая армия должна была закрепиться и ждать подхода второго эшелона сил ОВД, состоявшего в основном из советских войск.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что войска ОВД не собирались применять атомное оружие до тех пор, пока его массированно не применило бы НАТО. Все учения чехословацкой армии в 60-е годы отрабатывали начальную фазу войны без учета применения ядерного оружия поля боя [\[411\]](#).

В Объединенном командовании ОВД чехословацкой армии уделялось особое внимание: в отличие от армии ГДР, она должна была первое время сражаться с американцами, французами (до 1966 года Франция еще была в военной организации НАТО) и бундесвером один на один, ведь советских войск на территории ЧССР не было. Если бы войска НАТО прорвали оборону Варшавского договора в Чехословакии, то вся территория стран – членов ОВД в Восточной Европе была бы разрезана надвое. К тому же мобильные части НАТО могли в этом случае выйти прямо на советскую границу и ударить по частям Советской армии в ГДР, Венгрии и Польше с тыла.

Чехословацкой народной армии в первый же день войны противостояло бы 12 полностью отмобилизованных и подчинявшихся в мирное время Объединенному командованию НАТО дивизий и бригад, в том числе пять дивизий бундесвера (включая одну танковую, одну воздушно-десантную и одну горнострелковую – элитные соединения западногерманской армии), две американские и три французские дивизии. НАТО могло бросить против Чехословакии более двух тысяч танков, которые прикрывало бы более 900 американских боевых самолетов. Таким образом, НАТО имело над Чехословацкой народной армией огромное превосходство в живой силе, танках и авиации. К тому же у американцев против ЧССР было развернуто более 100 пусковых установок ракет с ядерными боеголовками.

Контрнаступление чехословацкой армии планировалось во взаимодействии с 8-й советской гвардейской армией, дислоцированной в ГДР. В ответ на применение противником ядерного оружия советские войска, в свою очередь, должны были нанести ядерные удары по войскам НАТО вглубь до линии Вюрцбург – Эрланген – Регенсбург – Ландсхут. Всего в ходе операции планировалось применить 131 ядерный боеприпас (96 ракет и 35 авиабомб). Боеголовки должны были быть переданы ракетным частям чехословацкой армии с территории СССР в течение 18-22 часов. Но этот срок сочли слишком долгим, поэтому и было решено в 1965 году разместить боеголовки непосредственно на территории ЧССР. Теперь их можно было передать уже за три часа.

На пятый-шестой день после начала войны из СССР на помощь ЧССР должна была прибыть советская 57-я армия, которая переходила в подчинение командующего Чехословацким фронтом (так в случае войны должна была называться чехословацкая армия).

Интересно, что план боевого применения Чехословацкой народной армии был одобрен именно в тот день, когда сняли Хрущева, – 14 октября

1964 года.

На 1 сентября 1965 года в западном военном округе ЧССР (центр – город Пльзень) было сосредоточено в мирное время две танковые и три мотострелковые дивизии, в центральном военном округе (центр – город Табор) – одна танковая и три мотострелковые дивизии, в восточном округе (центр – словацкий город Тренчин; это был тыловой округ с точки зрения возможной конфронтации с НАТО) – одна танковая и одна мотострелковая дивизии.

В мирное время Чехословацкая народная армия (ЧСНА) насчитывала 199 тысяч человек (второе место среди союзников СССР после Польши – 347 тысяч, при этом Польша не имела границы со странами НАТО). На вооружении ЧНА на 1 сентября 1963 года находилось 3860 танков, 4500 орудий и минометов и 720 боевых самолетов.

В апреле 1966 года на территории ЧССР начали готовить пункты дислокации для советских войск, которые должны были выдвинуться в Чехословакию в случае начала агрессии НАТО. Тем не менее в Москве все же опасались за чехословацкий участок фронта – отсюда и упоминавшееся выше предложение 1966 года разместить в ЧССР две советские дивизии уже в мирное время. Не желая этого по политическим мотивам, чехословацкое руководство решило увеличить численный состав вооруженных сил. Но это был скорее формальный акт – просто из подчинения МВД в подчинение министерства обороны передали пограничные и внутренние войска. Новую армию назвали едиными вооруженными силами, в которых теперь числилось 235 тысяч человек^[412]. Командованию ОВД сообщили, что боевой состав ЧНА вырос на две-три дивизии (теперь две советские дивизии выглядели лишними).

Значение Чехословакии для ОВД выросло в 60-е годы еще и потому, что Хрущев сильно сократил советские наземные вооруженные силы. Теперь в случае войны союзникам СССР по Варшавскому договору пришлось бы взять на себя гораздо больше ответственности. Это понимали американцы. Поэтому ЦРУ в 60-е регулярно готовило аналитические записки о морально-политическом состоянии армий стран ОВД с точки зрения их решимости сражаться против частей НАТО. Напомним, что, согласно американской трактовке, восточные европейцы являлись «порабощенными народами» и, значит, должны были в первый же день войны радостно перейти на сторону НАТО.

В 1964 году ЦРУ и разведка министерства обороны США с удовлетворением констатировали: *«В то время как Советы явно настроены на то, чтобы дать восточноевропейским вооруженным силам*

больше ответственности в рамках структуры Варшавского пакта, растущая политическая автономия этих стран, по всей видимости, снизит доверие СССР к их способности выдвинуться для наступления против НАТО»^[413].

Спустя полгода прогнозы американской разведки были еще более радужными: «По мере того, как автономия набирает силу в Восточной Европе, численность сил и средств, на которые СССР может положиться в плане эффективной военной поддержки со стороны союзников по Варшавскому пакту, будет уменьшаться... Это может заставить Советы пересмотреть свою концепцию быстрого наступательного броска против Западной Европы, по крайней мере до той степени, в которой они будут зависеть от поддержки со стороны вооруженных сил сателлитов».

Как было показано выше, это касалось именно Чехословакии – без фланговой поддержки ЧСНА любое контрнаступление Советской армии из ГДР находилось бы под угрозой срыва.

4 августа 1966 года по заказу министра обороны США американское разведывательное сообщество подготовило концептуальный доклад «Надежность союзников СССР в Восточной Европе» (документ SNIE 11-15-66). В документе признавалось, что пока СССР может полностью рассчитывать на верность своих союзников (за исключением Румынии) в случае войны, несмотря на все «либеральные» реформы в этих странах: «В последние годы восточноевропейские члены Варшавского пакта, особенно Румыния, демонстрируют возрастающую тенденцию к отстаиванию своих национальных интересов и сопротивлению советскому диктату. Тем не менее эти коммунистические режимы высоко ценят пакт как советскую гарантию их выживания и территориальной целостности. До той степени, до которой они сочтут, что их жизненные интересы находятся под угрозой, они поддержат все контрмеры пакта...^[414]

Несмотря на растущую тенденцию восточноевропейских правительств к отстаиванию национальных интересов, их национальная (внешняя – Прим. автора.) политика во многом по-прежнему совпадает с советской. Их соглашения по коллективной обороне дают им более высокий уровень защиты, чем если бы они опирались на собственные силы. Они видят в пакте советскую гарантию продолжения существования коммунистических режимов и существующих границ с Германией...

Советы, видимо, считают, что строгая военная дисциплина, коммунистическая пропаганда и тщательный отбор восточноевропейских

офицеров и младших командиров обеспечат надежность восточноевропейских вооруженных сил в случае войны. Мы тоже так считаем, хотя бы в отношении первого этапа (войны)»^[415].

Самыми верными военными союзниками СССР американская разведка в 1966 году считала ГДР, Польшу и Чехословакию: «Восточная Германия, Польша и Чехословакия рассматривают ремилитаризованную Западную Германию как угрозу для своей национальной безопасности. Эта оценка привела к особым отношениям этих стран с СССР... Поэтому мы считаем, что северные силы (Варшавского) пакта (восточногерманские, польские и чешские) примут участие, по крайней мере на первых порах, в военных операциях вместе с Советами, так как они не могут избежать участия в военных действиях. Румынское правительство, а возможно, и венгерское и болгарское, попытаются избежать вовлечения (в войну) до тех пор, пока это будет возможно и пока их границы будут в безопасности»^[416].

Американцы, таким образом, верно считали, что Польша и Чехословакия видят в СССР и ОВД гарантию от реваншистских планов ФРГ, не признававшей их границ. Но не пытались побудить своего главного военного союзника в Европе признать послевоенные границы в Европе, которые сами же США и начертали вместе с СССР, Великобританией и Францией в Потсдаме в 1945 году.

Для американцев было очень важным поддерживать «либерализацию» в Восточной Европе в целом и в Чехословакии в частности, прежде всего по военно-стратегическим соображениям. В Вашингтоне надеялись, что в ходе этой самой «либерализации» и «десталинизации» армии стран-участниц ОВД перестанут существовать как боеспособные единицы, и с таким трудом достигнутый СССР военный паритет с США снова будет ликвидирован.

Следует также отметить, что помимо оборонного потенциала Чехословакии очень большое значение для Варшавского договора имела чехословацкая разведка. К 1968 году она была самой эффективной после КГБ, а по агентурным возможностям во многих странах «третьего мира» даже превосходила советских коллег.

В Чехословакии, как и в СССР, было две разведслужбы: военная разведка (Разведывательное управление Генерального штаба ЧСНА) и политическая разведка (1-е управление МВД).

С учетом некоего разделения труда среди спецслужб социалистических стран примерно половина всех добытых чехословацкой разведкой сведений приходилась на развивающиеся страны.

Каждый день с утра специальный офицер вручал ежедневную разведсводку политической разведки первому секретарю ЦК КПЧ, президенту, заместителю председателя правительства по экономическим вопросам, министру внутренних дел и заведующему 8-м отделом ЦК КПЧ (этот отдел курировал все вооруженные органы в стране)^[417].

К 1967 году Новотный фактически узурпировал эту информацию, и разведсводку доставляли только ему. К этому времени в сводках отражалось более 622 донесений разведки.

Кроме ежедневной сводки один раз в неделю (иногда раз в две недели) разведка готовила доклад «Особые сведения разведки» (от трех до семи страниц), содержащий более глубокий анализ тех или иных событий в мире. Эти доклады получали все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ, министры обороны и иностранных дел, руководящие работники МВД. В 1967 году в этих докладах разведка осветила 102 отдельные темы.

В конце 60-х годов 1-е управление МВД каждый год получало около 7 тысяч разведывательных информации от агентов и сотрудников со всего мира. Примерно десятую часть всех сведений резиденты политической разведки передавали на местах послам ЧССР, и те отправляли их в Прагу шифротелеграммами или авиапочтой с экипажами чехословацких гражданских самолетов. Эти документы имели кодовое обозначение URAN.

Примерно 10-15 % добытых разведкой сведений в Праге характеризовались как особо ценные.

Около четверти всех данных чехословацкая разведка добывала о ФРГ (всего из Европы – треть), половину – из развивающихся стран Азии и Африки. В июле 1968 года в докладе министра внутренних дел для президиума ЦК КПЧ примерно 25 % всех добытых сведений оценивались как имеющие стратегический характер^[418].

К 1967 году задачи разведки фактически единолично определял Новотный, стремившийся не допускать обсуждения вопросов работы спецслужб на Президиуме ЦК. После истории с Баракком первый секретарь ЦК старался не выпускать нити управления спецслужбами из своих рук.

Но каких-то особых задач перед разведкой Новотный не ставил, и 1-е управление МВД фактически само решало после консультаций с КГБ, чем будет заниматься. Иногда разведка неверно расставляла приоритеты или просто не успевала бюрократически перенацелить свою активность с одного региона на другой. Например, атака Израиля против арабских стран в 1967 году застала чехословацкую разведку врасплох, хотя обсуждался

специальный план организации разведработы против Израиля, который так и не был принят.

Помимо сбора данных 1-е управление МВД, так же как и ЦРУ, проводило мероприятия дезинформационного характера и операции по оказанию влияния, прежде всего против спецслужб основного противника – США. Если в 1964 году было проведено сто подобных акций, то в 1967 – 160 (32 % – против США, 27 % – против ФРГ, 12 % – в поддержку чехословацкой внешней торговли, 7 % – против чехословацкой эмиграции)^[419].

Научно-техническая разведка действовала в 13 западноевропейских странах и Японии (политическая разведка ЧССР в Японии не работала – эту страну в соцлагере «курировал» КГБ), стараясь в обход существовавших ограничений на экспорт высокотехнологичных товаров в социалистические страны добыть эти товары или документацию на их производство. В 1965 году разведслужба ЧССР смогла добыть 265 комплектов технической документации, в 1967 – 420. 50 материалов были оценены специалистами как очень ценные, треть – как представляющие интерес. В 1967 году таким образом разведка сэкономила для чехословацкого народного хозяйства 300 миллионов крон. При этом на весь агентурный аппарат разведки в 1967-м было затрачено 1,5 миллиона обычных крон и 6,5 миллионов крон в пересчете на валюту.

По собственным оценкам, к 1968 году чехословацкая разведка добывала более половины всех сведений, представлявших интерес для Варшавского договора как военно-политического союза, то есть по этому направлению она превосходила даже КГБ.

По соглашению между КГБ СССР и МВД ЧССР от 2 июля 1962 года при чехословацком министерстве внутренних дел работало представительство КГБ. В состав представительства входили руководитель, два заместителя руководителя (по разведке и контрразведке), семь оперативных работников и технический персонал^[420]. В 1968 году представительство возглавлял генерал-майор Михаил Григорьевич Котов. Он работал на том же этаже, что и министр внутренних дел ЧССР, и даже входил в коллегия чехословацкого МВД. Если до начала 60-х чехословацкая сторона даже платила советским представителям заработную плату, то к 1968 году оплачивались только квартиры, машины и обслуживающий персонал. С 1952 года самостоятельная работа советской разведки в социалистических странах была формально запрещена – все акции надлежало проводить только в сотрудничестве со

спецслужбами братских стран.

Между тем во внутренней политике Чехословакии шли пока еще тихие и не очень заметные, но, может быть, даже более драматичные игры. Александр Дубчек продолжал свои подковерные интриги против Новотного, опираясь на словацкий национализм и деятелей культуры.

30 октября 1965 года в родном городке Дубчека Угровце предполагалось торжественно отметить 150-летие со дня рождения видного деятеля словацкой национальной культуры Людовита Штура. Дубчек придавал этому событию большое значение – ведь он родился в том же доме, что и Штур.

Штур считался автором словацкого языкового стандарта, в конечном счете приведшего к современному словацкому литературному языку. Он был также депутатом парламента Королевства Венгрия, политическим деятелем, поэтом, журналистом, издателем. В 1846 году были изданы основные лингвистические труды Штура («Словацкое наречие, или Необходимость писать на этом наречии», «Наука словацкого языка»). Нормы штуровского литературного языка соответствовали живой народно-разговорной речи словаков.

Штур уделял большое внимание русскому языку, культуре и современным ему российским реалиям. России он отводил особую роль в системе славянских культурных взаимоотношений и предстоящей славянской интеграции, которая должна была, по его мнению, неминуемо осуществиться. Штур был на протяжении всей жизни сторонником теории единого славянского народа, состоящего из нескольких «племен», которые находятся в состоянии диалектического и неразрывного единства. В дореволюционной России первая биография Людовита Штура вышла в 1860 году, в журнале «Русская беседа».

Взгляды КПЧ на деятельность Штура были неоднозначны. Он выступил против венгерской революции 1848-1849 годов, которую Маркс считал прогрессивным явлением, а славян (таких, например, как Штур) – «морозом, побившим цвет европейской революции». Не бывавший в Восточной Европе Маркс, конечно, не понимал, что хорватам, сербам или словакам, подвергавшимся чудовищному национальному гнету со стороны венгров, было незачем поддерживать венгерских революционеров-националистов, стремившихся к независимости от Австрии. Ведь в Австрийской империи славянам было жить легче, чем в Венгрии. Чехи в австрийской части империи, по крайней мере, имели свои школы, а словаки в Венгрии – нет.

15-16 сентября 1848 года в Вене был создан Словацкий национальный совет, членом которого стал Людовит Штур. Этот орган в качестве выразителя интересов народа под знаменем борьбы с мадьяризацией словаков призвал их к вооруженному восстанию против начавших свою революцию венгров. Восстание по принципу «разделяй и властвуй» обещал поддержать австрийский императорский двор, но обещания не сдержал. В конечном итоге венгерскую революцию подавили русские войска.

Как и Бакунин, с которым он дружил, Штур был сторонником самобытного славянского пути развития с опорой на традиционную общину. Он отвергал парламентскую демократию и выступал за воссоединение всех славян под скипетром русского самодержца. Хотя сам Штур был протестантом, но всем словакам рекомендовал переходить в православие. Именно поэтому его многие в социалистической Чехословакии считали реакционером.

Новотный придерживался традиционного взгляда на Штура – это был, дескать, прогрессивный ученый-филолог, но все-таки буржуазный националист, для которого национальные интересы были выше революционных. Понятно, что такая точка зрения в самой Словакии была непопулярна, и этим воспользовался Дубчек.

В своей речи на торжествах в Угровце лидер КПС упомянул, что родился в том же доме, что и Штур, и никогда не воспринимал «неправильные взгляды» на деятельность этого выдающегося словака. Мол, эти неправильные взгляды часто использовали «централисты» в Праге в их попытках ограничить самобытность словацкого народа^[421]. Самого Штура Дубчек также провозгласил революционером в его борьбе против венгерского национализма. При социализме, продолжал свою обреченную на популярность речь Дубчек, нет ничего плохого в том, что у народов есть своя национальная гордость, и эта гордость не имеет ничего общего с «буржуазным национализмом». Таким путем Дубчек еще раз намекнул на ошибки Новотного в деле борьбы против «словацкого буржуазного национализма» в 50-е годы.

По мнению Дубчека, Новотный не оставлял попыток сместить его с поста первого секретаря словацкой компартии. При этом, согласно воспоминаниям Дубчека, первый секретарь и президент ЧССР «сталинист» Новотный почему-то действовал окольными путями, вредя Дубчеку через своих сторонников в Президиуме ЦК КПС – Худика, Сабольчика и Цвика. Худик с 1965 года решительно выступал против федерализации Чехословакии, видя в этом угрозу распада страны. В ноябре 1965-го он публично заявил, что федерация противоречит национальным интересам не

только чехов, но и словаков.

Естественно, в Словакии эта точка зрения была не особенно популярна.

Дубчек утверждал, что за несколько недель перед съездом словацкой компартии в мае 1966 года он выяснил, что за ним следят сотрудники госбезопасности. К тому же «органы» собирали материал о деятельности Дубчека во время оккупации. Дубчек решил, что с помощью Мирослава Мамулы (заведующего отделом ЦК КПЧ по МВД и армии, так называемым 8-й отделом ЦК) Новотный собирает на него компромат, чтобы добиться смещения его на съезде с поста первого секретаря ЦК КПС.

Дубчек перешел в контрнаступление и спросил на заседании Президиума ЦК КПЧ, кто посмел установить слежку за членом де-факто высшего партийного органа без санкции самого президиума. Он потребовал, чтобы это подозрительное дело расследовала Центральная контрольная и ревизионная комиссия партии^[422]. Конечно, Дубчек немедленно связал козни против него со сталинизмом, отметив, что такая практика (слежка и сбор компромата) означает возврат к осужденной партии политике начала 50-х годов. «Я знал, – вспоминал Дубчек, – что этот аргумент спустя столь короткое время после разоблачений комиссии Кольдера должен подействовать»^[423].

Дубчека поддержали на президиуме, и он чувствовал, что одержал победу.

Дубчек считал, что к майскому съезду словацкой компартии 1966 года будет иметь большинство сторонников в президиуме и среди секретарей ЦК КПС, хотя его бывший друг Ленарт примкнул к «фракции» Худика. Чтобы еще больше усилить свою популярность, Дубчек организовал принятие перед съездом некоторыми районными организациями компартии Словакии резолюций с требованием активного продолжения десталинизации, которую якобы тормозят в Праге. Сам он от любой критики Новотного воздерживался.

В апреле 1966 года Дубчек предложил обсудить на Президиуме ЦК КПС не только проект отчетного доклада первого секретаря ЦК съезду (что было обычным делом), но и «политическую ситуацию в Словакии в целом». Он рассудил, что в условиях «интеллектуального брожения» в Словакии Новотный не пойдет на его замену, хотя бы для того, чтобы сохранить в стране стабильность. Свой отчетный доклад Дубчек выдержал в умеренных, обтекаемых тонах, чтобы не дать повода придаться к нему формально.

Новотный поставил на Президиуме ЦК КПЧ вопрос о замене Дубчека, но не собрал большинства голосов. Полностью Дубчека поддержал лишь Ленарт. За Новотного были и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ (они участвовали в заседаниях, но не имели права голосовать) – Мартин Вацулик Сабольчик и Антонин Капек^[424]. Вацулик возглавлял пражскую организацию КПЧ и считался наиболее вероятным преемником Новотного^[425]. Это, видимо, настораживало формально второго человека в президиуме – Йиржи Гендриха. Дубчек взял это на заметку и решил при случае доверительно переговорить с Гендрихом о возможном альянсе против Новотного. Дубчек считал Вацулика опасным противником, так как тот был даже моложе его самого, и ему нельзя было приписать участие в политических репрессиях. К тому же Вацулик, как и Дубчек, учился в Москве.

Новотному не нравилось в Дубчеке то, что он выпустил из-под контроля СМИ и творческие союзы Словакии, которые уже фактически открыто критиковали политику КПЧ. Но президент, вероятно, не хотел верить, что все это организовано самим же Дубчеком.

Перед съездом КПС Дубчек с друзьями в апреле 1966 года поехал отдохнуть в Татры на польскую границу. В это время там появился дикий медведь, который нападал на стада овец. Было дано разрешение на его отстрел, но хитрый зверь несколько месяцев водил охотников за нос. Он то переходил в Польшу, то возвращался обратно, когда его уже никто не ждал.

Дубчек решил принять участие в охоте на зверя и дал себе, вроде бы, в шутку странный зарок – если он завалит медведя, то Новотному не удастся сместить его с должности первого секретаря ЦК КПС. Дубчек сказал своему другу Барбиреку: «Знаешь что, если я достану того медведя, это значит, что Новотный меня на этом съезде не достанет!»^[426].

Охотники сидели в засаде два дня, но тщетно. На третий друзья Дубчека уже стали возвращаться в Братиславу, но первый секретарь решил дать себе последний шанс. В пасхальную ночь он действительно смертельно ранил медведя, чья шкура потом украсила дом будущего отца «пражской весны».

Новотный велел узнать, не нарушил ли Дубчек закона, убив медведя (вообще охота на бурых медведей в Татрах была запрещена, но для этого конкретного хищника сделали исключение). В отличие от Брежнева и того же Дубчека, Новотный не любил охоту, считая ее барским занятием, не подходящим для настоящего коммуниста. Дубчек же воспринял «медвежье расследование» Новотного как акт отчаяния со стороны первого секретаря,

и это его сильно развеселило.

На съезде словацкой компартии в 1966 году Дубчек фактически взял под защиту спровоцированный им же самим подъем словацкого национализма, отметив, что считает национальное «брожение» в Словакии «здоровым» и полезным. Съезд вновь утвердил Дубчека в его должности, хотя в Президиуме ЦК КПС остались и сторонники Новотного, прежде всего Худик.

Через месяц Дубчек произнес «умеренно-либеральную» речь и на XIII съезде КПЧ, проходившем с 31 мая по 4 июня 1966 года.

На первом заседании избранного съездом Центрального комитета компартии 4 июня 1966 года был избран Президиум ЦК из 10 членов: Антонин Новотный, Яромир Доланский, Йиржи Гендрих, Драгомир Кольдер, Михал Худик, Александр Дубчек, Йозеф Ленарт, Богуслав Лаштовичка, Олдржих Черник, Отакар Шимунок^[427]. Кандидатами в члены президиума остались Ленарт, Вацулик и Капек. К старому поколению еще довоенных коммунистов помимо Новотного принадлежали Лаштовичка, Доланский, Гендрих и Шимунок. Наполовину же Президиум ЦК состоял из совсем молодых партийцев, и это была сознательная политика Новотного.

В 1967 году, как уже упоминалось, на полную мощь был запущен новый экономический механизм, но многие отчетливо понимали, что он может привести к проблемам в экономике. Дубчек в своих мемуарах сформулировал это следующим образом: «Новый экономический механизм стал осуществляться в январе (1967 года), но скоро стало ясно, что в таком усеченном виде он ни к чему не приведет. Более того, его более широкое применение грозило... негативными последствиями для Словакии ввиду сохранявшегося неравенства в экономическом развитии. Производительность труда в словацкой промышленности была все еще ниже, чем в Чехии, и даже некоторые мои союзники (Барбирек; курировал именно словацкую промышленность – *Прим. автора.*) думали, что прошлая система предоставляла словацкой экономике лучшую защиту»^[428].

В аналитическом докладе КГБ СССР в ЦК КПСС от 5 мая 1967 года сообщалось «об отрицательных проявлениях среди населения ЧССР, вызванных экономическими затруднениями»^[429]. На основе сводок МВД ЧССР в этом документе были описаны случаи недовольства «новой экономической системой», причем особенно среди рабочих и работников сельхозкооперативов. Одной из причин недовольства были задержки с выплатой зарплаты, вызванные перестройкой всего финансового механизма

работы отдельных предприятий.

Действительно, столь активно пропагандировавшаяся «либералами» и самим Дубчеком экономическая реформа привела, как уже упоминалось выше, к резкому падению государственных централизованных капиталовложений. А именно они и шли при Новотном для ускоренного развития Словакии. Дубчек, на словах так рьяно радевший за словацкие национальные интересы, по сути, поддержал реформу, которая нанесла сильный удар по уровню жизни именно в Словакии.

Но если дела у «либералов» не клеились в экономике, то надо было переходить в наступление в политической сфере. И здесь на сцену опять выступили творческие союзы. Именно интеллектуалы должны были свалить Новотного и заодно приписать ему все неудачи экономической реформы.

Выше мы уже приводили высказывание Млынаржа о Новотном: тот был не шибко образованным человеком, но очень ценил образованных людей. Конечно, Новотный хотел, чтобы деятели науки и искусства проводили политику партии, и сердился, если они «ерепенились». Однако Млынарж подчеркивал, что Новотный стремился не подавлять несогласных среди интеллигенции, а переубеждать их. «Он уважал образование и был убежден, что образование и наука необходимы для коммунизма. Он мог быть грубым с интеллигентами и пользоваться своей должностью, но в целом он относился к ней (интеллигенции) с уважением. Ему льстило поддерживать контакт с ведущими представителями интеллигенции, он устраивал встречи с писателями и деятелями искусств – и, видимо, не случайно, что эти встречи проходили в замке Ланы, где до войны Масарик беседовал с интеллектуалами»^[430].

При Новотном, как уже отмечалось, стали издавать много западных книг, закупать западные кинофильмы, провели первый легальный фестиваль джаза. Чехословацкие ученые и деятели искусства относительно свободно ездили за границу.

На весь мир прогремела «новая волна» чехословацкого кино первой половины и середины 60-х годов. Для творчества режиссеров «новой волны» характерно разнообразие жанров: лирика, комедия, трагикомедия, гротеск, историческое и военное кино. Часто встречались экспрессионистские и сюрреалистические мотивы кафкианского типа, черный юмор, импровизация и тщательно прописанные диалоги главных героев. Одной из первых лент чехословацкой новой волны, замеченной критиками, стала работа словацкого режиссера Штефана Угера «Солнце в сети» (Slnko v sieti, 1962).

Представителями течения были молодые режиссеры, многие из которых окончили факультет кино (FAMU) Пражской академии музыкального искусства. Наиболее влиятельными мастерами нового направления стали Милош Форман, Вера Хитилова, Иван Пассер, Ярослав Папоушек, Антонин Маша, Павел Юрачек, Иржи Менцель, Ян Немец, Яромир Йиреш, Эвальд Шорм, Войтех Ясны, Ян Шмидт, Юрай Герц, Юрай Якубиско, Ян Кадар, Эло Гаветта.

Именно при Новотном Милош Форман снял свой первый фильм «Черный Петр» (1963 год), где затрагивалась тема отчуждения молодежи от тихого «застойного» социалистического общества. По-швейковски, со смесью юмора и грусти взглянули на сакральную прежде тему Сопротивления нацистам авторы блестящего фильма «Поезда под пристальным наблюдением» (*Ostře sledované vlaky*, режиссер Иржи Менцель, 1966).

Новотному большинство фильмов «новой волны» не нравилось по той же причине, по которой Хрущеву не понравилась схожая по стилю картина Марлена Хуциева «Мне 20 лет» («Застава Ильича»), где тоже поднималась тема конфликта поколений. И Хрущев, и Новотный считали крайне опасным отрывать молодежь от поколения тех, кто сделал революцию и выиграл войну. Они понимали, что не зря именно к такому отрыву и стремились американцы.

Но Новотный все новаторские фильмы терпел и никого не наказывал. Все кинокартины «новой волны» свободно выходили в прокат. КПЧ лишь критиковала на партсобраниях идеологически не выдержанные фильмы типа «Поездов под пристальным наблюдением», «Маргариток» или «Повозки в Вену». Однако такая критика зачастую лишь добавляла этим картинам популярности. А в сам процесс создания фильмов партия в 60-е годы не вмешивалась.

В 1965 году был создан Союз работников кино и телевидения, который сразу занял столь же «либеральные» позиции, как и союзы писателей и журналистов^[431]. Тех, кому не нравились новые веяния, травили как «сталинистов», «догматиков» или «консерваторов».

Зато новые чехословацкие фильмы всячески привечали на Западе. Ведь они были свободны от любой коммунистической идеологии и затрагивали «общечеловеческие» ценности. Особенно нравилось на Западе то, что в большинстве фильмов «новой волны» присутствовала тема отчуждения человека от общества. Это укладывалось в основную мысль, которую американцы в то время пытались распространить в ЧССР: общество вечно несправедливо, и нет разницы между капитализмом и

социализмом. Человек всегда чувствует себя в таком обществе отчужденным и брошенным властями предрешающими на произвол судьбы.

Но если в 60-е годы молодежь на Западе бунтовала против конкретных проблем, прежде всего безработицы и войны во Вьетнаме (а в ФРГ еще и против ползучей реабилитации бывших нацистов), то требовалось перенести бунтарские настроения и по ту сторону «железного занавеса». Там бунтовать следовало, естественно, против «сталинизма» и за «либерализацию». Ведь «бунтовать» было модно, и эту моду надо было через кино, музыку и стиль одежды (сравните хиппи на Западе) привить и в Чехословакии.

Поэтому не случайно, что фильмы чехословацкой «новой волны» (такие, например, как «Алмазы ночи», «Черный Петр», «Капризное лето») получали многочисленные премии на западных кинофестивалях. А фильмы «Поезда под пристальным наблюдением» и «Магазин на площади»^[432] были даже удостоены «Оскара». На Западе прекрасно сознавали, что отмеченные престижными международными наградами фильмы запретить или ограничить в прокате почти невозможно.

При этом в массовый прокат на Западе чехословацкие фильмы не выходили – ведь в стране «сталиниста» Новотного хороших фильмов не должно было быть просто по определению, и массовый западный зритель о них мало что знал.

С середины 60-х годов чехословацкие кинематографисты стали сокращать сотрудничество с советскими коллегами. Это была не политика КПЧ, а скорее проявление отсутствия этой политики и ослабления контроля партии над творческими союзами. СССР уже был «не моден», и чехословацкие режиссеры охотились, прежде всего, именно за западными премиями и наградами, которыми их охотно наделяли. Советских фильмов в ЧССР, напротив, закупали все меньше и меньше.

При этом в Москве и не собирались сильно критиковать «новую волну» в ЧССР – в то время советские фильмы были ничуть не менее авангардистскими, «общечеловеческими» и популярными в мире, чем чехословацкие. В СССР искренне пытались возобновить заглохшее советско-чехословацкое сотрудничество в области кино.

Еще в 1959 году на экраны вышел блестящий лиричный советско-чехословацкий фильм об освобождении Чехословакии Красной армией в 1945 году «Майские звезды» режиссера-фронтовика Станислава Ростоцкого, с Вячеславом Тихоновым, Леонидом Быковым и другими выдающимися советскими актерами в ролях. Фильм был очень тепло принят зрителями, но с тех пор совместных работ не было, так как

чехословацкие режиссеры не проявляли к этому большого интереса. Бесплодные переговоры о съемках совместных картин шли целые годы. Зато на чехословацкой киностудии «Баррандов» стали активно снимать фильмы западные режиссеры – это было для них гораздо дешевле.

В СССР прекрасно понимали всю опасность засилья западного кино в чехословацких кинотеатрах. В Чехословакии почему-то закупали откровенно слабые советские картины, и у многих зрителей ЧССР сформировалось в лучшем случае пренебрежительное отношение к киноискусству главного официального союзника страны. В 1967 году Москва предприняла на этом фронте мощное и удачное контрнаступление – в чехословацком прокате появились замечательные советские фильмы «Война и мир», «Кавказская пленница», «Берегись автомобиля». Интересно, что чехословацкие зрители высоко оценили и повторный прокат уже известных им киношедевров 30-40-х годов – «Александр Невский», «Чапаев» и «Иван Грозный».

Но если зрители в ЧССР высоко оценивали новые советские фильмы, то этого нельзя было сказать о чехословацкой творческой интеллигенции и части государственных работников в сфере культуры. На кинофестивале в Карловых Варах советский кинематограф игнорировался. Особое возмущение в Москве (причем не только среди чиновников, но и среди кинематографистов) вызвали итоги фестиваля в Карловых Варах 1966 года. Первую премию там получил чехословацкий фильм «Повозка в Вену», где с симпатией описывались приключения фашистского солдата, а преследовавшие его чехословацкие партизаны выставлялись чуть ли не шайкой бандитов. При этом на другой военный фильм – «Никто не хотел умирать» (с Банионисом, Адомайтисом и Будрайтисом) талантливого литовского режиссера Жалакявичюса – внимания не обратили вовсе. Несмотря на то, что этот правдивый и свободный от идеологии фильм на острую тему (борьба сторонников и противников советской власти в Литве после войны) тепло встретили чехословацкие зрители, он остался в Карловых Варах вообще без всякой премии^[433].

Советские представители на фестивале отмечали в своих отчетах, что везде чувствовалась практически открытая недоброжелательность по отношению к советскому кино.

Таким образом, КПЧ практически проиграла идеологическую борьбу в среде кинематографистов еще до «пражской весны». Но ни к каким запретам «сталинист» Новотный так и не прибегнул.

С начала 60-х годов в Чехословакии мощно развернулась и вторая после середины 50-х годов волна наступления на марксизм на философском

фронте. Развивались и популяризировались модные западные философские теории (особенно экзистенциализм Сартра). Среди «левых» западных философов в ЧССР была популярна франкфуртская школа (Маркузе, Фромм).

Полностью отрицался исторический материализм как метод познания общества. Утверждалось, что исторический материализм – это субъективная политическая теория, а объяснить общество по-настоящему может только входившая тогда в моду на Западе социология. При этом и здесь «либералы» говорили об обществе или человеке вообще. Предполагалось, что человек всегда несчастен и находится в конфликте с обществом, будь это общество социалистическим или капиталистическим. И опять на передний план выставлялась тема вечного отчуждения человека от общества, диаметральной противоположности интересов личности и государства. Строительство социализма – лишь напрасные тупиковые попытки преодолеть вечное отчуждение человека от общества. Главный постулат Маркса – бытие определяет сознание – отвергался, так как сознание человека всегда неизменно и задано природой (или Богом).

«Философию человека» в ЧССР пропагандировали Свитак (его очень ценили на Западе), Косик, Пруха и другие. Иван Свитак (сотрудник Института философии Академии наук ЧССР) в 1964 году издал работу под характерным названием «Ненаучная антропология». Интересно, что как только Свитака уволили за эту работу из Института философии, он стал сотрудником Института кинематографии.

Карел Косик (родился в 1926 году, в годы войны участвовал в Сопротивлении, был арестован гестапо) считал себя сторонником «гуманистического марксизма» и пропагандировал югославскую модель социализма. В своей известной философской работе «Диалектика конкретной тотальности» (*Dialektika konkrétniho*), написанной в 1963 году, Косик предложил оригинальный синтез хайдеггеровской феноменологии и идей раннего Маркса.

Именно представители «философии человека» и запустили позднее в оборот фирменный слоган «пражской весны» – «социализм с человеческим лицом».

Наибольшее влияние на «философию человека» в ЧССР оказал немецкий философ Мартин Хайдеггер. Хайдеггер считал, что вопрос о бытии, который, по его утверждению, является основным философским вопросом, оказался забыт во всей истории западной философии, начиная еще с Платона. Бытие, по мнению Хайдеггера, всегда трактовалось неправильно, так как не имело чисто «человеческого» измерения. Уже у

Платона мир идей в своей объективности безразличен к человеку. Свой главный труд «Бытие и время» Хайдеггер написал в 1927 году. Исследование бытия велось Хайдеггером через интерпретацию особого вида бытия, человеческого бытия (Dasein). В книге исследование велось через освещение таких тем, как смертность, тревога (не в обычном, а в экзистенциальном смысле), временность и историчность. Хайдеггер критиковал и Маркса за то, что тот тоже рассматривал бытие «метафизично», без всякой привязки к конкретному человеку. Материализм Маркса поэтому и не объясняет человеческую природу и тем самым способствует все тому же отчуждению человека от общества.

Но в чем-то марксизм был не менее «человекоцентричен», чем «философия человека». Ведь если Маркс считал, что благоприятная среда способна развить способности человека почти до бесконечности (ибо где границы человеческого познания?), то представители «философии человека», напротив, полагали, что человеческая природа, по сути, неизменна. Но если это так, то в обществе не может быть никакого прогресса, а значит, и борьба за этот прогресс бессмысленна.

Отчуждение как таковое вообще было хитом чехословацкой «либеральной» философии 60-х годов.

Маркс тоже признавал категорию отчуждения человека от общества, но только как конкретно-историческую, а не раз и навсегда кем-то заданную. По Марксу, человек чувствует себя в обществе чужим, если воспринимает это общество как несправедливое. Отсюда следовал вполне логический вывод всей теории Маркса: если общество несправедливо, его надо менять, и сделать это может только сам человек, который тем и преодолет свое отчуждение от окружающего его мира. Чехословацкий же философ Пруха пытался подкорректировать Маркса, считая, что «общий характер философской теории Маркса свидетельствует в пользу интерпретации отчуждения как философского понятия в собственном смысле слова, необходимого для диалектико-материалистического понимания мира и положения человека в нем»^[434]. В 1966 году Милан Пруха (сотрудник Академии наук с 1958 года) издал труд под характерным названием «Культ человека» (намек на противопоставление «культу личности»).

В Словакии в 1967 году был выпущен сборник трудов югославских философов «Человек и отчуждение». В нем проводилась мысль, что отчуждение человека от общества характерно не только для капитализма (как считал Маркс), но и для социализма. Оспаривались утверждения Энгельса, который писал, что социалистическая революция, которая

ликвидирует эксплуатацию человека человеком (главную причину отчуждения), будет началом конца отчуждения человека от общества: «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю. Только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»^[435].

Но в 60-е годы Маркс и Энгельс в ЧССР (в отличие от того же Запада) были не модны, а Сартр и Хайдеггер – как раз наоборот. Ведь Сартр был из Франции, а Маркс в то время ассоциировался с СССР. Быть экзистенциалистом в Чехословакии было престижно, а быть марксистом – уже почти опасно: сразу маячил на горизонте уже знакомый ярлык «догматика».

Все описанные выше философские споры были для ЧССР отнюдь не только занятием узкой группы интеллектуалов. В Чехословакии всегда был традиционно высок интерес к философии, и труды многих философов становились в обществе бестселлерами.

В вузах ЧССР для борьбы против марксизма «либералы» в 60-е годы использовали увлечение многих интеллектуалов входившей в моду социологией. Кафедры марксизма-ленинизма заменялись кафедрами социологии, которая, как считалось, в отличие от марксизма, беспристрастно и сугубо «научно» изучает процессы в обществе. Хотя кроме методики социологических опросов новая наука тогда могла предложить очень немного. В отличие от марксизма, она и не стремилась понять процессы, которые управляют движением общества и распознать законы этого движения. В Чехословакии 60-х годов мало кто глубоко разбирался в новомодной социологии – главное состояло в том, что она считалась антиподом марксизма. Этого для «либералов» было вполне достаточно.

Либералы в ЧССР чувствовали себя такими же трибунами критической мысли, как и их идейные соратники на Западе, хотя те (тот же Сартр) как раз протестовали против того, чего в Чехословакии не было (безработица, бедность, война во Вьетнаме, засилье в обществе финансового капитала, бездуховность СМИ). Свитаки писал: «Настоящий интеллектуал твердо придерживается своей критической, протестующей функции. Он заключает сепаратный мир с интеллектуалом противоположной стороны, если речь идет о международном единстве культуры и свободы мысли, и делает это, несмотря на преследования,

которым он подвергается».

При этом на Западе идеи того же Сартра знали в массах гораздо меньше, чем в ЧССР. В США об этом человеке вообще мало кто слышал. В той же Америке не было Академии наук и гарантированных зарплат интеллигентам, поэтому их заботили больше прагматические и прикладные темы исследований, а не духовные искания.

Среди чехословацких (особенно чешских) писателей проблема отчуждения нашла выражение в «реабилитации» Франца Кафки на конференции чехословацких писателей в Либлице в мае 1963 года. Кафка действительно описывал весь абсурд и ужас окружавшего его общества, доходя в этом до признания абсурда существования.

На крайне пессимистическое мировоззрение писателя (Кафка родился в Праге в еврейской семье в 1883 году, но писал по-немецки) наложила отпечаток его непростая семейная ситуация. Из-за раннего разрыва с родителями Кафка был вынужден вести скромный образ жизни и часто менять жилье, что наложило отпечаток и на его отношение к самой Праге и ее жителям. Хронические болезни (психосоматической ли природы – это вопрос спорный) донимали его. Помимо туберкулеза он страдал от мигреней, бессонницы, запоров, импотенции, нарывов и других заболеваний. Он пытался противодействовать всему этому «народными» и гомеопатическими способами, например вегетарианской диетой, регулярной гимнастикой и употреблением в большом количестве непастеризованного коровьего молока. Большинство работ Кафки было опубликовано посмертно.

В КПЧ к Кафке относились в общем равнодушно, не считая его, в отличие от Чапека или Гашека, видным чешским писателем. Коммунистов в Кафке не устраивал безысходный пессимизм и неверие в какое-либо светлое будущее для человека.

Но в 60-е годы «либералы» вознесли Кафку на пьедестал «передового мыслителя», остро поставившего проблему отчуждения. 27-28 мая 1963 года чехословацкие писатели и философы (в частности Свитак) устроили международную конференцию памяти Кафки. На ней Свитак говорил, что Кафка «выражает антропологические основы человеческого существования», что его творчество пронизано «криком человека о человеке»^[436]. Если коммунисты считали Кафку вполне адекватным выразителем безысходности «маленького человека» в капиталистическом обществе, то Свитак видел в нем писателя для всех времен и народов: «Кафка не является документом прошлого; это трагический документ положения человека нашего времени и в своих самых глубоких слоях

является философско-литературным отражением положения человека вообще, антропологических законов существования»^[437].

Либералы на конференции потребовали «вернуть Кафку из ссылки» и «дать ему постоянную визу» в Чехословакию.

Таким образом, к концу 1967 года «сталинист» Новотный и руководство КПЧ, благодаря как раз своей мягкости и предупредительному отношению к интеллигенции, полностью утратили лидерство в общественном мнении страны. Тон стали задавать «либералы» из творческих союзов, хвалившие все западное и ругавшие (пока еще завуалированно) все советское. Причем еще до «пражской весны» всем интеллектуалам, не согласным с «либералами», приходилось очень непросто. Как уже упоминалось выше, их «либералы» активно травили, навешивая оскорбительные ярлыки, типичными из которых были «догматик», «консерватор» и «сталинист». То есть в общении со своими оппонентами в научной и творческой среде «либералы» никакого либерализма отнюдь не проявляли.

В 1974 году «Руде Право» справедливо писала: «Эти группы безжалостно терроризировали каждого, кто не разделял их взглядов. Их влияние не ограничивалось только рамками непосредственно кризисного периода (января – августа 1968 года – *Прим. автора.*). Они возникали постепенно задолго до 1968 года при полном попустительстве ответственных работников. Поэтому их влияние было широким и привело к возникновению представления о том, будто предала (идеалы социализма – *Прим. автора.*) интеллигенция в целом»^[438].

Например, «либералы» (как и эмигранты группы Тигрида) стали шельмовать убитого нацистами Юлиуса Фучика и даже отвергать сам факт наличия «Репортажа с петлей на шее» (сравните с таким же шельмованием нобелевского лауреата Михаила Шолохова советской либеральной интеллигенцией).

Густав Гусак (который, в отличие от многих «либералов», был реальной жертвой сталинизма) говорил позднее: «...в период, когда Чехословакия стала объектом сосредоточенного нажима политических и идеологических диверсий антикоммунистических центров на Западе, направлявших свою деятельность на дискредитацию социалистических принципов и ценностей и разжигавших националистические и антисоветские настроения и мелкобуржуазные предрассудки, руководство партии своей беспринципной политикой способствовало тому, что ключевые позиции в культуре, в общественных науках, средствах массовой

информации, а также в общественных организациях, государственных и партийных органах заняли люди нестойкие и даже такие, которые не стояли на позициях социализма. При этом руководство партии своими неправильными методами отталкивало многих стойких и честных коммунистов от активной борьбы на этом участке»^[439].

Стоит отметить, что благодаря бесплатному образованию и поощрению науки и культуры со стороны КПЧ чехословацкая интеллигенция к концу 60-х годов превратилась в численно большую прослойку общества – более миллиона человек (из 15 миллионов человек населения). Именно благодаря усилиям компартии у чехословацких писателей создалась репутация «совести нации», с которых следовало брать пример.

На Западе такой прослойки «независимых интеллектуалов», получающих государственную зарплату, в обществе не было, и сильного влияния на принятие политических решений интеллигенты, например, в США не оказывали. Они могли сделать это, только поступив на государственную службу (см. пример Киссинджера). В Западной Европе существовали скорее «левые интеллектуалы», и они оказывали некоторое влияние на умы студенческой молодежи (последствия такого влияния – молодежные бунты 60-х), но этим «властителям дум» государство не предоставляло таких привилегий по сравнению с другими слоями населения, какое отмечалось в ЧССР.

Надо сказать, что чехословацкие интеллигенты в 60-е годы сами уверовали в свою избранность и назначили себя прогрессивным авангардом всего общества. Например, уже упоминавшийся выше Эвжен Лебл (жертва политических репрессий начала 50-х годов)^[440] писал в 1969 году, что рабочий класс уже не способен вести за собой все общество: «Эту функцию выполняет сегодня интеллигенция, тот общественный слой, продуктом которого является цивилизация и культура нашего столетия... Тем самым интеллигенция представляет не только собственные сословные интересы, но и интересы всего народа»^[441].

Такое самозванное мессианство интеллигенции критиковал еще Маркс – сам, бесспорно, человек не низкого интеллекта: «...немногие избранные индивидуумы в качестве активного духа противостоят остальному человечеству как неодухотворенной массе, как материи... На одной стороне стоит масса как пассивный, неодухотворенный, неисторический, материальный элемент истории; на другой стороне – дух, критика... как элемент активный, от которого исходит всякое историческое

действие. Дело преобразования общества сводится к мозговой деятельности критической критики»^[442].

Действительно, пока «бездушная масса» рабочих, крестьян и инженеров Чехословакии каждый день снабжала творческую интеллигенцию всеми материальными благами, та – тоже каждый день – критиковала своих кормильцев за пассивность, отсталость и бездуховность.

В ноябре – декабре 1967 года КГБ в своих оценках ситуации в Чехословакии констатировал, что там царит фактическая свобода слова, которая создает предпосылки для распространения «буржуазной идеологии, враждебной социализму пропаганды». В газетах создана атмосфера «гонения честных коммунистов», происходит «подрыв руководящей роли КПЧ в обществе». Причем отмечался и всплеск антисоветской пропаганды: как отмечал КГБ, советские люди в СМИ изображались «отсталыми и забытыми»^[443]. Виновным в раздувании националистической и антисоветской пропаганды в КГБ считали директора государственного телевидения Иржи Пеликана^[444].

Нельзя сказать, что КПЧ вообще не предпринимала никаких усилий, чтобы противодействовать росту влияния антисоциалистических по своей сути сил среди творческой интеллигенции. Помимо уговоров Новотный после 1964 года пытался селективно и очень осторожно применять и административные меры^[445]. В 1964-м была введена формальная цензура в СМИ. В 1965 и 1967 годах ЦК КПЧ принимал специальные решения о неблагоприятном положении в философии. И при этом критикуемые КПЧ книги философов-либералов продолжали издаваться многочисленными тиражами, а Институт философии Академии наук открыто критиковал постановления ЦК.

В 1967 году Дубчек и его друзья хотели использовать интеллигенцию как таран против Новотного с тем, чтобы самим прийти к власти. В то же время интеллигенция хотела использовать самого Дубчека, чтобы его руками убрать Новотного, а потом отстранить от власти и самого Дубчека, и компартию в целом. Пока (на конец 1967 года) интересы этих двух групп совпадали – надо было устранить Новотного и его соратников из высшего руководства партии. Но друг для друга эти группы «реформаторов» (либералы в партии и среди интеллигенции) представляли именно то, о чем писал Маркс, – материю, материал для удовлетворения собственных политических амбиций.

Один из «интеллектуалов-либералов» 60-х годов Зденек Гейзлар^[446] так писал уже в эмиграции в ФРГ о союзе между «реформаторами-

коммунистами» и творческой интеллигенцией: «Представители этого направления (оппозиционно настроенные интеллигенты – *Прим. автора.*) пользовались большими возможностями действия, так как заняты были в трудно контролируемых сферах и имели большое влияние на общественное мнение. Барьер между коммунистическими и некоммунистическими интеллектуалами вскоре был уничтожен, и общая платформа была выработана в научных институтах, редакциях и учебных заведениях. Важные центры этих сил возникли уже в первой половине 60-х годов в Социалистической академии и во влиятельных культурно-политических еженедельниках Союза писателей – „Литерарни новины“ и „Культурны живот“ в Словакии. Во второй половине 60-х годов такие центры образовались в организациях Союза писателей и в других союзах, в Чехословацкой и Словацкой академиях наук, в вузах, а с 1968 года – в редакциях газет и журналов, а также на радио и телевидении»^[447].

Дубчек писал в своих мемуарах, что «в 1967 году столкновение между сторонниками и противниками реформы (какой конкретно? – *Прим. автора.*) стало неизбежным»^[448], хотя и не объяснял, в чем, собственно, эта неизбежность заключалась. Новотный безуспешно пытался, по словам Дубчека, заставить замолчать оппозицию в словацкой компартии, хотя в чем конкретно эти попытки заключались, Дубчек тоже предпочел умолчать.

На самом деле «либералы» и «реформаторы» чувствовали, что почва уже уходит у них из-под ног, так как именно в 1967 году стали проявляться негативные моменты столь широкообъявленной экономической реформы. На заседаниях ЦК КПЧ в мае 1967 года многие партийные работники с мест подвергли реформу острой критике. В этих условиях Дубчек опасался, что Новотный консолидирует свои позиции в партии и стране, и убрать его станет очень трудно.

Поэтому противостояние против «сталинистов» и «догматиков» следовало перенести в политическую сферу. Группа Дубчека выпустила на сцену уже изрядно осмелевших при «сталинисте» Новотном «интеллектуалов». До этого Новотный, по мнению Дубчека, изрядно подпортил свои связи с интеллектуалами, когда на пленуме ЦК КПЧ в октябре 1966 года раскритиковал, например кинематографистов за пессимизм и увлечение формой в ущерб содержанию. Новотный ставил в пример деятелям искусства техническую интеллигенцию, которая не на словах, а на деле пытается сделать жизнь людей в стране лучше.

К тому же Новотный и его окружение проявляли все меньше и меньше желания просто взирать на ширящуюся среди интеллигентов и подчас

безосновательную критику всех сторон социалистического общества. На февральском пленуме ЦК КПЧ 1967 года член президиума и главный идеолог КПЧ Гендрих прямо сказал, что «бунт» творческой интеллигенции и противоречия между чехами и словаками являются главными и опасными проблемами для всего государства. Особое внимание Гендрих обратил на попытки «либералов» поссорить молодежь со старшим поколением. Многие чехословацкие фильмы, по мнению Гендриха, уже открыто проповедовали антисоциалистическую идеологию.

Писатели и интеллигенция ЧССР (среди которых было довольно много лиц еврейской национальности) были очень недовольны тем, что ЧССР, как и Советский Союз, встала на сторону арабских стран во время агрессии против них Израиля в июне 1967 года («шестидневная война»). Хотя Израиль был в то время осужден почти всеми государствами ООН и этой организацией в целом, Новотного и всю КПЧ обвиняли в антисемитизме, проводя параллели с «делом Сланского».

Ответный удар «интеллектуалов» был нанесен летом 1967 года и фактически стал началом «пражской весны». 27-29 июня 1967 года в самом большом зале Праги «Люцерна» проходил съезд Союза чехословацких писателей (в союзе состоял 631 человек, три четверти писателей были членами компартии). Обстановка на съезде к моменту его открытия складывалась в пользу либералов. Многие чехословацкие писатели в 1966 году активно выступали против процесса в СССР над Синявским и Даниэлем, а также против «зажима» Солженицына. «Героем дня» был Милан Кундера (родился в 1929 году в семье пианиста, музыковеда и впоследствии ректора университета Брно; в 1948 году вступил в КПЧ, но через два года исключен из партии, куда его снова приняли в 1956-м; с 1964 года был доцентом в Институте кинематографии) с его вышедшим только что романом «Шутка», где критически описывалось положение интеллигентов при социализме^[449].

Новотный отдал указание запретить прошедший цензуру роман словацкого писателя Ладислава Мнячко «Вкус власти», тем более что Мнячко в знак протеста против осуждения ЧССР израильской агрессии июня 1967 года решил эмигрировать в Израиль. После этого его исключили из партии и лишили гражданства. МВД пыталось найти сведения, изобличавшие Мнячко как агента гестапо в годы войны.

Главным пунктом преткновения накануне съезда стала именно критика писателями внешней политики ЧССР в связи с Израилем. Новотного и Гендриха обвиняли в антисемитизме. Тот факт, что Чехословакия при коммунистах как никто другой помогла Израилю в первый год его

существования, когда эта страна сама была жертвой нападения арабов, не упоминался. Но в 1956 и 1967 годах, по мнению коммунистов, Израиль совершил акт неспровоцированной агрессии против своих арабских соседей, поэтому Прага не могла это поддерживать. Писатели ругали Новотного за «рабское» следование советской внешнеполитической линии, заявляя, что это Москва заставила ЧССР осудить Израиль.

Гендрих и Новотный считали, что не дело писателей заниматься внешней политикой, – на это есть предусмотренные законом государственные органы.

На съезде писателей Новотного и все партийное руководство подвергли поименной и очень острой критике. Кундера назвал официальную политику КПЧ в области культуры «варварством». По его мнению, компартия свела всю литературу к пропаганде и задушила свободную чешскую и словацкую культуру. Гендрих ответил ему критикой США, Израиля и других западных стран, которые хотят идеологически подорвать позиции социализма в Чехословакии. Все это было непопулярно среди интеллигенции, но Гендрих, в отличие от Дубчека, за популярность не гнался.

Писатель Павел Когоут ответил Гендриху тем, что зачитал памфлет Солженицына против советской цензуры. Гендрих в гневе покинул зал. Его коллега Иван Клима заявил, что положение чешских писателей при Австро-Венгрии было более благоприятным^[450].

С наиболее радикальной речью выступил писатель Людвик Вацулик^[451] (сапожник по профессии, член компартии). Он сказал, что все культурные успехи в ЧССР были достигнуты вопреки коммунистам и что нынешнее руководство страны является «неосталинистским». В стране, по мнению Вацулика, уже нет граждан. Вацулик потребовал от Академии наук дать экспертное заключение по конституции ЧССР 1960 года на предмет ее соответствия основным правам человека.

Особенно обидело Новотного утверждение Вацулика, коммуниста с 1945 года, что за 20 лет в Чехословакии не смогли решить ни один вопрос, волновавший людей. Хотя сам Вацулик в довоенной Чехословакии вряд ли смог бы получить высшее образование, тем более бесплатно.

Гавел вспоминал, что зажигательная речь Вацулика была встречена писателями со смешанными чувствами. Многие считали, что прямая конфронтация с властью не продвинет страну дальше по пути реформ.

Гендрих обвинил Вацулика в «снобизме» по отношению к населению страны и в том, что он, член партии, стал открытым и примитивным

антикоммунистом. Вацулик, говорил Гендрих, путает свободу и анархию.

Кундера, Когоут и Вацулик требовали демократизации всей политической системы страны и отказа КПЧ от ее руководящей роли в обществе. Того же добивался и драматург Вацлав Гавел^[452], пьесы которого высоко ценил, например секретарь ЦКУ КПЧ Коуцкий. Гавел редактировал журнал молодых писателей «Тварж» («Лицо»), который в ЦК КПЧ считали необходимым запретить из-за его откровенно антиправительственной линии.

Помимо Новотного на съезде писателей особенно досталось Гендриху, отвечавшему в ЦК КПЧ за культуру и идеологию. Гендрих был человеком как раз реформаторски настроенным, но считал, что многие деятели искусств под маской демократизации покушаются на власть компартии. Поэтому именно через Гендриха писатели и художники узнавали критические мнения высшего партийного руководства. Не случайно, что и Гендрих вскоре получил ярлык «догматика», что было только на руку Дубчеку. Ведь Гендрих рассматривался как вполне вероятный преемник Новотного, он был образован, умен и не замазан в политических репрессиях начала 50-х годов.

Гендрих предложил Новотному досрочно закрыть съезд писателей, но «сталинист» отказался.

Неожиданно при закрытии съезда кандидат в члены ЦК КПЧ писатель и сценарист Ян Прохазка (бывший директор госхоза, с 1958 года работавший в кинематографии; написал социальную повесть о трех поколениях паровозостроителей «Черная династия» и музыкальную комедию «Вальс для миллиона»), которого все считали «человеком Новотного», поддержал «реформаторские» настроения писателей. Писатели приободрились, поняв, что высшее руководство страны расколото.

Новотный отреагировал на брошенную ему писателями перчатку точно так, как и рассчитывал Дубчек, – а именно жестко. Причем его поддержал весь Президиум ЦК КПЧ, включая и Дубчека. Группа поддерживавших власти писателей под охраной полиции заняла редакцию органа Союза писателей «Литерарни новины». Дубчек опасался, что точно так же поступят и с органом Союза словацких писателей «Культурны живот» (и тем самым будет подорвана репутация Дубчека как «реформатора»), но, «к счастью», у Новотного на это «уже не хватило времени»^[453].

15 июля 1967 года были объявлены судебные приговоры трем

диссидентам (один из которых – Павел Тигрид – находился в эмиграции). Писателю Яну Бенешу дали пять лет, что должно было отрезвить его коллег. Тигрида осудили на 14 лет заочно. Ранее на съезде писателей Прохазка зачитал написанное Гавелом обращение с требованием освободить Бенеша. Но теперь Новотный ясно давал понять, что не намерен говорить с интеллигенцией на языке ультиматумов.

Еще 7 июля 1967 года о скандальных антиправительственных выступлениях на съезде писателей узнало американское посольство в Праге. Там с удовлетворением констатировали, что по контролю КПЧ в сфере идеологии был нанесен сильный удар^[454].

Съезд писателей поспорил Новотного с его ближайшим соратником Гендрихом. МВД нашло некие данные, согласно которым дочь Гендриха передавала сведения из ЧССР (в том числе и от Людвика Вацулика) главному редактору эмигрантского журнала «Свьедетстви» Тигриду. В МВД считали, что и выступление Вацулика на съезде писателей написал Тигрид, – самому Вацулику, по мнению сотрудников министерства, это было просто не по силам.

Через несколько дней Новотный на заседании Президиума ЦК КПЧ прилюдно набросился на Гендриха: «А я все равно убежден, что эти материалы... в „Свьедетстви“ попали от твоей дочери!»^[455]. Тем самым он оттолкнул второго человека в партии и фактически привел его в лагерь Дубчека.

Дубчек никак не критиковал «закручивание гаек» после съезда писателей. По его воспоминаниям, «несмотря на взволнованную обстановку» в стране, он решил в июле взять две недели отпуска и уехал с семьей в Татры. Отпуск был предлогом для того, чтобы не занимать в дебатах вокруг съезда писателей никакой публичной позиции.

Между тем, утихомирив, как ему казалось, писателей, Новотный решил подправить свою репутацию (а заодно и имидж центральных органов государства) в Словакии. Поводом для посещения республики стало 100-летие основания словацкого лицея в Турчанском Святом Мартине (с 1951 года город называли просто Мартин). В 1863 году в этом городе был создан центр словацкой национальной культуры – Матица словацкая. В 1868-м при Матице был создан музей, под эгидой которого была создана первая крупнейшая систематизированная коллекция памятников словацкой материальной и духовной культуры. Венгерские власти закрыли лицей и Матицу в 1875 году, а с 1930 года там находилась Словацкая национальная библиотека.

Ни Дубчек, ни руководство Словацкого национального совета Новотного на торжества в Мартин не пригласили, но это сделали сами организаторы мероприятия, причем Дубчек, руководитель Словакии, об этом заранее не знал (весьма характерно для его последующего стиля руководства). Сам он, не желая, чтобы его ассоциировали с непопулярным среди интеллигенции Новотным, решил в Мартин не ехать, тем более что его формально никто не позвал. Вместо себя Дубчек отправил в Мартин Басила Биляка, секретаря ЦК КПС, отвечавшего за культуру и идеологию. На тот момент будущий ярый противник Дубчека Биляк был его союзником в борьбе против Новотного.

Новотный в Мартине большой любви словаков не снискал. В ответ на просьбу музея Матицы о финансовой помощи он предложил, чтобы часть экспозиции передали в музеи Праги. Но особенно обидело словаков, что Новотный и его жена отказались принять предложенные им подарки – словацкую народную шубку и набор вышивок. Президент строго сказал жене: «Божка, не бери ничего!».

Новотный считал, что, принимая подарки, он обязуется сделать что-нибудь для дарителей. А это он считал почти коррупцией.

К тому же один из подарков был явно провокационным. Новотному хотели вручить копию Питтсбургской декларации 1918 года, которую будущий первый президент ЧСР Масарик подписал в Америке с лидерами словацкой эмиграции. Если сторонники Масарика считали именно эту декларацию чуть ли не актом основания Чехословакии, то коммунисты – и, в общем, справедливо – это отрицали, говоря, что судьбу страны в 1918 году решили чехи и словаки на родине, а не в США.

Так или иначе, Новотный был зол и быстро уехал. Он лишний раз убедился в том, что в Словакии широко распространен национализм. Президент прямо сказал об этом директору Матицы, который просил разрешить наладить более тесные связи со словацкой эмиграцией. Новотный обернулся к Биляку и гневно сказал ему: «Мы все это еще расследуем. Вам придется за это отвечать!». Биляк якобы ответил президенту: «Товарищ Новотный, ситуация совсем не такая, как ты себе представляешь, и ты ведешь себя неправильно!»^[456]. (В КПЧ, как и в других коммунистических и социал-демократических партиях того времени, коммунисты обращались друг к другу на «ты».)

Разгневанный Новотный пробкой вылетел из здания Матицы, где его у входа приветствовали сотни людей, ничего не подозревавших о скандале. Они радостно улыбались президенту, а тот с сумрачным лицом быстро прошел мимо, даже не помажав им рукой.

Позднее Новотный позвал Биляка и заявил, что весь этот случай он передаст на рассмотрение Президиума ЦК КПЧ, и виновным за скандал придется отвечать. Биляк тоже не скрывал своего гнева и сказал, что будет хорошо, если президиум узнает о непотребном поведении Новотного по отношению к словацкому народу. «Ты, товарищ Новотный, ведешь себя недостойно поста первого секретаря Коммунистической партии Чехословакии и президента Чехословацкой Социалистической республики».

Президент ЧССР даже подозревал, что в Словакии его хотят отравить, и просил, чтобы бутылки вина открывали при нем. Но дело было отнюдь не в ненависти Новотного к словакам – областное управление госбезопасности в Брно официально предупредило, что есть данные о подготовке покушения на президента республики в Словакии. Биляк и многие словаки на торжественный обед вообще не явились, и тостов на нем так никто и не произнес.

Вместо посещения кладбища, на котором покоились видные деятели словацкой культуры, Новотный поехал в расположенный неподалеку сельскохозяйственный кооператив.

До Матицы Новотный со своей свитой прибыл на предприятие «Тесла», где осматривал конвейеры, на которых женщины собирали телевизоры. Он засмотрелся на работу одной пожилой дамы и не заметил, как его сопровождающие прошли вперед. В это время женщина робко потянула Новотного за рукав и спросила: «Пан, а кто из них президент?». Новотный молча ушел. Этот эпизод наглядно показывает, насколько скромным был президент страны, – его даже не все знали в лицо.

Примечательно, что во время пребывания в Словакии Новотный не отказался от заранее намеченного возложения венков к памятнику советским воинам, погибшим при освобождении Словакии. Но и здесь произошел неприятный для словаков конфуз. На возложении присутствовал певческий хор местных рабочих, и одна пожилая женщина подошла к Новотному и по старинному словацкому обычаю поцеловала ему руки. Новотный был неприятно поражен – он президент-коммунист, простой рабочий. «Ну и порядки тут у вас в Словакии», – пробурчал он недовольно.

Новотный опасался и того, что его могут убить при возложении венков. Поэтому вся церемония была изменена. Если ранее предполагалось, что несколько венков будут возлагать разные делегации, то теперь все делегации с мест свели в одну, и президент шел в центре толпы примерно из сотни человек.

Визит Новотного в Мартин, закончившийся вышеупомянутым

скандалом, связанным с Биляком, еще больше снизил и так невысокую популярность президента в Словакии.

Дубчек понимал, что настало время открытого противостояния с первым секретарем. И здесь ему нужны были союзники в Президиуме ЦК КПЧ, а главное – «добро» Москвы на снятие Новотного.

На 30 октября 1967 года было намечено очередное заседание ЦК КПЧ. Как обычно, проект решения пленума подлежал предварительному обсуждению на Президиуме ЦК. Именно на этих заседаниях 19 и 24 октября 1967 года Дубчек и решил дать открытый бой Новотному.

По его собственным словам, Дубчек перешел в наступление на Новотного по трем направлениям. Во-первых, он потребовал, чтобы доклад на пленуме ЦК содержал ясную самокритику высшего партийного руководства: уже недостаточно обвинять в ошибках лишь местные и районные парторганизации. Во-вторых, Дубчек выдвинул давно вынашиваемый им лозунг о жестком разделении функций партийных и государственных органов. В-третьих, он потребовал принятия «программы действий» КПЧ, в которой содержался бы перечень конкретных мер по демократизации общества^[457].

Дубчек ссылался на сотни бесед с членами партии, которые выражали недовольство уровнем партийной работы, распространившимся в партии бюрократизмом. Перед лицом критики партии со стороны интеллигенции многие партийные организации пребывают в состоянии растерянности и пассивности. «Программа действий» вернет КПЧ лидерство в общественном мнении страны.

Но Новотный при поддержке членов президиума критику Дубчека отверг, и проект доклада на пленуме ЦК решили оставить без изменений. Идея «программы действий» тоже никому не понравилась.

Пленум ЦК, ставший для Чехословакии историческим, начал работу 30 октября 1967 года. На следующий день в Праге произошло событие, которое в свете последующей истории Чехословакии оказалось знаковым.

Уже несколько дней в пражском районе Страгов, где были студенческие общежития, по вечерам на время отключали свет. Причина была в том, что при реконструкции общежитий использовали неподходящие кабели, и они не выдерживали нагрузки в сети. 31 октября выведенные из себя студенты организовали стихийную демонстрацию под лозунгами «Мы хотим учиться! Мы хотим света!». Свет имелся в виду, конечно, не в переносном, а в прямом смысле. Примерно полторы тысячи студентов сначала хотели идти прямо на Град (резиденцию президента), но потом отправились на Малостранскую площадь, стараясь не мешать при

этом движению общественного транспорта. Заодно студенты стали протестовать и против жесткого, по их мнению, распорядка в общежитиях, который ограничивал возможности принимать гостей.

Примерно в 22 часа на Малостранской площади толпе студентов преградила путь искусственная баррикада, составленная из подъехавших машин полиции. Госбезопасность в этом районе случайно проводила тренировку по обеспечению торжеств по случаю 50-летия Октябрьской революции, которые должны были начаться в Праге как раз 31 октября. Полицейские предложили студентам составить делегацию для обсуждения их требований с соответствующими государственными органами, но толпа была не организована и делегацию из своих рядов выдвинуть не смогла. Как раз во время стихийного митинга представители студенческого комитета общежития и обсуждали с руководством общежитий Страгова отключение света и ничего о демонстрации не знали^[458].

Полицейские попытались медленно оттеснить студентов своими машинами, но толпа была плотная и не поддавалась. Наоборот, студенты стали отталкивать машины руками. Тогда полиция применила против демонстрантов слезоточивый газ и дубинки. Некоторые полицейские, нанося удары, кричали: «Вот тебе свет!». Другие выражались покрепче. Студенты в долгу не остались и тоже осыпали полицию нелестными выражениями. Кто-то иронично кричал: «Да здравствует госбезопасность!».

Через 45 минут полиции удалось оттеснить студентов обратно к общежитию. Были задержаны трое участников незаконной демонстрации, но студенты потребовали их отпустить. Двоих отпустили после переговоров с членами студенческого самоуправления, прибывшими, наконец, со своего заседания. Но тут к полиции подоспело подкрепление, которое сразу же выступило против молодежи. Одни студенты, по образцу своих западных коллег, протестовавших против войны во Вьетнаме (сюжеты об этом часто показывало чехословацкое телевидение), уселись на тротуар. Другие стали бросать в полицейских камнями, а те отвечали ударами дубинок. В 23.30 беспорядки подавили. Пять студентов были ранены. Пострадали и трое полицейских, один из которых пробыл на больничном две недели. Шестерых студентов задержали, допросили, но уже 1 ноября отпустили.

ЦК КПЧ поддержал действия полиции, но о настроениях в обществе свидетельствует тот факт, что официальный орган Союза чехословацкой молодежи газета «Млада фронта» 14 ноября 1967 года осудила как самих студентов, так и грубость полиции при разгоне не разрешенной властями

демонстрации. То же самое заявил и ректор Карлова университета Олдржих Стары. Министр образования Иржи Гаек попросил Новотного разобраться, не превысила ли полиция свои полномочия. Министр внутренних дел Кудрны, наоборот, похвалил полицию за быстрое подавление беспорядков.

Следует отметить, что чехословацкая полиция 31 октября 1967 года обошлась с молодежью несравненно мягче, чем американская полиция примерно в то же время обходилась со «своими» студентами. Во время разгонов антивоенных студенческих демонстраций в США почти всегда бывали убитые и тяжелораненые.

Студенческие волнения показали, что обстановка в ЧССР была напряженной и любое самое случайное событие могло вылиться в беспорядки. Причем во всем оказывался виноватым Новотный.

Первый секретарь выступил на пленуме ЦК 30 октября 1967 года с заранее подготовленной речью от имени Президиума ЦК. После окончания выступления Новотного журналистов попросили удалиться, и началась дискуссия. Одним из первых слово взял Дубчек. Он не стал критиковать Новотного лично, но повторил все, что говорил на заседаниях президиума 19 и 24 октября. Как обычно, он жаловался на плохое отношение к Словакии, что дало повод другому участнику прений, Мартину Вацулику обвинить Дубчека в национализме. Дубчек даже боялся, как бы все его критическое выступление не поняли как радение только за словацкие интересы. Но к тому времени в ЦК «накипело», и дискуссия сосредоточилась вокруг критики Новотного, прежде всего его стиля руководства.

Один докладчик за другим стали требовать разделения функций президента и первого секретаря ЦК в духе тезиса Дубчека, что партийные органы не должны вмешиваться в работу органов государственных. В конце концов, многие стали высказываться за то, чтобы Новотный отказался именно от поста первого секретаря ЦК.

Сам Дубчек писал в воспоминаниях, что своим выступлением на пленуме «открыл ящик Пандоры»^[459]. Особенно активно Дубчека поддержал Йозеф Смрковский – член последнего нелегального руководства КПЧ в 1944-1945 годах и один из руководителей Пражского восстания 1945 года. Смрковский тоже был осужден в начале 50-х годов, затем реабилитирован и в 1967-м занимал абсолютно неполитический пост министра водного хозяйства.

На следующий день, 31 октября 1967 года, до зала заседаний пленума ЦК дошли известия о студенческих волнениях, которые, по словам

Дубчека, еще больше накалили обстановку – явно не в пользу Новотного. В конце дебатов произошло невиданное доселе событие: Центральный комитет большинством голосов отказал в одобрении доклада Новотного, назвав его поверхностным и формальным. ЦК предложил президиуму переработать доклад, и было решено еще раз обсудить его на повторном заседании ЦК в декабре 1967 года.

Дубчек одержал важную победу – теперь борьба с Новотным приняла открытый характер и инициатива была на стороне лидера словацких коммунистов.

Но Новотный не собирался сдаваться и готовился к контрудару. На следующий день после окончания работы пленума он вылетел в Москву на празднование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Дубчек и его сторонники опасались, что в СССР Новотный заручится поддержкой Брежнева, и тогда «реформаторам» в президиуме не поздоровится. Но не поздоровилось самому Новотному, причем в буквальном смысле этого слова. В Москве он, как думал Дубчек, подхватил грипп и вернулся на родину только 10 ноября. На самом деле Новотный тяжело заболел уже на обратном пути в словацком городе Кошице, где меняли состав для его поезда. Фактически он так и не смог выздороветь до самой своей отставки.

Пока Новотный болел, Дубчек стремился консолидировать свой успех. К нему в Братиславу потянулись реформаторы из состава ЦК КПЧ, в частности Смирковский, Шик, Кригель^[460] и Вацлав Славик. Обсуждался вопрос о координации действий всех членов только что фактически сложившегося «реформаторского блока» ЦК. Пока всех этих людей объединяло только одно – стремление по разным мотивам убрать Новотного с поста первого секретаря ЦК. У Дубчека пути назад уже не было. После его открытой конфронтации с Новотным вопрос стоял, что называется, ребром: должен был уйти либо Новотный, либо сам Дубчек.

Новотный после возвращения из Москвы создал комиссию из пяти членов Президиума ЦК КПЧ (он сам, Гендрих, Худик, Сабольчик и Ленарт). Комиссия (в которой из пяти человек были три словака) должна была установить, есть ли в деятельности Дубчека «националистический уклон». Если бы «уклон» установили, то Дубчеку пришлось бы покинуть пост лидера словацких коммунистов. Комиссия прислала Дубчеку в письменном виде вопросы, на которые он должен был, подготовившись, дать ответ.

Но Дубчек в эти решающие дни занимался совсем другим делом. Он просчитывал соотношение сил в президиуме ЦК КПЧ. Из 10 членов с

правом голоса сам Новотный, Худик, Ленарт и Гендрих были, по оценке Дубчека, точно на стороне первого секретаря. Сам Дубчек, а также Черник, Кольдер и Доланский были за разделение функций первого секретаря ЦК и президента, то есть, иными словами, против Новотного. Два других члена президиума, Шимунок и Лаштовичка, были людьми более старого поколения довоенных коммунистов и в принципе тоже стояли за Новотного, тем более что в начале 50-х годов он лично спас Шимунока от репрессий.

Если Дубчек не хотел проиграть, ему срочно надо было привлечь на свою сторону хотя бы одного человека из «команды Новотного». И он решил прозондировать мнение «человека номер два» – Йиржи Гендриха. Когда об этом его намерении узнал Кольдер, он решил, что Дубчек просто сошел с ума. Но последний видел, что Гендрих явно не прочь занять при президенте Новотном пост первого секретаря ЦК.

В один из дней Дубчек «прорвался сквозь секретаршу» к Гендриху, хотя над дверью кабинета горел красный цвет в знак того, что его владелец занят. Отказавшись сесть, Дубчек с порога сказал застигнутому врасплох Гендриху, что разделение высших постов в стране вопрос времени, и спросил, не заинтересован ли Гендрих в одном из этих постов. «Человек номер два» молчал, и тогда Дубчек уточнил свое предложение: Гендрих должен занять пост первого секретаря ЦК^[461]. Если же он будет сопротивляться, то не получит ничего и падет вместе с Новотным. Гендрих продолжал задумчиво молчать, и Дубчек вышел из кабинета, ре шив, что зерно сомнения в сознание «человека номер два» он все же заронил.

Между тем Новотный пытался побудить Москву сделать хотя бы какой-нибудь жест в его пользу. 19 ноября 1967 года исполнялось 10 лет пребывания Новотного на посту президента Чехословакии, и он через советского посла в Праге Червоненко^[462] инициировал обращение в Москву, чтобы оттуда ему прислали приветственное послание. Но Брежнев явно не хотел никак вмешиваться в спор чехословацких руководителей. Поэтому решили, чтобы Червоненко передал Новотному поздравления советской стороны устно, так как для письменных поздравлений такого рода якобы до сих пор не было прецедента^[463].

Если после приезда из Москвы Новотный практически не общался с советским посольством, то с начала декабря 1967 года он всячески пытался убедить Червоненко в серьезности и опасности политической ситуации в Чехословакии. Он говорил советскому послу, что назревает угроза раскола в партии в связи со словацким национализмом Дубчека. Червоненко же

считал, что ситуация в Президиуме ЦК КПЧ обострилась в связи с неудачей экономической реформы.

Еще 15 ноября 1967 года генеральный консул СССР в Братиславе И. С. Кузнецов на основании своих бесед с Дубчеком сообщил в МИД СССР, что словацкие коммунисты настроены по отношению к Новотному непримиримо. Генконсул (так же, как и Червоненко) считал, что советской стороне надо срочно попытаться примирить Новотного с Дубчеком, иначе ситуация в стране может сильно обостриться. Но фактически Кузнецов встал на сторону Дубчека и в одном из своих следующих сообщений в Москву писал, что кризис можно предотвратить только разделением постов первого секретаря ЦК и президента.

В беседах с советником-посланником посольства СССР в Праге И. И. Удадьцовым Дубчек пытался убедить советского дипломата, что он не выступает против политики Новотного как таковой. Она правильная, но стиль руководства Новотного нетерпим. Дубчек и его сторонники весьма хитро пытались представить Новотного таким чехословацким Хрущевым, причем использовались те же термины, что и в СССР в октябре 1964 года: «волюнтаризм», «нарушение партийной дисциплины», «необходимость устранения бюрократизма в партийной работе» и т. д.

Но Удадьцов (в отличие от Червоненко) до последнего был на стороне Новотного. Он считал, что Дубчеком руководят чисто карьеристские соображения.

5 декабря 1967 года Дубчека слушала комиссия, созданная для разбора вопроса о его возможном националистическом уклоне. Его критиковали только Новотный и Худик (которого Новотный и хотел поставить вместо Дубчека первым секретарем ЦК КПС). Сабольчик не явился, а Ленарт отмалчивался. Гендрих протирал очки и всячески демонстрировал свое равнодушие – Дубчек понял, что не зря заглянул к нему в кабинет. Новотный был явно озадачен и огорчен столь вялой поддержкой своих сторонников.

Дубчек, естественно, отрицавший все обвинения в национализме, вернулся в Братиславу и проинформировал о заседании комиссии членов Президиума ЦК КПС. Там ему выразили полную поддержку, и Дубчек счел вопрос исчерпанным.

Между тем Новотный постоянно упрашивал Брежнева, чтобы тот приехал в ЧССР и вмешался в разгоревшийся в руководстве КПЧ спор. 6 декабря он позвонил Брежневу и пригласил его в Прагу. Хрущев бы, наверное, согласился, но Брежнев был человеком осторожным, не любившим портить ни с кем отношения. Он, видимо, надеялся, что чехи и

словаки разберутся сами, и к тому же не забыл, как Новотный в 1964 году публично поддержал Хрущева. Но Новотный настаивал, и Брежнев 8 декабря 1967 года все же прибыл в Прагу. Перед отъездом по его указанию запросили советское посольство в Праге: кто является «человеком номер два» в чехословацком руководстве? Посольство, естественно, указало на Гендриха и подчеркнуло, что он прочно стоит на стороне Новотного.

По мере нарастания кризисных явлений и утраты Новотным авторитета в партии и стране советское посольство в Праге, по свидетельству сотрудника посольства М. Н. Кузнецова, «в конце 1967 г. хорошо чувствовало, что находящегося в изоляции Новотного нужно убирать, но все упиралось в то, кто станет вместо него». Из реплик и высказываний посла СССР в Праге С. В. Червоненко, которые неоднократно звучали на совещаниях, Кузнецов вынес убеждение, что советский полпред понимал неизбежность ухода Новотного, но все же надеялся потянуть со сменой руководства до весны, пока не будет найден «подходящий» лидер и передача власти осуществится плавно, без потрясений^[464].

На одном из приемов в декабре 1967 года Червоненко подошел к Дубчеку: «Александр Степанович, нужно ли то, что вы задумали, все ли вы рассчитали – куда пойдет развитие и сможет ли ваша группа сохранить влияние в партии и стране, не развяжете ли вы стихию?»

«Степан Васильевич, – отвечал Дубчек, – отступить некуда, вопрос решен, и никуда мы не уклонимся»^[465].

Заметим, что сам «Александр Степанович» считал «Степана Васильевича» человеком глупым и не разбирающимся в чехословацкой политике. К тому же, по мнению Дубчека, Червоненко на посту посла СССР в КНР в 1959-1965 годах чуть не разрушил советско-китайские отношения. При этом Червоненко был гораздо более образованным человеком, чем Дубчек. Еще до войны Червоненко окончил экономический факультет Киевского университета, а потом преподавал, причем не только в школе, – он был заведующим кафедрой Черкасского педагогического института. В 1948-1949 годах он прошел курс повышения квалификации в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), а в 1951-1956 годах был заведующим отделом науки и учебных заведений ЦК компартии Украины. Что же касается советско-китайских отношений, то Дубчек прекрасно знал сам, что от посла там ничего не зависело, – конфликт возник на высшем партийном уровне и по инициативе китайской стороны, а именно лично Мао Цзедуна.

Формально Новотный пригласил Брежнева в декабре 1967 года отдохнуть и поохотиться. Брежнев решил провести беседы с Новотным, Гендрихом, Ленартом, Доланским и Дубчеком и как-то помирить рассорившихся лидеров дружественной страны.

Характерно, что Дубчек ничего о визите Брежнева не знал, – ему пришлось экстренно свернуть заседание Президиума ЦК КПС и выехать в Прагу.

После Новотного Брежнев побеседовал с Гендрихом, и тут-то и сыграл свою роль визит Дубчека в кабинет последнего. Уже в начале беседы Гендрих сказал, что готов занять пост первого секретаря ЦК. Брежнев понял, что удержать Новотного во главе партии вряд ли удастся.

Беседа с Дубчеком продолжалась около часа. Брежнев попросил его дать оценку политическому положению в стране, что тот и сделал. Сам Брежнев своих суждений не высказывал, предпочитая слушать. Дубчек не жалел критики в адрес Новотного и, согласно его же мемуарам, сказал Брежневу о «нетерпимости Новотного с точки зрения отношений между нашими народами»^[466]. Что имел здесь в виду Дубчек – непонятно. Ведь если Новотный и поддержал Хрущева, то это было решение всего Президиума ЦК КПС. Однако Брежнев был человеком, который таких вещей не забывал, поэтому Дубчек знал, что делал.

Брежнев держался на всех беседах очень примирительно и почти заклинал чехословацких товарищей прекратить склоку, иначе все может закончиться, как в Венгрии в 1956 году.

Беседы в Праге укрепили Брежнева во мнении, что дни Новотного на посту первого секретаря ЦК, скорее всего, сочтены. Позднее на Западе гуляла версия, что перед отъездом домой Брежнев якобы сказал членам чехословацкого руководства: «Это ваше дело». Дубчек ни о чем таком не слышал. Но то, что Брежнев перед отлетом в Москву 9 декабря 1967 года отказался встретиться сразу со всеми членами Президиума ЦК КПС, все в Праге поняли верно – советский лидер не хотел занимать в этом споре ничью сторону. А значит, Новотного можно было «добивать».

Посольство США в Праге еще 2 декабря 1967 года сообщило в Вашингтон о слухах насчет возможной отставки Новотного. В качестве возможных преемников назывались члены Президиума ЦК КПС Кольдер («консерватор») и Черник («либерал») ^[467]. Дубчек не упоминался. Причем в качестве одной из причин отставки Новотного американцы отметили то обстоятельство, что экономическая реформа пока не дала ожидавшихся

результатов, хотя экономические показатели Чехословакии «благоприятны»^[468]. «Неожиданный» визит Брежнева в Прагу 8 декабря посольство США оценило в том смысле, что Кремль против своего желания вынужден вмешаться во внутривластную борьбу в чехословацком руководстве, поскольку естественным путем альтернативы Новотному так и не появилось^[469].

Позднее разведка госдепартамента США (Intelligence and Research Bureau) характеризовала Дубчека как «аппаратчика» «типа Новотного», в противовес «реформатору» Йозефу Ленарту^[470].

Но 11 декабря 1967 года на первом заседании Президиума ЦК КПЧ дискуссии по кадровому вопросу продолжались с неослабевающей остротой. Гендрих был на этом фоне пассивен, явно решив, что при любом раскладе он не проиграет. Так как члены президиума не смогли прийти к единой точке зрения, заседание ЦК пришлось перенести с 12 на 19 декабря. Это вызвало большое недовольство членов Центрального комитета, особенно женщин, которые боялись, что не успеют испечь торты и пирожные к рождеству.

17 декабря 1967 года на последнем заседании Президиума ЦК КПЧ (в котором участвовали и секретари ЦК), когда было уже ясно, что дальше откладывать пленум ЦК нельзя, произошел долгожданный для Дубчека прорыв. Дубчек предложил, чтобы по вопросу разделения функций первого секретаря и президента наконец четко высказались все члены президиума. Новотный не возражал, видимо, надеясь на свою победу. Доланский, Дубчек, Черник и Кольдер были за разделение. Неожиданно слово взял секретарь ЦК по международным вопросам Коуцкий и тоже высказался за разделение. Позиция Коуцкого (хотя он и не имел права голоса) была очень важной, так как все знали, что они с Гендрихом обычно выступали с единой точкой зрения. И действительно, к удивлению Новотного, «человек номер два» тоже поддержал разделение функций – ведь он сам хотел стать первым секретарем.

После «отпадения» Гендриха Президиум ЦК КПЧ разделился точно поровну.

Теперь решение должен был принять пленум ЦК.

21 декабря 1967 года Червоненко доложил Брежневу, что новым первым секретарем ЦК станет либо Ленарт, либо Дубчек. Сам Новотный, по данным советского посла, рекомендовал Ленарта. Это имя называл и Людвик Свобода. В Президиуме ЦК КПС, по сведениям советских дипломатов, наиболее предпочтительным вариантом считали отнюдь не

своего лидера Дубчека, а того же Ленарта или Черника, иногда называли и Гендриха.

Формально заседание ЦК КПЧ (19-21 декабря 1967 года) должно было заниматься вопросами экономики и повышения жизненного уровня населения^[471]. На эту тему сделал доклад председатель правительства Ленарт. Но все ждали доклада по второму пункту повестки дня – сам Новотный должен был выступить по вопросу о реорганизации руководящих органов партии.

Между тем стоило бы заняться именно экономикой – хваленая реформа Шика трещала по швам. В ноябре 1967 года Прага обратилась к Москве с просьбой поставить в 1968 году вместо 1,3 миллиона тонн пшеницы 1,4 миллиона тонн. Причем, так как вызванный скрытой инфляцией дефицит продовольствия ожидался уже в первой половине 1968 года, то чехословацкая сторона просила 1,1 миллиона тонн зерна поставить именно в первом полугодии.

Председатель правительства ЧССР Йозеф Ленарт 24 ноября писал своему советскому коллеге А. Н. Косыгину: «Хотя урожай зерна в Чехословакии в 1967 году, по сравнению с урожаем 1966 года, вновь увеличился, он, однако, в состоянии обеспечить покрытие прироста животноводческого производства лишь со значительными затруднениями, даже в случае сохранения полного импорта из СССР, а также из капиталистических стран на уровне 1967 года. При этом положение в области государственных материальных резервов остается и в дальнейшем чрезвычайно напряженным. Кроме того, наше валютное положение, которое осложнилось вследствие сложившегося международного положения, не позволяет нам дальнейшего увеличения импорта из капиталистических стран»^[472].

Другими словами, за пару лет реформы Чехословакия по популистским мотивам израсходовала на импорт товаров народного потребления почти все свои валютные резервы.

В СССР в 1967 году был неурожай, и зерна тоже не хватало. Поэтому Косыгин ответил, что пшеницы поступит, как обычно, 1,3 миллиона тонн, но из них 1,1 миллиона тонн – в первые шесть месяцев 1968 года, как и просила Прага^[473]. Таким образом, во время «пражской весны» чехословацкие журналисты и писатели от души поливали грязью СССР, с аппетитом поедая испеченные из советской муки рогалики.

В своем выступлении на пленуме ЦК Новотный извинился за нападки на Дубчека за национализм и сам себя охарактеризовал как главного

сторонника чешско-словацкой дружбы. Затем, к неудовольствию «реформаторов», Новотный стал описывать внешнеполитическую ситуацию ЧССР, которая, по его мнению, все еще была опасной ввиду реваншизма со стороны ФРГ. Новотного стали прерывать выкриками с мест. Несколько последующих ораторов прямо призывали его наконец уйти в отставку. Дискуссия продолжилась и 20 декабря, и было все очевиднее, что поддержка Новотного в ЦК тает.

21 декабря на пленуме выражали свое мнение все члены Президиума ЦК КПЧ и секретари ЦК. Новотного поддержали Лаштовичка, Шимунок, Мирослав Пастыржик (глава профсоюзов) и Павел Грон (председатель ревизионной комиссии КПЧ). Лидер пражской организации Мартин Вацулик перешел на сторону оппонентов первого секретаря. После этого Новотный, наконец, согласился с принципом разделения функций первого секретаря и президента, причем отдал именно должность первого секретаря в распоряжение ЦК партии.

Центральный комитет образовал совещательную комиссию из пяти человек для подбора вместе с Президиумом ЦК кандидатуры преемника Новотного на высшем партийном посту. Пленум прервал свою работу до 3 января.

Как вспоминал корреспондент «Известий» в Праге В. М. Кривошеев, 1 января 1968 года главный редактор «Руде право» Швестка ужинал в партийной гостинице «Прага» с видным советским экономистом и публицистом Отто Лацисом (который в 80-е годы стал одним из «прорабов» горбачевской перестройки). Вошли Дубчек и Пехо, секретарь ЦК компартии Словакии по идеологии. Они сели за стол и с мрачным видом стали есть. Уходя, Дубчек позвал Кривошеева к себе и сказал: «Давай с тобой попрощаемся, завтра я – пан или пропал». Он пояснил, что пленум продолжит работу. На вопрос Кривошеева, что значит «пан», Дубчек ответил: «Ну, ты завтра узнаешь»^[474].

Столь мрачные настроения Дубчека объяснялись курсировавшими по Праге слухами, что Новотный с помощью армии и госбезопасности готовит в стране военный переворот. Его главными зачинщиками считали заведующего отделом ЦК по работе в армии и других вооруженных органах Мирослава Мамулу и главу партийной организации министерства обороны генерал-майора Яна Шейну. Якобы Мамула уже составлял списки противников Новотного, которых следовало арестовать. Мамула был близким другом Новотного, а Шейна – приятелем сына первого секретаря ЦК.

На самом деле это был очередной шаг в кампании дискредитации

Новотного.

Ян Шейна родился в 1927 году в семье бедного крестьянина. В октябре 1941 года он со своим другом пытался шантажировать владельца одного из магазинов, который продал им хлеб без карточек. При немцах это считалось тяжким преступлением. Шейна представился жене хозяина магазина как сотрудник органов по контролю над снабжением населения. За свое молчание «сотрудник» хотел 100 крон (фальшивое удостоверение он сделал из школьной тетради). Когда хозяйка магазина захотела получше рассмотреть «удостоверение», жулики бросились наутек, но были схвачены. В апреле 1942 года суд в Ческе-Будейовицах приговорил Шейну к четырем неделям заключения.

Военная карьера Шейны началась в 1950 году в инженерном полку, где он через два года стал помощником командира по политической части. Позднее (уже в 1968 году) стали говорить, что карьере Шейна сделал путем доносов на своих сослуживцев. В 1954-1956 годах Шейна был уже начальником политотдела всех инженерных частей и перебрался в центральный аппарат министерства обороны. В 1956-1964 годах был начальником секретариата министра обороны Ломского, а затем возглавил партийную организацию министерства.

Именно Шейна стараниями Дубчека стал «главным путчистом» на рубеже 1967-1968 годов.

На самом деле в декабре 1967-го, согласно решению военной комиссии ЦК еще от июня того же года, должна была проводиться проверка мобилизационной готовности танковой дивизии и 8-го мотострелкового полка, входившего в ее состав. Выбор времени объяснялся просто: уже закончилась уборка свеклы, в которой армия по традиции помогала сельхозкооперативам. Никакой связи между военными учениями и пленумом ЦК не было, и срок – с 4 по 11 декабря 1967 года – предложил далекий от политики начальник генерального штаба ЧНА генерал Ритирж. О проверке загодя проинформировали Новотного, председателя правительства и министра внутренних дел.

Учения представляли собой пробную мобилизацию – из запаса призвали 3430 резервистов и активировали для этого 578 транспортных средств^[475]. Уже 11 декабря резервистов распустили по домам, а мотострелковый полк перебросили на западную границу ЧССР, где он до 18 декабря продолжал маневры.

Дубчек писал об этом так: «Не было ясно, вовлечен ли Шейна в попытку некоторых офицеров генерального штаба выслать в Прагу танковую часть для поддержки Мамулы. Заговор во всех этих планах

доказан не был, но стоит учесть, что оба влиятельных генерала армии, кандидаты в члены центрального комитета – Ритирж и Гечко – были за Новотного до самого конца, так же как и министр внутренних дел Йозеф Кудрна. Некоторые генералы чехословацкой армии отличились отважными усилиями по недопущению переворота – генералы Дзур, Пепих и Прхлик. Позднее я их всех предложил на значительные посты в армии и органах безопасности. Как ни активны были путчисты, к счастью, им не удалось отстоять Новотного. Возможно, он и сам их остановил. Все это было слишком смешно, военный путч не имел в Чехословакии прецедентов, и, прежде всего, он не изменил бы проблемы, которые республика должна была решить»^[476].

Таким образом, сам же Дубчек говорит о «путче» в сослагательном наклонении и называет его «смешным».

Факт состоит в том, что Шейна как глава армейских коммунистов стал убеждать их, что отстранение Новотного создает угрозу социализму в ЧССР, а активизация словацкого национализма, с которым так опрометчиво играет Дубчек, может привести к распаду государства. Как показали дальнейшие события, Шейна оказался прав. Кстати, многие генералы действительно были склонны верить Шейне – Дубчек казался им очень легковесной фигурой, явно не дозревшей до высших государственных постов.

С 19 по 31 декабря 1967 года Шейна не меньше 13 раз беседовал с начальником главного управления сухопутных войск министерства обороны генералом Янко. Шейна предложил своему подчиненному подполковнику Моравцу взять на себя командование 13-й танковой дивизией и повести ее на Прагу. Он утверждал, что план выступления армии в поддержку Новотного одобрил Ритирж. Шейна якобы даже был готов арестовать весь ЦК КПЧ и говорил: «Новотный не должен пасть. А с теми, кто идет против него, надо разобраться» (все эти слова известны от Моравца). 26 декабря Шейна сказал Моравцу, что во время рождественских праздников (вся жизнь в Чехословакии в это время замирала) он будет очень много ездить на личной машине и собирать людей в поддержку Новотного. Он заявил, по утверждению Моравца: «Мы не можем мешкать ни одного дня, в противном случае старый пан (Новотный – *Прим. автора.*) окажется в дерьме, и мы вместе с ним».

Командующий Восточным военным округом (Словакия и часть северной Моравии) генерал Валеш был очень встревожен, когда говорил с генералом Янко о параде в Братиславе по случаю 20-летия февральской победы КПЧ. 4 января 1968 года Янко вызвал к себе и командующего

войсками Центрального военного округа (центральная Чехия, южная Моравия и западная Словакия) генерала Вало. Янко выспрашивал Вало (словака) о политических настроениях в Словакии и отношении словаков к Новотному. Он попросил Вало немедленно информировать его, если в Словакии «что-нибудь произойдет».

Но еще 8 декабря 1967 года в управление госбезопасности в Праге пришло письмо от коллег из города Требишов, в котором говорилось о начале расследования незаконных махинаций Шейны с автомобилями в сети магазинов «Тузекс». Письмо с учетом должностного положения Шейны 12 декабря передали Мамуле, который просто оставил его у себя, не дав ему хода. Считается, что Мамула немедленно проинформировал Шейну, после чего тот и начал свою бурную деятельность в поддержку Новотного, чтобы избежать наказания. В придачу Шейна якобы незаконно продавал одному сельхозкооперативу семена из фондов министерства обороны.

Шейна говорил об этом деле с Новотным и начальником следственного отдела госбезопасности в Праге подполковником Почепицким. Но нет никаких данных, что Новотный был готов поддержать друга своего сына. К тому же «путчист» (по версии Дубчека) Ритирж ясно дал понять Шейне, что все дело пахнет криминалом и Шейне придется за это отвечать. 26 января 1968 года (уже после отставки Новотного) самый близкий порученец Шейны подполковник Моравец был арестован и уже 31 января начал давать показания. Он сказал, что Шейна уговаривал его взять «семечки» на себя, обещая мягкое наказание.

Пока Шейна лихорадочно пытался мобилизовать армейское руководство в поддержку Новотного, Дубчек отмечал рождество с семьей в Братиславе и, по его собственным словам, каждую ночь боялся стука в дверь и ареста^[477].

Но генерал Прхлик сообщил Дубчеку о планах Шейны и Ритиржа, и Дубчек призвал армию сохранять нейтралитет, что генералы и сделали.

Однако на самом деле некое подобие переворота в пользу Новотного готовили в МВД, а армию предполагали задействовать лишь в крайнем случае.

На рождество 1967 года в главном управлении государственной безопасности МВД начали собираться офицеры МВД, которые с санкции министра Кудрны стали подбирать «надежных товарищей» и составлять списки противников Новотного для ареста. Был образован оперативный штаб для проведения «акции», куда помимо Кудрны входили его заместитель полковник Ярослав Клима, полковник Индржих Котал, генерал

Йозеф Ставиного и другие^[478].

Некоторые части Народной милиции были приведены в состояние повышенной готовности. Им сообщили, что возможно участие в арестах вместе с группами госбезопасности.

Генералов Минобороны (Ритиржа, Янко и Шейну) лишь попросили быть наготове, если их коллеги попытаются силой освободить арестованных.

По некоторым данным, всего планировали арестовать более тысячи человек, причем в первом варианте «черного списка» фамилия Дубчека не фигурировала. В любом случае предполагалось задержать «либералов» Смрковского, Кригеля. Шика, Пеликана, а также Биляка, Кольдера и Индру (трое последних были сторонниками ввода советских войск в ЧССР в августе 1968 года).

С ноября 1967 года госбезопасность прослушивала квартиру Дубчека.

По одной из версий, весь «путч» МВД сорвался из-за позиции Москвы. О его подготовке якобы узнали советские представители в МВД и сообщили в Москву. После этого Брежнев позвонил Новотному и сказал, что никаких путчей в братских странах ему не нужно^[479].

2 января 1968 года Президиум ЦК КПЧ собрался вместе с консультативной группой, чтобы предложить пленуму ЦК (намеченному на 3 января) кандидатуру нового первого секретаря ЦК КПЧ. Новотный предложил перенести выборы своего преемника на конец февраля – после того как будет отпраздновано 20-летие февральских событий 1948 года. Но Дубчек счел, что Новотный тянет время, чтобы заручиться поддержкой в стране, и отверг это предложение. Президиум по-прежнему пребывал в состоянии раскола, и его 10-часовое заседание окончилось безрезультатно.

На следующий день ЦК опять давил на Новотного, чтобы тот окончательно отказался от поста первого секретаря. 4 января вечером снова собрался президиум, уже без консультативной комиссии, но в присутствии секретарей ЦК и кандидатов в члены президиума. Новотный попросил всех написать на листе бумаги фамилию того человека, которого они хотели бы видеть на посту первого секретаря, – то есть фактически предложил рейтинговое голосование.

Дубчек, по его же воспоминаниям, в тот момент даже не думал о том, что может стать преемником Новотного. Как и сам Новотный, Дубчек считал, что у него пока еще нет достаточного опыта, чтобы возглавить страну. К тому же, согласно неписаным правилам распределения высших постов в стране по национальности, первым секретарем ЦК, президентом и

председателем парламента обычно всегда был чех, а словак занимал должность главы правительства. Дубчек хотел, чтобы первым секретарем ЦК стал его друг Черник, но тот явно не хотел брать на себя непосильную ношу.

Когда члены президиума и секретари ЦК сдали свои записки, выяснилось, что Дубчек неожиданно оказался на первом месте. За него высказались семь человек, за Ленарта (тоже словака) – шесть, за Черника и Лаштовичку – по четыре. Этот результат передали консультативной комиссии, которая обсуждала его целую ночь.

Между тем Шейна 3 и 5 января 1968 года созвал чрезвычайные заседания партийного комитета министерства обороны и активно агитировал на них в поддержку Новотного. Он предложил направить письмо партийного комитета Минобороны пленуму ЦК КПЧ, что и было сделано 5 января. В этот день Шейна говорил своим коллегам: «Необходимо открыто сказать, что звучат голоса, по сути, пытающиеся посеять недоверие к руководству партии (имелся в виду Дубчек – *Прим. автора*)... Считаем, что такая ситуация не только осложняет последовательное выполнение директив XIII съезда партии и октябрьских (1967 года) тезисов партии, но и угрожает ему... Считаем, что необходимо отвергнуть личные или групповые интересы и точки зрения и по партийному принципиально охранять и проводить в жизнь основные ленинские принципы жизни нашего социалистического общества... Думаю, что если мы столкнемся с высказываниями, которые нас, коммунистов, могут оскорбить, в том числе по отношению к ЦК, ведущим руководителям или к товарищу Новотному, нашей обязанностью является не только отмежеваться от таких позиций, но и резко их отвергнуть и одновременно информировать ЦК... Думаем, что наша обязанность и право – поддержать ЦК, ведущих руководителей и товарища Новотного»^[480].

В 8 часов утра 5 января 1968 года президиум и консультативная группа собрались вместе и представили на голосование две кандидатуры – Ленарта и Дубчека. Дубчек получил большинство, и его кандидатура была предложена Центральному комитету. ЦК одобрил выбор президиума. Так 5 января 1968 года у КПЧ появился новый первый секретарь – Александр Дубчек. В своем выступлении он поблагодарил Новотного за работу и обещал на практике разделить функции партийных и государственных органов в стране. Дубчек ничего не сказал о каких-то новых реформах, обещая лишь изменить методы партийной работы, сделав их более демократичными.

На пленуме Дубчек обнял Новотного, и в тот же день они вместе посетили советское посольство. Там они поговорили по телефону с Брежневым, который поздравил обоих с успешным разрешением внутривосточного кризиса. Посольство СССР после 5 января 1968 года продолжало поддерживать с Новотным доверительные контакты.

Народ узнал о кардинальных изменениях в стране из опубликованной резолюции пленума ЦК, которая по стилю не отличалась от предыдущих партийных документов. В резолюции подчеркивалась правильность линии последнего съезда КПЧ (который состоялся в 1966 году).

По главному, кадровому вопросу говорилось, что сложность нынешней партийной и государственной работы делает невозможным соединение партийных и государственных функций в руках одного человека, пусть и очень способного. «Разделение обоих высших постов является логическим звеном в процессе демократизации в государственно-политической области. Оно вызвано потребностью в разделе работы и новых отношений между высшими партийными и государственными органами и подчеркивает значимость президентского поста как символа рабочей и социалистической власти в этом государстве. По этой причине пленум Центрального комитета одобряет высказанную товарищем Антонином Новотным просьбу, чтобы его как президента ЧССР освободили от должности первого секретаря ЦК КПЧ».

Пленум постановил: «Наше отношение к Советскому Союзу и международному коммунистическому движению исходит из собственных интересов нашего народа и социалистического государства и из реалистической оценки международного положения. Пленум Центрального комитета решительно и однозначно подчеркнул нашу принадлежность к мировой социалистической системе, а также наше братство и прочное единство с Советским Союзом, с которым нас связывают общие цели и которое является основной предпосылкой безопасности независимости республики и залогом нашего дальнейшего социалистического развития. Осью этого единства является тесное сотрудничество между КПЧ и КПСС, основанное на верности марксизму-ленинизму»^[481].

Таким образом, ЦК КПЧ, сменив 5 января 1968 года первого секретаря, отнюдь не желал каких-то новых кардинальных реформ. Тем более что эти реформы и так шли начиная с 1963 года. Замена Новотного на Дубчека рассматривалась просто как назревшая смена поколений. К тому же улыбчивый, вежливый и мягкий Дубчек считался гораздо более приятным в общении человеком, чем насупленный и вечно чем-то недовольный Новотный. Короче говоря, как компромиссный кандидат

Дубчек устраивал всех.

Дубчек предложил Новотному забрать все свои вещи из здания ЦК до 8 января. Служебную документацию следовало описать, и люди Дубчека в этом участвовали.

После своего избрания Дубчек уехал в Братиславу, чтобы посмотреть там хоккей. Матч ему, как и всем собравшимся на стадионе, очень понравился.

Новотный отнесся к своей отставке как к временному явлению. Он считал, что Дубчек быстро развалит всю работу, и ЦК опять обратится к нему за помощью. В первой части своего прогноза «сталинист» Новотный не ошибся.

Глава 4. «Пражская осень»: Чехословакия в январе – августе 1968 года

Зденек Млынарж в своих воспоминаниях назвал период с января по апрель 1968 года временем упущенных возможностей, предопределивших провал процесса, который позднее назвали «пражской весной».

Вместо того чтобы заниматься дальнейшим углублением (или корректировкой) экономической реформы, а также принимать законы по демократизации политической системы ЧССР, Дубчек посвятил эти месяцы чистке президиума, секретариата ЦК и правительства от всех «людей Новотного».

Причем на этот раз чистка проходила «демократически». Была организована систематическая травля в печати негодных новому руководству лиц, и тем приходилось подавать в отставку «под давлением общественного мнения». Следует заметить, что большая часть компромата, неожиданно выплеснувшегося на страницы газет и журналов, была ложью или в лучшем случае полуправдой. Но достаточно было приклеить ярлык «консерватора», «сталиниста», а позднее – «человека Новотного».

При этом все газеты и журналы тогда возглавлялись коммунистами, и всю чистку сначала организовывал перешедший на сторону Дубчека Гендрих. Дубчек подавал это как отмену цезуры. Мол, теперь партия уже никак не может влиять на журналистов. С ними можно лишь вести уважительные беседы, чтобы убеждать в правильности той или иной точки зрения. Это была откровенная ложь, которую Дубчек впоследствии неоднократно тиражировал на встречах с советскими руководителями. Снять главного редактора органа ЦК КПЧ этот самый ЦК мог в любой момент и абсолютно на законных основаниях как учредитель данного СМИ.

Но для Дубчека огонь в СМИ по его противникам ранней весной 1968 года был более чем выгоден. Прозрение пришло слишком поздно, когда «отвязанные» Дубчеком журналисты с конца мая 1968 года обрушились уже на него самого и его соратников. Дубчек был этим потрясен и, по свидетельству Млынаржа, неоднократно жаловался в Президиуме ЦК на «товарищей журналистов», которых он «освободил» и которые теперь платят ему за это черной неблагодарностью.

Став лидером партии, Дубчек, в нарушение всех обещаний своим же

собственным товарищам по Президиуму ЦК и Брежневу, решил убрать Новотного и с поста президента. Тезис о разделении партийных и государственных функций был немедленно отброшен в сторону. Президиум ЦК при Дубчеке «рулил» так же полновластно, как и при Новотном, с той лишь разницей, что в этом президиуме уже не было никакого единства и его решения не выполняли сами же члены.

В СМИ на Новотного обрушился шквал обвинений, большинство которых не имели ничего общего с действительностью. Но «демократ» Дубчек не позволил Новотному выступить по телевидению со своей точкой зрения. На праздновании 20-летия февральских событий 1948 года (на которых присутствовали лидеры всех стран Варшавского договора) президенту ЧССР Новотному в нарушение многолетних традиций также не дали выступить – Дубчек опасался от этого «сталиниста» всяких неожиданностей.

Для давления на Новотного решили использовать «дело Шейны». Следствие активно раскручивало дело о продаже семенного фонда, принадлежавшего министерству обороны. Шейну и его подчиненного подполковника Моравца стали обвинять в причинении ущерба сельхозкооперативу на 300 тысяч крон. 12 февраля 1968 года был отдан ордер на арест Шейны. Так как генерал был депутатом Национального собрания, следственные органы 21 февраля попросили рассмотреть вопрос о лишении его парламентской неприкосновенности.

Шейна прекрасно понимал, что из него сделают «козла отпущения» и орудие давления на Новотного. Хотя президент ЧССР ничего не знал ни о каких коммерческих делах Шейны, СМИ считали генерала «человеком Новотного», и этого было уже достаточно.

22 февраля 1968 года Шейна еще был на приеме в советском посольстве. На следующий день он не пошел на работу и сказал жене, что готовится к поездке в Чешский Лес (горный массив на границе с ФРГ). 24 февраля Шейна вместе с сыном Яном и 22-летней любовницей Евженией Мусиловой через Венгрию, Румынию и Югославию эмигрировал на Запад. Иммуитета его лишили только 27 февраля, на следующий день после того, как он перебрался из Югославии в Италию.

Шейной немедленно заинтересовалось ЦРУ, организовав предоставление генералу политического убежища в США. Уже 29 февраля Шейна вылетел из Рима за океан^[482].

Когда Шейна исчез, новый заведующий 8-м отделом ЦК КПЧ (курировал работу административных органов, прежде всего армии и МВД), «человек Дубчека» генерал Прхлик создал комиссию из пяти

человек, которая пыталась выяснить, куда пропал генерал и был ли он ранее агентом иностранной разведки. Была даже версия, что Шейна сбежал в Москву^[483]. Обратились за помощью к КГБ, но там о судьбе Шейны ничего не знали.

Посол ЧССР в Вашингтоне Дуда в беседе с помощником заместителя госсекретаря США по европейским вопросам Стесселем отмечал «иронию» того, что США дали убежище «сталинисту». Двусмысленность ситуации признал и Стессель. Но Шейну американцы пражским «реформаторам» так и не выдали, так как генерал стал главным экспертным источником ЦРУ по Чехословакии. В 1970 году Шейна был заочно приговорен в ЧССР к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и выплатой штрафа 230 тысяч крон.

С марта 1968-го правительство ЧССР безуспешно требовало выдачи Шейны, ссылаясь на действовавший тогда договор между ЧСР и США 1926 года о взаимной выдаче преступников.

Сначала американцы не очень верили Шейне, которого помимо ЦРУ допрашивала и военная разведка, – ведь он сбежал не по политическим мотивам, а опасаясь уголовного преследования. Но затем обилие предоставленной перебежчиком секретной информации просто потрясло американцев. Шейна не только знал все о Чехословацкой народной армии, но и был в курсе документов Варшавского договора, включая оперативные планы. Беглец лично участвовал во многих учениях союзных войск социалистических стран. С собой на Запад Шейна прихватил 15 особо секретных документов. Кроме того, в течение 10 дней до своего побега Шейна приказал своим сотрудникам переснять на микроплёнку тысячи страниц других секретных документов. Среди них были подробные данные о состоянии чехословацкой ПВО и соглашение между СССР и ЧССР о поставках советских ракетных систем ПВО в Чехословакию^[484].

Прямой ущерб от предательства Шейны только для ЧССР оценивался в 17 миллионов крон.

Начиная с 1969 года чехословацкая разведка пыталась выкрасть Шейну или побудить его любовницу вернуться на родину^[485]. Но ФБР тщательно оберегало ценного перебежчика, и он умер своей смертью в 1997 году, издав в 1982-м мемуары.

Став главным информатором американцев, Шейна активно настраивал их против нового руководства в Праге, и отнюдь не безуспешно.

В целом американцы поначалу никак не отреагировали на перемены в чехословацком руководстве, которые они сочли косметическими

перестановками.

В феврале 1968 года госдепартамент США согласился с рекомендациями посольства США в Праге – не проявлять пока «открытости» и доброжелательности по отношению к «режиму Дубчека»^[486], так как этот режим представляет собой неустойчивую коалицию правых и левых сил. Между тем у США были все рычаги для поддержки «реформаторского руководства». Во время освобождения западной части Чехословакии в 1945 году армия США, как мы помним, захватила золотой запас чехословацкого банка, который после оккупации Чехословакии Гитлером в 1939-м попал к немцам^[487].

Как уже упоминалось, несмотря на неоднократные требования правительства ЧССР вернуть золото, американцы под разными предлогами уходили от предметного обсуждения вопроса. В 1961 году они все же согласились вернуть награбленное нацистами монетарное золото в обмен на погашение из него претензий американских граждан, якобы пострадавших от национализации в Чехословакии после 1948-го. Сумма претензий была согласована обеими сторонами в размере 10-11 млн долл. Однако затем США неожиданно увеличили эту сумму в четыре раза без внятного объяснения причин (якобы появились какие-то новые оценки ущерба от национализации). На самом деле в Вашингтоне были просто недовольны поставками оружия из Чехословакии боравшемуся против американской агрессии Вьетнаму, но официально американцы эту версию не озвучивали, так как сами же считали удержание награбленного нацистами чехословацкого золота «циничным» шагом.

Оттягивали США и предоставление ЧССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле, увязывая этот вопрос с вопросом возврата золота. С началом «пражской весны» позиция США не изменилась ни на йоту.

Госдепартамент США считал, что «Дубчек и компания» сначала должны укрепить свои позиции в госаппарате и сами попросить Запад об экономической помощи^[488].

Американская разведка в своем анализе «пражской весны» с самого начала, прежде всего, учитывала тот же фактор, что и советское руководство, – место и роль ЧССР в Варшавском договоре. ЦРУ знало, что в случае столкновения ОВД и НАТО Чехословакия будет единственным союзником СССР, которому передадут командование над целым участком фронта в районе южной Германии^[489]. Это ЦРУ формулировало как «привилегированную» позицию ЧССР среди советских военных

союзников.

Вторым основным фактором в анализе Чехословакии со стороны ЦРУ была экономическая мощь этой высокоразвитой индустриальной страны и ее важность для всего ОВД в целом. К 1968 году выпуск промышленной продукции в ЧССР в расчете на душу населения представлял, по оценкам американской разведки, две трети от аналогичного показателя самого промышленно развитого союзника США – ФРГ.

То есть для СССР Чехословакия была среди союзников тем же, чем ФРГ для США и НАТО, – краеугольным камнем всей системы обороны в Европе.

Эмиграция Шейны в США усилила натиск «либералов» на Новотного, но тот в отставку уходить не хотел, так как чувствовал себя ни в чем не виноватым. Об этом решении он через Червоненко сообщил в Москву, где его полностью поддержали.

14 марта 1968 года Политбюро ЦК КПСС утвердило инструкции Червоненко, в которых, в частности, говорилось: «Сообщение, полученное нами о том, что т. Новотный ни в коем случае не намерен по своей инициативе ставить вопрос о своей отставке с поста Президента, друзьями (СССР – Прим. автора.) оценивается весьма положительно. Именно такая принципиальная позиция отвечает интересам рабочего класса Чехословакии и народа в целом. Она, несомненно, будет оказывать положительное влияние на те здоровые силы страны и партии, перед которыми стоит задача не допустить изменений курса внутренней и внешней политики и ослабления братской дружбы и союзнических отношений между нашими странами.

Не исключено, что силы, которые хотели бы столкнуть Чехословакию с социалистического пути развития и расстроить тесные братские отношения между СССР и ЧССР, будут пытаться добиться от т. Новотного согласия на уход его с поста президента. Мы думаем, что т. Новотный найдет в себе достаточно сил, чтобы сделать эти попытки безуспешными»^[490].

Таким образом, в Москве впервые записали Дубчека в антисоциалистические силы, в чем было виновато само новое чехословацкое руководство. В Советском Союзе были потрясены и возмущены, когда чехословацкая печать стала публиковать сообщения, что бегство Шейны на Запад якобы организовал... СССР, который выдал генералу соответствующие документы. При этом про Шейну писали и то, что во время войны он был осведомителем гестапо, что тоже не подтверждалось никакими доказательствами. Военная контрразведка после

бегства Шейны проверила всю его биографию и установила, что при осуждении его в 1942 году за мошенничество никаких следов вмешательства в это дело гестапо найдено не было.

Версия о «советском следе» в деле Шейны была ложной, но ни Дубчек, ни другие члены руководства не спешили никого за это наказывать. На самом деле у Шейны был чехословацкий дипломатический паспорт с правом свободного передвижения только по социалистическим странам (чехословацкие военные не могли без разрешения руководства ездить на Запад, точно такая же практика существовала и существует, например, в США относительно бывших теперь уже социалистических стран).

Именно бегство Шейны привело к решению Дубчека ликвидировать предварительную цензуру 4 марта 1968 года для того, чтобы уже в этот же день вся печать сообщила народу об эмиграции «человека Новотного» в США (Шейна на тот момент находился в Италии). Отметим, что цензуру упразднили лишь де-факто, формально она продолжала существовать до июня 1968 года, когда был принят закон об ее отмене.

В августе 1966 года в Чехословакии было создано Центральное управление публикаций, которое должно было предварительно одобрять материалы газет и журналов. Управление подчинялось МВД. Теперь само управление оставили, но решили вывести его из-под контроля МВД и передать другому министерству.

Цензуру в начале марта 1968 года отменили лишь потому, чтобы иметь возможность обрушить вал критики на конкретного человека – Новотного. Но потом загнать журналистов обратно в «русло политики партии» Дубчек и его окружение уже не решались – это стало бы непопулярным жестом.

Таким образом, борьба Дубчека с цензурой имела не политический, а чисто карьеристский подтекст и была лишь формой для сведения счетов с Новотным. В стране стали петь частушки про Шейну и его покровителя.

22 марта 1968 года Новотный ушел с поста президента ЧССР, и его преемником стал бывший командующий чехословацкими частями на советско-германском фронте генерал Людвик Свобода. На тот момент Свобода работал над своими мемуарами в Институте военной истории.

Накануне, 21 марта посол Чехословакии в Вашингтоне Карел Дуда в беседе с помощником заместителя госсекретаря США по европейским вопросам Стесселем выразил мнение, что новое руководство ЧССР пожелает улучшить отношения с США^[491]. Посол полностью исключил иностранное вмешательство во внутренние дела ЧССР (американцы поняли это как намек на Москву), но признал, что ситуация может кардинальным образом измениться, если внутренние раздоры в

Чехословакии приведут к кровопролитию.

Выбор Свободы на высший государственный пост объяснялся тем, что Дубчек и его соратники хотели видеть там слабую в политическом отношении, но авторитетную среди людей фигуру. Сначала хотели найти какого-нибудь ученого или профессора, но подходящей кандидатуры так и не подобрали. Свобода был выгоден с пропагандистской точки зрения еще и тем, что тоже пострадал в начале 50-х годов, хотя в тюрьму его не заключали. Несмотря на обещания Дубчека, что партия не будет вмешиваться в работу государственных органов, функции президента были чисто церемониальными. Вся политику по-прежнему, как и при Новотном, определял Президиум ЦК КПЧ.

22 марта «Руде Право» опубликовала много откликов своих читателей на отставку «товарища Новотного». Примечательно, что позиции рабочих и прочих «простых людей», с одной стороны, и «интеллектуалов» сильно различались. Инженер Бечварш из Института изучения общественного мнения Чехословацкой академии наук заявил: «Отставку А. Новотного я приветствую как логический результат всего этого здорового течения демократизации, которым сегодня живет все наше общество». Рабочий завода резиновых изделий Сршенъ был не столь категоричен: «Мы очень много спорили в эти дни. И действительно, наш коллектив с благодарностью воспринял известие о том, что т. Новотный наконец ушел в отставку. Понятно, что нас очень интересует, что же будет дальше...»^[492] Другими словами, рабочие испытывали облегчение от того, что борьба в руководстве страны наконец закончилась. Но в будущее они смотрели с большой осторожностью.

Зато деятель искусств Владимир Шмераль сказал прямо то, что вскоре стали говорить об истории социалистической Чехословакии все газеты: «Слава богу, что после темного периода жестокости и бесчеловечности столь важная проблема решается в духе социалистической демократии. Достоинно и по-человечески. Это пример того, что идею все же убить нельзя».

Но вряд ли можно считать «демократическим примером» то, что Новотному даже не дали выступить по телевидению в свое оправдание.

Одним из первых решений Дубчека и его коллег было снятие Мамулы с должности заведующего отделом ЦК по вооруженным органам (так называемый 8-й отдел). На его место назначили генерала Прхлика, который в начале января 1968 года сообщил Дубчеку о путчистских планах Шейны. Новым министром обороны стал лояльный новому руководству КПЧ генерал Мартин Дзур. В связи с делом Шейны уволили генерального

прокурора Бартушку и министра внутренних дел Кудрну.

В начале марта 1968 года по всей стране прошли очередные районные конференции КПЧ (их было в общей сложности 67), на которых выбирали новые районные комитеты партии. Но теперь на все конференции выехали делегации ЦК и журналисты, которые требовали вести дело «по-новому» и бороться с «деформациями прошлого». На практике это вылилось в массовую смену прежнего руководства. Хотя абсолютно по-старому конференции устами множества ораторов клялись в верности «новому курсу ЦК».

Однако уже тогда стали слышаться, в основном среди рабочих, и критические голоса в отношении «реформ» и «обновления». Например, на конференции 9-го района Праги, как сообщала «Руде Право», «звучала озабоченность тем, не повредит ли новое развитие интересам рабочего класса». Ведь пока «пражская весна» выразилась лишь в очернении всего периода истории после 1948 года, и многие рабочие были этим недовольны. Тем более что одновременно росли цены и падала зарплата на многих предприятиях, а это рабочих интересовало куда как больше.

Характерно в этом смысле мнение нового руководителя организации КПЧ на одном из самых современных заводов страны «Тесла» в Карлине Булеша (члена партии с 1960 года, то есть явно не «сталиниста»): «Ко мне пришел бывший рабочий завода, ныне пенсионер, и сказал: „Так, оказывается, жил зря, все было плохо, и мы (коммунисты – *Прим. автора.*) даже были против трудящихся“... Он говорил это с горечью, и я не мог ему толком ничего ответить. Печать, радио, телевидение в последние 14 дней много раз поддерживали решения ЦК, но при этом в нашей партии они не видят и крупницы чего-то хорошего. Неужели это так?» Служащая «Теслы» Вера Захова (член партии с 1945 года) говорила, что поддерживает в целом курс на демократизацию, но ей решительно не нравится, что вдруг стали громить все прошлое в пух и прах: «Речь идет об исправлении ошибок, но в рамках социалистического выбора... и ни о чем другом»^[493].

Некоторых рабочих возмущало, что вышедший документальный фильм о студенческих демонстрациях на Страгове в октябре 1967 года представляет только точку зрения студентов, но почему-то там совсем не отражено мнение другой стороны – сотрудников МВД.

Примечательно, что делегаты конференции 9-го района Праги требовали, чтобы в будущей программе действий КПЧ обязательно были закреплены союзнические отношения с СССР^[494].

В определенной мере тревоги рабочих подпитывал своими

выступлениями сам Дубчек. Например, на конференции рабочих-металлургов Кладно 29 февраля он сказал, что к интеллигенции надо относиться сейчас особенно предупредительно, так как раньше в ее отношении было сделано много ошибок. У рабочих создавалось впечатление, что их «родная» партия, КПЧ, уже ставит не столько на них, сколько на интеллигенцию, и что они, вроде бы, виноваты в том, что сделали с интеллигенцией до 1968 года.

Чтобы противодействовать таким настроениям рабочих, «прогрессивная» конференция работников вузов решила прислать на конференцию 9-го района Праги свою делегацию для «манifestации единения интересов рабочих и интеллигенции». Но эти красивые жесты не могли успокоить рабочих насчет того, что происходило в стране, особенно на страницах СМИ и телеэкранах.

На конференции в рабочем районе Праги Смихове выступившего там члена нового «реформаторского» Президиума ЦК КПЧ Кольдера подвергли критике за то, что партия ничего не знала о процессе смены высшего руководства в январе 1968 года. Опять же, рабочих возмущало безнаказанное и огульное очернение СМИ социализма и компартии. Кольдер критику принял и сказал, что хотя цензура отменена и командовать СМИ партия уже не будет (употреблено было именно русское слово «командовать»), но никто не отменял политической ответственности коммунистов, работающих в редакциях. И с них строго будут спрашивать за все, что они говорят или пишут.

Кольдер заверял, что Президиум ЦК не допустит в СМИ «погромных настроений» в отношении честных коммунистов, отдавших все силы строительству социализма. «Партия поддерживает процесс демократизации, – говорил он, – но нельзя, чтобы он проходил спонтанно, нельзя, чтобы демократизацию односторонне понимали как оторванную от укрепления социалистической дисциплины и неизбежной при всех условиях государственной дисциплины... Не будем закрывать глаза на ошибки прошлого, которые мы допустили, будем на них учиться. Но если кто-то думает, что партия откажется от своей ведущей роли, что она допустит свое превращение в дискуссионный клуб, откроет двери для несоциалистических и немарксистских мнений и тенденций, – он ошибается»^[495].

Собственно, реализации именно такой политики – демократизация, но в рамках социализма и под контролем КПЧ – ждали в Москве от Дубчека и всего нового чехословацкого партийного руководства.

Тем более что опрос, проведенный в марте 1968 года Институтом

социологии Академии наук ЧССР и газетой «Руде Право» среди 2000 ее читателей, ясно показал, что на самом деле волнует жителей Чехословакии. Среди опрошенных было 55 % мужчин, 25 % молодых людей в возрасте до 30 лет, 25 % тех, кто имел среднее специальное или высшее образование, 70 % – представителей экономически активного населения, 45 % – членов КПЧ.

Оказалось, что людей воодушевляет отнюдь не борьба против «сталинизма» и за исправление неких ошибок прошлого. Больше всего респондентов, 16 %, требовали как-то подкорректировать экономическую реформу (на языке опроса это звучало как «улучшение управления народным хозяйством»). Еще 13 % тревожились по поводу перспектив жизненного уровня: люди прямо критиковали рост цен, который стал обгонять рост зарплаты. 10 % опрошенных волновал нерешенный жилищный вопрос. 7 % требовали ликвидировать сохраняющуюся еще отсталость сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Все вопросы «демократизации» (реабилитация, свобода слова, реформа отношений между чехами и словаками и т. д.) назвали важными для себя лишь 25 % опрошенных^[496].

После отставки Новотного с поста первого секретаря ЦК 5 января 1968 года страной фактически управлял триумвират в составе Дубчека, Кольдера и Черника (последнего, чеха, вместо словака Ленарта сделали главой правительства). Все трое пытались расставить на ключевые посты близких им людей. При этом политические убеждения новых назначенцев мало кого интересовали, что в августе 1968 года дорого обошлось самому же Дубчеку.

Главным было избавиться от слишком сильных и самостоятельных «людей Новотного». Как только главный интеллеktуал в Президиуме ЦК КПЧ Гендрих отменил цензуру и восстановил прежнюю редакцию органа Союза писателей «Литерарни листы», его самого отправили 4 марта в отставку, сделав «козлом отпущения» за «зажим» Новотным творческой интеллигенции. Этот шаг должен был расположить интеллеktуалов к новому пражскому руководству. Новым «куратором» идеологии в Президиуме ЦК стал Йозеф Шпачек.

Друга Гендриха, еще одного интеллеktуала из состава высшего партийного руководства секретаря ЦК по международным вопросам Владимира Коуцкого отправили в апреле 1968 года послом в Москву. Заметим, что Гендрих и Коуцкий были действительными реформаторами, в отличие от многих других, кого Дубчек привел во власть.

Еще 5 января Президиум ЦК КПЧ был расширен на четыре человека,

из которых только двое, как считал сам же Дубчек, были «реформаторами»: Йозеф Шпачек (бывший глава партийной организации Южной Моравии) и Йозеф Боровка. Боровка, председатель обычного сельхозкооператива, в духе «демократизации» должен был представлять в президиуме крестьянство. Он родился в 1911 году, был депутатом парламента с 1946 года, а с 1964 – членом ЦК КПЧ. Боровку назначили в правительстве Черника министром сельского хозяйства – отметим, вопреки обещанному Дубчеком разделению партийных и государственных функций. Для Дубчека Боровка был удобен тем, что не имел в стране никакой самостоятельной политической базы.

Правда, он немедленно попытался ее создать Крестьянский союз, который предполагалось развернуть в партию. Заметим, что до войны аграрная партия в Чехии была крупнейшей и самой правой во всем политическом спектре. В 1945 году ее запретили за коллаборационизм.

Рабочий класс в Президиуме ЦК КПЧ теперь декоративно представлял словак (точнее, цыган) Эмиль Риго. Он родился в 1926 году. С 1961 года руководил партийной организацией Восточнословацких металлургических заводов в Кошице. Дубчек считал, что раз он назначил Риго в президиум, тот будет делать все, что он, первый секретарь, ему скажет. Взгляды этого человека Дубчека явно не интересовали. Достаточно было того, что в декабре 1967 – январе 1968 года Риго активно выступал против Новотного. К тому же Риго был удобен для реформаторов тем, что представлял еще и национальные меньшинства страны. Это выглядело демократично и в духе нового времени. Формально Риго считался человеком нового лидера словацкой компартии, другого члена Президиума ЦК КПЧ Басила Биляка. Но тогда Дубчек считал самого Биляка своим выдвиженцем. Он и не подозревал, что Биляк, который еще недавно публично ругался с Новотным в Мартине, скоро станет главным оппонентом Дубчека в чехословацком руководстве.

Васил Биляк родился в 1917 году и по происхождению был русином (то есть закарпатским украинцем). При рождении носил венгерскую фамилию Дьюла, так как венгры вообще не считали русинов самостоятельной народностью. После окончания средней школы Биляк выучился на портного и работал по этой специальности до 1949 года. Затем, как и Дубчек, перешел на партийную работу. Уже в 1955 году стал членом ЦК компартии Словакии, а в 1962 – секретарем ЦК КПС.

Последний член Президиума ЦК КПЧ, которого дополнительно ввели в этот орган 5 января, – Ян Пиллер, которого Дубчек описывал как человека, часто менявшего до этого свою точку зрения: «...я не знал, куда в

будущем заведет его его компас». Пиллер родился в 1922 году в Пльзени, был металлистом и работал на знаменитой «Шкоде». С 1945 года был членом КПЧ. В 1953-1957 годах, после учебы в Высшей партийной школе при ЦК КПЧ, работал в отделе ЦК по машиностроению и металлургии. В 1957-1962 годах возглавлял этот отдел – и при этом два года из пяти подчинялся как секретарю ЦК по промышленности Дубчеку, считавшему теперь и его «своим человеком». С 1962 года был членом ЦК КПЧ. С 1963-го – членом экономической комиссии ЦК, которую возглавлял Шик.

Примечательно, что Дубчек был решительно против Оты Шика в качестве члена Президиума ЦК КПЧ. Возможно, потому, что последнего уже явно беспокоило то, что популизм Дубчека и его заигрывание со средствами массовой информации могут поставить под сомнение дело всей жизни Шика – экономическую реформу. Как видно, люди самостоятельные Дубчеку в новом президиуме были не очень нужны. Против Шика были и Кольдер с Черником^[497].

Таким образом, правящий де-факто триумvirат Дубчек – Кольдер – Черник к началу апреля оставил кроме самого себя в Президиуме ЦК КПЧ только трех человек времен Новотного: Йозефа Ленарта, Антонина Капека и Мартина Вацулика, причем все они были кандидатами в члены президиума, то есть не имели права голоса. Вскоре место Вацулика занял новый руководитель пражской организации КПЧ Богумил Шимон, который считался человеком Кольдера.

В президиум вошли также друг Дубчека по Словакии Франтишек Барбирек (не имевший никакого самостоятельного политического влияния), главный редактор «Руде Право» Олдржих Швестка (который во время борьбы против Новотного поддержал Дубчека), а также Йозеф Смрковский, Йозеф Шпачек и Франтишек Кригель.

Именно трое последних с каждым днем вызывали в Москве все больше и больше тревоги.

Смрковский, один из лидеров Пражского восстания 1945 года, был, в отличие от Дубчека, блестящим оратором и мастером хлесткой фразы. Он возглавил Национальное собрание, то есть формально стал вторым лицом ЧССР после президента. Смрковский не был ярким «либералом», но прекрасно чувствовал политическую обстановку и настроения людей, на которых с каждым днем обрушивался новый шквал антисоветских и антикоммунистических материалов. В этих условиях Смрковский просто говорил людям то, что они хотели слышать, и поэтому с каждым днем тоже сдвигался в сторону «либерализма».

К лету Смрковский уже обошел по популярности Дубчека, и многие

даже видели его на посту президента республики.

Шпачек тоже слыл либералом и к моменту смещения Новотного возглавлял партийную организацию в Брно – втором по значению городу Чехии и столице Моравии. Шпачек и Смрковский считали себя творцами новой информационной политики КПЧ и беззаветными борцами против цензуры. Смрковский фактически сам отменил цензуру еще своим выступлением 4 февраля 1968-го, в котором сказал, что отныне у партии нет секретов от народа. Шпачек вторил ему: надо прекратить положение, при котором люди узнают о новостях в стране из зарубежных радиоголосов^[498].

Кригель не был ни человеком Дубчека, ни человеком Кольдера и попал в президиум в итоге сложных закулисных маневров различных групп влияния. Он опирался на пражскую партийную организацию и часть аппарата ЦК. К моменту смещения Новотного он тесно работал не только с Отой Шиком, но и с генералом Прхликом, который предупредил Дубчека о планах Шейны. После марта 1968 года Кригель возглавил Национальный фронт.

Помимо президиума к высшему руководству страны принадлежали, как и при Новотном, секретари ЦК КПЧ, которые курировали отдельные стратегические направления политики, идеологии и экономики. Они участвовали в заседаниях президиума, хотя и не имели права голоса. Секретарями ЦК были также члены президиума Дубчек (первый секретарь), Кольдер (фактически второй секретарь) и Ленарт. Кроме них в начале 1968 года появилось шесть новых людей – Алоис Индра, Штефан Садовский (друг Дубчека), Олдржих Воленик (лидер коммунистов Остравы – крупнейшего промышленного района страны), Честмир Цисарж, Вацлав Славик и Зденек Млынарж.

Если условно разделить всех членов нового руководства на три группы – центристов, радикалов-реформаторов и противников необдуманных реформ, которых пренебрежительно называли «консерваторами», – то расклад сил был следующим. Смрковский, Шпачек, Кригель, Цисарж и Славик слыли радикалами. Они проповедовали реформы ради реформ, часто не понимая, за что, собственно, борются. Со временем эти люди стали высказываться открыто антисоветски.

Цисарж (родился в 1920 году) слыл интеллектуалом, так как окончил гимназию и даже учился во Франции. Во время нацистской оккупации тихо трудился бухгалтером в страховой компании. В 1945-1948 годах учился на философском факультете Карлова университета в Праге. В 1945 году вступил в КПЧ и с 1946-го был на партийной работе. Написал хвалебное

предисловие к сборнику трудов Сланского незадолго до ареста последнего.

В 1952-1957 годах Цисарж занимал ведущие должности в парторганизации Пльзени, где участвовал в подавлении беспорядков в июне 1953-го. В 1957 году стал заместителем главного редактора «Руде Право», в 1961-м – главным редактором теоретического журнала КПЧ «Нова мысль». Новотный был о Цисарже очень высокого мнения и в апреле 1963 года назначил его секретарем ЦК по культуре. Цисарж ответил Новотному публикацией труда под названием «С годами мы выросли», в котором развитие социалистической Чехословакии представало чередой побед, и творцом этих побед был, конечно, Антонин Новотный^[499].

Однако после антипартийных выступлений писателей и журналистов летом того же года Цисаржа в сентябре сняли с поста, а затем назначили министром образования. Но в 1965 году его дочь приняла участие в несанкционированной студенческой демонстрации, и Цисаржа отправили послом в «реформаторскую» Румынию диктатора Чаушеску.

Цисарж был популярен среди интеллектуалов, которые помнили его по 1963 году и считали истинным «либералом». В 1968-м студенты и журналисты даже начали кампанию под лозунгом «Цисаржа в Град!», то есть в президенты. Здесь удачно использовалась игра слов: «цисарж» по-чешски означает «император». Спустя десятилетия Цисарж так описывал свою тактику в «пражской весне»: «Мне посчастливилось установить контакты в кругах тех интеллектуалов, которые, занимая четкие позиции в вопросе о необходимости реформ, увидели во мне одного из сторонников обновления партии и общества. Это доверие давало силу и решимость не отступить, противостоять обвинениям со стороны приходившей в упадок авторитарной власти в том, что я якобы ищу „дешевой популярности“»^[500].

В октябре 1968 года, уже после ввода войск Варшавского договора в ЧССР, Млынарж столкнулся с растерянным Цисаржем в здании ЦК КПЧ. Тот был явно озабочен перспективами трудоустройства и пожаловался Млынаржу: «Ну, куда я пойду? Я же не могу получать меньше 10 тысяч крон в месяц!» (средняя зарплата тогда составляла примерно 1800 крон). Млынарж был так потрясен цинизмом «либерала» Цисаржа, что предпочел оборвать беседу^[501].

Славик тоже ранее работал в «Руде Право», затем, с конца 50-х годов, – в идеологическом отделе ЦК КПЧ. С 1966 года он возглавлял Институт политических наук, где разрабатывались планы политической реформы в ЧССР.

Дубчек, Черник и их «люди» типа Барбирека, Пиллера, Шимуна или

Садовского слыли «центристами», то есть сторонниками постепенных преобразований. Хотя Млынарж, который считал себя истинным центристом, отмечал, что часто Дубчек и Черник просто шли на поводу у радикалов, чтобы не ссориться с прессой или творческой интеллигенцией.

Кольдер, Биляк, Индра и Риго (все, кроме Кольдера, были словаками) в качестве «консерваторов» быстро стали главной мишенью «свободной» прессы. Они тоже были за реформы, но считали, что разнузданная антикоммунистическая и антисоветская кампания в прессе только мешает их проведению. Эти люди были за демократию, но против вседозволенности, и, в отличие от того же Дубчека, личная популярность их не сильно заботила. Именно на этих людей как на «здоровые силы» в чехословацком руководстве стали делать ставку в Кремле.

Алоис Индра родился в 1921 году в Словакии и в юности работал железнодорожником. В КПЧ вступил в 1937 году. После войны был секретарем районного национального комитета в родном городе Готвальда Злине (который был позднее переименован в Готвальдов), где в 1956 году возглавил местную районную организацию КПЧ. В 1960 году стал заведующим отделом планирования в ЦК КПЧ – очень важный пост, ибо Индра курировал составление планов развития чехословацкой экономики. В 1962-м возглавил главный экономический орган – Госплан, а годом позже стал министром транспорта в правительстве Ленарта. Как экономист-практик Индра тесно работал с Кольдером и Черником, чем и объясняется его карьерный взлет в 1968 году.

Центральную контрольную и ревизионную комиссию ЦК КПЧ возглавил Милош Якеш, с которым Дубчек во время учебы в Москве жил в одной комнате. С точки зрения Дубчека, этой причины было достаточно. Напомним, что Милош Якеш приветствовал ввод войск ОВД в ЧССР в августе 1968 года и стал последним лидером социалистической Чехословакии.

Новое партийное руководство КПЧ было окончательно сформировано на пленуме ЦК, который завершился 4 апреля 1968 года.

Спустя пару дней появилось и новое правительство во главе с Черником. Черник в то время считался вторым человеком в стране (президента Свободу как политическую фигуру никто всерьез не воспринимал). В отличие от Дубчека, ему на посту премьер-министра приходилось каждый день решать конкретные вопросы, и на стиль многочасовых разговоров и убеждений (которым так любил гордиться Дубчек) у Черника не было ни времени, ни возможности. Сам он по стилю был скорее менеджером-прагматиком, но ориентировался на Дубчека,

который сделал его премьером вместо Ленарта – человека, ни в чем не уступавшего Чернику по профессионализму. Каких-либо твердых убеждений у Черника не было, и он постоянно колебался в оценках ситуации.

Правительство Черника в целом состояло из неплохих профессионалов, хотя и нельзя сказать, что оно было на голову выше, например предыдущего кабинета Ленарта. Ведь Ленарт, согласно указанию Новотного, подбирал в министры именно специалистов-профессионалов, а не партийных работников, которых надо было куда-нибудь пристроить.

Вице-премьерами у Черника стали «иконы» экономических и политических реформ – Ота Шик и Густав Гусак. Причем последнего тогда считали наряду с Кригелем и Смирковским чуть ли не главным либералом в стране. Сразу после избрания Дубчека первым секретарем ЦК КПЧ Гусак прислал ему поздравительную телеграмму. В феврале 1968 года Дубчек поручил Биляку поговорить с Гусаком о его дальнейшей работе. Гусак якобы сказал, что готов занять любое место, «даже и в Праге»^[502]. Дубчек и не подозревал, что ровно через год Гусак сменит его во главе КПЧ.

Реформаторами слыли также министр иностранных дел Иржи Гаек, министр образования Владимир Кадлец, министр культуры Мирослав Галушка и министр внутренних дел Йозеф Павел. Павел был арестован в 1951 году по делу Шлинга – Сланского как бывший боец интербригад в Испании и теперь должен был заняться полной и окончательной реабилитацией жертв репрессий. Павел вызывал самую большую настороженность в Москве, так как фактически свернул все сотрудничество с СССР по линии МВД и КГБ.

Естественно, Москве было небезразлично, кто станет министром обороны основного союзника СССР по Варшавскому договору. Генерал Мартин Дзур представлял собой фигуру явно политически слабую и оказался в министерском кресле лишь потому, что был словаком и в начале 1968 года предупредил Дубчека о планах Шейны. Дзур родился в 1919 году. С 1941 года служил в армии марионеточного словацкого государства, участвовал в боях против Красной армии. В январе 1943 года, как и многие другие словацкие солдаты и офицеры, перешел на сторону советских войск. С июня того же года воевал против вермахта в составе чехословацкого соединения Людвика Свободы, участвовал в боях за Киев и Дуклинский перевал, освобождал Словакию (в том числе и свой родной город Липтовски-Микулаш). Окончил в СССР Военную академию тыла и транспорта в 1952 году, Высшие академические курсы при ней – в 1956-м, Военную академию Генерального штаба – в 1966-м. В 1958-1968 годах был

заместителем министра обороны.

С политической точки зрения Дзур полностью устраивал Москву – его считали надежным другом СССР. Другое дело, что военно-стратегические и военно-политические вопросы решал отнюдь не министр обороны, а Президиум ЦК КПЧ. К тому же Дзур по своей военной специальности и служебной карьере был тыловиком и большим авторитетом в войсках не пользовался.

Министр иностранных дел Иржи Гаек был гораздо более подозрительной с точки зрения Москвы фигурой. Он родился в 1913 году, выучился на юриста в Карловом университете и еще до войны стал членом социал-демократической партии (ЧСДП), отношения которой с КПЧ были в 1930-е враждебными или в лучшем случае очень натянутыми. Гаек участвовал в подпольной деятельности (был членом подпольного Национального движения трудящейся молодежи), был арестован немцами в ноябре 1939 года и приговорен к 12 годам тюрьмы, в которой находился до конца войны.

В 1945-1948 годах был депутатом парламента от ЧСДП и принадлежал к левому крылу партии. Правда ходили слухи, что он одновременно тайно состоял в КПЧ и был в рядах социал-демократов «засланным казачком», известным в компартии под грифом Е-22. Эту версию косвенно подтверждает тот факт, что после вхождения ЧСДП в КПЧ в 1948 году Гаек сразу стал членом ЦК компартии. В 1950-1953 годах был ректором основанной им же самой Высшей школы политических и экономических наук. Затем Гаек перешел на дипломатическую работу и был послом в Лондоне (1955-1958 годы) и представителем ЧССР в ООН (1962-1965). В 1965 году сменил Цисаржа на посту министра образования.

Гаек как министр должен был символизировать то, что новое руководство КПЧ готово доверить ответственные посты бывшим социал-демократам. Это было и демократично, и одновременно отвечало планам Дубчека ни в коем случае не допустить восстановления самостоятельной социал-демократической партии в стране.

Млынарж (тогда секретарь ЦК) описывал сформированное в начале апреля 1968 года новое руководство КПЧ следующим образом: «Так возникло новое партийное руководство Дубчека: как результат конфронтации и компромиссов за кулисами властной структуры, но как и следствие давления все более набиравшего силу демократического движения в партии и обществе... Но если принять во внимание те серьезные политические проблемы, с которыми новому руководству пришлось столкнуться почти сразу же, то надо сказать, что оно было

конгломератом слишком гетерогенных политических сил и в качестве такового с самого начала было обречено на то, чтобы застрять в непреодолимых внутренних конфликтах. И это является доказательством того, что тройка во главе (партии) – Дубчек, Черник и Кольдер – неправильно оценивала будущее и не поняла всю серьезность ситуации»^[503].

Несмотря на все обещания Дубчека разделять партийные и государственные функции («править должно правительство»), механизм принятия политических решений в ЧССР после января 1968 года, как уже упоминалось, ни на йоту не изменился. Все мало-мальски важные вопросы, как и при Новотном, решал Президиум ЦК, а правительство лишь выполняло эти решения.

К каждому заседанию президиума (в котором участвовали кандидаты в члены президиума и секретари ЦК) аппарат ЦК готовил десятки самых разных вопросов повестки дня – от мелких до кардинальных. Каждому члену президиума предоставляли огромную кипу справочных материалов – ее обычно мерили не числом страниц, а весом. Никто все эти справки никогда не читал – для этого просто не было физической возможности. Поэтому всю кипу возвращали в аппарат, где те же самые клерки делали краткие аннотации к составленным ими же самими материалам. Если какой-нибудь вопрос касался деятельности того или иного министра, то его обычно приглашали на заседание президиума. Таким образом, по технологии принятия решений Президиум ЦК КПЧ при Дубчеке ничем не отличался ни от президиума времен Новотного, ни от советского политбюро при Брежнев.

Но так как Дубчек гордился тем, что не навязывал никому своей точки зрения, президиум быстро превратился в бесконечную говорильню. Его члены без всякого регламента говорили не только по повестке дня, а обо всем, о чем считали нужным: о статьях в газетах, погоде или о людях, с которыми они встречались на собраниях и митингах. Неудивительно, что заседания президиума шли по восемь-десять часов, а то и больше. Обычно приходилось сервировать легкий ужин прямо в зале заседания.

Когда все порядком уставали от самих себя, двум-трем членам президиума обычно поручали составить проект решения президиума по тому или иному вопросу. Затем проект обсуждался и принимался. Проблема была только в том, что при Дубчеке эти решения часто не выполняли даже сами члены президиума.

Когда министр иностранных дел «либерал» Гаек впервые попал на заседание Президиума ЦК КПЧ, он был неприятно поражен и не мог

понять, как при таком порядке вообще можно осуществлять какое-либо управление страной.

Интересно, что если Новотный был аскетом и человеком, достаточно равнодушным к материальной стороне власти, то новое руководство придавало этому аспекту своей жизни большое значение. Дубчек (как первый секретарь ЦК), Черник (как председатель правительства) и Смирковский (как председатель Национального собрания) только официально получали по 25 тысяч крон в месяц, что было более чем в 10 раз больше средней зарплаты. Секретари ЦК получали в целом 14 тысяч (8 тысяч в качестве заработной платы и 6 тысяч – на возмещение представительских расходов)^[504]. При этом деньги как таковые были членам Президиума ЦК КПЧ не нужны – почти все они могли получить бесплатно или по бросовым ценам, достаточно было лишь выразить пожелание сотрудникам аппарата ЦК. Новотный, как мы помним, стеснялся того, что получает зарплату и в качестве президента, и в качестве первого секретаря ЦК, поэтому всю «партийную» зарплату в конвертах раздавал своим коллегам по президиуму. Дубчек заклеил эту практику как коррупцию.

К услугам членов партийного руководства были недоступные для обычных граждан дома отдыха, за пребывание в которых тот же Млынарж платил 290 крон за три месяца – столько же, сколько нормальный гражданин за две недели пребывания в летнем лагере без особых удобств.

Заметим, что Новотный после своей отставки переехал в скромную виллу в пражском районе Смихов (где жил еще до избрания президентом), а потом и в трехкомнатную квартиру. Возможность отдыхать в доме отдыха ЦК в Орлике Новотный утратил, и они с женой Боженной купили небольшой загородный дом^[505].

Правда, «освобожденные» чехословацкие газеты не оставили бывшего президента в покое. Весной стали распространяться нашедшие отражение в прессе слухи, что в бытность президентом Новотный отдал указание за государственный счет отремонтировать дом и дачу своего сына. Причем эти деньги якобы незаконно взяли из фонда ремонта Пражского Града – официальной резиденции президента ЧССР. В начале июля 1968 года канцелярия президента республики была вынуждена дать официальное опровержение. В нем говорилось, что в бюджете канцелярии законом предусмотрены средства на ремонт жилья президента и членов его семьи. Поэтому ремонт дома сына Новотного был законным и не имел ничего общего со средствами, отпускавшимися по другой статье бюджета на

ремонт Града. К тому же заказ на ремонт поступил не от президента, а от его жены, а сам Новотный еще в январе 1968 года компенсировал часть расходов из личных средств^[506].

Первое время лицом «пражской весны» был, конечно, сам Дубчек, популярность которого во время этой самой весны 1968 года (уже не политической, а календарной) росла невиданными темпами. Он, как уже упоминалось, был не очень хорошим оратором и перед большими массами людей держался стеснительно и скованно. Но именно эта стеснительность и мягкая улыбка и были источником популярности Дубчека на контрасте с самоуверенным и часто насупленным на людях Новотным. Людям было не важно, что именно говорит Дубчек, – им хватало общих фраз об «обновлении» (с лета 1968 года «обновление» заменил лозунг «социализм с человеческим лицом»). Дубчек впервые приоткрыл завесу и над своей личной жизнью. Мы уже говорили, что, к восторгу граждан, газеты опубликовали фотографию, где первый секретарь был запечатлен на пляже в одних плавках. Новотный счел бы это верхом нескромности, но людям такая открытость не могла не нравиться.

Проблема Дубчека была в его фирменном стиле руководства. Он часто повторял, что, в отличие от Новотного, не хочет приказывать, а намерен убеждать в правильности своей точки зрения. Но если убеждение не срабатывало, возникали сложности, как с журналистами начиная с конца весны 1968 года. Они слушали увещевания Дубчека, но поступали по-своему, по принципу того кота Васьки, который «слушает, да ест». А Дубчек, опасаясь за свой имидж мягкого реформатора, не хотел предпринимать в отношении прессы или интеллектуалов никаких административных мер. Первый секретарь стал заложником собственной популярности, которую не хотел терять ни в коем случае и залогом которой было благоприятное освещение его, Дубчека, в СМИ.

Когда летом 1968 года пресса обрушилась уже на него самого, да и на всю компартию в целом, Дубчек пребывал в состоянии перманентной растерянности и обиды.

В пользу Дубчека следует сказать, что он искренне верил как в идеалы социализма, так и в то, что при демократизации социализм станет притягательной для всех в мире и в собственной стране моделью общественного устройства. Проблема была в том, что Дубчек упустил из рук эту демократизацию, которая усилиями СМИ и откровенно антикоммунистически настроенных деятелей культуры стала превращаться в тотальную и неконструктивную критику социализма, СССР, а потом и самого Дубчека как сторонника социалистического выбора и дружбы с

Советским Союзом.

«Отпущенные» на свободу средства массовой информации резко нарастили весной 1968 года свои тиражи: с января по март только ежедневные газеты увеличили свой тираж на 140 тысяч экземпляров, а к маю – на 500 тысяч^[507]. Тон задавал орган Союза писателей «Литературные листы», первый номер которого (после фактического запрета летом 1967 года) вышел 1 марта. К июню тираж этого издания превысил 30 тысяч экземпляров. Это было самое «либеральное», а с лета и откровенно антикоммунистическое издание. Немногим уступал орган фактически развалившегося Чехословацкого союза молодежи «Млада фронта», где особенно часто появлялись антисоветские материалы.

В СССР занятие Дубчеком поста первого секретаря ЦК КПЧ поначалу не вызвало никакого беспокойства. «Саша», или «Александр Степанович», считался надежным другом Советского Союза. В КГБ Дубчека называли «наш Саша».

С самого начала в Москве ясно видели, что Дубчек слишком слаб и мягок для роли лидера страны, но думали, что в рамках коллективного руководства, то есть Президиума ЦК КПЧ, этот недостаток будет нивелирован более опытными старшими товарищами.

Но как только Дубчек без согласования с Москвой в марте – апреле 1968 года отправил в отставку Новотного и сразу же, тоже не советуясь, заменил почти всех людей в правительстве и в Президиуме ЦК КПЧ, а также восьмерых из 11 лидеров областных парторганизаций, в Москве забеспокоились. Не то чтобы новых людей считали какими-то антисоветчиками. Отнюдь нет. Но было большое опасение, что эти молодые и малоопытные люди просто не справятся с тем, что затеяли.

Еще при Хрущеве, да, собственно, и раньше, Москва редко высказывалась определенно против каких-либо кадровых назначений в странах-союзниках. Но было принято, что относительно масштабных перестановок СССР предварительно хотя бы ставили в известность. В той же Чехословакии Брежнев в 1967 году пригласили разрешить спорную ситуацию в руководстве сами же члены Президиума ЦК КПЧ, и советский лидер вел себя, даже по оценке Дубчека, очень вежливо и предупредительно, не навязывая никому никакой точки зрения.

То, что теперь Дубчек даже не счел нужным сообщить Москве о своих масштабных кадровых рокировках, ставило советских товарищей в тупик. В Политбюро ЦК КПСС никак не могли решить: делает ли Дубчек это просто по неопытности или в угоду общественному мнению в стране (которое тогда означало на практике антисоветски настроенную

творческую интеллигенцию) бросает Кремлю заранее обдуманый вызов.

В Кремле решили лично познакомиться с Дубчеком сразу же после избрания его первым секретарем. Уже 10 января посол СССР в Праге Червоненко передал Дубчеку приглашение прибыть с неофициальным визитом в Москву.

18 января 1968 года, еще до приезда Дубчека в Москву, Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопросы, связанные с Чехословакией. Оценивая обстановку в ЧССР, Червоненко заявил: «...процесс идет. И этот процесс остается сложным». При этом посол отметил: «...правильно критикуя Новотного за негибкость в решении многих вопросов, обвиняя его в догматизме, кое-кто попытался расшатать основы партии, ревизовать основные позиции партии, основные направления в политике и практике партийной линии в Чехословакии». «Надо сказать, – продолжал посол, – что Дубчек чувствует себя сейчас неуверенно... но тов. Дубчек – безусловно, честный, преданный человек, очень преданный друг Советского Союза»^[508].

Пока Дубчек размышлял о том, что он скажет в Москве о своих планах, ему позвонил лидер Венгрии Янош Кадар и предложил встретиться в неформальной обстановке. Дубчек был этому звонку рад, так как и сам хотел посоветоваться с Кадаром и польским лидером Гомулкой. Эти два человека также считались реформаторами в социалистическом лагере, но, в отличие от Румынии, Польша и Венгрия были твердыми союзниками СССР по Варшавскому договору.

Встреча Дубчека с Кадаром состоялась в Южной Словакии 20 января 1968 года. Дубчек говорил Кадару, что чехословацкие реформы до сих пор запаздывали и теперь надо наверстывать упущенное, в первую очередь в сфере демократизации общества. Кадар, который, как и Гусак, в начале 50-х подвергся репрессиям, не разделял энтузиазма Дубчека, так как прекрасно помнил события 1956 года на своей родине. Разнузданная критика всего и вся в Венгрии под флагом «десталинизации» тогда как раз не позволила провести серьезную реформу, прежде всего в экономике, и в конечном итоге вылилась в массовые беспорядки и гражданскую войну с тысячами жертв. После ввода советских войск в 1956 году Кадару пришлось начинать все с самого начала и в гораздо более сложной обстановке.

Теперь Кадар (которому было в 1968 году 56 лет) осуществлял реформы так, как позднее это стали делать в КНР, и как это пытался делать Новотный, – сначала Кадар хотел существенно повысить жизненный уровень людей, а уж потом отпустить вожжи в политической сфере.

Тогда Дубчек был уверен, что они с Кадаром расстались друзьями. Однако потом написал в мемуарах, как «с горечью» выяснил, что Кадар информировал Брежнева о своей беседе с ним^[509]. Хотя непонятно, чем, собственно, тот провинился – ведь ЧССР, как и Венгрия, была союзником Советского Союза, и сам Дубчек отнюдь не просил Кадара держать содержание их встречи в секрете от Москвы.

В Москву Дубчек прилетел 29 января 1968 года, никто из членов Президиума ЦК КПЧ его не сопровождал. В неформальных переговорах помимо Брежнева участвовало почти все советское политбюро – Подгорный (тогда «человек номер два» в СССР), Косыгин, Сулов (главный идеолог КПСС), Кириленко и Шелест (глава граничащей с ЧССР Украины).

Брежнев спросил Дубчека, какие конкретно реформы он намерен проводить в Чехословакии. Дубчек ответил, что Чехословакия – это развитая страна, и советская модель социализма уже не совсем отвечает ее условиям. Следование ей ведет к напряжению и даже конфликтам в обществе. Поэтому общество требует демократизации, и, по мнению Дубчека, никакой угрозы социализму это не представляет. При этом Дубчек старался избегать самого слова «реформа» и больше говорил об «исправлении ошибок» и «обновлении». В мемуарах Дубчек пишет о «нахмуренных» и «каменных» лицах членов советского политбюро, с которыми якобы было невозможно ни о чем договориться^[510]. Он лишь заверил Брежнева, что все, что происходит в Чехословакии, не направлено против интересов СССР и является внутренними проблемами самой страны.

Дубчек, согласно отчету о своей поездке для Президиума ЦК КПЧ, сказал в Москве буквально следующее: «Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что братская дружба и прочный союз с Советским Союзом не подлежат никакому сомнению для любого члена нашей партии. Что касается лично меня, то я даю вам гарантию – и, думаю, вы никогда не сомневались в том, – что на своем новом посту я буду действовать, как и раньше, чтобы содействовать усилиям Центрального комитета нашей партии в целях дальнейшей консолидации нашей братской дружбы и прочного всестороннего сотрудничества между нашими партиями и странами...»^[511]

Но Дубчек все-таки признал наличие в ЧССР «экстремистски-либералистических» и националистических элементов и обещал против них бороться^[512].

Советские участники переговоров больше слушали, чем говорили. У Брежнева после встречи сохранилось в целом доброжелательное

отношение к Дубчеку, хотя советский лидер подметил в нем повышенную нервозность и некоторую несобранность.

После визита в Москву Дубчек избрал следующую тактику: он просто ставил СССР перед фактами, обещал прекратить нападки на него в чехословацких СМИ и при этом не выполнял ни одного из своих обещаний.

После возвращения из Москвы Дубчек 4 февраля опять встретился с Кадаром и опять по инициативе последнего. На этот раз беседы проходили как в Словакии (в Комарно), так и на другом берегу Дуная в венгерском Комароме. Дубчеку льстило внимание ведущего реформатора Варшавского договора. Но Москва, где не хотели повторения венгерских событий 1956 года, явно попросила Кадара повлиять на Дубчека. Венгерский лидер подробно выспрашивал Дубчека о его планах, в Москве сочли объяснения нового чехословацкого лидера слишком общими и туманными.

Дубчек хотел заручиться поддержкой еще одного известного во всем мире реформатора – лидера Польши Владислава Гомулки, которого в 50-е американцы считали будущим вторым Тито. Как и Кадар, Гомулка стал жертвой операции «Раскол», сидел в тюрьме и в октябре 1956 года сделался первым лидером социалистического государства, избранным на этот пост вопреки желанию СССР.

7 февраля 1968 года Гомулка (которому тогда было 63 года) встретился с Дубчеком в Остраве. На этот раз первого секретаря ЦК КПЧ сопровождал секретарь ЦК по международным вопросам Владимир Коуцкий, от которого Дубчек избавился почти ровно через месяц. Выслушав планы Дубчека, Гомулка неожиданно предложил ему пройти вдвоем. Беседа шла по-русски (Дубчек понимал и польский язык). Дубчек попытался нащупать выгодную для собеседника тему и начал говорить о политических репрессиях начала 1950-х годов, которые нанесли огромный урон делу социализма в Чехословакии и вызвали нынешнюю беспокойную обстановку в обществе. Теперь все это надо быстро исправлять.

Гомулка тихо ответил, что понимает – в моральном и человеческом смысле реабилитировать жертв репрессий необходимо, но это может привести к «неконтролируемым политическим процессам и может подорвать позиции партии». Эти слова Гомулки оказались пророческими.

Дубчеку такой настрой не понравился, и он списал его на старость польского лидера.

Старым маразматиком и реакционером Дубчек с самого начала считал и лидера ГДР Вальтера Ульбрихта, с которым он даже и не пытался наладить доверительный диалог. В его глазах Ульбрихт был сталинистом и «немецким Новотным». При этом Ульбрихт не только смог оградить ГДР от

политических репрессий в начале 50-х, но, как и Кадар, был свидетелем беспорядков в своей стране летом 1953 года, когда навязанный по инициативе Берии из Москвы «новый курс» вызвал недовольство рабочих и едва не привел к крушению социализма в ГДР.

При этом именно Ульбрихт мог похвастаться самыми блестящими успехами в экономике среди всех социалистических стран. Несмотря на разрушения в конце войны и огромные репарации, которые ГДР до 1953 года платила Польше и СССР за всю Германию, к 1968 году Восточная Германия уже обошла по уровню жизни почти не затронутую войной Чехословакию. При этом в ГДР стояло почти полмиллиона советских солдат и офицеров, и страна несла гораздо более тяжелое бремя военных расходов в ОВД, чем Чехословакия.

В 1964 году в ГДР по инициативе Ульбрихта началась экономическая реформа, у которой были примерно такие же цели и методы, как и у реформы Шика. «Маразматик» Ульбрихт первым понял важность компьютеров, и восточногерманский комбинат «Роботрон» скоро обеспечивал электронно-вычислительной техникой все социалистические страны.

ГДР в машиностроении отставала по производительности труда от ФРГ на 20 %^[513], но после начала в стране реформы это отставание стало сокращаться. В отличие от реформы Шика, гдээрзовская реформа к 1968 году уже дала неплохие результаты: абсолютный прирост национального дохода в 1966-м был в 3,5 раза больше, чем в 1962-м. Объем промышленного производства за годы реформы вырос на 25 %, причем в основном за счет роста производительности труда в среднем на 6 % в год.

В общении с советскими лидерами Ульбрихт вел себя очень самостоятельно и открыто высказывал несогласие, если думал по-иному.

Как и Гомулка, Ульбрихт с тревогой следил за начавшейся в ЧССР разнузданной антикоммунистической и антисоветской кампанией в СМИ и, конечно, не мог этого одобрить.

10 марта 1968 года посол ГДР в Чехословакии Флорин сообщал в Берлин о положении в ЧССР: «Активность оппозиционных сил в последние дни усилилась и все более принимает открытые контрреволюционные черты. Имеют место и систематические выпады против органов государственной власти, их представителей, против основ социалистического общества и против основных вопросов социализма... Под девизом „борьбы с консерватизмом“ и за „безграничную демократию“ требуется отстранение президента республики, министра национальной обороны, председателя профсоюзов и других товарищей... Противник

увеличил свои усилия для того, чтобы развалить армию и элиминировать ее как орган власти. При этом, в частности, используется дело Шейны... Начальник отдела безопасности ЦК Мамула был смещен уже три недели назад. После отставки он совершил самоубийство... Пресса вообще, как минимум центральная пресса, телевидение, радиовещание, ЦТК (государственное информационное агентство ЧССР – *Прим. автора.*) и ряд журналов находятся в руках враждебных сил...

Однозначно очевидно, что вражеские силы направляются централизованно. Возможно, существует как открытый центр, так и подпольный центр. К личностям открытого центра сегодня уже можно причислить Смрковского... Шика... Гольдштюкера... (председатель Союза писателей – *Прим. автора.*), Пеликана (директор государственного телевидения), Когоута (писатель)...

До сих пор положение развивается так, как накануне контрреволюционного путча 1956 г. в Венгрии. Разница заключается в том, что партия в районах еще не так развалена, и в том, что ряд товарищей медленно начинают понимать, что это развитие направлено непосредственно против партии... Члены Президиума выступают на различных областных партконференциях. Их выступления до сих пор двойственны, и не предпринимаются попытки мобилизовать (массы) против оппозиционных сил. Вследствие этого партия в настоящее время не руководит борьбой против нападков вражеских сил... Надо рассчитывать на дальнейшее обострение положения...»^[514]

Ульбрихт, впрочем, как и Кадар и Гомулка, бил тревогу и предлагал Брежневу немедленно обсудить обстановку в Чехословакии вместе с Дубчеком, чтобы побудить того к активной борьбе против распоясавшейся антикоммунистической оппозиции.

Советское посольство в Праге тоже писало об очень тревожном развитии обстановки в Чехословакии. В донесениях говорилось о формировании правой «группы Шика», в которую якобы входили Черник, Кольдер и Капек (при этом двое последних на самом деле оппонировали «реформаторам»).

Обстановка в Чехословакии стала предметом обсуждения на заседании Политбюро ЦК КПСС 15 марта 1968 года. В Москве, как уже упоминалось, не одобряли готовившуюся отставку Новотного с поста президента, как и ситуацию в стране в целом. Брежнев заметил: «Надежды на Дубчека не оправдываются, он может вылететь, так как события, которые происходят, им мало управляются. Ведь может случиться так, что они снимут Новотного. Они сняли прокурора, начальника КГБ, на очереди Ломский

(министр обороны – *Прим. автора.*), а потом и за Дубчеком дело»^[515].

Политбюро посчитало целесообразным обратиться с письмом в адрес Президиума ЦК КПЧ. В нем Б. Н. Пономарев предложил: «...сказать, что у них начался разгул в печати, по радио и телевидению, сказать, что все это направлено на отрыв Чехословакии от социалистического лагеря, от СССР, сказать яснее и подробнее об этом... Сказать в письме и о том, что они находятся рядом с ФРГ». При этом следовало особо подчеркнуть, что «положение действительно очень серьезное». «Методы и формы, которыми ведется сейчас работа в Чехословакии, очень напоминают венгерские. В этом внешнем хаосе есть свой порядок. В Венгрии тоже с этого начиналось, а потом пришел первый, второй эшелон и, наконец, социал-демократы», – таково было заявление Ю. В. Андропова, имевшего за плечами горький опыт венгерских событий 1956 года (Андропов в 1956 году был послом СССР в Венгрии, с 1967-го возглавлял КГБ СССР)^[516].

Итак, 15 марта 1968 года Политбюро ЦК КПСС одобрило проект письма Дубчеку, в котором его приглашали в СССР, но на этот раз не одного, а в составе партийно-государственной делегации. В Москве хотели выслушать точку зрения всех основных руководителей Чехословакии. На пленуме ЦК КПСС 6 апреля 1968 года Брежнев говорил: «...мы придавали особое значение тому, чтобы во встрече принял участие не один т. Дубчек, с которым мы и до этого неоднократно беседовали, но и другие деятели из Президиума ЦК КПЧ»^[517]. В Москве начали оправданно подозревать, что Дубчек не знакомит с ходом и итогами своих переговоров с советскими лидерами других членов Президиума ЦК КПЧ.

Но, прежде всего, в Москве вызывала тревогу фактическая отмена цензуры СМИ и обрушившийся, в том числе и на СССР, поток не всегда достоверной, а подчас и откровенно лживой критики.

Например, чехословацкая печать, в том числе и партийная, стала весной 1968 года обвинять СССР еще в более тяжком преступлении, чем дело Шейны. Как мы уже упоминали ранее, появились статьи о том, что любимый всем народом министр иностранных дел и сын первого президента ЧСР Ян Масарик вовсе не покончил жизнь самоубийством в марте 1948 года, а был вытолкнут из окна некими «сотрудниками советских органов госбезопасности». Основанием для этих публикаций послужила вышедшая в западногерманском журнале «Шпигель» статья чехословацкого эмигранта, писавшего под псевдонимом. Никаких доказательств таинственный автор статьи не привел, тем не менее 16 апреля 1968 года в центральном органе КПЧ «Руде Право» журналист

Иржи Хофманн^[518] написал: «Высшие интересы настоятельно диктуют, чтобы выяснилось, не действовали ли в случае Яна Масарика бериевские „гориллы“. Конечно, в любом случае необходимо – и завтрашний день это подтвердит – описать их деятельность в более позднее время»^[519].

За «советский след» в деле Яна Масарика ухватился и уже упоминавшийся выше философ Иван Свитаков. Отсутствие фактов в подобного рода статьях заменяли хлесткие выражения типа «бериевских горилл».

Повторим, что чехословацкая генеральная прокуратура в 1968 году под давлением общественности провела новое расследование обстоятельств гибели Яна Масарика (причем были допрошены и чехословацкие эмигранты на Западе, включая секретаря Масарика) и полностью подтвердила результаты следствия 1948 года: министр случайно соскользнул с подоконника своей ванной комнаты.

Но СССР не мог оставить эти обвинения без ответа. Политбюро ЦК КПСС 7 мая 1968 года утвердило текст заявления ТАСС, в котором, в частности, говорилось: «В последние дни в некоторых органах западной печати, а также в отдельных чехословацких газетах появились статьи, содержащие различного рода домыслы относительно причин смерти бывшего министра иностранных дел Чехословакии Яна Масарика, который, как известно, в 1948 году покончил жизнь самоубийством. Теперь вражеская пропаганда пытается представить дело так, будто к кончине Масарика были причастны некие „советники из органов безопасности Советского Союза“.

ТАСС уполномочен самым решительным образом заявить, что указанные сообщения являются лживыми от начала и до конца. Те, кто их распространяет, преследуют совершенно определенную цель – попытаться хотя бы таким провокационным путем посеять подозрительность между двумя дружественными государствами – Советским Союзом и Чехословакией. Враги социалистической Чехословакии, распространяя эти клеветнические сообщения, явно рассчитывают вызвать антисоветские настроения у политически малоустойчивых людей»^[520].

Заметим, что перед опубликованием заявления ТАСС председатель КГБ СССР Андропов поручил проверить в архивах КГБ все материалы, так или иначе связанные с Яном Масариком. Но ничего, что говорило бы о «советском следе» в истории самоубийства бывшего министра иностранных дел, не нашли.

В Москве с большой неохотой пошли на публичную полемику с

прессой дружественной страны, но отмалчиваться перед лицом таких обвинений было просто нельзя.

Между тем Дубчек использовал дело Шейны и отставку Новотного для нового витка либерализации: 14 марта 1968 года на заседании Президиума ЦК КПЧ он предложил безотлагательно реабилитировать всех лиц, которые когда-либо подверглись незаконным репрессиям. Никто прямо не возражал. Но голосования Дубчек почему-то проводить не стал, решив, что его предложение и так одобрено.

Одновременно с Новотным «выкинули с поста», по выражению Дубчека, председателя Словацкого национального совета Михала Худика. Худик и Дубчек были давнишними противниками. Естественно, все это объясняли «давлением общественности». На ту же общественность свалили и отставку председателя правительства Ленарта, главы профсоюзов Пастыржика, руководителей Союза чехословацкой молодежи. За пару недель были обезглавлены все общественные организации.

Отставку Новотного с поста президента ЧССР оценило отнюдь не однозначно и посольство США в Праге. В телеграмме в Вашингтон от 25 марта 1968 года посол США в Праге Бим писал, что процесс демократизации может выйти из-под контроля партийного руководства и привести к выдвиганию «опасных требований» вроде нейтралитета Чехословакии^[521]. Однако Бим считал, что «чехи – это не поляки или венгры» и «голова не потеряют», а основная масса населения отнесется к политической либерализации пассивно.

Бим полагал, что Москва вмешается в события только тогда, когда сама Чехословакия вынудит русских к этому. Посол надеялся, «что уроки 1956 года^[522] усвоены всеми сторонами и можно ожидать, что Прага сделает все возможное, чтобы избежать рискованных внешнеполитических шагов»^[523]. Самых реформаторов (группу Дубчека – Черника) Бим оценивал невысоко: они хотели вызвать демократизацию в тактических целях только для того, чтобы убрать Новотного, а теперь безуспешно пытаются загнать джинна обратно в бутылку. В целом же события в ЧССР развиваются в русле, отвечающем «интересам США».

В своих мемуарах Дубчек почему-то расценивает письмо Брежнева от 15 марта с приглашением чехословацкой делегации посетить СССР как «знак давления». Мол, странно, что Брежнев не предложил в письме конкретного срока визита^[524]. На самом деле в письме предлагалось приехать в «любое удобное для чехословацких товарищей время» и ничего, кроме обычной вежливости, в этом не было^[525].

Одновременно министр обороны СССР Гречко пригласил в Москву своего чехословацкого коллегу Ломского для обсуждения вопросов двустороннего военного сотрудничества. Тем самым в Москве, видимо, хотели предотвратить отставку Ломского. Но Дубчек сказал министру обороны, чтобы тот повременил с ответом, а вскоре Ломского заменили на более покладистого, как считал первый секретарь, Дзура.

Между тем Брежнев позвонил Дубчеку и сообщил, что вместо Москвы встретиться 23 марта на высшем уровне всем странам Варшавского договора (за исключением Румынии) решено в Дрездене. Румын не стали звать, потому что те в последнее время стремились сорвать любые встречи ОВД и СЭВ. Из-за Румынии никак не удавалось даже назначить Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами ОВД. При этом 3 июня 1968 года министр обороны Румынии генерал Ионит заявил: «Основываясь на собственных принципах, Социалистическая Республика Румыния определенно позиционирует себя вне общих военных структур Варшавского договора, однако не до такой степени, чтобы заявить о выходе из Договора...»^[526] Министр обороны СССР маршал А. А. Гречко на заседании Политбюро ЦК КПСС 3 марта 1968 года, говоря о позиции Румынии, заметил: «Теперь ясно, что они – за пересмотр всего Варшавского договора в целом. Мы создадим штаб, вполне боеспособный, и Варшавский договор не пострадает, если уйдут румыны»^[527].

Создавалось впечатление, что Чаушеску специально делал все, чтобы заслужить аплодисменты и кредиты Запада. Он демонстративно флиртовал с маоистским Китаем и отказался осудить Израиль за агрессию 1967 года. Брежнев позднее сформулировал это следующим образом: «В Дрезден с общего согласия участников встречи не были приглашены представители Румынии. Это объясняется тем, что присутствие румынских товарищей с их „особой“, националистической позицией могло бы нарушить деловой, конкретный характер обсуждения столь сложных вопросов и привести к дополнительным трудностям»^[528]. Другими словами, в Москве боялись, что Чаушеску сразу же расскажет обо всем американцам.

По словам Дубчека, Брежнев его обманул, сказав, что на повестке дня встречи в Дрездене будут вопросы экономического сотрудничества в рамках СЭВ.

Дубчек взял с собой в Дрезден Ленарта (тогда еще главу правительства), Черника (тогда председателя Госплана), Кольдера (как секретарь ЦК он отвечал за экономику) и первого секретаря ЦК КПС Биляка.

В Дрездене, вопреки воспоминаниям Дубчека, сначала действительно обсуждали экономические вопросы. Как сам он говорил в Праге после возвращения из Дрездена, его потрясли слова Косыгина о серьезных экономических трудностях США и угрозе для доллара. Видимо, Дубчек счел это банальной пропагандой, хотя доллар, как и предсказывал Косыгин, в 1969 году был девальвирован (впервые после 1945 года) и окончательно рухнул в 1971-м.

Затем, причем по предварительной договоренности, с информацией о положении в Чехословакии выступил Дубчек. Он не отрицал, как позднее рассказывал на пленуме ЦК КПСС Брежнев, что «развиваются некоторые неблагоприятные процессы, что радио, телевидение, пресса в значительной степени вышли из-под контроля партии».

«Однако в его выступлении, – сетовал советский лидер, – не чувствовалось серьезной тревоги по поводу создавшегося положения. Такой характер выступления т. Дубчека не был для нас неожиданным. Мы и раньше замечали, что руководители КПЧ или действительно недооценивают серьезность положения в партии, или по каким-то соображениям хотят приуменьшить отрицательные стороны происходящих событий»^[529].

И Брежнев, и Кадар, и Гомулка, не говоря уж об Ульбрихте, проводили параллели с событиями в Венгрии 1956 года, где все тоже начиналось вполне безобидно и «демократично». По воспоминаниям участника переговоров Биляка, лидеры ОВД говорили, что, конечно, каждая коммунистическая партия сама должна определять свою линию. Однако при этом не должна забывать, что «...мы живем на планете не одни и что у нас общие цели и идеология... Общий противник социалистического мира – империализм не спит. Он ищет даже самую маленькую трещину в нашем единстве для того, чтобы проникнуть в нее»^[530].

Все участники встречи указывали чехословацкой делегации на опасность утраты контроля над СМИ для самой же КПЧ. Но в целом тон критики был очень уважительным, что признавал и Дубчек. Все лидеры соцстран выражали готовность помочь новому чехословацкому руководству во всех областях. Дубчек так говорил об этом на заседании Президиума ЦК КПЧ после возвращения из Дрездена: «Могу сказать, что, делаясь с нами советами, товарищи дали понять, что обеспокоены только потому, что они на нашей стороне и хотят, чтобы наше дело удалось»^[531].

Советскую делегацию, например, удивляло, как это члены ЦК КПЧ могут в нарушение партийной дисциплины выступать в прессе с критикой

партии и правительства и даже устраивать антипартийные митинги.

Брежнев: «Мы сказали, что КПСС поддерживает т. Дубчека и нынешнее руководство, что вся наша позиция направлена к тому, чтобы сделать все возможное для того, чтобы помочь исправить положение, складывающееся в Чехословакии, дать отпор обнаглевшим антисоциалистическим элементам и тем самым укрепить положение руководства КПЧ. Вместе с тем мы дали понять, что на нынешнее руководство КПЧ ложится большая ответственность за судьбы социализма в Чехословакии, за правильность внутренней и внешнеполитической линии КПЧ.

Мы заявили, что КПСС не может быть и не останется безразличной к ходу событий – Советский Союз и, как мы полагаем, другие социалистические страны примут все меры, чтобы не допустить победы контрреволюции»^[532].

В мемуарах Дубчек писал, что острее всего в Дрездене его критиковал Гомулка. Это не столь уж и непонятно – под влиянием событий в Чехословакии в Польше начались студенческие волнения. Причем студенты требовали не просто демократизации, но и расследования «катынских событий» и возвращения Польше Западной Украины и Западной Белоруссии.

«Ульбрихт был лишь чуточку менее грубым. Брежнев корчил из себя заботливого родителя, но в принципе был таким же острым, как Гомулка или Ульбрихт», – вспоминал Дубчек^[533].

Кадар предостерегал чехословацкую делегацию от «друзей народа», которые так активно выступают в прессе с критикой всего и вся: «... наверное, появятся мнимые псевдорабочие лидеры, которые будут обещать все что угодно, лишь бы добиться доверия масс»^[534].

Поименно критиковали Сморковского и директора государственного телевидения Пеликана. Дубчек взял их под защиту, но как-то вяло.

Дубчеку обильно цитировали статьи из чехословацкой прессы, в которых содержались нападки на все соседние социалистические страны. Дубчек отвечал странно: не надо смешивать отдельные статьи с государственной политикой, это дело журналистов. Но ведь статьи публиковались в государственных СМИ ЧССР.

В целом Дубчек обещал взять все СМИ под контроль и очень просил не публиковать подготовленное коммюнике по результатам встречи, в котором содержалась критика чехословацкого руководства. Ему пошли навстречу. А в проекте коммюнике содержалось, например, такое

положение: «Делегации братских партий обратили внимание на то, что оживление антисоциалистических сил, поддерживаемых Западом, может привести к серьезным последствиям, против чего следует предпринять решительные шаги уже в настоящее время»^[535].

Именно после встречи в Дрездене Кольдер и Биляк стали выражать открытые сомнения в правильности линии на «безграничную демократизацию». На пленуме ЦК КПСС в апреле 1968 года Брежнев отмечал: «В доверительных беседах с советским послом товарищи Кольдер, Биляк и другие говорили, что Дрезден является для них большим уроком, что советские товарищи были абсолютно правы, когда предупреждали об угрозе контрреволюции». Кольдер вспоминал: «Для меня Дрезденская встреча явилась большой школой. У меня открылись глаза... я понял, какие опасные препятствия стоят на нашем пути»^[536].

Явно стал колебаться и Черник (впрочем, для него это было естественное состояние), немного притих и как будто задумался Смрковский. Дубчек же извлек совсем другие выводы: именно после Дрездена в конце марта – начале апреля были смещены почти весь Президиум ЦК и все правительство.

На встрече в Дрездене Дубчек уже сильно не понравился Брежневу тем, что юлил, уходил от прямых ответов и вообще избегал конкретики.

Характерно, что Дубчек предложил членам чехословацкой делегации не информировать партийные организации КПЧ об итогах дрезденского совещания. Мол, все ясно, исправим ошибки, и тогда уже можно что-нибудь и сказать. Члены президиума с ним согласились – видимо, публиковать критику в свой адрес «реформаторы» не очень хотели. А когда сразу после Дрездена сменили фактически весь Президиум ЦК, то ни о чем не проинформировали и новых его членов.

ЦРУ следующим образом оценивало итоги саммита стран ОВД в Дрездене: «Если новое руководство в Праге будет действовать осторожно и шаг за шагом, оно добьется хорошего прогресса... С учетом ее (Чехословакии) политической и экономической важности для СССР и советского блока, ЧССР не может начать осуществлять антисоциалистическую или антисоветскую политику. СССР этого не позволит... но нет антисоциалистического или антисоветского движения, которое было бы вовлечено в новую политическую эволюцию ЧССР... а есть всего лишь сильное движение за либерализацию и демократизацию системы»^[537].

ЦРУ приходило к выводу, что СССР не считает Дубчека

антисоветским политиком. Это было абсолютной правдой, но уже в апреле 1968 года в Москве стали сомневаться, руководит ли реально Дубчек всеми процессами, которые он сам запустил.

По сути, ЦРУ становилось на точку зрения таких пражских «центристов», как Млынарж, считая, что только постепенные реформы в рамках социалистического выбора и при крепком союзе с СССР в Варшавском договоре могут привести к успеху. К сожалению, этого не понимали «радикалы» в чехословацком руководстве вроде Цисаржа и Кригеля. Дубчек это понимал, но уже ничего не мог сделать (или не хотел – здесь ни ЦРУ, ни КГБ не могли прийти к единой точке зрения): примерно с апреля 1968 года его авторитет существовал уже только на бумаге и в его собственном воображении.

В СССР решили, что после Дрездена, как Дубчек и обещал, Президиум ЦК КПЧ возьмет СМИ под контроль и все успокоится. Но еще до совещания в ГДР 23 марта 1968 года Политбюро приняло решение отослать в ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС секретную информацию «О событиях в Чехословакии». В документе говорилось: его создание вызвано тем, что «в последнее время события, происходящие в Чехословакии, привлекают все большее внимание партийных работников, коммунистов и советской общественности»^[538].

В целом усилия Дубчека по устранению Новотного с поста первого секретаря ЦК КПЧ в документе оценивались положительно, так как «т. Новотный не видел истинного положения, которое создалось в ЦК КПЧ и не сумел дать ему правильной оценки». «Однако в последнее время события развиваются в отрицательном направлении. В Чехословакии ширятся выступления безответственных элементов, требующих создать „официальную оппозицию“, проявлять „терпимость“ к различным антисоциалистическим взглядам и теориям... В стране идет безответственное все обостряющееся обсуждение пригодности или непригодности значительной части руководящих деятелей партии и государства (президент республики, председатель правительства, министр иностранных дел, национальной обороны и др.)... Следует отметить, что безответственные выступления в прессе, по радио и телевидению под лозунгом „полной свободы“ выражения мнений, дезориентирующие массы, сбивающие их с правильного пути, не получают отпора со стороны руководства КПЧ...

Происходящие события в Чехословакии стремятся использовать империалистические круги для дискредитации политики КПЧ и всех достижений социализма в ЧССР, для расшатывания союза Чехословакии с

СССР и другими братскими социалистическими странами...

Центральный Комитет КПСС внимательно следит за ходом событий в Чехословакии, поддерживает постоянные контакты с руководством КПЧ, а также с руководителями других братских партий социалистических стран Европы... принимал и принимает все зависящие от него меры, чтобы оказать поддержку чехословацким товарищам в этой сложной обстановке».

Между тем после основательной «чистки» Президиума ЦК КПЧ и правительства в конце марта – начале апреля Дубчек решил укрепить свои позиции принятием программного документа партии, в котором закреплялся бы новый курс КПЧ. Так 5 апреля 1968 года появилась Программа действий КПЧ, рассчитанная на период до следующего съезда партии – то есть до 1970 года.

Формально написать программу как можно быстрее поручили комиссии президиума во главе с Кольдером. Но, как вспоминал Млынарж (автор одного из разделов программы), документ составляли сотрудники ЦК и журналисты, а Кольдер лишь попросил, чтобы в нем было не больше 10 страниц.

Однако программа получилась объемной и состояла из пяти частей:

– «Путь Чехословакии к социализму» (здесь излагалась версия послевоенной истории страны);

– «За развитие политической демократии, за новую систему политического руководства общества» (этот раздел писал Млынарж);

– «Народное хозяйство и жизненный уровень»;

– «Развитие науки, образования и культуры»;

– «Международное положение и внешняя политика ЧССР».

Программа получилась довольно противоречивой, и при желании в ней могли найти приемлемые для себя положения и «консерваторы», и «центристы», и «либералы».

В историческом разделе признавались героические усилия Советской армии в освобождении Чехословакии от нацистов^[539]. Подчеркивалось, что Чехословакия была первой в мире промышленно развитой страной, строившей социализм. Путь страны после февраля 1948 года характеризовался как «сложный», при этом правильно указывалось на тяжелую международную обстановку холодной войны. Критиковались догматизм и централистско-административные методы. «Во внутренней жизни республики появились сектантство, подавление демократических прав и свобод людей, нарушение законности, элементы произвола и злоупотребления властью, что вело к подавлению инициативы людей. Все это постигло очень многих граждан, коммунистов и некоммунистов».

Но с конца 1950-х годов, говорилось в программе, в стране стала проводиться новая политика, которую теперь партия и хочет творчески развивать. То есть курс Новотного признавался в целом правильным. Но дальше вдруг отмечалось, что страна находится в состоянии глубокого общественного кризиса, который необходимо преодолеть. Экономическая реформа не принесла ожидаемых плодов якобы только потому, что ей мешала догматическая политическая система, которую надо разрушить.

Появление новых партий не предусматривалось, но предполагалось оживить Национальный фронт. «Ни какая-либо единственная партия, ни коалиция политических партий не должны монополизировать социалистическую государственную власть». И тут же компартия провозглашалась направляющей силой общества, и залогом этого ведущего положения признавалось организационное и идейное единство КПЧ.

Примечательно, что тайных выборов в парламент и местные органы власти на альтернативной основе программа не обещала.

ЦК КПЧ брал на себя в программе обязательство «в ближайшее время, точнее, как можно раньше (поразительно точный срок! – *Прим. автора.*), законом о прессе определить, когда государственные органы могут запретить распространение определенной информации (в прессе, по радио и телевидению)». Этот закон должен был исключить возможность фактической предварительной цензуры^[540].

В программе обещали отменить все ограничения граждан на выезд за границу: «Речь главным образом идет о том, что граждане должны иметь право также на продолжительное или долговременное пребывание за границей и что их нельзя необоснованно ставить в позицию эмигрантов».

Всем жертвам репрессий обещали не только полную реабилитацию, но и возмещение материального ущерба.

В программе говорилось также, что партия вполне сознает, что ее новый курс могут использовать в своих целях противники социализма. Но бороться с буржуазной идеологией КПЧ обещала только идейными, а не административными методами.

Что касается отношений между чехами и словаками, то в программе очень осторожно говорилось о федерализации страны: «...существует серьезная потребность рассматривать преимущество социалистической федеративной структуры в качестве признанной и соблюдаемой государственно-правовой нормы для сосуществования равноправных наций в общем государстве».

В экономическом разделе признавалось, что реформа пока не привела к повышению жизненного уровня и «снижению напряженности на рынке

товаров»^[541]. Но это, мол, является следствием нерешительности в проведении реформы.

Для «ускорения» реформы в программе предлагалась вещь откровенно популистская: создать на всех предприятиях выборные органы руководства («Советы трудящихся»). Опять экономика подменялась политикой. Но тут же говорилось, что это не должно ослабить руководящие функции дирекций, где представлены профессионалы. Идея таких советов была позаимствована из Югославии, и чехословацкие газеты стали столь же рьяно пропагандировать югославский опыт, как ранее они пропагандировали советский.

В программе впервые признавалось право на мелкое частное предпринимательство, но только в сфере услуг. Как вспоминал Дубчек, именно этот пункт вызвал резкую критику Брежнева. Мол, из каждого мелкого капиталиста всегда образуется крупный – ведь Батя был сапожником, прежде чем возглавить крупнейший в ЧСР капиталистический концерн.

Похоже, что программу действий КПЧ гораздо внимательнее прочли в Москве, Вашингтоне, Будапеште и Берлине, чем в самой Чехословакии, где она быстро утонула в продолжавшем набирать силу потоке разных сенсационных разоблачений и беспардонной критики.

Советское посольство в Праге особо подчеркивало, что в программе назван «деформацией» практически весь путь Чехословакии к социализму после февраля 1948 года. Указывалось, что программа претендует на создание особой чехословацкой модели социализма (что чревато «новой Югославией») и может толкнуть страну к «резкому усилению оппортунистических, ревизионистских, националистических тенденций».

ЦРУ оценивало Программу действий так: «...сдержанная по тону, реалистичная в формулировках и относительно свободная от лицемерия... в некотором смысле разочаровывающая для радикальных сторонников реформ»^[542].

26 апреля 1968 года посол США в Праге Бим представил заместителю госсекретаря США по европейским делам Болену меморандум с предложением смягчить американскую позицию относительно чехословацкого золота, чтобы дать позитивный сигнал новому пражскому руководству^[543]. Это к тому же поможет, писал Бим, «усилить наше влияние... в коммунистическом мире». Посол предлагал выдать чехам «нацистское золото» в обмен на первый платеж со стороны Праги в счет компенсации ущерба от национализации, с оговоркой, что должны

последовать и дальнейшие платежи. Статус наибольшего благоприятствования в торговле предлагалось использовать в качестве «пряника» на будущее.

Однако и это, весьма скромное, предложение Бима не нашло поддержки в Вашингтоне. Там явно считали «режим Дубчека» непрочным и переходным и ждали дальнейшего развития событий. Госдепартамент лишь согласился с тем, что «надо неформально и осторожно дать понять чехам, что мы приветствуем их шаги по либерализации»^[544]. Но пока ЧССР является третьим по величине поставщиком оружия в Северный Вьетнам (после СССР и КНР), прямое финансовое и экономическое содействие Праге невозможно.

Госсекретарь США Раск лишь не возражал против того, чтобы ФРГ оказала финансовое содействие Чехословакии. Но Западная Германия ограничилась тем, что по линии разведки ФРГ БНД в Прагу уже весной 1968 года были направлены несколько агентов с заданием получить доступ к информации из высшего эшелона политического руководства (операция «Непомук»)^[545]. Как потом признавала БНД, ее агенты проникли в «ближайшее окружение Дубчека». Документы, которые могли бы подтвердить это, до сих пор не рассекречены, но, скорее всего, сведения соответствуют истине.

В мае 1968 года БНД пришла к выводу, что терпение Москвы касательно Дубчека «исчерпано» и отношения между КПЧ и другими компартиями стран Варшавского договора следует считать «ледяными».

В это время в Вашингтоне шла борьба между «ястребами» и «голубями» среди высшего политического руководства страны. Президент США Джонсон (уже решивший не баллотироваться на второй срок в октябре 1968 года) и госсекретарь Раск полагали, что начавшаяся разрядка в отношениях с СССР имеет первостепенное значение. В том числе и потому, что с помощью Москвы можно без потери лица прекратить почти проигранную войну во Вьетнаме. Джонсон даже собирался в качестве первого президента США посетить Москву в октябре. На этом фоне президент США считал, что излишняя либерализация в Чехословакии может поставить под удар начавшееся потепление в советско-американских отношениях.

Фракцию «ястребов» возглавлял заместитель госсекретаря по политическим вопросам Росту. Для него глобальное ослабление позиций СССР в мире с помощью выхода ЧССР из Варшавского договора было первостепенной задачей. В частности, оттого, что могло бы отвлечь

русских от Вьетнама и дать шанс США победоносно закончить войну^[546].

10 мая 1968 года Росту направил Раску меморандум, озаглавленный «Советские угрозы Чехословакии»^[547]. Этими угрозами Росту считал начавшиеся в Польше маневры войск ОВД: «Русские колеблются. Поэтому сейчас самое время дать им сигнал...» Росту предлагал, чтобы Джонсон немедленно вызвал посла СССР в США Добрынина и потребовал от него объяснений относительно маневров ОВД. Далее Росту планировал создать специальную группу НАТО высокого уровня для мониторинга ситуации в Чехословакии. Эта группа должна была подготовить план реагирования Североатлантического блока на возможное обострение положения в ЧССР.

Однако ни Раск, ни Джонсон алармистских настроений Росту не поддержали.

Столь же осторожного мнения, хотя и по другой причине, придерживалось и посольство США в ФРГ. В своей телеграмме от 10 мая 1968 года оно отмечало, что, в отличие от кризиса 1956-го в Венгрии, передвижение американских войск в ФРГ «ближе к чешской границе или вообще пересечение чешской границы для помощи чехам в отражении советской атаки»^[548] возможно, учитывая общую границу ЧССР и ФРГ. Однако правительство ФРГ (в которое тогда входили социал-демократы) предупредило, что Бонн настроен против любой американской военной акции с территории ФРГ. Заместитель министра иностранных дел ФРГ Зам даже потребовал от посла США в ФРГ МакГи, чтобы американцы умилили тон пропаганды против ЧССР с радиостанций «Свободная Европа» в Мюнхене и РИАС в Западном Берлине. В этом контексте МакГи считал любые совместные с ФРГ действия против ЧССР с территории Западной Германии «нереалистичными».

11 мая 1968 года Раск в телеграмме миссии США при НАТО инициировал постоянный обмен мнениями между странами блока относительно ситуации в Чехословакии, однако пока рекомендовал воздержаться от шагов, которые могли быть расценены в мире как «необычная озабоченность» НАТО положением дел в ЧССР^[549].

Между тем США по-прежнему не желали решать реальные, наболевшие вопросы двусторонних американско-чехословацких отношений. Новый министр иностранных дел, «реформатор» Иржи Гаек в беседе с американским послом 28 мая 1968 года констатировал, что с 1962-го двусторонние отношения не только не улучшились, но и в некотором смысле даже откатились назад^[550]. Гаек вновь требовал возврата золотого запаса страны, отметив, что оккупация Чехословакии гитлеровской

Германией произошла при попустительстве западных держав, в том числе и США. Бим опять не смог сказать в ответ ничего конкретного (как и по делу Шейны), но сообщил в госдепартамент, что, по его мнению, Прага использует вопрос золота для укрепления своего авторитета в «коммунистическом мире» и «предотвращения естественных проамериканских симпатий внутри страны».

Итак, в США решили никак не поддерживать «пражскую весну» по трем соображениям. Во-первых, руководство Дубчека оценивалось как слабое и разрозненное, в связи с чем было непонятно, куда вообще идет страна. Во-вторых, события во Вьетнаме побуждали США воздерживаться от любого обострения отношений с СССР. Новый внешнеполитический кризис американцам был не нужен. В-третьих, Дубчек и все «реформаторы» декларировали верность СССР и Варшавскому договору. Такая модель социализма американцев никак не устраивала. Наоборот, в Вашингтоне боялись, что в случае успеха чехословацкой модели «социализма с человеческим лицом» социализм в целом станет более притягательным и укрепит свои позиции в мире. А это коренным образом противоречило национальным интересам США.

Интересна позиция американских и вообще западных СМИ по отношению к «пражской весне». Главные газеты США (как и Западной Европы) хвалили Дубчека и других реформаторов за «самостоятельность» и «защиту национальных интересов».

Например, правая газета ФРГ «Ди Вельт» писала в июле 1968 года, что против Дубчека в ЧССР объединились сталинисты, консерваторы, «люди Новотного», «всецело зависимые от Москвы» и ждущие оттуда помощи.

Все эти отклики западных СМИ (в том числе и откровенно антисоветские) без комментариев активно перепечатывала «Руде Право» под заголовками типа «Мир в поддержку чехословацких реформ» и т. д. [\[551\]](#) Зато гнев центрального органа КПЧ вызвала 16-страничная статья «Является ли чешская либерализация реальной?» в правом американском издании «Хьюман Ивентс» (тираж 115 тысяч экземпляров, издавался в Вашингтоне). В ней говорилось, что Дубчек сам же «выпустил кошку из мешка», а президент Свобода «виноват» в том, что выступает за продолжение дружбы с СССР. «Руде Право» с прискорбием отмечало «антиреформаторский тон» статьи на фоне «в целом объективного отношения американской прессы» к событиям в ЧССР.

Стоит заметить, что основанный в 1944 году американский консервативный еженедельник «Хьюман ивентс», по признанию будущего президента США Рейгана, был его любимым изданием много лет.

Помимо Дубчека «героем дня» на Западе был Шик – благодаря своим «рыночным убеждениям». Например, британский Ланкастерский университет присудил Шику звание почетного доктора за «строительство такой социалистической экономики, которая реагировала бы на потребности рынка». Шик получил диплом лично из рук принцессы Александры, входившей в попечительский фонд университета^[552].

Между тем к началу мая 1968 года в ЧССР уже оформились оппозиционные организации, которые хотели не «исправления социализма», а его полной ликвидации.

Хотя Дубчек и не разрешил членам социал-демократической партии легально ее воссоздать (ведь ЧСДП сама слилась с КПЧ в 1948-м, и воскрешение социал-демократической партии означало раскол самой КПЧ), открыто и беспрепятственно действовал учредительный комитет этой партии. При этом для «либералов» в чехословацком руководстве характерен следующий подход. Когда министр внутренних дел Павел решил встретиться с социал-демократами, другой «реформатор», Смирковский предложил ему на всякий случай установить в кабинете записывающую аппаратуру.

Подготовительный комитет по возрождению социал-демократической партии создал в мае 1968 года сын бывшего видного социал-демократа Рудольфа Бехине Зденек Бехине. Орган Союза писателей «Литерарни листы» немедленно опубликовал письмо деятелей культуры в поддержку восстановления партии. В конце июля 1968 года по просьбе «реформаторов» из КПЧ подготовительный комитет объявил о прекращении своей деятельности, чтобы не злить Москву. Но на самом деле работа комитета продолжалась, и в июле того же 1968-го было уже создано 150 первичных организаций социал-демократической партии, в которых насчитывалось 1500 членов.

Так как в Программе действий КПЧ была предусмотрена свобода создания общественных организаций, то уже 8 апреля 1968 года в национальный комитет Праги с просьбой о регистрации обратился Клуб активных беспартийных (известный под своей чешской аббревиатурой КАН, Klub angažovaných nestraníků (KAN)). Несмотря на вывеску «клуб», это с самого начала было антикоммунистическое политическое движение, декларировавшее свой оппозиционный характер по отношению к властям. В клуб не допускались не только члены КПЧ, но и члены остальных партий Национального фронта (социалистической и народной). На учредительном собрании клуба 5 апреля 1968 года присутствовали около 200 человек. Клуб постановил бороться за демократию, гуманизм и процветание – слова

«социализм» тщательно избегали.

29 апреля 1968 года с учредителями встретился министр внутренних дел Павел, который был явно не в восторге от самой идеи клуба и попросил подать просьбу о регистрации непосредственно в МВД. 19 мая МВД разрешило деятельность подготовительного комитета КАН, но пока еще не одобрило его устав. Однако, хотя клуб еще не имел статуса полноправного юридического лица, это не мешало ему вести активную деятельность. Органы МВД никак ему в этом не препятствовали. Сначала лидером КАН был биолог, сотрудник Академии наук Людвик Рыбачек, но уже вскоре реальных «беспартийных» вытеснили из руководства клуба искушенные в общественно-политической деятельности люди, такие, например, как уже упоминавшийся выше Иван Свитак.

18 апреля КАН провел первую публичную дискуссию, в которой приняли участие более 700 человек. 28 апреля первичные организации клуба возникли в Оломоуце и Готвальдове (бывший Злин).

С самого начала деятельность КАН подробно и с симпатией освещал орган Союза писателей «Литерарни листы», который сообщил о возникновении клуба уже 11 апреля.

Клуб, как и Союз писателей, быстро присвоил сам себе титул «совести нации» и «мотора преобразований». Компартия с этим фактически смирилась.

Один из учредителей КАН Ярослав Лангер в 1990 году так описывал основные идеи клуба: «Основной идеей Клуба активных беспартийных как гражданского политического движения „пражской весны“ была постепенная ликвидация нелегитимного иерархического доминирования партийной олигархии (то есть КПЧ – *Прим. автора.*) с помощью роста количества независимых депутатов в парламенте и собственной непарламентской политической гражданской базы. Из его политических клубов, горизонтально связанных друг с другом в сеть, должны были в будущем появляться не только импульсы и конкретные предложения по решению общественно-политических проблем, но и кандидаты на депутатские мандаты на основании выказанных ими профессиональных, творческих и моральных качеств. Их политическая работа в обществе и для общества и их независимость от иерархических и централизованно структурированных организаций, а не движение по карьерной лестнице партийного функционера, должны были квалифицировать их как демократических политиков, а не как профессиональных борцов за власть».

Рука об руку с КАН с весны 1968 года действовал «Клуб-231» (или К-231), названный так по номеру статьи Закона о защите республики.

Именно на основании этой статьи в конце 1940-х – начале 1950-х годов преследовались политические противники режима (аналог 58-й статьи советского УК при Сталине). Формально в клубе должны были объединиться все жертвы политических репрессий, но на самом деле туда входили и антикоммунисты, никак не пострадавшие от режима.

Подготовительный комитет клуба был учрежден 27 марта 1968 года, его председателем стал профессор Карел Нигрин, секретарем – Ярослав Бродский^[553]. В этот же день учредители клуба сообщили о его возникновении в МВД и секретариат ЦК КПЧ. В секретариате обещали проинформировать общественность о создании К-231 по государственному телевидению, что и было сделано. Формальное учредительное собрание К-231 состоялось в Праге 31 марта, и в нем участвовали более 2 тысяч человек. Поздравительные послания собранию прислали лидер Союза писателей Гольдштюкер (который сам был жертвой репрессий) и бывший министр от национально-социалистической партии Прокоп Дртина – ярый антикоммунист.

22 апреля 1968 года К-231 подал в МВД прошение о регистрации своего устава. Министр внутренних дел Павел сообщил Дубчеку, что МВД намерено положительно отреагировать на ходатайство. В отличие от КАН, К-231 формально выступал за укрепление социалистического строя и своей главной задачей видел скорейшее достижение полной реабилитации жертв политических репрессий, что в Программе действий КПЧ было провозглашено и одной из главных задач самой компартии.

Правда, в уставе К-231 социализм признавался лишь потому, что он был закреплен в конституции ЧССР. Членам клуба оставалась полная свобода политических взглядов. Согласно проекту устава, в клубе могли состоять только репрессированные или их родственники. Сам клуб считал, что по статье 231 были осуждены 128 тысяч человек. К концу мая в К-231 входили примерно 40 тысяч членов, хотя клуб все еще не был официально зарегистрирован.

Уже после августа 1968 года КГБ СССР так оценивал открыто контрреволюционные силы в Чехословакии:

«Контрреволюционные и ревизионистские силы в Чехословакии, опираясь на поддержку международного империализма, длительное время организовано и планомерно подготавливали условия для реставрации капитализма в ЧССР и ее отрыва от социалистического содружества. После январского Пленума ЦК КПЧ, провозгласившего курс на „демократизацию“ политической жизни страны, антисоциалистические силы, захватив в свои руки органы массовой пропаганды и используя отсутствие единства в

руководстве КПЧ и сползание большинства Президиума ЦК КПЧ на праворевизионистские позиции, перешли в открытое наступление против социалистического строя в ЧССР, руководящей роли КПЧ, против честных коммунистов в партийном и государственном аппарате. Одной из своих первостепенных задач контрреволюционные силы считали разложение армии, органов государственной безопасности, народной милиции, с тем чтобы в дальнейшем превратить их в свою опору. Особую опасность для дела социализма в Чехословакии представляет возрождение деятельности Чехословацкой социал-демократической партии (ЧСДП), которая имеет разработанную программу и пользуется поддержкой западноевропейских социалистических партий и Социалистического интернационала. ЧСДП, по замыслу ее руководителей, должна была стать главной оппозиционной силой по отношению к КПЧ. Несмотря на официальное запрещение ее деятельности, ЧСДП за короткий срок создала более 200 первичных организаций и ячеек.

Роль „ударного отряда“ сил контрреволюции выполняет „Клуб-231“, объединивший в своих рядах свыше 40 тысяч человек из числа репрессированных после 1948 года за антигосударственную деятельность (часть из них реабилитирована). Руководители клуба связаны с реакционной эмиграцией и западными разведками и получают от них денежную помощь. В задачу клуба входит добиваться полного развала КПЧ, ликвидации органов госбезопасности и народной милиции. Генеральный секретарь клуба бывший фашист БРОДСКИЙ на одном из собраний членов клуба призывал к физической расправе с коммунистами.

На состоявшемся в июне 1968 года в Братиславе заседании президиума местного отделения „Клуба-231“ один из его лидеров ВИНДРА заявил: „Наши ряды должны быть более многочисленными, чем ряды Коммунистической партии Словакии, с тем чтобы, когда это будет необходимо, мы могли разбить коммунистическую партию и ликвидировать социализм“. Другой активист клуба сказал: „Запад знает о нас, он ждет от нас конкретных действий и будет нас поддерживать. Нам не по пути с теми, кто боится, тем более когда победа уже близка“.

На случай своего запрещения „Клуб-231“ разработал специальный „мобилизационный план“, согласно которому его члены должны вступать в некоммунистические партии и проникать в них на руководящие посты с тем, чтобы продолжать подрывную деятельность. Клуб беспартийных активистов (КАН) – одна из наиболее многочисленных антисоциалистических организаций, объединяющая реакционных представителей творческой и научно-технической интеллигенции, – имеет

свои филиалы по всей стране, на многих крупных предприятиях, в некоторых подразделениях армии. Многие руководящие деятели КАН связаны с международной сионистской организацией „Джойнт“. По инициативе духовного вождя клуба реакционного философа Свитака (после вступления союзных войск в ЧССР бежал на Запад) была начата провокационная кампания „за обнародование всех обстоятельств“ самоубийства Яна Масарика».

«Деятельность реакционных сил в Чехословакии облегчалась тем, что в ЦК КПЧ сложился и действовал помимо Президиума ЦК КПЧ „второй центр“, который от имени партии направлял работу средств массовой пропаганды, располагал рядом важных постов в партийном аппарате, МВД, МИД и других министерствах и ведомствах ЧССР. „Второй центр“ поддерживал контакты с различными реакционными организациями и клубами, координировал их действия. Руководителем штаба „второго центра“ являлся КРИГЕЛЬ. Наряду с ним в руководство этого центра входили ШИК, ЦИСАРЖ, МЛЫНАРЖ (МЮЛЛЕР), СЛАВИК, ПАВЕЛ, КОЛАРЖ, ШИМОН, ГОЛЬДШТЮККЕР, ПЕЛИКАН».

1 мая 1968 года формально даже еще не зарегистрированная оппозиция продемонстрировала свою мощь во время первомайской демонстрации. КАН, по собственным оценкам, вывел на нее около 10 тысяч человек. Улыбающийся, как обычно, Дубчек мог видеть антикоммунистические лозунги над головами демонстрантов.

Мощь едва возникшей политической оппозиции встревожила всех в руководстве КПЧ – от «консерваторов» до «либералов». При всем своем демократизме ни Дубчек, ни Цисарж властью делиться пока не хотели. Дубчек явно лукавил, когда в своих мемуарах (изданных в начале 90-х уже после крушения социализма в Чехословакии) писал: «Я никогда не забуду празднования 1-го мая в Праге в 1968 году. Моя жена, которая следила за ликующими толпами с боковой трибуны, тоже вспоминала об этом дне с глубокой теплотой. После стольких лет срежиссированных шествий это был добровольный „хеппенинг“... Настроение людей было свободным и радостным... Я помню членов двух новых организаций – Клуба активных беспартийных (КАН) и Ассоциации бывших политзаключенных (К-231), – которые шли около нас под лозунгами, выражающими поддержку нашей политике...»^[554] Дубчек явно выдавал здесь желаемое за действительное. Колонна КАН провозглашала здравицы Бенешу и Масарику, но отнюдь не Дубчеку или КПЧ. Цветы кановцы также преподнесли не Дубчеку, а беспартийному президенту Свободе.

В любом случае мощь только что возникшей политической оппозиции

1 мая встревожила не только Москву, но и сам Президиум ЦК КПЧ, где единодушно решили пока притормозить процесс регистрации КАН и К-231.

В мае 1968 года было принято решение о возобновлении деятельности первичных организаций партий Национального фронта (социалистической и народной) на предприятиях. Ранее там были лишь первичные организации КПЧ.

Некоммунистические партии Национального фронта во время «пражской весны» росли как на дрожжах. Количество членов Чехословацкой социалистической партии (ЧСП) выросло в январе – июне 1968 года с 10715 до 17 323 человек, численность опиравшейся на церковь Чехословацкой народной партии (ЧНП) – с 20642 до 46 028 человек^[555]. Особенно сильно увеличила свои ряды организация ЧСП в Брно, которой руководил бывший политзаключенный и ярый противник КПЧ Йозеф Подседник, – со 100 до 180 членов.

В ЧСП в духе борьбы с «извращениями 50-х годов» был отстранен от должности председатель партии Алоис Нойман. Его сменил министр юстиции Богуслав Кучера. Такой же процесс «очищения» прошел и в ЧНП. Там 31 марта 1968-го сместили председателя партии Антонина Поспишила, с 1951 года занимавшего этот пост. Руководство сменили и словацкие некоммунистические партии – Партия свободы и Партия словацкого возрождения.

И ЧНП, и ЧСП в 1968 году были уже не союзницами коммунистов, как раньше.

В новых программных установках ЧСП^[556], как и до февраля 1948 года, делался упор на «особый, гуманистический» путь к социализму, с опорой на человека, а не на коллектив^[557]. Партия официально отреклась от марксизма и выступала за разные формы собственности, хотя и социалистической. Отвергалась однопартийная система как ведущая к «дегенерации общества».

ЧНП опубликовала проект своей новой программы в конце мая 1968 года. Партия вернулась к своим христианско-демократическим корням. Народники считали основой общества не коллектив (как коммунисты) и не отдельную личность (как социалисты), а семью. В экономической части программы осторожно говорилось о необходимости ограничить монопольное положение предприятий и вести внешнюю торговлю со всеми странами на равных условиях (то есть отказаться от ориентации на СССР и другие страны социализма).

20 мая 1968 года на собрании ЧНП в Карловых Варах член президиума правления ЧНП Влчек призвал бороться с КПЧ за власть. Многие выступающие требовали выхода ЧССР из ОВД. Члены ЧСП требовали роспуска Народной милиции как инструмента компартии.

Растущую самостоятельность ЧНП и ЧСП всячески поддерживал новый председатель Национального фронта «коммунист-реформатор» Кригель.

При этом общественные организации – члены Национального фронта – весной 1968 года фактически прекратили осознанную деятельность в общегосударственном масштабе.

Однако Дубчек и большинство членов Президиума ЦК КПЧ решительно отвергли выдвинутую «реформатором» Кригелем концепцию Национального фронта в условиях «демократизации». Кригель предложил, чтобы не КПЧ, а именно Национальный фронт разработал правительственную программу реформ. Формально это было, наверное, «демократично», ведь выборы в парламент проходили по спискам Национального фронта, а парламент формировал кабинет министров. Но к 1968 году Национальный фронт фактически существовал только на бумаге. В него входили КПЧ (1,5 миллиона членов) и три другие партии (в которых суммарно было менее 50 тысяч членов). Никакого аппарата или организаций фронта на местах не существовало.

В этих условиях (и искушенный в аппаратных интригах Дубчек это четко видел) Национальный фронт (точнее, его вывеска) стал бы только личным трамплином для прыжка на высший пост в стране для самого Кригеля. Отсюда и такое единодушие в Президиуме ЦК против этого «реформатора».

Профсоюзы еще весной 1968 года заменили все руководство, полностью вышли из-под контроля КПЧ (хотя ими по-прежнему руководили члены партии) и даже переформатировали все отраслевые союзы: вместо 12 в чешских землях их стало 30.

Правда, все права для активной работы профсоюзы имели по закону еще с 1959 года, и «пражская весна» ничего здесь не прибавила. Именно социализм дал чехословацким профсоюзам полномочия, которых их коллеги, например в США, не имели. Так, без санкции профсоюза руководство предприятия в ЧССР не могло менять распорядок труда, вводить сверхурочные работы, издавать или менять нормы выработки, выписывать премии, принимать новых или увольнять старых работников.

В 1968 году профсоюзы сосредоточились на одном требовании – немедленно и резко повысить зарплату. Все, кто указывал на

экономическую несостоятельность такого подхода, тут же зачислялись в «консерваторы».

С самого начала правые СМИ активно боролись за молодежь. Как и в Китае, где в то время шла «культурная революция», молодежь льстиво объявляли носителем прогресса и авангардом в борьбе за «очищение общества» от «бюрократов» и «аппаратчиков». В этих условиях в марте 1968 года появился новый «современный» руководитель единой молодежной организации страны – Союза чехословацкой молодежи (СЧМ) – Вокруглицкий. Тот бравировал дружескими связями с Дубчеком и Черником, называя первого «Сашей», а второго – «Олдой». Как и «Саша», Вокруглицкий требовал одного: немедленно освободиться от старого аппарата^[558]. В результате никакого аппарата у союза не осталось вовсе, и он фактически развалился. Зато Вокруглицкий принял и поддержал организаторов альтернативной оппозиционной молодежной организации – Объединения социалистической молодежи, хотя никто его на это не уполномочивал. Заметим, что это «объединение» открыто требовало выхода ЧССР из Варшавского договора и провозглашения нейтралитета по австрийскому образцу.

Союз чехословацкой молодежи в вузах распался полностью, и уже в мае 1968 года его заменил основанный в Оломоуце Союз студентов высших школ Чехии и Моравии. При этом следует подчеркнуть, что «демократизация» высших учебных заведений в 1968-м была столь быстрой, потому что еще законом 1966 года им передали много полномочий, ранее находившихся в ведении министерства образования. С тех пор все сотрудники вузов избирались тайным голосованием на кафедрах или факультетах.

После января 1968 года партийные организации КПЧ среди студентов и преподавателей практически полностью прекратили свою деятельность.

В марте в ошибках прошлого публично покаялись даже пионеры – это было, что называется, «в тренде». Руководство детской пионерской организации торжественно заявило о желании обрести самостоятельность от Чехословацкого союза молодежи. Тот уже фактически распался и не возражал.

Однако главной заботой Дубчека и других «либералов» в апреле – мае 1968 года была не борьба против все более и более консолидировавшейся оппозиции, а окончательная ликвидация «консерваторов» как в Президиуме ЦК, так и в самом ЦК. То есть вместо того, чтобы бороться за влияние в обществе в новых условиях, Дубчек и его окружение по-прежнему боролись за власть внутри самой компартии. Президиум ЦК

избирался Центральным комитетом КПЧ, а сам Центральный комитет – съездом партии.

Предыдущий XIII съезд прошел в 1966 году, и по уставу новый, XIV, должен был пройти только в 1970-м. Но так долго Дубчек ждать не хотел. По уставу КПЧ, мог быть созван и чрезвычайный съезд, если этого просили не менее трети партийных организаций. Так как в апреле в партии проходили обычные перевыборы районных комитетов, то Дубчек и его коллеги-«либералы» в президиуме стали настраивать людей на принятие именно таких резолюций. Авторитет Президиума ЦК и самого Дубчека был тогда еще очень высок, и проблем с «организацией» такого рода резолюций не возникло. Одновременно пражский горком КПЧ стал распространять среди районных организаций «черный список» «консерваторов», которых нельзя было выбирать делегатами на съезд партии.

Почти всех секретарей райкомов КПЧ в ходе районных партийных конференций отстранили и заменили теми, кто хотя бы на словах поддерживал «реформаторов». А так как секретари райкомов часто были членами ЦК, что называется, в силу своего выборного поста, то появился и формальный предлог для «обновления» всего Центрального комитета – к маю 1968 года в него входили десятки людей, утративших свои партийные и государственные посты.

Съезд хотели созвать сразу же после сезона летних отпусков – в сентябре.

Таким образом, главными своими противниками Дубчек уже в апреле 1968 года считал не КАН или К-231, а членов Президиума ЦК КПЧ Кольдера, Биляка и Риго. Надежными сторонниками Дубчек считал Барбирека, Смрковского, Черника, Кригеля и Пиллера. В секретариате ЦК «антиреформаторский блок», по словам Дубчека, состоял из Ленарта, Индры и того же Кольдера. Им противостояли «реформаторы» Садовский и Славик.

Дубчек так писал в мемуарах о своем решении созвать внеочередной съезд партии: «Необходимость как можно скорее созвать чрезвычайный XIV съезд партии я стал ощущать через короткое время после того, как занял пост первого секретаря. Съезд и время его проведения были делами стратегического значения – как с внутри-, так и с внешнеполитической точки зрения, как для реформаторов, так и для их противников. Если реформаторские силы смогут созвать съезд, он получат решающий контроль над ведущими партийными органами; одновременно они существенно сократят советскую пятую колонну в партии»^[559].

Дубчеку спустя десятилетия после событий 1968 года вторил Цисарж:

«Чехословакия готовилась к XIV съезду КПЧ, на котором предстояло избрать новое руководство партии, заменив догматиков и консерваторов реформаторски настроенными коммунистами...»^[560].

Дубчек и другие «реформаторы», как мы видим, не испытывали абсолютно никакой признательности к Центральному комитету, который так активно помог ему свергнуть Новотного и тем самым сохранил Дубчеку не только карьеру, но, возможно, и свободу. Почему-то уже в апреле – то есть через два месяца после отставки Новотного с должности первого секретаря ЦК – Дубчек счел Центральный комитет сборищем консерваторов и «советской пятой колонны». Кстати, это возмущало и Брежнева, не раз говорившего, что якобы сталинистский ЦК КПЧ услужливо поддерживал все начинания «реформаторов», но это ему не помогло.

Дубчек вынес вопрос созыва чрезвычайного съезда на первое заседание «почищенного» на апрельском пленуме ЦК президиума 16 апреля 1968 года (заметим, что на своем апрельском пленуме «консервативный» ЦК одобрил все новые кандидатуры в президиум, которые предложил первый секретарь). Президиум колебался, не понимая, зачем вдруг так срочно понадобился съезд. Поэтому пошло «давление снизу» – от новых руководителей районных комитетов, избранных во второй половине апреля на районных партийных конференциях.

Между тем «глупый», по мнению Дубчека, советский посол в Праге Червоненко 14 апреля передал первому секретарю ЦК КПЧ приглашение Брежнева членам чехословацкого руководства прибыть в Москву для обмена мнениями. На сей раз в Москве хотели послушать не только одного Дубчека, но и других влиятельных членов Президиума ЦК КПЧ. Заметим, кстати, что Червоненко (в адрес которого Дубчек в своих мемуарах не жалеет оскорбительных эпитетов) долго отправлял в Москву довольно позитивные депеши о новом чехословацком партийном руководстве, на почве чего у него даже возник конфликт с советником-посланником посольства СССР в Праге Удальцовым, придерживавшимся в отношении Дубчека и других реформаторов гораздо более негативной точки зрения.

Член редколлегии «Правды» А. И. Луковец, посетивший Чехословакию в мае 1968 года, сообщал после возвращения главному редактору газеты М. В. Зимянину (служившему в 1960-1965 годах послом СССР в Чехословакии): «Посол тов. М. В. Червоненко считает, что нужен объективный подход к оценке происходящих в Чехословакии событий, что в сложившихся условиях мы должны делать все, чтобы укреплять связи с нынешним руководством ЦК КПЧ, не смешивать линию руководства с

высказываниями отдельных лиц, особенно вне рядов партии, всячески способствовать тому, чтобы развивать советско-чехословацкие отношения с учетом происходящих в ЧССР процессов. Советник-посланник тов. И. И. Удальцов считает, что необходима самая резкая критика всего того, что происходит в стране, вплоть до линии руководства ЦК»^[561].

Письменное приглашение чехословацкому руководству в телефонном разговоре с Дубчеком подтвердил и Брежнев. Причем оно не означало «вызова на ковер»: визит был намечен заранее, еще до всех политических пертурбаций в Праге. Червоненко получил из Москвы указание попытаться аккуратно добиться того, чтобы в составе делегации был и президент Свобода^[562]. Если же Свободу в Москву не брали, то советский посол, причем через Дубчека (чтобы тот не чувствовал себя каким-то образом обойденным), должен был пригласить президента с семьей на летний отдых в Крым. Такая практика – приглашение на отдых в Крым лидеров дружественных СССР государств – сложилась еще при Сталине и была нормальной. В Крыму позднее любил отдыхать даже канцлер ФРГ, социал-демократ Вилли Брандт.

Дубчек согласился прибыть в Москву 4-5 мая по окончании столь важных для него и других реформаторов областных конференций КПЧ. На них планировалось сменить уже всех лидеров областных организаций, после того как были «зачищены» от «консерваторов» организации районные.

Между тем Политбюро ЦК КПСС утвердило 29 апреля 1968 года большой перечень мероприятий, которые должны были пройти в СССР в честь очередной годовщины освобождения Чехословакии от нацистской оккупации^[563]. Послу ЧССР при желании давали возможность выступить по советскому радио и телевидению. Ведущие советские газеты – «Правда» (орган ЦК КПСС), «Известия» (орган Верховного Совета СССР), «Комсомольская правда» (орган ЦК комсомола), «Труд» (орган советских профсоюзов), «Красная звезда» (орган министерства обороны СССР) и «Советская Россия» (орган Верховного Совета и правительства РСФСР), – а также другие газеты и журналы получили указание опубликовать в апреле – мае 1968 года «статьи и другие материалы, посвященные 23-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков, достижениям чехословацкого народа в строительстве социализма, развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между СССР и ЧССР»^[564].

Излишне говорить, что в отличие от обильно поливавших грязью

Советский Союз чехословацких СМИ советские газеты и журналы воздерживались в январе – мае 1968 года от критики проводимых в Чехословакии реформ и тем более нападок на них.

В Москве делали все возможное, чтобы сохранить с чехословацким руководством хорошие отношения.

События в Чехословакии стали оказывать влияние и на обстановку в других странах – членах Варшавского договора.

В апреле в Польше вспыхнули студенческие волнения, на которых раздавались требования найти «польского Дубчека». Это, конечно, не могло понравиться польскому лидеру Владиславу Гомулке. Он уже тогда сказал в узком кругу, что Чехословакия превращается в буржуазную республику.

В ГДР были возмущены интервью Смрковского западногерманским СМИ, в котором он предложил руководству Восточной Германии пойти чехословацким путем. Лидера ГДР Ульбрихта особенно задело то, что Смрковский дал интервью именно средствам массовой информации ФРГ – страны-члена НАТО, официально отказывавшей ГДР в самом праве на существование. Когда член политбюро ЦК СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии, которая была правящей партией ГДР) Хагер ответил на это интервью Смрковского 26 марта 1968 года в докладе, посвященном 150-летию со дня рождения Маркса, в чехословацких СМИ началась целая кампания против ГДР. Хагер сказал всего лишь, что выступление Смрковского было использовано западногерманской пропагандой против ГДР, но СМИ ЧССР преподнесли это как критику чехословацкого руководства. Конфликт пришлось решать на уровне глав МИД обеих союзных стран.

7 апреля 1968 года член политбюро ЦК СЕПГ Гюнтер Миттаг, не называя чехословацкую экономическую реформу конкретно, подверг ее острой критике: «Нас не интересует ни „красное“, ни „розовое“ рыночное хозяйство, ибо это лишь иные названия капиталистического рыночного хозяйства. Что же касается социализма, то есть лишь один социализм – социалистическое плановое хозяйство, вытекающее из марксизма-ленинизма и ничего другого!»^[565].

Это был более чем прозрачный намек на концепцию «социалистической рыночной экономики» Шика. В общем Миттаг был прав: непонятно, чем социалистическое рыночное хозяйство в интерпретации Шика отличалось от просто рыночного. Это был очередной популистский лозунг «пражской весны», не имевший с реальной действительностью ничего общего.

Перед поездкой чехословацкой делегации в Москву в Прагу с

официальным визитом прибыл лидер Болгарии Тодор Живков, которого Дубчек в своих мемуарах, как и Червоненко, рисует чуть ли не умственно ограниченным человеком. 23 апреля 1968 года Живков встретился с Дубчеком и Черником. Именно в таком составе Дубчек и предпочитал встречаться с иностранными лидерами – брать в официальную чехословацкую делегацию критически настроенных по отношению к нему Кольдера или Биляка он не хотел.

Живков поддержал усилия ЦК КПЧ по демократизации общества и реабилитации жертв политических репрессий, заметив, что в Болгарии это сделали еще в 1956 году. Но на основании своего опыта он предостерег Дубчека, что реабилитацией могут воспользоваться для нападок на компартию и откровенно антисоциалистические силы: «При этом я бы сказал, что враждебные силы внутри страны самые опасные»^[566].

Дубчек в ответ гордо провозгласил, что в ЧССР уже нет цензуры, и в 1968 году впервые пройдут выборы на основе тайного голосования. Живков ответил, что цензуры прессы нет и в Болгарии, но там партия контролирует СМИ через своих членов, которые работают в них.

Что касается экономики, то Живков совершенно справедливо раскритиковал «югославскую модель социализма», которую так превозносил тогда Шик: «Мы обсуждали, что могли бы перенять из югославской модели. Ее сельское хозяйство в таком состоянии, как наше 40 лет назад, промышленность топчется на одном месте – у них 1 процент прироста и 400000 рабочих в Западной Германии. Так что же мы должны у них перенимать?»^[567].

Болгарский гость осторожно высказал мысль, что без централизованного планирования трудно осуществлять научно-техническую революцию в стране. Ответ Дубчека был странным: весь вопрос в том, существует ли такой центр планирования на деле. Вероятно, этим он хотел сказать, что централизованное планирование очень трудно осуществлять из одного центра принятия решений. Председатель правительства Черник был в своем амплуа и подменял конкретные данные какими-то туманными формулами, призванными, видимо, устроить любого: «Мы считаем, что планирование должно проводиться в соответствии с рынком. Мы не за планирование без рынка или за свободный рынок без планирования. Одновременно мы также больше не хотим работать по-старинке...».

Каким образом можно было одновременно дать предприятиям полную свободу и ориентировать их на максимальное извлечение прибыли и

одновременно им что-то планировать, было непонятно не только «умственно ограниченному» Живкову, но и отнюдь не глупому и профессионально превосходившему того же Черника советскому премьеру Косыгину, в чем Дубчек имел возможность убедиться уже через 10 дней в Москве.

Дубчек подытожил переговоры с болгарской делегацией, резюмировав, что системы социализма в Болгарии и Чехословакии «по принципу схожи»^[568].

Перед поездкой в Москву Дубчек отнюдь не стремился как-то обуздать антисоветские публикации в СМИ. «Реформаторы» смогли обидеть даже Русскую православную церковь.

Главу Чехословацкой православной церкви митрополита Дорофея 2 апреля 1968 года пригласили в государственный секретариат по культурам, который только что возглавила сторонница «реформаторов» доктор Кадлицова. Она откровенно сказала, что правительство ЧССР обсуждает вопрос о возвращении униатской церкви переданных еще в 40-х годах православной церкви храмов. Униатская (или греко-католическая церковь) имела в Чехословакии приходы главным образом в восточной Словакии. Во время войны она поддерживала власти марионеточного словацкого государства, а после освобождения имела контакты с бандеровцами, проникавшими в ЧСР из Польши.

Кадлицову поддерживали некоторые депутаты Национального собрания ЧССР. Митрополит Киевский и Галицкий Филарет, экзарх Украины, посетивший Чехословакию в апреле 1968 года, отмечал: «Восстановление унии означает не только ослабление Православной церкви в Чехословакии, но и ее замирание... Православные собираются отстаивать свои права. Но при такой постановке вопроса, когда (чехословацкое) Государство отказывается поддержать православную церковь, перевес сил находится на стороне унии»^[569].

Для украинской православной церкви возобновление богослужения униатов в дружественной Чехословакии было бы тяжелым ударом – тогда униаты на Западной Украине тоже могли бы потребовать возвращения храмов. Всем при этом было известно, что глава украинских униатов митрополит Шептицкий в 1941 году поддержал гитлеровцев и организованные ими совместно с бандеровцами антиеврейские и антипольские погромы во Львове и других городах Западной Украины. Реабилитация униатов и Шептицкого означала бы реабилитацию фашистских коллаборационистов на Украине.

В целом стоит отметить, что Президиум ЦК КПЧ публично сформулировал отношение ко всем церквям на своем заседании 17 июля 1968 года. В резолюции президиума, как обычно, отмечалось «что процесс демократизации» выгоден и церквям, так как гарантирует свободу вероисповедания. Но в то же время церковь решительно предостерегали от вмешательства в политику и требовали от нее безусловной лояльности по отношению к государству, социалистический характер которого они должны «уважать». Президиум ЦК КПЧ недвусмысленно предупредил народную партию, чтобы она не опиралась на церковь, как до февраля 1948 года. Это было изящно упаковано в формулировку, что ни одна партия не должна примерять на себя роль «спикера» верующих^[570].

Чехословацкая делегация, состоявшая из Дубчека, Черника, Смирковского и Биляка, прибыла в Москву 4 мая 1968 года. С советской стороны в переговорах участвовали Брежнев, Подгорный и Косыгин. Брежнев опять повторял то, что Дубчек слышал в Дрездене. Он выражал тревогу, что КПЧ утрачивает контроль над средствами массовой информации, что экономическая реформа в ЧССР означает в ее нынешнем виде восстановление капитализма.

Косыгин попросил Черника рассказать о реформе подробнее, но тот ничего толком объяснить не сумел, за исключением того, что для стимулирования получивших самостоятельность предприятий придется повысить цены для населения.

Видимо, сомневаясь в собственной реформе, Черник попросил дополнительно поставить Чехословакии в 1968 году 300 тысяч тонн советской пшеницы (сверх обычно поставлявшихся каждый год 1,3-1,4 миллиона тонн) и 10 тысяч тонн мяса. Ни Брежнев, ни Косыгин не возражали, хотя объемы были очень большими.

Тогда, к удивлению советской стороны, Дубчек и Черник попросили срочно предоставить Чехословакии заем в свободно конвертируемой валюте на огромную сумму 550 миллионов долларов. На логичный вопрос Косыгина, зачем так срочно понадобилась такая большая сумма и именно в валюте, Дубчек и Черник ответили было, что надо купить зерно. Но СССР был готов и так поставить это зерно. Тогда Дубчек сказал, что деньги нужны на закупку мяса. Но и мясо советская сторона была готова поставить без всякой валюты. Тогда у чехословацкой делегации появилась новая версия: на Западе надо срочно купить оборудование для легкой и пищевой промышленности. Но Косыгин все же был профессионалом высокой пробы и сказал, что в таком случае обычно кредит нужен не срочно. Такие кредиты, как правило, предоставляют на восемь-десять лет.

Советский премьер прекрасно понял то, чего не могли сказать ни Черник, ни Дубчек. Они хотели добиться в Москве отказа от предоставления кредита ЧССР, чтобы выдать это за недружественный акт и «саботирование» чехословацких реформ. А 550 миллионов долларов после этого с помпой предполагали занять на Западе, который в глазах населения стал бы настоящим союзником «демократической» Чехословакии.

Причем Дубчек явно хотел всей этой кредитной историей спровоцировать советское руководство на какие-нибудь жесткие действия в отношении Чехословакии. Он, по своим собственным словам, сказал в Москве, что Чехословакия получила от Запада предложение предоставить кредит на 400-500 миллионов долларов: «Я уже читал в вашей печати, что принять западную ссуду означает продаться капиталистическим державам, но кредит в 400 или 500 миллионов долларов означает малую сумму для нашей экономики. Нам этот кредит нужен и, в отличие от вас, у нас нет золотых резервов, из которых мы бы могли черпать (Здесь Дубчек был прав – их разбазарили за время экономической реформы. – Прим. автора.). Если вы дадите нам кредит в твердой валюте, то мы с радостью его примем, и в этом случае от Запада нам ничего не понадобится»^[571].

Во-первых, сомнительно, что все это Дубчек именно так сказал на переговорах в Москве. Советская версия переговоров этого никак не подтверждает – в Москве еще долго гадали, зачем чехословакам понадобился кредит. Во-вторых, сумма была отнюдь не маленькой даже для СССР, а не то что для Чехословакии. Напомним, что тогда еще у доллара было фиксированное правительством США золотое содержание (тройская унция золота стоила 35 долларов), и в пересчете на доллары, например, 2012 года этот кредит равнялся бы примерно 10-15 миллиардам. Тем не менее Косыгин сказал, что СССР готов немедленно предоставить ЧССР аванс в счет этого кредита.

Участник московских переговоров Биляк вспоминал: «...товарищ Брежнев сказал, что советские люди готовы поделиться с нами и последним куском хлеба... Что касается займа в золоте, то советские товарищи просили нас конкретизировать цели его использования. Мы не смогли дать ответ»^[572].

Брежнев говорил с чехословацкой делегацией очень уважительно, что вынужден был признать в своих мемуарах и Дубчек. Советский лидер лишь боялся, что сам Дубчек и все руководство КПЧ в погоне за безбрежной демократизацией потеряют власть. Никаких угроз в адрес Чехословакии в Москве никто не высказывал^[573].

Советское руководство после бесед с Дубчеком задалось вопросом, который оно так и не могло окончательно разрешить на протяжении всего 1968 года: то ли он был наивным человеком, не понимавшим, к чему ведет его деятельность, то ли знал, что делал, и просто водил за нос Москву, обещая, что никакого подрыва социализма в Чехословакии он не допустит. Мемуары Дубчека ясно свидетельствуют в пользу второй версии, но в ложь «Саши» Брежнев не верил до начала августа 1968-го.

Позднее Брежнев рассказывал лидерам стран Варшавского договора: «...что-либо конструктивного он (Дубчек) не сообщил, ограничился общими заверениями насчет того, что они справятся с событиями. Характерно, что он ничего не сказал о том, как прошла в Праге первомайская демонстрация. Он признал, что контроля над печатью, радио и телевидением у них пока нет, но заверил, что и с этим они справятся. Словом, его выступление носило, так сказать, успокаивающий характер».

Смрковский говорил более обтекаемо и напирал на необходимость скорейшего завершения реабилитации, против чего никто в Москве и не возражал.

Как и предполагали в Москве, отнюдь не все члены Президиума ЦК КПЧ поддерживали политику Дубчека. Это в полной мере проявилось в выступлении лидера словацких коммунистов Биляка, который фактически во всем поддержал советскую сторону на московских переговорах (и лишний раз убедил Дубчека в необходимости скорейшего съезда партии, чтобы избавиться от него). Биляк сказал, что, по его мнению, все нападки на КПЧ идут из одного центра, и они скоординированы с границей. Брежнев передавал слова Биляка так: «Одной из форм наступления на КПЧ в настоящее время... стало требование созвать чрезвычайный съезд партии. Он заверил, что коммунистическая партия Словакии держится крепко. Там тоже есть демагоги, но руководство партии крепко держит положение в руках. Словацкая коммунистическая партия не поддерживает предложения о чрезвычайном съезде КПЧ. Если будет принято решение созвать такой съезд, то коммунисты словаки не пойдут на него».

Это выступление Биляка в Москве в присутствии сидящего рядом Дубчека очень показательно. Из него ясно видно, что член Президиума ЦК КПЧ и лидер компартии Словакии не знал, что чрезвычайный съезд хочет созвать сам же Дубчек. То есть к тому времени Дубчек уже предпочитал действовать за спинами своих коллег по высшему партийному органу.

Брежнев сказал своим чехословацким гостям, что по сравнению с моментом встречи в Дрездене положение в Чехословакии ухудшилось и что контрреволюционные силы форсировали наступление. Брежнев говорил, в

частности, о первомайской демонстрации в Праге, на которой появились многочисленные колонны оппозиции – КАН, К-231, а члены формально распущенного в стране «Сокола» вдруг прошли в новой, «с иголки» форме. Откуда она у них появилась? Оппозиция на демонстрации критиковала компартию, а первый секретарь ЦК КПЧ Дубчек приветственно махал им рукой. Дубчек в своей манере изворачивался, пытался все отрицать и говорил, что «просто сделал какой-то жест рукой, неправильно истолкованный комментатором» телевидения. На это Брежнев логично возразил: если жест Дубчека истолковали неправильно, то комментатора надо снять с работы.

Далее Брежнев попросил Дубчека объяснить, почему правительство ЧССР фактически открыло границы с ФРГ и Австрией. Ведь речь идет о деле, которое касается всех стран Варшавского договора. «Кто может дать гарантию, что с этим многотысячным потоком „туристов“ с Запада в страну не привозят оружие, контрреволюционную литературу, какое-либо снаряжение, что среди этих приезжающих нет тайных агентов империалистических разведок. Никто такой гарантии дать не может. Как же мы можем быть спокойными в отношении этих явлений. Разве вы не знаете... что по ту сторону чехословацкой границы в ФРГ стоит 21 дивизия НАТО, в том числе два полных американских корпуса, а перед ними с чехословацкой стороны – открытый путь. Ведь это же тыл ГДР, тыл Польши. Угроза безопасности Советского Союза. Мы не можем мириться с таким положением»^[574].

Черник обещал Косыгину, что система охраны западных границ ЧССР будет пересмотрена и ужесточена. Естественно, это обещание, как и другие, осталось не выполненным. В июле председатель правительства ЧССР заявил на совещании актива национальных комитетов всех уровней, что в режиме охраны западных границ после января 1968 года вообще ничего не изменилось, за исключением ликвидации «некоторых ненормальностей»^[575].

В Москву к тому времени поступала информация, в том числе от министра обороны ЧССР Дзура, что под влиянием кампании против КПЧ и ЧССР в СМИ чехословацкая армия дезорганизуется. В частях постоянно идут митинги, а боевая учеба фактически заброшена.

Было указано с советской стороны и на прогрессирующую дезорганизацию чехословацких органов госбезопасности.

Претензии предъявили Дубчеку и относительно кампании в чехословацких СМИ по обвинению СССР в убийстве министра

иностранных дел Чехословакии Яна Масарика в 1948 году. Брежнев прямо сказал: «...этот шум уже затрагивает государственные интересы нашей страны... Если мы до сих пор молчали по этому поводу, то больше молчать не можем... Если так будет продолжаться, то мы не можем согласиться с тем, чтобы выступления против нас, против других братских партий и стран оставались без ответа. Если мы сочтем нужным ответить, то ответим так, что это будет слышно. Ответим и по радио, и в печати, и где угодно. Ответим дружно, всем социалистическим лагерем»^[576].

Брежнев и его коллеги по Политбюро ЦК КПСС опять подчеркнули, что ЦК КПЧ ничего не делает для того, чтобы контролировать работу телевидения, радио, печати и особенно своего центрального органа – газеты «Руде право».

Ссылки Дубчека на свободу печати и отсутствие цензуры справедливо сочли несерьезными. «Мы спросили чехословацких друзей: как это получается у вас? Вы снимаете одного за другим хороших коммунистов с постов: министра обороны, министра иностранных дел и других. Из 26 министров, входивших до последнего времени в состав правительства Чехословакии, было сразу отстранено 15 министров. Все это делается легко. А вот редактора газеты, который занимается контрреволюционной деятельностью, снять с работы не могут. Мы спросили, почему это так? Ответом было молчание»^[577].

Дубчек и здесь юлил, уходил от прямого ответа, ссылаясь на свободу слова (хотя эта самая свобода не мешала КПЧ осудить в тех же СМИ инсинуации против СССР в связи с «делом Масарика»). В результате этого на свет и появилось 7 мая 1968 года упомянутое выше заявление ТАСС по «делу Масарика». Фактически тем самым СССР впервые как-то ответил на антисоветскую кампанию в чехословацких СМИ.

В результате московской встречи, как отмечал в своих мемуарах Дубчек, стороны остались каждая при своем мнении. Правда, с той оговоркой, что мнение чехословацкой делегации было отнюдь не единым – Биляк фактически солидаризовался с советской позицией. К тому же Дубчек формально обещал Москве и усилить контроль над СМИ, и созвать 11 мая совещание секретарей райкомов КПЧ для координации борьбы против антисоциалистических сил.

На обратном пути из Москвы, в самолете Дубчек, Черник и Биляк торжественно взяли за руки и поклялись быстро навести в стране порядок. Смирковский обещал советской стороне добиться этого в течение месяца.

Смирковский, вернувшись из Москвы, выступил 6 мая на активе МВД ЧССР и призвал активнее бороться с контрреволюцией с опорой на массы. В Москве даже решили, что ошиблись, причислив его к «либералам». Черник, по оценкам советского политбюро, после московских переговоров перестал во всем поддерживать Дубчека и постоянно колебался между «консерваторами» (которых в Москве называли «здоровыми силами») и «реформаторами».

На заседании Президиума ЦК КПЧ после московской встречи Кольдер прямо сказал, что такие организации, как К-231, представляют собой открытую и незаконную оппозицию, и против них надо предпринять административные действия. «Центрист» Дубчек предложил издать как можно скорее закон о реабилитации и тем самым выбить из-под ног К-231 саму основу его деятельности (ведь формально К-231 и создавался, чтобы добиться принятия закона о реабилитации). «Либерал» Шпачек сказал, что если и после принятия закона К-231 не прекратит своей деятельности, то этот клуб надо разложить изнутри, направив туда коммунистов – жертв политических репрессий. При этом чисто формально клуб не существовал, так как не был зарегистрирован МВД. Получалось, что Шпачек рекомендовал коммунистам работать в нелегальной организации.

Млынарж выдвинул еще более «конструктивную идею»: «К-231 – это такая вещь, которая должна затихнуть сама собой»^[578].

12-13 мая 1968 года под свежим впечатлением от московских переговоров было созвано общегосударственное совещание актива секретарей районных и областных комитетов КПЧ. Дубчек на нем в основном повторял свои обещания Москве, призывая бороться против правых сил: «...на политическую сцену начинают выходить правые оппозиционные силы с разной степенью антикоммунистической и антисоциалистической направленности... Выдвигаются требования создать оппозиционную партию вне Национального фронта и объединить в ней всех некоммунистов против коммунистов... Мы не можем больше этого замалчивать... антикоммунистические тенденции сегодня пока еще держатся в определенных рамках. Их носители клянутся, что поддерживают процесс возрождения, но они поступают так, чтобы не вызвать открытый конфликт с нашей партией в борьбе за власть... Если возникнет более благоприятная ситуация для этих сил, они перейдут против нас в открытое наступление».

Таким образом, Дубчек говорил то же самое, что и Брежнев. Разница была лишь в том, что «Саша» этими правильными словами и ограничился. Действий, как обычно, не последовало.

Все другие руководители партии выступили на активе еще более резко. Обильно критиковали министра внутренних дел Павла, который ничего не предпринимает против незаконных оппозиционных организаций. Лидер пражской организации КПЧ Богумил Шимон (которого считали «реформатором») охарактеризовал КАН и К-231 как угрозу для компартии. Млынарж выразился следующим образом: «...К-231 – это явление, которого с точки зрения совершенства демократии нет даже у британской королевы, так как это сообщество людей, частично правомерно осужденных, которые самих себя провозгласили осужденными неправомерно»^[579].

В заключение работы актива вновь выступил Дубчек и поблагодарил участников за то, что они задали Президиуму ЦК КПЧ верное направление.

В Москве итоги работы актива районных и областных секретарей КПЧ восприняли с радостью, ожидая, что теперь за правильными словами последуют правильные дела. Казалось, что в ситуации в Чехословакии наступил наконец-то перелом.

На самом деле Дубчек решил потянуть время до чрезвычайного съезда, отделяясь от Москвы постоянными заверениями, что КПЧ вот-вот возьмет ситуацию в стране, особенно в СМИ, под контроль.

7 мая 1968 года Политбюро ЦК КПС разослало партийным организациям КПСС новую секретную информацию «О событиях в Чехословакии». В ней говорилось: «...в последнее время появились новые обстоятельства, усиливающие тревогу за судьбу социалистических завоеваний чехословацкого народа. Под нажимом антипартийных и враждебных социалистическому строю элементов КПЧ, ее нынешнее руководство все больше утрачивает контроль над положением в стране. Становится ясным, что высказывавшиеся руководством КПЧ намерения добиться нормализации положения в партии и стране на основе программы действий, принятой апрельским пленумом ЦК КПЧ, не осуществляются...

Особую опасность таит в себе отсутствие единства в новом руководстве КПЧ по основным вопросам внутренней и внешней политики партии и страны. В то время как одна часть Президиума ЦК, поняв опасность дальнейшего размаха „демократизации“, анархии, наступления враждебных антисоциалистических сил, пытается нормализовать положение или занимает „центристские“ позиции, другая, прикрываясь лозунгами „возрождения“ и „оздоровления“ партии, выступает против восстановления контроля партии над положением в стране, фактически

способствует укреплению позиций враждебных сил»^[580].

Таким образом, из этого документа КПСС впервые узнала о расколе в КПЧ на «здоровые» и «правые» силы. Московские переговоры с чехословацкой делегацией Политбюро оценивало следующим образом:

«Т. Дубчек, Черник и Смирковский по существу сводили дело к тому, что все негативные процессы являются результатом деятельности отдельных экстремистских элементов, с которыми будет нетрудно справиться, а в целом, мол, процессы „демократизации“, „либерализации“ развиваются в здоровом направлении.

Только в выступлении т. Биляка... содержалась серьезная тревога за судьбу партии и социалистических завоеваний в стране и признание необходимости принятия срочных и решительных мер для отпора наступающим антисоциалистическим силам... тов. Биляк заявил, что обстановка в Словакии значительно отличается от ситуации в чешских областях, ЦК КП Словакии контролирует положение и не допустит разгула антисоциалистических сил. Он сказал, в частности, что, если будет принято решение о созыве чрезвычайного съезда КПЧ, коммунисты словаки на него не пойдут и вообще в случае неприятия руководством КПЧ мер против наступления контрреволюции решительно выступят в защиту партии и социализма...

В целом встреча, состоявшаяся 4 мая с. г., показала, что положение в Чехословакии значительно осложнилось»^[581].

Как только чехословацкая делегация 5 мая 1968 года уехала из Москвы, Политбюро ЦК КПСС пригласило в советскую столицу лидеров Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии, чтобы проинформировать их о результатах переговоров с чехословацкой стороной. Никогда не отличавшийся избытком скромности Чаушеску потом говорил Дубчеку, что его-де приглашали и в Дрезден, и в Москву, но он гордо отказался. На самом деле румынского лидера на встречи не приглашали.

Дубчек разыграл из себя обиженного, вызвал к себе советского посла и спросил через Червоненко, почему не позвали его. Что касается встреч на высшем уровне с другими социалистическими странами, Дубчек писал в мемуарах: «Мой протест был нарочно вводящим в заблуждение, так как я решил в будущем уклоняться от таких встреч, какая имела место в Дрездене. Мы делали вид, что все в порядке. Но это было заранее просчитано»^[582].

Заметим, что Дубчек не имел никакого права принимать решение о бойкоте встреч в верхах ОВД без согласования такой позиции с членами

Президиума ЦК КПЧ.

Также он писал: «После своего возвращения из Москвы я решил преуменьшать значение наших разногласий (с СССР), хотя бы в публичных заявлениях. И такой моя тактика была и в последующие месяцы. Нам было нужно время, и я думал, что умеренное неконфронтационное поведение послужит нашему делу лучше, чем открытая полемика»^[583].

Но Дубчек явно недооценивал Брежнева и его окружение – эта тактика была «раскушена» советской стороной еще на переговорах в Москве.

На «протест» Дубчека Брежнев ответил письмом, в котором говорилось, что его не позвали потому, что он только что был в Москве. К тому же «повторный и скорый приезд чехословацких руководителей в Москву мог бы вызвать разные толкования и спекуляции о якобы „возникших трудностях“ в отношениях между КПСС и другими братскими партиями с одной стороны, и КПЧ – с другой»^[584].

На встрече в Москве 8 мая 1968 года лидеры стран Варшавского договора разделились на три группы в оценке событий в Чехословакии. Ульбрихт и Гомулка прямо сказали, что контрреволюция в ЧССР фактически уже победила, а Дубчек и другие «реформаторы» в руководстве КПЧ превратились в социал-демократов и хотят на чрезвычайном съезде окончательно демонтировать компартию.

Ульбрихт даже заявил, что может обратиться напрямую к чехословацким рабочим, ведь обращаются же чехословацкие коллеги напрямую к восточногерманским студентам. «Они вмешиваются во все наши дела. Ну, хорошо. Мы тоже можем действовать таким же образом. Только едва ли это будет иметь большое воздействие на положение в Чехословакии... Мы все слышали в Дрездене экономические идеи Дубчека – это полная путаница. Теория Шика сводится к тому, чтобы все экономические трудности переложить на плечи рабочих. Это обязательно снизит жизненный уровень рабочих и крестьян Чехословакии». Лидер ГДР считал, что «надо не систему менять, а просто лучше работать, надо поднимать производительность труда»^[585].

Гомулка подчеркнул, что чехословацкие СМИ ведут против Польши и него лично «враждебную кампанию, которая по своей ожесточенности... даже хуже, чем пропаганда радиостанции „Свободная Европа“». «Даже многие газеты на Западе не позволяют себе того, что позволяет сегодня чехословацкая печать»^[586].

Брежнев и Живков выступали в роли центристов. Они все еще надеялись, что Дубчек не врет и действительно хочет взять ситуацию под

контроль. И в этом Президиуму ЦК КПЧ надо тактично оказать дружескую помощь.

Кадар выразил мнение, что говорить о контрреволюции в ЧССР преждевременно. КПЧ искренне проводит реформы в рамках социалистического выбора, делая при этом ошибки. «Мы считаем, что положение опасное, однако силы контрреволюции пока еще не одержали верх... Я считаю, что исход происходящей борьбы решится внутри КПЧ, внутри чехословацкого рабочего класса, народа Чехословакии»^[587].

Но Ульбрихт и Косыгин вполне резонно спросили Кадара: а что будет, если чехословацкие товарищи не смогут одолеть контрреволюцию?

«Я. Кадар. Верю, что смогут. Надеюсь. Им надо начать борьбу.

В. Ульбрихт. А если не преодолеют?

Я. Кадар. Тогда должны найтись другие чехословацкие деятели, которым можно будет оказать помощь... Я думаю, надо помогать Дубчеку и влиять в желательном для нас направлении на него и его товарищей»^[588].

Ульбрихт и Гомулка предложили публично раскритиковать Программу действий КПЧ как ревизионистский документ. Брежнев от этого уклонился: «Я думаю, что программу можно было бы взять под обстрел позже. На следующем этапе... На нынешнем этапе нам, очевидно, не следует разворачивать борьбу против Программы действий КПЧ. Это можно сделать на следующем, втором этапе, поскольку, как видно из последних сообщений, они сами (руководство КПЧ – *Прим. автора.*) могут активизировать борьбу с контрреволюцией... Нам следует приложить все усилия, чтобы помочь КПЧ...»^[589].

Как и ЦРУ, Брежнев считал Программу действий популистским документом, который никакого воздействия на обстановку в стране не оказывает именно ввиду своей противоречивости.

С этим согласился и Кадар, который заметил, что Программа действий – «это большой нуль, это ничего».

«Я говорил т. Дубчеку... вы посадили лучших писателей писать этот документ. Они напишут вам 8 тысяч страниц, будут спорить о словах и отдельных формулировках, но это ничего не даст. Эта их программа – общий социалистический компромисс. Там можно найти абсолютно все. Ее сторонники могут делать все, что им заблагорассудится: и укреплять партию, и разлагать ее, и при этом ссылаться на Программу действий»^[590].

В оценке Дубчека и его «реформаторского» окружения участники встречи тоже разошлись.

Кадар считал: «...нам надо расценивать т. Дубчека и его окружение как

коммунистов, которые начали борьбу против ошибок, допущенных в прошлом. Но ведут они эту борьбу с большой наивностью. Можно сказать, что они действуют под девизом: „Пусть мир погибнет, но восторжествует справедливость“»^[591]. Правда, при этом Кадар полагал, что настоящего твердого руководства в КПЧ нет, и там царит анархия.

Живков по результатам своего недавнего визита в Прагу пришел к выводу, что антипартийный центр существует внутри самого руководства КПЧ и его возглавляет Кригель. «Каково положение т. Дубчека в КПЧ? У меня была продолжительная беседа с ним, и сложилось впечатление, что он очень утомлен, чрезмерно перегружен и по существу выпустил руководство из своих рук... В Праге и в Братиславе мы разговаривали с членами Президиума ЦК, с работниками ЦК и другими чехословацкими представителями. Большинство товарищей, я бы сказал почти 95 процентов, высказывали свою тревогу по поводу процессов, происходящих в стране. Здоровые силы там, несомненно, имеются, но их некому возглавить. Тов. Кольдер открыто заявил, что только политическими средствами они уже не могут справиться с положением. Он просил передать советским товарищам, что без решительной помощи извне здоровые силы не смогут овладеть положением; необходимо принять какие-то меры – маневры или др., но помощь должна быть оказана»^[592].

Гомулка не относил Дубчека к «здоровым силам». Он сказал в Москве следующее: «Теперь самое главное для нас – найти здоровое ядро, найти таких людей в руководстве (КПЧ), на которых можно опереться, которые могут проводить правильную линию». Причем тактику Дубчека по полной политической ликвидации своих политических противников на предстоящем чрезвычайном съезде Гомулка полностью раскусил: «Это будет нелегким делом, так как именно таких людей контрреволюционные силы постараются как можно скорее прикончить... О т. Дубчеке. Конечно, не наша задача давать ему здесь оценку. Может быть, не так уж важно определить, диктуется ли его поведение объективными или субъективными причинами. Важно, кого он поддерживает как первый секретарь ЦК, кому он открывает путь – здоровым силам или контрреволюции. Судя по всему, его политика открывает путь силам контрреволюции. Это не значит, что он не пойдет за здоровым ядром, если оно будет достаточно сильным. Но ясно, что т. Дубчек не будет таким руководителем, в каком нуждается КПЧ»^[593].

Ульбрихт вообще считал, что Дубчек полный ноль и не стоит тратить время на его обсуждение.

В целом, вопреки мнению некоторых западных исследователей, никаких планов военных акций против Чехословакии на московской встрече никто не обсуждал и даже не затрагивал. Гомулка и Ульбрихт нехотя согласились с точкой зрения Брежнева, Кадара и Живкова, что Президиум ЦК КПЧ выполнит свои обещания и возьмет ситуацию под контроль.

По итогам встречи было всего лишь одобрено два советских предложения. Косыгина решили отправить в Карловы Вары на отдых с тем, чтобы он в неформальной обстановке мог поговорить с членами Президиума ЦК КПЧ и оценить ситуацию в ЧССР. Форму «отдыха» избрали именно для того, чтобы не навредить Дубчеку, которого чехословацкие и западные СМИ могли раскритиковать за постоянные официальные контакты с Москвой. В мемуарах Дубчек излагает какую-то фантастическую версию о том, что Косыгин приехал в Карловы Вары тайком, и он, Дубчек, заранее ничего об этом не знал. Каким образом советский премьер мог нелегально проникнуть в другую страну, остается только гадать.

Постановление Политбюро ЦК КПСС «О поездке т. Косыгина А. Н. в Чехословакию» было принято 16 мая 1968 года. В нем говорилось: «Считать целесообразным, чтобы т. Косыгин А. Н. после отдыха провел беседы с чехословацкими руководителями по вопросам сотрудничества наших стран и другим вопросам...»^[594] Так что ни о какой тайне от чехословацких руководителей по определению не могло быть и речи.

Косыгин, по воспоминаниям Дубчека, довольно «мирно» слушал их с Черником, но «это много не означало». Между тем советский премьер обещал Чехословакии экономическую помощь, а Дубчек повторил заверения, что борьба против правых сил со стороны руководства КПЧ будет усилена. Позднее Дубчек писал, что в Карловых Варах Косыгин играл роль «добротного полицейского».

В целом глава советского правительства вернулся в Москву с впечатлением, что в Чехословакии происходит перелом в пользу «здоровых сил» и Дубчек в этом тоже активно участвует. На настроение Косыгина не повлияла даже заведомая провокация, когда его неожиданно «нашла» журналистка и без всякой подготовки стала задавать разные вопросы. Косыгин старался уйти от несогласованного интервью, что было подано в чехословацких СМИ как проявление его «догматичности» и боязни общаться со «свободной прессой». Смущенного советского премьера показали по чехословацкому телевидению.

Стоит заметить, что в США и по сей день нельзя взять «спонтанное»

интервью, например у президента (тем более на отдыхе), без предварительного согласования хотя бы тем вопросов. Тем более что никаких «спонтанных» журналистов охрана к президенту США и не допустила бы. А у Косыгина в Карловых Варах никакой охраны и не было.

23 мая 1968 года Политбюро ЦК КПСС приняло решение создать специальную группу членов политбюро и секретариата ЦК для постоянного наблюдения за ситуацией в Чехословакии. В нее вошли Подгорный, Сулов, Пельше^[595], Шелепин^[596], Демичев^[597], Андропов, Катушев^[598], Громыко, Епишев и Русаков^[599].

Вторая мера, согласованная на «совещании» пятерки лидеров стран ОВД в Москве, была из разряда военно-политических. Брежнев проинформировал своих коллег, что советская сторона предлагает «как можно скорее» провести на территории ЧССР военно-штабные учения ОВД. Но учения отнюдь не предназначались для запугивания Дубчека, как он пытался представить в своих воспоминаниях, а скорее для его поддержки в борьбе против правых сил (ведь Дубчек обещал с ними бороться, когда был в Москве 4-5 мая).

Брежнев так охарактеризовал своим коллегам по ОВД политический замысел учений: «Это важное мероприятие, относительно которого у нас с вами единое мнение, да и чехословацкие товарищи в принципе согласны с проведением учений. Такие учения будут способствовать оздоровлению отношений между братскими странами, помогут чехословацким друзьям укрепить армию, стабилизировать обстановку в стране... Присутствие руководящих штабных работников и большого числа офицеров всех наших армий, несомненно, произвело бы впечатление на наших врагов, связало бы контрреволюцию и было бы существенным фактором поддержки наших друзей»^[600].

Подчеркивалось, что в Чехословакию придут не войска, а символические контингенты. Со стороны СССР предполагалось привлечь части из ГДР и Польши (Северная группа советских войск).

Хотя Дубчек утверждал, что ему хотели навязать десятки тысяч военнослужащих, это неправда – учения с самого начала задумывались как военно-штабные, то есть без реального привлечения больших масс войск других стран ОВД. Да и сам же Дубчек вместе с Черником, находясь в Москве, согласился, что такие учения были бы полезны. Брежнев сказал: «Т. Смирковский и Биляк также поддерживают мысль о проведении учений»^[601].

О проведении учений главнокомандующего Объединенными

вооруженными силами ОВД маршала И. И. Якубовского во время его визита в Прагу в мае 1968 года лично просил и министр обороны ЧССР Дзур, чтобы встряхнуть потерявшую боеспособность Чехословацкую народную армию.

Учения, получившие название «Шумава», было решено провести с 20 по 30 июня 1968 года. Дубчек, по его словам, воспротивился более раннему проведению маневров, чтобы те не оказали влияния на начавшиеся в начале июня выборы делегатов на чрезвычайный съезд КПЧ. Да и вообще, мол, «добро» на маневры дали только для того, чтобы русские отстали и не предлагали более крупных учений. Если эта версия Дубчека правдива, то получается, что в Москве он просто обманул советских руководителей, поддержав идею учений.

От Советской армии к участию в учениях «Шумава» привлекались управления двух армий, четырех дивизий с одним полком полного состава от каждой, два управления ракетных бригад, управление воздушной армии, два управления авиадивизий, четыре управления авиаполков и четыре авиаэскадрильи.

Войско Польское направляло управление армии, два управления дивизий, один полк полного состава и управление одного полка с батальоном.

Венгры послали управление армии и дивизии^[602].

Сама Чехословацкая народная армия предполагала направить на учения управления двух армий, двух дивизий с управлением полка и одним батальоном от каждой, управление ракетной бригады, управление армии ПВО страны с управлением двух корпусов.

Общее количество войск ОВД, которое предполагалось задействовать в учениях, не превышало 16 тысяч человек – то есть численности одной дивизии по стандартам НАТО. Войска стали прибывать на территорию ЧССР с конца мая 1968 года.

Тем не менее чехословацкие СМИ сразу же после опубликования в конце мая 1968 года официальной информации о предстоящих учениях стали строить различные догадки об их политическом подтексте. Писали, что «Шумава» должна запугать «прогрессивное» руководство КПЧ и лично Дубчека.

Чехословацкое телевидение сообщало о сотнях писем граждан, якобы протестовавших против учений. Были даже коллективные письма с заводов, скорее всего, кем-то организованные^[603]. Диктор говорил, что люди связывают учения с политическими событиями в Чехословакии.

Сатирический журнал «Дикобраз» (издававшийся в типографии центрального органа КПЧ «Руде право») поместил карикатуру, на которой чехословацкое население приветствовало колонну советских танков словами «Здорово, парни-связисты!». Это был намек на то, что в ЧССР вошли не штабы, а боевые части.

Но одновременно 14 июня чехословацкие газеты сообщили, что жители городов и деревень Восточнечешской области встречают советских солдат и офицеров цветами, например сиренью, ставшей в мае 1945 года своего рода символом освобождения Чехословакии от нацизма Красной армией.

Масла в огонь в связи с «Шумавой» старались подлить и американцы, хотя ЦРУ в своих секретных анализах четко писало, что никаких военных акций против ЧССР советское руководство не планирует.

Но уже 12 мая 1968 года посол ЧССР в США Дуда со ссылкой на неких чиновников госдепартамента сообщал в Прагу о передвижениях войск ОВД «вдоль границ ЧССР». «По американским данным, – докладывал посол, – эти передислокации не являются подготовкой к военной интервенции, а носят выраженный характер политической демонстрации готовности к нападению в том случае, если дальнейшее политическое развитие в ЧССР перейдет границы, установленные партнерами по Варшавскому договору»^[604].

Американцы стремились вбить клин между ЧССР и ее партнерами по ОВД и использовали для этого малейшую возможность.

8 мая 1968 года чехословацкая военная разведка выяснила, что в южной Польше недалеко от границ ЧССР сосредотачиваются две советские танковые дивизии. Интересно, что сообщение об этом передал чехословацкий военный атташе из Канады^[605]. Министр обороны Дзур немедленно сообщил об этом Дубчеку, который как раз был на приеме в Граде по случаю годовщины освобождения Чехословакии от фашизма. Дубчек распалился и стал горячо говорить, что «не пустит их сюда».

На следующий день премьер-министр Черник позвонил в генеральный штаб ЧСНА и приказал выяснить, что происходит в Польше с советскими войсками. Последовали телефонные звонки чехословацких генералов в Москву и Варшаву, и быстро выяснилось, что в Польше происходят заранее запланированные учения. Они начались 10 мая и продолжались две недели. Одновременно в Восточной Германии в маневрах участвовали советская танковая армия и две мотострелковые дивизии Национальной народной армии ГДР.

В это же самое время в Праге находилась советская военная делегация во главе с освободителями Праги в 1945 году маршалами Коневым и Москаленко, но у них Дубчек спрашивать ничего не стал.

Министр обороны ЧССР Дзур решил, что учения в ГДР и Польше являются средством политического давления на Чехословакию, и приказал 10 мая проконтролировать надежность систем связи со всеми командующими соединениями ЧСНА. Напротив, начальник Генерального штаба ЧСНА генерал Русов отказывался верить сообщениям разведки о готовящемся военном нападении стран ОВД на ЧССР.

Для разрядки обстановки в ЧССР пригласили советскую военную делегацию во главе с министром обороны СССР маршалом А. Гречко и начальником Главного политуправления Советской армии Н. Епишевым. Еще на пленуме ЦК КПСС 9-11 апреля 1968 года, посвященном, в числе прочего, и ситуации в ЧССР, Епишев заявил, что «если группа верных делу социализма чехословацких коммунистов обратится к Советскому Союзу и другим социалистическим странам с просьбой о помощи в деле защиты социализма в ЧССР, советская армия будет готова выполнить свой интернациональный долг»^[606].

Заметим, что 19-25 сентября 1966 года на территории ЧССР без всяких инсинуаций и вымыслов со стороны прессы прошли самые крупные в истории ОВД учения «Влтава», причем не штабные, а полномасштабные, войсковые.

Учение отрабатывало «пограничное сражение общевойсковой армии и развитие наступательной операции с целью уничтожения крупных сил противника с широким применением десантов с воздуха и авиации»^[607]. В маневрах приняли участие 92 тысячи солдат и офицеров, 500 танков, 1500 БТР и БМП, более 800 самолетов, 630 орудий, 70 пусковых установок ракет малой и средней дальности, 16 500 автомобилей.

Только ЧСНА призвала из запаса 17 тысяч резервистов.

В учениях применялась самая современная на тот момент военная техника; наступление и оборона проводились по последнему слову военной науки, стратегии и тактики. В маневрах в Южной Моравии участвовали войска ЧССР, СССР, ГДР и ВНР. Как отметил командующий учениями, министр обороны СССР маршал А. А. Гречко, «Влтава» не являлась командно-штабной операцией, она представляла собой крупные учения, в которых участвовало большое количество войск от четырех союзных армий: чехословацкой, венгерской, советской и немецкой. После окончания учений чехословацкие и союзнические войска участвовали в параде в

городе Ческе-Будейовице. Перед объединенными союзническими войсками на параде выступил президент ЧССР Новотный.

По сравнению с «Влтавой» в военном отношении «Шумава» была просто мелочью.

Замысел учений «Шумава» состоял в следующем. «Противник» («западные», то есть НАТО), группа армий «Центр» (18-20 дивизий) при поддержке 2-го Объединенного тактического авиационного командования (ОТАК) – 1700-1800 боевых самолетов, прорвав оборону армий первого оперативного эшелона «восточных» – 2-го Западного фронта (ЗФ, под этим подразумевалась Чехословацкая народная армия, ЧСНА), развивал наступление силами пяти-шести дивизий в направлении Праги^[608].

К удивлению Якубовского, чехословацкая армия почти не сопротивлялась, а в контрнаступление, как это предполагалось планом ОВД еще 1964 года, вообще не переходила.

За трое суток «сражения» ни одной контратаки в тактической обороне, ни одного контрудара в оперативно-тактической обороне командармы «восточных» (1-я и 4-я армии под командованием чехословацких генералов Веселый и Петржила) не провели. Впрочем, командующий Чехословацким фронтом генерал-полковник Васил Вало^[609] от них этого и не требовал. То есть велась пассивная оборона, где командармы 1-й и 4-й чехословацких армий и в целом Чехословацкий фронт просто отдали инициативу наступающему противнику.

По состоянию на 29 июня 1968 года положение было таким: «противник» (наступавшие «войска НАТО») находился уже в одном-двух переходах от возможного рубежа ввода в сражение и удара на Прагу и располагал еще двумя свежими «армейскими корпусами ФРГ». Правда, в резерве Чехословацкого фронта была еще армия из четырех дивизий (плюс еще одна дивизия резерва 4-й армии).

Якубовский предлагал Вало нанести противнику сильный встречный контрудар силами этих пяти дивизий. Но тот все равно не хотел никаких активных действий. Между Вало и Якубовским состоялся показательный диалог.

«— Стало быть, все оборона и оборона! – громовой голос Якубовского... – Так точно, соудруг маршал («товарищ маршал» по-чешски – *Прим. автора.*), оборонка, – ответил Вало. – Противник у Праги! Слышь, у Праги! В поддержку Вало вступился (министр обороны) Дзур...: – В 41-м немец тоже видел в бинокль Кремль, соудруг маршал»^[610].

Командующий польским контингентом генерал бронетанковых войск Флориан Сивицкий сказал советским коллегам, что «швейки сдадут Прагу».

Несмотря на давление штаба руководства учениями и лично главкома войск ОВД Якубовского, так и не удалось активизировать сражение и ввести в бой резервы. Президент Свобода, знавший о войне не понаслышке, тоже был крайне недоволен пассивностью ЧСНА.

По итогам «Шумавы» у советских военных возникло следующее впечатление: для Чехословакии в случае нападения НАТО главным было бы как можно скорее втянуть в войну СССР с его могучими вооруженными силами, а свою армию – беречь. Обороняться и не рисковать – таким было кредо Чехословацкой народной армии^[611].

Невысокий боевой дух ЧСНА объяснялся тем, что к лету 1968 года армия фактически уже была морально разложена. Причем это было делом рук, прежде всего, армейских коммунистов-офицеров, которые в духе «либерализма» говорили солдатам на политбеседах, что войны уже никогда не будет, а военные блоки себя изживают.

Надо подчеркнуть, что в армии, как и среди рабочих, новый «демократический» курс Президиума ЦК КПЧ с самого начала вызвал у многих подозрения. Это признал еще в марте 1968 года новый начальник Главного политического управления ЧСНА генерал-майор Пепих в статье, опубликованной «Руде Право»: «...у некоторых военнослужащих... проявляется определенная сдержанность в оценке вклада январского пленума (ЦК КПЧ), связанная с выжидательной позицией...» Далее «демократ» Пепих фактически грозил всем несогласным: «Эти товарищи не должны удивляться, что мы не согласны с их позицией...». Хотя добавлял, что время для оргвыводов пока не пришло^[612].

В армии провели реформу партийного руководства, которая никак не вязалась с курсом на «демократизацию» и «децентрализацию» и уж совсем ничего общего не имела с любимым «коньком» Дубчека – разделением партийных и государственных органов.

Ранее в вооруженных силах фактически было два конкурировавших между собой партийных центра – главный комитет КПЧ министерства обороны (его возглавлял Шейна) и Главное политическое управление, которое, строго говоря, было вообще не партийным органом, а подразделением министерства обороны. Партком Минобороны подчинялся заведующему 8-м отделом ЦК (им был другой сторонник Новотного – Мамула). Но так как партийный комитет в январе 1968 года выступил за

Новотного, то все руководство партийной работой в вооруженных силах передали ведомству Пепиха, – то есть государственный орган стал руководить армейскими коммунистами.

10-11 июля в Братиславе была проведена общеармейская конференция КПЧ, которая избрала еще один орган – подготовительный комитет КПЧ, который временно должен был руководить коммунистами вооруженных сил. От ЦК КПЧ примерно 600 делегатов конференции приветствовал Черник, подчеркнувший, что нет ни малейшей причины сомневаться в верности ЧССР Варшавскому договору. Конференция направила открытое письмо коммунистам вооруженных сил армий Варшавского договора и Югославии. В нем, в частности, говорилось: «Наша общеармейская конференция проходит во время повышенной политической активности, которая не может дать и не дает ни малейшей причины для беспокойности по поводу нашего отношения к СССР и другим социалистическим странам»^[613]. Делегаты конференции во главе с начальником генерального штаба Руссовым возложили венок к памятнику советским воинам в Братиславе.

Кстати, самого Пепиха убрали, едва назначив, что было характерно для кадровой чехарды 1968 года. Он ни в чем не провинился перед «реформаторами», просто Дубчек в июле 1968-го решил отдать главную политическую должность в армии «своему человеку», и политические убеждения нового назначенца здесь были абсолютно неважны. 17 июля 1968 года Свобода как верховный главнокомандующий своим приказом назначил начальником Главного политического управления генерал-майора Франтишека Бедржиха. Основное политическое достоинство Бедржиха, бывшего столяра и директора мебельной фабрики в киргизской столице Фрунзе, состояло в том, что он вместе с семьей Дубчека работал в Киргизии в кооперативе «Интерхелпо». В 1932-1935 годах он, будучи членом ВЛКСМ, работал в аппарате Коминтерна и занимался молодежным коммунистическим движением в Чехословакии.

В 1935 году Бедржих вернулся на родину, прошел действительную воинскую службу и уехал обратно в Советский Союз.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года прервало учебу Бедржиха в Ленинградском институте лесного хозяйства (он прослушал восемь семестров). Бедржих вступил в чехословацкую часть Свободы в Бузулуке и в 1944 году получил звание штабс-капитана. Он участвовал во всех боевых операциях чехословацких частей на советско-германском фронте, начиная с памятного боя у деревни Соколово в марте 1943 года. Членом КПЧ Бедржих стал лишь в марте 1945 года. После войны, закончив

в 1948-1950 годах военную академию, он занимал должности командира пехотной бригады, военного атташе в Польше, заместителя командующего военным округом и корпусом, начальника военного училища. Назначение на высший политический пост в армии застало его на должности командующего североморавским военным округом. У Бедржиха было 27 орденов и медалей, в том числе семь военных крестов^[614].

Дубчек думал, что против такой кандидатуры (Бедржиху присвоили и звание генерал-лейтенанта) Москва возражать не будет. Бедржих оказался человеком деятельным и пытался как-то оживить партийную работу в войсках. Но был вынужден признать, что политически армия уже расколота на все тех же «либералов» и «консерваторов».

Весной 1968 года в Военно-политической академии (ВПА) имени Готвальда на свет появились два программных документа: «О программе действий ЧСНА» и «Определение и формулирование государственных интересов Чехословакии в военной области». Начальник академии полковник Менцл разослал эти документы всем партийным и государственным органам. В меморандумах ВПА говорилось об отмирании НАТО и ослаблении угрозы со стороны ФРГ. Отсюда делался вывод о том, что Чехословакия не столь уж и важна для Варшавского договора, и в случае возможной войны на ее территории обоим блокам можно было бы и не вести боевых действий^[615]. Положение ЧССР в Варшавском договоре характеризовалось как положение жертвы не зависящих от нее процессов.

Меморандумы ВПА стали известны на Западе и, естественно, получили там высокую оценку.

Советский генерал А. Майоров, чья 38-я армия участвовала в июне 1968 года в учениях «Шумава», докладывал командованию о ситуации в ЧНА: «Процесс так называемой „демократизации“ отрицательно отразился на состоянии дел в ряде частей ЧСНА. Это подтверждается посещением вертолетного полка Оломоуцкой авиадивизии... Многие офицеры этой части понимают под „демократизацией“ возможность говорить и писать, что хочешь. Командир полка суть происходящих событий объяснил так: „После 1948 года в ЧССР была установлена диктатура пролетариата. Народ понял ее как отсутствие демократии. Это продолжалось слишком долго, и теперь демократия вновь восстановлена“. Большинство офицеров, с которыми беседовали наши товарищи, выразили удовлетворение „демократическими“ изменениями в стране... Командир полка подполковник Слапничка заявил, что для него не важна дисциплина в казарме, главное – как летают летчики». Потряс Майорова и другой

невиданный в Советской армии казус: «Политической наглядной агитации в полку нет. А в кабинете командира полка висит фотография обнаженной женщины. Подобные фотографии висят в „клубовнах“ (клубах – Прим. автора.) и казармах»^[616].

К 1 июля 1968 года командно-штабное учение «Шумава» завершилось. На его разбор кроме командования Объединенных вооруженных сил (ОВС) стран – участниц Варшавского договора прибыли руководители Чехословакии – президент Свобода, Дубчек, Черник, Смрковский (на тот момент председатель Национального собрания), министр национальной обороны Дзур, военные атташе социалистических стран.

Подводя итоги командно-штабного учения, маршал Якубовский оценил состояние боевой подготовки чехословацкой армии как неудовлетворительное (правда, отметим, что чехословацкие артиллеристы были признаны лучшими) и предложил продолжить учения, не определив при этом срок их завершения. После протеста чехословацкой стороны учения были все же завершены, однако отвод союзных войск, прежде всего советских, из района их проведения, вроде бы, задерживался^[617]. Сам Дубчек, выступая 1 июля 1968 года на традиционном празднике чехословацко-советской дружбы под Брно, не жалел теплых слов ни в отношении СССР, ни по поводу «Шумавы»: «Из союза с Советским Союзом вытекает наше чувство национальной и государственной безопасности... Политика союза с Советским Союзом и социалистическими странами является жизненным интересом нашего народа». Дубчек на словах решительно поддержал членство ЧССР в Варшавском договоре, чтобы «этот оборонительный союз был способен и готов выступить в случае реальной военной угрозы». О «Шумава» он говорил так: «Именно в эти дни на нашей территории заканчивается одно из самых важных и успешных учений государств Варшавского договора и уходят части, которые в нем участвовали. Мы их сердечно приветствуем»^[618].

Но за кулисами сердечностью и не пахло.

22 июля 1968 года командованию советской 38-й армии от имени министерства национальной обороны (МНО) ЧССР был передан запрос о сроках вывода войск. При этом заместитель начальника управления сухопутных войск МНО генерал Благут заявил: «Нам непонятно длительное и бесцельное пребывание советских войск на территории ЧССР. Это только осложняет нашу дружбу и наши взаимоотношения. Народу Чехословакии трудно объяснить вашу задержку в нашей

стране»^[619].

В чехословацких СМИ по этому поводу поднялась антисоветская волна. 10 июля 1968 года газеты «Праце» (орган профсоюзов) и «Млада фронта» (орган Чехословацкого союза молодежи) посвятили данной теме несколько заметок. 11 июля орган Союза писателей газета «Литерарни листы» поместила карикатуру. На ней были изображены Дубчек и Дзур в автомобиле. Дзур говорил: «Справа хорошо!». Испуганный Дубчек восклицал: «А слева танки!»^[620]. Заголовки других статей говорили сами за себя: «В войне нервов одержит победу разум», «Правда об учении», «Не допустим нарушения суверенитета».

Чтобы хоть как-то скомпенсировать этот антисоветский вал в прессе, «Руде Право» опубликовала 11 июля 1968 года статью министра обороны ЧССР Дзура под красноречивым названием «ЧССР – прочное звено Варшавского договора». В ней было много «правильных слов» о том, что ОВД – гарантия «государственной независимости и социалистического развития Чехословакии». И поэтому новое демократическое руководство ЧССР даже намерено усилить вклад Чехословакии в эту организацию. Но каким образом? Оказывается, путем «интернационализации объединенного командования», то есть сокращения в нем доли советских генералов и офицеров^[621]. Предлагалось создать и какие-то «новые органы» (этого же требовали в то время и румыны). Сам Дзур признал в статье, что можно понять опасения «друзей» насчет того, не ослабит ли «демократизация» членство ЧССР в ОВД. Ведь, писал Дзур, многие чехословацкие граждане открыто спрашивают, не является ли членство в Варшавском договоре помехой на пути «очищения от деформаций прошлого».

Коснулся Дзур и отвода союзных войск после учения «Шумава», сославшись на сотни гневных писем с мест (хотя письма писали не ему, а откуда и в каком количестве они приходили, было неизвестно – *Прим. автора.*). Например, говорил, что рабочие «Теслы» писали: «Мы напоминаем представителям наших союзных стран, что будем поддерживать все шаги руководителей нашего государства, которые ведут к развитию дружбы на основе партнерства, ведения дел по принципу „равный с равным“ и неприкосновенности государственного суверенитета. Ситуация, которая возникла в связи с командно-штабным учением, по нашему мнению, не содействует развитию дружественных отношений между нашими народами». Министр обороны это письмо никак не прокомментировал.

Но затем, 16 июля, Дзур разъяснил, что никаких «проволочек»

с отводом союзных войск нет вообще. Разбор учений завершился 5 июля, но связистам понадобится время, потребуются вагоны, чтобы демонтировать и погрузить свое оборудование. «Я уже принимал участие в учениях, где такие „проволочки“ были гораздо длиннее», – заметил Дзур^[622].

В госдепартаменте США обсуждался вопрос о вынесении «чехословацкой проблемы» на обсуждение ООН. Причиной мог бы быть как раз протест против пребывания советских войск в Чехословакии, которые, по мнению американцев, слишком медленно покидали территорию страны после завершившихся 30 июня 1968 года маневров ОВД «Шумава». Однако американцы обращаться в ООН не хотели, надеясь, что обсуждение инициирует сама ЧССР или Румыния и Югославия. Но МИД ЧССР решительно выступил против любого обсуждения темы «Шумавы» в ООН.

Только 24 июля 1968 года Якубовский разрешил начать отвод частей и соединений, о чем были проинформированы и представители ЧССР. Под предлогом плохого технического состояния большого количества боевой техники, совершившей многокилометровые марши, темпы обратного продвижения были заданы низкие. Ощущалась физическая и моральная усталость советских войск.

«Шумава» показала, помимо всего прочего, что чехословацкая армия вряд ли способна действительно вмешаться во внутреннюю политику на стороне просоветских «здоровых сил». Антисоветских настроений в ЧСНА практически не было, но в условиях массового морального террора в СМИ против «догматиков» военнослужащие уже опасались открыто говорить какие-то добрые слова в адрес Советского Союза. В то же время было ясно, что и воевать против своих советских союзников в случае чего ЧСНА не будет.

Беспокойство в Москве вызывал и тот факт, что чехословацкая армия фактически уже не могла принять полноценное участие и в возможном конфликте между ОВД и НАТО. Еще 6 мая 1968 года на заседании Политбюро ЦК КПСС Брежнев сказал: «...Нам нужно обезопасить себя и весь социалистический лагерь на западе, на границе с ФРГ и Австрией. Мы исходим из того, что со стороны ФРГ на этом участке границы стоит 21 дивизия американская и немецкая. От чешских друзей мы так толком и не узнали, но мы себе примерно представляем, что там ничего серьезного с их стороны нет на границе»^[623].

На советско-польских переговорах в апреле 1968 года Гомулка заявил:

«...дезорганизация (чехословацкой) армии практически открыла бы границу с ФРГ, и возможное провокационное нападение пусть даже небольших западногерманских сил могло бы иметь непредсказуемые последствия. Поэтому было бы целесообразно разместить в рамках Варшавского договора советские войска в Чехословакии»^[624].

В принципиальном плане стоит подчеркнуть, что военное планирование возможного применения вооруженных сил СССР в Чехословакии началось в апреле 1968 года, хотя до июля оно носило предварительный характер. Это было классическое планирование «на всякий случай».

8 апреля 1968 года командующий воздушно-десантными войсками (ВДВ) генерал В. Ф. Маргелов получил директиву, согласно которой приступил к планированию применения воздушных десантов на территории ЧССР.

В директиве говорилось: «Советский Союз и другие социалистические страны, верные интернациональному долгу и Варшавскому Договору, должны ввести свои войска для оказания помощи Чехословацкой народной армии в защите Родины от нависшей над ней опасности»^[625]. В документе подчеркивалось также: «...если войска Чехословацкой народной армии с пониманием отнесутся к появлению советских войск, в этом случае необходимо организовать с ними взаимодействие и совместно выполнять поставленные задачи. В случае, если войска ЧСНА будут враждебно относиться к десантникам и поддержат консервативные силы, тогда необходимо принимать меры к их локализации, а при невозможности этого – разоружать».

Имелись свои особенности и в механизме создания группировки войск для возможной операции в Чехословакии. С самого начала акция планировалась как совместная с другими социалистическими странами. Поэтому наряду с советскими соединениями в нее входили формирования стран Варшавского договора – ГДР, ПНР, ВНР и НРБ.

В еще более плачевном состоянии, чем армия, пребывали чехословацкие органы МВД, госбезопасности и разведки. Газеты постоянно писали о вине «чехословацких чекистов» в массовых репрессиях и требовали их решительного наказания, а затем и роспуска органов госбезопасности.

Москву особенно возмутило интервью Бацилека, бывшего министром госбезопасности в начале 1950-х годов. Он утверждал, что все дело Сланского изобрели в Москве, а советские советники в МГБ ЧСР лично

жестоко пытали арестованных. Брежнев справедливо говорил коллегам из стран ОВД, что Сталин как раз до самого последнего момента был против ареста Сланского и даже заменил главного советника по линии МГБ. Но вступать в публичную полемику по этому вопросу в СССР почему-то не решились.

По Чехословакии весной 1968 года прокатилась странная волна самоубийств сотрудников спецслужб и военных, многие из которых смахивали как раз на убийства.

14 марта застрелился генерал Владимир Янко, которого считали одним из главных организаторов «путча» 1967 года. Есть версия (с которой выступил позднее Шейна), что Янко предложил в советском посольстве, чтобы ЧСНА взяла власть в свои руки. Якобы тем самым Янко, как Ярузельский в 1981 году в Польше, хотел помешать возможному вводу советских войск. Но «Советы» ответили генералу, что чехословацкой армии не доверяют. На самом деле, скорее всего, Янко как честный и принципиальный коммунист просто психологически не вынес того, что происходило в стране. Перед смертью он записал в своем дневнике: «Меня уже так вымазали грязью некоторые товарищи в связи с Шейной. Открыто заявляю, что я никому не отдавал приказа и никогда не отдал бы приказ на использование армии в противоправных целях, тем более что ясно – по закону это приказать мог только т. Новотный»^[626].

Утверждалось, что он застрелился прямо перед поездкой на заседание комиссии ЦК, которая расследовала планировавшийся в 1967 году путч. Правда, маршрут движения генерала был очень странным – почему-то он решил дать по Праге большой крюк^[627]. Есть и версия, что Янко, которого в 1939 году неожиданно через день или два после ареста выпустили из гестапо, в 1968-м он мог стать жертвой шантажа в связи со своим военным прошлым.

Затем покончили жизнь самоубийством сотрудники госбезопасности, много знавшие о репрессиях, – капитан Покорный и начальник следственного отдела пражской полиции подполковник Почепицкий.

Почепицкий свел счеты с жизнью 25 апреля 1968 года – ходили слухи, что именно он передавал Шейне через Моравца данные о ходе следствия против генерала. В предсмертном письме жене подполковник написал: «Дело, в которое я попал, вызовет много сенсаций, и я думаю, что выбрал правильный путь».

Что касается Покорного, то среди сотрудников госбезопасности говорили, что если бы тот начал давать показания, в Чехословакии

произошло бы политическое землетрясение. Считалось, что именно он знает всю правду о «деле Яна Масарика». Следователи выяснили, что Покорный был уже мертв, когда его сунули в петлю^[628].

В январе 1951 года сотрудника госбезопасности Покорного арестовали и в 1953-м приговорили за саботаж и «гестаповские методы работы» к 16 годам лишения свободы. Кстати, на момент ареста Покорного заместителем министра внутренних дел ЧСР был Йозеф Павел, также принимавший участие в массовых репрессиях вплоть до собственного ареста.

В 1956 году обвинения в саботаже были сняты, но незаконные методы работы по-прежнему фигурировали в обвинительном акте. В мае 1953 года Покорного с подорванным здоровьем освободили по амнистии и выплатили ему компенсацию 90 тысяч крон.

31 марта 1968 года Покорного нашли повесившимся в лесу недалеко от Брно, где он жил. Его друзья и родные говорили, что он тяжело переживал «пражскую весну», особенно очернение компартии и февральских событий 1948 года. 25 марта Покорный записал в своем дневнике: «Коммунист победоносного февраля 1948 года не может пережить страшное поражение КПЧ... Трагично и ужасно умирать в таком позоре... Поражение коммунистического режима в чехословацкой социалистической республике – это катастрофа»^[629].

Новый министр внутренних дел (с 8 апреля 1968 года), ветеран гражданской войны в Испании Йозеф Павел (настоящее имя Франтишек Шустер) был человеком бесспорно честным и мужественным. Когда его арестовали в начале 1950-х, он ни в чем не признался и никого не оговорил. После освобождения из тюрьмы Павел ушел на пенсию и выращивал розы.

Но как управленец Павел оказался просто профессионально непригоден. Он говорил о реабилитации, но никого из тех, кто был замешан в репрессиях, из МВД не уволил. У сотрудников создавалось впечатление, что Павел толком не знает, кто и чем в МВД вообще занимается. Он, как и Мао в Китае, опирался в работе на «молодой актив». Если кто-то из этого «актива» записывал того и иного офицера в «догматики», того с позором увольняли.

Уже в мае 1968 года Павел запретил использование против граждан ЧССР любых технических средств наблюдения и прослушивания, если не было установлено, что они сотрудничают с иностранными разведками. Но как это было установить без наблюдения и прослушивания?

О том раздразе, который царил в министерстве внутренних дел, свидетельствует хотя бы появившееся в газетах письмо «молодых

сотрудников разведки» в связи с полученной лидером чехословацких писателей Гольдштюкером анонимкой, содержащей ругательства и угрозы. «Молодые сотрудники разведки» подчеркнули, что не имеют ничего общего с репрессиями 1950-х годов в силу своего возраста («мы только что окончили вузы»), но высказали критику в адрес своих «старших товарищей», которые промолчали в связи с угрозами Гольдштюкеру^[630]. Почему «старшие товарищи», и именно из разведки, были обязаны высказаться в связи с какой-то анонимкой, остается загадкой. Больше всего это напоминает как раз сталинистскую практику времен массовых репрессий, когда надо было кого-нибудь обязательно публично осудить или от кого-нибудь «отмежеваться», чтобы самому не попасть под подозрение.

Нечего и говорить, что даже невозможно себе представить письмо «молодых сотрудников» ЦРУ с критикой «старших товарищей» где-нибудь в «Нью-Йорк Таймс».

В июле 1968 года на совещании руководителей национальных комитетов всех уровней Павел с гордостью объявил, что сократил численный состав полиции общественной безопасности (это были подразделения, занимавшиеся охраной правопорядка на улицах и борьбой с преступностью) на треть и заверил, что этот процесс будет продолжаться^[631].

В августе 1968 года власти крупных городов, особенно Праги, забили тревогу – на улицах не хватало полиции, ее там было меньше, чем в 1939-м. При этом за последние года полицейских стало меньше на 11 тысяч человек (полицию сокращали еще при Новотном в духе «демократизации»). Теперь надо было срочно перебросить только в Прагу 2 тысячи постовых^[632]. Павел как истинный «либерал» предложил бросить на улицы бывших сотрудников органов госбезопасности и разведки. Тем самым он бы заодно и сократил органы госбезопасности, что было популярным среди «реформаторов». Но против такого откровенного маразма выступили уже сами пражские власти.

Кстати, одной из причин слабой работы полиции, как признавали власти Праги, было растущее недоверие к ней граждан, наслушавшихся и начитавшихся разного рода «разоблачений» из эпохи «деформаций».

Между тем в стране сильно выросла уголовная преступность. Еще в 1967 году было зарегистрировано в два раза больше преступлений, чем в 1960-м, и, как отмечало МВД, в 1968-м «эта неблагоприятная тенденция, к сожалению, продолжалась». Больше стало не только краж, но и преступлений против личности с применением насилия.

Сотрудники МВД не знали, что им делать в условиях «пражской весны». Когда Павла спрашивали об указаниях, он лишь советовал читать его выступления в прессе.

Правда, прессе сам Павел то ли не говорил правды, то ли и сам не знал, что происходит у него в министерстве. Например, он объявил, что никаких советских советников в МВД больше нет, хотя генерал КГБ Котов продолжал сидеть на том же этаже, что и сам Павел. Скорее всего, министр прессе врал, так как в августе 1968 года требовал от Дубчека сократить аппарат представителя КГБ и перестать делиться с ним наиболее важной информацией. Дубчек, как всегда, колебался. Тогда последний пункт Павел выполнил сам – теперь советским «друзьям» давали лишь материалы разведки, затрагивавшие СССР или Варшавский договор. Никаких данных о внутренней и внешней политике Чехословакии уже не поставляли.

Внешняя разведка МВД фактически прекратила работу после того, как ее начальника полковника Гоуску сотрудники, взбудораженные «либеральной» прессой, просто не пустили на рабочее место. Павел постфактум узаконил этот произвол и уволил Гоуску. Не помогло даже личное заступничество председателя КГБ Андропова. Гоуска немедленно вышел на контакт с представительством КГБ и предложил свои услуги в деле борьбы против «реформаторов».

В МВД Павла, мягко говоря, не любили. Сотрудники 2-го управления (контрразведка) по-прежнему использовали в квартире своего собственного министра подслушивающую аппаратуру. Прослушивали также служебный кабинет и квартиру Смирковского, который, став членом Президиума ЦК КПЧ при Дубчеке, «курировал» МВД.

В мае 1968 года из тюрьмы выпустили бывшего министра внутренних дел Рудольфа Барака. Но тот отказался сотрудничать с «либеральными» газетами в деле «разоблачения сталинизма». Наоборот, Барак наладил связь с офицерами КГБ в ЧССР и заявил о готовности всячески помогать «здоровым силам» в КПЧ.

Очень тонко почувствовав политические настроения «пражской весны», он потребовал полной реабилитации. Военная прокуратура изучила дело и пришла к выводу, что Барак действительно присвоил много казенных денег (143268 швейцарских франков, 20000 австрийских шиллингов, 2 000000 итальянских лир, 72 000 долларов США и 20000 французских франков, а также 765 000 «отечественных» крон), но саботажем не занимался, а значит, часть обвинений нужно снять^[633]. Из сведений, полученных от адвокатов Барака, выяснилось, что их подзащитный давал на следствии показания «под давлением». Часть своих

подписей на протоколах допросов он вообще объявил поддельными.

Барак объяснял свое «дело» непримиримыми политическими противоречиями с Новотным. Он, Барак, оказывается, на посту шефа МВД активно продвигал реабилитацию и вскрыл участие Новотного в репрессиях. В своих показаниях перед сенатом (палатой) Верховного суда в июле 1968 года Барак дошел до того, что обвинил Новотного и зятя Готвальда Чепичку в том, что именно они и срежиссировали «дело Сланского». Это был, конечно, оговор, но ругать Новотного тогда было модно.

Непосредственную причину своего ареста Барак объяснил вообще как-то фантастически, но очень хитро с точки зрения тогдашней политической конъюнктуры. Дескать, он в лицо критиковал Новотного за «субъективизм» в стиле руководства и малую образованность, а в январе 1962 года даже пригрозил ему, что поставит на пленуме ЦК вопрос о разделении функций президента и первого секретаря. Выходило, что Барак на пять лет предвосхитил самого лидера «пражской весны» Дубчека, а посему должен быть немедленно реабилитирован. Ведь именно из-за этой своей смелости он и пострадал.

Густав Гусак, не стерпев столь явной лжи, в интервью «Руде право» прямо заявил, что уже сидел в тюрьме, когда Барак стал министром внутренних дел, и с приходом того ничего не изменилось. «Я имею в виду методы допросов и грубое нарушение действовавших тогда законов. Мой процесс готовился тогда, когда министром был Барак... Барак несет полную ответственность за нарушение законности»^[634].

Тем не менее Верховный суд отменил 18 июля 1968 года приговор по делу Барака. Но отправил дело на новое расследование.

Естественно, в СССР Павла оценивали очень невысоко, и когда в самом же руководстве КПЧ возникла мысль создать отдельный орган госбезопасности и вывести его, таким образом, из состава МВД, в СССР эту идею горячо поддержали. Так же положительно в Москве отнеслись и к мысли создать единую чехословацкую разведку из 1-го управления МВД и разведслужбы генштаба ЧНА. Однако, как обычно случалось при Дубчеке, все эти идеи бесконечно обсуждались, но никакого решения не принималось. А аппарат МВД и разведка к лету 1968 года фактически прекратили всю работу. Резиденты и агенты чехословацкой внешней разведки в 72 странах напрасно ждали каких-либо инструкций из Праги. Зато Павел распорядился прекратить разведывательную деятельность против Югославии и Албании (Албания тогда занимала резко антисоветские позиции и поддерживала маоистский Китай в борьбе против

СССР).

По настоятельной просьбе СССР в заместители Павлу в июне 1968 года назначили человека, пользовавшегося доверием Москвы, – словака Вильяма Шалговича (он стал отвечать за госбезопасность). Он родился в 1919 году, выучился на работника типографии, в годы войны был призван в словацкую армию. В 1943 году перешел на сторону Красной армии, окончил советское военное училище, затем служил политработником в частях Свободы. В 1945-1951 годах служил в военной разведке. Был членом ЦК КПС и депутатом как национального, так и словацкого парламента. В 1962-1968 годах был заместителем председателя контрольно-ревизионной комиссии ЦК КПС (то есть работал в Словакии под руководством Дубчека).

Интересно, что как только Шалговича назначили заместителем министра, в СМИ на него обрушилась волна критики – его обвиняли в репрессиях 50-х годов. В новой Чехии (после 1992 года) Шалгович стал символом предательства (так как поддержал ввод войск ОВД в ЧССР в августе 1968 года), и для борьбы против президента Вацлава Клауса в Интернете даже распустили слухи, что его жена Ливия – дочь «предателя Шалговича». Как будто, даже если бы это была и правда, дочь отвечает за отца. Утверждалось, что на момент своего назначения в июне 1968 года Шалгович был «агентом КГБ».

Несмотря на беспрецедентную травлю в СМИ, Шалгович не особенно скрывал свои политические взгляды. Его коллега из ГДР Маркус Вольф так передал содержание своей беседы с Шалговичем, произошедшей в июне 1968-го: «...в Президиуме ЦК партии большинство у „правых“, которые сами себя характеризуют как прогрессистов... Дубчек, по его словам, все больше уступает их давлению. На сентябрь намечается созыв съезда, делегатами которого при господствующем ныне давлении избираются только „прогрессисты“, большей частью из интеллигенции. Как сказал мне Шалгович, он и его политические друзья, заклеянные „консерваторами“, без сомнения, не имеют шансов на этом съезде. На мой вопрос, что можно было бы сделать с нашей стороны, заместитель министра растерянно ответил: „Я не знаю“. По его мнению, Павел был движущей силой в деле очернения всех „консерваторов“. Как сказал Шалгович, Павел терроризировал всех неугодных ему сотрудников с помощью печати и телевидения. На повестку дня поставлены дискредитация и психологический террор, и уже почти нельзя быть уверенным в собственной безопасности.

Действительно, против Шалговича и других офицеров министерства

внутренних дел шла настоящая кампания по дискредитации. На стенах домов краской рисовали виселицы с их именами...»^[635].

О ситуации в МВД ЧССР красноречиво говорит тот факт, что материал о секретной поездке Вольфа в Прагу (его туда пригласил позднее снятый со своего поста начальник чехословацкой внешней разведки Гоуска) немедленно появился в газете Союза писателей «Литерарни листы» под заголовком «Что было нужно генералу Вольфу в Праге?». Вольф без труда вычислил источник утечки секретной информации: «Так как кроме упоминавшихся мною собеседников о визите знал только руководитель отдела активных мероприятий в пражской разведке Борецкий, было не особенно трудно установить источник публикации. В конце концов, именно Борецкий считался лидером „прогрессистов“ в разведке»^[636].

КГБ СССР не только следил за ситуацией в Чехословакии, но и пытался как-то на нее повлиять.

В марте 1968 года КГБ СССР начал в Чехословакии операцию «Прогресс». В страну под видом западных туристов к 12 мая приехали около 15 нелегалов советской разведки, пытавшихся наладить доверительные контакты с «либералами» и «реформаторами», чтобы дискредитировать их^[637]. По легенде, два нелегала из ФРГ должны были подготовить эмиграцию на Запад известными своими антисоветскими выпадами писателей Яна Прохазку и Вацлава Черного. Прохазка получил письмо, в котором говорилось, что ему грозит опасность и надо срочно уехать в ФРГ (вместо ФРГ его хотели вывезти в ГДР). Но Прохазка знал только чешский язык, и советскому нелегалу, который изображал западного немца, было трудно с ним договориться. К тому же Прохазка находился под личной опекой министра внутренних дел Павла.

Черный, получивший такое же письмо, как и Прохазка, сказал, что никого не боится.

Бывший советник КГБ в ЧССР Борис Наливайко (работал в Праге в 1957-1958 годах) вместе с женой и еще одной супружеской парой был направлен на «отдых» в Карловы Вары с заданием наладить связи со «здоровыми силами» в МВД и госбезопасности. Недовольных «реформаторами» офицеров было хоть отбавляй. Потом Наливайко говорил, что всего в ЧССР (в Прагу, Братиславу, Брно, Оставу) в 1968 году приехали под разным прикрытием более сотни сотрудников КГБ^[638].

В мае КГБ через газету «Берлинер Цайтунг», выходившую в столице ГДР, распространил сообщение, что в Праге появилось восемь американских танков. Глава разведки МГБ ГДР Маркус Вольф так описал

это в своих мемуарах: «Это „сообщение“ было подсунуто редакции советской стороной без нашего ведома. В действительности в Праге проводились натурные съемки (американского) фильма „Ремагенский мост“. „Танки“ быстро превратились в кучку статистов в американской форме. Тогда я интерпретировал столь несерьезную акцию как признак неуверенности Москвы. Западные собеседники спрашивали меня напрямик, не следует ли предположить, что „утка“ с танками задумана как алиби на случай советской интервенции. Такую возможность я посчитал абсурдом, просто ребячеством»^[639].

В СССР положение в чехословацкой армии и органах безопасности вызывало беспокойство на самом высоком уровне.

Так, Косыгин по результатам своих бесед с Дубчеком в мае 1968 года заявил: «Он очень разбросан, неуравновешен, на некоторые вещи он смотрит просто наивно. Например, ему задается вопрос, как у вас дела в армии? – В армии у нас все в порядке, так как большинство командиров дивизий мои личные знакомые. О КГБ вопрос – также полный порядок, отвечает он, а через несколько дней снимают председателя КГБ»^[640].

В ответ на советскую критику положения на западных границах Чехословакии командующий пограничными войсками ЧССР генерал-майор Пепрны в конце июля 1968-го заявил, что в этом году задержано на 100 % больше нарушителей, причем 60 % из них – граждане социалистических стран (прежде всего, ГДР и Польши)^[641]. Здесь обращает на себя внимание то, что в «нарушители» были зачислены граждане тех стран, руководство которых наиболее жестко критиковало события в Чехословакии.

Всего в первой половине 1968 года в ЧССР приехали 1 835 000 иностранных туристов (за тот же период 1967-го – 867 000). Две трети были из социалистических стран, особенно много жителей соседних Венгрии и ГДР. Восточных немцев прибыло 560 тысяч (на 135 тысяч больше, чем в 1967 году), западных – 123 тысячи (на 20 тысяч больше)^[642]. На этом фоне поражала малочисленность советских туристов, которых насчитали за первые полгода 1968 года всего 26 тысяч.

Чехословацкие СМИ на фоне огульной критики социализма подспудно начали противопоставлять периоду после 1948 года «рай» домюнхенской республики, где якобы царили всеобщее благоденствие и демократия. Уже к лету 1968 года критиковать первого президента ЧСР ярого антикоммуниста Масарика стало на публике небезопасно. Особенно эта историческая демагогия действовала на молодежь, не видевшую ни домюнхенской, ни «сталинистской» Чехословакии.

Но те, кто были постарше и не принадлежали, в отличие, например от родителей Вацлава Гавела, к сливкам общества довоенной Чехословакии, имели о домюнхенской республике свое мнение. 2 июля 1968 года «Руде Право» опубликовала отклик своего читателя – рабочего и представителя местного национального комитета в местечке Дольни Поустевны 48-летнего Йозефа Воншовского. Уже привычно оговорившись, что у него и в мыслях нет критиковать «великого гуманиста» Масарика, Воншовский выражал искреннее удивление, как это он, живя до войны в деревне, совсем не заметил той «золотой» демократии, о которой «умные люди» рассуждали в телепередаче 15 июня 1968 года. Тогда вся демократия заключалась в приказах старосты и связанного с ним полицейского вахмистра. Об экономических условиях жизни Воншовский писал так: «... в деревне нищета была еще более ужасной, чем в городе. Сейчас говорят о жилищных проблемах в ЧССР, и это правильно... Но я до сих пор не могу понять, как же при том демократическом правительстве в домюнхенской республике люди жили в разваленных деревянных хижинах с глиняным полом. А несколько сотен семей вообще жило в скальных пещерах, как звери, в то время как помещики белили хлева и конюшни два раза в год»^[643].

К лету 1968 года ясно обозначилась угроза полного распада Чехословакии как единого государства в связи с планировавшейся федерализацией страны. Тут-то Дубчек и столкнулся со словацким национализмом и местничеством, которые он сам так заботливо культивировал до января 1968 года. Теперь уже он сам хотел сохранить основные полномочия в будущем федеративном государстве за Прагой. А «чемпионом» по отстаиванию словацких национальных интересов сделался Густав Гусак, которого Дубчек почему-то сильно не любил (впрочем, это было явно взаимно). В новой ЧССР за федеральным центром хотели оставить только оборону, внешнюю политику и торговлю и, как предлагал Гусак, выработку единого для всей страны плана экономического развития. Впрочем, в ходе реформы Шика плановая система практически уже развалилась, и предприятия не подчинялись никому – ни Праге, ни Братиславе.

Гусак, популярность которого в Словакии к лету 1968 года превысила рейтинг Дубчека, бичевал в СМИ попытки централистов в Праге сохранить доминирование чехов над словаками. И теперь главной мишенью этой критики стал былой защитник словацких интересов Александр Дубчек.

Обеспокоенные граждане стали писать в газеты письма, интересуясь, сохранится ли в новой стране единая валюта и можно ли будет без визы

ездить из Чехии в Словакию^[644].

Партийные организации КПЧ Моравии и Силезии требовали создания уже «четырёхчленной» федерации – в составе Словакии, Чехии, Моравии и Силезии (причем последние две области были чисто чешскими по языку). Словаки были решительно против, а «реформаторы» в Праге идею поддерживали. Ведь южноморавская областная организация КПЧ (с центром в столице Моравии Брно) была оплотом «либералов», и ссориться с ней кумиры интеллигенции Цисарж и Смрковский явно не хотели. Гусак так прокомментировал эти проекты: «Это давление из Южной Моравии. Но Моравия и Силезия – это дело чешского народа». То есть если Моравия и Силезия хотели автономии, то они должны были в новой двучленной федерации получить ее из рук Чехии, куда они вошли бы, не затрагивая статуса Словакии.

Но даже переговоры по «двучленной федерации» (то есть в составе лишь Чехии и Словакии) к июлю 1968 года, по выражению Гусака, зашли в тупик по вине чешской стороны. Предполагалось, что в новом федеративном государстве и у Чехии, и у Словакии будут свой парламент и свое правительство. Здесь разногласий не было. Но зато никак не могли договориться о национальном составе центрального федерального правительства и парламента. Словаки выступали за полный паритет, а чехи за представительство пропорционально численности населения. Так как чехов было примерно в два раза больше, чем словаков, было понятно, что при такой формуле они будут доминировать. Гусак был решительно против и назвал это «майоризацией» словацкого народа чешским и «ассимиляторским подходом»: «Это очень опасная тенденция, прикрываемая демократической вывеской»^[645].

Популярность Гусака в Словакии к июлю 1968 года достигла небывалых высот, тем более что он ведь уже пострадал за «словацкий национализм» и теперь использовал это (как и Дубчек ранее) как свою главную козырную карту.

11 июля 1968 года Национальным собранием был торжественно избран Чешский национальный совет (ЧНС) – временный парламент чешской части еще не сформированной федерации. Никакой демократией здесь и не пахло. Список кандидатов в ЧНС составило руководство Национального фронта, то есть Кригель. Причем профсоюзы во время избрания ЧНС выразили устами своего лидера Полачека решительный протест против того, что их интересы (а значит, интересы рабочих) при составлении списка кандидатов не были учтены. При этом профсоюзы

были самой массовой организацией Национального фронта^[646]. Неудивительно, что Кригель предложил на пост председателя ЧНС своего главного соратника по «ультрареформаторскому движению» Цисаржа, который и был «избран».

Кригель предложил депутатам парламента не начинать обсуждение отдельных кандидатур, а проголосовать целиком за представленный список кандидатов. Но депутаты преподнесли ему неприятный сюрприз, провалив двоих наиболее радикальных борцов против «догматизма» – журналиста Ганзелку и писателя Когоута. По этому поводу выразили горькое сожаление директор государственного телевидения Пеликан («не избрали настоящих патриотов»), а также председатель парламента Смирковский. Его публично поддержали Цисарж и Кригель. Последний сказал, что еще выше стал ценить Когоута и Ганзелку.

В целом дебаты по федерализации показывали прогрессирующий распад любого государственного управления, который наблюдался и во всех прочих сферах.

Как представляла себе будущее страны «прогрессивная интеллигенция», было видно из статьи Алексея Плудека «Готовим распад федерации» в журнале «Студент» (этот журнал именовал себя «органом молодой интеллигенции») от 7 августа 1968 года. Плудек писал, что за последние 20 лет чехи два раза подверглись геноциду лишь потому, что жили в одном государстве со словаками. Отсюда следовал «логичный» вывод – надо разделить ЧССР на два независимых государства^[647].

Что касается экономической политики чехословацких реформаторов в 1968 году, то она была очень простой. Было отменено де-факто всяческое регулирование заработной платы, и получившие свободу предприятия стали ее активно превышать. Политику примешали и сюда. «Воскресшие» профсоюзы стали требовать исправления «сталинистских и неосталинистских деформаций» и в экономике. Главной деформацией, с точки зрения либералов, являлось то, что ранее самые высокие зарплаты были в машиностроении. Теперь профсоюзы других отраслей требовали уравнивать их в правах с машиностроительной отраслью.

Став вице-премьером и фактическим исполнителем своей же собственной экономической политики, Шик создал при правительстве Экономический совет, который должен был разрабатывать средне- и долгоросчные концепции реформирования как всей экономики, так и ее отдельных отраслей, – то есть своего рода «мозговой трест» реформы. Совет (его возглавлял Штроугал) быстро наплодил десятки «концепций»,

где было много благих пожеланий, но гораздо меньше конкретных предложений. Общий тон был следующим: все недостатки реформы проистекают от недостаточно радикального ее проведения, которому, естественно, мешают «консервативные силы».

Сам Шик в специально созданном цикле телепередач стал рассказывать гражданам, как они живут. Через 20 лет такие «экономические публицисты», обещавшие быстрое повышение уровня доходов до западного, но при этом с сохранением социальных благ социализма, появились и в СССР. Правда, через шесть-семь лет о большинстве из них почти все забыли, а если и вспоминают, то, как правило, не очень почтительно.

Посыл Шика был прост: экономика Чехословакии отсталая, и надо быстро догнать по уровню жизни соседние Австрию и ФРГ. С этим никто не спорил, хотя данные Шика об отставании были зачастую весьма странными. Например, Шик доказывал телезрителям, что зарплата рабочего в ФРГ в среднем и при учете разницы покупательной способности марки и кроны на 46 % выше, чем у рабочего в ЧССР.

Рост зарплаты тормозили, естественно, «сталинисты» и «творцы деформаций». Правда, Шик сам говорил, что в первой пятилетке (в 1948-1953 годах, когда и заправляли «сталинисты») зарплата росла на 6 % в год, а вот после начала реформы в 1960-х – уже лишь на 2 %. Мол, в 1955-1963 годах заработная плата в чехословацкой промышленности выросла лишь на 25 %, а в Австрии – вдвое. Шик, правда, упомянул, что в той же Австрии за это же время сильно выросли цены. Но не сказал зрителям о том, что в Австрии в этот период никто цены не снижал, как в ЧССР, и у австрийских рабочих не было ни бесплатного жилья, ни бесплатного медицинского обслуживания или санаторного отдыха.

Чтобы показать всю отсталость чехословацкого рабочего по сравнению с его западногерманским коллегой, Шик на полном серьезе сказал, что, чтобы купить портативную пишущую машинку, рабочий в ЧССР должен работать 129 часов, а в ФРГ – 32^[648], как будто портативная машинка была главным предметом, нужным рабочим обеих стран. А вот данных по банальным и необходимым в повседневной жизни хлебу, мясу, пиву и т. д. он почему-то не привел.

Вице-премьер с телеэкрана убеждал зрителей, что в Чехословакии много едят, потому что в магазинах мало других товаров (!). Мол, рабочий в ФРГ тратит на еду 38,3 % доходов, а чехословацкий – 51,4 %. Заметим, что эту разницу нельзя считать существенной. Тем более что, по словам самого же Шика, чехословацкие рабочие тратили на одежду и обувь столько же,

сколько и австрийские (соответственно 13,9 % и 13,7 % доходов), на оплату жилья – почти в два раза меньше, чем в ФРГ (5,1 % и 9,9 %), что было прямым завоеванием социализма. Меньше тратили рабочие в Чехословакии и на мебель и предметы домашнего обихода – 5,5 % доходов (в ФРГ – 7,6 %), а также на отопление и электричество – соответственно 3,7 % и 5 %.

Почему при этом рабочие в ЧССР были такими уж «отсталыми», не совсем понятно.

Но Шик разъяснил и это в очередной, пятой серии своего сериала. Оказывается, дело было в низкой квалификации директоров чехословацких предприятий. Обоснование этого тезиса «академиком Шиком» выглядело подчас комичным. Так, он сослался на исследование 1965 года, проведенное среди 500 директоров предприятий. Согласно нему, директора тратили на разные совещания 20 часов в неделю, на телефонные разговоры – 2,5 часа и лишь четыре часа на руководство предприятием. Как будто совещания и телефонные звонки не имеют ничего общего с руководством предприятием.

Примером решения проблемы для Шика и здесь были СА, где 600 тысяч человек учились в «институтах менеджмента» (подразумевались, видимо, разного рода краткосрочные курсы, зачастую пышно именовавшиеся «академиями»). А вот среди 11 947 директоров чехословацких предприятий «только» 2822 имели законченное высшее образование^[649]. Жаль, что Шик не привел аналогичной статистики по США, – она была бы гораздо хуже.

Между тем взаимосвязь роста заработной платы с приростом производительности труда была в 1968 году ликвидирована, и предприятия стали проедать то, что ранее направлялось на инвестиции.

Неудивительно, что зарплата в ЧССР в среднем выросла в 1968 году на 8 %, притом что и в 1967 году она подросла неплохо – на 5,4 %^[650]. Если средняя заработная плата в экономике (без учета работников сельхозкооперативов) составляла в I квартале 1968 года 1671 крону в месяц, то в IV квартале – 1928 крон. При этом зарплата росла быстрее в непромышленных отраслях, что и имел в виду Ульбрихт, когда говорил, что Черник и Шик проводят реформу за счет рабочих.

Например, железнодорожникам повысили зарплату на 29,8 %, работникам розничной торговли – на 26,1 %, работникам связи – на 22,8 %, здравоохранения – на 23,3 %, образования – на 17,4 %, в то время как в промышленности зарплата выросла лишь на 6,7 %.

Тем самым в Праге хотели, бесспорно, достичь и политической цели.

Ведь именно интеллигенция считалась оплотом «реформаторов», поэтому ей, прежде всего, и повышали зарплату. Рабочие же, напротив, причислялись в целом к лагерю «консерваторов», а значит, могли и потерпеть.

Правительство весной – летом 1968 года стало просить ставшие теперь «демократичными» профсоюзы отказаться от «безответственных» требований в области зарплаты. При этом тот же Шик публично призывал профсоюзы к обратному: активнее бороться за интересы трудящихся. Те и боролись, выдвинув к 1 июля 1968 года требований в общей сложности на 7 миллиардов крон. В бюджете таких денег и близко не было, тем более что Шик призывал сокращать бюджетные расходы.

Но в первом полугодии 1968 года рост цен и расходов на жизнь впервые обогнал рост зарплаты, и с мест стало приходить много сигналов от недовольных людей. Если в первом полугодии доходы граждан выросли на 10 %, то стоимость их жизни – на 11 %. Особенно пострадали, как водится, пенсионеры и многодетные семьи. Рост доходов сильно обогнал в первые пять месяцев 1968 года и рост промышленного производства. Последний показатель не превысил 5,4 % (в Чехии – 4,9 %, в Словакии – 9,9 %, но в Словакии этот рост был достигнут в большой степени за счет увеличения рабочей силы в промышленности на 3,9 %)^[651].

Правительство планировало, что в 1968 году располагаемые доходы населения вырастут на 17 млрд крон, в то время как в 1962-м они увеличились лишь на 4 миллиарда, в 1966 году – на 9, а в 1967-м – на 11,7^[652]. Но в 1962 и 1966 годах почти не было и роста цен, а теперь он обгонял рост зарплаты.

С момента начала экономических преобразований в 1963 году в Чехословакии стала довольно быстро расти наличная денежная масса. В 1963-м банкнот, облигаций и монет в стране было на 10360 миллионов крон, причем по сравнению с прошлым годом денежная масса сократилась на 4 миллиарда. В 1964 году денежная масса подросла уже на 386 миллионов крон, в 1965-м – на 915, в 1966-м – еще на 667, а в 1967 году (когда реформа заработала на полную мощность) – на 1520 миллионов крон (!)^[653].

Реально потребление граждан увеличилось в 1968 году на 18,45 миллиарда крон. Одновременно «освобожденные» предприятия не добавили розничной торговле продукции на 15 миллиардов крон. Так как люди ввиду бурного роста доходов буквально сметали с полок даже товары длительного пользования, в магазинах к концу года товарные запасы

составляли в среднем 75 % от обычной нормы, а во многих местах и менее 50 %.

В 1968-1969 годах было продано 623 тысячи холодильников, 633 тысячи стиральных машин, 955 тысяч радиоприемников и 653 тысячи телевизоров.

Но товары подходили к концу, отсюда и просьба ЧССР к США и СССР предоставить огромные кредиты – путем массированного импорта хотели удовлетворить накачанный искусственно покупательский спрос. Однако СССР задавал неудобные вопросы о целях кредита, а крах своей реформы «либералы» признавать не хотели. Тем более что у «догматиков» в Москве деньги брать было политически невыгодно. А американцы предоставить кредит отказались потому, что не верили в стабильность режима «реформаторов».

В какой-то степени «реформаторам» повезло: чтобы избежать гиперинфляции, было необходимо резко поднимать розничные цены, но ввод войск стран Варшавского договора в ЧССР в августе 1968 года отвлек население от экономических проблем.

Тем не менее цены в 1968 году и так росли, и это вызывало недовольство граждан. Например, двухдверный шкаф для одежды стоил в 1966 году 1030 крон, а в 1968-м – 1360 крон^[654]. В апреле 1968 года на 15 % (на некоторых направлениях и до 32 %) повысили цены на авиабилеты для внутренних рейсов. Летом 1968 года сельскохозяйственные кооперативы забили тревогу: цены на комбикорм выросли, а цены на мясо пока еще относились к категории «связанных». Поэтому кооперативы стали нести финансовые потери.

По-прежнему неудовлетворительно обстояло дело в сфере услуг. Если в Швеции одна ремонтная слесарная мастерская приходилась на 509 человек, в ГДР – на 1500, то в ЧССР – на 4000.

Ремонт стал в 1968 году особенно важным для жителей Чехословакии потому, что отпущенные на свободу предприятия-монополисты резко снизили качество своей продукции.

Помимо роста зарплаты правительство реформаторов не скупилось и на социальные подарки иного рода, которые тоже обходились бюджету, что называется, в копеечку. Была сокращена продолжительность рабочей недели (до пяти дней в неделю), повышена заработная плата за работу в выходные и сверхурочно, увеличилось пособия на детей и пенсии.

В проекте бюджета на 1969 год предполагалось увеличить расходы на образование на 12 %, на здравоохранение – на 8,7 %, на социальное обеспечение – на 19,9 %, на медицинское страхование – на 22,1 %.

Однако все эти прожекты были на бумаге, а пока в здравоохранении и образовании уже начало ощущаться рекомендованное реформаторами сокращение государственных расходов на «непроизводительные сферы». Но жаловаться на всесильных теперь «экономических гуру» группы Шика (ставшего вице-премьером) было опасно. Поэтому когда журналисты спросили министра здравоохранения Влчека о причинах все более явно появлявшегося отставания здравоохранения от потребностей людей, тот, как робот, списал все на «деформации прошлого» и «недостаточную демократизацию» (!) в здравоохранении. Тут уж изумились и журналисты. Они потребовали объяснить, почему на медицинское обслуживание стали направлять меньше денег. Министр не стал скрывать, что если в 1950-1955 годах (при «сталинизме») на здравоохранение выделялось 1,23 % всех госрасходов, то уже в 1961-1965 годах (когда постепенно начиналась реформа Шика) – 0,93 %, и в 1968-м тенденция к снижению доли здравоохранения в бюджетных расходах проявлялась еще сильнее^[655]. Стоит отметить, что 21,2 % всех объектов системы здравоохранения в стране было построено в XIX веке, а еще 36 % было старше 50 лет (их возвели во времена Австро-Венгрии). На 100 тысяч больничных коек в США приходилось 185 медработников, в СССР – 100, в Швеции – 112, в Чехословакии – 56. Каждый год в стране не хватало в здравоохранении 15 тысяч работников, особенно не доставало медсестер^[656].

Своему коллеге вторил министр образования Кадлец. Политика экономии на социальных нуждах привела в 1968 году к тому, что 125 школ в Чехии находилось в аварийном состоянии. В Праге в среднем в каждом классе было по 40 учеников, а 60 % школьных зданий были построены до 1928 года. Кадлец прямо сказал, что с теми расходами, которые правительство запланировало на образование в 1968-1970 годах (2,45 млрд крон) не удастся даже ликвидировать аварийное состояние школ. В 1968-м финансовые вложения государства в образование составляли лишь 70 % от уровня 1961 года^[657].

Но что могли сказать Влчек и Кадлец, если Шик делал установку на достижение любыми путями в ближайшем будущем бездефицитного бюджета? Это рассматривалось как важнейшее средство борьбы с инфляцией, которую сам же Шик и развязал, освободив цены предприятиям. Теперь же получалось, что бороться с инфляцией надо было за счет снижения расходов на образование и здравоохранение.

Однако падение жизненного уровня населения в результате отпуска цен приняло такие масштабы, что уже в марте 1968 года этим занялась

специально созданная при ЦК КПЧ комиссия по вопросам жизненного уровня во главе с председателем Любомиром Штроугалом (после ввода войск ОВД стал премьер-министром ЧССР). Вопреки сопротивлению Шика (тогда еще не входившего в правительство), было принято решение задним числом повысить пенсии с 1 января 1968 года на 8 %, увеличить декретный отпуск и пособия на детей, а также по временной нетрудоспособности^[658].

Некоторые меры ввели в действие уже с 1 июля 1968 года.

Выплаты по больничным листам установили в размере 50 % от зарплаты (если человек работал на предприятии менее года), 60 % (стаж до пяти лет) и 70 % (свыше 10 лет). Но при этом в любом случае выплаты не могли превышать 100 крон в день при шестидневной рабочей неделе и 120 крон – при пятидневной.

Единовременная выплата при рождении ребенка устанавливалась в размере 1000 крон, в декретном отпуске (он составил теперь 26 недель, а для одиноких матерей – 35) платили как на больничном. Ежемесячные пособия на детей равнялись: на одного ребенка – 90 крон, на двоих – 330, на троих – 680, на четверых – 1030 крон. На каждого последующего ребенка добавляли по 240 крон.

Состояние чехословацкой экономики к середине 1968 года очень хорошо характеризуется заголовком статьи сотрудника Института экономики Академии наук ЧССР Отакара Турека «Выйдет ли экономическая политика из заколдованного круга?»^[659].

Автор, радикальный «реформатор», фактически признавал фикцию «третьего пути» или «социалистической рыночной экономики». По его мнению, реформа замедлилась, потому что наткнулась на социальные границы существующего общественного строя. «Один заколдованный круг» (а их, по Туреку, было несколько) состоял в следующем. Надо отменить монополию внешней торговли, разрешить предприятиям торговать с границей и обеспечить для этого конвертируемость кроны. Это подорвет целые отрасли «неэффективной» чехословацкой промышленности, но если не открыть страну для иностранной конкуренции, она так и останется неэффективной. Все это образует «заколдованный круг».

Другой «круг» был еще опаснее. С одной стороны, логика реформ требовала предоставить предприятиям полную свободу в определении цен. Но в условиях их монополизма это вело к инфляции. Здесь Турек предлагал обеспечить всех граждан валютой и разрешить им покупать товары прямо

за границей. Проблема заключалась в том, что валюты не было, – ее успешно растратили за годы реформы.

Рецепт Турека был типичен для всех «реформаторов» типа Шика – политическим и неконкретным: он предлагал «привести в действие демократические силы общества». Панацея виделась в повторении югославкой ошибки – создании выборных органов управления на предприятиях. Чем эти «советы трудящихся» могли помочь в ликвидации, например технологической отсталости того или иного предприятия, непонятно.

С Туреком был категорически не согласен секретарь «мозгового центра» – Экономического совета правительства ЧССР – Комарек. Он почти заклинал в «Руде Право», что нельзя использовать в экономике те же методы, что и в политике^[660]. Ведь многие процессы на предприятии заданы самой технологией производства, и выборная демократия их не отменит.

Комарек прямо признал, что в 1968 году резко ослабла дисциплина на предприятиях и резко снизилось качество их продукции, а также стал более бедным ее ассортимент.

В апреле 1968 года премьер Черник предложил установить для неэффективных предприятий срок не более пяти лет, после которого государственная помощь им прекратится.

Итоги первого полугодия 1968-го ясно показывали одно: экономический рост сокращается, жизненный уровень падает, демографическая ситуация ухудшается^[661].

Промышленное производство в первом полугодии 1968 года выросло на 5,6 %, причем во втором квартале этот рост замедлился до 4,6 %. К неудовольствию Шика, быстрее всего росли «ненужные», с его точки зрения отрасли: машиностроение (+ 6,5 %), химическая промышленность (+ 7,2 %) и металлургия (+ 5 %). А вот потребительских товаров было произведено больше всего на 2,5 %.

Темпы роста экономики были самыми слабыми за три предыдущих года, и правительство прогнозировало их дальнейшее замедление.

В торговлю поступило на 47 тысяч тонн мяса больше, чем в первом полугодии 1967 года, но только потому, что забой скота начал приобретать опасные с точки зрения сохранения поголовья размеры. Было забито на 48 тысяч голов крупного рогатого скота и на 219 тысяч поросят больше, чем за аналогичный период прошлого года. Сократилось поголовье молочных коров. В торговлю поступило меньше яиц. Под картофелем было в 1968

году 372 тысячи гектаров – самая маленькая площадь за 50 лет, причем в 1968-м она сократилась сразу на 50 тысяч га. При сохранении прошлогодней урожайности стране осенью не хватило бы полмиллиона тонн «второго хлеба».

В июле 1967 года оборот розничной торговли в ЧССР вырос на рекордные 12 %, а с начала 1968-го – на 66 миллиардов крон. Не удивительно, что товаров на эту громадную сумму денег не хватало. Хотя мяса с начала года в торговлю поступило на 16 % больше (+ почти 50 тысяч тонн), его все равно не хватало. В Праге зафиксировали перебои со свининой. Масла вообще продали меньше, чем в 1967 году. Недоставало даже баранок и галет.

В торговле, кроме того, стал ощущаться недостаток мебели, холодильников, автомашин, постельного белья и готовой одежды. К августу 1968 года стали поступать многочисленные жалобы на перебои с поставками в торговлю мяса, молока и молочных продуктов, пива и безалкогольных напитков и даже хлеба – люди скупали все, опасаясь роста цен.

Этот рост был за первое полугодие 1968 года формально низким (1 %), но просто потому, что на продукты питания цены до сих пор были «не отпущены». Однако реформаторы готовились в 1969 году отменить государственные дотации на продукты питания. А они были солидными, например, при цене курятины в 15-25 крон за килограмм государство дотировало еще 11 крон. Всего в бюджете 1968 года на всевозможные дотации планировалось потратить 30 миллиардов крон.

Что ожидало в случае отмены дотаций граждан, показывали ценники в ресторанах, где цены на спиртное «освободили», – они выросли в первом полугодии 1968 года сразу на 8 %.

Но даже пока еще регулируемые цены в первые шесть месяцев 1968 года повысились на мебель, обувь и текстильные товары. В отелях и местах отдыха приходилось платить на 9,5 % больше, чем в 1967 году. Предприятия часто обходили запрет на повышение цен, переводя тот же самый товар в категорию «более высокого качества».

За первые шесть месяцев 1968 года промышленность произвела ненужных потребителям товаров на 5,1 миллиарда крон, а общие товарные запасы превысили гигантскую сумму 200 миллиардов крон.

В первом полугодии 1968 года было завершено строительство 25 251 квартиры (на 1136 меньше, чем за аналогичный период 1967 года).

Никогда еще демографическая ситуация в ЧССР не была такой острой, как в начале 1968 года. В стране в первом полугодии родились живыми

только 110 тысяч детей, в 62 тысячах случаев беременность была прервана. На 500, до 10 тысяч, увеличилось количество разводов. В стране умерла 81 тысяча граждан (на 7 тысяч больше, чем в первом полугодии 1967 года).

На совещании с руководящими работниками национальных комитетов в июле 1968 года Черник заявил, что состояние экономики «серьезное», хотя и не кризисное, но правительство в конце июля рассмотрит «жесткие меры» по преодолению «экономического неравновесия»^[662]. Под этой научной формулировкой скрывался банальный рост цен. От этих мер население страны спас ввод войск Варшавского договора 20 августа 1968 года. Но лишь в определенной мере.

В конце июля антисоветская пропаганда в ЧССР достигла своего апогея. Одновременно было объявлено о повышении розничных цен с 1 августа 1968 года, которое должно было обойтись потребителям в 484,7 миллиона крон (300 миллионов крон относились к повышению цен на продукты питания)^[663]. Причем правительство предупредило, что до конца года хочет сэкономить на дотациях бюджета еще примерно полмиллиарда крон. Подорожали морская рыба (треска, скумбрия) и рыбопродукты (икра, крабы), любимый чехами карп (главное рождественское блюдо), орехи, бобовые, мед, изделия из овощей и фруктов (в том числе замороженные). Например, за килограмм карпа теперь вместо 11 крон надо было заплатить 15. Обещали повысить цены и на компоты и джемы из плодов нового урожая.

Выросли цены и на 5500 промышленных товаров народного потребления, в том числе фото пленку, фотобумагу, оцинкованную посуду, товары из стекла, игрушки. Подорожали также охотничьи ружья и патроны к ним.

Для того чтобы хоть как-то подсластить горькую пилюлю, на ряд товаров цены были снижены, но это дало потребителям экономию всего в 54,7 миллиона крон. Интересно, что подешевела косметика из Польши и ГДР – стран, наиболее жестко критиковавших «пражскую весну». Стал дешевле и пылесос «Юпитер»: за него теперь надо было заплатить не 830 крон, а 690. На 7 % упали цены на посуду из искусственных материалов (то есть из пластмассы). Доступнее стали складные зонтики (вместо 150 – 110 крон) и шали из шелка.

Повышение цен объяснялось необходимостью сократить дотации из бюджета и приблизить цены к уровню спроса и предложения. Но «свободные» предприятия сами повышали цены, где могли, – поэтому приходилось, наоборот, увеличивать дотации, чтобы цены на товары не

стали для населения неподъемными. Ожидалось, что в 1969 году отпускные цены предприятий вырастут как минимум на 600-800 миллионов крон.

Казалось, правительство могло бы опереться на вклады населения в государственных сберегательных банках как на источник дохода. В 1955-1967 годах, в эпоху «деформаций», они росли в среднем на 3,3 миллиарда крон в год и к 31 декабря 1967-го составили 45,2 миллиарда крон^[664]. Но после начала экономической реформы чехи и словаки стали откладывать на сберкнижки в среднем в два-три раза меньший процент своих доходов, чем, например австрийцы или западные немцы. Причин этой опасной тенденции снижения накоплений было две. Во-первых, люди боялись роста цен и старались обратить деньги в товар. Во-вторых, проценты по вкладам стали также отставать от инфляции, в то время как до 1967 года инфляции не было вообще.

Шик, между тем, в очередной серии своего сериала указал выход в переориентировании чехословацкой внешней торговли на западные рынки, которые заставят отечественных производителей быть более строгими к качеству продукции. Вообще упование на «заграницу» было свойственно всем реформаторам, у которых плохо получалось справляться с делами внутри страны.

Начал вице-премьер, как водится, с критики. Он заявил, что Чехословакия зря производит все и вся, и ей надо лучше вписываться в разделение труда. Шик привел какие-то сомнительные и непонятно каким образом просчитанные данные, что килограмм чехословацкой машиностроительной продукции (!) продавался в среднем за 9,5 кроны, в Западной Европе – за 13 крон, а в США – за 28 крон.

Выход был прост: отменить монополию внешней торговли и активнее бороться с так называемым протекционизмом. Шик говорил это в то время, когда к протекционизму активно прибегали столь почитаемые ими страны Западной Европы и США.

На самом деле, как признавало в своих аналитических докладах ЦРУ, Чехословакия более чем активно участвовала в разделении труда в рамках социалистического содружества. Чехословацкое машиностроение было бы невозможно без гарантированных и долгосрочных поставок сырья из СССР. Но еще более важным, особенно в условиях реформы, было то, что СССР обеспечивал ведущие предприятия ЧССР многолетними заказами. Именно для машиностроителей это имело особое значение, ведь произвести трамвай и пачку молока – разные вещи, требующие разных затрат и сроков.

Директора чехословацких предприятий, будучи, в отличие от Шика не теоретиками, а практиками, это прекрасно понимали. Например, директор флагмана чехословацкой индустрии «Шкода» Чехура с удовлетворением говорил о том, что заказы СССР позволяют обеспечить социальную защиту его рабочих до конца 1970 года. Ведь только на 1969 год Советский Союз заказал 350 троллейбусов марки TR-9 (всего «Шкода» делала в год 450 троллейбусов)^[665].

Охотно брали в СССР и «низкокачественные» (по мнению Шика) чехословацкие локомотивы, грузовики, легкие самолеты и т. д. Та же «Шкода» отправляла в СССР половину своего экспорта.

Какие основания для предположения, что все эти изделия будут покупать на Западе, имелись у Шика, абсолютно непонятно (западные страны не собирались отказываться от протекционизма).

Кстати, и Советский Союз поставлял в ЧССР не только сырье (уголь, нефть, газ, железную руду). Хотя и это сырье Москва продавала Праге отнюдь не по мировым ценам. Например, в 1966-1970 годах ЧССР получала советскую нефть по 10,5 рубля за тонну (!) – мировая цена нефти была тогда в пересчете выше на 50 %^[666]. В 1967 году был введен в строй газопровод «Братство» мощностью 2 млрд м³ в год. В его строительстве принимала участие и Чехословакия, которая получала в конце 60-х годов примерно 1 млрд м³ советского природного газа. Как и нефть, газ продавался по ценам ниже мировых. ЦРУ называло это «советским энергетическим зонтиком для Чехословакии».

Железную руду СССР продавал по цене из расчета не более 80 % стоимости шведской железной руды. С учетом транспортных расходов советская железная руда была даже на 40 % дешевле шведской, а вот производимые из нее машиностроительные изделия для того же Советского Союза почти приближались по ценам к мировому уровню.

Хотя в ЧССР было, на первый взгляд, много своего угля (бурового и каменного), но он был пригоден в основном для металлургии, а вот энергетических углей не хватало, и их тоже завозили из СССР. Благодаря более низким транспортным расходам цена советского угля была примерно на 20-25 % ниже мировых цен.

Если бы СССР придерживался «прогрессивных» взглядов Шика о необходимости только рыночных цен, многие чехословацкие предприятия давно бы обанкротились.

СССР поставлял в Чехословакию также драгоценные и редкоземельные металлы, без которых были невозможны ни современное

машиностроение, ни химия. Например, в 1968 году было поставлено 17 кг палладия, а также родий, серебро, золото, платина, иридий и т. д.

В 60-е годы СССР покрывал 55 % потребностей Чехословакии в зерне. Цена также не имела никакого отношения к мировой, тем более что за зерно ЧССР платила по клирингу своей готовой продукцией. По пшенице СССР обеспечивал 90,7 % чехословацкого импорта, по кукурузе – 86 %, по ячменю – 83 %. Из Советского Союза на столы чехов и словаков поступали также чай, рыба, масло (83 % импорта), мясо, фрукты и т. д.

24 % чехословацкого импорта из СССР составляли машины и оборудование.

ЧССР в 1966-1970 годах ввезла примерно 7 тысяч советских тракторов, 10 тысяч зерноуборочных комбайнов, 43,5 тысячи легковых автомобилей (всех марок от «Волги» до «Запорожца»). Импортировались также гражданские и военные самолеты, ЭВМ («Минск 32», распознавала сразу несколько языков программирования), трансформаторы, экскаваторы и т. д.

Советские ядерные реакторы ни в чем не уступали американским, и именно они могли обеспечить более низкие энергозатраты чехословацкого машиностроения, которое пока зависело от угля.

В начале июля 1968 года в Праге прошла выставка советских потребительских товаров. Среди потребителей были очень популярны советские цветные телевизоры «Рубин 401» (в СССР этот первый серийный цветной телевизор выпускался с 1967 года и стоил тогда очень дорого – 1200 рублей), радиолы «Рига» (стационарный радиоприемник плюс проигрыватель виниловых пластинок) и радиоприемники «ВЭФ». Посетителям выставки продемонстрировали и самый миниатюрный радиоприемник в мире «Микрон», который был не больше коробка спичек [\[667\]](#).

В июле 1968 года в ЧССР ввезли и продали полумиллионный советский телевизор. Причем обмен троллейбусов на телевизоры и был классическим разделением труда, но для Шика оно почему-то существовало только в применении к Западу.

В 1965 году ЧССР вывезла в СССР 40 % своего экспорта машин и оборудования. В 1969-м доля машин и оборудования в общем экспорте ЧССР в Советский Союз достигла 61 % (в 50-е она равнялась примерно 19 %). Помимо энергетического металлообрабатывающего и химического оборудования Чехословакия вывозила в СССР и комплектное оборудование для целых заводов (в Златоусте, Череповце, Новолипецке).

ЧССР в 1960-1968 годах вывозила в СССР 70-75 % всего

экспортируемого металлургического оборудования, 50-55 % химического оборудования, 25-33 % оборудования для легкой и пищевой промышленности^[668]. На советских газо- и нефтепроводах стояли чехословацкие компрессоры.

Большой популярностью пользовались среди советских потребителей чехословацкие мотоциклы и легковые автомобили. Советские люди ездили на работу и дачу в пригородных поездах чехословацкого производства, а в больницах их лечили с помощью чехословацкого медицинского оборудования.

60 % вывозимой из ЧССР обуви, 65 % мебели и 90 % готовой одежды направлялось в СССР.

По сравнению, например, с 1950 годом резко сократился экспорт в СССР чехословацких продуктов питания (с 9,9 % до 1,4 % всего чехословацкого экспорта в СССР в конце 60-х). Здесь речь шла, конечно, в первую очередь, о крайне популярном в Советском Союзе чехословацком пиве.

Тем не менее доля СССР во внешней торговле Чехословакии снижалась начиная с 1963 года. В самом Советском Союзе доля Чехословакии в его внешнеторговом обороте достигла пика в 1966 году – 9,9 %. Это было в два раза больше, чем в 1950-е.

Отметим, что в 1968 году ЦРУ не раз с удивлением констатировало, что СССР не прибегает к экономическим санкциям против Чехословакии, хотя, по мнению американской разведки, эти санкции быстро поставили бы на колени «реформаторов Дубчека».

Между тем в свободных чехословацких СМИ активно распространялись небылицы о советско-чехословацких экономических отношениях. Писали, что Москва якобы навязывает ЧССР некачественные товары, а чехословацкую продукцию покупает по заниженным ценам. К тому же Москва мешает реформе, так как «запрещает» развитие торговли с Западом.

Все эти нападки опроверг сотрудник аппарата ЦК КПЧ Иван Сынек (отвечавший как раз за экономическое сотрудничество со странами СЭВ) в статье «Новое содержание чехословацко-советской дружбы», опубликованной 13 июля 1968 года в «Руде Право»^[669]. Сынек принимал участие во всех советско-чехословацких экономических переговорах, например, сопровождал Дубчека в Москву в январе 1968 года. Он писал: «Что касается экономических связей, то никто из тех, кто участвовал в советско-чехословацких переговорах за последние 10 лет, не может сказать,

что СССР навязывал нам ту или иную экономическую ориентацию или свои товары». Сынек отмечал, что Москва всегда помогала Чехословакии в критической ситуации, например, когда Китай в 1962 году отказался оплатить заказанное им в ЧССР оборудование.

Причем, подчеркивал Сынек, особенно чутко к чехословацким нуждам относился Брежнев. «А для нас на переговорах часто было характерно отсутствие концепции и неподготовленность, незнание советского рынка... На самом деле ведущие советские представители, в частности товарищ Брежнев и товарищ Косыгин, неоднократно очень тактично высказывали сомнения в некоторых отдающих гигантоманией проектах в нашем народном хозяйстве, а также давали для нашей экономики советы, которые, однако, были оставлены без внимания. Неправда и то, что советские товарищи мешали нам торговать с западными странами. Для многих это, наверное, прозвучит как парадокс, но на самом деле они как раз обратили наше внимание на выгодность покупки лицензий в капиталистических странах вместо собственной дорогостоящей и медленной разработки некоторых товаров... Давайте не будем создавать впечатление, что торговля с Советским Союзом для нас невыгодна и тем более что ее нам навязывают».

Статья Сынека отнюдь не была апологетикой Москвы. Автор, например, абсолютно правильно критиковал прежнюю привычку возвеличивать и некритически хвалить все советское. Подчеркивал, что и СССР может перенимать опыт у Чехословакии, например в сфере школьного образования. Но Сынека возмущала снисходительная критика советского опыта со стороны тех в ЧССР, кто сам пока еще не мог похвастаться никакими успехами (намек на «реформаторов» был более чем очевидным): «Не считаю также серьезным, что сегодня некоторые наши авторы, опьяненные своим мессианством, которое еще на самом деле лишь туманный образ, принижают огромные усилия советского народа, бесспорно, достигшего в очень тяжелых условиях значительных успехов, которыми он по праву может гордиться».

На самом деле во внешней торговле ЧССР в первой половине 1968 года наблюдалась следующая ситуация: резко выросли закупки советского сырья и полуфабрикатов, на базе которых «реформаторы» увеличили экспорт продукции на Запад. Импорт из социалистических стран вырос за первые шесть месяцев на 18,4 % (экспорт – на 5,1 %), а экспорт в капиталистические страны – на 11,4 % (импорт оттуда – на 6 %).

Получалось, что своими низкими ценами СССР дотиrowал чехословацкий экспорт в капиталистические страны. Между тем,

чехословацкие «прогрессивные» СМИ упорно писали, что советские товары якобы продаются в ЧССР дорого, а чехословацкие в Советском Союзе – слишком дешево. Выдвигалось (особенно в Институте экономики Академии наук ЧССР) «прогрессивное» требование перейти в расчетах с СССР на мировые цены. Заместитель министра внешней торговли ЧССР Убл отметил в начале августа 1968 года в интервью «Руде Право», что «советские друзья» готовы пойти на это. Однако добавил: «...на практике, я считаю, такой единовременный переход – а речь идет о 30 % объема нашей внешней торговли (товарооборота ЧССР – *Прим. автора.*) – был бы очень сложным»^[670]. Убл предпочитал говорить о медленном, скользящем переходе на цены мирового рынка. Еще бы! По его словам, СССР поставлял Чехословакии «практически все нужное... сырье по справедливым и стабильным ценам».

Еще больше значил СССР для Чехословакии как надежный и масштабный покупатель: «В лице Советского Союза мы имеем никем не заменимого заказчика, у которого есть и потребности, и возможности закупать у нас товары в таких объемах, чтобы мы могли производить крупносерийно, а значит, с большей эффективностью. Например, все другие производители в мире завидуют нам, что мы получаем большие советские заказы на локомотивы и речные суда – ведь это самые большие заказы такого рода в мире». При этом следует отметить, что поставки чехословацких машин и оборудования составляли лишь 0,9 % советских потребностей – то есть СССР-то без чехословацких товаров обойтись вполне мог.

Убл признал, что СССР благодаря его масштабным заказам превратился в «клапан», через который смягчается падающее качество продукции чехословацкого машиностроения. Многие чехословацкие предприятия привыкли к тому, что Москва купит все, поэтому, по словам Убла, среди машиностроительных заводов ЧССР распространилась самоуспокоенность и снизились требования к качеству поставляемой на Восток продукции. Советская сторона уже не раз указывала на это задолго до «пражской весны».

«Но в этом виноваты мы сами, – писал Убл, – а никоим образом не наш главный экономический партнер – Советский Союз». Резюме чехословацкого замминистра было вполне логичным: «Выгода нашей торговли с СССР – бесспорна».

Летом 1968 года в чехословацких газетах появилось много «возмущенных» статей и комментариев, согласно которым Чехословакия предоставила СССР много кредитов на невыгодных для ЧССР условиях.

На самом деле речь шла о кредитах двух типов. Первый из них представлял собой просто нестыковки по времени при взаимном погашении клиринговых обязательств во взаимной торговле. Как отмечал заместитель министра народно-хозяйственного планирования ЧССР Шедивы, Советский Союз мог бы легко погасить это сальдо в мизерном размере 20-30 миллионов рублей (данные на конец июля 1968 года; весь объем советско-чехословацкой торговли составил в 1967 году 1750 миллионов рублей) просто тем, что соответственно снизил бы на эту сумму закупки чехословацких товаров. Но Шедивы справедливо заметил в интервью «Руде Право», что это было бы невыгодно для самой же Чехословакии^[671]. В любом случае эти нестыковки во взаимной торговле погашались в течение дней или недель.

Другое дело, что Чехословакия предоставила СССР и неторговые долгосрочные целевые кредиты на 267 миллионов рублей (данные на конец 1967 года), причем в ближайшие годы эта сумма должна была вырасти до 450-480 миллионов рублей.

Но кредиты эти шли на строительство в СССР мощностей по добыче сырья для той же Чехословакии (и других социалистических стран). Конечно, проценты по ним были небольшими, но они были едиными для всех стран СЭВ. К тому же в обмен СССР гарантировал выплату кредита готовой продукцией, причем не только на срок погашения займа, а еще и на много лет вперед и по стабильным ценам, не зависящим от мировых. Например, ранее ЧССР предоставила Советскому Союзу кредит на развитие цветной металлургии. СССР вернул кредит цветными металлами за восемь лет (в 1965 году), что было примерно в два раза быстрее средней окупаемости подобных проектов. Если бы у чехословацкой промышленности не было в 1968 году дешевых советских цветных металлов, то их пришлось бы срочно купить на Западе как минимум на 36 миллионов долларов.

В 1968 году ЧССР кредитовала строительство в СССР нефте- и газопроводов. В обмен Советский Союз обязался поставлять Чехословакии нефть до 1990 года. Резюме Шедивого было кратким: «Быть кредитором СССР – несомненно, выгодно».

Таким образом, попытки свалить на СССР экономические трудности Чехословакии не имели под собой никаких оснований. Хотя многие чехословацкие СМИ и не утруждали себя в 1968 году поисками подобных оснований.

Граждане ЧССР в 1968 году оценивали состояние экономической реформы гораздо трезвее, чем Шик и его команда.

30 июня – 10 июля 1968 года Академией наук ЧССР (бастионом «реформаторов») был проведен опрос общественного мнения по экономической проблематике^[672]. 3 % респондентов оценили состояние чехословацкой экономики как безвыходное, 50 % – как очень критическое (которое может улучшиться только в длительной перспективе) и лишь 36 % – как хорошее. Что касается причин такого безрадостного состояния (можно было назвать несколько), 70 % видели корень зла в плохой системе управления (как и лидер ГДР Ульбрихт). Это был явный «неуд» академику Шик. 60 % винили во всем низкую квалификацию руководящих кадров, что тоже явно не красило правительство «реформаторов». 42 % считали, что виновато неправильное международное сотрудничество (явная заслуга пропаганды «реформаторов» и укол в сторону СССР), 36 % полагали, что в ЧССР слишком устаревшее оборудование, 31 % – что виноват слишком сильный упор на тяжелую промышленность. 29 % винили слишком большие кредиты развивающимся государствам – тоже заслуга чехословацких СМИ образца 1968 года, писавших о том, что Чехословакия кормит многие страны «третьего мира» в угоду советской внешней политике. И, наконец, для 22 % опрошенных ситуация выглядела еще проще – надо было снизить слишком большие расходы на армию и госбезопасность.

На вопрос «Думаете ли вы, что ваш жизненный уровень в ходе продолжения экономической реформы снизится?» утвердительно ответили 36 %, не знали, что сказать, 37 %, и только 27 % не были пессимистами. Это ясно показывает, что значительная часть населения просто не представляла пока, что его ждет, несмотря на телесериал Шика.

Перемен к лучшему в течение года ждал всего 1 % респондентов, 19 % полагали, что улучшение наступит за два-три года, 32 % надеялись, что полегчает в течение пяти лет, а 38 % думали, что и в пять лет реформа не уложится.

Характерным именно для «реформаторов» были два вопроса об иностранном кредите, в котором Шик видел панацею от всех бед. Но население, видимо, лучше разбиралось в экономике, чем отец «радикальной экономической реформы». 48 % опрошенных предлагали потратить возможный кредит на техническую модернизацию промышленности (Шик, как мы помним, хотел его просто «проесть»), 8 % – на строительство новых предприятий и лишь 12 % хотели за счет него поднять жизненный уровень.

Что касается того, где взять кредит, 15 % предлагали занять у СССР, 5 % – у других социалистических стран, 14 % – у США, 23 % – у других

капиталистических стран, 5 % – у нейтральных государств, а 7 % предлагали взять у того, кто даст.

Что до главного «хита» реформы – выборных «советов трудящихся» на предприятиях, то 33 % опрошенных о них вообще ничего не знали, 53 % не возражали, а 10 % были настроены против. Отсюда видно, что в реальной жизни эта «демократическая» идея пока никак не осуществлялась.

Итак, чехи и словаки летом 1968 года были настроены довольно пессимистично, если взять экономическую сторону их жизни.

Но главные потрясения ожидали экономику и население ЧССР в 1969 году. В начале августа 1968-го правительство Черника утвердило «экономические директивы на 1969 год». Предполагалось полностью отменить директивное планирование для предприятий – отсюда и название «директива», которая, по словам министра народно-хозяйственного планирования Франтишека Власака, представляла собой «своего рода макроэкономический прогноз», не более того^[673].

По этой директиве предполагалось освободить цены и одновременно повысить доходы населения на 19-20 миллиардов крон (в 1968 году, как ожидалось, они должны были вырасти на 16-17 миллиардов). Причем Власак и сам признал, что из этих 20 миллиардов удастся обеспечить товарами лишь половину. Чтобы избежать мощного витка инфляции, правительство предполагало разрешить свободный выезд граждан за рубеж (чтобы они покупали товары там) и постепенно либерализовать в этих целях курс кроны, девальвируя ее (для предприятий устанавливался обменный курс 31-34 кроны за доллар, что должно было помочь экспорту на Запад). Правда, Власак упомянул, что спрос на валюту уже в 1968 году превысил все прогнозы. Откуда же было гражданам ЧССР взять доллары или западногерманские марки?

Вот здесь-то и крылась разгадка таинственного огромного кредита в валюте, который чехословацкие «реформаторы» просили у СССР, упорно отказываясь объяснить, зачем он нужен. Ведь ни одна страна на месте СССР – ни капиталистическая, ни социалистическая – не предоставила бы кредит для спонсирования промышленности страны-конкурента, в данном случае ФРГ или Австрии. Становилось понятно, почему Прага так настойчиво уклонялась от предложения Москвы предоставить кредит мясом или зерном – на полученные от московских «догматиков» доллары чехи и словаки должны были ездить в ФРГ и там покупать западные товары.

Было бы здорово, отметил Власак, если бы на чехословацкий рынок для компенсации роста покупательной способности населения

поступило 120-140 тысяч легковых автомобилей. Это все, о чем мог недирективно помечтать «министр планирования» в августе 1968 года.

Директива правительства ЧССР на 1969 год была полна и других явных противоречий. С одной стороны, говорилось о решимости преодолеть негативную тенденцию в жилищном строительстве, а с другой – предполагалось повысить цены на железнодорожные перевозки и... строительные материалы.

В одном месте говорилось о «мощном росте доходов» в 1969 году, чуть ниже – о введении новых налогов на прибыль предприятий (в размере 45 %) и налога на слишком быстрый рост зарплаты граждан (5 %).

В случае реализации директивы граждан Чехословакии в 1969 году ждал быстрый рост цен и «вымывание» с рынка дешевых товаров.

Между тем, с середины мая 1968 года многим в Москве (в том числе Косыгину и Брежневу) казалось, что ситуация в ЧССР стала наконец-то меняться к лучшему. Ведь на пленуме ЦК КПЧ 29 мая – 1 июня 1968 года все члены Президиума ЦК говорили о необходимости борьбы против «правых сил».

В выступлениях на пленуме ЦК секретаря клуба К-231 Ярослава Бродского называли бывшим фашистом, а некоторых членов этой организации – агентами западных разведок^[674]. Была зачитана специальная сводка МВД о незаконной деятельности этой оппозиционной организации. Дубчек в своем выступлении говорил об «активизации разгромленных буржуазных классов», пытающихся «создать легальную основу для своей деятельности в некоторых спонтанно возникающих организациях, например в К-231, где работают и люди, правильно осужденные за антигосударственную деятельность»^[675]. С Дубчеком в его оценке полностью согласился Биляк.

В единогласно принятой резолюции пленума ЦК говорилось о «не всегда здоровом развитии общественных организаций (например, возникновении таких организаций, как клуб К-231)». Хотя Дубчеку и «реформаторам» удалось не допустить появления в резолюции тезиса о грозящей стране контрреволюции, говорилось об «авантюристических попытках» наступления правых сил, которым коммунисты должны дать отпор.

В Москве резолюцию пленума восприняли чуть ли не с энтузиазмом, тем более что ее поддержали все члены руководства КПЧ. На этом фоне решили даже не обращать внимания на исключение Новотного из рядов КПЧ, которое тоже состоялось на этом пленуме.

На самом деле Дубчеку опять удалось временно обмануть Москву и своих противников в Президиуме ЦК КПЧ. Под завесой приятных для Москвы заверений пленум решил главное, ради чего его и собирали, – XIV чрезвычайный съезд КПЧ был намечен на 9 сентября 1968 года. Моральная обстановка в стране под воздействием «либеральной» прессы была уже такой, что за это решение проголосовали все члены Президиума ЦК, в том числе и Биляк, на которого делали основную ставку в Москве.

Против Биляка как «догматика» и «советского прихвостня» была развернута массовая кампания в печати. Когда он приехал в Братиславу, молодежь кричала вместо «Ать жие Биляк!» (по-чешски «Да здравствует Биляк!») «Ать шиє Биляк!» («Пусть шьет Биляк!»), намекая на то, что прежде он работал портным. «Здоровые силы» в Президиуме ЦК явно побаивались открыто выступить против «реформ», что мастерски и использовал Дубчек.

Будучи мастером аппаратных интриг, Дубчек связал с вопросом о созыве чрезвычайного съезда КПЧ еще два вопроса: о законе о реабилитации и разработке закона о федеративном устройстве ЧССР. Если бы Биляк и Кольдер проголосовали против этого, их заклеили бы как «сталиниста» (Кольдера) и «врага Словакии» (Биляка).

К тому же точно в день начала работы пленума ЦК КПЧ, 29 мая 1968 года, исполняющий обязанности начальника политической разведки МВД майор Чех передал Дубчеку важное известие из Парижа. Агент чехословацкой разведки в разведке французской SDECE под псевдонимом «Само» (некий высокопоставленный офицер) передал информацию агента SDECE, внедренного в ЦК французской компартии (ФКП). Якобы на заседании политбюро ФКП было решено, чтобы генеральный секретарь ЦК ФКП Вальдек Роше обратился к Брежневу и выразил поддержку КПЧ и ее «реформистской политике»^[676].

ФКП тогда являлась одной из самых многочисленных и авторитетных компартий несоциалистического мира, и ссориться с ней Москве было явно не с руки. Излишне говорить, что Дубчека такие сведения ободрили. Весьма странно лишь столь точное совпадение разведанных с датой начала ключевого для «реформаторов» пленума ЦК КПЧ. Вполне вероятно, что агент из французских спецслужб был «двойником» и просто передал мнение правящих кругов Франции, прикрывшись ФКП. Ведь французские коммунисты легко могли бы сами сообщить в Прагу о своем решении.

Заметим, кстати, что и ЦРУ имело в то время некий высокопоставленный источник в ЦК КПЧ (он до сих пор не рассекречен), и, возможно, западные разведки просто «подкидывали» «реформаторам»

то, что они хотели слышать.

Но если «здоровые силы» – Кольдер, Биляк и Индра – пока не могли еще собрать большинство Президиума ЦК против Дубчека, они тем не менее регулярно собирались в советском посольстве и строили планы по отстранению «реформаторов» от власти. КГБ пытался включить в их группу и Рудольфа Барака, но «тройка» отмела его как «интригана».

К июню 1968 года постоянное очернение социализма и СССР в газетах стало вызывать уже и критические голоса чехословацкой общественности.

19 июня в Праге, в одном из летных ангаров аэропорта Рузине прошел слет актива отрядов Народной милиции, в котором приняли участие более 10 тысяч человек. Милиционеры давно требовали возможности выступить публично против шельмования КПЧ и самой Народной милиции в СМИ. В конце концов, Президиум ЦК КПЧ был вынужден на это согласиться.

Перед собравшимися выступил Дубчек, заверивший всех в нерушимой дружбе с Советским Союзом. Но на слете звучали голоса, требовавшие от Дубчека развернуть, наконец, наступление против правых антисоциалистических сил. Милиция состояла из вооруженных рабочих и тоже активно шельмовалась «интеллектуалами» как «пережиток сталинизма».

Актив Народной милиции направил открытое письмо советским людям. В нем говорилось о нерушимой дружбе народов Чехословакии и Советского Союза. Милиционеры заверяли: «Гарантией тому... являемся и мы – бойцы Народной милиции – наша политическая и созидательная работа, боевая готовность, верность идеалам марксизма-ленинизма и социалистическому лагерю. Мы не позволим, чтобы принципы строительства социализма и коммунизма, которые сформулировал В. И. Ленин и для осуществления которых мы заложили основы в феврале 1948 года, кем-либо очернялись или ставились под угрозу...»^[677]. В письме выражалась готовность приложить все силы для выполнения Программы действий КПЧ. Оно заканчивалось словами: «Да здравствует крепкая дружба между нашими народами! Да здравствует советский народ и его коммунистическая партия!».

Письмо готовил секретарь ЦК КПЧ Индра, согласовав текст с Дубчеком и советским посольством. 21 июня 1968 года письмо напечатала «Правда». Однако очень странно, что такое массовое мероприятие с участием лидера страны полностью проигнорировала чехословацкая пресса. Письмо Народной милиции в СМИ ЧССР напечатано не было, и, как выяснилось буквально через несколько дней, отнюдь не случайно.

Намек на 1948 год в письме был более чем прозрачным – именно в то

время Народная милиция сыграла большую роль в мобилизации масс для победы коммунистов над их политическими противниками. Не случайно, что после слета в Рузине правые развернули сбор подписей за ликвидацию Народной милиции. Но для нападков на Народную милицию нужен был предлог.

Он появился 23 июня, когда «Руде Право» напечатало письмо руководителя Союза писателей Гольдштюкера «Внимание, граждане». Гольдштюкер сообщал, что получил анонимку с угрозами антисемитского толка, причем стиль анонимки якобы указывал на то, что за ней стоят Народная милиция и сотрудники госбезопасности. В анонимке говорилось, что «рабочий класс» скоро «разберется» с Гольдштюкером и ему подобными. В СМИ поднялась злобная кампания травли Народной милиции как незаконной «партийной армии» КПЧ. Причем руководство компартии отнюдь не стало защищать милицию, которая состояла из обычных рабочих, трудившихся на заводах, и не представляла собой сколько-то значимой военной силы. К 1 июля 1968 года «Руде Право» получила 218 писем в поддержку Гольдштюкера, хотя пришло и несколько анонимок с угрозами в его адрес. В одной из них выразилось сожаление, что Гитлер не успел засунуть еврея Гольдштюкера в газовую камеру^[678].

Штаб Народной милиции был вынужден опубликовать 4 июля открытое письмо в поддержку «товарища Гольдштюкера, которого Народная милиция может только уважать»^[679]. Штаб совершенно правильно расценил анонимку как попытку дискредитировать Народную милицию.

Примерно в то же время в некоторых городах Чехии появились анонимные листовки с угрозами «ведущим представителям демократического процесса», как писали газеты. Эти листовки почему-то приписали уже сотрудникам госбезопасности. Первичная организация КПЧ МВД выступила с покаянным письмом, в котором говорилось, что «долг чести сотрудников органов внутренних дел» найти авторов листовок. Правда, сразу же выяснилось, что сообщения СМИ о листовках во многих случаях вообще не имели под собой никаких оснований.

Однако нужный эффект был достигнут: в стране шельмовали органы правопорядка и Народную милицию как прибежище для консерваторов и антисемитов. Теперь оставалось лишь в нужный момент (когда травля достигнет пика) опубликовать письмо Народной милиции советскому народу, чтобы связать этих «консерваторов» уже с Москвой.

Между тем Дубчек (которого Народная милиция «горячо» поддержала

в своем письме) не сидел сложа руки. Для него и его «реформаторов» главным теперь было быстро избрать «реформистски настроенных» делегатов на чрезвычайный съезд КПЧ. Кто был «реформатором», а кто нет, снова определяла пресса. Парторганизации тогда либо почти слепо доверяли ей, либо боялись сами попасть под огонь критики.

Советские лидеры, получив известие о созыве чрезвычайного съезда, с негодованием осознали, что Дубчек их опять обманул. Тем более что ничего не было сделано и для обуздания антисоветской кампании в прессе.

В июне 1968 года в Чехии и Словакии на зданиях стали появляться воззвания некоего «Комитета действия за демократическую социалистическую Чехословакию, границы и территория которой были установлены 50 лет назад». Анонимные авторы требовали возвращения Закарпатской Украины в состав ЧССР. Естественно, наиболее возмущен был этими призывами первый секретарь ЦК компартии Украины Шелест.

Червоненко (тоже, кстати, украинцу по национальности) поручили посетить министра иностранных дел ЧССР Гаека и выразить озабоченность по поводу этого воззвания, которое говорило «о новых фактах деятельности реакционных антисоциалистических сил в Чехословакии»^[680].

Тем не менее в июне 1968 года в СССР с большим уважением и почетом приняли делегацию Национального собрания ЧССР во главе со Смрковским. Смрковский, которого до этого причисляли к радикальным «реформаторам», вернулся из Москвы уже несколько в другом настроении. Например, выступая на активе МВД, он потребовал жестко пресекать деятельность западных агентов и оппозиционных правых сил. Смрковский несколько умерил и свою публичную активность, и на первый план среди «либералов» выдвинулись Цисарж и Кригель, опиравшиеся на творческие союзы и директора Чехословацкого телевидения Пеликана.

В Москве не оставляли еще пока попыток перетянуть на сторону «здоровых сил» самого Дубчека, который по-прежнему причислял себя к «центристам».

12 июня 1968 года Дубчек получил от Брежнева письмо, где предлагалось провести неформальную встречу советского и чехословацкого руководства где-нибудь в пограничном районе между ЧССР и СССР, на советской либо на чехословацкой территории. В качестве даты советская сторона предлагала 15 или 16 июня.

Дубчек правильно рассудил, что на встрече его спросят, как идет выполнение данных им в начале мая в Москве обещаний. Так как эти обещания (усиление контроля над прессой и прекращение там

антисоветской и антикоммунистической кампании) Дубчек выполнять и не собиравшись, он решил всячески уклоняться от новой встречи с «советскими друзьями». Тем более что подготовка к так нужному ему XIV чрезвычайному съезду КПЧ в июне шла уже полным ходом, и Дубчек продолжал тянуть время.

В своих мемуарах Дубчек писал: «Доводы, почему Брежнев хотел встретиться так быстро (повысить давление), были теми же, по которым я хотел встречу отложить. С другой стороны, любые разговоры с Советами (пусть и непродуктивные) хотя бы снижали напряжение»^[681].

Американцы, между тем, продолжали тщательно следить за развитием обстановки в Чехословакии.

13 июня 1968 года американская разведка представила высшему руководству страны меморандум под характерным названием «Чехословакия: пауза Дубчека»^[682]. ЦРУ считало, что и внутренний, и внешний кризис в Чехословакии потеряли остроту (отсюда термин «пауза»). Москва успокоилась, так как Дубчек и Черник твердо обещали, что процесс реформ будет проводиться под руководством компартии. В обмен «чехи» получили от СССР относительную свободу во внутренней политике. Отмечалось, что сами «Советы» хотят избежать военной интервенции в Чехословакии. ЦРУ подчеркивало, что главной тревогой Кремля является возможный выход Чехословакии из ОВД, так как в расчете на душу населения чехословацкая армия является самой крупной в Варшавском договоре (230 тысяч человек).

ЦРУ отмечало, что, несмотря на протесты Москвы против антисоветской кампании в чехословацких СМИ, эта кампания в последние недели «достигла удивительных размеров». Причем СМИ обвиняли СССР не только в репрессиях начала 50-х годов, но и в том, что именно он виновен в нынешних экономических проблемах страны^[683]. И все же ЦРУ приходило к выводу, что в результате достигнутого между Прагой и Москвой компромисса «Москва решила не применять силу, по крайней мере, в настоящее время». Причем, по мнению ЦРУ, Дубчек лично выиграл из-за позиции Москвы, так как в глазах населения его собственная нерешительность в проведении реформ объяснялась давлением советской стороны.

Американская разведка (со ссылкой на чешские источники) сообщала о разногласиях в советском руководстве относительно Чехословакии. Брежнев вынужден давить на Дубчека, так как его (Брежнева) авторитет серьезно пострадал: ведь именно Брежнев «поставил» Дубчека у руля, а

последний фактически ведет антисоветскую политику. На этом фоне чехословацкий кризис могут использовать противники Брежнева в советском руководстве, в том числе Косыгин.

В целом американцы совершенно верно полагали, что Дубчек лишь выигрывает время, формально соглашаясь с Брежневым и обещая, что КПЧ сохранит в стране социализм. На самом деле на предстоящем съезде компартии в сентябре 1968 года реформистские взгляды получают статус официальной программы КПЧ, и «Советы» поймут, что их ввели в заблуждение. ЦРУ также считало, что Дубчек не имеет собственных определенных взглядов и находится под влиянием Черника и Млынаржа, которые и станут играть определяющую роль после съезда. ЦРУ приходило к выводу: «Таким образом, есть большая вероятность того, что отношения между Прагой и Москвой снова станут очень напряженными. Советские лидеры, по крайней мере, большинство из них, желают избежать резкой и дорогостоящей военной акции. Однако если контроль Дубчекем ситуации в стране окажется под угрозой коллапса или если чешская политика станет, с точки зрения Москвы, „контрреволюционной“, то Советы могут снова использовать свои войска для угрозы чешским границам»^[684].

Но в целом ЦРУ в середине июня 1968 года считало, что Москва и Прага находятся в состоянии «определенного перемирия».

Однако 27 июня обстановка опять обострилась, причем по вине реформаторов. Кригель, Цисарж и творческие союзы были явно обеспокоены некой усталостью населения от политической пропаганды «либералов». Москва вела себя нормально и поводов для критики не давала. На заводах, в армии и МВД все активнее раздавались голоса против безбрежной свободы, вырождавшейся в анархию, и в поддержку социалистических завоеваний. В этих условиях существовала большая вероятность, что на чрезвычайный съезд КПЧ изберут не «реформаторов», а «центристов».

Требовалось опять повысить градус политического накала и спровоцировать Москву и ее союзников по ОВД на новую критику Чехословакии, на которую можно было бы тогда и ответить.

Крайне необходимо было также оказать давление на делегатов районных и областных партконференций, которые как раз готовились выбирать делегатов чрезвычайного съезда.

27 июня 1968 года на свет появился манифест «2000 слов», автором которого считали писателя Вацулика (полное название: «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим»). Среди подписантов были поэт Ярослав

Зейферт, олимпийский чемпион Эмиль Затопек и многие другие «знаменитости», в том числе и члены ЦК КПЧ. Подписал манифест и упоминавшийся выше писатель Ян Прохазка.

В манифесте впервые подверглись критике все коммунисты, а не только «консерваторы».

«Коммунистическая партия, которая после войны завоевала у народа большое доверие, постепенно начала разменивать его на должности, пока не получила их все, и тогда у нее ничего не осталось. Мы должны прямо это сказать; это сознают и те из коммунистов среди нас, чье разочарование результатами так же велико, как и у остальных. Ошибочная линия руководства превратила партию из политической партии идейного союза в орган власти, которая стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью»^[685].

«Порядки коммунистической партии явились причиной и моделью таких же порядков в государстве... Личная и коллективная честь исчезли. Честностью добиться чего-либо было не возможно, а о вознаграждении по способностям нечего говорить. Поэтому большинство потеряло интерес к общественным вопросам и заботилось только о себе да о деньгах, причем даже на деньги нельзя было полагаться. Испортились отношения между людьми, исчезла радость труда, короче, пришли времена, которые грозили духовному здоровью и характеру народа».

«За наше нынешнее состояние ответственны мы все, а особенно коммунисты среди нас, главная, однако, ответственность лежит на тех, кто были соучастниками или орудием неконтролируемой власти. Это была власть жестокой группы, распространяемая с помощью особого аппарата от Праги в каждый район и каждое село. Этот аппарат решал, кто что может или не может делать, он управлял кооперативами вместо крестьян, фабриками – вместо рабочих и народными комитетами – вместо граждан. Ни одна организация не принадлежала на самом деле ее членам, даже коммунистическая. Главной виной и наибольшим обманом этих правителей является то, что свой произвол выдавали за волю рабочих. Если бы мы захотели поверить этой лжи, мы сейчас должны были бы счесть виной рабочих упадок нашего хозяйства, преступления, совершенные над невинными людьми, введение цензуры, которая не давала писать обо всем этом, рабочие были бы виноваты в неразумных капиталовложениях, убытках торговли, нехватке жилплощади».

«С начала нынешнего года мы находимся в возродительном процессе демократизации. Этот процесс начался в коммунистической партии. Мы должны об этом прямо сказать, и об этом знают даже те беспартийные

среди нас, которые от партии уже ничего хорошего не ждали...

Мы обращаемся к вам в этот миг надежды, которая, однако, пока еще в опасности. Потребовалось несколько месяцев, чтобы многие из нас поверили, что могут высказаться, а многие не верят до сих пор. Но мы уже столько сказали и столько открыли, что ничего не остается, как довести до конца наше намерение очеловечить этот режим. Иначе реванш старых сил был бы слишком жестоким. Мы обращаемся, прежде всего, к тем, кто до сих пор только выжидал. Время, которое наступает, решает нашу судьбу на многие годы.

Наступает лето с каникулами и отпусками, когда мы по старой привычке захотим все бросить. Но, право же, наши уважаемые противники не позволят себе отдыха, они начнут мобилизовать своих людей, тех, которые обязаны им, с тем, чтобы уже сейчас обеспечить себе спокойное Рождество. Постараемся внимательно следить за происходящим, стараться уразуметь и ответить на это. Откажемся от неисполненной надежды на то, что кто-то более высокопоставленный даст нам единственно правильное толкование происходящего и единственное решение. Пусть каждый делает свои собственные выводы, на свою ответственность».

Ключевым тезисом манифеста, его квинтэссенцией был следующий:

«Компартия готовится к съезду, который должен избрать новый ЦК. Потребуем, чтобы он был лучше старого. Если компартия сегодня говорит, что свою руководящую роль в будущем она намеревается опирать на доверие граждан, а не на насилие, мы должны этому верить в той мере, в какой мы можем верить тем людям, которых уже сейчас она направляет в качестве делегатов на районные и областные конференции».

«В последнее время люди обеспокоены тем, что темп демократизации замер. Это впечатление является отчасти проявлением усталости от волнующих событий, отчасти соответствует фактам: пришел сезон неожиданных разоблачений, отставок с высоких постов и опьяняющих выступлений необыкновенной словесной смелости. Борьба сил, однако, лишь стала менее видимой, но она идет – борьба за содержание и текст законов, за диапазон практических мероприятий».

В манифесте предлагались и «демократические» методы борьбы против центральных органов КПЧ и государственной власти:

«Но если от теперешних центральных политических органов нельзя сегодня ожидать большего, то надо добиться большего в районах и селах. Надо требовать отставки лиц, которые злоупотребляют своей властью, нанесли ущерб общественному имуществу, действовали нечестно и жестоко. Надо придумывать способы заставить их уйти. Например,

публичная критика, резолюции, демонстрации, сбор подарков для них при уходе на пенсию, демонстративные субботники, забастовки, бойкотирование их дверей. Однако надо отвергнуть грубые, незаконные и нечестные приемы борьбы, потому что они могли бы использовать их для воздействия на Александра Дубчека».

Примечательно, что громя в пух и прах всю компартию, авторы «2000 слов» брали под защиту Дубчека. Они понимали: пока он у власти, партия будет и дальше саморазрушаться все более стремительными темпами.

Конечно, манифест не обошелся и без удара по СССР:

«Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил. Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своем, не поддаваться на провокации. Свое правительство мы можем заверить в том, что будем следовать за ним даже с оружием в руках, лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия, а своих союзников мы можем заверить, что союзнические, дружеские и торговые отношения выполним. Наши раздраженные обвинения и неаргументированные подозрения только затрудняют положение нашего правительства и делу не помогут. Равноправные отношения мы сможем обеспечить только при условии, что улучшится наше внутреннее положение, а процесс возрождения пойдет так далеко, что на выборах удастся избрать таких государственных деятелей, у которых будет столько смелости и чести, политического ума, что их хватит, чтобы установить и отстоять такие отношения. Это, между прочим, является проблемой для всех без исключения малых государств во всем мире!».

Как совершенно справедливо отмечал Млынарж, ничего особенно нового в этом манифесте не было. Все эти тезисы и до 27 июня активно пропагандировала правая печать. Но внимание привлекла именно концентрированная форма манифеста. «2000 слов» стали воспринимать как кредо всех оппозиционных «догматикам» сил, и именно так этот документ расценили и в Москве.

Для Дубчека манифест был шоком, так как появился без согласования с ним. Он постоянно растерянно спрашивал, кто же истинный автор. Было созвано экстренное заседание президиума и секретариата ЦК КПЧ, причем многие из участников познакомились с манифестом прямо там.

Обсуждение начали «здоровые силы». Кольдер, Биляк и Индра расценили «2000 слов» как открытое объявление войны компартии со стороны правой оппозиции. Они говорили, что все точно так же начиналось и в Венгрии в 1956 году. Оппозиция готовит гражданскую войну. Причем

этот тезис поддержал и недавно вернувшийся из СССР Смирковский, заявив: «Я снимаю с себя ответственность на тот случай, если ситуацию придется разрешать с помощью танков»^[686]. Манифест Смирковский охарактеризовал кратко: «Это – контрреволюция!» и «февраль (1948 года) наоборот».

Никто из «центристов» (группы Дубчека) не знал, как осудить манифест, но не поссориться при этом с либералами из СМИ и творческих союзов. Кто-то предложил, чтобы реакцию сформулировал не Президиум ЦК КПЧ, а правительство, но Черник сразу же испуганно отказался.

Президиум ЦК КПЧ заседал всю ночь.

Наконец резолюцию президиума относительно «2000 слов» поручили сформулировать Цисаржу и Млынаржу, и, как обычно, документ получился двойственным по сути. Президиум осудил манифест, но одновременно признал, что авторы руководствовались благими намерениями.

Многие до сих пор уверены, что, не будь «2000 слов», не было бы и ввода войск Варшавского договора в августе 1968 года. Автор манифеста Вацулик отвечает на это следующим образом: «Все чаще меня спрашивают: „А вы не знали, не догадывались? Вы думали, что русские не придут?“ Я так не думал. Но моя жена все время говорила, чтобы мы не думали, что русские нас оставят в покое. Сейчас некоторые говорят, что это мы все испортили своим манифестом, что без нас бы все спокойно развивалось. Мне, конечно, интересно, чем бы это все кончилось, этот „социализм с человеческим лицом“. Возможно, здесь было что-то вроде сегодняшнего Китая. В любом случае, по-моему, надо было что-то делать без оглядки на то, что могут вторгнуться русские. Ничего! Об этом нельзя думать. Народ складывается из людей, и если они живые существа, они должны иногда дать о себе знать»^[687].

В Москве, естественно, появление манифеста «2000 слов» восприняли точно так же, как и Смирковский. Политбюро ЦК КПСС решило срочно пригласить Дубчека на новую встречу в составе всех лидеров «пятерки» ОВД, то есть в «дрезденском формате». Лидеры Польши, СССР, ГДР, Венгрии и Болгарии отправили письма-приглашения в адрес ЦК КПЧ. Важно отметить, что послания были адресованы не Дубчеку, а Президиуму ЦК КПЧ. В Москве и других столицах стран-участниц Варшавского договора явно опасались, что если письмо отправить лично Дубчеку, то другие члены руководства могут о нем и не узнать.

В письме Политбюро ЦК КПСС говорилось: «Майский пленум ЦК КПЧ, указавший на правую опасность как главную угрозу социализму в

ЧССР, подтвердил, что у нас сложилось общее мнение на этот счет. Но мы вынуждены с тревогой констатировать, что этот правильный вывод не повлек за собой принятия соответствующих практических мер. Активность антисоциалистических сил продолжает нарастать, причем их позиция не имеет ничего общего с борьбой партии против догматизма, последствий культа личности и связанных с ним субъективистских ошибок, необходимость преодоления которых не вызывает сомнений. Антисоциалистические силы не ждут, как обернутся события, они действуют, и действуют весьма активно...

Правые силы пытаются использовать нынешний момент для насаждения враждебных чувств в отношении советского народа, для расшатывания союзнических отношений ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими государствами...»^[688].

В Москве понимали, что теперь правая оппозиция хочет захватить КПЧ изнутри через победу на чрезвычайном съезде: «Факты говорят о том, что период подготовки к XIV съезду правые силы пытаются использовать для того, чтобы на самом съезде добиться решающих успехов, расставить своих людей на ключевых позициях в партии и навязать партии такую линию, которая вела бы ее к отказу от испытанных марксистско-ленинских принципов, перерождению и разложению.

Антисоциалистические силы, по сути дела, уже выдвинули и обнародовали свою политическую платформу, прикрывшись наспех собранными подписями группы людей. Все содержание платформы «2000 слов» обращено против КПЧ, направлено на расшатывание позиции социализма в Чехословакии.

Это откровенная и злобная попытка очернить перед чехословацким народом, перед мировым общественным мнением всю Коммунистическую партию, изобразить ее «великодержавной организацией», притягивающей «трусов и людей с нечистой совестью». Даже самые отъявленные враги, с которыми боролись коммунисты в разное время, не рисковали говорить таким языком о Коммунистической партии, партии, которая шла в авангарде народа в годы острейшего столкновения с фашизмом и его пособниками, которая в жестокой борьбе с внешней и внутренней реакцией вела чехословацкий народ к социализму».

В письме проводилась мысль, что руководство КПЧ фактически мешает собственной партии бороться с антисоциалистическими силами: «Складывается, товарищи, поистине странное положение. Рабочие коллективы, народная милиция, партийные организации, члены Центрального Комитета требуют обуздать правые антисоциалистические

силы, принять конкретные и эффективные меры по укреплению позиций социализма. Казалось бы, ЦК КПЧ, и, в первую очередь, Президиум ЦК должны были бы поддержать эти требования, опереться на них в борьбе за нормализацию обстановки в партии и стране. На деле происходит иное».

Червоненко поручили передать письмо Дубчеку и на словах предложить ему принятие следующих конкретных мер:

- выпустить Обращение от имени ЦК КПЧ к рабочему классу и подчеркнуть в нем: «действия антисоциалистических сил приобретают все больший размах и все большую опасность. Свидетельством этого является заявление „Две тысячи слов“... в котором фактически изложена программа контрреволюции»^[689];

- на основе этого обращения провести по всей стране собрания первичных партийных организаций, а также собрания трудящихся на предприятиях и в кооперативах, в учебных заведениях;

- овладеть органами пропаганды, сменив там редакторов. Рассмотреть вопрос об этом на одном из ближайших заседаний Президиума ЦК. Прежде всего «укрепить» редакцию «Руде право»;

- «было бы целесообразно», чтобы «2000 слов» осудил Национальный фронт;

- предпринять меры против оппозиционных организаций. «Особую опасность представляет настойчивая попытка явочным порядком, хотя бы на условиях нелегального существования, возродить социал-демократическую партию. Если против этой попытки не будут приняты самые решительные меры, и партия в какой бы то ни было форме возобновит свое существование, тем самым будут дискредитированы возможности нынешнего руководства по овладению обстановкой и открыты широкие ворота для организованной деятельности контрреволюции»;

- провести демонстрацию Народной милиции в Праге и других городах под лозунгами: «Защитим социализм в Чехословакии!», «Дадим отпор антикоммунистам!», «Отстоим дружбу Чехословакии с Советским Союзом и другими социалистическими странами!». Как и в феврале 1948 года, Народную милицию советовали привлечь для занятия редакций оппозиционных СМИ, если в этом возникнет необходимость;

- «необходимо активно и регулярно проводить политическую работу в армии. При этом подчеркивать, что антисоциалистические элементы, как об этом говорит заявление „Две тысячи слов“, имеют в виду взять в руки оружие для определения направления политики правительства Чехословакии. Для отпора этим элементам важно сплотить все здоровые

силы чехословацкой армии. Договориться с президентом Л. Свободой о выступлении его с обращением к армии по этому вопросу»;

– «необходимо обратить особое внимание на опасное положение, которое создалось в органах безопасности. В связи с позицией и поведением министра внутренних дел, целесообразно быстрее осуществить намеченное Президиумом ЦК КПЧ выделение органов безопасности из ведения МВД, укомплектовать их руководство верными Президиуму ЦК КПЧ коммунистами».

Таким образом, ЦК КПСС фактически рекомендовал Президиуму ЦК КПЧ осуществить меры, которые были намечены на майском пленуме ЦК КПЧ. При этом никаких незаконных шагов Москва не предлагала.

Примерно такие же по содержанию письма Дубчек получил и от руководящих партийных органов ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Дубчеку сразу бросилось в глаза, что тональность писем все же разная. Самые жесткие пришли из Варшавы и Берлина, а самое «мягкое» – из Будапешта.

Это и предопределило тактику Дубчека, похоронившую через месяц весь чехословацкий «реформаторский эксперимент». Дубчек решил избегать встречи со всей «пятеркой ОВД» и вместо этого вести двусторонние переговоры, чтобы вызвать среди стран Варшавского договора еще большее расхождение во мнениях на события в Чехословакии. Кроме того, чтобы не выглядеть явным «саботажником» встреч ОВД (ведь Чехословакия была членом этой организации), Дубчек решил требовать участия на таких встречах Румынии и Югославии. Заметим, что Югославия даже не состояла в ОВД, а Румыния фактически приостановила работу в этой организации. Но Дубчек всего лишь хотел выдвижением такого требования сорвать встречу ОВД по вопросу о Чехословакии. Он не рассчитывал на реальную поддержку Тито или Чаушеску – главное было выиграть время и завершить выборы делегатов-«реформаторов» на чрезвычайный съезд.

В этом Дубчеку и его сторонникам «2000 слов» очень помогли. Многие партийные организации (особенно в учебных и научных заведениях, а также в творческих союзах) в нарушение резолюции Президиума ЦК КПЧ поддержали манифест. На выборных партийных конференциях развернулась настоящая травля «догматиков», к которым причислялись все, кто осмеливался критиковать «2000 слов».

Именно поэтому Дубчек нарушил тот пункт постановления Президиума ЦК КПЧ, в котором ему предписывалось выступить с критикой «2000 слов» по телевидению. Выступить-то Дубчек выступил, но

про манифест не сказал ни слова. Президиум поручил Индре от имени секретариата ЦК разослать по телетайпу областным и районным организациям выводы президиума относительно «2000 слов». Индра это и сделал. И очень удивился, когда, выступая на городской партконференции в Острове, член президиума Черник представил это как инициативу самого Индры, на которого СМИ, опять же, набросились как на «догматика».

Между тем, КПЧ стараниями Дубчека и «реформаторов» занималась не борьбой с политическими оппонентами, а зачисткой своих собственных рядов от «догматиков» и «консерваторов».

В последние выходные июня 1968 года в стране прошли чрезвычайные районные конференции КПЧ, хотя до этого обычные конференции уже проходили в марте. На сей раз выбирали делегатов на областные конференции и предлагали кандидатов в делегаты чрезвычайного съезда, а также в состав нового ЦК (который на этом съезде предстояло избрать).

СМИ с удовольствием отмечали, что атмосфера на конференциях была совсем другой, чем в марте, – более «прогрессивной».

Делегатам районных конференций было роздано 60 тысяч анкет с различными вопросами, вернули их 57 тысяч, но обработали почему-то только 40 тысяч^[690]. 88,8 % делегатов высказались за созыв чрезвычайного съезда, и лишь 1,8 % были против. 52 % считали, что у КПЧ хватит сил, чтобы завершить демократические преобразования (довольно слабая вера в собственные силы). Всего 30 % полагали, что партия сможет быстро подготовить своих функционеров к новым демократическим формам партийной работы. Зато 66 % думали, что КПЧ надо разделить власть с другими партиями и организациями.

От съезда большинство делегатов, согласно опросу, ждали одного – проведения решительных кадровых перемен. Какие-либо конкретные вопросы политики и экономики, судя по всему, вообще не играли никакой роли.

Делегатов попросили определить свое отношение и к 25 членам президиума и секретариату ЦК КПЧ. Первое место в «десятке лучших» занял Дубчек, за ним шли Цисарж, Шик, Черник, Гусак, Шпачек, Ленарт, Смрковский, Биляк, Млынарж и Барбирек.

Некоторые конференции еще перед началом работы определили «тип» делегата съезда – это должен быть «прогрессивный» человек, не замешанный в практике 50-х годов и активно поддерживающий «демократизацию».

«Руде Право» напечатала материал о конференциях под характерным

заголовком: «В нашей партии без деформаций и их виновников!»^[691].

Неудивительно, что зачастую на конференциях было очень мало рабочих (хотя они составляли большинство членов КПЧ) и много представителей интеллигенции. Резко сменился по сравнению с мартом и сам состав делегатов конференций. Например, в столичном районе Прага 6 из 323 делегатов только 73 принимали участие в мартовской конференции^[692]. Предлагали районные конференции на съезд тоже явно не рабочих. Обком КПЧ в Усти-над-Лабем отмечал, что из выбранных районной конференцией 130 делегатов съезда (точнее, кандидатов в делегаты) только 22 рабочих и 7 женщин, что не отвечает составу северочешской областной организации КПЧ.

Конференция в Остраве не избрала на съезд члена Президиума ЦК КПЧ Кольдера. Причем выступавший на этой конференции Черник ни единым словом не поддержал своего коллегу. Зато он призвал «не драматизировать» «2000 слов» и бороться против этого манифеста только силой аргументов, а не с помощью государственных органов. То же самое прозвучало и в Усти-над-Лабем: там призывали отнестись к «2000 слов» с «холодной головой».

Конференция в Бероуне требовала «дистанцироваться от группы Новотного» (хотя в эту же «группу» до января 1968 года входил и сам Дубчек) и ограничить срок пребывания на любом партийном посту двумя годами.

Ряд делегатов конференций в целях борьбы с «засильем партийного аппарата» предложил вообще ликвидировать посты ведущих секретарей районных комитетов КПЧ (то есть лидеров районных организаций) и ввести вместо этого пост почетного председателя на общественных началах. Было ясно, что тем самым работа всей партийной организации оказалась бы парализованной, так как руководить несколькими десятками тысяч человек в свободное от работы время не смог бы никто.

Характерно, что на конференциях в июне меньше говорили об экономике, чем в марте. Но интеллигенцию, которая задавала на июньских конференциях тон, повседневные вопросы жизни людей мало интересовали, а все трудности списывались на «консерваторов», которых и требовалось теперь убрать со всех постов.

На конференции пытались «прокатить» и Индру, хотя, выступая в Годонине, он говорил вроде бы в духе «реформаторства» о том, что КПЧ строит «свой, чехословацкий социализм». Но когда Индра сказал, что этот самобытный социализм тем не менее должен базироваться на принципах

марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, этого ему уже не простили.

29 июня 1968 года остравская газета «Нова свобода» поместила статью известного чехословацкого журналиста и путешественника Иржи Ганзелки^[693] (книги путевых очерков, которые он писал вместе со своим коллегой Зикмундом о поездках на разные континенты, массовыми тиражами издавали, в том числе, и в СССР). В статье утверждалось: «... товарищ Индра формирует в Центральном комитете консервативное крыло, вырабатывает сценарий отдельных этапов съезда и уже готовит реакцию делегатов на отдельные выступления». Секретариат ЦК КПЧ (но отнюдь не президиум) публично опроверг эту информацию^[694].

Районная конференция в Брно выдвинула странный и ничем не подкрепленный тезис, что нынешний ЦК КПЧ, который в январе 1968 года начал «процесс демократизации», «не в силах его завершить», поэтому на съезде надо избрать новый Центральный комитет. В чем выражалась эта «неспособность» ЦК, никто не мог понять – ведь все «прогрессивные» предложения Дубчека комитет безропотно одобрял.

Было явно заметно, что районные конференции в Словакии гораздо более «консервативны», чем в Чехии, потому что там среди делегатов насчитывалось меньше интеллигенции. Например, в Банска-Бистрице рабочие требовали восстановить дисциплину на заводах и прекратить постоянную говорильню.

Хотя Дубчек и его коллеги-«реформаторы» утверждали, что после января 1968 года все члены партии проснулись к активной жизни, в реальности дело обстояло с точностью до наоборот. Перед лицом травли в СМИ многие коммунисты в первичных организациях перестали ходить на собрания и вообще предпочитали помалкивать о своем членстве в партии. Некоторые делегаты говорили на районных конференциях, что им уже почти стыдно быть коммунистами. Пассивность коммунистов на местах признала и самая «прогрессивная» организация КПЧ в Брно, но эту пассивность списали на «пережитки прошлого».

На уже упоминавшейся выше конференции района Прага рабочий из «Аритмы Вотковице» сетовал на то, что коммунисты не достигли желаемых результатов на выборах профсоюзных комитетов, поскольку практически не вели никакой избирательной кампании. Он говорил, что партии надо, наконец, закончить внутренние дискуссии и активнее работать с беспартийными.

Подводя итоги районных конференций, «Руде Право» писала 3 июля

1968 года, что они придают уверенность в том, что на съезде будет избран «прогрессивный ЦК» и что «будет одобрена такая линия, которая уже навсегда исключит новую дискредитацию партии и возможность рецидива старых ошибок и деформаций»^[695]. «Каждый, кто участвовал в какой-либо конференции, очень явно почувствовал эту новую атмосферу, которая, видимо, приобрела долговременный характер, несмотря на попытки консервативных сил ей противостоять... С возмущением многие делегаты конференций осудили листовки и другие акции ультраконсервативных сил» (явный намек на Гольдштюкера).

Удовлетворение итогами чрезвычайных районных конференций выразил 3 июля и Президиум ЦК КПЧ: «Районные конференции характеризовал демократический дух, что сделало возможным полезное столкновение мнений и тщательный выбор делегатов на съезд... Большинство членов партии поддерживают линию, намеченную Программой действий КПЧ. В дискуссии делегаты высказали полное доверие прогрессивным силам в Центральном комитете партии (и это на фоне повсеместных требований полной замены ЦК – *Прим. автора.*). Когда проявлялись опасения, как бы демократический процесс не остановился, это всегда сопровождалось дистанцированием от любых экстремистских проявлений как справа, так и слева». Идейный разброд, в целом царивший на конференциях, президиум описал так: «Многие товарищи до сих пор ищут выход для себя в новой ситуации»^[696].

Несмотря на то, что Дубчек все время убеждал Брежнева, что никак не может повлиять на СМИ, Президиум ЦК КПЧ того же 3 июля принял на сей счет целый ряд решений, правда, совершенно противоположных тем, которых ждали в Москве. Был ликвидирован еженедельник ЦК КПЧ «Культурни творба» («Культурное творчество»), который занимался исследованием общественных наук. Вместо него решили создать новый журнал «Политика», уже фактически не как орган ЦК, а как «свободную трибуну марксистов-интеллектуалов и сознательных рабочих». Интересно, что новый орган, видимо, не должен был представлять всех рабочих, части которых отказали в «сознательности».

Был основан и новый журнал «Теория» – «лаборатория творческого марксизма».

Таким образом, партия активно лишала себя контроля даже над своими собственными изданиями. Кроме того, Институт истории КПЧ был переименован в Институт истории социализма и выведен из подчинения ЦК. Институту предложили уделять больше внимания новейшей

чехословацкой истории, то есть разоблачению «ошибок» и «деформаций».

После районных конференций, в начале июля стали созываться областные, которые окончательно утверждали предложенные в районах списки делегатов на чрезвычайный съезд. Таким образом, КПЧ бесперывно заседала, занималась самобичеванием и сведением внутренних счетов.

На 1 июля 1968 года в компартии Чехословакии состояли 1 687 565 членов, причем особенного наплыва после января 1968-го не наблюдалось. Были приняты 18282 новых члена, но одновременно исключены 6956 человек – естественно, «догматиков» и «консерваторов» вроде Новотного.

70 % новых коммунистов были моложе 30 лет, 67,4 % были чехами, 28,6 % – словаками и 3 % – венграми^[697]. Среди «новобранцев» было 34,6 % рабочих, 22,3 % – инженерно-технических работников, 9,8 % студентов, 7,7 % чиновников, 6,8 % учителей и 5,4 % членов сельхозкооперативов.

Что касается отличительных черт областных конференций, то на них еще сильнее проявилась разница позиций между чешскими и словацкими областями. Если в Чехии на областные конференции опять прошли в основном интеллигенты, то в Словакии было больше рабочих и служащих. Поэтому там уделялось много места экономическим проблемам, и довольно открыто критиковалась экономическая реформа. Большую роль на конференциях, как в Чехии, так и в Словакии, стал играть и вопрос федерализации.

Если «2000 слов» стали пропагандистским инструментом для обеспечения «правильного состава» делегатов предстоявшего съезда, то организационным инструментом стала созванная 6 июля 1968 года конференция пражской организации КПЧ.

Самозванный «интеллектуальный лидер демократизации» Гольдштюкер (теперь в ореоле мученика после вышеупомянутой анонимки) открыто обрушился в своем выступлении на рабочий класс. Мол, раньше интеллигентов всегда считали, в отличие от рабочих, «ненадежными». «Если вы возьмете речи Новотного за последние 10 лет его деятельности, то вы вряд ли найдете в них хотя бы одно предложение, в котором не было бы недооценки роли интеллигенции по сравнению с рабочими массами... При этом только единство мозгов и рук может дать нам источник разумного развития»^[698]. По Гольдштюкеру, получалось, что мозгов у рабочих нет совсем – они исключительная прерогатива интеллигенции. К тому же этот тезис Гольдштюкера поразительно напоминал лозунг Гитлера о «единении

работников лба и кулака».

Пражская конференция подвергла резкой критике Гусака и Биляка за требование паритетной федерации. Ректор Высшей партийной школы ЦК КПЧ Хюбл (тоже радикальный «реформатор») напомнил, что Биляк раньше вообще был против федерации как таковой.

В своем выступлении лидер пражских коммунистов Шимон опроверг собственное выступление на майском пленуме ЦК КПЧ и заявил: «Мы за то, чтобы партия устанавливала контакты со всеми организациями, которые высказываются по политическим вопросам, чтобы она не уклонялась от переговоров ни с Клубом беспартийных активистов, ни с „Клубом-231“, ни с различными организациями молодежи, чтобы внутри этих организаций заботливо отделяли людей, имеющих хорошие намерения, от действительно антикоммунистов; чтобы проводилась большая политика национального примирения с бывшей социал-демократией; чтобы заключались целесообразные компромиссы с этими организациями, чтобы мы сами излишне не отбрасывали людей в оппозицию».

Шимона поддержал председатель пражского комитета Национального фронта Кржен, заявивший, что фронт должен быть открыт для новых организаций: «Фарисейство представлять политику без компромиссов». При этом с самой массовой организацией фронта – профсоюзами – Кржен почему-то не слишком хотел работать.

Еще 7 июня 1968 года газета «Свободное слово» (орган входившей в Национальный фронт социалистической партии) опубликовала следующее сообщение: «Представители социал-демократов в Праге обсудили на своей встрече 5 июня сообщение об учреждении подготовительного центрального комитета чехословацкой социал-демократической партии, который уже установил связи с ЦК Национального фронта».

Смрковский, который всего 10 дней назад назвал «2000 слов» контрреволюцией, в своем выступлении на конференции говорил о необходимости «политического партнерства» с оппозицией.

Он сообщил, что недавно получены письма от компартий стран ОВД, и некоторые делегаты выразили недоумение, почему партийные организации с этими письмами не ознакомлены. Смрковский сказал: «Мы находимся в фокусе самых разных нажимов и взглядов. И не всегда легко обо всем говорить»^[699]. Но фактически из выступления следовало, что он расценивает письма компартий ОВД как «нажим».

Хотя никто на конференции содержания писем не знал, был предложен проект резолюции по данному вопросу, в котором говорилось: «Мы полностью поддерживаем Президиум ЦК КПЧ в его усилиях по

всестороннему обеспечению нашей государственной и партийной независимости, особенно в деле развертывания процесса возрождения в ЧССР. Только на этой основе можно строить равноправные и товарищеские отношения с другими коммунистическими партиями. Любой другой подход незамедлительно привел бы к самым трагическим последствиям для нашего положения в международном рабочем движении, но, прежде всего, для дальнейших судеб социализма в нашей стране. Мы не уклоняемся от каких-либо дискуссий и дружеских советов, исходящих от коммунистических партий. Однако мы считаем совершенно неприемлемым стремление подменить деловую аргументацию политическим или экономическим нажимом. Такие действия мы рассматривали бы как грубое вмешательство в наши внутренние дела»^[700].

Причем дальше в резолюции содержалось требование ознакомить делегатов конференции с письмами от социалистических стран (!).

Получалось, что «нажим» осудили, даже не зная, о чем в этих самых письмах идет речь. От Президиума ЦК КПЧ конференция требовала сообщить о мерах, принятых в СМИ относительно писем. Тут уже Смирковский испугался выпущенного им самим «политического джинна» и начал просить отложить публикацию писем, так как речь идет о «внутрипартийном вопросе» и сам президиум эти письма пока не обсуждал.

Конференция направила и письмо советским коммунистам, в котором заверяла в любви и уважении всего чехословацкого народа к СССР.

Но гораздо более важным было письмо в адрес заседавшей в то же время братиславской организации КПС. Видимо, пражские «реформаторы» прекрасно понимали, что на этой конференции царят совсем другие политические настроения. Поэтому в письме выражалась надежда, что «словацкие делегаты на XIV съезде максимально поддержат прогрессивное ядро во главе с товарищем Дубчеком»^[701].

На братиславской конференции самые мощные аплодисменты срывал Гусак, и не только по вопросу будущей федерации. Конференция решила, что съезд словацкой компартии надо провести еще до съезда КПЧ, чтобы сформулировать платформу относительно федеративного устройства и обязать всех словацких делегатов поддержать ее на XIV съезде КПЧ.

Не менее искренние аплодисменты сопровождали и ту часть выступления Гусака, которая касалась «товарища Дубчека»: «У меня сложилось впечатление, что творится легенда о том, что с 1963-го по 1967 год (когда Дубчек возглавлял компартию Словакии – Прим. автора.) в

Словакии было тотально прогрессивное руководство. Дело обстоит не так однозначно. Я не говорю, что руководство партии (КПС) с 1963 года не пыталось в некоторых областях сделать что-то новое, прогрессивное. Но ведь каждый знает, что процесс возрождения, который был особенно интенсивным в Братиславе, не был руководим или инспирирован руководством партии. Наоборот, были попытки его погасить. И это делали не только Новотный и его люди, гасили этот процесс и словацкими руками... Так что не надо все рисовать одной краской. Кроме того, созданное в 1963 году новое руководство КПС, я думаю, тоже имело свое прошлое...»^[702].

«Руде Право» отмечала, что такой резкой критики партийного руководства не было ни на одной из областных конференций.

Не могло это все понравиться и Дубчеку, но Гусак-то помнил, как «демократ» Дубчек всеми силами пытался «сплавить» его, жертву политических репрессий, подальше от Словакии на незначительный пост. Летом 1968-го Александр Дубчек осознал, что всего за полгода потерял компартию Словакии, которую до января 1968-го возглавлял.

На фоне «охоты на ведьм», развязанной пражской областной конференцией КПЧ, в «Руде Право» появилась резолюция первичной парторганизации МИД ЧССР, в которой выражался протест против назначения дискредитировавших себя «консерваторов» на дипломатические посты. Конкретно речь шла о бывшем министре иностранных дел Вацлаве Давиде, который к тому же был председателем Общества советско-чехословацкой дружбы (еще до войны; с 1953 года – заместителем председателя)^[703], членом последнего подпольного ЦК КПЧ и активным участником Пражского восстания в мае 1945 года.

Если пражская конференция КПЧ развязала в партии моральный террор, то аналогичная конференция южноморавской организации КПЧ в Брно вообще одобрила «2000 слов». Там среди делегатов тоже преобладали «интеллектуалы». В пику братиславской конференции «мораване» потребовали перед XIV съездом КПЧ и еще до съезда КПС созвать съезд чешской компартии. При этом самой такой «чешской партии» вообще не существовало. Таким образом, конференция в Брно требовала фактически еще и «федерализации КПЧ». Другие делегаты выступали вообще за «трехчленную федерацию» (в составе Чехии, Моравии и Словакии).

Представителя ЦК КПЧ, бывшего лидера моравских коммунистов и «ультрареформатора» Шпачека спросили на конференции, что ему известно

о содержании письма КПСС КПЧ. Тот ответил: «Ничего не знаю». То ли Шпачек врал, то ли Дубчек не знакомил с содержанием писем из Москвы даже «прогрессивных» членов Президиума ЦК КПЧ.

Но характерно, что Шпачек тем не менее без проблем прокомментировал письмо, о содержании которого он якобы ничего не знал: «Процесс, который у нас начался, является предметом внимания как со стороны друзей, так и со стороны врагов. Думаю, что из этих дискуссий не надо делать трагедию. Не надо каждый спор и каждую полемику считать вмешательством... Но ни в коем случае эта дискуссия не должна вылиться в давление, в попытки вмешиваться в дела стран и отдельных партий... Как коммунистическая партия мы отвечаем, прежде всего, перед нашим народом, перед народом нашей страны. Мы за советание (с компартиями стран ОВД – *Прим. автора.*), но требуем, чтобы нам было гарантировано право бороться за гарантию государственного суверенитета этой страны...»^[704].

По иронии судьбы, сторонник укрепления связей ЧССР с Западом Шпачек по дороге из Брно в Прагу едва не погиб от рук американцев. В его «татру» врезался «фольксваген» американского туриста, совершавший обгон по встречной полосе. Машина Шпачека была полностью разбита, и он сам не погиб только благодаря мастерству своего шофера, отделавшись сотрясением мозга средней тяжести.

Не столь радикальными, как в Праге или Брно, были настроения на областной конференции Среднечешской области (она тоже проходила в Праге). Там многие делегаты требовали прекратить, наконец, бесконечные дискуссии и восстановить идейное единство КПЧ. Самые мощные аплодисменты сорвал один делегат (его имя почему-то «Руде Право» не указала, хотя от ЦК на конференции был главный редактор этой газеты Швестка). Этот делегат сказал, что отчего-то в 1945 году никому не мешало присутствие советских войск в Чехословакии, а сегодня СМИ просто исходят комментариями по поводу скорейшего вывода войск, участвовавших в «Шумаве»^[705].

Но и на той конференции критиковали словаков и предложили созвать конференцию или съезд чешских коммунистов. Ян Пиллер – член высшего партийного руководства КПЧ – поддержал идею проведения референдума по вопросу о федеративном устройстве. Причем на это Президиум ЦК КПЧ никаких полномочий ему не давал. Было ясно, что в Словакии никто с идеей референдума не согласится просто потому, что численный перевес чехов над словаками в стране предрешил бы исход референдума.

На конференции словацких коммунистов в Кошице делегат от Восточнословацких металлургических заводов критиковал профсоюзы за предъявление нереальных требований о повышении зарплаты.

Между тем, пражская конференция пыталась задавать тон и при выборах делегатов на съезд КПЧ.

Формально на пражской чрезвычайной конференции предстояло избрать делегатов на съезд, однако неожиданно она провозгласила себя постоянно действующей до съезда. На ней официально огласили абсолютно незаконный «черный список» (его прямо так и называли) из 50 человек, которых как «догматиков» и «консерваторов» нельзя было избирать в состав ЦК на съезде. Список решили разослать всем партийным организациям. Видимо, на этих членов собственной партии «национальное примирение» Шимона не распространялось.

В «черный список» попали члены президиума и секретариата ЦК КПЧ Биляк, Кольдер, Индра, Ленарт, Швестка (главный редактор «Руде Право»). Причем атмосфере на конференции мог бы позавидовать и сенатор Маккарти.

Попасть в «черный список» было легко.

На конференции было много журналистов, и люди боялись «выступать неправильно», чтобы их на следующий же день морально не уничтожили газеты. Популярный «либеральный» журналист Румл, автор термина «социализм с человеческим лицом», обвинил Индру в том, что в начале 50-х годов он был членом так называемой пятерки, утверждавшей политические внесудебные приговоры. Эта откровенная ложь возмутила Млынаржа, и он, взяв слово, спокойно возразил, что когда Индра работал в партийном аппарате, «пятерок» уже не было. Тогда Румл открыто пригрозил Млынаржу, что с такими взглядами он может и не попасть на съезде в новый состав ЦК.

Возмущение некоторых делегатов таким огульным зачислением людей в «консерваторы» без должной проверки игнорировались.

Поразительно, что незаконный не только с точки зрения устава КПЧ, но и обычной морали «черный список» полностью одобрил на конференции член президиума ЦК Смрковский: «...я рекомендовал бы вручить этот список делегатам, избранным на съезд, и обязать голосовать против, выступать против, если возникнет вопрос о ком-либо из них»^[706].

Причем, чтобы занесенные в «черный список» люди не могли изложить свою точку зрения, их рекомендовали даже не избирать делегатами на конференции, где выдвигали делегатов на съезд. Так и происходило.

Конференция рекомендовала в новый состав ЦК 70 человек, среди которых было только семь рабочих. При этом рабочие как в партии в целом, так и в пражской организации, составляли большинство. Член пражского горкома КПЧ Ковала саркастично посоветовал: «Товарищи, вычеркивайте монтеров, рабочих, женщин, не предлагайте молодежь... и у нас будет идеальный Центральный Комитет...»^[707]. На самой конференции 60 % делегатов почему-то были журналистами, преподавателями вузов и деятелями культуры, в то время как рабочих представляли менее 10 % делегатов.

При выборах делегатов на съезд не обошлось без неприятных для «реформаторов» неожиданностей. На среднечешской областной конференции из 538 голосов делегатов против министра сельского хозяйства Боровки было подано 224, против Гольдштюкера – 128, против Смрковского – 124. Досталось и словакам Биляку и Гусаку, против которых подали соответственно 178 и 140 голосов.

На конференции западнечешской областной организации КПЧ в Пльзени из списков кандидатов на съезд вычеркнули Индру и Черника, якобы потому что они баллотировались и от других областных организаций.

На североморавской конференции единственным из всех кандидатов на съезд провалили члена Президиума ЦК КПЧ Кольдера – за него проголосовали 240 делегатов, против – 337. Зато «реформатор» Черник получил 549 голосов «за» и только 28 – «против».

Провозгласила себя в нарушение устава КПЧ «постоянно действующей» конференция пражской организации для того, чтобы оперативно вносить в «черный список» новых «догматиков», если они осмелятся поддерживать позицию других социалистических стран.

Для областных конференций был характерен еще и такой момент: многие их делегаты требовали снизить членские взносы. Это лучше всего характеризовало распространившуюся среди членов партии апатию.

Всего областные конференции КПЧ избрали 1274 делегата на чрезвычайный съезд. Из них было только 80 женщин (5 %) – уровень небывало низкий для чехословацкой компартии. Самой сильной социальной группой среди делегатов были отнюдь не рабочие (17,8 %, то есть в процентном соотношении в два раза меньше, чем в самой партии), а инженерно-технические работники и экономисты – 25,9 %. Среди делегатов было только 7 % членов сельхозкооперативов, зато 14,3 % освобожденных партийных работников, 5,2 % работников национальных комитетов (то есть местных органов власти), 1,6 % научных работников,

1,9 % деятелей культуры и искусства, 1,5 % сотрудников высших органов власти и управления, 3 % врачей, 6 % учителей и преподавателей вузов, 6,35 % военнослужащих и 1,8 % пенсионеров^[708].

В члены ЦК и контрольно-ревизионной комиссии (эти органы предстояло избрать на съезде) областные партконференции рекомендовали 907 человек, в том числе 682 – в Чехии и 225 – в Словакии. Среди них была только 41 женщина.

Получалось, что те, кто кормили и одевали людей, строили жилье для всей страны, были представлены на съезде только четвертью делегатов от рабочей коммунистической партии.

Тем не менее 9 июля 1968 года «Руде Право» в редакционной статье «Ясная точка зрения областных конференций» не жалела хвалебных слов. Эти конференции «бесспорно, отличались высоким, хотя и не одинаковым политическим уровнем... В центре внимания был процесс демократизации. Он получил полную поддержку. Отношение к процессу возрождения и новой политической ситуации было также главным критерием для выборов делегатов на съезд»^[709].

25 июля областные конференции одобрил и Президиум ЦК КПЧ, подчеркнув в своем коммюнике, что они сосредоточили свое внимание, прежде всего, на политических вопросах. «Итоги конференций показали, что партия имеет достаточно сил, чтобы политическими средствами решать проблемы нынешнего процесса возрождения... Доказательством этого является тот факт, что позитивное и активное отношение к процессу возрождения, к новой политике партии было и главным критерием при выборах делегатов на чрезвычайный XIV съезд и при выдвижении кандидатур в новый состав Центрального комитета...»^[710] В то же время отмечалось: «...конференции подтвердили принадлежность ЧССР к сообществу социалистических стран... Они однозначно декларировали, что краеугольным камнем чехословацкой внешней политики должна быть дружба с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Но одновременно была подчеркнута необходимость проводить политику суверенного и независимого государства».

Теперь Дубчек мог в борьбе против союзников по ОВД и против своих противников в Президиуме ЦК КПЧ опереться на «мнение партии».

На приглашение Брежнева встретиться в двустороннем формате в любое время и в любом месте он ответил, что приедет в отпуск в Советский Союз сразу же после окончания работы конференций, где выбирали делегатов на чрезвычайный съезд. Политбюро ЦК КПСС 27

июня поручило Червоненко передать Дубчеку, Чернику и Биляку предложение приехать в отпуск в Крым с семьями. Дубчеку писали: «Мы будем рады пригласить также других товарищей из руководства ЦК КПЧ по Вашему усмотрению. Учитывая большую занятость Вашу и Ваших товарищей, было бы желательно, если Вас это устроит, чтобы приезд состоялся во второй декаде июля. Мы примем со своей стороны все меры к тому, чтобы отдых мог быть проведен с наибольшей для Вас пользой»^[711]. Червоненко поручили спросить «товарища Дубчека», может ли посол передать приглашения Чернику и Биляку, и в случае его согласия сделать это.

Брежнев было успокоился, но хитрый Дубчек (не сказавший другим членам президиума ничего о приглашении Брежнева) неожиданно предложил на заседании Президиума ЦК КПЧ отменить все отпуска его членов за границей до окончания работы чрезвычайного съезда. Ничего не подозревавший президиум согласился. Дубчек не только не хотел сам ехать в СССР, но и не желал, чтобы туда ездили другие члены президиума.

Узнавший об этом новом финте Дубчека, Брежнев был по понятным причинам раздражен. Он подумал, что от саммита в рамках ОВД Дубчек уж точно не сможет отказаться. 5 июля Брежнев позвонил Дубчеку и сказал, что намечается встреча глав государств ОВД в таком же составе, как и в Дрездене. Советский лидер пригласил на нее Дубчека, заметив, что считает необходимым провести встречу как можно скорей. Но именно это и не входило в планы Дубчека. Как обычно, он отказываться не стал и, чтобы потянуть время, обещал дать ответ в письменной форме. В своем письме Дубчек попросил Брежнева письменно объяснить ему цель и повестку дня предстоящей встречи. Брежнев, как пишет в мемуарах Дубчек, прислал письмо «незамедлительно» (6 июля) и предложил встретиться в Варшаве 10 или 11 июля «для обсуждения положения, сложившегося в ЧССР». Причем в приглашении выражалась надежда, что Дубчек приедет не один, а во главе «представительной делегации КПЧ»^[712].

8 июля 1968 года Политбюро ЦК КПСС утвердило состав советской партийной делегации для поездки в Варшаву: Брежнев, Косыгин, Подгорный, Шелест, Катусhev. Таким образом, в польскую столицу собиралось прибыть почти все высшее руководство СССР, причем и партийное (Брежнев), и государственное (Косыгин, Подгорный).

В тот же день Дубчек предложил Президиуму ЦК КПЧ обсудить вопрос об участии делегации КПЧ в варшавской встрече, а также полученные письма пяти компартий стран-членов ОВД. Большинство

президиума в основном согласилось с содержанием писем, но это было не оформленное организационно и не действовавшее согласованно большинство. «Реформаторы» типа Цисаржа и Кригеля хотя и признавали «некоторые» негативные моменты в политическом положении Чехословакии, считали их второстепенными, а в целом «возрождение» и «исправление деформаций» шли с их точки зрения нормально.

Что касается встречи в Варшаве, то Дубчек предложил вместо нее провести серию двусторонних переговоров со странами ОВД. Если же пойти на многостороннюю встречу, говорил он, то противники КПЧ внутри страны могут использовать это против партии – мол, это будет расценено «общественностью» как «капитулянтская позиция перед лицом внешнего нажима». Из выступления Дубчека выходило, что КПЧ сама уже не может решать, участвовать ли ей в каких-либо переговорах.

Несколько членов президиума предложили немедленно созвать заседание ЦК для обсуждения участия во встрече, тем более что и само приглашение, и письма пяти коммунистических партий были адресованы именно Центральному комитету КПЧ. Но созданная пражской конференцией атмосфера «охоты на ведьм» уже дала себя знать. Кольдер вспоминал: «Каждый чувствовал, что речь идет о жизненно важных вопросах. Однако никто не решился проявить инициативу. Но мы совершили ошибку, что тогда не настояли на голосовании о созыве пленума ЦК КПЧ»^[713].

Того же 8 июля «Литерарни листы» написали об «опасности» созыва пленума ЦК КПЧ, который, естественно, сыграл бы на руку «догматикам».

9 июля «Руде Право» опубликовала коммюнике о заседании Президиума ЦК КПЧ, который отметил, рассмотрев письмо «братских партий», что оно «дает импульс для совместного обсуждения некоторых вопросов, которые касаются интересов наших стран»^[714]. Президиум ЦК КПЧ сообщал, что исходит «из совместно признанных принципов строительства социализма, и что союз и сотрудничество всех наших партий являются неизменным условием развития отдельных стран, равно как и уважение специфических условий и суверенитета каждой партии в вопросах ее внутренней политики».

Но главного в коммюнике не было – согласия на встречу с «братскими партиями».

Брежнев все еще не хотел верить в такой публичный афронт со стороны Дубчека, каким был отказ от встречи в рамках ОВД. Встречу перенесли на 14 июля, чтобы дать «чехословацким товарищам»

возможность одуматься.

11 июля Дубчек получил из Москвы письмо, в котором с сожалением констатировалось «негативное отношение Президиума ЦК КПЧ к инициативе братских партий» относительно встречи в Варшаве. В Кремле, естественно, разгадали тактику Дубчека, поэтому в письме отмечалось, что двусторонние встречи полезны, «но они не могут заменить коллективных встреч».

«Предложение о многосторонней товарищеской встрече возникло из необходимости коллективно обменяться мнениями о нарастающем обострении обстановки в Чехословакии и связанных с этим общих проблемах для наших партий и стран, ваших самых ближайших друзей и соседей. Мы по-прежнему считаем, что такая встреча с вашим участием необходима... Мы искренне надеемся, что еще раз взвесив все обстоятельства, ЦК КПЧ примет участие в такой встрече»^[715].

Важно, что на этот раз в Москве апеллировали не к президиуму, а к ЦК КПЧ.

12 июля Президиум ЦК КПЧ снова обсуждал вопрос об участии во встрече. Млынарж, Славик и министр иностранных дел Гаек требовали не ехать в Варшаву. Теперь Дубчек ссылался уже на запрет членам президиума выезжать за границу. Позднее он говорил, что ничего не знал о новой дате встречи в Варшаве, и поэтому даже если бы президиум принял решение 12 июля участвовать в саммите, чехословацкая делегация все равно не успела бы приехать в польскую столицу. При этом от Праги до Варшавы было меньше часа полета на самолете!

Кольдер и Биляк опять настаивали на участии во встрече, но безуспешно.

Президиум согласился с Дубчеком и постановил провести двусторонние переговоры. Ни Биляк, но другие представители «здоровых сил» и понятия не имели, что Дубчек уже несколько раз уклонился от предложения Брежнева организовать эти самые переговоры.

Таким образом, чисто арифметическое большинство «здоровых сил» на заседании Президиума ЦК КПЧ 8 июля политического преимущества не дало. Биляк все еще думал, что Дубчек «свой», что он просто выжидает удобный момент для нанесения ударов по правым силам, а варшавская встреча может этому тактически помешать.

Дубчек проинформировал о решении президиума Брежнева, и тот даже не нашелся что ответить – от «Саши» он такого не ожидал.

В опубликованном 13 июля новом коммюнике о вчерашнем заседании Президиума ЦК КПЧ говорилось, что «президиум... приветствует встречи

и переговоры с представителями отдельных коммунистических и рабочих партий». Но почему-то (это никак не объяснялось) – только в двустороннем формате.

В Москве и других столицах стран-участниц Варшавского договора были шокированы отказом Дубчека приехать в Варшаву. Даже румыны на тот момент от встреч в рамках ОВД не отказывались.

Брежнев попросил Кадара как человека, наиболее положительно относившегося к «чехословацкому эксперименту» среди лидеров стран ОВД, убедить Дубчека все же изменить решение. Венгерский лидер немедленно позвонил Дубчеку и предложил безотлагательно встретиться. Дубчек взял с собой только Черника. 13 июля во второй половине дня на венгерской стороне границы они встретились с Кадаром. Дубчек ссылаясь теперь уже на решение президиума и говорил что встреча в Варшаве «преждевременна»^[716]. По его впечатлению, Кадар особо и не настаивал, а лишь формально выполнял поручение Брежнева.

Сам Кадар потом говорил в Варшаве, что Дубчек долго описывал политическую ситуацию в Чехословакии. Относительно «2000 слов» он сказал, что ответ на этот манифест должен быть политическим, а не административным. Мол, все равно никаких особых последствий манифест не имел. Нежелание ехать в Варшаву Дубчек объяснил тем, что сначала хотел бы провести переговоры... с КПСС (!). И это притом, что он уже несколько раз отказался от соответствующего предложения Брежнева. Кадар напомнил Дубчеку, что еще в мае он выражал недовольство тем, что его не позвали на встречу глав государств ОВД в Москву и говорил «советским товарищам, что в любое время, хоть ночью, он готов приехать и принять участие в совещании, если будет иметь приглашение»^[717].

Ответить на это Дубчеку было явно нечего, и он начал юлить: мол, он не знал ни даты, ни места встречи глав государств ОВД. Кадар прямо ответил, что отказ ехать в Варшаву – это самая большая ошибка, совершенная Дубчеком после января 1968 года. «...Т. Дубчек оказался не в состоянии говорить, оба они (Дубчек и Черник – *Прим. автора.*) плакали и спрашивали, что им теперь делать». Кадар напомнил и то, что чехословацкая печать поливает теперь грязью и его, обвиняя в смерти Имре Надя. А ведь он, Кадар, никаких публичных нападок на то, что происходит в ЧССР, не допускает, хотя ему там далеко не все нравится.

Отказавшись от поездки в Варшаву, Дубчек решил заручиться поддержкой западноевропейских компартий, прежде всего французской. Ведь еще в мае, как уже упоминалось, чехословацкая разведка доносила о

поддержке чехословацких реформ со стороны политбюро ЦК ФКП.

Следует отметить, что самые влиятельные и массовые западноевропейские компартии – французская и итальянская – на тот момент следовали курсом так называемого еврокоммунизма. Они официально отказались от диктатуры пролетариата как средства прихода к власти, выступали за смешанную экономику и сохранение членства своих стран в ЕЭС и НАТО. Фактически позиции этих партий не сильно отличались от социал-демократических. Неудивительно, что и ФКП, и ИКП с симпатией следили за Дубчеком, который, по их мнению, двигался в том же «еврокоммунистическом направлении».

Дубчек пригласил лидеров ФКП в Чехословакию, чтобы тем самым гарантировать себе публичную поддержку французских коммунистов. Французы колебались: в отличие от итальянской компартии, выступавшей с публичными нападениями на СССР, французские коммунисты этого не допускали и сохраняли с КПСС дружественные отношения. Но Дубчек пригласил лидера ФКП Вальдека Роше вторично. 11 июля Роше посоветовался с послом СССР в Париже В. А. Зориным (в 1945-1948 годах – послом в Чехословакии). Посол сообщил в Москву: «Французские друзья затянули с поездкой в ЧССР, сославшись на майские события во Франции, но сейчас, после вторичного приглашения, т. В. Роше заявил, что он намерен поехать в ЧССР. Однако до выезда в ЧССР он хотел бы посетить Советский Союз с тем, чтобы проинформироваться об обстановке в ЧССР и перспективах этой обстановки»^[718].

Зорин ознакомил Роше с точкой зрения КПСС на развитие ситуации обстановки в ЧССР. Тогда лидер французских коммунистов сказал: «переход ЧССР в лагерь капитализма имел бы катастрофические последствия для всего дела социализма, но в то же время применение внешних крайних мер, например вооруженного вмешательства со стороны других социалистических стран, также имело бы самые серьезные последствия для всего коммунистического движения, в том числе для ФКП. Хотя... в информации ничего прямо не говорится о такой возможности, но она „как бы висит в воздухе“».

«Т. Роше заявил далее, – говорилось в сообщении Зорина, – что в отличие от т. Лонго (лидера итальянских коммунистов – *Прим. автора.*), который был в ЧССР в начале событий и поддержал новую ориентацию ЧССР, он лично предполагает в ходе встречи с т. Дубчеком оказать на него необходимое давление с тем, чтобы со стороны руководства КПЧ проводилась более твердая линия для нормализации обстановки и укрепления руководства партии в стране. Т. Роше отметил также

серьезность обстановки в ЧССР, необходимость для КПЧ взять под свой контроль органы пропаганды, однако все это, по мнению т. Роше, должно быть сделано при помощи внутренних средств, т. е. при помощи чехословацкой армии, народной милиции и всего государственного аппарата».

Фактически после 10 июля в отношениях между ЧССР и другими странами Варшавского договора стал назревать острый и, главное, публичный, кризис. 11 июля «Правда» выступила со статьей «И. Александрова», в которой довольно жестко критиковалось внутривластное развитие в ЧССР, особенно «2000 слов». Силы, стоявшие за этим манифестом, характеризовались как контрреволюционные и еще более предательские и опасные, чем те, что организовали антикоммунистическое восстание в Венгрии в 1956 году. Никакого Александрова в редакции «Правды» не было, статьями за такой подписью обычно выражалась точка зрения высшего руководства СССР.

12 июля новое руководство Союза чехословацких журналистов собралось на свое первое заседание и решило отправить Союзу журналистов СССР письмо, в котором выражалась обеспокоенность тем, что советские СМИ информируют о событиях в Чехословакии «односторонне и необъективно»^[719].

Тогда же чехословацкие СМИ неожиданно снова набросились и на письмо Народной милиции от 19 июня, теперь уже за то, что на него в СССР пришли тысячи позитивных откликов, многие из которых опять-таки публиковала «Правда» (на 12 июля в СССР было зарегистрировано 14 тысяч положительных откликов). Характерной в этом отношении была статья в «Руде Право» от 13 июля – «Письмо, о котором говорят». Отмечалось, что после появления на письмо откликов в СССР «стали появляться вопросы о его содержании»(!). Напомним, что письмо Народной милиции никто и не скрывал, и оно было принято в присутствии Дубчека и с его одобрения.

Конференция компартии Словакии в Банска-Бистрице признала ошибочным, что письмо Народной милиции не было сразу же опубликовано в чехословацких СМИ. Неудивительно, отмечалось на конференции, что теперь вокруг него возникли ненужные подозрения. На этой же конференции было подвергнуто критике решение пражской городской конференции сделать себя постоянной. Словацкие коммунисты расценили это (и совершенно справедливо) как недоверие ЦК партии^[720].

В ответ на статью в «Правде» от 11 июля чехословацкие СМИ стали

публиковать голоса в поддержку «пражской весны» – в основном со стороны западной печати и официальных представителей Югославии и Румынии.

Особенно усердствовал Чаушеску. 12 июля румынский лидер принял от нового чехословацкого посла в Бухаресте Курки верительные грамоты всего через день после того как тот приехал в страну. «Руде Право» совершенно верно охарактеризовала это как беспрецедентный в дипломатическом протоколе шаг^[721]. Некоторые послы ждут месяцами, чтобы вручить свои грамоты, – а тут один день! Курка «высоко оценил симпатию и понимание, которое встречает в Румынии нынешнее политическое развитие в Чехословакии».

Что касается Югославии, там в поддержку пражских реформаторов выступали лишь газеты и отдельные депутаты парламента. Югославский лидер Тито, на которого так надеялся Дубчек (Тито был человеком все же более авторитетным в мире, чем Чаушеску), отмалчивался. На то были две причины. Во-первых, к тому времени Тито давно считал главным противником Югославии уже не СССР, а западный империализм, прежде всего американский. Американцы не простили своему бывшему любимчику то, что он вместе с премьер-министром Неру и лидером Египта Насером возглавил Движение неприсоединения, которое в целом активно поддерживало советскую внешнюю политику и жестко критиковало США. Югославские спецслужбы фиксировали в 60-х годах попытки ЦРУ создать в Югославии хорватское сепаратистское движение, поднять на восстание албанцев и боснийских мусульман. Ничего подобного в Москве не делали, и Тито явно не хотел ссориться с СССР из-за Чехословакии.

Во-вторых, Тито с большими сомнениями следил за федерализацией Чехословакии. Она могла не только привести к распаду братской славянской страны, но и своим примером запустить аналогичные центробежные процессы в самой Югославии, состоявшей из шести национальных республик с очень непростыми взаимоотношениями в прошлом.

В целом можно резюмировать, что Тито не верил в успех пражских реформаторов и не хотел брать на себя ответственность за чехословацкий эксперимент, да еще и ценой охлаждения отношений со странами Варшавского договора.

Чехословацким газетам оставалось лишь писать о блестящих перспективах чехословацко-югославского экономического сотрудничества, хотя экономика Югославии была в кризисе (об этом, правда, в ЧССР старались не сообщать).

Зато о поддержке реформ вроде бы говорил опрос общественного мнения в самой Чехословакии, проведенный специалистами Академии наук после опубликования «2000 слов» и на фоне споров относительно учений «Шумава»^[722].

Однако полное доверие к КПЧ высказали лишь 11 % опрошенных (до января 1968 года – 6 %; опросы проводились и при «сталинисте» Новотном). Просто доверие – 40 % (17 % до 1968-го). 33 % и доверяли, и не доверяли одновременно (прежний показатель – 28 %). 12 % просто не доверяли компартии (28 %), в то время как 4 % не доверяли полностью (в 1967 году – 20 %). Доверие к КПЧ с конца 1967 года выросло у 53 % респондентов, снизилось – у 6 %, а 41 % своего мнения не изменил.

На вопрос «Является ли КПЧ политической силой, способной обеспечить развитие социализма и демократии?» утвердительно ответили лишь 52 % респондентов (27 % затруднились с ответом и 21 % ответили отрицательно) – и это было для реформаторов «тревожным звонком». Тем более что социализм как таковой поддержали 89 %, и лишь 5 % предпочли бы переход на капиталистический путь развития. Получалось, что половина тех, кто стоял за социализм, были тем не менее недовольны «реформаторской линией» КПЧ.

Но самым показательным результатом опроса было доверие граждан к тем или иным политикам в стране. 242 голоса респондентов получил Дубчек (первое место), 238 – президент Свобода. Это было нормально, если учесть, что именно эти два человека занимали самые высокие и выгодные с точки зрения «пиара» посты в стране. Но вот на третье место вышел Шик (94 голоса), за ним следовали два других ультралиберала Цисарж (84 голоса) и Смрковский (79). Председатель правительства Черник – формально тоже реформатор, но, видимо, не очень радикальный в глазах творческой части населения, – удовольствовался лишь 47 голосами. За Черником шел Гольдштюкер (33 голоса), несомненно извлекавший выгоду из направленной против него анонимки. Далее – Гусак (31 голос), который в то время слыл самым радикальным словацким реформатором.

Опрос говорил об одном: популярными в стране становились только те, о ком хорошо отзывались в газетах, на радио и телевидении. Шик, Смрковский, Цисарж это хорошо понимали и старались не сходить со страниц и телеэкранов. А обеспечить там свое присутствие можно было, только постоянно выдвигая все новые и новые «прогрессивные» идеи.

Между тем, еще 7 июля (до того как стало известно об отказе делегации КПЧ ехать в Варшаву) Политбюро ЦК КПСС утвердило новую информацию для партийных организаций КПСС о положении в

Чехословакии. Там говорилось уже следующее: «...речь идет о судьбе Коммунистической партии Чехословакии, о судьбе социалистического строя в ЧССР. Сейчас, накануне внеочередного XIV съезда КПЧ, антисоциалистические силы стремятся создать в стране обстановку неуверенности и политической неустойчивости с тем, чтобы затруднить обстоятельную подготовку съезда партии, очернить всю деятельность КПЧ и всех ее работников, которые в течение десятков лет самоотверженно боролись против буржуазии, против фашизма, попытаться повлиять на состав делегатов съезда и будущего ЦК партии... Особенно тревожно, что эти действия находят поддержку среди некоторой части членов КПЧ и даже среди отдельных членов Центрального Комитета, которые все более открыто проводят ревизионистскую линию и тем самым расчищают дорогу антисоциалистическим силам, которые уже обнародовали свою политическую платформу – так называемый документ „Две тысячи слов“...

Советским коммунистам, всему нашему народу дороги доставшиеся тяжелой ценой социалистические завоевания чехословацкого народа. Нельзя допустить, чтобы эти завоевания были отняты контрреволюционерами, нельзя допустить, чтобы из мировой системы социализма было вырвано ее важное звено – социалистическая Чехословакия»^[723].

Важно отметить, что в этом документе по-прежнему не было поименной критики Дубчека или других чехословацких «реформаторов» из Президиума ЦК. Политбюро все еще надеялось, что Дубчек выполнит свои обязательства и прекратит процесс перманентного развала КПЧ.

Встречу в Варшаве 14 июля открыл хозяин – польский лидер Гомулка, предложив, по сути, всего один пункт повестки дня: «Оценка положения в Чехословакии».

Гомулка еще раз подтвердил правильность данной им еще в Дрездене оценки событий в ЧССР: «...события, перемены, происходившие там, носят антисоциалистический характер, содержат в себе элементы контрреволюции»^[724]. Теперь же, продолжил Гомулка, уже окончательно ясно, что в Чехословакии идет процесс превращения социалистического государства в «республику буржуазного типа», но пока этот процесс еще в «зачаточном состоянии». А вот процесс превращения КПЧ в социал-демократическую партию «продвинулся довольно далеко». Гомулка выразил возмущение настоящей травлей теперешнего состава ЦК КПЧ в чехословацкой прессе: «Как пишет нынешняя печать, лишь 40 человек, самое большее, могут войти в новый Центральный Комитет, остальных

необходимо исключить. Убрать. Почему? Каким образом можно совместить это с той свободой, о которой они столько там говорят? Ведь „сталинисты“, о которых они столько говорят, молчат. Мало того, что они молчат, они голосуют за контрреволюционную программу. Неужели они не понимают, за что они отдадут свой голос? Товарищи, там создалась обстановка политического и морального террора...»^[725].

Гомулка подробно остановился и на международном аспекте чехословацких событий. ЧССР улучшает отношения с ФРГ, не консультируясь об этом с партнерами по ОВД. А ведь ФРГ пока так и не признала послевоенные польские границы.

Кадар снова был несколько мягче в терминах, чем Гомулка. Он оценил ситуацию в Чехословакии как «очень сложный процесс, в котором присутствуют разные факторы и выступают антисоциалистические и контрреволюционные силы». КПЧ пока не превращается в социал-демократическую партию, но ревизионистские силы усиливают позиции и события «идут по югославскому пути». Кадар полностью согласился с Гомулкой, что окончательную ясность внесет чрезвычайный съезд КПЧ – это «решающий момент».

Кадар подчеркнул: «...решение Политбюро КПЧ об отказе присутствовать на коллективной встрече является очень тяжким шагом, который создает совершенно новую ситуацию в отношениях между нашими партиями, потому что Президиум КПЧ как руководящий орган партии противопоставил себя руководящим органам наших партий»^[726].

Как и руководство КПСС, Кадар считал, что надо немедленно мобилизовать здоровые силы партии на открытые политические выступления в защиту социализма: «...процесс, происходящий в Чехословакии, ухудшается. Положение более тревожное, чем то, как было тогда, когда мы разговаривали в прошлый раз в Москве и в Дрездене». Но все же Кадар был поначалу явно против вмешательства в этот процесс извне, выразив надежду, чтобы «в Чехословакии нашлась сила, нашлась такая ясная марксистско-ленинская коммунистическая позиция, которая в этой борьбе выступит более решительно, чем выступала до сих пор». И, если такая сила найдется, соцстраны «всеми путями должны ее поддержать»^[727].

Ульбрихт, как и раньше, полностью поддержал Гомулку и выразил удивление анализом Кадара: «Ведь речь идет не только о чехословацком вопросе. Речь идет о большой международной схватке, где силы противника уже сейчас средствами психологической войны начали

действовать. Тов. Кадар говорит, что речь идет о ревизионистских силах в Чехословацкой компартии. Я не согласен с этим. Там есть достаточно ревизионистов. Это верно. Но речь идет о контрреволюционных силах, которые собственными организациями на основе платформы „2000 слов“ выступают и имеют в своих руках средства массового воздействия, с помощью которых систематически разлагают армию и другие государственные органы. Если платформа „2000 слов“ не контрреволюционная платформа, то вообще нельзя говорить о контрреволюционных платформах»^[728].

Таким образом, если Кадар полагал, что в ЧССР идет формирование новой модели социализма югославского типа, то Гомулка и Ульбрихт считали, что там идет демонтаж социализма вообще. «Но, дорогой товарищ Кадар, – заметил Ульбрихт, – следующий удар будет направлен против вас, против Венгерской Народной Республики».

Ульбрихт предложил и конкретные меры:

– направить открытое письмо ЦК КПЧ от имени всех пяти партий, участвующих в Варшавской встрече. В этом письме надо «обратиться к боевым дружинам (так Ульбрихт именовал чехословацкую Народную милицию – *Прим. автора.*)» и добиться, чтобы «рабочая милиция уничтожила средства массовой пропаганды, устранила оттуда враждебные элементы». «Это, по-моему, минимум, чего нужно добиваться»;

– всем вместе выехать в Прагу, «...всему Президиуму или тем, кому считаем нужным, разъяснить нашу точку зрения и необходимые меры. И посмотрим, осмелится ли Дубчек, наберутся ли смелости устранить контрреволюционные элементы из средств массовой пропаганды»^[729];

– если словацкая компартия попросит помощи, то надо подумать о формах поддержки, например проведении маневров не на чешско-польской границе, а в Словакии.

После Ульбрихта говорил Живков, который в своем анализе полностью разделил точку зрения Ульбрихта и Гомулки. Что касается предложений, то болгарский лидер был еще более радикальным, чем Ульбрихт. В конце концов, именно его предложения Брежнев и принял как план действий. В Дрездене, говорил Живков, еще была надежда, что Дубчек и Черник сами исправят положение, «но исчерпаны эти возможности».

Так как обстановка в ЧССР «не в руках Дубчека», Живков предлагал образовать в ЧССР «рабоче-крестьянское правительство», которое восстановит диктатуру пролетариата, а чрезвычайный съезд КПЧ отложить

до полной нормализации обстановки в КПЧ. «Контрреволюционные организации» следует распустить декретом. Конечно, все эти меры могут быть использованы Западом в идеологической борьбе против стран социализма. Это, признавал Живков, «...создаст некоторые дополнительные трудности в международном коммунистическом движении, но положительные результаты будут намного больше, они будут продолжительными, мы спасем Чехословакию. Мы удержим ее в нашей социалистической системе и Варшавском договоре, в рядах наших братских партий...»^[730].

Брежнев взял слово последним, дав высказаться всем остальным. Если ранее в Дрездене и Москве он занимал «центристскую» позицию, отказ Дубчека приехать сначала в СССР, а потом в Варшаву превратил его в сторонника Ульбрихта, Живкова и Гомулки, о чем советский лидер прямо и сказал.

События в Чехословакии Брежнев расценил так: «...тщательно маскируемый, приспособляемый к современным условиям контрреволюционный процесс глубокого преобразования социального строя страны, по возможности без изменения ее внешних атрибутов, пока даже без изменения форм политического, государственного руководства обществом. Особая опасность состоит в том, что трудящиеся Чехословакии и даже рабочий класс первоначально могут не разобраться, куда в конечном итоге должно вырлиться развитие обстановки. Точно так же это может вызвать заблуждение и у коммунистов за пределами Чехословакии, и мы уже видим признаки этого на примере коммунистических партий Франции, Италии, Англии»^[731].

Брежнев предложил следующую конкретную меру: направить коллективное письмо ЦК КПЧ. В дополнение к письму организовать встречу двух-трех партий с представителями КПЧ, чтобы они на словах разъяснили точку зрения «варшавской пятерки».

Если руководство КПЧ не прислушается в очередной раз к советам стран ОВД: «...придется, по-видимому, продолжать работу по выявлению иных здоровых сил в партии, искать возможность обратиться к тем силам в партии, которые могли бы выступить с инициативой борьбы за восстановление руководящей роли КПЧ и нормализацию положения в стране. В этом случае понадобилось бы организовать встречу уполномоченных нами представителей с инициативной группой, представляющей здоровые силы в Президиуме ЦК КПЧ, и передать наше мнение о политической платформе, на основе которой можно

консолидировать партию, дать отпор антисоциалистическим элементам, при этом высказать готовность оказать необходимую помощь и поддержку»^[732].

Таким образом, и Брежнев, и Живков при поддержке Гомулки и Ульбрихта уже были готовы оказать коммунистическим силам в Чехословакии помощь извне. Хотя было понятно, что этот вариант рассматривается как вынужденный и крайний.

Советский лидер сформулировал в своем выступлении тезис, который на Западе позднее окрестили «доктриной Брежнева», хотя этот подход применялся и ранее, например Хрущевым в Венгрии в 1956 году.

«Если реальной стала угроза превращения компартии Чехословакии по своему политическому содержанию в какую-то новую организацию, в лучшем случае социал-демократического, а может быть, и просто мелкобуржуазного толка, то это уже... затрагивает интересы не только коммунистов Чехословакии, не только народа Чехословакии, но и интересы всей социалистической системы, всего мирового коммунистического движения. Такой ход событий мы вправе рассматривать как прямую угрозу мировым позициям социализма, прямую угрозу всем нашим странам.

И попытка противостоять такому процессу не может уже рассматриваться как вмешательство во внутренние дела. Это выражение нашего интернационального долга перед всем коммунистическим движением, нашего интернационального долга перед коммунистами, перед трудящимися Чехословакии. Перед лицом возникающей опасности отступления от социализма в одной из стран социалистического содружества мы не можем, товарищи, замыкаться в своих национальных квартирах. Это было бы предательством интересов коммунизма...

Мы уважаем право каждой партии, право каждого народа. Мы признаем своеобразие конкретных национальных форм строительства социализма в разных странах. Но мы убеждены также и в общности наших исторических судеб. Дело защиты социализма – наше общее дело»^[733].

Закончил Брежнев свое выступление не менее конкретно, чем Живков: «Наша делегация заявляет, что Коммунистическая партия Советского Союза, правительство, наш народ полностью готовы к тому, чтобы оказать Чехословакии необходимую помощь».

На второй день встречи, 15 июля, был согласован общий текст письма центральных комитетов пяти правящих коммунистических партий стран ОВД Центральному комитету компартии Чехословакии.

В нем говорилось: «Развитие событий в вашей стране вызывает у нас

глубокое беспокойство. Поддерживаемое империализмом наступление реакции против вашей партии и основ общественного строя ЧССР, по нашему глубокому убеждению, угрожает столкнуть вашу страну с пути социализма, а следовательно, подвергает угрозе интересы всей социалистической системы... У нас не было и нет намерений вмешиваться в такие дела, которые являются чисто внутренними делами вашей партии и вашего государства, нарушать принципы уважения, самостоятельности и равенства в отношениях между коммунистическими партиями и социалистическими странами.

Мы не выступаем перед вами как представители вчерашнего дня, которые хотели бы вам мешать в исправлении ошибок и недостатков, в том числе имевших место нарушений социалистической законности.

Мы не вмешиваемся в методы планирования и управления социалистическим народным хозяйством Чехословакии, в ваши действия, нацеленные на совершенствование структуры экономики, на развитие социалистической демократии...

Вместе с тем мы не можем согласиться, чтобы враждебные силы сталкивали вашу страну с пути социализма и создавали угрозу отторжения Чехословакии от социалистического содружества. Это уже не только ваше дело. Это общее дело всех коммунистических и рабочих партий и государств, объединенных союзом, сотрудничеством и дружбой. Это общее дело наших стран, которые объединились в Варшавском договоре...

Дело защиты власти рабочего класса и всех трудящихся, социалистических завоеваний в Чехословакии требует:

- решительного и смелого наступления против правых и антисоциалистических сил, мобилизации всех средств защиты, созданных социалистическим государством;
- прекращения деятельности всех политических организаций, выступающих против социализма;
- овладения партией средствами массовой информации – печатью, радио, телевидением и использования их в интересах рабочего класса, всех трудящихся, социализма;
- сплоченности рядов самой партии на принципиальной основе марксизма-ленинизма, неуклонного соблюдения принципа демократического централизма, борьбе с теми, кто своей деятельностью способствует враждебным силам...

Мы выражаем убеждение, что Коммунистическая партия Чехословакии, в сознании своей ответственности, примет необходимые меры, чтобы преградить путь реакции. В этой борьбе вы можете

рассчитывать на солидарность и всемерную помощь со стороны братских социалистических стран»^[734].

Так как о ходе встречи в Варшаве ничего не публиковалось, чехословацкие СМИ строили всякого рода догадки не очень-то дружественного по отношению к СССР характера. Например, почти панику вызвало известие о том, что советский премьер Косыгин досрочно прервал свой визит в Швецию и возвращается домой. Но на прямой вопрос корреспондента шведской газеты «Свенска Дагбладет», не связано ли его досрочное возвращение в Москву с событиями в Чехословакии, Косыгин ответил: «Я управился с делами раньше, чем предполагал, а я не приехал в качестве туриста. Других причин у меня нет»^[735]. Что касается точки зрения СССР на события в Чехословакии, Косыгин порекомендовал прочитать статью Александрова в «Правде».

Пока в Варшаве шло совещание «пятерки», чехословацкие газеты опять активно публиковали голоса поддержки извне.

Тито в интервью египетской газете «Аль Ахрам» заявил, что социализму в Чехословакии ничто не угрожает. А если ЧССР подвергнется давлению Запада, то у нее есть на это собственная армия, КПЧ и рабочий класс. Однако югославский лидер отверг параллели между тем, что происходило между СССР и Югославией в 1948 году, и нынешней обстановкой вокруг Чехословакии: «События в Чехословакии имеют иной характер, и я думаю, что их не надо драматизировать. Не верю, чтобы в Советском Союзе были такие близорукие люди, чтобы они применили силу для решения внутренних вопросов Чехословакии. Были некоторые факты, которое означали определенное давление, но сегодня мы уже видим из прессы, что части уходят...»^[736]. Югославский лидер имел в виду шумиху вокруг задержки вывода войск после «Шумавы».

В отличие от осторожного Тито, решительно поддержал Чехословакию Чаушеску, выступивший на митинге рабочих-металлургов в румынском городе Галац: «Варшавский договор был создан как инструмент коллективной обороны стран-членов против империалистической агрессии извне. Никто никогда не считал, что он мог бы стать предлогом для неоправданного вмешательства во внутренние дела других стран... Румынский народ, РКП не разделяют мнение тех, кто боится развития событий в Чехословакии и хотят своим вмешательством повернуть Чехословакию на определенный социалистический путь»^[737].

В газетах опубликовали данные нового опроса общественного мнения в Чехословакии, проведенного 13 и 14 июля (участвовали 1772

респондента, в том числе 1306 – в Чехии). 78 % опрошенных выразили поддержку политическому руководству во главе с Дубчеком, и лишь 7 % держались противоположной точки зрения. Был задан и откровенно провокационный вопрос, уже предполагавший ответ: «Считаете ли вы необходимым, чтобы после окончания учений союзные войска как можно быстрее покинули ЧССР?». Понятно, что так считал 91 %. Ликвидацию цензуры одобрили 86 %.

Что касается доверия к отдельным личностям, то опрос показал еще большее усиление популярности «ультрареформаторов». На первом месте по популярности по-прежнему был Дубчек. Но вот второе место вместо президента Свободы уже занял Цисарж, за которым следовали Шик, Свобода, Смрковский, Гусак, Черник, Ганзелка (упоминавшийся выше журналист-путешественник), Гольдштюкер, Биляк, Павел и Ленарт.

Между тем, получив «варшавское письмо», Дубчек действительно решил сплотить партию, только для борьбы против КПСС и ее сторонников внутри чехословацкого партийного руководства. 16 и 17 июля 1968 года Президиум ЦК КПЧ рассмотрел письмо из Варшавы и решил для ответа на него собрать ЦК КПЧ. Правда, Дубчек колебался: в позиции ЦК он был отнюдь не уверен. Хотя Биляк, Индра и Кольдер опять критиковали Дубчека за то, что делегация КПЧ не поехала в Варшаву, они тем не менее проголосовали за подготовленный реформаторами ответ под названием «Точка зрения ЦК КПЧ».

На заседании 17 июля президиуму был предложен анонимный документ, в котором содержалось требование досрочно собрать чрезвычайный съезд и сменить на нем ЦК партии. Кольдер, Биляк и их сторонники потребовали от Дубчека объяснить, кто автор документа и как он оказался на повестке дня. Как вспоминал Кольдер, «Дубчек лишь пожал плечами, сказав, что не знает, и добавил, что „документ“ снимается с повестки дня заседания»^[738].

В опубликованном коммюнике о заседании Президиума ЦК КПЧ лицемерно выражалось сожаление, что «совещание в Варшаве состоялось без участия представителей нашей партии», как будто КПЧ не приглашали туда несколько раз. Что касается оценки ситуации в ЧССР, в коммюнике говорилось нечто прямо противоположное «варшавскому письму»: «Коммунистическая партия прочно стоит на позициях марксизма-ленинизма и социалистического развития... Ситуация сейчас такова, что партия продолжает политическое наступление при подготовке чрезвычайного съезда. Она сознает, что в нынешнем политическом процессе участвуют как консервативные, так и правые оппозиционные

силы, которые пытаются использовать процесс демократизации против нашего народа и против социализма. КПЧ и чехословацкий народ останутся верны основной линии тесной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и социалистическими странами...

Президиум ЦК КПЧ высказал убеждение, что уважение принципа ответственности каждой партии за политику в собственной стране и взаимное дружеское понимание создадут условия для нерушимого развития отношений между социалистическими странами»^[739].

17 июля, после одобрения проекта ответа Президиумом ЦК КПЧ, но еще до созыва пленума Центрального комитета, Дубчек позвонил Брежневу и предложил не публиковать ни «варшавское письмо», ни ответ КПЧ. «Я аргументировал тем, что это только повысит напряжение и никому не поможет. Он послушал, но не дал мне ясного ответа»^[740].

«Варшавское письмо» было опубликовано в «Правде» 18 июля и вызвало в чехословацких СМИ взрыв националистической и антисоветской полемики. Журналисты требовали от КПЧ дать отпор посягательствам на национальный суверенитет Чехословакии и обещали, что вокруг партии сплотится все общество.

Каждый день после 19 июля (когда в «Руде Право» появились «варшавское письмо» и ответ Президиума КПЧ на него) газеты публиковали десятки писем и резолюций отдельных граждан, трудовых коллективов и организаций с требованием не отступать от реформ и не поддаваться давлению. Все эти отклики печатались под заголовками типа: «Мы с вами – вы с нами!», «Сплотимся теснее вокруг партии и ее руководства!» и т. д.

По газетам создавалось впечатление, что СССР и страны ОВД вот-вот нападут на Чехословакию. Шик даже сравнил нынешнюю ситуацию с Мюнхеном 1938 года. Кригель от имени Национального фронта сформулировал еще более патетическое обращение к гражданам страны: «...Все народы имеют в своей истории свои великие минуты, которые являются ключом для их дальнейшего развития...»^[741].

Тот же Кригель даже предложил воспользоваться моментом и превратить КПЧ в истинно народную партию. Подразумевалось, что настал прекрасный момент для вычищения «консерваторов» со всех постов в партии и государстве. Дубчек вспоминал, что, согласно опросам общественного мнения, «реформаторскую политику» поддерживали 78 % граждан, а против выступали лишь 7 %. Правда, как показано выше, более 80 % опрошенных одновременно были и сторонниками социализма в

Чехословакии.

Дубчек выступил по радио: «...мы говорим открыто, спокойно, но решительно, сознавая все, о чем сейчас идет речь: нет иного пути, чем с народом этой страны завершить главные демократические и социалистические преобразования в нашем обществе...»^[742].

В Москве публикацией «варшавского письма» надеялись довести точку зрения стран ОВД до всей чехословацкой общественности, так как ранее Дубчек часто не информировал о своих переговорах с другими социалистическими странами даже своих коллег по Президиуму ЦК.

На созванный 19 июля для подготовки ответа на «варшавское письмо» пленум ЦК КПЧ были приглашены десятки журналистов и много каких-то самозванных делегаций от «общественности» и партийных организаций, требовавших от членов ЦК дать на письмо негативный ответ.

Но самым хитрым ходом реформаторов было приглашение на пленум ЦК делегатов будущего съезда партии. Если бы члены ЦК посмели хотя бы в какой-то степени согласиться с авторами «варшавского письма» в присутствии делегатов съезда, это автоматически означало бы, что на съезде в новый состав ЦК их уже не выберут.

В такой обстановке пленум единодушно одобрил ответное письмо под названием «Точка зрения Президиума ЦК КПЧ». Биляк вспоминал: «На пленуме мы все допустили большую ошибку. Одни голосовали по убеждению, другие из страха попасть в опалу, третьи – хотя и были сторонниками поездки в Варшаву – голосовали, к сожалению, под влиянием обстановки тоже против. Это привело к фальшивому единству на антисоветской почве»^[743]. Все выступившие на пленуме (21 человек), в том числе Гендрих («сталинист», по терминологии реформаторов), Смрковский, Кольдер («консерватор»), Гаек (министр иностранных дел), Шик и прочие были против «варшавского письма».

К тому же Дубчек ясно дал понять: все, кто за «варшавское письмо», не только «консерваторы», но еще и раскольники: «В нынешней ситуации мы не можем исключать, что консервативные сектантские силы попытаются использовать письмо пяти партий для того, чтобы вызвать раскол в партии...»^[744].

В «Точке зрения Президиума ЦК КПЧ» говорилось, что ряд содержащихся в «варшавском письме» опасений чехословацкие коммунисты разделяют, как и было отмечено на майском пленуме ЦК КПЧ^[745]. Однако причины нынешней сложной ситуации Президиум ЦК КПЧ видит не в наступлении антисоциалистических сил, а в тех ошибках,

которые партия совершила до января 1968 года. В целом в стране развивается «здоровая социалистическая активность» масс, в которой иногда есть и проявления экстремизма. Однако опасность представляет и активность «догматически-сектантских сил, связанных с ошибочной политикой периода до январского пленума ЦК КПЧ». Естественно, что эти разногласия наблюдаются не только в обществе, но и в партии, которая пытается достичь внутреннего единства на основе Программы действий.

Если в ЧССР действительно возникнет угроза социализму, то КПЧ использует все силы для ее предотвращения.

В «Точке зрения» выражалось понимание обеспокоенности социалистических стран, но одновременно утверждалось: «Мы не видим реальных доводов, которые бы оправдывали утверждения, характеризующие нынешнюю ситуацию как контрреволюционную, утверждения, что существует непосредственная угроза основам социалистического строя, или утверждения, что в Чехословакии подготовлена смена ориентации нашей социалистической внешней политики, что существует реальная угроза отторжения нашей страны от социалистического содружества. Наше союзничество и дружба с СССР глубоко укоренились в нашем общественном строе, в исторических традициях и опыте наших народов, в их мышлении и чувствах. Освобождение от нацистской оккупации и вступление на дорогу новой жизни прочно соединено в сознании нашего народа с исторической победой СССР во Второй мировой войне, с почетом к героям, отдавшим свою жизнь в этой борьбе»^[746].

Выражалось удивление, что в «варшавском письме» шла речь о каких-то выпадах против социалистической внешней политики ЧССР. Если Чехословакия и предприняла в последнее время ряд шагов по нормализации отношений с ФРГ, это не направлено против ГДР. К тому же другие социалистические страны уже полностью нормализовали свои связи с Бонном. Штабные учения «Шумава», говорилось в «Точке зрения», стали еще одним проявлением верности ЧССР своему союзническому долгу. «Наш народ и военнослужащие дружески приветствовали советские и другие союзнические войска на земле ЧССР... Неясности и некоторые вопросы у нашей общественности возникли только тогда, когда постоянно стали возникать изменения в дате вывода союзнических войск с территории ЧССР по окончании учений».

«Мы согласны, что одной из первоочередных задач партии является противодействие деятельности правых и антисоциалистических сил. Наша партия выработала в этом отношении свою политическую тактику на

майском пленуме ЦК и в соответствии с ней решает эту задачу. Этот подход основывается на ряде мер, которые могут привести к успеху лишь тогда, когда у нас будут условия, чтобы мы их постепенно – в течение нескольких месяцев – смогли решить».

В этом пассаже ясно проглядывает тактика Дубчека: выиграть время до чрезвычайного съезда. Иначе неясно, почему, например, для установления контроля над СМИ нужно было несколько месяцев. Ведь все СМИ возглавлялись членами КПЧ, и партия могла сменить главных редакторов за один день, если бы только этого захотела. А именно этого в основном и требовали компартии стран ОВД.

«Условием успеха мы считаем то, чтобы реализация Программы действия и подготовка съезда партии не были поставлены под угрозу каким-либо ошибочным шагом, который вызвал бы политически-властный конфликт в нашей стране». А такой шаг могут сделать как правые, так и догматические силы.

Президиум ЦК КПЧ определил несколько этапов реализации политической линии партии.

Прежде всего, нужно было «последовательно отделить партию как единое целое от деформаций прошлого». Но тут же говорилось, что за деформации отвечает не вся партия, а люди из «старого руководства», хотя сам Дубчек тоже входил в руководство партии при Новотном.

Затем предполагалось подготовить и созвать XIV чрезвычайный съезд, который наметит новую линию партии и выберет новый состав ЦК, который «имел бы авторитет и пользовался бы полным доверием в партии и в целом в обществе». Из этого тезиса следовало, что нынешний ЦК КПЧ, который одобрил ту же самую «Точку зрения Президиума ЦК КПЧ», этим доверием не пользуется.

После съезда нужно было «наступательно» решать следующие задачи – «строить новую политическую систему, основанную на социалистической платформе Национального фронта и общественном самоуправлении, решать вопросы федеративного устройства, выборов государственных представительских органов (федеральных, национальных и местных) и подготовки новой конституции».

Далее говорилось, что на чрезвычайных конференциях избраны делегаты на съезд КПЧ, которые не представляют обе экстремистские тенденции (то есть правых и «догматиков»), а напротив, относятся к «здоровому, прогрессивному» ядру партии.

По главному вопросу расхождений с компартиями стран ОВД – антисоциалистическим нападениям в чехословацких СМИ – в «Точке зрения»

признавалось, что эти выпады имеют место. Но решать этот вопрос надо на «долговременной» основе без применения «старых административных» методов. «Президиум ЦК КПЧ, правительство и Национальный фронт однозначно отвергли призывы заявления „Две тысячи слов“, которые призывают к анархистским действиям, к нарушению конституционного характера нашей политической реформы». Признавалась и «травля» (правда, как справа, так и слева) «отдельных» государственных и общественных деятелей, в том числе членов нового руководства КПЧ. Но секретариат ЦК КПЧ и «ведущие» товарищи, дескать, решительно выступали против таких случаев. Интересно, почему против травли выступал, судя по «Точке зрения», именно секретариат ЦК (где преобладали «здоровые силы»), а не Президиум ЦК как де-факто высший орган партии?

Признавалось также, что травля стала возможной вследствие отмены цензуры СМИ.

Однако главный вывод в «Точке зрения» был прямо противоположен «варшавскому письму»: «Но если мы зададим вопрос, правильно ли оценивать подобные явления как гибель руководящей роли КПЧ перед лицом наступления реакционных, контрреволюционных сил, – то придем к выводу, что ни в коем случае. Ибо это только часть нашей нынешней политической действительности. Но есть и другая, по нашему мнению, решающая часть этой действительности: рост авторитета новой демократической политики партии в глазах самых широких слоев трудящихся, рост активности большинства населения. В поддержку ликвидации цензуры, свободы слова выступает подавляющее большинство граждан из всех классов и слоев нашего общества. КПЧ стремится доказать, что может вести за собой и руководить иными методами, чем осужденными полицейско-бюрократическими, прежде всего силой своих марксистско-ленинских идей, своей программы, своей правильной и поддерживаемой всем народом политики»^[747].

Оценка положения в ЧССР, «без сомнения, искренне выраженная» в «варшавском письме», по мнению КПЧ, не отражала всей сложности ситуации в Чехословакии.

В ответном письме подтверждалась готовность КПЧ проводить с другими коммунистическими партиями стран ОВД двусторонние встречи и консультации. «Не наша вина, что встреча в Варшаве прошла без нашего участия». В письме говорилось, что о встрече в Варшаве, намеченной на 14 июля, в Президиуме ЦК КПЧ узнали лишь 13-го. Но анализ событий, предшествовавших встрече, говорит об обратном. С другой стороны,

утверждалось, что из писем пяти компартий стран ОВД чехословацкие лидеры поняли, что они «односторонне информированы», и что при подобных условиях встреча «преждевременна». Сначала-де надо было разъяснить суть происходящих в ЧССР процессов на двусторонних встречах.

В Чехословакии решили опубликовать как «варшавское письмо», так и «Точку зрения». В СССР «Точку зрения» не опубликовали.

Ответ ЦК КПЧ убедил многих членов Политбюро ЦК КПСС (особенно лидера украинских коммунистов Шелеста), что какое-либо примирение с нынешним руководством Президиума ЦК и Дубчеком лично вряд ли возможно.

Еще 17 июля 1968 года в Москве был срочно созван Пленум ЦК КПСС. Ввиду срочности созыва и периода летних отпусков на пленуме отсутствовали 20 членов ЦК, 31 кандидат в члены ЦК и 10 членов ревизионной комиссии^[748]. Все выступавшие требовали в отношении Чехословакии перейти от слов к делу.

Однако Брежнев все еще не оставлял надежды договориться с руководством ЦК КПЧ. Поэтому он предложил согласиться с требованием КПЧ о проведении только двусторонних встреч. Видно было, что советский лидер всеми силами пытался обойтись без применения войск.

15-16 июля советское руководство принимало в Москве лидера французских коммунистов Вальдека Роше. После этих переговоров политбюро ЦК ФКП направило советским товарищам телеграмму, в которой говорилось: «Политбюро подтверждает свою позицию, направленную на укрепление солидарности коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма, за сохранение социализма в Чехословакии.

Политбюро подтверждает, что оно выступает за решения, исключая применение крайних мер».

Французские коммунисты просили опубликовать «варшавское письмо» и предлагали созвать экстренную встречу компартий всех европейских стран для обсуждения положения в Чехословакии^[749].

19 июля Политбюро ЦК КПСС дало советскому послу в Париже указание встретиться с Роше и фактически отвергнуть идею встречи европейских компартий: «Высказанные Вами в беседе с совпослом соображения по поводу созыва конференции европейских коммунистических партий в связи с развитием событий в Чехословакии не убедили нас в том, что созыв такой конференции является необходимым, и

не сняли опасений, что такая конференция на деле может привести не к улучшению, а к ухудшению обстановки.

Вы знаете, что братские партии пяти социалистических стран определили свою позицию в письме к ЦК КПЧ. Как нам стало известно, все они выразили свое несогласие с вашим предложением о созыве конференции европейских компартий. Позиция настаивания на созыве конференции была бы в данных условиях равнозначна противопоставлению компартий социалистических стран Европы компартиям ее несоциалистической части, что, как вы понимаете, может принести только вред нашему общему делу.

По нашему мнению, сейчас необходимо принять срочные меры для того, чтобы продемонстрировать единство взглядов всех коммунистических и рабочих партий в связи с активизацией антисоциалистических сил в Чехословакии и опасностями, которые из этого вытекают. Наиболее целесообразной формой такой демонстрации была бы, по нашему мнению, поддержка братскими партиями письма пяти социалистических стран в адрес ЦК КПЧ. Как мы уже говорили Вам в Москве, вес и авторитет вашей партии являются реальной силой, которая может способствовать исправлению положения дел в Чехословакии. Поэтому, с нашей точки зрения, было бы чрезвычайно важно, если бы ваша партия показала пример, поддержав обращение пяти социалистических стран.

К сожалению, та форма, в которой ваша партия выступила с предложением о созыве совещания европейских компартий, уже дала основание враждебной пропаганде заявлять, что ФКП фактически отмежевывается от позиции социалистических стран...

В заключение хотели бы выразить надежду, что, учитывая все вышеизложенное, Французская компартия не будет настаивать на созыве конференции европейских компартий. Если же будут приниматься конкретные меры в направлении подготовки такого совещания, то мы со своей стороны окажемся вынуждены публично заявить о негативном отношении КПСС к созыву совещания»^[750].

18 июля точку зрения политбюро ЦК КПСС относительно французского предложения довели до некоторых западноевропейских компартий (Бельгии, Дании, Кипра, Финляндии, Люксембурга).

Отдельно выразили недоумение лидеру итальянских коммунистов Лонго за его поддержку французской инициативы. То же самое позднее довели и до сведения румынской компартии, поддержавшей французскую инициативу.

Тем не менее румыны, как обычно, открыто и ясно поддержали

Чехословакию. Чаушеску выступил в городе Браила и сказал: «...наша партия и румынский народ выражают полную солидарность с братским чехословацким народом и его коммунистической партией»^[751].

Полностью «Точку зрения Президиума ЦК КПЧ» опубликовала ведущая кубинская газета «Гранма».

После принятия, а особенно после опубликования «варшавского письма» советско-чехословацкие отношения стали резко ухудшаться.

15 июля 1968 года заведующий 8-м отделом ЦК КПЧ (отвечал за вооруженные органы) генерал Прхлик, которого считали близким лично Дубчеку человеком, подверг резкой критике Варшавский договор: «Объединенное командование состоит только из маршалов, генералов и офицеров Советской армии. Остальные участники Договора... имеют лишь своих представителей, не располагающих практически никакими полномочиями и выступающих просто в роли неких офицеров связи».

А высший политический орган ОВД – Политический Консультативный Комитет (ПКК)^[752] – мол, вообще не играет никакой серьезной роли в принятии решений.

Бросается в глаза, что Прхлик фактически дословно повторил высказывание Чаушеску.

17 июля главнокомандующий Объединенными вооруженными силами ОВД маршал Якубовский направил Дубчеку письмо, предварительно одобренное Политбюро ЦК КПСС. В нем Прхлик критиковался за то, что «не имея никаких оснований и полномочий... осудил деятельность Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского Договора как органа, не исполняющего свои функции». К тому же Прхлик спутал Объединенное командование и Объединенный штаб ОВД (в последнем превалировали действительно советские офицеры, точно так же как в штабах НАТО доминировали американцы).

Наконец, Якубовский писал, что Прхлик разгласил журналистам «совершенно секретные сведения условий размещений Объединенных Вооруженных Сил на территории государств-участников Варшавского Договора, изложенных в статье 5 положения об Объединенном командовании Вооруженными силами».

«Таким образом, в выступлениях работников аппарата ЦК КПЧ, в частности, В. Прхлика, на пресс-конференции 15 июля с.г. в Праге допущены были факты разглашения совершенно секретных данных, изложенных в межгосударственных соглашениях. Обязан напомнить Вам о недопустимости подобных явлений, так как они направлены против

дружбы между участниками Варшавского договора и подрывают их военную организацию»^[753].

Якубовский просил Дубчека принять меры по недопущению подобных случаев в будущем.

В «Красной звезде» (официальный орган министерства обороны СССР) Прхлика охарактеризовали как человека, настолько «ослепленного либерализацией», что он готов разглашать секретные сведения.

В Москве, правда, никак не отреагировали публично на еще более потенциально опасное предложение Прхлика. Он сказал, что после XIV съезда партии будет создан новый орган высшего военного руководства – Государственный совет обороны. Прхлик не раз подчеркивал, что это будет именно государственный, а не партийный орган, причем подчиняющийся только правительству.

Чехословацкие газеты взяли Прхлика под защиту и набросились на Варшавский договор. Газета «Свободне слово» (орган социалистической партии) привела слова заместителя Прхлика полковника Бизека: на «Варшавский договор надо смотреть, прежде всего, как на продукт того времени, когда он возник»^[754]. То есть как на продукт эпохи «сталинизма» и «деформаций». Хотя здесь стоит заметить, что реальную жизнь в ОВД вдохнул лишь Хрущев. Именно при нем в Варшавском договоре появились постоянные военные и политические органы, стали проводиться военные учения и т. д. До этого ОВД, по оценкам ЦРУ, был «бумажной организацией». Но ведь Хрущева не считали «сталинистом» и «догматиком» даже пражские «реформаторы».

20 июля «дело Прхлика» стало предметом ноты правительству ЧССР от правительства СССР. В ней же отмечалась и недостаточная защита Чехословакией своих западных границ от наплыва туристов, среди которых есть шпионы и диверсанты, занимающиеся «подрывной работой не только против Чехословакии, но и других социалистических государств»: «... проникнув на территорию ЧССР, агентура империалистических разведок тем самым обеспечила себе доступ в район социалистических стран Европы, где, как известно, расположены крупные оборонительные силы государств Варшавского Договора».

В это же время недалеко от чехословацко-западногерманской границы органы госбезопасности ЧССР обнаружили тайный склад американских автоматов. Правда, по данным следственных органов ЧССР, смазка на них была советская. По крайней мере, так министр внутренних дел Павел сказал Дубчеку.

В советской ноте об этом говорилось следующим образом: «По сообщениям, полученным из Праги, на днях в районе известного курорта Карловы Вары, вблизи границы с ФРГ, органами безопасности обнаружен тайный склад оружия американского производства, которое предназначалось для судетских реваншистов и тех реакционных сил, которые пытаются в настоящее время столкнуть ЧССР с социалистического пути и ведут подрывную работу против стран социализма»^[755].

На самом деле этот склад оружия нашли 12 июля (после анонимного звонка в госбезопасность) недалеко от шоссе № 6 между населенными пунктами Митина и Арнольдов (район Соколов). Речь шла о 20 автоматах «томпсон», 24 магазинах с 840 патронами к ним, жестяной коробке с 735 патронами, 30 пистолетах «вальтер» и 11 магазинах к ним. Экспертиза показала, что автоматы были американского производства и их изготовила компания Autoordnance Corporation Bridgeport в штате США Коннектикут, предположительно в годы Второй мировой войны. Пистолеты были немецкого производства и тоже изготовлены после 1939 года. Из некоторых видов оружия, как установили криминалисты, ранее стреляли, но трудно было точно сказать когда. Маркировка автоматов говорила о том, что они принадлежат армии США. Оружие было законсервировано в масле не чехословацкого производства, причем максимум один год.

Есть сведения, что восточногерманская разведка пыталась на бланках НАТО и различных органов ФРГ сочинить некие «документы» о тайных переговорах лидеров Чехословакии по вопросу о получении большого западного кредита. В «документах» должны были фигурировать фамилии Дубчека, Кигеля, Смрковского и Шпачека. «Штази» якобы пыталась создать и фальшивые документы о жене министра внутренних дел ЧССР Павла, которая по заданию Израиля и сионистов намеревалась полностью подорвать дееспособность чехословацких органов госбезопасности^[756]. Смрковского хотели обвинить в том, что во время войны он как агент гестапо выдал немцам два состава нелегального руководства КПЧ. Все эти материалы «Штази» якобы передала КГБ.

После советской ноты и письма Якубовского генерала Прхлика не уволили – был просто ликвидирован 8-й отдел ЦК, которым он руководил. Теперь фактически курировал армию и органы безопасности лично Дубчек.

19 июля в советских газетах появилась информация о существующем тайном плане НАТО и США по вмешательству во внутренние дела Чехословакии. В ЧССР все это сочли фальшивкой КГБ, с помощью которой Москва хотела бы создать какие-либо доказательства угрозы Чехословакии

со стороны Запада.

Тем не менее эти публикации вынудили американцев публично выразить свою точку зрения на события в Чехословакии. 22 июля 1968 года в госдепартамент был вызван посол СССР в США Добрынин, и госсекретарь Раск заявил ему фактический протест по поводу публикаций в советских СМИ, в которых говорилось о подрывной деятельности НАТО, Пентагона и ЦРУ против Чехословакии. Раск заявил: «Правительство США стремится быть весьма сдержанным в своих комментариях в связи с событиями в Чехословакии. Мы определенно не хотим быть как-то замешаны или вовлечены в эти события».

На самом деле американцы отнюдь не оставались сторонними наблюдателями, ожидая дальнейшего обострения обстановки вокруг ЧССР после варшавской встречи.

20 июля 1968 года заместитель госсекретаря по политическим вопросам Ростоу вновь обратился к госсекретарю с меморандумом, требуя активного воздействия на СССР, чтобы удержать Москву от каких-либо действий против Чехословакии^[757]. Ростоу признавал: «конечно, Чехословакия находится в советской сфере влияния». И если она выйдет из-под контроля Москвы, будет нанесен сильнейший удар по позициям Советского Союза в мире, в том числе во Вьетнаме и на Ближнем Востоке. В меморандуме опять предлагалось создать специальную группу НАТО по выработке совместной линии блока относительно ЧССР на случай «непредвиденных обстоятельств». Это, по мнению Ростоу, помогло бы «оживить» и сам блок.

Ростоу (который имел также должность специального помощника президента) через офицера связи между Советом национальной безопасности (СНБ) и Комитетом начальников штабов (КНШ) вооруженных сил США полковника Лемнитцера обратился к высшему военному руководству США с прямым запросом: какие силы НАТО можно будет использовать для вторжения в Чехословакию? 23 июля он получил ответ: «Силы для возможной интервенции в Чехословакию могут включать одну бригаду США, две французские дивизии и две дивизии ФРГ»^[758]. Одну бригаду КНШ хотел выделить лишь потому, что в случае более серьезного американского участия потребовалось бы провести мобилизацию дополнительных сил НАТО, на что ушло бы шесть месяцев.

Таким образом, в США всерьез рассматривали возможность вторжения НАТО в Чехословакию ровно за месяц до ввода войск ОВД.

20 июля госдепартамент и ЦРУ через югославского посла в США

подбросили послу ЧССР в Вашингтоне Дуде дезинформацию, что на встрече в Варшаве было «определенно принято решение об интервенции»^[759]. США же будут сохранять по отношению к ЧССР «нейтральную» позицию, чтобы не дать Москве повода для военного вмешательства. Когда югославы спросили, не окажут ли США экономическую помощь Чехословакии, если против нее будут введены санкции со стороны СССР, американцы посоветовали обратиться к западноевропейским странам, которые «без сомнения, имеют большие возможности».

24 июля президент США Джонсон собрал все политическое и военное руководство США (госсекретаря, министра обороны, директора ЦРУ и т. д.). На этом совещании Ростоу выразил мнение, что русские не предпримут военных действий против Чехословакии.

Между тем 19 июля на очередном заседании Политбюро ЦК КПСС Брежнев заявил, что в отношениях с Чехословакией наступил новый этап. Время «работает не в нашу пользу, против нас. Сейчас в Праге ждут приезда Чаушеску и Тито, идет разговор о каком-то дунайском сговоре, дунайской встрече».

Брежнев особо отметил, что КПЧ получила поддержку в европейском коммунистическом движении, а итальянская и французская компартии призвали к проведению европейского совещания, где действия ЦК КПЧ могут одобрить. Помимо ФКП и ИКП на сторону ЧССР открыто встали компартии Австралии и Великобритании.

Отсюда следовал вывод: «Возник не только новый момент, но и новые требования к нашим действиям. Возникает один вопрос: все ли мы исчерпали из арсенала политического воздействия, все ли мы сделали до того, как принять крайние меры? Мы и на пленуме заявили о том, что примем все зависящие от нас меры политического воздействия. Если это не даст соответствующего эффекта, только тогда предпримем крайние меры»^[760].

Этим осторожным заявлением Брежнев дал понять, что на данном этапе он по-прежнему остается сторонником исключительно политического давления на ЦК КПЧ. С ним согласился Косыгин, который считал, что эффективной формой оказания политического воздействия может стать двусторонняя встреча.

Подобная позиция, однако, не нашла поддержки у большинства членов политбюро. Правда, объектом критики стал не Брежнев, а Косыгин. Члены политбюро и секретариата ЦК Андропов, Устинов, Мазуров, Капитонов

считали, что настало время для жестких мер. В конечном счете, политбюро пришло к компромиссному решению: встречу с чехословацкими лидерами рассматривать как последнюю политическую меру воздействия.

Андропов на заседании политбюро говорил Косыгину: «Я считаю, что в практическом плане эта встреча мало что дает, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе... Все идет против нас». Косыгин ответил Андропову следующим образом: «Я так хотел бы ответить т. Андропову, я на Вас не наступаю, наоборот, наступайте Вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»^[761].

Интересно, что точка зрения Косыгина почти буквально совпала с мнением Кадара, высказанным ранее в Варшаве.

Победило все-таки мнение Брежнева и Косыгина.

В то время как американцы исподволь пугали Прагу советской интервенцией, Брежнев позвонил 19 июля Дубчеку и предложил двустороннюю встречу руководства КПЧ и КПСС. Дубчек не мог с порога ее отвергнуть, так как только что в «Точке зрения Президиума ЦК КПЧ» предлагалось то же самое. В тот же день, 19-го, политбюро прислало предложение в письменном виде (видимо, памятуя тактику формальных проволок Дубчека в прошлом). Предлагалось встретиться всеми составами политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ 22 или 23 июля в Киеве или Львове, если там чехословакам будет удобнее^[762].

Но Дубчек, похоже, очень хотел, чтобы встреча не состоялась. Поэтому на Президиуме ЦК КПЧ было решено предъявить СССР условие, казавшееся заведомо невыполнимым, – КПЧ соглашалась на встречу лишь в случае приезда всего советского политбюро в Чехословакию. Можно себе представить, что сказали бы в Белом доме, если бы, например, президент Франции де Голль обусловил свое согласие на встречу с президентом США прибытием всего американского правительства в Париж.

Это условие Дубчек в мемуарах объяснял просто: «Мы не могли игнорировать возраставшие боевые антисоветские настроения в нашей стране и даже внутри коммунистической партии»^[763]. Но ведь именно о таких настроениях и писали в своем «варшавском письме» лидеры стран ОВД, а Президиум КПЧ в своей «Точке зрения» все это отрицал. К тому же

выходило, что лидер КПЧ, фактически первый человек в стране, был не волен принимать решения вопреки неким «настроениям». При этом неделей раньше он был готов приехать в Москву немедленно, даже ночью, как говорил Кадару.

В Москве все же попытались как-то спасти саму идею встречи и попросили Червоненко выйти на президента ЧССР Свободу, но он поддержал линию Дубчека. Свободу пригласили принять участие в переговорах, но тот поначалу уклонился от ясного ответа.

21 июля Дубчек предложил встретиться в Словакии в городе Кошице, но советское руководство не хотело, видимо, так далеко отъезжать от границы вглубь Чехословакии. Тем не менее в Москве опять пошли на уступки Праге.

В свою очередь, Политбюро ЦК КПСС предложило провести встречу в пограничном словацком городке Чиерна-над-Тиссой. Так как там не было надлежащих гостиниц и залов заседаний, то советская делегация жила и питалась в поезде, который каждый день приезжал утром в Чиерну и каждый вечер после завершения переговоров уезжал обратно в Советский Союз. Поезд состоял из салон-вагонов и спецвагонов повышенной комфортности. От основной магистрали его отделяли еще три состава с охраной и связью, стоявшие в тупиковых ответвлениях железнодорожной магистрали, как и сам состав.

24 июля из Москвы Дубчеку предложили, чтобы в переговорах приняли участие все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ и политбюро ЦК КПСС.

Дубчек попытался оттянуть момент встречи, утверждая, что он очень занят предстоящими визитами в ЧССР лидеров Югославии Тито и Румынии Чаушеску. Но на этот раз в Москве проявили жесткость, тем более что визиты и Тито, и Чаушеску можно было без проблем перенести на пару дней. Дубчек, правда, рассчитывал встретиться с этими известными диссидентами социалистического лагеря еще до поездки в Чиерну, чтобы там сослаться на поддержку Румынии и Югославии.

От КПСС политбюро утвердило в состав делегации своих членов Брежнев, Подгорного, Косыгина, Воронова^[764], Кириленко^[765], Мазурова^[766], Пельше, Полянского^[767], Суслова, Шелепина, Шелеста, кандидатов в члены политбюро Щербицкого, Демичева, Машерова, секретарей и ответственных работников ЦК Пономарева и Катушева.

Гомулку, Ульбрихта, Кадара и Живкова заранее пригласили в Москву на 30 июля для информации об итогах встречи с Президиумом ЦК КПЧ.

Когда чехословацкие СМИ узнали о предстоящей встрече в Чиерненад-Тиссой, в стране опять была развязана настоящая националистическая истерия. Дубчека закидали письмами «трудовые коллективы» и просто граждане, которые заклинали его не поступаться суверенитетом.

Одновременно различные общественные организации ЧССР – от Союза журналистов до Союза архитекторов и Союза театральных деятелей – стали публиковать открытые приглашения советским коллегам посетить ЧССР и убедиться воочию, что никакой контрреволюции там нет.

Хотя Дубчек убеждал Брежнева, что никак не может повлиять на СМИ, 25 июля правительство ЧССР одобрило положения о консультативных советах при директорах чехословацкого радио и телевидения. Предполагалось, что членов этих советов назначит правительство по предложению ЦК Национального фронта (т. е. Кригеля; половину кандидатур должен был выдвигать словацкий Национальный фронт) из числа «известных политических, научных, творческих и иных работников». Одновременно правительство своим решением освободило от должности директора Чехословацкого радио Милоша Марко и назначило вместо него «ультрареформатора» Гейзлара^[768].

Словак Милош Марко был до января 1967 года директором радио в Словакии и вновь занял этот пост в 1969-м. А пока его отправили в «дипломатическую ссылку» в ГДР. Марко убрали потому, что он колебался между Дубчеком и «здоровыми силами». Но к июлю Марко уже ничего на радио не решал. Радикальные радиокomentаторы, например вернувшийся из Югославии Игорь Кратохвил, напрямую работали с Шиком, Смрковским или Цисаржем.

Выходило, что влиять на радио и телевидение было вполне возможно. Только вот делалось это в прямо противоположном пожеланиям Москвы направлении.

Западные СМИ охотно ухватились за разразившийся в советско-чехословацких отношениях кризис и стали распространять разного рода слухи, подливая масла в огонь. Например, пресс-секретарь министерства обороны ЧССР подполковник Кудрны был вынужден опровергнуть сообщения британской газеты «Ивнинг Ньюс» о том, что Чехословакия хочет подрвать Варшавский договор. Газета при этом ссылалась на некий секретный военный план ЧСНА, полученный якобы от высокопоставленного источника в Праге^[769]. Согласно этому плану, ЧССР готовилась отразить военное вторжение войск других стран Варшавского договора.

В ЧССР развернулась массовая кампания сбора пожертвований в Фонд республики. Граждан и предприятия призывали жертвовать деньги и золото. Складывалось впечатление, что Чехословакия находится на грани войны, а не перед встречей с руководством «братской» и «союзной» страны, как продолжали величать СССР чехословацкие СМИ.

Член ЦИК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) Рибичич в журнале СКЮ «Коммунист» призвал к солидарности с борьбой чехословацкого народа за независимость и выразил уверенность, что наступление сталинистов на ЧССР потерпит такой же крах, как и наступление Сталина на Югославию в 1948 году^[770].

Поддержали Прагу и коммунистические партии Японии и Израиля.

Шик в статье в «Руде Право» выразил сомнение, что советские руководители вообще способны понять то, что происходит в Чехословакии. «Но я бы посоветовал нашим друзьям понять хотя бы самое основное – старое чехословацкое политическое руководство до такой степени себя дискредитировало, что стало для подавляющего большинства нашего народа неприемлемым»^[771]. И это писалось в адрес Брежнева, который в декабре 1967 года отказался поддержать Новотного в его попытках сохранить власть, чего Шик не мог не знать.

В полемику с КПСС включились и чехословацкие военные журналисты, публично осудившие статью в «Красной звезде», направленную против генерала Прхлика.

Перед отъездом в Чиерну Дубчек выступил по государственному телевидению, где ему торжественно передали несколько петиций в поддержку твердой линии ЦК КПЧ перед переговорами в Чиерне-над-Тиссой.

Лидер КПЧ, в частности, заявил: «В последние дни я получил сотни и сотни писем и открыток, резолюций и различных заявлений. Я их внимательно читал, хотя все нельзя прочесть, и представлял себе живые лица всех этих людей. Я размышлял об опасениях и надеждах, которые они вкладывали в эти письма, заявления и резолюции. Я с благодарностью сознавал, что все поддерживают одобренную руководством партии точку зрения относительно нынешней ситуации, относительно письма пяти коммунистических партий...». Дубчек признал, что в стране все же есть проявления антисоциалистических тенденций и «некоторых антисоветских настроений», но они не определяют настроения в обществе. Первый секретарь ЦК продолжал: «Уважаемые друзья! Ваше доверие дало нам мандат, что мы представляем интересы рабочих, крестьян и интеллигенции,

которые знают, чего хотят... И даже если объектив телекамеры, в который я смотрю, кажется мертвым... все равно за этим объективом я вижу большое количество наших людей, тех, кто по-настоящему в эти дни был вместе с нами»^[772].

ЦРУ в своем секретном анализе от 29 июля сообщало: «Массовый всплеск поддержки граждан ободрил лидера партии Дубчека, и он сказал вчера по радио и телевидению, что руководство будет держаться крепко во время встречи с Советами. Группа других лидеров напрямую затронула вопрос о разногласиях в чехословацком президиуме и опровергла факт, что таковые существуют. Однако слухи на сей счет держатся». ЦРУ расценило как «провокацию по отношению к Советам» то, что текст высказываний генерала Прхлика против Варшавского договора вдруг снова повторило государственное информационное агентство ЧТК^[773].

«Ультрареформаторы» в руководстве КПЧ избрали еще более «прогрессивный» метод общения с народом, чем Дубчек. С пражанами, которые у Детского дома подписывали петицию в поддержку Президиума ЦК КПЧ, «спонтанно» встретился Смирковский. Он заявил, что делегация КПЧ едет в Чиерну с двумя мандатами народа: «Мы должны защитить политику, которую начали, и при этом должны ясно дать понять, что в Чехословацкой социалистической республике, в стране чехов и словаков, ее политику и будущее станут определять только чехи и словаки...»^[774]. Второй частью мандата народа, по словам Смирковского, была обязанность не допустить ухудшения отношений с СССР.

Надо признать, что Смирковский был настроен в отношении предстоявших переговоров достаточно реалистично: «О многих вещах мы можем договориться, некоторые вопросы оставим открытыми и будем о них и дальше вести переговоры».

Не желая отставать от Смирковского, «искупаться в толпе» пришел и Кригель.

С другой стороны, московская «Правда» напечатала 30 июля 1968 года письмо 99 рабочих завода «Авто-Прага» (расположенного в пражском районе Высочаны), адресованное «советским друзьям». В день начала переговоров в Чиерне 29 июля письмо зачитали по московскому радио. Рабочие критиковали выпады в печати против союзных войск в связи с маневрами «Шумава». Авторы письма считали: «...достойному и честному гражданину нашей родины... не может мешать... присутствие ваших войск и войск Варшавского договора. Как раз наоборот, он бы чувствовал себя в большей безопасности». «Мы не хотим, – говорилось в письме, – чтобы у

нас вернулись времена, когда нарушалась законность, мы все за процесс возрождения как в стране, так и в партии. Но мы категорически против того, чтобы на радио, в печати и на телевидении создавалась атмосфера ненависти к СССР и другим социалистическим странам и партиям. Верьте нам, что это не мы развязали кампанию против военных учений, за ускоренный вывод ваших войск и войск союзников из нашей страны. Верьте, что нам стыдно от всей души за тех людей, которые лицемерно с одной стороны выдают себя за друзей СССР и его народа, а с другой травят и требуют немедленного вывода войск»^[775].

99 рабочих-подписантов подвергли настоящей травле в СМИ как «предателей», руководство завода даже не рекомендовало некоторым из них появляться на работе. В газетах писали, что мнение 99 человек не отражает точки зрения всего коллектива завода. Между тем, еще 19 июля 1968 года в письме профсоюзного и партийного комитетов «Авто-Праги» говорилось: «Мы, на нашем заводе, не согласны со многими явлениями, которые имеют целью нарушить демократический процесс в нашей стране и дружеские отношения с советским народом и народами всех социалистических стран»^[776].

Характерно, что тех, кто подписал на том же заводе петицию в поддержку «2000 слов», никто как предателей не осуждал.

В Москве были возмущены травлей рабочих с «Авто-Праги», потому что, прежде чем опубликовать их письмо в «Правде», Червоненко показал его Дубчеку, и тот сказал, что письмо прекрасное, и его надо сделать достоянием общественности. Теперь же Дубчек не произнес ни слова в поддержку рабочих, а его коллега по партийному руководству Цисарж активно их травил.

31 июля 1968 года газета «Лидова демокрацие» (орган входящей в Национальный фронт Народной партии) писала: «Из этого (из письма, опубликованного в «Правде»), таким образом, вытекает, что работники крупного пражского завода не заботятся о суверенитете своей родины, наоборот, они приветствовали бы приход войск в нашу страну...». Газета «Свободне слово» (тоже орган партии Национального фронта – социалистической) назвала письмо «ударом в спину нашему президиуму, ведущему переговоры в Чиерне-над-Тиссой с советским политбюро...»^[777].

Даже «Руде Право», орган ЦК КПЧ, поспешила сообщить, что на заводе работают более 4500 человек, и точка зрения 99 подписантов не отражает мнения трудового коллектива. И вообще, завод практически находится в отпуске, а те, кто на нем остались, якобы узнали о письме

своих коллег из газет. При этом «99 рабочих» писали то же самое, о чем говорили Дубчек, Кригель, Смрковский как о «мандате народа», – они были против ухудшения отношений с СССР.

В Москве попросили на время переговоров в Чиерне не допускать в городе каких-либо демонстраций и обеспечить отсутствие там журналистов, особенно западных. Просьба была отнюдь не случайной. 29 июля ЦРУ сообщило, что в Чиерне 28 июля был замечен и выдворен оттуда корреспондент журнала «Ньюсуик»^[778].

Как только советская делегация прибыла в Чиерну, выяснилось, что в нарушение принятых на себя обязательств принимающая чехословацкая сторона пригласила в городок массу западных корреспондентов (из ФРГ, Австрии, США, Франции).

Встреча в Чиерне была позднее названа Дубчеком в его мемуарах «переговорами с динозаврами».

Но эти самые «динозавры» всеми силами пытались оттянуть военное решение чехословацкого кризиса. В информации для местных партийных организаций КПСС о переговорах в Чиерне Политбюро ЦК КПСС так описывало цели советской делегации:

«...еще раз обратить внимание руководства КПЧ на чрезвычайную серьезность ситуации, сложившейся в ЧССР, и на необходимость безотлагательного осуществления действенных мер против контрреволюционных элементов;

– оказать воздействие в нужном направлении на тех членов руководства КПЧ, которые занимают примиренческую позицию по отношению к правым, антисоциалистическим силам;

– поддержать в руководстве КПЧ товарищей, выступающих с принципиальных марксистско-ленинских позиций, активизировать их борьбу за нормализацию положения в партии и стране;

– еще раз использовать влияние КПСС для того, чтобы не допустить отхода КПЧ и ее руководства от общих интернационалистских позиций братских партий социалистических государств, укрепить традиционные дружественные связи ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами»^[779].

О том, какую важность в Москве придавали этой встрече, свидетельствует факт, что в первый и последний раз в истории СССР почти все советское политбюро выехало за рубеж.

Начинались переговоры сложно и быстро зашли в тупик. Обе стороны повторили свои известные взгляды. Хотя члены чехословацкой делегации

Биляк, Швестка и Риго сказали, что не во всем согласны с линией Президиума ЦК КПЧ, на большинство в данном президиуме это никакого впечатления не произвело.

Во время переговоров наиболее напористо повел себя Шелест. Он поднял вопрос о статусе и положении украинского национального меньшинства в Словакии. Занявшись выяснением, кто в чехословацком руководстве «правый», Шелест оскорбил Кригеля, назвав его «галицийским евреем». Дубчек, правда, пишет, что Кригеля оскорбил как раз Косыгин. В любом случае, этот выпад до предела обострил обстановку. Косыгин был вынужден отправиться к поезду чехословацкой делегации и принести извинения за Шелеста, «зашедшего слишком далеко».

Грубость Шелеста объяснялась тем, что он был возмущен раздававшимися в ЧССР со страниц СМИ требованиями возврата Чехословакии Закарпатской Украины. К тому же на Украину стали поступать отпечатанные в Чехословакии экземпляры манифеста «2000 слов».

В отличие от главы чехословацкой делегации Дубчека, Биляк нарисовал картину опасного кризиса, активности антисоциалистических сил, поддерживаемых американским империализмом, подчеркивал необходимость принятия партией решительных контрмер. Член советской делегации Пономарев в кулуарах назвал его мужественным коммунистом, а его выступление – исключительно смелым.

«Знаете, Дубчек слабохарактерный, им крутят и мутят воду другие», – говорил советским журналистам Шелепин^[780].

В то же время Дубчек, верный своей прежней тактике «больше слов – меньше дела», представил советской стороне доклад о методах контроля над СМИ. А министр внутренних дел Павел в первый день переговоров в Чиерне распространил среди редакторов и издателей средств массовой информации список не подлежащих оглашению секретных сведений^[781].

Когда Дубчек сослался на потоки писем и телеграмм в поддержку курса КПЧ, Брежнев пренебрежительно заметил, что и сам может организовать «тонны» подобных посланий.

Но советский лидер был искренне настроен на то, чтобы все-таки избежать военного решения чехословацкого вопроса, на чем еще в Варшаве настаивали Ульбрихт, Гомулка и Живков. Для того чтобы сдвинуть саммит с мертвой точки, были проведены переговоры и Дубчека с Брежневым один на один, и встречи «руководящих четверок»: с советской стороны Брежнев, Подгорный, Косыгин и Сулов, с чехословацкой – Дубчек, Свобода, Черник

и Смирковский.

На третий день переговоров Дубчеку сообщили, что Брежнев заболел и остался в своем вагоне. Из этого Дубчек заключил, что Брежнев уже не хочет связывать свое имя с провальной встречей. Он отправился к Брежневу, которого застал в пижаме. Советский лидер жаловался на усталость и головные боли.

В конце концов, именно на переговорах Дубчека с Брежневым и был достигнут прорыв. Обе стороны условились:

- КПЧ восстановит контроль над СМИ в ближайшее время;
- взаимная полемика в СМИ немедленно прекратится (этот пункт был включен по просьбе Дубчека);
- органы госбезопасности ЧССР будут выведены из состава МВД, и новый орган госбезопасности возглавит заместитель министра внутренних дел Вильям Шалгович^[782], которому в Москве доверяли;
- будут распущены все незаконные политические клубы и партии;
- будут отстранены от должностей Кригель, Цисарж и директор телевидения Пеликан.

Последнее обязательство Дубчек дал на личных переговорах с Брежневым и скрыл его от самих Кригеля и Цисаржа.

Что касается разделения органов МВД и госбезопасности, то Смирковский (как глава парламента) заверил, что обеспечит принятие соответствующего закона в течение пяти дней. Позднее он говорил, что все обязательства чехословацкая сторона обещала выполнить к концу августа на созванном для этого пленуме ЦК КПЧ.

В отношении политической оппозиции Кригель сказал в Чиерне, что правительство не допустит ее существования, даже если для этого придется прибегнуть к помощи Народной милиции^[783]. Советской стороне показали полученное Президиумом ЦК КПЧ письмо учредительного комитета социал-демократической партии, в котором говорилось, что комитет приостанавливает свою работу.

Ничего невыполнимого в этих условиях не было, но Дубчек обещал взять СМИ под контроль и ранее. Однако на этот раз он обязался выполнить сугубо конкретные вещи: отстранить конкретных людей и разделить МВД и госбезопасность.

Естественно, выполнение этих договоренностей лишило бы Дубчека ореола лидера «пражской весны», и он уже в который раз ничего выполнять не собирался. Тем более что Цисарж и Кригель были любимчиками СМИ и интеллигенции, и Цисарж видел себя на посту главы Чехии после

завершения федерализации страны. Связываться с ними для Дубчека было делом опасным – так и его самого могли зачислить в «консерваторы». Поэтому по-прежнему главным для Дубчека было оттянуть время до чрезвычайного съезда КПЧ, чтобы там окончательно избавиться от «консервативных» оппонентов в ЦК и его президиуме.

Проблема была еще и в том, что все обещания Дубчек взял на себя либо на переговорах один на один с Брежневым, либо в рамках встреч «четверок». Большинство Президиума ЦК КПЧ, прежде всего оппоненты Дубчека (Биляк, Кольдер и Индра), ничего об этих обещаниях не знало. Что касается обещания отстранить Цисаржа, Кригеля и Пеликана, то Дубчек и спустя годы от этого отрекся.

Косыгин, со своей стороны, в Чиерне согласился предоставить Чехословакии крупный заем, хотя и не в валюте, а зерном. Было условлено, что уже 1 августа (в день окончания переговоров) министерства внешней торговли СССР и ЧССР начнут переговоры о заключении советско-чехословацкого торгового соглашения на 1969 год.

Брежнев предложил созвать новую встречу лидеров стран ОВД, но уже с участием Чехословакии, для того чтобы торжественно продемонстрировать всему миру восстановленное единство и похоронить июльские разногласия.

Дубчек сразу же стал юлить. Он не хотел фиксировать конкретные договоренности перед лицом всех участников Варшавского договора. Опять появилось требование пригласить на встречу румын и югославов. Потом Дубчек просил провести встречу после визитов Тито и Чаушеску в ЧССР.

Но эту, отнюдь не новую, тактику проволочек без труда разгадала советская делегация. Политбюро сообщало партийным организациям КПСС 8 августа: «Чехословацкие товарищи попытались оттянуть предложенное совещание, ссылаясь на предстоящие визиты президента СФРЮ И. Тито и румынской делегации во главе с Н. Чаушеску, выдвигали контрпредложение: пригласить на это Совещание представителей РКП (Румынской компартии – *Прим. автора.*) и СКЮ (Союз коммунистов Югославии, правящая партия СФРЮ), видимо, с расчетом, что эти партии, выступившие против Варшавского письма, поддержат ошибочную позицию руководства КПЧ. После довольно острого обмена мнениями делегация КПЧ отложила визиты гг. Тито и Чаушеску и согласилась на немедленное проведение совещания в Братиславе»^[784].

Дубчек утверждал, что он лично с Брежневым (когда тот болел в своем вагоне) согласовал принципиальный момент – в будущем совместном

заявлении не должно быть пассажей из «варшавского письма». Дубчек очень хотел, чтобы чехословацкие СМИ видели его победителем «при Чиерне». Ведь если переговоры со странами Варшавского договора завершились бы фактическим дезавуированием «варшавского письма», то это и можно было бы подать СМИ как победу «реформаторского руководства» КПЧ. Брежнев против этого не возражал – ему было важнее не внимание СМИ, а стремление избежать-таки военного решения проблемы.

Относительно места встречи стран Варшавского договора Дубчек опять выдвинул ультимативное требование: чтобы она прошла именно в Чехословакии. Он по-прежнему во что бы то ни стало хотел выглядеть в глазах СМИ победителем. А так как раскрывать перед прессой суть договоренностей (особенно кадровых) он не хотел, то оставалось привлекать внимание к внешним, формальным факторам, типа места встречи стран ОВД.

На самом деле встреча оставила у обеих сторон глубоко негативное впечатление.

Присутствовавший на переговорах в Чиерне В. А. Александров считал, что постоянными «источниками нагнетания недоверия» в ходе откровенной дискуссии были два чехословацких руководителя: председатель Национального собрания Смарковский и глава Национального фронта Кригель. «...Первый – в силу своих амбиций, претензий на роль главного трибуна, второй – в силу умопомрачительного политического инфантилизма. Стоило Дубчеку или Чернику сказать какую-нибудь доброжелательную в отношении СССР фразу, как тот и другой спешили в своем кругу опровергнуть сказанное: дескать, не надо верить, на самом деле „Саша“ думал иначе. В иных случаях такая разноголосица ничего бы не значила, но речь шла об отношениях, которые назывались „братскими“, а здесь уже доверие или его отсутствие приобретали определяющее значение»^[785].

Кригель же по возвращении из Чиерны-над-Тиссой сказал: «После Чиерны я не могу спать. Я обнаружил невероятно низкий уровень этих людей, не прочитавших в жизни ни единой книги Маркса или Ленина. Когда я думаю, что судьба мира зависит от них, я не могу спать»^[786].

Но Брежнев, вопреки пожеланиям большинства членов политбюро, все же хотел дать Дубчеку последний шанс и согласился на встречу в Братиславе.

Характерно, что когда делегация КПЧ вернулась из Чиерны в Прагу,

Дубчек, обычно никогда не уходивший от встреч с журналистами, был немногословен. Широко улыбаясь, он ответил на вопрос, чем конкретно закончились переговоры: «Как видите, мы (он шел вместе с Черником – *Прим. автора.*) вернулись в отличном настроении. И значит, на то есть причина»^[787]. Черник был более разговорчив и сказал, что встреча удовлетворила обе стороны. Он выразил уверенность, что взаимная критика в прессе прекратится: «Мы ожидаем этого с их стороны, и мы тоже должны за это бороться. И с нашей стороны надо сделать все для того, чтобы мы двинулись навстречу друг другу».

Официально познакомил граждан с итогами переговоров в Чехии президент Свобода, который был даже не в курсе того, о чем Дубчек договорился с Брежневым один на один. В выступлении по радио президент, в частности, сказал: «Мы говорили откровенно и искренне, как и они. Мы заявили, что решили твердо и последовательно проводить нашу политику... и не допустить отхода от нее. Мы встретились с полным пониманием ведущих представителей Советского Союза, которые заверили нас в своей поддержке при реализации нашей социалистической программы, выраженной в Программе действий нашей партии... Мы согласились, что основное внимание нужно уделять дальнейшему позитивному развитию отношений между социалистическими странами...

Дорогие сограждане! Результаты наших переговоров с руководителями Советского Союза и его коммунистической партии дают необходимое спокойствие, столь нужное для реализации нашей социалистической программы... передаю вам искренний товарищеский и дружеский привет от товарища Брежнева, Подгорного и Косыгина и других членов политбюро ЦК КПСС, которые участвовали в наших переговорах. Они снова подчеркнули свою искреннюю заинтересованность в развитии отношений между нашими двумя государствами».

Смрковский, как всегда, был «ближе к народу», и он выступил вечером 1 августа с речью, стоя на балконе одного из домов на главной площади Праги – Староместской. Среди собравшихся на площади было особенно много молодежи. Смрковский заверил, что «полностью удалось» исполнить мандат народа – отстаивать политику реформ и при этом не поссориться с Советским Союзом. «Это наше дело, какой социализм будет у нас реализован». Для слушателей у Смрковского было «радостное известие», что взаимная полемика в печати между ЧССР и СССР прекращается: «... вместо взаимных обвинений мы совместно будем думать над развитием сотрудничества в экономике и других областях. Об этом, и ни в коем случае

не о Чехословакии, будет идти речь в Братиславе»^[788].

Заметим: одновременно Смирковский сказал, что скоро в Прагу приедут Тито и Чаушеску для того, чтобы поддержать Чехословакию.

Таким образом, из комментариев Свободы, Смирковского, Черника и Дубчека складывалось впечатление, что Политбюро ЦК КПСС полностью одобрило политику чехословацкого руководства и тем самым отказалось от собственного «варшавского письма». Конечно, это было полной неправдой и к тому же сильно обидело советскую сторону. Дубчек и его коллеги рисовались в чехословацких СМИ как триумфаторы, а советская сторона – как побежденные.

Формально по итогам встречи в Чиерне было опубликовано лишь краткое коммюнике о том, что состоится совещание компартий стран ОВД в Братиславе, куда участники чиернской встречи и прибыли 3 августа.

Руководители КПЧ публично подчеркивали, что Братиславское совещание не имеет ничего общего ни с «варшавским письмом», ни с положением в Чехословакии вообще. Это, мол, обычная встреча глав социалистических стран для обсуждения актуальных вопросов сотрудничества между ними.

2 августа в 13:00 Дубчек выступил по радио и еще раз рассказал о полной победе чехословацкой делегации в Чиерне: «Мы вам обещали, что будем твердо стоять на позициях послеянварской политики, ставящей перед нами задачу строительства социалистического общества, которое будет иметь действительно человеческое лицо, будет глубоко демократичным, социально справедливым и современным, где ценности социализма будут тесно связаны с ценностями национальными, и где наши граждане по своему собственному разумению будут суверенно решать свою судьбу. Одновременно мы обещали, что... как и прежде, останемся верны своим друзьям и не откажемся от принципов пролетарского интернационализма...

Скажу открыто, что мы с большой признательностью и высокой оценкой приняли тот факт, что можем так быстро встретиться с представителями КПСС. Несколько дней вашего ожидания были для нас днями интенсивной работы. Очень открыто мы обменялись мнениями с советскими друзьями по очень широкому кругу проблем наших отношений...

Скажу искренне – вы можете быть полностью довольны результатами и духом переговоров. Мы выполнили все обещания, которые вам дали... Надо отметить и добрую волю советских товарищей в понимании наших проблем, уважении их специфики, равно как и неотъемлемое право нашей партии решать свои дела. Советские друзья во время переговоров

убедились, что мы совместно защищаем социалистические принципы и хотим своим вкладом укрепить социалистическое движение. Нашим международным долгом является и в дальнейшем на практике доказывать, что мы никогда не сойдем с пути социализма, потому что его поддерживает решающее большинство нашего народа, коммунисты и некоммунисты, весь Национальный фронт...

Должен сказать, что переговоры были успешными, что мы опять будем продолжать наше сотрудничество на принципах, на которых должны быть построены отношения между братскими социалистическими странами, на реальном интернационализме, который включает в себя единство и сотрудничество, равно как и уважение государственного суверенитета и того принципа, что каждая коммунистическая партия реализует свою социалистическую политику в своей стране на благо своего народа, перед которым – как мы уже много раз подчеркивали – она несет полную ответственность.

Интернационализм не оказался на наших переговорах только декларацией. Обе наши партии выразили желание сделать дальнейшие практические шаги по углублению взаимного сотрудничества в рамках СЭВ и в рамках Варшавского договора... В этой связи хочу подчеркнуть, что наша армия является не только прочной частью обороны нашего социалистического содружества, но и достаточной гарантией наших государственных границ и тем самым и границ всего социализма.

Меня уже спрашивали на аэродроме, находится ли наш суверенитет под угрозой. Открыто говорю, что нет... Нам нужны дружба и хорошие отношения с СССР как раз в интересах суверенитета и развития нашего демократического процесса. Однако надо подчеркнуть: необходимо, чтобы наш народ сохранял рассудительность и государственную мудрость, чтобы различные спонтанные акции и собрания не были использованы для антисоциалистических и антисоветских выступлений»^[789].

Интересно, что после Чиерны поменялось освещение чехословацких событий в мире. Теперь «Руде Право» цитировала благоприятные отклики газет из стран Варшавского договора и критиковала «домыслы» и «вымыслы» западной печати. Если газеты соцстран характеризовали Чиерну как окончание взаимной полемики и шаг вперед, то западная печать писала о временном неустойчивом перемирии.

К последней точке зрения явно тяготели и СМИ Югославии. Например, белградская «Борба» рассуждала об «определенном компромиссе», который позволит КПЧ выполнять свою Программу действий.

Итальянская «Мессаджеро» считала, что в Чиерне ничего не решено.

ЦРУ сообщало в своем очередном докладе о положении в Чехословакии, что Дубчек явно был после Чиерны неприятно потрясен антикоммунистическими и антисоветскими демонстрациями в Праге, вызванными «неинформативностью» коммюнике о встрече в Чиерне^[790].

Американская разведка со ссылкой на неких «чехословацких официальных лиц» подозревала, что в Чиерне была достигнута договоренность о размещении в Чехословакии (на ее западной границе) ограниченного контингента советских войск (несколько тысяч человек). 29-31 июля военный атташе посольства США заметил в Центральной Чехии более 7 тысяч советских военнослужащих с боевым вооружением, включая оперативно-тактические ракеты (Scud по натовской классификации). ЦРУ считало, что эти войска принадлежат советской мотострелковой дивизии из состава 38-й армии, которая участвовала в учениях «Шумава». Войска двигались на восток и явно покидали Чехословакию.

Что касается братиславской встречи, то ЦРУ считало, что «чехи» постараются сделать ее как можно более короткой и сконцентрироваться на тех моментах, которые объединяют социалистические страны (экономика, европейская безопасность).

Первыми в Братиславу прилетели поляки. Делегация Политбюро ЦК КПСС прибыла в Братиславу из Чиерны спецпоездом 2 августа в 16:00. На вокзале в присутствии Свободы и Дубчека была устроена восторженная встреча. Люди скандировали «Да здравствует товарищ Брежнев!», «Брежнев – Свобода!» (имелся в виду президент ЧССР), «Да здравствует Советский Союз!». Но следили за тем, чтобы здравицы в честь Дубчека можно было слышать не реже, чем в адрес Брежнева. Пионеры вручили советской делегации цветы^[791].

Однако власти ЧССР все же решили как-то скомпенсировать приезд «варшавской пятерки»: в тот же день с нарочитой помпой в Праге приветствовали довольно незначительную по уровню делегацию бухарестского горкома румынской компартии.

Советская сторона предложила в Братиславе проект совместной декларации, который и начали обсуждать. Больше всего изменений и дополнений было, естественно, со стороны ЧССР. Советскую сторону наиболее активно поддерживали Ульбрихт и Гомулка, а Кадар не скрывал облегчения, что удалось избежать военного решения вопроса.

В советском проекте содержался крайне неприятный для «реформаторов» и Дубчека пассаж о том, что коммунистические партии

социалистических стран должны «идти вперед по пути социализма к коммунизму... строго и последовательно руководствуясь общими закономерностями строительства социалистического общества». По просьбе делегации ЧССР в Братиславской декларации появилось дополнительное положение: «...при этом каждая братская партия, творчески решая вопросы дальнейшего социалистического развития, учитывает национальные особенности и условия». Дубчек считал этот пункт своей принципиальной победой, которую также можно было с гордостью предъявить чехословацким СМИ.

При этом в Братиславской декларации подчеркивалось, что «поддержка, укрепление и защита завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

В день принятия Братиславской декларации на столицу Словакии обрушился сильный ливень, который был интерпретирован чехословацкими СМИ как символ очищения от ошибок прошлого. В этот же день в 22:00 советская делегация отправилась на родину.

Все участники совещания уехали из Братиславы внешне довольными. Дубчека приветствовали как героя, отстоявшего свой престиж «реформатора» и суверенитет всей страны. Но на самом деле герой «пражской весны» попал в дикий переплет. Он боялся, что советская сторона разгласит суть кадровых договоренностей, и тогда либеральные СМИ, которые боготворили Цисаржа и Кригеля, начнут кампанию уже против «предателя» Дубчека. То же самое ожидало бы Дубчека, если бы он действительно собирался отстранить Цисаржа, Кригеля и Пеликана. Но лишаться ореола реформатора он не хотел ни в коем случае, и поэтому решил тянуть время опять – до созыва чрезвычайного съезда.

ЦРУ так оценивало итоги встречи в Братиславе: «Дубчек купил возможность продолжать внутренние реформы за счет отказа от мыслей о независимой экономической, оборонной и внешней политике»^[792]. Американская разведка не прошла мимо пассажа в Братиславской декларации о совместной защите завоеваний социализма, расценив его как предлог для возможной интервенции. ЦРУ полагало, что полностью итогами совещания в Братиславе не удовлетворен никто из его участников.

Во время Чиерны и братиславских переговоров в Праге возник новый центр давления на власть – некий «Гайд-парк». В центре города возникали несанкционированные и непрерывные митинги, на которых выступали различные ораторы, в основном молодые. Интересно, что было очень много иностранцев из западных стран, которые представлялись как

«студенты». Например, один бородатый канадский «студент» требовал от собравшихся быть готовыми в любой момент «умереть за свободу»^[793].

Постоянно возникали перепалки между сторонниками и противниками «демократизации», которые часто внешне выглядели как конфликт поколений. Например, одна женщина яростно спрашивала у молодых лидеров «Гайд-парка», что они сами сделали в этой жизни для того, чтобы иметь право поучать других. Какой-то пожилой человек вообще предложил отправить всю эту «шпану» в концлагерь. «Демократы» тоже по части приклеивания ярлыков в долгу не оставались. Когда их попросили огласить требования противников безбрежного либерализма, то их облекли в форму листовки и озаглавили так – «Вот чего хотят консерваторы!».

Мэрию Праги завалили просьбами и требованиями прекратить самовольные митинги, которые мешали прохожим и транспорту. Мэрия обратилась к МВД, которое развело руками и сослалось на недостаток полицейских для постовой службы. Поэтому никем не санкционированный «Гайд-парк» продолжал процветать, тем более что на нем регулярно звучали здравницы Дубчеку и другим «реформаторам». И на этот «Гайд-парк» как глас народа теперь ссылались Цисарж и Кригель, и не подозревавшие, что Дубчек обещал Брежневу их уволить.

Дилемму Дубчека прекрасно понимали в Вашингтоне. Посольство США в Праге в своей депеше в госдепартамент от 4 августа^[794] приходило к выводу, что Дубчеку будет сложно выполнить взятые на себя обязательства, так как это нанесет удар по его популярности в стране. Посольство порекомендовало госдепартаменту публично выразить удовлетворение результатами встречи в Чиерне, так как они привели к разрешению политического кризиса вокруг Чехословакии.

ЦРУ отмечало, что Президиум ЦК КПЧ как-то более одобрительно отозвался в своем коммюнике о братиславских переговорах, чем о встрече в Чиерне.

О том, как Дубчек относился к только что принятым на себя в Чиерне обязательствам, свидетельствует характерный эпизод уже времен братиславской встречи. Он увидел у своих сотрудников свежий номер журнала «Репортер», с антисоветской карикатурой прямо на обложке. Карикатура представляла собой репродукцию старой русской литографии периода Первой мировой войны, на которой были изображены казак и провожавшая его женщина в национальной русской одежде. Подпись к рисунку гласила: «Не горюй, Дуняша, о долгом расставании. Я еду на маневры». Дубчек немедленно попросил убрать журнал, чтобы его

ненароком не заметил Брежнев^[795].

Надо сказать, что и в Москве выражали сомнение в том, что Дубчек выполнит свои обязательства, хотя Брежнев на это надеялся. Он и так еле убедил Гомулку и Ульбрихта приехать в Братиславу – лидеры Польши и ГДР с самого начала были убеждены, что Дубчек опять будет тянуть время и отделяться пустопорожними обещаниями. Такой же точки зрения придерживалось и большинство советского политбюро. Брежнев понимал, что если обещания, данные в Чиерне, не будут реализованы, то он уже никак не сможет избежать военного варианта решения чехословацкой проблемы.

В информации для партийных организаций КПСС по итогам встреч в Чиерне и Братиславе 8 августа 1968 года трезво констатировалось:

«Отмечая положительные результаты переговоров в Чиерне-над-Тиссой и Совещания в Братиславе, Политбюро ЦК КПСС вместе с тем считает необходимым со всей откровенностью сказать, что преодоление опасных тенденций и упрочение позиций социализма в Чехословакии, укрепление сотрудничества ЧССР с Советским Союзом и другими братскими странами зависит главным образом от того, будет ли чехословацкое руководство действовать в соответствии с достигнутой договоренностью в Чиерне-над-Тиссой и Заявлением, принятым в Братиславе.

Как позиция Президиума ЦК КПЧ, так и наблюдения за развитием событий после встреч в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе не дают пока достаточной уверенности в том, что положения, зафиксированные в совместном Заявлении шести братских партий, и заверения, сделанные Президиумом ЦК КПЧ на двусторонней встрече, будут выполнены на деле»^[796].

Тем не менее после Братиславы все члены Политбюро ЦК КПСС уехали в запланированные отпуска.

Конечно, ничего в ЧССР не изменилось. Газеты продолжали каждый день поливать грязью СССР, шла полным ходом публичная травля 99 рабочих с «Авто-Праги». Но самое главное – никаких кадровых перемещений не происходило.

Дубчек и другие реформаторы чувствовали себя героями. Торжественно вернувшись из Братиславы в Прагу, Дубчек заявил по телевидению, что никаких тайных договоренностей в Чиерне достигнуто не было. Первый секретарь ЦК КПЧ, в частности, сказал: «Вчерашние переговоры в Братиславе были также успешными и оправдали наши

ожидания... Мы возвращаемся с убеждением, что должны последовательно продолжать начатый в январе путь... Открыто заявляю, что для народов этой республики нет иного пути... Переговоры в Чиерне и Братиславе открыли для нашего социалистического процесса возрождения необходимый простор...»^[797].

Уже после этого был ясно, что увольнять Кригеля, Цисаржа и Пеликана никто не собирается. Американцы явно подыгрывали защитнику национального суверенитета Дубчеку. Он с удовлетворением отметил комментарий в американской газете «Вашингтон Пост», что Братислава для СССР означает то же самое, что для США Плайя-Хирон 1961 года^[798].

Смрковский по возвращении из Братиславы объявил: «...политику в Чехословакии мы будем делать сами, и никто другой». В духе «демократии» председатель парламента потребовал «бутылку» за хорошую подготовку переговоров. С другой стороны, Смрковский, как отмечало ЦРУ, прямо заявил 8 августа, что на переговорах в Братиславе не удалось убедить другие страны ОВД в правильности чехословацкого пути^[799].

Между тем в духе все той же демократии газета «Лидова демокрацие» (орган Чешской народной партии) стала печатать программу австрийского телевидения, а в газетах появились интервью с первыми чехословацкими стриптизершами.

Также «Лидова демокрацие» опубликовала 5 августа заявление бывшего министра юстиции и зятя Готвальда Чепички, который требовал своей реабилитации и отмены решения об исключении его из партии в 1963 году как виновного в репрессиях начала 1950-х годов. Чепичка в целом верно охарактеризовал себя как «козла отпущения», на которого свалили всю вину за политические процессы^[800].

5 августа в пражском Дворце съездов был собран партийный актив КПЧ (более 6 тысяч человек), и члены Президиума ЦК КПЧ проинформировали собравшихся о встречах в Чиерне и Братиславе. Интересно, что встречу созвал не только ЦК, но и пражский горком КПЧ, который, видимо, чувствовал себя уже настоящим руководящим центром партии. Относительно переговоров в Братиславе Черник с гордостью провозгласил: «...о наших делах мы не говорили ни слова». Теперь главное, подчеркивали все члены президиума, вернуться к главной теме – созыву чрезвычайного съезда КПЧ и обеспечить на нем принятие «прогрессивных» решений. Цисарж и главред «Руде Право» Швестка просили печать внести успокоение в общественно-политическую жизнь. СМИ, как обычно, эти увещания игнорировали. Не зря

западногерманский журнал «Шпигель» еще в июле 1968 года назвал чехословацкие СМИ оппозиционной КПЧ партией.

Продолжала разваливаться и сама КПЧ. Партийные организации в Остраве (крупнейший промышленный центр) и Брно (столица Моравии и оплот «реформаторов») вступили в открытую полемику насчет будущего федеративного устройства. В Остраве требовали двучленную федерацию (Чехия и Словакия), в Брно – трехчленную (Чехия, Моравия, Словакия). При этом член высшего партийного руководства Шпачек игнорировал позицию Президиума ЦК КПЧ и тоже высказался за трехчленную федерацию.

Словаки требовали вернуть на свой герб в будущей федеративной стране традиционный двойной крест, который в 1960 году был заменен золотым пламенем. Чешская интеллигенция была против, так как этот крест украшал и символы словацкого фашистского государства в годы войны.

Были опубликованы результаты опроса общественного мнения в Северной Чехии. 25,5 % опрошенных оценили итоги переговоров в Чиерне как очень благоприятные, 48,9 % – как благоприятные, 14,9 % – как частично благоприятные и 4,3 % – как негативные. Примерно так же люди думали и о Братиславском совещании: 14,9 % характеризовали его итоги как очень благоприятные, 51 % – как благоприятные, 21,3 % – как частично благоприятные и 8,5 % – как неблагоприятные.

Но всего 40,4 % опрошенных смотрели с оптимизмом на будущие отношения КПЧ с компартиями стран ОВД.

В поддержку социализма высказались 83 % респондентов^[801].

7 августа состоялось заседание Президиума ЦК КПЧ, полностью одобрявшее действия чехословацкой делегации в Чиерне и Братиславе. Говорилось в коммюнике заседания и о СМИ: «От сотрудников печати, радио и телевидения президиум ЦК КПЧ ожидает, что они в духе политики КПЧ и правительства республики и далее будут отстаивать национальные и интернациональные интересы чехословацкого народа и государства при освещении и комментировании событий, особенно в области внешней политики»^[802].

Таким образом, Президиум ЦК КПЧ фактически выразил удовлетворение тем, как работали чехословацкие СМИ, что, естественно, не осталось без внимания в Москве. Тем более что никаких кадровых решений, обещанных Дубчеком в Чиерне Брежневу, на заседании президиума принято не было.

9 августа Брежнев позвонил Дубчеку и спросил, как выполняются достигнутые в Чиерне договоренности. Советский лидер предложил Дубчеку опереться на здоровые силы в Президиуме ЦК КПЧ, которые поддержат его в случае возникновения осложнений по кадровым и прочим вопросам: «Поэтому я еще раз хочу сказать тебе, Саша, что без твердых людей, без твердых помощников, без людей, преданных нашему делу, ты с правыми не справишься, а от победы над правыми сейчас зависит все: или мы укрепим наше святое – дружбу КПЧ и КПСС, или вернемся к трудным проблемам и решениям, с которыми мы столкнулись до совещания в Чиерне-над-Тиссой, до совещания в Братиславе»^[803].

Дубчек (публично утверждавший, что вообще ничего в Чиерне не обещал), ответил Брежневу, что Ленарт и Черник в настоящее время вырабатывают меры по реализации договоренностей. Но Брежнев настаивал на более четком ответе: «Ну а если говорить конкретно, Саша, то когда ты думаешь рассматривать вопросы по кадрам в свете той договоренности, которая у нас была?». Дубчек сказал, что это очень сложный вопрос: «Вы знаете, что мы его не можем решить без пленума (ЦК). Мы думаем собрать в ближайшее время пленум ЦК и, очевидно, рассмотрим там эти вопросы». Брежнев попросил уточнить дату пленума, на что Дубчек ответил: «...дней через десять».

Но если для вывода Кригеля и Цисаржа из президиума и секретариата ЦК был действительно нужен пленум ЦК, то освободить Пеликана от должности директора государственного телевидения и разделить МВД можно было и без пленума. Об этом и сказал Брежнев Дубчеку. Тот опять твердил, что это «сложный вопрос», который за два-три дня не решишь. Брежнев уже почуял, что его просто водят за нос: «Но ведь т. Черник совершенно конкретно сказал тогда (в Чиерне – *Прим. автора.*) на пленарном заседании, что в течение пяти дней он сможет дать документ Смрковскому. Смрковский сказал, что как только получит документ от Черника, Национальное собрание в течение 5 дней решит этот вопрос положительно, и я думаю, что договоренность была совершенно конкретной и ясной, и мне непонятно, какие тут новые вопросы возникли».

Тут Дубчек совершил новый финт: оказывается, теперь разделить МВД мешала начавшаяся федерализация Чехословакии.

Тогда Брежнев спросил, почему до сих пор травят рабочих с «Авто-Праги»: «И мне совершенно непонятно, почему допускается такое положение, когда Цисарж организует атаки на честных, хороших представителей рабочего класса, одного из лучших предприятий вашей страны». Дубчек ответил: «Это действия тех правых, которые ожидали от

наших переговоров других результатов. Это и есть атаки правых. Мы вчера говорили с Черником, тоже так рассматриваем и поэтому принимаем меры, чтобы это не распространилось на другие заводы, и чтобы печать прекратила шумиху по этому поводу».

«Черник и Ленарт, – продолжал Дубчек, – разрабатывают меры против стихийных митингов» (имелся в виду пражский «Гайд-парк» – *Прим. автора.*). На это Брежнев заметил: «Эти митинги, насколько нам известно, не такие уж стихийные. Они созываются Цисаржем и другими антипартийными элементами». Дубчек: «Мне докладывали, что Цисарж принимал участие в этих делах. Если это так, то это действия правой направленности. Но я дал поручение разобраться в этом вопросе и расследовать действия Цисаржа». На это Брежнев логично заметил, что все зависит от того, кто будет расследовать.

В конце разговора Брежнев пожелал «Саше» успехов в реализации договоренностей, которые этот самый «Саша» и не думал выполнять. Как раз наоборот.

10 августа 1968 года на встрече с президентом США Джонсоном и кандидатом в президенты от Республиканской партии Никсоном директор ЦРУ Хелмс выразил мнение, что хотя острота кризиса в Чехословакии спала, но он еще не закончился^[804]: «Чехи хотят уменьшить свое участие в Варшавском пакте». ЦРУ отмечало также, что по чехословацкому радио передают «неофициальные» сообщения о возможном установлении в ближайшем будущем дипломатических отношений между ЧССР и ФРГ.

Дубчек, между тем, рассчитывал заручиться поддержкой лидера Югославии Тито, который прибыл в Прагу 9 августа. Была организована восторженная встреча гостя, люди скандировали здравицы в честь Дубчека и Тито. Причем даже в рифму: «Вся Прага у собора Святого Вита^[805] приветствует президента Тито!». В честь высокого гостя произвели залп из 21 орудия.

Визит Тито был важен для пражских «реформаторов», так как югославский лидер олицетворял «независимую модель социализма». Но на переговорах Тито порекомендовал Дубчеку не злить зря советское руководство и не портить отношения с другими странами – участницами ОВД. Решительно не советовал Тито и вводить в ЧССР многопартийную систему. Заметим, что в то время политическая система Югославии была гораздо более недемократической, чем в СССР. Если на Политбюро ЦК КПСС достаточно свободно обсуждались все вопросы и Брежнев мог оставаться и в меньшинстве, то в Югославии царила личная диктатура

маршала Тито. И любые разногласия с маршалом грозили тюрьмой.

Никакой помощи Тито ЧССР не предложил, да и не мог предложить, учитывая очень сложное экономическое положение самой Югославии, ее «социалистической рыночной экономики». Наоборот, обсуждалось направление в Чехословакию югославских сельскохозяйственных рабочих, чтобы как-то снизить остроту проблемы безработицы в СФРЮ.

В опубликованном очень коротком совместном коммюнике об итогах чехословацко-югославских переговоров ничего не говорилось о поддержке Югославией реформ в Чехословакии. Констатировалось лишь следующее: «Обе партии придадут большое значение общественным процессам, которые в настоящее время проходят в мире и в которых проявляется все большая притягательная сила социализма. Они будут активно содействовать дальнейшему развитию этих позитивных тенденций и бороться за углубление самого широкого единства всех революционных, прогрессивных и демократических сил в борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, прогресс и социализм»^[806].

Это была стандартная формулировка для тогдашних коммунистических партий – явно не то, чего ожидал от Тито Дубчек.

Очень осторожно вел себя Тито и на пресс-конференции, хотя в «провокационных» вопросах чехословацких СМИ недостатка не было. Гость, в частности, сказал: «Я не приехал с какой-то специальной задачей (то есть не для того, чтобы поддержать «чехословацкий эксперимент» – *Прим. автора.*). Я приехал, чтобы выразить поддержку решению, принятому в Братиславе... Югославия, например, не член Варшавского договора, но имеет одинаковые цели со всеми странами ОВД, и это развитие социализма. Мы идем разными путями согласно специфическим условиям, которые существуют в разных странах, но все социалистические страны, включая Югославию, одинаково смотрят на вопрос империализма как главного врага развития социализма».

Тито не жалел добрых слов в адрес Братиславского совещания: «В Братиславе было показано, что если к решению проблем приступают путем дискуссий, то это единственный и самый правильный путь. По-моему, встреча в Братиславе была позитивной». Причем он прямо сказал, что даже если бы югославскую делегацию пригласили в Братиславу, она вряд ли бы приехала. А, как мы помним, Дубчек настаивал на приглашении Тито перед Братиславской встречей. Таким образом, отказавшись позвать югославов, Брежнев, возможно, спас Дубчека от крупного дипломатического фиаско.

О характере заданных Тито вопросов свидетельствовал, например, такой: «Возможна ли интервенция нескольких социалистических стран

против одной социалистической страны?». Тито: «Думаю, что это было бы неправильно и во вред дальнейшему развитию социализма в мире. Это означало бы вмешательство во внутренние дела такой страны. Другое дело, когда грозит иностранный враг. Тогда – по желанию этой страны – ей можно оказать помощь»^[807].

Чехословацкие СМИ Тито явно разочаровал, тем более что он публично требовал от руководства КПЧ сохранять единство, в то время как в стране разворачивалась травля «здоровых сил» в Президиуме ЦК КПЧ, особенно лидера словацких коммунистов Биляка.

По итогам встречи с Тито Цисарж и Ленарт проинформировали главных редакторов чехословацких СМИ. Ленарт отметил, что хотя Югославия и поддерживает руководство КПЧ, но делает это «трезво, без излишних эмоций». «...Югославские представители не хотят – и руководство КПЧ считает это самым значимым аспектом визита... делать из чехословацко-югославского сотрудничества противовес сотрудничеству советско-чехословацкому...»^[808]

После Тито в ЧССР 12 августа приехал куда менее желанный для Дубчека гость – лидер ГДР Ульбрихт. Того никто на аэродроме в Карловых Варах (примечательно, что встреча проходила не в Праге) не приветствовал – все собравшиеся кричали только «Дубчек! Дубчек!». Интересно, что Дубчек в своих мемуарах пишет, что у него остались от переговоров с Ульбрихтом «туманные воспоминания»^[809]. Он лишь вспомнил «козлиную бородку» лидера ГДР и его плохую физическую форму – мол, не верилось, что этот человек, как о нем говорили, любит играть в волейбол.

При этом именно с ГДР, где экономическая реформа давала хорошие результаты, 140 предприятий ЧССР уже осуществляли прямые хозяйственные связи, чего пока не было ни с одной другой страной СЭВ. Примерно 800 товаров с каждой стороны производились в ходе прямой кооперации заводов и фабрик. Восточная Германия по просьбе ЧССР пошла, например, на то, чтобы прекратить производство собственных карандашей и вместо них закупать чехословацкие. ГДР с учетом необходимости срочного наполнения чехословацкого рынка согласилась дополнительно поставить 2 тысячи легковых автомашин, свинину и тракторы^[810]. Ничего подобного Тито предложить не смог, так как югославская экономика (в отличие от восточногерманской) сама находилась в плачевном состоянии.

Визит Ульбрихта состоялся по приглашению чехословацкой стороны,

высказанному, правда, еще несколько месяцев тому назад. Ленарт так обосновал его в выступлении перед главными редакторами СМИ ЧССР: «После событий последнего времени нам надо поговорить с руководством СЕПГ и ГДР о наших взаимоотношениях и проблемах, как и о Германии в целом... Было бы политически примитивно уклоняться от переговоров с представителями некоторых государств». То есть получалось, что, в отличие от визита Тито, встреча с Ульбрихтом некая вынужденная необходимость.

Но именно «сталинист» Ульбрихт предложил «реформатору» Дубчеку устроить совместную пресс-конференцию. Дубчек поначалу наотрез отказался: он боялся, что его спросят о договоренностях в Чиерне. Отрицать их при Ульбрихте он не смог бы. Формально Дубчек говорил, что не хотел бы, чтобы на совместной пресс-конференции из его уст и уст Ульбрихта звучали различные точки зрения. Но Ульбрихт этого как раз и не боялся.

Пресс-конференция все же состоялась. Ульбрихт тепло говорил о Чехословакии и чехословацком рабочем движении. Он бывал в ЧСР еще до войны, когда Чехословакия приютила многих эмигрантов и беженцев из нацистской Германии. Он охарактеризовал Братиславскую декларацию как «самый значительный марксистско-ленинский документ нашей эпохи», а целью своего визита назвал необходимость поговорить о конкретных мерах воплощения декларации в жизнь ^[811].

Ульбрихта с явным «подколом» спросили, что плохого, если отдельные социалистические страны установят дипломатические отношения с ФРГ. Намек был на то, что совсем недавно это сделала Румыния, которую Польша раскритиковала за «прорыв единого фронта социалистических стран в германском вопросе». Ульбрихт вполне логично ответил, что предпосылкой установления дипломатических отношений с ФРГ должен быть отказ Бонна от установок Мюнхенского сговора, признание ГДР и послевоенных границ в Европе. Заметим, что на тот момент ни одна страна НАТО ГДР не признавала и дипломатических отношений с ней не имела.

Дубчек, в свою очередь, столкнулся с каверзным вопросом о печати ГДР, в котором проводилась мысль, что у ЧССР и ГДР особое положение, так как только они из стран ОВД граничат с ФРГ. На это он заметил, что все равно каждая страна самостоятельно отвечает за свои границы.

ЦРУ в анализе от 14 августа 1968 года констатировало, что визит Ульбрихта не смог улучшить довольно натянутые отношения между ГДР и ЧССР ^[812]. «Холодный прием Ульбрихта резко контрастировал с

восторженной встречей Тито в конце прошлой недели», – отмечала американская разведка.

При этом ФРГ, по мнению ЦРУ, отнюдь не спешила отвечать на авансы чехословацких «реформаторов» конкретными шагами к нормализации отношений. Например, Бонн отказался от создания совместной группы, которая должна была дать правовую оценку Мюнхенскому соглашению 1938 года. Если ЧССР настаивала, что Мюнхенское соглашение было неправомочным с самого начала и оттого не могло иметь никаких юридических последствий, то ФРГ просто говорила о том, что оно больше не действует. Но при такой интерпретации выходило, что когда-то оно действовало, а значит, уступка ЧСР Судет Гитлеру в 1938 году была юридически правомочной. Однако с этим не могли согласиться даже самые ярые «либералы» в ЧССР.

10 августа 1968 года «Руде Право» опубликовала проект устава КПЧ, который предполагалось утвердить на съезде. Проект явно разочаровал «реформаторов» и СМИ, так как в нем по-прежнему содержался жесткий запрет любой фракционной деятельности. В проекте прямо говорилось, что «формирование сторонников меньшинства вне рамок устава, образование группы членов партии с собственной фракционной дисциплиной недопустимо»^[813]. Хотя до этого на страницах печати много раз высказывалось пожелание, чтобы у меньшинства, не согласного с решениями партии, была возможность продолжать отстаивать свою точку зрения.

Многие в ЧССР решили тогда, что сохранение принципа демократического централизма в КПЧ – вынужденная уступка Москве. На самом деле Дубчек еще до встреч в Чиерне и Братиславе решительно воспротивился пожеланиям Цисаржа и особенно Кригеля допустить фракции в партии. А после Чиерны против фракций были уже и сами «ультрареформаторы». Они решили, что теперь «прогрессивное крыло» безоговорочно победит на съезде, и разрешение фракций пойдет только на руку «консерваторам», которые останутся в меньшинстве.

Лондонская «Таймс» отмечала: «...предполагаемая реорганизация партии не удовлетворяет либеральных экстремистов, и новое подтверждение принципа демократического централизма стало обманом надежд и для тех, кто желал бы легализации фракций и групп внутри партии»^[814].

ЦРУ особо уделяло внимание тому аспекту устава, по которому партия фактически разделялась на чешскую и словацкую, что было ударом как раз

по центральному руководству КПЧ во главе с Дубчеком. Чешскую компартию после чрезвычайного съезда явно подмял бы под себя Цисарж при поддержке Смрковского и Кригеля, а в Словакии самым популярным лидером был Гусак, мягко говоря, Дубчека недолголюбивавший. При таком раскладе Дубчек мог после съезда оказаться на чисто номинальной должности некоего почетного председателя фактически уже не существующей как единое целое КПЧ.

После Чиерны травля всех несогласных с «январский политикой» приобрела в ЧССР уже опасные масштабы. 9 августа газета «Свободне слово» (орган Чешской социалистической партии) опубликовала статью Йодла (сотрудника Академии наук) под названием «Право вонзить нож в спину». «Нож в спину» чехословацкой делегации на переговорах в Чиерне, оказывается, вонзили 99 рабочих «Авто-Праги», подписавших «предательскую резолюцию». Эти люди «сами исключили себя из нашего общества, – писал Йодл, – и им надо убираться туда, где они ищут поддержку и находят отклик»^[815]. Даже «Руде Право» отметила, что многие из тех, кто обрушился на «99 рабочих», их письма не читали вовсе. Орган ЦК КПЧ обратился к МВД и генеральной прокуратуре с требованием дать юридическую оценку травле рабочих. Но государственные органы отмалчивались. Зато по телевидению стали критиковать уже главного редактора «Руде Право» Швестку, которому, дескать, не место в новом ЦК как «защитнику предателей».

На «Авто-Прагу» «для установления фактов» выехала большая делегация Союза журналистов, которых там «заверили», что не имеют с письмом ничего общего. Маразм и лицемерие ситуации заключались в том, что критики письма клялись в верности Дубчеку, который сам же это письмо и одобрил. Только вот никто этого не знал, а Дубчек не счел нужным сказать об этом хотя бы слово. В дискуссии на «Авто-Праге» звучали предложения административно наказать подписантов, но журналисты милостиво сказали, что «такие меры избыточны». И при этом в письме всего лишь говорилось о дружбе с СССР, который сами же газеты именовали «братским».

Зато реальный нож в спину рабочим, согласовавшим свое письмо с Дубчеком, вонзила своя же родная партия – КПЧ.

Пражский горком в оправдание рабочих привел лишь странный аргумент, что письмо было составлено еще до опубликования «варшавского письма» и, следовательно, до того, как стало известно о переговорах в Чиерне. Поэтому его все же нельзя считать «ножом в спину» чехословацкой делегации на переговорах с политбюро. Но само письмо пражский горком

расценил так: «...несвоевременное, одностороннее и не отвечающее развитию... партии в нашей стране... В любом случае... наши внутривластные проблемы должны решаться исключительно нашими политическими органами, и тот, кто с тем или иным мнением не согласен, не послужит общему делу, если будет обращаться со своей точкой зрения за границу. Но политическая близорукость подписантов не может быть доводом для разворачивания против них кампании с требованиями... увольнения. Нельзя согласиться с экстремистскими и подстрекательскими настроениями и необходимо осудить травлю в виде анонимных писем, которые поступают как руководству предприятия, так и отдельным его сотрудникам».

Тем не менее пражский горком КПЧ признал «политическую ответственность» подписантов и предложил снять их со всех политических должностей.

Помимо «99 рабочих» травле опять подверглась Народная милиция. Одному из ее сотрудников, работающему на заводе ZKL в Брно, передали анонимку с резолюцией, в которой некий «тайный комитет» требовал «разворачивать на заводах борьбу против коммунистов и отбирать у них власть». Это письмо сотруднику Народной милиции под угрозой расстрела велели немедленно вывесить в помещении завода^[816].

В августе травля «консерваторов» обогатилась и еще одним новым инструментом. Стали поступать резолюции с требованием отозвать некоторых депутатов Национального собрания. Парламентариям не простили, что они провалили на выборах в Чешский национальный совет таких «реформаторов», как Когоут и Ганзелка. Между тем в ЧССР существовал вполне законный механизм отзыва депутатов, который должен был происходить по инициативе избирателей того или иного округа путем тайного голосования. Но «реформаторов» такая затяжная процедура не устраивала: начиная травлю депутатов, СМИ рассчитывали, что они сами подадут в отставку.

Из высшего руководства КПЧ весь огонь критики в августе пришелся на Биляка, которого обвиняли в том, что в Чиерне он высказывал отличную от мнения прочих точку зрения и подрывал единство чехословацкой делегации. При этом узнать об этом СМИ могли, конечно же, не из Москвы, а от коллег Биляка по Президиуму ЦК КПЧ.

17 августа «Руде Право» напечатало ответы Биляка на пресс-конференции по телевидению и радио днем раньше. Ему задавали вопросы, которые сделали бы честь святой инквизиции. Биляк тем не менее мужественно защищал советскую сторону на переговорах в Чиерне:

«Слухи о том, что советская сторона поддерживает те силы, которые хотят возврата к доянварским временам, – неправда. Я участвовал в переговорах в Дрездене, Москве, Чиерне и Братиславе... Нигде они не упрекали нас в том, что произошло в январе, и не навязывали нам путь, который не отвечал бы нашим условиям. В январе в Москве товарища Дубчека приняли с чрезвычайной сердечностью».

Когда Биляка спросили, были ли на переговорах в Чиерне разные точки зрения у участников чехословацкой делегации или «она выступала едино, сознавая тот мандат, который она получила от коммунистов и от всего народа», он логично ответил, что сам вопрос задан в старом духе, ведь «механическое единство» теперь, вроде бы, как раз критикуется.

Собственную позицию в Чиерне Биляк скрывать не стал: «Я хотел избежать ухудшения отношений между КПЧ и КПСС. Союз с СССР – это гарантия нашего суверенитета... Множатся высказывания, что я якобы должен был торпедировать позицию товарища Дубчека на тех переговорах. Это злобные наветы, тактика, направленная на то, чтобы поссорить нас и искусственно вызвать впечатление недоверия и отсутствия единства (в руководстве КПЧ). Поэтому я не считаю нужным еще раз объяснять свое искреннее отношение к товарищу Дубчеку, в прошлом или настоящем...».

Но журналисты не унимались и теперь обвинили Биляка уже в том, что в Словакии «демократизация» по темпам отстает от Чехии. Но Биляк и здесь не стал каяться, а ответил, что пока не знает критериев «прогрессивности» и «консервативности». Тем более что Президиум ЦК КПЧ еще ни разу не выражал мнения о каком-либо «отставании» Словакии.

«...В январе мы обещали товарищу Дубчеку, что будем работать так, чтобы Словакия не доставляла ему лишних забот. До сего дня мы ведем свою работу в духе этого обязательства, товарищ Дубчек наверняка приедет на наш съезд и скажет, выполнили ли мы это обещание»^[817].

Говоря с симпатией о Дубчеке, лидер «здоровых сил» Биляк отнюдь не кривил душой. Он был убежден, что на самом деле на одних с ним позициях, но боится популярных среди СМИ Кригеля, Цисаржа и Смрковского. Однако в решающий момент (а Биляк знал о готовящемся вводе войск стран ОВД от Брежнева) Дубчек будет вместе со здоровыми силами. Так же считали и в Москве. Но ни Биляк, ни Брежнев не учли того, что после Чиерны и Братиславы опьяненный «народной поддержкой» Дубчек стал другим и окончательно перешел на позиции «либералов».

Конечно, было гораздо выгоднее представлять в СМИ «героем защиты национального суверенитета», чем «марионеткой Москвы» (хотя СССР все еще был «братским», по официальной терминологии). Но Биляк был готов

к тому, чтобы отстаивать свою точку зрения публично и принципиально, за что его и начали травить «прогрессивные» СМИ, так же как Народную милицию или 99 рабочих с «Авто-Праги».

Тактику подстрекателей довольно умело разоблачил в статье в «Руде Право» под названием «Когда, где, кто и как, или Как создается общественное мнение» Иржи Бенда. В статье говорилось: «У меня в последнее время сложилось неприятное ощущение, что вокруг некоторых функционеров стягивается пока невидимая петля моральной и общественно-политической ликвидации. Были времена, когда хотя бы в некоторых случаях такое тихое моральное окружение предвосхищало следующую за ним физическую ликвидацию или исключение человека из общества. Надеюсь, что сейчас это уже невозможно, но мне претит уже и эта первая ступень, эта целенаправленная и постепенная моральная ликвидация». Технология этого морального террора, согласно Бенде, была следующей:

«Когда – с марта (1968 года) по настоящий день.

Где – в печати, на телевидении, по радио, на улице, на тротуаре, в офисе.

Кто – разные редакторы и специалисты с высшим образованием (то есть речь шла о творцах „моральной ликвидации“ – *Прим. автора.*).

Как – оскорблениями... доказательством в виде невысказанных мыслей и непроявившихся настроений или простым перечислением в ряду „скомпрометированных“ имен без всякого обоснования... или и без других имен...»^[818].

Пока в ЧССР в августе 1968 года шла травля всех «консерваторов», популярность Дубчека, наоборот, приобретала голливудские масштабы. В Пльзени открылся первый в стране «Дубчек-клуб», объединивший молодых фанатов первого секретаря ЦК КПЧ.

На 13 августа было намечено заседание Президиума ЦК КПЧ, на котором Дубчек обещал Брежневу поставить кадровые вопросы и добиться созыва пленума ЦК. Брежнев решил прямо в этот же день позвонить Дубчеку, чтобы тот уже не смог потом опять сослаться на какие-то препятствия. Так как советскому лидеру было ясно, что Дубчек вновь может попытаться скрыть сам факт разговора, Брежнев попросил, чтобы беседа велась в присутствии Черника и Биляка. Но Дубчек вывел с собой из зала заседания президиума Смрковского, и весь разговор шел в его присутствии, о чем Брежнев и не подозревал. При этом оставшимся в зале членам президиума Дубчек соврал, что идет на беседу с советским послом.

Брежнев начал с того^[819], что пожаловался на продолжавшуюся в нарушение договоренностей в Чиерне антисоветскую кампанию в чехословацкой прессе. На это Дубчек опять ответил, что за два-три дня проблему не решить.

«Брежнев:...Конечно, если дальше продолжать политику невмешательства в это дело со стороны руководства КПЧ и правительства, то эти процессы будут продолжаться, их нельзя остановить политикой невмешательства. Тут нужны конкретные меры. Ведь мы конкретно договорились в отношении роли Пеликана в этом деле и о том, что Пеликана необходимо убрать.

Дубчек: Леонид Ильич, мы этим вопросом занимались и занимаемся... Насколько мне известно, за последнее время не было никаких выпадов против КПСС, Советского Союза, против социалистических стран.

Брежнев: Как же не было, когда буквально все газеты: „Литерарни листы“, „Млада фонта“, „Репортер“, „Праце“ изо дня в день публикуют антисоветские антипартийные статьи.

Дубчек: Это было до Братиславы. После Братиславы этого не было.

Брежнев: Как же до Братиславы, когда 8 августа „Литерарни листы“ поместила статью „От Варшавы до Братиславы“. Это матерый враждебный выпад против КПСС СССР и против братских социалистических стран...»

Брежнев был абсолютно прав: в этом номере «Литерарни листы» сравнила советскую пропаганду с геббельсовской.

Тогда Дубчек, только что вообще отрицавший наличие антисоветских статей «после Братиславы», сказал, что только одна антисоветская статья, упомянутая Брежневым, и появилась: «...Мы против этой статьи сейчас принимаем меры».

Что имел в виду Дубчек под «мерами», Брежневу стало ясно из последующего разговора.

«Дубчек: У нас было совещание работников печати. Оно осудило как неправильные действия репортеров этих газет, о которых Вы говорите, и там было принято решение прекратить полемические выступления.

Брежнев: Саша, не в этом дело, что было совещание работников печати. Мы договаривались не о совещании. Мы договаривались о том, что все средства массовой пропаганды: печать, радио, телевидение – будут взяты под контроль Центрального комитета КПЧ и правительства и будут прекращены антисоветские и антисоциалистические публикации после Братиславы. Мы, со своей стороны, в Советском Союзе строго придерживаемся этой договоренности и ни в какую полемику не вступаем. Что же касается чехословацких органов массовой информации, то они

продолжают беспрепятственно нападать на КПСС, на Советский Союз и дошли до того, что нападают на руководителей нашей партии. Уже нас называют там сталинистами и т. д. Так что это такое, я хочу тебя спросить?

Дубчек: Молчит.

Брежнев: Во время переговоров мы вас ни к чему не принуждали. Вы сами брали на себя обязательство навести порядок в средствах массовой информации. А уж коль обещали, так надо это выполнять. Ну, хорошо, я, может быть, даже согласен с тобой, что для наведения порядка в этой области нужно время. Но как у тебя решается договоренность по кадровым вопросам? Нужно сказать, что тут мы тоже имели вполне конкретную договоренность, и вполне конкретные сроки для ее реализации были оговорены нами тоже».

Брежнев спросил, будут ли рассмотрены договоренности Чиерны на сегодняшнем Президиуме ЦК КПЧ. Дубчек «включил тормоз» и начал объяснять, что все это может решить лишь пленум ЦК. Но кто же должен был этот пленум созвать, как не Президиум ЦК?

Но Брежнев все еще не терял надежды. Он спросил, когда будет созван пленум, ведь 9 августа сам же Дубчек обещал это сделать в течение 10 дней (то есть до 19 августа 1968 года). Дубчек говорил, что пленум будет проведен до конца августа или, может быть, в начале сентября. Однако на вопрос, будут ли на этом пленуме решены кадровые вопросы относительно Кригеля и Цисаржа, он дал уклончивый ответ: «как решит пленум».

Тут Брежнев уже окончательно понял, что его и все советское политбюро просто-напросто обманули в Чиерне.

«Брежнев: В этом и беда. И наша беда, и ваша беда. Я тебе скажу честно, когда мы с вами говорили в Чиерне-над-Тиссой, мы имели в виду, что мы разговариваем с руководящим органом партии, с органом, который имеет всю полноту власти. И все, что вы нам обещали, мы принимали за чистую монету, и как друзья мы вам во всем поверили. Лично я, Саша, никак не понимаю, почему и зачем ты откладываешь решение этих вопросов до нового пленума, внеочередного пленума. Мы считаем, что сегодня на этом президиуме можно решить кадровые вопросы, и поверь мне, можно их решить без больших потерь».

Здесь Брежнев намекал на то, что большинство президиума поддержит отстранение Цисаржа, Кригеля и Пеликана.

Дубчек продолжал юлить, и тогда Брежнев, сославшись на поручение Политбюро ЦК КПСС, прямо спросил его: «...будешь ты сегодня решать кадровые вопросы или нет?». Дубчек опять уклонился от прямого ответа, снова говорил о «сложности» кадровых вопросов.

Что касается разделения МВД, то со ссылкой на федерализацию ЧССР Дубчек говорил уже о сентябре – октябре (потом о конце октября) как о сроке выполнения этого обещания. Напомним, что вопрос о выделении органов госбезопасности из МВД был поставлен самим же министром внутренних дел Павлом еще весной 1968 года и без всякой инициативы советской стороны.

«Брежнев: Но что тебе сказать на это, Саша, разве это не проявление нового обмана?.. Если этот вопрос вы не в состоянии решить, то, мне кажется, ваш президиум вообще потерял всякую власть... Но ты пойми, что такое положение, такое отношение к выполнению обязательств, принятых в Чиерне-над-Тиссой, создает совершенно новую ситуацию, с которой мы тоже не можем считаться, и, очевидно, она вынуждает нас по-новому оценивать обстановку и принимать новые самостоятельные меры».

Таким образом, Брежнев просто заклинал Дубчека одуматься, чтобы избежать военного решения только что наладившихся, вроде бы, дел.

Но Дубчек лишь сказал: «Товарищ Брежнев, принимайте все меры, которые Ваше политбюро ЦК считает правильными».

«Брежнев: Ну, хорошо, Саша, тогда разреши тебе откровенно и прямо задать еще один вопрос: лично ты стоишь на позициях выполнения обязательств, которые вы взяли в Чиерне-над-Тиссой, или нет?»

Дубчек: Будет пленум, Леонид Ильич, пленум все решит.

Брежнев: Когда же будет пленум?

Дубчек: Этот вопрос, я думаю, мы решим сегодня на президиуме.

Брежнев: Тогда, я прошу, скажи мне, будешь ты решать эти вопросы на пленуме или не будешь?

Дубчек: А кто сказал, что не буду?

Брежнев: Ты опять уклоняешься от прямого ответа, не хочешь сказать, будешь или не будешь?

Дубчек: В прошлый раз я Вам сказал все и теперь могу только повторить, что сказал раньше, – что мы созовем пленум, что пленум надо подготовить, для этого нам нужно время. Если Вы считаете, что мы Вас обманываем, то принимайте меры, которые Вы считаете правильными. Это Ваше дело.

Брежнев: Видишь ли, Саша, меры, которые мы будем считать правильными, мы, безусловно, примем. И ты правильно говоришь, что это наше дело. Но поскольку это дело не только наше, а общее дело, то меры нам было бы легче принимать, если бы ты и твои товарищи были бы более откровенны и сказали, что это за меры, которые вы от нас ожидаете.

Дубчек: Мы все вопросы можем решить своими силами, но если Вы

считаете, что нужно принимать меры, пожалуйста, принимайте их».

В ходе беседы Дубчек вообще потерял контроль над собой и раздраженно сказал Брежневу, что не может работать в такой обстановке и намерен уйти с поста первого секретаря: «...Я пошел бы куда угодно работать. Я этой должностью не дорожу. Пускай кто угодно этим занимается...» Но в то же время он спросил Брежнева, чуть не плача: «Леонид Ильич, я Вас прошу, скажите, как мне быть?»

Брежнев: Мне трудно давать тебе советы. Но я тебе хочу сказать, что если ты будешь один, если ты будешь колебаться между левыми и правыми, ты так ничего не сделаешь. Без актива ты ничего не сделаешь. Вокруг тебя очень много твоих близких товарищей, хороших людей, хороших коммунистов. Если ты обопрешься на этот актив, если ты сплотишь вокруг себя, тогда не будет цисаржей и кригелей. Мы не стеснялись в Чиерне-над-Тиссой сказать все прямо Кригелю в лицо, в глаза. А вы с ним до сих пор почему-то нянчитесь, целуетесь.

Ты, Саша, внимательно посмотри вокруг. Я не хочу называть тебе фамилий, но ты знаешь людей, на которых бы тебе стоило опереться, и, опираясь на них, ты решил бы все свои проблемы. Я еще раз говорю, что своей беседой, этим разговором я от души хочу тебе помочь.

Сейчас мы все живем, и наша партия, и братские партии, Братиславской встречей и документами Братиславского совещания. Я тебе чистосердечно, откровенно, прямо высказал все наши сомнения. Мы не требуем ничего большего. Давайте выполним то, о чем договорились, и ни грамма больше. На твой вопрос, как тебе быть, я могу тебе ответить. Если ты хочешь, чтобы мы не ссорились, давай выполним то, о чем мы договорились. Давай дадим надлежащий коммунистический отпор правым силам. Им надо нанести удар до съезда. Удар такой, после которого они бы не оправались, и только в этом случае Коммунистическая партия Чехословакии с хорошим лицом придет на съезд.

Дубчек: А разве вы думаете, мне этого не хочется?

Брежнев: Нет, не думаю, я тебе верю, Саша. Верю, что все то хорошее, чего мы тебе желаем, ты воспримешь как должное, что ты поймешь, что мы готовы для тебя на любую помощь. Но я прошу тебя понять, что если вы не выполните все, о чем мы договорились, я еще раз подчеркиваю, именно то, о чем мы договорились, потому что ничего нового, никаких новых вопросов я перед тобой не ставлю, то это будет конец доверию. Ведь весь смысл нашей встречи в Чиерне-над-Тиссой состоит в величайшем доверии друг к другу...

Дубчек: Подождите все-таки, Леонид Ильич, до пленума.

Брежнев: Но если этот пленум будет скоро, то, конечно, я подожду, и мы подождем.

Дубчек: Я, Леонид Ильич, хорошо понимаю Ваши добрые намерения, прошу учесть и наши трудности».

Разговор закончился еще одним «твердым» обещанием Дубчека: «Я Вам обещаю, товарищ Брежнев, сделать все необходимое для того, чтобы выполнить нашу договоренность».

Брежнев, видимо, окончательно расстроенный разговором, тем не менее обещал внимательно следить за развитием событий. Он все еще думал, что Дубчек на президиуме в этот же день выполнит свои обещания и хотя бы поставит вопрос о выполнении чижерских договоренностей: «Я тебя еще раз убедительно прошу, передай привет всем своим товарищам по работе и расскажи о той тревоге, которую я тебе выказал». Брежнев и Дубчек решили переговорить по итогам заседания Президиума ЦК КПЧ.

Первый секретарь ЦК КПЧ давал Брежневу «твердые» обещания, хотя публично отрицал наличие каких бы то ни было договоренностей по итогам переговоров в Чижере. Дубчек ничего не передал от Брежнева «товарищам по работе» и вообще, как уже упоминалось, скрыл сам факт разговора. Не собирался Дубчек и говорить с Брежневым после окончания заседания президиума – просто потому, что ему нечего было сказать.

Следует отметить, что ЦРУ в своем анализе от 17 августа разделяло точку зрения Брежнева, что, вопреки обещаниям Дубчека, чехословацкая пресса не прекратила печатать антисоветские статьи. Американская разведка приводила пример газеты «Литерарни листы», которая в номере от 9 августа обвинила СССР в «психологической войне» против Чехословакии^[820]. Советская же пресса, писало ЦРУ, пока воздерживается от критики чехословацкого руководства, несмотря на то, что братиславские договоренности Прагой явно не выполняются.

В своих мемуарах Дубчек прямо пишет, что в разговорах с Брежневым он тянул время и спешно готовил чрезвычайный съезд.

В коммюнике о заседании Президиума ЦК КПЧ 13 августа ничего не говорилось ни о каком пленуме ЦК. Главными вопросами повестки дня были названы подготовка к съезду и проблемы федерализации. Президиум решительно выступил против нападок на Народную милицию: «Президиум ЦК КПЧ снова отверг ни на чем не основанные атаки против Народной милиции, которая является частью оборонной системы нашей республики и одной из гарантий социалистического характера процесса возрождения в нашем обществе». Высказалось руководство КПЧ и в отношении «Авто-Праги», осудив «недемократичные формы кампании, развязанной вокруг

этого письма». «...Президиум считает неприемлемым, чтобы против авторов письма и тех, кто его подписал, были предприняты какие-либо меры, которые угрожали бы их существованию»^[821]. Однако само письмо президиум не одобрил, и это о многом говорило.

Президиум ЦК высказался и против «хулиганских» действий участников пражского «Гайд-парка». Причем Смирковский предлагал просто разогнать его силами полиции и Народной милиции. Но президиум возмутил, скорее, не сам «Гайд-парк», а то, что он вышел из-под контроля. Ведь 300 молодых людей (в основном студентов) устроили 8 августа несанкционированную демонстрацию у здания ЦК КПЧ, требуя «правды» о переговорах в Чиерне и в Братиславе. Толпа кричала «А ну вылезайте!», «Что, боитесь?». Такая «демократия» «реформаторам» уже была не нужна.

Министр финансов Чехословакии Сухарда с большим скепсисом оценил результаты «патриотической» кампании по сбору средств в Фонд республики, которая набрала обороты как раз в преддверии встречи в Чиерне. В фонд на счет № 2171 к 13 августа 1968 года было перечислено 148 567 918 крон. Но Сухарда заметил, что эти деньги дают в основном предприятия, многие из которых сами неэффективны и получают субсидии из бюджета. Таким образом, бюджетные деньги просто частично возвращаются обратно. Гораздо большей помощью республике была бы, по мнению министра финансов, нормальная, но эффективная работа каждый день^[822].

В Москве между тем поддерживали плотный контакт со «здоровыми силами» в Президиуме ЦК КПЧ и чехословацком правительстве. И поэтому быстро стало ясно, что ничего Дубчек выполнять не будет. Именно после 13 августа Политбюро ЦК КПСС решило, что другого выхода, кроме вооруженного вмешательства, нет.

А КПЧ тем временем прогрессирующе разваливалась. На активе партийной организации в Брно Шпачек вдруг сказал, что предстоящий съезд должен срочно выработать новую генеральную линию партии. И это притом, что Программа действий КПЧ была принята только в апреле, то есть четыре месяца тому назад. Но для таких, как Шпачек, она уже была, видимо, документом вчерашнего дня. Шпачек очень тепло отозвался о Гольдштюкере, сказав, что ценит его с каждым днем все больше и больше как сторонника «консолидации общества». Назвать Гольдштюкера сторонником консолидации было смелым решением, ведь именно он требовал разгона Народной милиции.

Между тем 15 августа 1968 года в Чехословакию прибыл другой

«диссидент» социалистического лагеря – румынский лидер Чаушеску, правивший в своей стране не менее диктаторскими методами, чем сам Тито. Этого диктатора тоже встречали восторженные толпы. Формальным поводом было заключение нового договора между Румынией и ЧССР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (срок действия прежнего такого договора истек).

«Реформаторы» в Праге хотели обязательно взять реванш за не очень-то убедительный визит Тито. И Чаушеску их не подвел, говоря на каждом шагу о поддержке политических процессов в Чехословакии. «Позвольте мне, дорогие друзья, использовать эту возможность для выражения симпатии и доверия, с которыми румынский народ наблюдает за активностью, которая сейчас разворачивается в Чехословакии по инициативе и под руководством КПЧ»^[823].

Дубчек и Чаушеску даже выступили вместе на митинге на пражском заводе «Авиа», чтобы продемонстрировать поддержку реформам со стороны рабочего класса. Это был своеобразный ответ на письмо рабочих «Авто-Праги». Правда, Дубчек после обязательных слов о поддержке демократизации всем народом вдруг обозначил как главную экономическую задачу (об экономике на заводе он просто не мог не сказать) скорейшую разработку «основных направлений нашего интенсивного развития». Получалось, что до сих пор экономические реформы в стране развивались вроде бы по наитию. Тем более что правительство хотело отказаться начиная с 1969 года от любого планирования вообще.

Дубчек снова признал факт травли Народной милиции (и об этом он не мог не сказать в зале, где сидели десятки членов этой самой милиции), хотя милиция полностью поддерживает политику партии. Аплодисментами было встречено следующее заявление: «Варшавский договор – это действенная гарантия социалистического содружества против внешнего врага. Поэтому мы являемся и остаемся его надежным членом».

Чаушеску заверил Дубчека, что Румыния в рамках ОВД не предпримет против Чехословакии никаких действий. Но даже Дубчек пишет в мемуарах, что Чаушеску говорил все это отнюдь не из-за симпатий к чехословацким реформам: «Я проинформировал его о наших внутренних экономических и политических проблемах. Он лишь принял все это к сведению и сказал, что это наше дело. Я знал, что он отнюдь не великий реформатор, – для него отношение к нам было вопросом прагматической политики, как он это делал в случае с Китаем и Израилем»^[824]. Дубчек

совершенно верно описал здесь смысл всей тогдашней румынской внешней политики: делать все назло СССР, чтобы добиться признания и помощи Запада.

На пресс-конференции Чаушеску спросили, как он оценивает тот факт, что с чехословацкой стороны в переговорах с румынской делегацией участвовали социалистическая и народная партии (в самой Румынии была однопартийная система). Румынский гость лишь сказал, что это, видимо, отвечает сложившимся в Чехословакии условиям.

Также у Чаушеску спросили, что он думает о возможной отдельной встрече трех социалистических государств Европы, идущих независимым путем (имелись в виду Югославия, Румыния и Чехословакия). Но румынский лидер на провокацию не поддался: «В Европе девять социалистических стран, у которых одни принципы и мнения об отношениях между собой. Но между ними есть и различия в том, как эти принципы лучше осуществлять. Румыния против трех– или четырехсторонней встречи».

Интересовались и мнением Чаушеску, могут ли «малые социалистические страны» принимать кредиты от несоциалистических стран. Намек был вполне ясен: может ли ЧССР взять такой кредит? (Как будто бы кто-либо в Москве когда-нибудь это запрещал.) Чаушеску гордо ответил, что Румыния таких кредитов не брала, но в целом он не видит в этом ничего предосудительного.

Тогда ему предложили поставить подпись Румынии под Братиславской декларацией. Ответ был предельно ясным: «Мы оцениваем результаты Чиерны и Братиславы позитивно, но мы не привыкли подписывать документы, в разработке которых не участвовали»^[825]. При этом сам же Чаушеску заметил, что не считает встречи в Дрездене и Варшаве формальными сессиями органов ОВД, поэтому, мол, и Румынию на них приглашать было необязательно.

Визит Чаушеску приободрил чехословацких «реформаторов». Министр иностранных дел Гаек гордо заявил, что ЧССР не является «вассалом» в рамках СЭВ (как будто у нее были для этого какие-то причины): «Так же как и Румыния, Чехословакия не чувствует себя связанной рамками СЭВ в своих экономических связях с другими странами»^[826]. И вообще, по мнению Гаека, надо было отходить от концентрации чехословацкой внешней политики на социалистические страны и уделять больше внимания другим государствам. Так он ответил на вопрос, не собирается ли ЧССР по образцу Румынии установить

дипломатические отношения с ФРГ.

Чехословацкие газеты всячески пытались писать как можно больше хорошего о Румынии и Югославии. Написали даже о том, как один румынский крестьянин выиграл в лотерею машину «трабант» из ГДР.

В Москве с тревогой следили за тем, что происходит в Чехословакии. Договоренности Чиерны не выполнялись, друзей СССР травили, а от критики КПЧ и СССР в печати враги социализма перешли уже к открытым антикоммунистическим демонстрациям в Праге.

16 августа, все еще пытаясь как-то спасти положение, Политбюро ЦК КПСС и лично Брежнев подготовили письмо Дубчеку. В нем перечислялись все претензии, которые Брежнев высказал Дубчеку в телефонном разговоре 13 августа.

Смысл был не столько в самом письме, сколько в способе его доставки. Так как в Москве поняли, что Дубчек просто скрывает все свои переговоры с Брежневым от Президиума ЦК КПЧ, Червоненко дали поручение: «...при первой возможности ознакомить с содержанием письма гг. Биляка, Кольдера, Индру, Ригу, Барбирека, Пиллера, Капка, Швестку. Сделайте так, чтобы во время Вашего визита к тов. Дубчеку Вы как бы случайно встретитесь в здании ЦК с гг. Кольдером и Индрой или с кем-нибудь другим из этой группы, и скажите им, что прибыли для вручения тов. Дубчеку письма от тов. Брежнева. Объясните товарищам, что это дает им основание попросить от тов. Дубчека огласить содержание письма тов. Брежнева на Президиуме ЦК КПЧ»^[827].

В Москве считали, что уж тогда-то Дубчеку на заседании президиума придется высказаться прямо.

К этому моменту в СССР уже полным ходом заканчивались приготовления к военной акции в ЧССР.

Они начались уже после отказа Дубчека приехать в Варшаву в середине июля 1968 года и были лишь приостановлены после Братиславской декларации.

План действий имел политическую и военную составляющую, причем главным был именно первый момент.

Предполагалось, что «здоровые силы» поставят на одном из заседаний Президиума ЦК КПЧ вопрос о выводе правых (Цисаржа, Шпачека и Кригеля) из президиума и секретариата ЦК и об одновременной «чистке» правительства. Новый состав президиума и правительства обратится к странам ОВД с призывом о помощи для защиты социализма в Чехословакии. При этом в Москве отнюдь не исключали, что первый секретарь ЦК Дубчек и глава правительства Черник присоединятся к

большинству президиума, если на заседании победят «здоровые силы». В этом случае они сохранили бы свои посты.

Дубчек колебался до последнего. Например, на заседании Президиума ЦК КПЧ 13 августа он заявил: «Если я приду к убеждению, что мы на грани контрреволюции, то сам позову советские войска». А министр обороны ЧССР генерал Дзур накануне ввода войск ОВД обсуждал с другими генералами вариант разгрома демонстрации перед зданием ЦК партии с использованием бронетранспортеров^[828].

Мобилизацию «здоровых сил» и связь с ними обеспечивали Червоненко и сотрудники КГБ в Праге.

Еще в середине июля 1968 года по каналам КГБ из Праги пришло секретное письмо на имя Брежнева от кандидата в члены Президиума ЦК КПЧ Капека. В нем сообщалось: «В ЦК КПЧ группа из руководящего состава партии в лице Смирковского, Кригеля, Шпачека, Шимона, Цисаржа, Славика овладела всеми средствами массовой информации и ведет антисоветскую и антисоциалистическую работу». В конце письма Капек прямо призвал: «Я обращаюсь к Вам, товарищ Брежнев, с призывом и просьбой оказать братскую помощь нашей партии и всему нашему народу в деле отпора тем силам, которые создают серьезную опасность самим судьбам социализма в Чехословацкой Социалистической Республике»^[829].

Письмо было зачитано на заседании политбюро, однако его сочли недостаточным для принятия важного военно-политического решения. 3 августа 1968 года во время Братиславской встречи в отеле «Сореа» советской делегации было передано еще одно письмо с просьбой о военной помощи. Его подписали Биляк, Кольдер, Швестка, Капек^[830] и Индра.

Речь в письме шла о возникновении в ЧССР возможности «контрреволюционного переворота», и содержался призыв к вмешательству в чехословацкие события. «В такой тяжелой обстановке обращаемся к вам, советские коммунисты, руководящие представители КПСС и СССР, с просьбой оказать нам действенную поддержку и помощь всеми средствами, которые у вас имеются. Только с вашей помощью можно вырвать ЧССР из грозящей опасности контрреволюции. Мы сознаем, что для КПСС и СССР этот последний шаг для защиты социализма в ЧССР был бы нелегким.

В связи со сложностью и опасностью развития обстановки в нашей стране, просим вас о максимальной засекреченности этого нашего заявления, по этой причине пришлем его прямо лично для вас на русском языке».

Еще согласно решениям Политбюро ЦК КПСС от 19 и 22 июля началась спешная практическая проработка «крайних мер» политического характера. 20 июля была подготовлена первая, а 26 июля – вторая редакция Декларации от имени Президиума ЦК КПЧ и Революционного [\[831\]](#) правительства ЧССР о внутренней и внешней политике, а также «Обращения к гражданам ЧССР, к чехословацкой армии». Эти документы должны были быть обнародованы после того, как войска СССР и других стран Варшавского договора войдут в Чехословакию. 26-27 июля на заседании Политбюро ЦК КПСС были полностью отработаны все необходимые документы, включая и заявление «К советскому народу».

Мобилизация военных сил для акции в Чехословакии проходила с конца июля под видом различных военных учений.

В июле были проведены учения войск ПВО стран Варшавского договора «Небесный щит», в июле – августе учения тыловых частей и подразделений ряда западных военных округов Советского Союза под условным наименованием «Неман» («Облачное лето 68»). Это были самые крупные учения Советской армии после Великой Отечественной войны, и на них призвали тысячи резервистов. Смысл этих маневров был еще и в том, чтобы предостеречь НАТО от вмешательства в чехословацкие события.

В августе прошли совместные учения войск связи ГДР, Польши и СССР.

Военную подготовку операции сначала осуществлял главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора маршал Якубовский, однако за несколько дней до начала операции ее руководителем был назначен главнокомандующий сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР генерал армии И. Г. Павловский.

Предполагалось, что в Чехословакию войдут войска СССР, Венгрии, Болгарии, ГДР и Польши. Но от участия Национальной народной армии (ННА) ГДР решили отказаться по политическим мотивам – чтобы не давать повода для сравнений с немецкой оккупацией Чехословакии в 1939 году. Ульбрихт был этим недоволен. На всякий случай две дивизии ННА (7-я танковая и 11-я моторизованная) находились в состоянии повышенной боевой готовности и были готовы при необходимости оказать содействие союзным войскам. Эти дивизии 29 июля были переданы под командование ОВД.

Под командованием Павловского на территории Польши развертывалась главная группировка сил ОВД – «Север» (штаб в Легнице).

Из ГДР в южные районы Польши прибыли советские войска – 1-я гвардейская танковая армия. К ней присоединилась передислоцированная из Калининградской области в ГДР 11-я гвардейская армия (была переброшена с 28 июля по 20 августа) и 2-я армия Войска Польского (три дивизии).

Группировка «Север» должна была взять под контроль северную и западную Чехию и оградить ЧССР от возможного вторжения войск НАТО. Границу с ФРГ должна была прикрыть советская 1-я танковая армия – самое мощное соединение группировки «Север». При соприкосновении с частями НАТО предписывалось огня не открывать и занимать оборону.

С воздуха группировку «Север» прикрывала 4-я советская воздушная армия.

Группа «Юг» под командованием генерал-полковника П. И. Провалова формировалась на территории Венгрии, ГДР и Западной Украины. В нее входили советская 20-я гвардейская армия (она была расквартирована в ГДР в качестве стратегического резерва группы советских войск в Германии), Южная группа советских войск (так назывались постоянно размещенные в Венгрии части Советской армии) и 38-я армия из состава войск Закарпатского военного округа. Венгрия предоставила 8-ю моторизованную дивизию. С воздуха группировку «Юг» поддерживала 36-я советская воздушная армия.

Южная группировка должна была взять под контроль Словакию и южную Чехию. Столицу Чехословакии предполагалось занять десантом с воздуха, для чего привлекалась 7-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. В первый день операции для обеспечения высадки десантных дивизий в распоряжение главкома операции «Дунай» (так назвали ввод войск в Чехословакию) выделялось пять дивизий военно-транспортной авиации.

В состав «южных» входил и болгарский контингент. Начиная с 21 июля 1968 года два мотострелковых полка (2164 человека) были морем переброшены в СССР, откуда выдвинулись к советско-чехословацкой границе.

Непосредственная подготовка войск ОВД к действиям на территории ЧССР началась 17-18 августа. Прежде всего готовилась к длительным маршам боевая техника, пополнялись запасы материальных средств, изучались карты и т. д. К 20 августа была готова группировка войск, первый эшелон которой насчитывал до 250 тысяч, а общее количество – до 500 тысяч человек, около 5 тысяч танков и бронетранспортеров.

Всего для осуществления операции «Дунай» привлекались 26 дивизий,

из них 18 советских, не считая авиации.

Были сформированы Прикарпатский и Центральный фронты.

- Прикарпатский фронт был создан на основе управления и войск Прикарпатского военного округа и нескольких польских дивизий. В его состав вошли четыре армии: 13-я, 38-я общевойсковая, 8-я гвардейская танковая и 57-я воздушная. При этом 8-я гвардейская танковая армия и часть сил 13-й армии начали перемещение в южные районы Польши, где в их состав были дополнительно включены польские дивизии.

- Центральный фронт был сформирован на базе управления Прибалтийского военного округа с включением в него войск Прибалтийского военного округа, Группы советских войск в Германии и Северной группы войск, а также отдельных польских и восточногерманских дивизий. Этот фронт был развернут в ГДР и Польше. В состав Центрального фронта входили 11-я и 20-я гвардейские общевойсковые и 37-я воздушная армии.

Также для прикрытия действующей группировки в Венгрии был развернут Южный фронт. Кроме этого фронта, на территории Венгрии была развернута для ввода в Чехословакию оперативная группа «Балатон» (две советские дивизии, а также болгарские и венгерские подразделения).

В целом численность вводимых в Чехословакию войск составляла:

- от СССР – 18 мотострелковых, танковых и воздушно-десантных дивизий, 22 авиационных и вертолетных полка, около 170 000 человек;

- от Польши – пять пехотных дивизий, до 40 000 человек;

- от ГДР – мотострелковая и танковая дивизии (всего до 15 000 человек);

- от Венгрии – 8-я мотострелковая дивизия, отдельные части, всего 12 500 человек;

- от Болгарии – 12-й и 22-й болгарские мотострелковые полки, общей численностью 2164 человек, и один болгарский танковый батальон (26 танков Т-34).

Министр обороны СССР Гречко исходил из худшего и формально не исключал возможности вооруженного сопротивления гражданского населения и частей Чехословацкой народной армии. Но, похоже, на самом деле в это мало кто верил. Войска ОВД предполагали действовать в контакте с чехословацкой армией и разоружать ее только в случае активного сопротивления.

На всякий случай было заготовлено обращение к воинам Чехословацкой народной армии как к «братьям по классу, братьям по оружию». Воинов ЧСНА призывали к «совместным действиям по защите

революционного правопорядка и охране чехословацких границ»^[832].

Теперь оставалось только принять политическое решение о применении войск и спрогнозировать поведение стран – членов НАТО, прежде всего США.

17 августа 1968 года было принято постановление Политбюро ЦК КПСС «К вопросу о положении в Чехословакии»^[833]: «1. Всесторонне проанализировав обстановку и события последних дней в Чехословакии, а также обсудив просьбу членов Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР к СССР, ПНР, НРБ, ВНР и ГДР об оказании им военной помощи в борьбе против контрреволюционных сил, Политбюро ЦК КПСС единодушно считает, что развитие событий в Чехословакии за последние дни приняло самый опасный характер. Правые элементы, опираясь на явную и тайную поддержку империалистической реакции, осуществили подготовку контрреволюционного переворота, поставили под угрозу социалистические завоевания чехословацких трудящихся, судьбу Чехословацкой Социалистической Республики.

Учитывая, что со стороны КПСС и других братских партий уже исчерпаны все политические средства воздействия на руководство КПЧ, чтобы побудить его к отпору правым, антисоциалистическим силам, Политбюро ЦК КПСС считает, что наступил момент для применения активных мер по защите социализма в ЧССР, и единодушно решает: оказать Коммунистической партии и народу Чехословакии помощь и поддержку вооруженными силами...»

В Москву на 18 августа пригласили Гомулку, Живкова, Ульбрихта и Кадара.

Но до последнего дня в Москве надеялись, что Дубчек все же одумается. 17 августа через Червоненко было передано письмо Президиуму ЦК КПЧ. Причем предварительно его согласовали со «здоровыми силами» и внесли некоторые правки по их просьбе. Например, оттуда исключили положение, что идет сбор подписей за запрещение КПЧ. «Здоровые силы» просили вручить письмо Президиуму ЦК КПЧ прямо перед вступлением союзных войск, чтобы у правых было меньше времени на принятие контрмер. Поэтому срок вручения перенесли с 18 на 19 августа.

В письме констатировалось, что, несмотря на обещания Дубчека в телефонных разговорах с Брежневым 9 и 13 августа, ничего не делается для выполнения достигнутых в Чиерне договоренностей. Приводились примеры антисоветских статей в чехословацкой прессе. Вывод был следующим: «Складывается впечатление, что в Президиуме ЦК КПЧ есть

силы, которые мешают... выполнению договоренности, достигнутой в Чиерне-над-Тиссой... Политбюро ЦК КПСС хотело бы со всей серьезностью подчеркнуть неотложную необходимость выполнения обязательств, данных вами на этой встрече... Промедление в этом деле крайне опасно... Политбюро просит, чтобы с этим письмом были незамедлительно ознакомлены все члены Президиума ЦК КПЧ»^[834].

Билаку и Индре передали проект декларации нового чехословацкого правительства к гражданам страны. В нем говорилось: «...угроза братоубийственной борьбы, которую готовила реакция, поставила нас перед неизбежностью обращения за помощью к Советскому Союзу и другим братским социалистическим странам. Наши союзники откликнулись на эту просьбу. Они направили нам свои войска для оказания нашей стране помощи в этот трудный час испытаний»^[835].

В декларации гарантировалось продолжение демократических преобразований, в частности реабилитации: «Всем лицам, ставшим жертвой клеветы или пострадавшим в нарушение законов, будет предоставлена возможность получить работу в соответствии с гарантированным конституцией правом на труд». Было также обещано отменить недавно проведенное повышение цен. Во внешней политике упор делался на дружбу с СССР и союзниками по ОВД.

Политбюро заготовило и обращение к советскому народу с объяснением причин ввода советских войск в ЧССР: «Социалистическая Чехословакия оказалась на пороге смертельной опасности... Опасность усугубляется тем, что враги социализма получают поддержку со стороны предательских элементов, проникших в руководство Компартии Чехословакии и Правительство ЧССР, вопрос теперь стоит так: быть Чехословакии социалистическим государством или вновь оказаться в оковах капитализма... В этих условиях Советское правительство приняло единственно необходимое решение и дало приказ частям Советской армии оказать помощь Революционному правительству Чехословакии в борьбе против реакции...»^[836].

Был подготовлен и проект обращения правительств пяти стран ОВД (чьи войска входили в Чехословакию плюс ГДР) к народу Чехословакии, в котором, в частности, говорилось: «Мы призываем всех граждан Чехословакии к соблюдению полного порядка и спокойствия, чтобы при ликвидации заговора реакции и империализма не было пролито крови. Мы протягиваем вам, дорогие братья чехи и словаки, руку помощи, как протянули ее в тяжелые годы гитлеровской тирании советские люди».

17 августа последнюю попытку избежать военного сценария предприняли через Кадара. Он позвонил Дубчеку и предложил срочно встретиться. Встреча состоялась на границе недалеко от Братиславы. Потом Кадар рассказывал в Москве: «Сам т. Дубчек был в очень плохом состоянии, говорил неясно. При обсуждении определенных вопросов по сравнению со своей братиславской позицией отошел назад и никоим образом не мог доказать то, чего я хотел в первую очередь добиться. А мне хотелось узнать, как они расценивают встречи в Чиерне-над-Тиссой и в Братиславе. Считают ли они их вынужденным компромиссом или же имели искренне намерение принять в них участие». «Весь разговор, – подытожил свои впечатления Кадар, – был бесплодным и безрезультативным»^[837].

В изложении Дубчека Кадар просил его наконец-то прекратить нападки на социалистические страны в СМИ. На это Дубчек ответил, что КПЧ может лишь устраивать для прессы брифинги с разъяснением своей позиции. И это все^[838]. Но даже на этих «брифингах» прессу ни о чем таком и не просили.

В тот же день, 17 августа, руководители Президиума ЦК КПЧ встречались с главными редакторами СМИ. Причем пришли только «реформаторы»: Черник, Кригель, Смрковский, Славик, Цисарж и Млынарж. Правда, им не удалось остаться в «своем кругу», так как по собственной инициативе пришел и представитель «здоровых сил» Капек. Цисарж сказал, что идет яростная борьба против консервативных сил на всех фронтах, и в этой борьбе лучшие друзья ЧССР – румыны и югославы. Ни о каком ограничении антисоветской пропаганды не было и речи. Смрковский лишь просил редакторов «потерпеть» до чрезвычайного съезда и не дать себя спровоцировать.

Кригель обещал, что после съезда партия будет совсем другой.

Тогда встал Капек и сказал, что как до войны коммунистов сажали в тюрьмы за дружбу с СССР, так и теперь их травят за это. Но он, Капек, даже готов умереть ради дружбы с Советским Союзом. Его слова (оказавшиеся пророческими) все встретили гробовым молчанием.

Капек немедленно доложил об этом совещании советскому руководству.

18 августа в Москве прошла экстренная встреча глав пяти стран ОВД. Никаких разногласий не было. Все согласились с изложенным Брежневым планом действий. Брежнев с сожалением констатировал, что Дубчек никаких договоренностей выполнять не будет, «он ушел полностью на сторону правых».

Далее Брежнев со ссылкой на Индру сообщил, что под переданным ему 3 августа в Братиславе письмом можно уже сейчас дополнительно поставить подписи членов Президиума ЦК Барбирека и Риго, членов правительства ЧССР Павловского (министр внутренней торговли), Гамоуза (вице-премьер), Штроугала (вице-премьер), Корчака (министр энергетики) и Крейчи (министр тяжелой промышленности).

Индра гарантировал, что как только войска ОВД в ночь на 21 августа пересекут границу, будет собрано 50 подписей членов ЦК и правительства. На заседании Президиума ЦК КПЧ (намеченном на вечер 20 августа) «здоровые силы» постараются вызвать окончательный раскол с правыми и взять «на себя все руководство партией и правительством»^[839].

Затем, 21-22 августа будут собраны пленум ЦК и Национальное собрание, которые «без сомнения поддержат их действия» (то есть действия «здоровых сил»). В ночь ввода войск, с 20 на 21 августа, представителями «здоровых сил» будут заняты все редакции ведущих СМИ и типография «Руде Право». Министру обороны Дзуру будет предложено остаться на своем посту и отдать армии приказ не сопротивляться. Если он откажется, то его заменят одним из заместителей.

Все лидеры ОВД, включая Кадара, уже без оговорок согласились с вводом войск.

Но самым дальновидным оказался Ульбрихт. Он сказал, что сам по себе ввод войск мало что решит. Надо разработать подробные планы работы будущего чехословацкого правительства, чтобы оно заручилось поддержкой населения. «Я... просил бы Политбюро ЦК КПСС ответить нам на вопрос: как вы представляете себе осуществление политического сотрудничества при осуществлении задач внутри Чехословакии? Военная задача ясна. Здесь все в порядке. Сомнений нет никаких. А как вести политическую работу для привлечения рабочего класса, интеллигенции, крестьянства и т. д.? Ведь это будет сложным вопросом... В экономическом плане там разброд. Черник нам изложил экономическую концепцию на будущее время. Никто из нас не мог понять, чего он хочет. Ясно было, что он хочет поднять цены, а все остальное неясно».

Брежнев признал правильность мнения Ульбрихта, но разрабатывать подробные планы времени не было. Тем более что в целом начатый еще в 1963 году курс реформ в ЧССР предполагалось продолжать, причем почти тем же составом и правительства, и Президиума ЦК. Отличие было только в одном – ликвидация антисоветских настроений в СМИ и запрет политической организованной оппозиции (которая и так действовала незаконно). На всякий случай Политбюро ЦК КПСС решило направить в

ЧССР партийных работников тех областей, у которых были области-побратимы в Чехословакии.

В тот же день, 18 августа, одобрив ввод войск, лидеры стран ОВД уехали домой.

Через Червоненко президенту ЧССР Свободе был передан проект его обращения к народу с поддержкой ввода войск союзнических армий. В нем Свобода как бывший министр обороны и самый авторитетный чехословацкий генерал, в частности, должен был призвать солдат и офицеров ЧСНА «вместе с братскими армиями встать на защиту дела социализма». Как показали события, Свобода на это обращение не решился, хотя и ввод войск не осудил.

Чехословацкие газеты в последние выходные перед вводом войск ОВД писали о том, что в лесах нет грибов и это хорошо. Обычно если много грибов, то это к войне. Были сильные опасения и на тот счет, что в этот раз не удастся вовремя убрать урожай картофеля. Ведь министерство образования в духе «демократизации» решило не только с сентября 1968 года перевести всех школьников и студентов на пятидневную учебную неделю (раньше учились шесть дней), но и отменить посылку студентов «на картошку». Местные власти, например в Брно, били тревогу по этому поводу. Ввод войск ОВД сохранил как сам урожай, так и практику помощи студентам селу, отмененную уже только в 1989 году вместе с самим социализмом.

В московской «Правде» появилась новая статья мифического «Александрова», в которой говорилось, что контрреволюция в Чехословакии опять усилила подрывную деятельность против КПЧ и социализма в целом. Целью поддерживаемой извне контрреволюции является «дискредитация ведущей роли рабочего класса, его партии и отторжение Чехословакии от социалистического содружества»^[840].

Что касается возможной международной реакции на ввод войск Варшавского договора в Чехословакию, то в Кремле встревожились, узнав, что Генеральный секретарь ООН бирманец У Тан хочет посетить Чехословакию 23 августа 1968 года. Представителю СССР при ООН Кутакову еще 16 августа дали указание высказать У Тану опасение, сформулированное следующим образом: «...как бы его поездка в Чехословакию... не была использована теми, кто ведет борьбу против существующего в этой стране строя и кого меньше всего заботит поддержание авторитета Генерального секретаря ООН... Заметьте У Тану, что можно, конечно, поехать в Чехословакию, как бы закрывая глаза на происходящие там события. Но вряд ли было бы правильно игнорировать

возможность связанных с этим неприятных последствий»^[841].

У Тан все понял правильно и никуда не поехал.

От США в Москве в принципе тоже не ждали больших неприятностей. Американцы были по горло заняты Вьетнамом, из-за которого их популярность в мировом общественном мнении упала до самого низкого уровня в истории США. Новые кризисы Вашингтону были не нужны.

Президент-демократ Джонсон уже заявил, что баллотироваться на второй срок в ноябре 1968 года не будет (опять-таки из-за поражений американских войск во Вьетнаме) и хотел подытожить свое правление окончательной разрядкой в отношениях с СССР. Проговаривался вопрос о поездке Джонсона в Советский Союз, и президент США в принципе дал свое согласие. Это был бы первый визит американского президента в Советский Союз. В конце августа в Москве ждали и кандидата на пост президента от Республиканской партии, бывшего вице-президента Никсона (он хотел совершить турне по Европе). 21 августа должно было быть опубликовано советско-американское коммюнике о начале переговоров по ограничению стратегических ядерных вооружений.

В июле 1968 года ЦРУ отмечало передвижения войск ОВД вблизи границ ЧССР, прекрасно понимая, что все это означает. В начале августа отдел стратегических оценок ЦРУ констатировал: «Кажется, что советское главнокомандование вооруженных сил в течение двух недель предприняло все необходимые приготовления для того, чтобы по приказу в короткий срок войти в Чехословакию, если таковой приказ будет отдан политическим руководством»^[842].

Этот анализ был необычайно точен. И это притом что в течение первых трех недель августа 1968 года американская разведка была вынуждена обходиться без информации с космических спутников, которые осуществляли фотосъемку вероятного противника. Тогда информация еще не передавалась на Землю с космических объектов в автоматическом режиме. Надо было ждать, пока со спутника не попадет на поверхность небольшой аппарат с отснятыми кассетами. Когда американцы, наконец, получили фотоснимки со спутника КН-4В, войска ОВД уже без проблем заняли Чехословакию.

18 августа все сомнения аналитиков ЦРУ отпали: радиоперехват показал, что было введено тотальное радиомолчание для всех войск ОВД в Европе. ЦРУ узнало и о том, что все члены Политбюро ЦК КПСС экстренно вызваны в Москву. Все это означало, что акция в Чехословакии начнется в считанные часы.

Но американское политическое руководство и не собиралось мешать странам Варшавского договора, как совершенно справедливо предполагали в Москве. Когда директор ЦРУ Ричард Хелмс сообщил Джонсону о внезапном заседании политбюро и прямо связал это с предстоящим вводом войск ОВД в Чехословакию, президент ему не поверил: «Дик, это заседание в Москве посвящено нам»^[843]. Джонсон решил, что советское руководство собралось по поводу предстоящих переговоров с США по ограничению ядерных вооружений.

В своем анализе от 19 августа ЦРУ отметило рост критики в Москве в отношении Дубчека, приведя в качестве примера статью «Александрова» в «Правде»^[844]. С другой стороны, по мнению ЦРУ, на встрече с главными редакторами чехословацких СМИ 17 августа партийным лидерам КПЧ так и не удалось убедить их прекратить нападки на СССР. По сведениям, которые могли поступить в ЦРУ только от самих участников встречи, присутствовавшие на ней примерно 70 редакторов отказались признавать любые ограничения свободы печати. На 21 августа была намечена еще одна встреча с редакторами. Но в этот день в Праге уже были советские танки.

В анализе внутренней ситуации в ЧССР от 20 августа 1968 года ЦРУ констатировало проблемы Дубчека со словацкой компартией, где шло открытое противоборство «либералов» и «консерваторов»^[845]. В Словакии налицо было явное недовольство программой реформ, исходящей из Праги.

19 августа заместитель госсекретаря Ростоу за обедом сказал послу СССР в США Добрынину, что США считают советские решения в Чехословакии «мудрыми»^[846]. Американцы сделают все, чтобы не осложнять для СССР положение в Чехословакии.

Добрынину все равно дали указание встретиться с Джонсоном примерно в то же самое время, когда войска ОВД будут переходить чехословацкую границу. Добрынин должен был сказать следующее: «... наши шаги продиктованы всецело заботой об укреплении мира и ни в какой мере не затрагивают государственных интересов США или любого другого государства. Мы исходим из того что происходящие события не должны нанести ущерба советско-американским отношениям, развитию которых Советское правительство, как и прежде, придает большое значение»^[847].

20 августа в 20:15 Добрынин прибыл к Джонсону^[848]. Президент был настроен благодушно, спрашивал о здоровье Косыгина и сказал, что с удовольствием посмотрел «цветной фильм» о своей встрече с советским премьером в Глассборо в 1967 году. Далее Джонсон посетовал на то, что уже пять дней не может подстричься, так как на его ранчо нет парикмахера.

Президент порекомендовал советскому послу пить напиток фреско, в котором мало калорий и нет алкоголя. Он, Джонсон, к нему прямо пристрастился.

Поговорили и о здоровье бывшего президента Эйзенхауэра, у которого случился сердечный приступ. После этой непринужденной беседы Добрынин зачитал Джонсону послание советского руководства. В нем говорилось, что события в Чехословакии приобрели угрожающий миру в Европе характер, в связи с чем страны ОВД по просьбе руководства ЧССР приняли решение ввести туда войска. Как только ситуация в стране нормализуется, войска будут выведены. Советское руководство решило заранее проинформировать президента США, чтобы заверить: меры ОВД не направлены против американских интересов и СССР желает продолжения линии на разрядку в советско-американских отношениях.

Джонсон поблагодарил Добрынина и сказал, что завтра даст ответ после консультаций с Раском. Далее президент обсудил с Добрыниным готовящееся совместное заявление о предстоящем визите Джонсона в СССР, рассказал советскому послу о своей семье и символе родного штата Техас – одинокой звезде. Беседа закончилась в 20:42 в самой дружеской атмосфере – ни единого слова осуждения ввода войск ОВД в Чехословакию с американской стороны не прозвучало. Посол Добрынин был удивлен, что Джонсон никак не прореагировал на послание советского руководства: «Президент Джонсон внимательно выслушал сделанное мною сообщение, однако, видимо, не сразу оценил важность случившегося, так как, к моему удивлению, никак не реагировал на такое известие»^[849].

Как уже упоминалось, дата ввода войск ОВД в ЧССР была назначена на вечер 20 августа, когда проводилось заседание Президиума ЦК КПЧ. Утром 20 августа 1968 года офицерам союзных армий был зачитан секретный приказ о формировании главного командования операцией «Дунай».

В этот вторник в Чехословакии стояла почти ясная погода и температура в районе Праги днем достигла 24 градусов тепла. В среду 21 августа солнце должно было взойти в 4 часа 58 минут утра. Почти никто в ЧССР и не подозревал, что взойдет оно уже в другой стране.

Чехословацкая армия хотела провести 21-22 августа 1968 года учения по отработке защиты западных границ силами примерно одной дивизии. А в это время по ту сторону границ ЧССР начала приходить в действие мощная группировка сил союзных армий.

Боевую тревогу в войсках стран ОВД объявили 20 августа в 23:00. По каналам закрытой связи всем фронтам, армиям, дивизиям, бригадам,

полкам и батальонам был передан сигнал на выдвижение к чехословацкой границе. По этому сигналу все командиры должны были вскрыть один из пяти хранящихся у них секретных пакетов (операция была разработана в пяти вариантах), а четыре оставшихся в присутствии начальников штабов сжечь не вскрывая.

Во вскрытых пакетах содержался приказ на начало операции «Дунай» и на продолжение боевых действий в соответствии с планами «Дунай-Канал» и «Дунай-Канал-Глобус».

Заранее были разработаны «Распоряжения по взаимодействию на операцию „Дунай“». На боевую технику, участвовавшую в операции, нанесли белые полосы. Вся боевая техника советского и союзного производства без белых полос подлежала «нейтрализации», желательно без стрельбы. В случае сопротивления бесполосные танки и другая боевая техника подлежали уничтожению без предупреждения и без команд сверху.

В ночь на 21 августа войска СССР, Польши, Венгрии и Болгарии с четырех направлений в двадцати пунктах от Цвикова до Немецка в режиме радиомолчания пересекли чехословацкую границу. В 23:30 советский посол Червоненко сообщил о начале операции президенту Свободе.

Чехословацкие войска никакого сопротивления не оказывали. После телефонного разговора с Гречко министр обороны ЧССР Дзур, наоборот, отдал приказ оказывать войскам ОВД всяческое содействие, что и было сделано.

Так закончился «реформаторский эксперимент», связанный с именем Александра Дубчека и ставший широко известным как «пражская весна». Собственно, как было показано выше, все серьезные реформы в ЧССР (прежде всего, экономическая) начались в 1963 году, причем без активного участия Дубчека. Весь вклад «пражской весны» заключался в фактическом устранении КПЧ от руководства средствами массовой информации, которые своей кампанией против СССР и других социалистических стран, а также против друзей СССР в самой Чехословакии и подготовили ввод войск ОВД 20 августа 1968 года.

В Москве этого никто не хотел. Там до последнего верили обещаниям Дубчека прекратить антисоветскую кампанию в печати. И лишь постоянное невыполнение этих обещаний (которые Дубчек выполнять и не собирался, фактически постоянно обманывая советское руководство) вынудило Кремль на военные меры. А Дубчек, видимо, либо хитрил и реализовывал какой-то до сих пор не опубликованный им план, либо боялся всерьез задуматься о происходящем, либо был слишком сильно увлечен борьбой за власть, оттягивал время до созыва чрезвычайного съезда КПЧ, чтобы

окончательно подчинить себе и группе своих сторонников руководящие органы партии.

Если советское руководство на всем протяжении 1968 года говорило с Дубчеком открыто и искренне, то тот в ответ ловчил, врал и тем самым только отталкивал от себя первоначально дружелюбно к нему настроенное Политбюро ЦК КПСС.

Если бы Дубчек действительно был заинтересован не в личной популярности, а в успехе долгосрочных реформ в Чехословакии, никто не мешал ему вести себя, как Кадар в соседней Венгрии, – твердо проводить экономические преобразования, но не провоцировать соседей клеветой и нападками в СМИ. Конечно, это был, выражаясь современным языком, не очень стремительный и менее эффектный с точки зрения СМИ «китайский путь» (а вернее – венгерский). Но, как представляется, именно он и привел бы Чехословакию к успеху.

Однако «хитрая» тактика Дубчека и других «реформаторов» погубила эти самые реформы. Поэтому думается, что «пражская весна» более правомерно может быть названа «пражской осенью» – временем, когда были обмануты искренние и светлые надежды чехов и словаков на обновление их жизни.

Другой ход реформ, без деструктивной «газетной войны» против СССР, помог бы избежать никому не нужных событий августа 1968 года, которые до сих пор используются для разжигания недоверия между братскими славянскими народами – чехами, словаками и русскими.

Список источников и использованной литературы

- 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010
- Андрянов В. И. Косыгин. М., 2004
- Валента И. советское вторжение в Чехословакию, 1968. М., 1991
- История Чехословакии. том 3. М., 1960
- Готвальд К. Избранные произведения. том 2. М., 1957
- Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982
- Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде. М., 1986
- Марко М. Черным по белому. М., 1974
- Матоуш М. Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеологической диверсии. М., 1977
- Мухтасипов М. М. торжество правды. М., 1983
- Недорезов А. И. аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954
- Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976
- Попов Н. Н. По пути совершенствования. М, 1967
- Правда побеждает. М., 1971
- «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010
- «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. статьи, исследования, воспоминания. М., 2010
- Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988
- Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003
- Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. М., 2010
- Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010
- Шленова Н. А. Рабочий класс Чехословакии в годы строительства основ социализма. М., 1977
- Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978
- Adam J. Wage, Price and Taxation Policy in Czechoslovakia 1948–1970. Berlin, 1974
- Ambrose S. Ike's spies: Eisenhower and the Espionage Establishment.

University Press of Mississippi, 1999

Bolsevismus, komunismus a radikalni socialismus v Ceskoslovensku (Svazek V). Praha, 2005

Briggs E. Proud Servant. 1998

Broz I. Diplomát vesele mysli a smutné duši. Praha, 2000

Die Tschechoslowakei 1945/48 bis 1989: Studien zur kommunistischen Herrschaft. Leipzig, 2008

Faure J. Americký přítel. Praha, 2005

Frolík J. Špion vypovídá. Praha, 1990

Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: the Dubček era 1968–1969. Cambridge University Press, 1973

Hanzlík F. Bez milosti a litování. B. Reicin – fanatic rudoého teroru. Praha, 2011

Hochmann J. (editor). Nadeje umírá poslední. Vlastní životopis Alexandra Dubčeka. Praha, 1993

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948–1954. Berlin, 1990

Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965. Stuttgart, 1966

Ivanov M. Justiční vražda aneb smrt Milady Horákové. Praha, 1991

Kadlec V. Podivné konce našich prezidentů. Kruh, 1991

Kaplan K. Sociální souvislosti krize komunistického režimu 1953–1957 a 1968–1975. Praha, 1993

Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin, 1982

Kettner P., Jedlička I. Proc zemřel Jan Masaryk? Praha, 1990

Kosatík P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993

Kratochvíl A. Zaluží. Stalinská justice v Československu. Praha, 1990

London A. Doznání. Praha, 1990

Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc. Cornell University, 2000

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988

Moravec F. Špion jemuž neverili. Rozmluvy, 1990

Mosley L. Dulles. New York, 1978

Pacner K. Československo ve zvládnutých službách. Díl IV. Themis, 2002

The Prague Spring 1968: A National Security Archive Documents Reader (by J. Navrátil). Budapest, 1998

Raska F. D. Opouštění bojovníků. Praha, 2009

Ross S. American War Plans 1945–1950. Portland Oregon, 1996

Skoug K. Czechoslovakia's Lost Fight for Freedom: An American Embassy

Perspective. Praeger Publishers, 1999

Slanska J. Zprava o mem muzi. Praha, 1990

Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994

Solz J. Uteky a navraty. Bohumil Lausman – osud ceskeho politika. Praha, 2008

Sterlingova C. Pripad Masaryk. LepreZ, 1991

Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007

notes

СНОСКИ

1

Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978. С. 109.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 264.

Священник Йозеф Плойгар (родился в 1902 году) был активным противником нацизма и находился в концлагере Бухенвальд с 1939 по 1945 год. Противники Плойгара утверждали, что еще до февраля 1948 года тот был тайным членом КПЧ («подводной лодкой», на жаргоне того времени). Распространялись слухи, что преподобный Плойгар много пьет и любит красивых девушек. Алоис Петр и Плойгар были исключены из ЧНП 24 февраля 1948 года за поддержку политики КПЧ.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 280.

http://is.muni.cz/th/64234/ff_m/Hlavni_textova_cast.pdf

В 1925 году Масарик женился на американке Фрэнсис Крейн, дочери видного промышленника и дипломата, но через пять лет их бездетный брак распался.

http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zem

http://is.muni.cz/th/52127/ff_m/Strucna_historie_uprchliku_z_ceskych_zem

Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965.
Stuttgart, 1966. S. 148.

http://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1948.html.

Первым президентом Чехословакии, как уже упоминалось, был отец Яна Масарика Томаш Масарик (умер в 1935 году, его сменил Бенеш).

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 83.

Kettner P., Fedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 83.

Kettner P., Fedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 18.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 84.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 85.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 277.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 86.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 270.

Ross S. American War Plans 1945-1950. Portland Oregon, 1996. P. 80.

Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982. S. 84.

Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin. 1982, S. 86.

Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76vol0/actionsstatement.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 103.

<http://postrana.narod.ru/revpage8.html>.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 103.

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 12.

Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 20.

Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 25.

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 53.

Thomas E. The Four Who Dared. New York, 1995. P. 32.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 103.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 88.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 88.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 91.

Raska F. D. Opousteni bojovnici. Praha, 2009. S. 192.

С мая 1951 года – Американский комитет по освобождению народов России (American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia), с марта 1953-го – Американский комитет по освобождению от большевизма.

http://is.muni.cz/th/11192/ff_d/dizertace_palecek_bez_priloh_final_version_

Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 222–223.

Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 227.

Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 243.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 119.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 98.

Fame J. Americký přítel. Praha, 2005. S. 97.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 98.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 278.

<http://www.czsk.net/svet/clanky/publicistika/spartakada.html>.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 266–267.

Родился в 1888 году в семье школьного учителя в Пльзени. После окончания семинарии учился в католическом университете Ватикана. Принял сан в июне 1911 года. До 1932 года служил в своем родном городе, а затем перебрался в Прагу, где в числе прочего преподавал теологию в Карловом университете. Был арестован гестапо 6 июня 1940 года и отправлен в концлагерь Дахау. 4 ноября 1946 года был назначен архиепископом Праги и примасом чехословацкой католической церкви.

Hoensch J. Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965.
Stuttgart, 1966. S. 153.

Термин «заключенный» к тем, кто был в лагерях, официально не применялся – их именовали «воспитанниками».

Die Tschechoslowakei 1945/48 bis 1989: Studien zur kommunistischen Herrschaft. Leipzig, 2008. S. 93.

Это был девиз гуситского движения в Чехии в XV веке, активно использовавшийся всеми группами чешского Сопротивления нацистам в годы Второй мировой войны.

В 1968-1990 годах в этом населенном пункте дислоцировалось командование группой советских войск в Чехословакии («Центральная группа войск»).

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 287.

В 1916 году, будучи призван в австро-венгерскую армию, Кудлачек попал в русский плен и вступил в сформированный в составе русской армии Чехословацкий легион. В 1935 году работал в чехословацкой военной миссии в Боливии (был начальником штаба), которая помогала боливийцам в их безуспешной войне против Парагвая за регион Чако. Затем работал в центральном аппарате министерства обороны ЧСР. После оккупации Чехии нацистами стал начальником штаба подпольной военной организации «Защита нации». Но на его след вышло гестапо, и Кудлачеку пришлось в ноябре 1939 года тайно покинуть страну. Во время войны был чехословацким военным атташе в Канаде и Бразилии. С сентября 1945 года в чине бригадного генерала возглавлял 6-й отдел министерства обороны (отвечал за связи с союзниками, то есть прежде всего с СССР) и за военную промышленность. С 1 ноября 1946 года был главным инспектором Минобороны по вопросам военного воспитания. После февраля 1948 года был отправлен в отпуск, а летом того же года вместе с семьей бежал из страны.

Solz J. Ve službach prezidenta. Praha, 1994. S. 238.

Solz J. Ve službach prezidenta. Praha, 1994. S. 232.

Ингр пользовался еще большим доверием Бенеша, чем Моравец. Именно он готовил армию на случай вооруженной борьбы с коммунистами после 1945 года. 6 июня 1945 года Бенеш присвоил ему высшее воинское звание генерала армии, а 27 августа 1947-го назначил Ингра посланником в Нидерланды. 3 марта 1948 года Ингр ушел в отставку и остался в эмиграции. Умер от инфаркта в Париже в 1956 году. В 1991-м был посмертно награжден президентом Чехословакии Гавелом орденом Штефаника.

Solz J. Ve službach prezidenta. Praha, 1994. S. 241.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol.-55-no.-1/pdfs/CleanedLukes-OperationKamen-Web.pdf>.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 296.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 317.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 49.

Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 152.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 485.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 65.

Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 153.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 486.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 81.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 82.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 76.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 495.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 53.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 60.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 497.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 241–242.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 58.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 126.

Первый раз Даллес был в доме у Филдов еще в 1918 году в Швейцарии.

Унитаристы – это одна из многочисленных протестантских конфессий.

http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000028650/DOC_0000028650.pdf.

Родился в 1901 году, работал учеником токаря. В 1918 году вступил в Красную армию, где служил в конной разведке на Южном фронте. Член компартии с 1918 года. С этого же года занимал различные должности в военной контрразведке. С 1930 года – во внешней разведке, в 1930-1932 годах работал в Северном Китае и Иране. Вновь работал в Китае в 1935-1938 годах. После начала войны был руководителем особых отделов ряда корпусов на Западном и Северо-Западном направлениях (фронтах). После образования в 1943 году военной контрразведки СМЕРШ был ее уполномоченным на Северо-Кавказском и 3-м Прибалтийском фронтах. Был освобожден от должности в декабре 1944 года. С марта 1945 года работал в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Венгрии. После назначения бывшего руководителя СМЕРШ Абакумова министром государственной безопасности Белкин как «человек нового министра» был назначен первым заместителем руководителя Первого главного управления (ПГУ, внешняя разведка) МГБ СССР. Арестован по «делу Абакумова» в сентябре 1951 года. Освобожден в 1953 году, уволен из органов госбезопасности, а в 1954-м лишен воинского звания «как дискредитировавший себя во время работы». В 1966 году по ходатайству КГБ СССР лишение звания было заменено понижением в звании до полковника. После освобождения из тюрьмы работал на заводе токарем. Умер в 1980 году.

[http://www.czech-press.cz/index.php?option=com_content&view=article&id=1477%3Astalinova-rukojmi&Itemid=4.](http://www.czech-press.cz/index.php?option=com_content&view=article&id=1477%3Astalinova-rukojmi&Itemid=4)

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 204–205.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Н. И. Макаров – начальник 2-го главного управления МГБ СССР.

После разрыва между СССР и Югославией югославский дипломат Лазар Бранков остался в Москве и попросил политического убежища.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Помимо самого Райка и Соньи в «группу» входили начальник генштаба и заместитель министра обороны генерал Палфи, бывший сотрудник югославского посольства в Будапеште Бранков (который после начала советско-югославского конфликта решил не возвращаться на родину), заместитель Соньи Салаи, полковник госбезопасности Бела Коронди, заместитель руководителя венгерского комитета по радиовещанию Юстуси Милан Огненович.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 213–214.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 215–217.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 107.

Клементис родился в 1902 году. В 1921 году он поступил на юридический факультет пражского Карлова университета и сразу же включился в молодежное социалистическое движение. В 1924 году вступил в компартию. В 1931-1939 годах работал адвокатом в Братиславе, в 1936-1938 годах был депутатом чехословацкого парламента от КПЧ. В марте 1939 года по решению партии эмигрировал через Польшу и СССР в Париж. Оттуда он должен был выехать в США, чтобы вести партийную работу среди чехов и словаков в Северной Америке. Однако Клементис подверг критике советско-германский договор о ненападении и за это был в Париже исключен из партии. Вступил добровольцем в формировавшиеся чехословацкие воинские части во Франции. В 1942-1945 годах под псевдонимом Петер Грон работал на лондонском чехословацком радио вместе с Яном Масаариком. В 1945 году был снова принят в компартию и стал статс-секретарем (то есть заместителем министра) иностранных дел. В 1949 году был избран в ЦК КПЧ.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 270.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Власта Весела родилась в 1911 году в семье портного в Брно. По благотворительной стипендии смогла закончить медицинский факультет университета. Будучи студенткой, вступила в молодежную коммунистическую организацию. В 1937 году уехала в Испанию, где работала врачом в республиканской армии. После поражения республики в 1939-м Весела была интернирована во Францию. После оккупации немцами южной Франции в ноябре 1942 года бежала в Швейцарию и жила в Цюрихе. Там она получала финансовую помощь от Филда, что и предопределило ее судьбу. В тюрьме Весела три раза объявляла голодовку и ушла из жизни с помощью снотворного, которое прописал ей врач.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Ivanov M. Justicni vrazda aneb smrt Milady Horakove. Praha, 1991. S. 155.

Во время Второй мировой войны и нацистской оккупации Чехословакии Горакова принимала участие в подпольной антифашистской борьбе, в 1940 году была арестована гестапо и отправлена в концлагерь Терезин, в 1944-м переведена в тюрьму в Дрездене, где ее приговорили к восьми годам заключения. Освобождена после окончания войны. Горакова была избрана членом парламента, возглавила Совет чехословацких женщин, участвовала в работе Международной демократической федерации женщин, возглавляла делегацию своей страны на Международном конгрессе женщин в Париже. 27 сентября 1949 года она была арестована по обвинению в «буржуазном национализме» и «подготовке диверсионного заговора».

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 99.

Бриггс родился в 1899 году. Находился на дипломатической службе с 1925 года. В течение последующих 37 лет был послом США в семи странах: Доминиканской республике, Уругвае, Чехословакии, Южной Корее, Перу, Бразилии и Греции.

Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 270.

Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 270.

Briggs E. Proud Servant. 1998. P. 277.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Мария Швермова (урожденная Швабова) родилась в 1902 году в семье строительного рабочего в городе Теплице. Отец как активный социал-демократ подвергался преследованиям, не мог найти работу, и семье пришлось эмигрировать в Германию, где Мария ходила в школу, а затем работала на фабрике. В 1918 году вернулась в Прагу, где активно участвовала в социал-демократическом молодежном движении, за что преследовалась полицией. Поступив на юридический факультета Карлова университета, познакомилась там со студентом Яном Швермой, который стал ее гражданским мужем. В 1921 году вступила в компартию. В 1926-м Мария с мужем уехали в СССР, где, в числе прочего, работали на Коломенском паровозостроительном заводе. В 1931 году Мария представляла КПЧ в Коминтерне. С 1939 года Мария с мужем жили в Москве, где она работала на радио и помогала в госпиталях. Ее дочь Йиржина (Юрка) в 1943 году добровольцем ушла на фронт. После начала Словацкого национального восстания Ян Шверма вместе с Рудольфом Сланским были направлены в Словакию. 10 ноября 1944 года после подавления восстания Шверма умер от истощения, охлаждения и перегрузок в горах, куда отступили повстанцы. Многие обвиняли в гибели Швермы Сланского, который якобы украл у него теплые ботинки и вообще не проявил достаточно заботы об ослабшем товарище.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 279.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1951, Eastern Europe
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1950v04/reference/frus.frusl950v04.i>

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 288.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 279.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 289.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 236.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 236.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 237.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 128.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 249.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 250.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Окапи – африканское животное, похожее на жирафа. Это название разведывательной организации дал Моравец: ведь окапи – это осторожное животное, предпочитающее, с точки зрения Моравца, ночной образ жизни.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 296.

Алексей Дмитриевич Бесчастнов родился в 1913 году в Подмосковье. Начинал трудовой путь на фабрике, затем перешел на комсомольскую работу. В 1932-1935 годах был секретарем Дмитровского райкома комсомола. В 1937 году был направлен на работу в органы госбезопасности. Во время войны организовывал партизанское движение на Кубани, воевал под Новороссийском и на Малой земле. Войну закончил в Берлине, расписавшись на стенах рейхстага. Затем работал в управлениях госбезопасности по Краснодарскому краю и Волгоградской области. Был назначен представителем МГБ в Польше. В Чехословакии находился до лета 1953 года. Во время венгерского кризиса 1956 года работал в Будапеште. Тогдашний советский посол в Венгрии Ю. В. Андропов, ставший в 1967 году председателем КГБ, назначил Бесчастного в 1974-м начальником 7-го управления КГБ. С 1980 года – в отставке. Скончался в 1998 году.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 298.

Slanska J. Zprava o mem muzi. Praha, 1990. S. 136.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 302.

В этот день следователь Коштал вместе с советскими советниками смотрел хоккей и оставил пистолет в пальто, висевшем в соседнем кабинете.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 303.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

Геминдер родился в 1901 году в Остраве. Его мать рано умерла, а отец покончил жизнь самоубийством. Геминдер учился в коммерческом училище в Германии и был членом компартии с момента ее основания в 1921 году. Он долго жил в Москве, где работал в пресс-секции Коминтерна, а после роспуска Коммунистического интернационала работал в международном отделе ЦК КПСС. Геминдер плохо говорил по-чешски, гораздо лучше зная немецкий язык.

http://www.jewukr.org/observer/jo24_43/p0103_r.html.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 274.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 135.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 303–304.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 304.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 308.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 137.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 322.

Стивен С. Операция «Раскол». М., 2003. С. 308.

London A. Doznani. Praha, 1990. S. 322.

<http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/WP50IL.pdf>.

<http://dare.uva.nl/document/106770>.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 502.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 89.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 404.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 502.

Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 161.

Недорезов А. И. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 181.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 506.

«Кулаками» считались все, кто имел более 20 га земли.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 509.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 407–408.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 511.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 419.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 420.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 410.

http://is.muni.cz/th/104952/pedf_m/DIPLOMKA.pdf.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 443.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 512.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 448.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 454.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 455.

<http://www.radio.cz/cz/rubrika/historie/nemoc-a-smrt-klementa-gottwalda>.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

Возведенный на холме Витков в 1938 году Национальный памятник первоначально именовался Памятником Национального освобождения и восхвалял подвиги чехословацких легионеров на фронтах Первой мировой войны. Летом 1948 года там были выставлены останки президента Эдварда Бенеша.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 232.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 234.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 191.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 204.

Kosatík P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 210.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 131.

Fame J. Americký přítel. Praha, 2005. S. 132.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 141.

Венцель Якш и Рудольф Лодгман были видными деятелями реваншистской судетской эмиграции в ФРГ.

Готвальд К. Избранные произведения. Том 2. М., 1957. С. 399.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 150-151.

Mosley L. Dulles. New York, 1978. P. 308.

Родился в 1902 году в Нью-Йорке, в 1924 году окончил Принстонский университет. С 1931 года работал в компании, издававшей журнал «Тайм». В 1942-1943 годах работал специальным помощником посла США в Турции и должен был удержать турок от вступления в войну на стороне Германии. В 1943-1945 гг. служил в УСС и отвечал за психологическую войну в ставке Эйзенхауэра. Затем вернулся к журналистской и издательской деятельности. В 1951-1952 гг. был (как и ранее Даллес) президентом Национального комитета за свободную Европу.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 155-156.

Площадь была названа в честь битвы на Дуклинском перевале осенью 1944 года, когда советские и чехословацкие части ценой огромных потерь пытались пробиться на помощь Словацкому национальному восстанию.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 15.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 16.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 515.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 516.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 18.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 18.

Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu (Svazek V). Praha, 2005. S. 230.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 517.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 517.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 92.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 141.

Гольдштюкер пережил чистки, был реабилитирован и скончался в 2000 году в возрасте 87 лет.

215

<http://www.vhu.sk/data/files/216.pdf>.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 142.

Hodos G. Schauprozesse. Stalinistische Säuberungen in Osteuropa 1948-1954. Berlin, 1990. S. 142.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 157.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 158-159.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 159.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 159.

Mitrovich G. Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc. Cornell University, 2000. P. 168.

<http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/carafano.pdf>.

Ambrose S. Ike's spies: Eisenhower and the Espionage Establishment.
University Press of Mississippi, 1999. P. 239.

Fame J. Americký přítel. Praha, 2005. S. 162.

Fame f. Americký pritel. Praha, 2005. S. 169.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 176.

Первая подобная амнистия была провозглашена еще в 1948 году, но особого успеха не имела.

Solz J. Uteky a navraty. Bohumil Lausman – osud ceskeho politika. Praha, 2008. S. 247.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 163.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 164.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 522.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 524.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 529.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 64.

<http://is.muni.cz/th/110320/ffb/cesko-jugstyky.pdf>.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ffb/Bakalarska_prace.pdf.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 189.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 164.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 74.

245

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 194.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 194.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 195.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 196.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 196.

Из Венгрии осенью 1956 года эмигрировали около 200 тысяч человек.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 200.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

260

http://is.muni.cz/th/145152/ff_m/Diplomka-kompletni_verze.pdf.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 207.

ФРГ в 50-е годы считала Мюнхенское соглашение 1938 года, по которому Чехословакия лишилась Судет, действующим международным договором.

Faure J. Americký pritel, Praha, 2005. S. 207.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 210.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 211.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 212.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 213.

«Отравление атропином (высшая разовая доза 0,001 г) развивается спустя 10-15 минут после приема токсической дозы этих препаратов. При остром отравлении появляется гиперемия лица, сухость кожи, иногда сыпь, мидриаз, диплопия, сухость во рту, затруднение глотания, охриплость голоса и лающий кашель, жажда, отсутствие зрачковой реакции на свет, нарушение аккомодации, наблюдаются тошнота, рвота, повышение температуры. При отравлении препаратами атропина, кроме отмеченных выше симптомов, отмечается неправильный пульс, сердцебиение, одышка, амавроз, головокружение, головная боль, дрожание рук. Развитие комы сопровождается возбуждением, бредом, галлюцинациями, судорожными подергиваниями, рвотой, потерей сознания». http://www.meyu.ru/?Porazhenie_nervnoi_sistemy_pri_otravlenii_medikamentoznymi%0Asredstvami:Otravlenie_atropinom.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 218.

270

Lidove Noviny. 8.06.2012.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 219.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 222.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 228.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 228.

Американцы активно использовали в своей пропаганде образ Кошута как героя-националиста, сражавшегося против русских интервентов за свободу Венгрии.

Bolsevismus, komunismus a radikalni socialismus v Ceskoslovensku (SvazekV.). Praha, 2005. S. 236.

Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu (Svazek V.). Praha, 2005. S. 229-230.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 232.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 232.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 232.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 229.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 годы).
Киев, 1976. С. 91.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 233.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 181.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 135.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 235.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 185.

В январе 1948 года Сирии было поставлено 10 тысяч винтовок, 1000 автоматов, 500 пулеметов и 17,5 миллионов патронов. Партия оружия была задержана Югославией, затем все же отправлена в итальянский порт Бари, где судно потопили неизвестные террористы. Однако весь груз подняли со дна моря, и его купил Израиль.

289

<http://www.palba.cz/viewtopic.php?t=4308>.

Чешская деревня Лидице была полностью уничтожена нацистами в 1942 году в отместку за убийство чешскими патриотами Гейдриха в Праге.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 234.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 234.

Мать Кубичека учительница Жулия Кубичек имела чешское происхождение. Ее дед Ян Кубичек родился в Южной Чехии. В 1996 году Жуселину Кубичеку посмертно был присвоен чешский орден Масарика 1-й степени.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 236.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 237.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 237.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 187.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 341.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 26.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 548.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 225-226.

Ота Шик – чехословацкий экономист, один из разработчиков экономической реформы 1967 года и активный деятель «пражской весны».

К этой категории Млынарж в соответствии с чехословацким политическим лексиконом 1968 года относил всех сторонников «пражской весны».

Mlynar Z. Nachtfrost, Frankfurt-am-Main, 1988. S. 80-82.

Черник был в 1968 году премьер-министром ЧССР и близким соратником Дубчека.

История Чехословакии. Том 3. М., 1960. С. 549.

http://www.psp.cz/docs/texts/constitution_1960.html.

Hochmann J. (editor). *Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka.* Praha, 1993. S. 88-89.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 228.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 231.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 232.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 233.

Барак родился в 1915 году в семье рабочего-кузнеца. Его мать работала на кирпичном заводе. Рудольф выучился на работника типографии, где и трудился до 1937 года. В юности он, как и Новотный, активно занимался спортом – легкой атлетикой. В 1935 году был осужден на шесть недель за то, что тайно печатал в типографии листовки КПЧ. С октября 1937 и до марта 1939 года (до оккупации ЧСР немцами) служил в армии, где окончил сержантскую школу. Затем работал на «Шкоде». В 1941 году женился на Ярмиле Чамровой и с течением лет стал отцом троих детей. Членом КПЧ Барак стал либо прямо перед освобождением, либо уже в мае 1945 года. Возглавлял местную организацию КПЧ в своем родном городке Бланско. В 1948 году стал председателем районного национального комитета (где раньше был референтом по безопасности). В 1950 году после ареста Отто Шлинга возглавил областной Национальный комитет в Брно. В декабре 1952 года стал кандидатом в члены ЦК КПЧ, а сразу после смерти Готвальда в марте 1953 года – заместителем председателя главы правительства. 14 сентября 1953 года был назначен министром внутренних дел. С июня 1954 года входил в политбюро (президиум) ЦК КПЧ.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 89.

Frolík J. Spion vypoví dá. Praha, 1990. S. 90.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 90.

http://users.ox.ac.uk/~oaces/conference/papers/Pavel_Zacek.pdf.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 108.

В 1968 году судебный приговор в отношении Барака был отменен как незаконный, и бывшего министра освободили. Было начато новое следствие. В мае 1974 года генеральная прокуратура ЧССР констатировала, что деяния Барака содержат все признаки хищения социалистической собственности. Приговоры в отношении детей и жены были оставлены в силе. В 1982 году во время визита в Прагу о политической реабилитации Барака якобы просил Ю. В. Андропов, однако чехословацкое руководство осталось непреклонно. Рудольф Барак скончался в августе 1995 года.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentuio Kruh, 1991. S. 234.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 92.

Кольдер скончался в 1972 году.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 234.

http://www.sds.cz/docs/prectete/pasaz/dko_jpzz.htm.

http://www.sds.cz/docs/prectete/pasaz/dko_jpzz.htm.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/publikace/securitas-imperii/nol6/008-029.pdf>.

Худик родился в 1914 году и считался человеком Вильяма Широкого. В 1930-1934 годах работал на разных заводах, потом служил в армии. До 1946 года был сотрудником Финансовой стражи (то есть таможни).

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 13.

Жители Закарпатской Украины, присоединенной в 1919 году решением Антанты к Чехословакии.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 27.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 70.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 71.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 72.

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/31.php.

Kadlec V. Podivne konce nasich prezidentu. Kruh, 1991. S. 239.

Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988. С. 96–97.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 90.

Политбюро ЦК КПЧ было переименовано в Президиум ЦК КПЧ в 1962 году.

Свержение Новотного организовал Дубчек осенью 1967 – зимой 1968 года.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 90-92.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 98.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 99.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 99.

http://theses.cz/id/7ma90s/dp_hana_grisova.pdf.

В 1968 году был противником Дубчека и полностью поддержал ввод войск Варшавского договора в ЧССР.

http://theses.cz/id/7ma90s/dp_hana_grisova.pdf.

347

http://theses.cz/id/7ma90s/dp_hana_grisova.pdf.

В то время секретарь ЦК КПС, курировавший промышленность Словакии.

http://theses.cz/id/7ma90s/dp_hana_grisova.pdf.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 104.

<http://www.fqs.org/cia/docs/81/0000119584/POLITICAL-CRISIS-IN-CZECHOSLOVAKIA.html>.

352

http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 108.

<http://khd.vse.cz/wp-content/uploads/2011/06/Skrivanl.pdf>.

<http://khd.vse.cz/wp-content/uploads/2011/06/Skrivanl.pdf>.

[http://www.fqs.org/cia/docs/78/0000119583/INTELLIGENCE-MEMO-RANDUM – CZECHOSLOVAKIA%27S-NEW-POLICY-IN-THE-SOVIET-BLOC.html](http://www.fqs.org/cia/docs/78/0000119583/INTELLIGENCE-MEMO-RANDUM%20-%20CZECHOSLOVAKIA%27S-NEW-POLICY-IN-THE-SOVIET-BLOC.html).

Темпы роста экономики США в 50-е годы составляли 4-4,5 %, причем в 1957 году начался спад.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 31.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistického rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 32.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 34.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 37.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistického rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 38.

http://is.muni.cz/th/207229/esf_m/DP_Bobulova_Ekonomicke_reformy_v_CSSR_v_60._letech.pdf.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 88.

365

Rude Pravo. 1.03.1968.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 114.

http://is.muni.cz/th/207229/esf_m/DP_Bobulova_Ekonomicke_reformy_v_CSSR_v_60._letech.pdf.

Adam J. Wage, Price and Taxation Policy in Czechoslovakia 1948-1970. Berlin, 1974. P. 144.

Adam J. Wage, *Price and Taxation Policy in Czechoslovakia 1948-1970*. Berlin, 1974. P. 152–153.

370

www.vse.cz/polek/download.php?jnl=aop&pdf=149.pdf.

371

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/31.php.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 338.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 87.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 16.

Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: the Dubcek era 1968-1969. Cambridge University Press, 1973. P. 22.

376

Rude Pravo. 5.03.1968.

377

Rude Pravo. 5.03.1968.

378

Rude Pravo. 1.03.1968.

Павленко О. Советские информационно-аналитические и оперативные материалы по чехословацкому кризису 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 76.

380

Rude Pravo. 5.03.1968.

Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. М., 2010.
С. 127.

382

Rude Pravo. 7.03.1968.

383

Rude Pravo. 8.03.1968.

384

Rude Pravo. 8.03.1968.

385

Rude Pravo. 1.03.1968.

Такого уровня впоследствии не удавалось достичь вплоть до 1981 года, после чего снова начался подъем.

387

Rude Pravo. 1.03.1968.

388

Rude Pravo. 8.03.1968.

389

Rude Pravo. 8.03.1968.

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Trav/31.php.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 89.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 33.

Матоуш М. Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеологической диверсии. М., 1977. С. 61.

Матоуш М. Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеологической диверсии. М., 1977. С. 52.

Родился в 1908 году. Был профессором экономики в Гарварде (1949-1975 гг.), работал в Комитете по ценам во время Второй мировой войны, служил послом США в Индии (1961-1963 гг.). Был советником президента Джона Кеннеди и кандидатов в президенты от Демократической партии Эдлая Стивенсона, Юджина Маккарти и Джорджа Макговерна. Позднее являлся советником президента Билла Клинтона. С 27 декабря 1988 года – иностранный член РАН по Отделению проблем мировой экономики и международных отношений. В 1993 году награждён золотой медалью им. М. В. Ломоносова за выдающиеся достижения в области экономических и социальных наук.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 92.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistického rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 91.

Матоуш М. Фронт без перемирия. Чехословакия в борьбе против идеологической диверсии. М., 1977. С. 64.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 243-244.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 246.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 246.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 246.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 239.

404

http://www.cepin.cz/docs/dokumenty/Dejmek_komplet.pdf.

Посол Бим предложил замедлить выдачу американских виз официальным чехословацким лицам.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 239-240.

407

<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=28383#axzzlylyrvG3B>

Skoug K. Czechoslovakia's Lost Fight for Freedom: An American Embassy Perspective. Praeger Publishers, 1999. P. 11.

http://www.cepin.cz/docs/dokumenty/Dejmek_komplet.pdf.

http://www.cepin.cz/docs/dokumenty/Dejmek_komplet.pdf.

411

kmsl.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/.../warplan_dossier.pdf

<http://armada.vojenstvi.cz/povalecna/studie/17.htm>.

[https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/csi-studies/studies/vol51no4/will-the.](https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/csi-studies/studies/vol51no4/will-the)

Характерно, что даже американская разведка говорит именно о «контрмерах» против НАТО, то есть в советскую агрессию никто в Вашингтоне серьезно не верил, хотя о ней сообщалось во всех западных СМИ.

http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000273217/DOC_0000273217.pdf.

http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000273217/DOC_0000273217.pdf.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 286.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 287.

Pacner K. Československo ve zvláštích službách. Díl IV. Themis, 2002. S. 288.

<http://shieldandsword.mozohin.ru/kgb5491/sovetsnik/CSR.htm>.

Hochmann J. (editor). *Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka.* Praha, 1993. S. 116-117.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 117.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 118.

Родился в 1922 году. Член ЦК КПЧ с 1958 года. В 1965-1968 годах – генеральный директор крупнейшего пражского завода ЧКД. В 1968-м поддержал ввод войск Варшавского договора в ЧССР.

Родился в 1922 году. Выучился на токаря. Во время войны учился в профессиональном училище. В КПЧ вступил в 1945 году. В 1950-1956 годах был работником аппарата ЦК КПЧ. В 1956-1958 годах, как и Дубчек, учился в Высшей партийной школе в Москве. В 1960-1962 годах был секретарем по идеологии Южноморавской областной организации КПЧ. В 1962-м был избран членом ЦК КПЧ, в сентябре 1963-го – кандидатом в члены президиума ЦК КПЧ. Пражскую организацию КПЧ возглавил в апреле 1966 года.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 120.

Родился в 1908 году в семье рабочего. Член КПЧ с 1934 года. Участвовал в движении Сопротивления, в том числе и в Пражском восстании 1945 года. В 1949-1951 годах – заместитель министра снабжения. С 1954 года – председатель Госплана. С 1959 года одновременно вице-премьер.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 120.

Павленко О. Советские информационно-аналитические и оперативные материалы по чехословацкому кризису 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования воспоминания. М., 2010. С. 52.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 90.

Казарина И. Чехословацкая кинематография как зеркало «пражской весны» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования воспоминания. М., 2010. С. 112.

432

Повествует о депортации евреев из Словакии в годы войны.

Казарина И. Чехословацкая кинематография как зеркало «пражской весны» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования воспоминания. М., 2010. С. 117.

Цит. по: *Грзал Л., Нетолик Я.* Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 219.

Цит. по: *Грзал Л., Нетопилик Я.* Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 222.

Марко М. Черным по белому. М., 1974. С. 30.

Марко М. Чернымпо белому. М., 1974. С. 30.

Цит. по: *Грзал Л., Нетолик Я.* Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 187–188.

Марко М. Черным по белому. М., 1974. С. 21.

После событий 1968 года эмигрировал в США.

Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 182.

Цит. по: *Грзал Л., Нетописик Я.* Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 183.

Павленко О. Советские информационно-аналитические и оперативные материалы по чехословацкому кризису 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 52.

Пеликан родился в 1923 году в Оломоуце в семье творческой интеллигенции (его отец был скульптором). В 1939 году вступил в КПЧ. Пять месяцев был в тюрьме гестапо, откуда его выпустили в 1941 году. После этого скрывался до конца войны в неизвестном месте. Мать Пеликана была арестована в связи с розысками сына и погибла в концлагере. После 1945 года работал в ЦК КПЧ, где отвечал за молодежную политику. После февраля 1948 года проводил чистку вузов от антикоммунистических элементов. В 1955-1963 годах был генеральным секретарем и председателем Международного союза студентов. Потом был назначен директором Чехословацкого телевидения. В 2000-х появились данные, что в 60-е Пеликан активно работал на госбезопасность.

Характерно то, что у коммунистической партии не было других инструментов борьбы за умы населения страны и за умы творческой интеллигенции в частности: только уговоры и административные меры.

Родился в 1921 году, учитель по образованию. В 1946-1952 годах был председателем Союза чехословацкой молодежи. В 1952 году исключен из партии и работал на производстве обычным рабочим. С конца 50-х годов был директором средней школы. Во время «пражской весны» стал руководителем чехословацкого государственного радио.

Цит. по: Грзал Л., Нетолик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 183.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 122.

В октябре 2008 года сотрудник чешского Института по изучению тоталитарных режимов Градилек опубликовал в еженедельнике «Респект» статью о том, что Кундера в 1950 году донес полиции на Мирослава Дворжачека, который сначала бежал в ФРГ, а затем тайно вернулся в Чехословакию в качестве агента американской разведки. Дворжачек был приговорен к 22 годам заключения, из которых отбыл 14 лет. После публикации Кундера заявил: «Я просто шокирован всей этой историей, о которой мне ничего не известно и которой вообще не было. Мне совершенно неизвестен человек, о котором идет речь. Это ложь». Утверждения, что писатель был доносчиком, вызвали горячие споры в Чехии, где Кундере считают чуть ли не национальным героем.

Skoug K. Czechoslovakia's Lost Fight for Freedom: An American Embassy Perspective. Praeger Publishers, 1999. P. 28.

Родился в 1926 году в семье столяра. В 1941-1946 годах работал на обувной фирме Бати. В 1945 году вступил в КПЧ и в 1950-м смог закончить вуз – Высшую школу социальных и политических наук. В 1953-1957 годах работал литературным редактором в «Руде Право», с 1959-го – в молодежной редакции чехословацкого радио. В 1965 году перешел в редакцию органа Союза писателей «Литерарны листы».

Родился 5 октября 1936 года в семье богатого предпринимателя. Дед Гавела был известным чехословацким дипломатом. После 1945 года Вацлав посещал элитную школу. Как писатель дебютировал в 1955 году в журнале «Квьетен». В гуманитарный вуз его не принимали из-за буржуазного происхождения, и он учился сначала на химика, потом – на бухгалтера. С первой критической речью выступил еще на съезде Союза писателей в 1956 году. В 60-х годах в театрах ЧССР стали ставить его пьесы. В 1966 году Гавел опубликовал свою первую книгу «Протоколы».

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 123.

Skoug K. Czechoslovakia's Lost Fight for Freedom: An American Embassy Perspective. Praeger Publishers, 1999. P. 28.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 266.

456

[http://www.nezapomente.cz/zobraz/novotny_urazil_slovensky_lid.](http://www.nezapomente.cz/zobraz/novotny_urazil_slovensky_lid)

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 124.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/0801-4-13.pdf>.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 126.

Кригель родился в 1908 году в Ивано-Франковске, который тогда входил в состав Австро-Венгрии, в еврейской семье. В конце 20-х годов учился в Праге на врача. Воевал как медик интербригад на гражданской войне в Испании. Дослужился до майора, а после поражения республики в 1939 году уехал по линии Красного Креста в Китай, который тогда вел войну против японских агрессоров. В 1945 году воевал в составе американской армии в Бирме. С 1945 года активно работал в пражской организации КПЧ и к февралю 1948-го был ее оргсекретарем. Во время правительственного кризиса фактически командовал отрядами Народной милиции в столице и сыграл большую роль в победе коммунистов. В 1949-1952 годах был заместителем министра здравоохранения. В результате чистки КПЧ (которая на фоне «дела Сланского» носила явные антисемитские черты) был исключен из партии и стал врачом на одном из заводов. В начале 60-х работал на Кубе, помогая там организовывать современную систему здравоохранения. В 1964 году стал депутатом парламента от Праги, в 1966-м был избран в состав ЦК КПЧ.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 130.

Червоненко Степан Васильевич, родился в 1915 году в Полтавской губернии. Работал учителем и директором средней школы, участник великой Отечественной войны. В 1956-1959 годах – секретарь ЦК компартии Украины. В 1959-1965 годах – посол в КНР. С 13 апреля 1965 года – посол СССР в Чехословакии.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 42.

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/l1.html.

465

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/l1.html.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 130.

Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), Volumes online, Volume XVII, Johnson Administration 1964-1968, Eastern Europe, Document 53.

На самом деле социалистическая Чехословакия развивалась гораздо быстрее, чем сами США. В 1948-1970 годах использованный национальный доход на душу населения вырос в ЧССР на 229 %. Благодаря советским заказам традиционно развитое чехословацкое машиностроение смогло увеличить выпуск продукции в 1948-1969 годах в 12,8 раза.

См. телеграмму посольства США в Вашингтон 9.12.1967, Foreign Relations of United States (FRUS), 1968, Document 54.

Skoug K. Czechoslovakia's lost fight for freedom, 1967-1979; an American embassy perspective. Westport, 1999. P. 63.

471

[http://theses.cz/id/el3mv8/downloadPraceContent_adipIdno_10281.](http://theses.cz/id/el3mv8/downloadPraceContent_adipIdno_10281)

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 4546.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 4546.

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/l1.html.

<http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/policie/udv/prezentace/prazskejaro.html>.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 134.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexanrda Dubceka. Praha, 1993. S. 135.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 267.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 268.

<http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/policie/udv/securita/sbornik8/sejna.html>.

481

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/105.pdf>.

<http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/policie/udv/securita/sbornik8/sejna.html>.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 291.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 292.

В ноябре 1968 года мать Мушиловой через Вену также эмигрировала в США.

FRUS, Document 55.

Небезынтересно отметить, что золотой запас ЧСР (23 тонны золота) совершенно официально был переведен нацистам в 1939 году через Английский банк. Всего нацисты присвоили себе в разное время оккупации примерно 45 тонн чехословацкого золота.

FRUS, 1968, Document 55.

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/8-StrategicWarning/2009-09-01.pdf>.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 55.

FRUS 1968, Document 56.

http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/322_1.pdf.

493

Rude Pravo. 10.03.1968.

494

Rude Pravo. 10.03.1968.

495

Rude Pravo. 10.03.1968.

496

Rude Pravo. 8.03.1968.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 133.

Golan G. Reform Rule in Czechoslovakia: the Dubcek era 1968-1969. Cambridge University Press, 1973. P. 116.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 134.

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 21.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 135.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 156.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 139.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 162-163.

Kosatik P. Osm žen z Hradu. Praha, 1993. S. 242.

506

Rude Pravo. 4.07.1968.

http://is.muni.cz/th/150383/pdf_m/Ceskoslovensky_rok_1968_FINAL.pdf.

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 143.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 144.

The Prague Spring 1968: A National Security Archive Documents Reader
(by J. Navratil). Budapest, 1998. P. 42.

Павленко О. Советские информационно-аналитические и оперативные материалы по чехословацкому кризису 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 66.

Попов Н. Н. По пути совершенствования. М, 1967. С. 17.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 16–19.

515

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

516

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 70.

В 1969 году Хофманн был исключен из КПЧ и эмигрировал в США.

Kettner P, Jedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990. S. 103-104.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 70.

FRUS 1968, Document 57.

Имеются в виду события в Венгрии осенью 1956 года.

FRUS, Document 57.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 151.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 20–21.

Ионеску М. Румыния и вторжение «братских стран» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 240.

527

http://militera.lib.rU/h/lavrenov_popov/11.html.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 38.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 39.

530

Правда побеждает. М., 1971. С. 134.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 30.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 39.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 152.

Правда побеждает. М., 1971. С. 137.

Правда побеждает. М., 1971. С. 138.

Правда побеждает. М., 1971. С. 156.

537

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/8-StrategicWarning/2009-09-01.pdf>.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 25–28.

http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/405_1.pdf.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 33.

541

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/4051.pdf>.

Стури Д. ЦРУ и вторжение в Чехословакию // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 351.

FRUS 1968, Document 58.

FRUS 1968, Document 59.

545

См. Spiegel online. Eines Tages, 23.12.2009, www.einstages.spiegel.de.

Для позиции Ростоу характерен следующий факт. Во время сенатских слушаний по утверждению его кандидатуры на пост заместителя госсекретаря США (третий по важности пост в госдепартаменте) в 1966 году сенатор Пелл спросил, смогут ли США пережить ядерную войну. Ростоу ответил: «Япония... не только пережила, но и расцвела после ядерной атаки». Когда сенатор заметил, что в случае войны с СССР будут использованы не два, а тысячи ядерных зарядов, Ростоу сказал: «Человеческая раса очень вынослива. На основании предположений можно сделать вывод, что будут убиты 10 миллионов человек с одной стороны и 100 миллионов – с другой. Но это еще не все население».

FRUS, Document 60.

FRUS, Document 61.

FRUS, Document 62.

FRUS, Document 63.

551

См., например: Rude Pravo. 13.07.1968.

552

Rude Pravo. 16.07.1968.

<http://k231.fronta.cz/?page=3>.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 161.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 359–360.

Были опубликованы сразу же после программы действий КПЧ 14 апреля 1968 года.

<http://ksv.upol.cz/txt/Jaro1968.pdf>.

Правда побеждает. М., 1971. С. 224.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 166.

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 23.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 95.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 59–60.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 64–67.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 67.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 54.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 56.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 56.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 57.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 62.

570

Rude Pravo. 17.07.1968.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 170.

Правда побеждает. М., 1971. С. 139–140.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 170.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 67.

575

Rude Pravo. 13.07.1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 68.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 66.

[http://k231.fronta.cz/?page=4.](http://k231.fronta.cz/?page=4)

[http://k231.fronta.cz/?page=4.](http://k231.fronta.cz/?page=4)

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 71–72.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 74.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 171.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 171.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы, М., 2010. С. 97.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 75.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 89.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 79.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 80.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 72.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 79.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 78.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 83.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 87.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 75-76.

На тот момент – председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

На тот момент – председатель советских профсоюзов.

597

Секретарь ЦК КПСС по идеологии.

598

Секретарь ЦК КПСС, отвечал за связи с социалистическими странами.

599

Заведующий отделом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 72.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 73.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 77.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 163.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 94.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 307.

<http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=58&kat=7&csl=14>.

<http://www.csla.cz/armada/vycvik/vojenskacviceni.htm>.

608

<http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/66295>.

В годы войны Вало воевал в разведчастях генерала Свободы на советско-германском фронте.

610

<http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/66295>.

611

<http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/66295>.

612

Rude Pravo. 8.03.1968.

613

Rude Pravo. 11.07.1968.

614

Rude Pravo. 17.07.1968.

615

Правда побеждает. М., 1971. С. 291.

<http://www.polit.ru/article/2007/08/21/august/>

617

<http://militera.lib.ru/h/20c2/09.html>.

618

Rude Pravo. 1.07.1968.

<http://www.polit.ru/article/2007/08/21/august/>

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 165.

621

Rude Pravo. 16.07.1968.

622

Rude Pravo. 11.07.1968.

<http://www.polit.ru/article/2007/08/21/august/>

<http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=58&kat=7&csl=14>.

625

<http://militera.lib.ru/h/20c2/09.html>.

http://www.praha.eu/jnp/cz/home/budoucnost_historie/praha_historicka/rok_

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 271.

Frolík J. Spion vypovída. Praha, 1990. S. 271.

http://aplikace.mvcr.cz/archiv2008/ministerstvo/oabs/sbornik/2004/bedrich_

630

Rude Pravo. 13.07.1968.

631

Rude Pravo. 13.07.1968.

632

Rude Pravo. 20.08.1968.

633

Rude Pravo. 17.07.1968.

634

Rude Pravo. 21.07.1968.

635

<http://lib.rus.ec/b/346807/read>.

636

<http://lib.rus.ec/b/346807/read>.

637

[http://zpravy.idnes.cz/invazi-do-ceskoslovenska-pripravila-kgb-ffd-zahranicni.aspx?c=A020611_122559_vedatech_jan.](http://zpravy.idnes.cz/invazi-do-ceskoslovenska-pripravila-kgb-ffd-zahranicni.aspx?c=A020611_122559_vedatech_jan)

638

[http://zpravy.idnes.cz/invazi-do-ceskoslovenska-pripravila-kgb-ffd-zahranicni.aspx?c=A020611_122559_vedatech_jan.](http://zpravy.idnes.cz/invazi-do-ceskoslovenska-pripravila-kgb-ffd-zahranicni.aspx?c=A020611_122559_vedatech_jan)

639

<http://lib.rus.ec/b/346807/read>.

http://militera.lib.rU/h/lavrenov_popov/l1.html.

641

Rude Pravo. 24.07.1968.

642

Rude Pravo. 11.07.1968.

643

Rude Pravo. 2.07.1968.

644

Rude Pravo. 17.07.1968.

645

Rude Pravo. 6.07.1968.

646

Rude Pravo. 11.07.1968.

647

Rude Pravo. 13.08.1968.

648

Rude Pravo. 2.07.1968.

649

Rude Pravo. 9.07.1968.

Kaplan K. Socialni souvislosti krizi komunistickeho rezimu 1953-1957 a 1968-1975. Praha, 1993. S. 47.

651

Rude Pravo. 3.07.1968.

652

Rude Pravo. 3.07.1968.

653

Rude Pravo. 16.08.1968.

654

<http://ksv.upol.cz/txt/Jarol968.pdf>.

655

Rude Pravo. 2.07.1968.

656

Rude Pravo. 17.07.1968.

657

Rude Pravo. 4.07.1968.

658

Rude Pravo. 1.03.1968.

659

Rude Pravo. 2.07.1968.

660

Rude Pravo. 2.07.1968.

661

Rude Pravo. 25.07.1968.

662

Rude Pravo. 13.07.1968.

663

Rude Pravo. 1.08.1968.

664

Rude Pravo. 2.08.1968.

665

Rude Pravo. 2.07.1968.

666

http://nf.vse.cz/files/useruploads/ws_kashapov.pdf.

667

Rude Pravo. 2.07.1968.

668

http://nf.vse.cz/files/useruploads/ws_kashapov.pdf.

669

Rude Pravo. 13.07.1968.

670

Rude Pravo. 9.08.1968.

671

Rude Pravo. 16.08.1968.

672

Rude Pravo. 20.08.1968.

673

Rude Pravo. 7.08.1968.

674

[http://k231.fronta.cz/?page=4.](http://k231.fronta.cz/?page=4)

675

[http://k231.fronta.cz/?page=4.](http://k231.fronta.cz/?page=4)

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 309.

677

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/619.pdf>.

678

Rude Pravo. 1.07.1968.

679

Rude Pravo. 4.07.1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 99.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 172-173.

Текст меморандума опублікован в збірник документів The Prague Spring 1968. Budapest, Central European University Press, 1998. P. 166–171.

Само ЦРУ, наоборот, считало, что именно дешевое сырье из СССР смогло обеспечить Чехословакии высокие темпы экономического роста и улучшение жизненного уровня населения.

The Prague Spring 1968. Budapest, Central European University Press, 1998., P. 171.

<http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/2000-words.html>.

Mlynar Z. Nachtfrost. Frankfurt-am-Main, 1988. S. 178.

687

<http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/2000-slov-i-konec-prazhs-koj-vesny>.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 100–101.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 104–106.

690

Rude Pravo. 15.08.1968.

691

Rude Pravo. 1.07.1968.

692

Rude Pravo. 1.07.1968.

Именно этого Ганзелку не избрали членом Чешского национального совета.

694

Rude Pravo. 2.07.1968.

695

Rude Pravo. 3.07.1968.

696

Rude Pravo. 4.07.1968.

697

Rude Pravo. 2.08.1968.

698

Rude Pravo. 8.07.1968.

Правда побеждает. М., 1971. С. 208.

Правда побеждает. М., 1971. С. 209.

701

Rude Pravo. 8.07.1968.

702

Rude Pravo. 8.07.1968.

<http://syndikat-novinaru.cz/12/42/119/1968/cervenec>.

704

Rude Pravo. 8.07.1968.

705

Rude Pravo. 8.07.1968.

Правда побеждает. М., 1971. С. 220.

Правда побеждает. М., 1971. С. 217.

708

Rude Pravo. 3.08.1968.

709

Rude Pravo. 9.07.1968.

710

Rude Pravo. 26.07.1968.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 102.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 118.

713

Правда побеждает. М., 1971. С. 161.

714

Rude Pravo. 9.07.1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 108.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 174.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 121.

718

<http://aleksandr-kommari.narod.ru/1968.htm>.

719

Rude Pravo. 13.07.1968.

720

Rude Pravo. 15.07.1968.

721

Rude Pravo. 13.07.1968.

722

Rude Pravo. 13.07.1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 119–120.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 110.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 115.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 124.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 127.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 127.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 133.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 135.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 137–138.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 143.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 144.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 155–160.

735

Rude Pravo. 15.07.1968.

736

Rude Pravo. 15.07.1968.

737

Rude Pravo. 16.07.1968.

Правда побеждает. М., 1971. С. 163.

739

Rude Pravo. 17.07.1968.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 175.

741

Rude Pravo. 19.07.1968.

742

Rude Pravo. 19.07.1968.

Правда побеждает. М., 1971. С. 146.

744

Rude Pravo. 20.07.1968.

745

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/717.pdf>.

746

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/717.pdf>.

747

<http://www.68.usd.cas.cz/files/dokumenty/edice/717.pdf>.

Прокуменщиков М. «...Вы поймите, что мы не имели другого выхода». Проблемы разработки и принятия решений высшим советским руководством в ходе чехословацкого кризиса 1968 года // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 30.

749

<http://aleksandr-kommari.narod.ru/1968.htm>.

750

<http://aleksandr-kommari.narod.ru/1968.htm>.

751

Rude Pravo. 20.07.1968.

752

Состоял из лидеров стран ОВД.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 162–163.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 166.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 143.

Pacner K. Československo ve zvláštích službach. Díl IV. Themis, 2002. S. 306.

FRUS 1968, Document 67.

FRUS 1968, Document 71.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 173.

760

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/l1.html.

Андрянов В. И. Косыгин. М., 2004. С. 211.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 137.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 177.

764

Председатель Совета Министров РСФСР.

765

Секретарь ЦК КПСС, курировал промышленность.

766

На тот момент первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

767

На тот момент первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

768

Rude Pravo. 26.07.1968.

769

Rude Pravo. 26.07.1968.

770

Rude Pravo. 26.07.1968.

771

Rude Pravo. 27.07.1968.

772

Rude Pravo. 28.07.1968.

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/6-SituationReports/1968-07-28.pdf>.

774

Rude Pravo. 28.07.1968.

775

http://www.totalita.cz/txt/txt_1968_dopis_99_pragovaku.pdf.

776

Правда побеждает. М., 1971. С. 195.

Правда побеждает. М., 1971. С. 196.

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/6-SituationReports/1968-07-28.pdf>.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 163–164.

780

<http://sarhive.ru/150/194>.

Валента И. Советское вторжение в Чехословакию, 1968. М., 1991. С. 113.

Шалгович был недоволен развалом МВД, который произошел при Павле, и поддерживал тесные связи с представителями КГБ в Праге и смещенным начальником разведки Гоуской.

Валента И. Советское вторжение в Чехословакию, 1968. М., 1991. С. 113.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 165.

785

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

786

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

787

Rude Pravo. 1.08.1968.

788

Rude Pravo. 2.08.1968.

789

Rude Pravo. 3:08:1968.

790

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/1-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-03.pdf>.

791

Rude Pravo. 3.08.1968.

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/1-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-05.pdf>.

793

Rude Pravo. 4.08.1968.

FRUS 1968, Document 77.

Валента И. Советское вторжение в Чехословакию, 1968. М., 1991. С. 117.

Чехословацкий кризис 1967-1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.
С. 166.

797

Rude Pravo. 5.08.1968.

В апреле 1961 года в районе Плайя-Хирон было разгромлено подготовленное ЦРУ вторжение кубинских эмигрантов-контрреволюционеров на Кубу.

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/1-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-10.pdf>.

800

Чепичка умер в 1990 году в возрасте 80 лет.

801

Rude Pravo. 7.08.1968.

802

Rude Pravo. 8.08.1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 185.

FRUS 1968, Document 78.

Собор Святого Вита находится в Пражском Граде, исторической резиденции правителей Чехии и Чехословакии, ныне – президента Чехии.

806

Rude Pravo. 11.08.1968.

807

Rude Pravo. 10.08.1968.

808

Rude Pravo. 12.08.1968.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 183.

810

Rude Pravo. 11.08.1968.

811

Rude Pravo. 14.08.1968.

812

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/I-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-14.pdf>.

813

Rude Pravo. 10.08.1968.

814

Rude Pravo. 13.08.1968.

815

Rude Pravo. 11.08.1968.

816

Rude Pravo. 20.08.1968.

817

Rude Pravo. 17.08.1968.

818

Rude Pravo. 20.08.1968.

Запись телефонного разговора см.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 196–207.

820

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/I-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-17a.pdf>.

821

Rude Pravo. 14.08.1968.

822

Rude Pravo. 14.08.1968.

823

Rude Pravo. 16.08.1968.

Румыния демонстративно поддерживала теплые отношения с маоистским Китаем и отказалась после войны 1967 года разорвать дипломатические отношения с Израилем.

825

Rude Pravo. 17.08.1968.

826

http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/historie/jdi-domu-ivane/18-srpen-1968-poblaznene-houby-a-levnejsi-televizory_75862.html.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 211.

828

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/11.html.

829

http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/l1.html.

В 1990 году затравленный прессой как «предатель» Капек покончил жизнь самоубийством.

В августе от прилагательного «Революционный» решили отказаться, так как не исключалось, что о помощи попросит все то же «обычное» правительство Черника.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 229–230.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 213.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 218.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 221–222.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 224–225.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 247.

Hochmann J. (editor). Nadeje umira posledni. Vlastni zivotopis Alexandra Dubceka. Praha, 1993. S. 184.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 237.

http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/historie/jdi-domu-ivane/19-srpen-1968-potize-s-moskvou-i-s-bramborami_75864.html.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 212.

Стури Д. П. ЦРУи вторжение в Чехословакию // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 355.

Стури Д. П. ЦРУ и вторжение в Чехословакию // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Статьи, исследования, воспоминания. М., 2010. С. 355–356.

844

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/1-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-19.pdf>.

845

<http://www.foia.cia.gov/CzechInvasion/l-CurrentIntelligenceArticles/1968-08-20a.pdf>.

FRUS 1968, Document 79.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010. С. 261.

Далее содержание беседы раскрывается на основе американской записи переговоров: FRUS8, Document 80.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. М., 2008. С. 173.